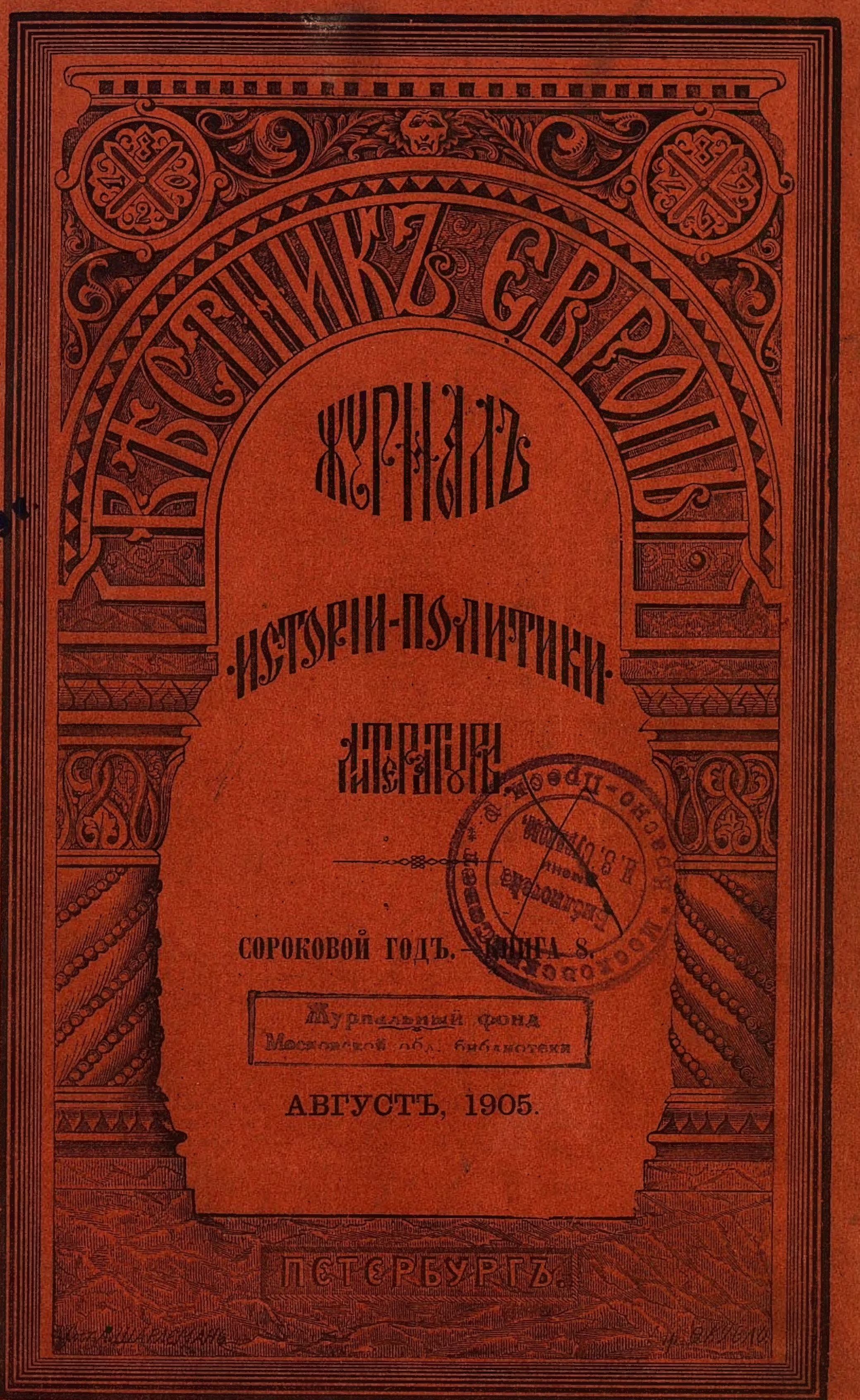

отъ справедливости и истины. Нашелся
ый, который разсказалъ по-своему всю и
тіанства, смѣшалъ Моисея и Аарона, выве
евъ изъ Египта, съ Іосифомъ, Саула съ С
омъ Павломъ, и привелъ всѣхъ въ ужасъ,
знесъ слѣдующія слова:
Христіане и теперь покорны своимъ священн
тятъ, повинуясь имъ, разрушить имперію, у
форумъ и поднять руки на божественнаго
ра»!
Послѣднія слова были самою ядовитою кле
напротивъ того, священники учили хри
ренію, покорности и любви. Христіане н
его не замышляли противъ имперіи и импер
желали одного — безпрепятственно покло
и исполнять ученіе Спасителя. Выслушавъ

міанъ сдѣлалъ знакъ—в
ь слѣдующія слова:

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

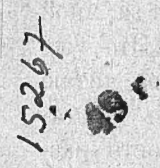
ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1905.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

НА

ВОЙНѢ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

III *).

9—20 декабря.

9 декабря.—Сегодня четвертый день снѣжной бури. Снѣгъ по колѣно и 8° мороза. Въ кибиткѣ нашей все время термометръ стоитъ на 0 днемъ, а по ночамъ и утрамъ—3° мороза. Тѣмъ не менѣе, приходится все время усиленно писать.

Но нѣтъ худа безъ добра. Быть можетъ, благодаря этой адской погодѣ, удалось окончательно отклонить Великаго Князя отъ намѣренія переѣхать въ Орханію и далѣе вслѣдъ за войсками Гурко. Слава Богу: вчера онъ объявилъ, что переѣдетъ въ Сельви. Дивизіону л.-гв. казачьяго его величества полка уже приказано идти впередъ, въ Ловчу.

Вчера Государю послана слѣдующая телеграмма:

„Гурко и Радецкій доносятъ, что снѣгъ завалилъ всѣ дороги и тропинки. Мятели съ морозомъ продолжаются третій день.

---

*) См. выше: іюль, стр. 43.

Нѣтъ никакой возможности двигаться. Здѣсь буря съ мятелью. Снѣгу навалило выше колѣна. Движеніе обозовъ остановилось. Дай Богъ, чтобы поскорѣе эта непогода кончилась".

Сегодня вечеромъ послана Государю же слѣдующая телеграмма: „Вьюга прекратилась, но вездѣ снѣгъ выше колѣнъ и большой морозъ. Войска на Шипкѣ и на горѣ св. Николая сильно страдаютъ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ возможности наступленія. У меня въ палаткѣ менѣе 5°. За обѣдомъ сегодня вода и вина замерзли. Варку можемъ дѣлать только разъ въ день. Отогрѣваемся чаемъ. Войска веселы и даже поютъ, чтобы хоть этимъ согрѣться. Болѣзненность пока небольшая, кромѣ 24-й дивизіи на Шипкѣ, гдѣ до тысячи больныхъ въ каждомъ полку".

Выступленіе Скобелева отложено до завтра, по причинѣ адской погоды. Переходъ въ наступленіе войскъ Гурко назначенъ на 11-е.

Сегодня, вскорѣ послѣ обѣда, Великій Князь послалъ за мной и удержалъ до вечера, отпустивъ лишь послѣ чаю. Это уже 4-й день подъ рядъ проходитъ такимъ образомъ: сперва читаю ему вслухъ полученныя въ теченіе дня реляціи, затѣмъ составляю и отправляю его депеши, и, наконецъ, идутъ просто разговоры. Сегодня Великій Князь вспоминалъ, какъ объявилъ мнѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, что беретъ меня съ собой, и спрашивалъ, какое впечатлѣніе произвело это тогда на мою жену. Я отвѣчалъ, что разлука съ семьей, конечно, не легка, но что мы оба все-таки предпочитаемъ, чтобы мнѣ быть на войнѣ, чѣмъ оставаться дома: вполнѣ сознаемъ, что для военнаго не быть на войнѣ—значитъ чувствовать себя обойденнымъ, ненужнымъ. Но, конечно, было бы лицемѣріемъ съ моей стороны, еслибы я вздумалъ увѣрять, что радъ затяжкѣ войны. Напротивъ, я буду искренно радоваться ея окончанію, но только со славою. А на это теперь надѣяться можно.

Великій Князь вздохнулъ и сказалъ: „Дай Богъ! Я дольше тебя терплю: ты всего восьмой мѣсяцъ въ разлукѣ съ семьей, а я—тринадцатый!"

10 декабря.—11° мороза. Чудный, ясный, сверкающій день. Много интересныхъ телеграммъ.

Полученныя:

1) Отъ Стюарта изъ Бухареста: Фельдманъ (нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ) телеграфируетъ отъ 9-го декабря, что Сулейманъ-паша получилъ приказаніе отвести всю свою армію въ Румелію, оставивъ въ крѣпостяхъ только самые необходимые

гарнизоны. Онъ уже прибылъ въ Константинополь для участія въ военномъ совѣтѣ, который разрабатываетъ новый планъ дѣйствій. Реуфъ-паша назначенъ военнымъ министромъ.

2) Первая телеграмма Государя изъ Петербурга, отъ 11 ч. 30 м. сегодняшняго утра:

„Только-что воротился совершенно благополучно. Пріемъ самый восторженный. Всѣхъ нашелъ здоровыми. Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій. Да поможетъ намъ Богъ довершить святое дѣло".

3) Отъ Радецкаго съ Шипки отъ 12 ч. 55 м. сего дня, шифрованная, на имя Непокойчицкаго:

„Движеніе на деревню Шипку прямо по дорогѣ [1]) я считаю дѣйствіемъ совершенно безразсуднымъ, потому что спускъ къ Шипкѣ укрѣплялся турками съ начала августа и, по свѣдѣніямъ, весьма хорошо, съ перекрестною обороною во многихъ мѣстахъ. Поэтому, при настоящихъ непроходимыхъ снѣгахъ возможно овладѣть деревней Шипкой и долиною Тунджи движеніемъ нашего отряда отъ Тетевеня и Арабъ-Конака по Тунджѣ. Тогда турки должны будутъ уйти отсюда безъ выстрѣла и, вслѣдствіе этого, я буду дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій Его Высочества. Для полученія приказаній командирую начальника штаба генерала Дмитровскаго".

4) Отъ Гурко изъ Осикова, отъ 9-го декабря:

„Снѣгу выпало очень много: на горахъ болѣе аршина, въ Орханійской долинѣ полъ-аршина. Сегодня третій день стоятъ морозы. Сегодня въ Орханійской долинѣ около 4^0, а въ горахъ около 10^0. Санитарное состояніе съ каждымъ днемъ ухудшается. Въ псковскомъ полку 6-го и 7-го декабря заболѣло 340 человѣкъ, но это самая большая болѣзненность. Среднимъ числомъ заболѣваетъ около 50 человѣкъ, въ полкахъ же, расположенныхъ по квартирамъ, значительно менѣе. На позиціяхъ стоитъ 6½ полковъ; по квартирамъ 5. Произвожу по возможности чаще смѣну. Положеніе очень тяжелое. Движеніе будетъ очень трудное, но съ Божьею помощью надѣюсь преодолѣть трудности. Теперь разрабатываю дорогу. Непріятель стоитъ и ничего не предпринимаетъ, весьма сильно укрѣпившись на своей позиціи. Подкрѣпленія къ туркамъ прибываютъ мало-по-малу. Теперь у Арабъ-Конака, кажется, около 40 баталіоновъ, у Лютикова и Златицы около 10 въ каждомъ пунктѣ, всего же около 60 ба-

[1]) Такого движенія никто и не предлагалъ. Предположено движеніе въ обходъ турецкихъ шипкинскихъ позицій съ обоихъ фланговъ.

таліоновъ, но всѣ далеко неполные; самое большее по 400 человѣкъ въ таборѣ, а есть таборы около 150 человѣкъ. Болѣе всего боюсь тумановъ и продовольствія. Всѣ заготовленные мною насчетъ страны склады въ Радомирцахъ, для трехъ прибывающихъ дивизій. Теперь у меня осталось 10.000 пудовъ сухарей, нагруженныхъ на повозки въ видѣ неприкосновеннаго запаса. Во Врачешѣ, въ складѣ, около 20.000 пудовъ муки, которая перепекается въ хлѣбъ въ устроенныхъ печахъ. Дальнѣйшаго запаса нѣтъ и не предвидится, дневной же расходъ — около 3.400 пудовъ. Теперь уменьшилъ дачу сухарей до 1 фунта; дней черезъ 10 не будетъ хлѣба. Крайне нуждаюсь въ перевозочныхъ средствахъ. Доставка скота весьма затруднительна. Жду прихода войскъ, чтобы перейти въ наступленіе, но прибытіе ихъ крайне затрудняется. Не знаю, когда подтянутся. Вся дорога ужасная и гололедица. Думаю, что раньше 13—14 декабря не буду въ состояніи двинуться: главное прошу спирту, чаю, сахару. Необходимо открыть въ Яблоницѣ 1 или 2 подвижныхъ госпиталя. 9-го декабря, 9 ч. вечера. Генералъ-адъютантъ Гурко".

5) Получена телеграмма князя Милана, что 7-го декабря сербы овладѣли съ боя проходомъ св. Николая и его укрѣпленіями: потери еще неизвѣстны. 8-го декабря сербы обошли турецкую позицію у Бабиной-главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію. Того же числа, послѣ упорнаго боя, сербы взяли укрѣпленія у Чичины, у моста на Моравѣ, южнѣе Ниша. Турецкія сообщенія между Нишемъ и Лесковацомъ, который еще южнѣе, прерваны.

Объ этомъ немедленно донесено Государю, а князьямъ сербскому и румынскому посланы слѣдующія телеграммы:

Belgrad, à suivre.

Prince Milan de Serbie.

„Félicite de tout coeur avec bon et beau commencement. Remerciez sincèrement de ma part vos vaillantes troupes. Souhaite succès ultérieurs. Que Dieu nous protége".

Bucarest.

Prince Charles de Roumanie.

„Comme tu sais, les Serbes ont occupés le défilé de Saint-Nicolas. Je te prie donner ordre immédiat à Garalamba, qu'il transmet à Arnoldi [1]) cette nouvelle afin qu'il entre en communication avec les Serbes, ainsi que tes troupes, qui marchent vers Viddin et Belgradschik".

---

[1]) Командиръ 2-й бригады 4-й кавалер. дивизіи.

Получена телеграмма нашего посланника изъ Аѳинъ, содержаніе которой экстренно передано Цесаревичу, Гурко и Радецкому слѣдующими телеграммами (подчеркнутыя слова—зашифрованы мною).

Осиково. Генералу Гурко вслѣдъ.

Шипка. Генералу Радецкому.

„Отъ посланника нашего изъ Аѳинъ получено свѣдѣніе, что Мехметъ-Али, прибывъ въ Константинополь, объявилъ, что Турціи остается одно: *вступить въ мирные переговоры непосредственно съ Россіей*, ибо всякое *вооруженное сопротивленіе дѣлается невозможнымъ*. Сулейманъ также прибылъ въ Константинополь. При такихъ обстоятельствахъ считаю совершенно необходимымъ *ускорить наступленіе сколь возможно, дабы усилить давленіе на Турцію. Не теряйте времени*".

Брестовацъ.

Наслѣднику Цесаревичу.

Первая часть депеши—та же. Добавленіе: „Въ виду этого, я приказалъ *Гурко и Радецкому поспѣшить наступленіемъ, дабы усилить давленіе на Турцію*. Тебѣ же необходимо *слѣдить за непріятелемъ* возможно *бдительнѣе*. Сообщи мнѣ, какъ полагаешь вслѣдствіе этого распорядиться. Гдѣ Тотлебенъ?"

11 декабря.—Ясный, тихій морозный день: 12°. Морозы и глубокіе снѣга неожиданно связали намъ руки, только-что развязанныя паденіемъ Плевны. Дороги еще непроходимы, двигаться впередъ нельзя, а стоять на мѣстѣ—тоже скверно. Въ горахъ войскамъ столь тяжко, какъ было во времена суворовскаго похода черезъ Альпы. Если морозы затянутся, то надо или идти впередъ, или отходить назадъ.

Конечно, мы рѣшились на первое. Въ рѣшеніи наступать Великій Князь вполнѣ сходится съ Гурко, но расходится съ Радецкимъ, который предпочитаетъ ждать, пока Гурко, переваливъ черезъ Балканы, выйдетъ въ тылъ Шипкинской позиціи турокъ. Съ цѣлью убѣдить Великаго Князя согласиться съ его мнѣніемъ, Радецкій прислалъ своего начальника штаба Дмитровскаго, который и прибылъ сегодня. Но на этомъ пунктѣ Великаго Князя переубѣдить нельзя: онъ рѣшился твердо и ни за что не уступитъ, тѣмъ болѣе, что заручился Высочайшимъ одобреніемъ этого плана. Конечно, зимній переходъ черезъ Балканы—дѣло трудное и рискованное, но когда же и рисковать, какъ не теперь, пока турки еще подавлены плевненскою катастрофою. Допустивъ даже возможность неудачи, мы попадемъ лишь въ вы-

жидательное положеніе, которое намъ и безъ того пришлось бы принять, еслибы мы не рискнули наступать. А въ случаѣ удачи—конецъ войнѣ!

Морозы и снѣга, пріостановившіе переходъ въ наступленіе, задержали и нашъ предположенный переѣздъ въ Сельви на неопредѣленное время. Всѣ, начиная съ Великаго Князя, мечтаютъ поскорѣе выбраться отсюда. У насъ въ кибиткѣ становится довольно скверно. И не столь непріятенъ холодъ, сколько необходимость сидѣть цѣлый день при свѣчахъ. Уже съ 3-го декабря нельзя открывать тюндюкъ (отверстіе въ вершинѣ кибитки). Выходя на воздухъ, надо зажмуривать глаза, чтобы свѣтъ и снѣгъ не ослѣпляли. Снѣгу навалило такую пропасть, что идешь почти по поясъ между снѣжными валами, гдѣ прочищено; а гдѣ нѣтъ—утопаешь въ снѣгу.

Сегодня окончилъ составленіе перваго всеподданнѣйшаго отчета Государю (въ его присутствіи отчетовъ не составлялось) и вечеромъ читалъ его Великому Князю въ присутствіи Непокойчицкаго. Оба остались чрезвычайно довольны. Великій Князь сказалъ: „Отлично написано. Ты мнѣ дѣлаешь громадное облегченіе, я прежде писалъ эти письма самъ, а Михаилъ Николаевичъ и теперь ихъ пишетъ самъ, собственноручно. Ну, да ему хорошо писать въ Тифлисѣ, а я здѣсь такъ зябну, что и перо едва въ рукахъ держу. Большое тебѣ спасибо“.

Непокойчицкій пригласилъ меня переписывать отчетъ набѣло у него въ хатѣ, такъ какъ у насъ въ кибиткѣ черезчуръ холодно. Дѣйствительно, выше 4^0 тепла не бываетъ, а вечеромъ, ночью и рано утромъ—ниже 0 и до 3^0 мороза.

Я сегодня же воспользовался этимъ приглашеніемъ и послѣ чая съ закускою у Великаго Князя пошелъ къ Непокойчицкому и началъ переписывать отчетъ, чѣмъ и занимался до 12 часовъ ночи.

Пока сидѣлъ у Великаго Князя, была получена телеграмма Государя отъ 4 час. 50 мин. сегодняшняго дня:

„Дай Богъ, чтобы погода позволила, наконецъ, продолжать движеніе. Радуюсь первымъ успѣхамъ сербовъ. Твоихъ нашелъ здоровыми“.

Государю сегодня было донесено:

„Съ 5-го декабря все тихо и столкновеній съ непріятелемъ нигдѣ не было. Вездѣ глубокій снѣгъ, морозъ, на Дунаѣ у Зимницы показался ледъ. Дороги труднопроходимы, особенно въ горахъ. На восточномъ фронтѣ замѣчено, что турки вездѣ отступили на правый берегъ Лома: въ оставшихся лагеряхъ замѣтно лишь весьма небольшое движеніе. Цесаревичъ сообщилъ, что составляется соображеніе для движенія впередъ вслѣдъ за турками“.

12 декабря.—Дмитровскій имѣлъ продолжительную аудіенцію у Великаго Князя, который, конечно, остался непреклоненъ и отдалъ ему положительное приказаніе: немедленно приступить къ расчисткѣ обходныхъ путей и вообще ко всѣмъ подготовительнымъ распоряженіямъ для наступленія, которое должно быть начато около 20-го декабря.

Дмитровскій, упорно отстаивая взглядъ своего корпуснаго командира, настойчиво доказывалъ Великому Князю необходимость обождать, пока Гурко не совершитъ переходъ черезъ Балканы и не выйдетъ въ тылъ Шипкѣ. Указывалъ на крайнюю рискованность наступленія, на трудность обходнаго движенія по горнымъ тропинкамъ, заваленнымъ снѣгомъ. Великій Князь стоялъ на своемъ. Возражая противъ доказательствъ трудности обходнаго движенія, онъ между прочимъ сослался на отзывъ генеральнаго штаба полковника Соболева (правитель канцеляріи князя Черкасскаго по гражданскому управленію), что онъ самъ ѣздилъ по лѣвому обходному пути и удостовѣряетъ, что это путь широкій и вовсе не трудный. Дмитровскій напомнилъ Великому Князю, что Соболевъ ѣздилъ тамъ лѣтомъ и безъ непріятеля, а теперь зима и всѣ пути или преграждены, или наблюдаются турками. Великій Князь отвѣтилъ, что, по словамъ Соболева, онъ и теперь берется проѣхать. Дмитровскій разсердился. „Если Соболевъ это говоритъ, такъ пускай онъ это и докажетъ. Пришлите его къ намъ, ваше высочество: пусть онъ ведетъ колонну по этой дорогѣ“. Великій Князь согласился и приказалъ Соболеву собираться ѣхать на Шипку въ распоряженіе Радецкаго.

Дмитровскій тоже возвращается на Шипку, или сегодня же, или завтра утромъ.

Прелестная черта характера Великаго Князя: никогда не сердится и не обижается, когда ему возражаютъ. Дмитровскій, прямой, честный и чуждый всякой дипломатіи человѣкъ, отстаивалъ свои убѣжденія и спорилъ рѣзко, иногда даже грубо. Великій Князь нисколько не сердился, несмотря на то, что оспаривалась его завѣтная, прочно въ немъ засѣвшая, мысль. Рѣдко съ какимъ начальникомъ, даже изъ простыхъ смертныхъ, можно говорить такъ прямо, просто и откровенно, какъ съ нимъ.

Отъ князя Карла изъ Турну-Магурели получена телеграмма, что 10-го декабря занята румынами безъ боя Арчеръ-Паланка, очищенная турками. Отъ князя Милана сербскаго—что Тимокскій отрядъ занялъ безъ боя Адліе, а моравскій отрядъ—Мраморъ. Турки отступили.

Государю сегодня донесено:

„Въ отрядѣ Цесаревича 11-го декабря были перестрѣлки съ турками у нашихъ разъѣздовъ, ходившихъ къ Нисовой и Соленику, которые оказались занятыми непріятелемъ, хотя и гораздо слабѣе прежняго. У Батинскаго моста показался мелкій ледъ. У Браилова ледоходъ начался такъ неожиданно и сильно, что мостъ былъ сорванъ и 21 плотъ снесло на три версты. Пароходъ нашъ засѣлъ во льду и не могъ подойти къ мосту до прекращенія ледохода. Великій князь Алексѣй доноситъ при этомъ, что сообщеніе у Браилова не можетъ быть въ настоящую минуту возстановлено.

„11-го декабря, при ясной погодѣ, турки сильно бомбардировали фортъ св. Николая на Шипкѣ, но наши потерпѣли лишь ничтожныя потери. Сегодня на Шипкѣ опять мятель при сильномъ морозѣ.

„Сербы окружили Нишъ и, будучи атакованы къ сѣверу отъ него турками, отбили атаку. Турки оставили на мѣстѣ 70 тѣлъ".

Съ тѣхъ поръ, какъ Государь уѣхалъ, у Великаго Князя упразднены завтраки и обѣдаемъ гораздо раньше, между 2—3 часами. По вечерамъ Великій Князь развлекается тѣмъ, что устраиваетъ въ своей кибиткѣ, на походной складной плитѣ, домашнюю стряпню къ ужину. Въ этомъ развлеченіи главная роль принадлежитъ Скобелеву-отцу, великому человѣку на малыя дѣла: недаромъ ему дано мѣткое прозвище: „сынъ знаменитаго отца и отецъ знаменитаго сына". Это прозвище, такъ сказать, Высочайше утвержденнаго образца: самъ Государь призналъ его необыкновенную мѣткость и много смѣялся, когда услышалъ его въ первый разъ.

Скобелевъ-отецъ сегодня великолѣпно приготовилъ варенаго судака къ ужину.

Сегодня Великій Князь получилъ изъ Москвы письмо, которое вечеромъ было прочитано мною вслухъ и очень всѣхъ насмѣшило. Привожу его съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Его Инпиравовскому Высочеству Великому Князю Главнокомандующему Николаю Николаивичю.

Писмо.

„Отъ прикащика бань В Москве у болшова каменава Моста Крестянина Андрея Ивлива Сослужащими.

Милай И низабвенной Нашъ батюшка благодетиль Николаи Николаивичь Мы Сечясъ получили Отъ вашеи Милости чресъ Московскихъ ведомостеи редактора Каткова Телеграму О взятіи Плевны и Асмана Пашы. Мы Срадостию Прочитали На томъ

мѣсти гдѣ Милостию божью имели щястия васъ Встречять 1875 года 12 Сентября Въ 10-ть чясовъ Вечира На томъ Самомъ Подъезди Наружы Собнаженными головами И прочитавшы Кричяли Отрадости какъ Я И сомнои все Служащии даже И женщины ура.

„Втакомъ Случяи Спишымъ Поздравить Ваше Инпираторское Высочиство Николаи Николаивичь Съ блистателнои Победои А то унасъ Обвашемъ здаровьи было Сомнително. Но Теперичя Слава Господу богу Наша Ожыдания Оправдались. Молимъ Мы Объ васъ ивашыхъ Подвижникахъ Господа бога чтоба Онъ вамъ послалъ быть Здаровымъ И нивридимымъ И покорать Врага Какъ Госпоть Послалъ С. Вел: Мучинику И победоносцу Георгию Покорать Змея Подногами Такъ жа И вамъ Пошли Господи одержать Победи И Возвратитца Здаровымъ И нивридимымъ Внашу Матушку Москву. А мы Все помолимся Московскимъ Угодникамъ. Ваше Инпираторское Высочество Извинитя насъ Что Мы Осмелились вамъ Написать Писмо Мы очинь рады и низнаемъ какъ васъ благодарить Приподаимъ къ вашымъ стапамъ Преданныя Вашы Служытели И прикащикъ Каменовскихъ бань крестянинъ Андрей Ивливъ".

Великій Князь приказалъ мнѣ составить отвѣтную телеграмму, которая и была немедленно отправлена. Вотъ она:

„Москва. Бани у большого каменнаго моста. Крестьянину Андрею Іевлеву со служащими.

„Спасибо тебѣ и твоимъ товарищамъ за поздравительное письмо и за добрыя ваши пожеланія. Помолитесь святымъ московскимъ угодникамъ, чтобы Богъ помогъ намъ довести святое дѣло до конца.—Николай".

Отчетъ я переписалъ, но Великій Князь не захотѣлъ подписывать его сегодня, а велѣлъ дать къ подписи завтра вечеромъ, ибо курьеръ поѣдетъ только 14-го утромъ. И дѣйствительно: за цѣлыя сутки можетъ явиться необходимость что-нибудь и прибавить.

13 декабря.—Сегодня Государю донесено:

„Князь Рейссъ телеграфируетъ черезъ Берлинъ, что въ Константинополь привезены и водворены въ Сераскеріатѣ наши плѣнные офицеры: сѣвскаго полка штабсъ-капитанъ Сучковъ; орловскаго полка: командиръ полковникъ Клевезаль, штабсъ-капитаны Домбровскій и Розовъ, подпоручики Сотскій и Ласкевичъ. Всѣ ранены: состояніе здоровья удовлетворительно.

„Румыны заняли 10-го декабря Арцеръ-Паланку, которую турки очистили безъ боя, и начали укрѣплять ее.

„9-й корпусъ прибылъ по назначенію 11-го декабря.

„На восточномъ фронтѣ дивизіонъ чугуевскихъ уланъ съ 2 орудіями, посланный на развѣдку, встрѣтилъ у Сида турецкій транспортъ, захватилъ 100 лошадей, 400 быковъ и 600 барановъ, изрубилъ 26 чел., взялъ въ плѣнъ 18, а остальное прикрытіе преслѣдовалъ почти до Аяслара. 2 улана ранены, 1 офицеръ и 2 улана контужены.

„Развѣдками обнаружено, что Иванъ-Чифликъ занятъ лишь небольшимъ отрядомъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и взвода кавалеріи. Въ Солениксномъ лагерѣ непріятельскихъ войскъ также немного. По дорогѣ на Османбазаръ турки занимаютъ небольшими отрядами Чабанъ, Куруджеренъ и Джумалу.

„Въ прочихъ мѣстахъ новаго ничего нѣтъ. Морозы продолжаются: рукава Дуная у Журжевскаго берега замерзли. Въ Орханійской долинѣ морозъ дошелъ вчера до 18°, а въ горахъ больше 20°. Плѣнные, которые уже всѣ отсюда отправлены, массами умираютъ по дорогѣ отъ холода. Помочь столь бѣдственному положенію ихъ не могу: морозы наступили внезапно и захватили плѣнныхъ уже въ слѣдованіи. По точному счету, численность взятой въ плѣнъ арміи Османа оказалась 44.000, не считая убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ день боя 28-го ноября. Теперь еще осталось въ Плевнѣ 3.600 раненыхъ и больныхъ турокъ на нашемъ попеченіи".

Отъ Государя вечеромъ полученъ слѣдующій отвѣтъ изъ Петербурга, отъ 2 ч. 50 м. пополудни:

„Крайне сожалѣю о продолжающихся морозахъ и мятеляхъ, мѣшающихъ движенію войскъ. Съ сегодняшнимъ курьеромъ не имѣлъ возможности тебѣ написать: онъ везетъ тебѣ, Сашѣ и Владиміру письма императора Вильгельма съ крестами „pour le mérite". Вчерашняя церемонія удалась вполнѣ. Вмѣсто умершаго Леонова [1]) полагалъ бы назначить Ежена [2]). Завтра, если погода позволитъ, полагаю сдѣлать смотръ всѣмъ войскамъ передъ колонною" (Александровскою).

Сегодня вечеромъ Великій Князь подписалъ 1-й отчетъ Государю; завтра утромъ отправится курьеръ. Привожу отчетъ дословно, по сохранившейся у меня одного черновой [3]).

---

[1]) Командиръ 2-й бригады 2-й гвард. кав. дивизіи.

[2]) Т.-е. князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго. Предположеніе это не состоялось по неизвѣстной мнѣ причинѣ: Князь остался состоять въ распоряженіи е. и. в. главнокомандующаго.

[3]) Всѣ остальные отчеты, мною составленные и собственноручно переписанные, будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ ниже: черновыя этихъ отчетовъ въ дѣла не по-

Его Императорскому Величеству

Главнокомандующаго дѣйствующею арміею—рапортъ.

„Въ письмѣ моемъ вашему величеству отъ 7-го сего декабря [1]) я уже представилъ общій очеркъ всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя сдѣланы мною для исполненія утвержденнаго Вашимъ Величествомъ плана дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Въ настоящемъ рапортѣ я имѣю въ виду представить Вашему Величеству общій систематическій сводъ всего, что произошло со дня паденія Плевны по 10-е декабря включительно.

„Съ расформированіемъ плевненскаго отряда обложенія и съ образованіемъ восточнаго, центральнаго и западнаго отрядовъ и общаго резерва арміи—потребовалось совершить значительныя передвиженія войскъ.

„28-го ноября пала Плевна, съ Османомъ-пашей и его арміей. 1-го декабря отрядъ обложенія былъ уже расформированъ и въ тотъ же день 4-й корпусъ, назначенный на усиленіе рущукскаго отряда, переименованнаго въ восточный,—былъ двинутъ на присоединеніе къ нему двумя колоннами: правая, изъ войскъ 30 пѣхотной дивизіи съ 9-мъ гусарскимъ кіевскимъ полкомъ—на Тырновъ; лѣвая, въ составѣ 2-й пѣхотной дивизіи (включенной въ составъ 4-го корпуса вмѣсто 16-й пѣх. дивизіи, получившей особое назначеніе), съ 9 драгунскимъ казанскимъ полкомъ и донскою № 2 батареею—на Косово. Обѣ колонны прибыли къ 9 декабря и расположились: правая—въ Тырновѣ, гдѣ останется впредь до особаго распоряженія; лѣвая—въ Дольнемъ-монастырѣ, Гельбунарѣ и Бешбунарѣ. Штабъ корпуса—при 30-й пѣхотной дивизіи.

„Такимъ образомъ, прежде всего былъ усиленъ нашъ восточный отрядъ въ томъ вниманіи, что противъ него стоитъ наименѣе разстроенная турецкая армія Сулеймана-паши.

„Почти въ то же время были двинуты и войска, назначенныя на усиленіе западнаго отряда. Но такъ какъ съ этимъ отрядомъ существуетъ только одно хорошее сообщеніе—Софійское шоссе, то войска, посланныя на подкрѣпленіе генералъ-адъютанту Гурко, поневолѣ пришлось двинуть въ одной колоннѣ, вслѣдствіе чего, конечно, подкрѣпленія не могутъ подойти къ нему такъ скоро, какъ это было бы желательно. 3-я гвард. пѣх. дивизія выступила изъ-подъ Плевны 2-го и прибыла 7-го декабря ко Врачешу; 9-й же корпусъ, или, точнѣе, 31-я пѣхотная

падали, а сохранились у меня, ибо писаны наскоро, сокращенными полусловами и кромѣ меня самого—никто этихъ черновыхъ и разобрать не можетъ.

[1]) Письмо это было собственноручное, и я его содержанія не знаю.

дивизія, 1-я бригада 5-й пѣх. дивизіи и донской № 34 полкъ выступили 4-го и 5-го декабря и должны были прибыть къ Орханіи 9-го и 10-го декабря. Что касается до 2-й бригады 5-й пѣх. дивизіи, то она образуетъ особый отрядъ, который 11-го сосредоточится во Врацѣ и будетъ служить для обезпеченія праваго фланга отряда генералъ-адъютанта Гурко, находясь, конечно, въ полномъ его распоряженіи.

„Такимъ образомъ, къ 12-му декабря къ генералъ-адъютанту Гурко подойдутъ всѣ назначенныя въ его распоряженіе подкрѣпленія, и тогда западный отрядъ можетъ перейти въ наступленіе. Но, какъ доноситъ генералъ-адъютантъ Гурко, онъ едва ли будетъ въ состояніи начать рѣшительныя дѣйствія ранѣе 13-го или 14-го декабря, ибо глубокій снѣгъ, завалившій всѣ дороги, морозъ и гололедица представятъ огромныя препятствія.

„Могу лишь сказать, что генералъ-адъютантъ Гурко принимаетъ самыя энергическія мѣры для ускоренія возможности наступленія, такъ какъ положеніе его войскъ, занимающихъ позиціи въ горахъ—почти невыносимо. Только половина его войскъ расположена въ резервѣ по квартирамъ: другая половина бивакируетъ въ горахъ, на морозѣ, по колѣна въ снѣгу. Если температура смягчается, то морозъ смѣняется пронизывающею сыростью, дождями и такими сильными туманами, что въ пяти шагахъ ничего не видно. Счастье еще, что при такихъ условіяхъ болѣзненность меньше, чѣмъ можно было бы опасаться: среднимъ числомъ заболѣваетъ около 50 чел. въ каждомъ полку, изъ числа стоящихъ на позиціяхъ. Только въ псковскомъ пѣхотномъ полку въ теченіе двухъ дней (6-го и 7-го декабря) заболѣло 340 чел. Въ полкахъ, расположенныхъ по квартирамъ, болѣзненность значительно менѣе.

„Въ настоящее время, какъ извѣстно Вашему Величеству, въ составѣ западнаго отряда находятся части войскъ 3-й пѣх. дивизіи, притянутыя изъ Ловчи и Трояна. Эти войска, по прибытіи подкрѣпленій, должны быть стянуты къ лѣвому флангу отряда, съ тѣмъ, чтобы по первому востребованію можно было бы направить ихъ, вмѣстѣ съ кавказскою казачьею и сводною донскою (21 и 26 полки) бригадами,—на Златицу, Карлово и далѣе на Казанлыкъ. Тогда и остальныя части 3-й пѣх. дивизіи будутъ спущены съ горъ и мало-по-малу вся дивизія соберется на походѣ и подойдетъ къ Казанлыку уже въ полномъ составѣ. Само собою разумѣется, что этотъ маршъ будетъ согласованъ съ наступленіемъ изъ центра, отъ Габрова, такъ чтобы 3-я пѣх. дивизія примкнула къ нашимъ войскамъ, которыя будутъ спускаться съ Шипки.

Кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Арнольди остался въ прежнемъ составѣ: 4-й уланскій харьковскій и 4-й гусарскій маріупольскій полки, 8-я конная батарея и румынская бригада Рошіоровъ съ конною батареею. Назначеніе его осталось прежнее: держать связь между румынскими войсками, занимающими Рахово и Ломъ-Паланку и западнымъ отрядомъ, наблюдая дорогу на Берковацъ. Очищеніе этого важнаго пункта турками и занятіе его нашими войсками много облегчило задачу этого отряда. Теперь, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій сербами, я приказалъ генералъ-маіору Арнольди войти немедленно съ ними въ связь и постоянно поддерживать ее.

„Румынскія войска, какъ извѣстно вашему величеству, получили по взятіи Плевны разныя второстепенныя назначенія. 1-я, 2-я и 3-я дивизіи назначены для операцій противъ Акъ-Паланки, а 4-я дивизія—для конвоированія плѣнныхъ турокъ, съ тѣмъ, чтобы по сдачѣ ихъ въ вѣдѣніе генералъ-адъютанта Дрентельна смѣнить наши войска, занимающія нынѣ Каларашъ, Ольтеницу и Журжево. Эти послѣднія, освободившись, будутъ направлены на присоединеніе къ своимъ частямъ, а именно:

„Изъ Калараша: 96-й пѣх. омскій полкъ съ двумя батареями—на Шипку; 1-й гусарскій сумскій полкъ съ 1-ю конною батареею—въ общій резервъ арміи, туда, гдѣ онъ къ тому времени будетъ расположенъ.

„Донской № 40 полкъ останется въ Каларашѣ.

„Изъ Ольтеницы и Журжева: 2-я бригада 32-й пѣх. дивизіи съ двумя батареями и 2-я бригада 11-й кавалер. дивизіи—въ составъ своего 11-го корпуса.

„Князь Карлъ предполагаетъ поставить на смѣну этимъ войскамъ 4 баталіона съ 2-мя батареями въ Журжевѣ, столько же въ Каларашѣ и одинъ баталіонъ съ батареею въ Ольтеницѣ; три полка калараШей по берегу Дуная отъ Журжева до Калараша. Я нахожу, однако, это число войскъ недостаточнымъ, какъ по числу частей, такъ и по слабости ихъ состава, въ особенности въ виду возможности замерзанія Дуная. Поэтому я намѣренъ предложить князю Карлу усилить журжевскій отрядъ еще 4-мя баталіонами.

„Въ распоряженіе румынскихъ военныхъ властей передана также крѣпость Никополь, причемъ, однако, тамъ оставлены нашъ этапный начальникъ и наше гражданское управленіе. Послѣднее вводится также и въ Раховѣ, Ломъ-Паланкѣ, Врацѣ и прочихъ вновь занятыхъ пунктахъ виддинскаго пашалыка.

„Въ Плевнѣ учреждено также наше военно-этапное и гражданское управленіе: гарнизонъ города составитъ одинъ резервный баталіонъ, который я приказалъ туда направить. Этапная линія, шедшая прежде отъ Карагача-болгарскаго къ Дольному Дубняку черезъ Порадимъ, Боготъ, Ральево и Медованъ—теперь сокращена и идетъ прямо на Плевну, минуя послѣдніе четыре пункта. Отъ Дольнаго Дубняка она устраивается черезъ Телишъ, Горный Луковецъ, Блажницу, Яблоницу и Осиково до Орханіи включительно.

„Я не сказалъ ничего о времени, когда румынскія войска смѣнятъ наши на лѣвомъ берегу Дуная. Опредѣлить это пока еще нельзя, такъ какъ на смѣну назначена та румынская дивизія, которая конвоируетъ плѣнныхъ.

Когда будетъ окончено это хлопотливое дѣло—совсѣмъ невозможно сказать, ибо оно находится въ полной зависимости отъ состоянія погоды и дорогъ. Отсюда плѣнные уже всѣ отправлены: первою выступила партія (9.000 чел., при 2-хъ пашахъ, 25 штабъ-и 200 оберъ-офицерахъ) тѣхъ плѣнныхъ, которые были выдѣлены мною для румынской арміи. Затѣмъ ежедневно выступало по 3.000 чел. съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ и слѣдуетъ черезъ Бресляницу, Никополь, Турну, Пятру, Александрію и Фратешти на Бухарестъ, откуда плѣнные уже отправляются далѣе по желѣзной дорогѣ, по распоряженію генералъ-адъютанта Дрентельна. Но слѣдованіе плѣнныхъ по этому маршруту страшно замедляется морозомъ и снѣжными завалами на дорогахъ. Непривычные къ суровому климату и истощенные недостаточнымъ продовольствіемъ и усиленными трудами во время обложенія, турки заболѣваютъ, замерзаютъ и умираютъ массами по пути; а тѣ, которые здоровы, едва двигаются. Приходится давать имъ частые отдыхи и дневки противъ маршрута, вслѣдствіе чего задерживаются и позади идущія партіи. Но это мало спасаетъ несчастныхъ турокъ отъ гибели. Мы нашли возможность, несмотря на множество затрудненій, съ самаго начала кормить всю массу плѣнныхъ и призрѣть брошенныхъ на произволъ судьбы и найденныхъ нами въ Плевнѣ раненыхъ и больныхъ: но размѣстить ихъ всѣхъ не было никакой возможности. Пришлось оставить ихъ на бивакѣ. Между тѣмъ вдругъ наступили холода, выпалъ глубокій снѣгъ, и эти несчастные, и прежде дрожавшіе отъ холоду въ своихъ лохмотьяхъ, босые, начали умирать массами. Тѣ, которые съ наступленіемъ морозовъ еще не были отправлены, были кое-какъ помѣщены вмѣстѣ съ нашими солдатами въ землянкахъ гренадерскаго корпуса; но тѣ,

которыхъ морозъ захватилъ въ пути—сильно пострадали. Я безсиленъ противъ этого и могу лишь пожалѣть, что Османъ-паша не внялъ въ свое время моему предложенію капитулировать, которое я сдѣлалъ ему единственно въ видахъ человѣколюбія.

„Численность плѣнной Плевненской арміи оказалась не въ 40.000, какъ было опредѣлено первоначально, а въ 44.000 слишкомъ. Число орудій и знаменъ до сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность окончательно, такъ какъ большая часть орудій была закопана, а знамена или спрятаны, или сожжены. До сихъ поръ найдено 88 орудій, а знаменъ, кромѣ тѣхъ двухъ, о которыхъ Вашему Величеству уже извѣстно (одно, зеленое, взято рядовымъ астраханскаго гренадерскаго полка Ждановымъ съ бою; другое, красное, взято въ обозѣ адъютантомъ командира 4-го корпуса, Пинкорнелли),—найдено 2 зеленыхъ, 3 красныхъ и сверхъ того 2 значка. Знамена эти при семъ повергаются къ стопамъ Вашего Величества.

„Обращаюсь теперь къ *центральному отряду*, ядро котораго составляетъ 8-й корпусъ, 4-я стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе и первые три полка 24-й пѣхотной дивизіи. Всѣ эти войска уже сосредоточены на Шипкѣ и въ Габровѣ. Только елецкій полкъ съ двумя батареями (пѣшею и горною) попрежнему занимаетъ Хаинкіойскій перевалъ.

„Эти силы я признаю недостаточными для того, чтобы сбросить турокъ съ горныхъ позицій, занимаемыхъ ими вокругъ Шипки. Между тѣмъ необходимо сдѣлать это возможно скорѣе, такъ какъ положеніе войскъ, занимающихъ Шипку, крайне тяжелое. Морозъ, мятели, снѣгъ выше колѣнъ; рѣзкіе вѣтры, препятствующіе разводить костры, чтобы обогрѣться; однимъ словомъ, трудно представить себѣ все то, что уже вынесъ и продолжаетъ выносить Шипкинскій отрядъ. Достаточно вспомнить, что еще въ началѣ сентября мѣстные жители считали невозможнымъ, чтобы наши войска могли остаться на Шипкѣ даже осенью. Между тѣмъ не только прошла осень, но и наступила зима, а генералъ-лейтенантъ Радецкій попрежнему стоитъ на своемъ посту, столь прославленномъ предыдущею геройскою обороною. Но эта стойкость и обходится намъ очень дорого: уменьшенія болѣзненности нельзя достичь никакими мѣрами. Особенно велика убыль въ полкахъ 24-й пѣхотной дивизіи, гдѣ болѣе $1/3$ всего состава людей постоянно находится въ лазаретахъ. Только спускъ на южную сторону Балканъ можетъ пріостановить дальнѣйшее таяніе отряда.

„Я сдѣлалъ все, что могъ для *подготовки* перехода въ на-

ступленіе. Но при всемъ моемъ желаніи его ускорить, не могу даже приблизительно сказать, когда онъ состоится. Все зависитъ отъ погоды и состоянія дорогъ. Генералъ-лейтенантъ Радецкій рѣшительно заявляетъ, что теперь всѣ пути черезъ Балканы такъ завалены снѣгомъ, что движеніе по нимъ немыслимо. Одно, что при этихъ обстоятельствахъ я могу сдѣлать, это сосредоточить войска такимъ образомъ, чтобы можно было двинуться впередъ немедленно, какъ только состояніе дорогъ позволитъ. Съ этою цѣлью я уже двинулъ въ Сельви особый, нарочно для этого сформированный мною отрядъ генералъ-лейтенанта Скобелева 2, состоящій изъ 16-й пѣхотной дивизіи, 3-й стрѣлковой бригады, 4-го сапернаго баталіона и донского № 9 полка: всего 17 баталіоновъ, 6 сотенъ и 48 орудій (при этомъ одна 4-хъ фунт. батарея 16-й артилл. бригады замѣнена скорострѣльною батареею). Отрядъ этотъ выступилъ изъ-подъ Плевны 9 и 10 декабря и долженъ прибыть въ Сельви 13 и 14 декабря. Тамъ онъ будетъ ожидать моихъ приказаній насчетъ дальнѣйшаго движенія, уже за Балканы.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы по возможности сократить число войскъ восточнаго отряда, охраняющихъ нашу коммуникаціонную линію, и увеличить число войскъ, которое я хочу двинуть за Балканы, я приказалъ обратить Тырновъ въ обширный укрѣпленный лагерь, для защиты котораго можно было бы обойтись двумя пѣхотными дивизіями. Этотъ самъ по себѣ весьма важный пунктъ имѣетъ теперь еще особое значеніе, какъ обширный складъ всякаго рода запасовъ, ибо тамъ, а также въ Габровѣ, Сельви и Ловчѣ собирается, по заблаговременному моему распоряженію, 20-дневный запасъ для 11-ти пѣхотныхъ и 4-хъ кавалерійскихъ дивизій. Прочное укрѣпленіе Тырнова дастъ мнѣ возможность обойтись меньшимъ числомъ войскъ для охраненія коммуникаціонной линіи. Но и помимо этого, я думаю, что если подтвердятся приходящія ко мнѣ съ разныхъ сторонъ извѣстія о томъ, что армія Сулеймана отступаетъ за Балканы, оставляя въ четыреугольникѣ крѣпостей лишь одни гарнизоны— то можно будетъ тронуть, вслѣдъ за непріятелемъ, большую часть восточнаго отряда, оставивъ лишь необходимое число войскъ для наблюденія за крѣпостями.

„Я бы и теперь уже сдѣлалъ это, въ виду полнаго согласія идущихъ со всевозможныхъ сторонъ показаній насчетъ того, что турки переносятъ свою оборону за Балканы и поставили себѣ теперь главною цѣлью—затруднить наше дебушированіе въ Румелію и прикрыть Адріанополь. Но, во-первыхъ, я ожидаю

еще, что скажетъ по этому поводу его императорское высочество начальникъ восточнаго отряда, мнѣніе котораго я запросилъ; а во-вторыхъ, морозъ и непроходимость дорогъ связываютъ мнѣ руки. Я принужденъ самъ попрежнему оставаться въ Боготѣ, такъ какъ не вижу цѣли куда-либо переѣзжать прежде, чѣмъ откроется возможность движенія впередъ через горы, такъ какъ всякое мое передвиженіе обнаружитъ мои намѣренія. Общій резервъ пока тоже здѣсь. Гренадерскій корпусъ вокругъ Дольнаго Дубняка, а кавалерію (1-й драгунскій, 1-й и 9-й уланскіе и донской № 7 полкъ съ 7-ю конною батареею), въ видахъ облегченія довольствія лошадей, я приказалъ размѣстить по квартирамъ между Ловчею, Трояномъ и Турскимъ Изворомъ. Донской № 4 полкъ содержитъ пока летучую почту между главною квартирою и отрядами: генералъ-адъютанта Гурко и генералъ-маіора Арнольди.

„Въ общемъ, положеніе мое можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ: стратегическое положеніе, съ паденіемъ Плевны, даетъ мнѣ полный перевѣсъ въ силахъ надъ непріятелемъ, но наступившая въ то же время строгая и снѣжная зима съ мятелями отняла у меня всякую возможность этимъ воспользоваться. Теперь я нахожусь опять въ полной зависимости отъ стихійныхъ силъ, какъ это было уже въ промежутокъ времени между 12 апрѣля и началомъ іюня, но съ тою лишь разницею, что тогда неблагопріятныя вліянія природы только парализовали мои дѣйствія, а теперь они, сверхъ того, вредно вліяютъ на здоровье арміи. Къ этому нужно еще прибавить, что, кромѣ увеличенія болѣзненности, затрудненій въ подвозѣ и невозможности движенія черезъ горы безъ колоссальныхъ работъ (которыя уже производятся) по прокладкѣ путей, предстоитъ еще одно грозное затрудненіе: ранній ледоходъ на Дунаѣ, который сдѣлаетъ наши сообщенія съ Румыніей весьма хрупкими и ненадежными.

„Выводъ изъ настоящаго положенія тотъ, что мнѣ едва ли удастся помѣшать весьма вѣроятному сосредоточенію турецкихъ войскъ за Балканами и спуститься съ горъ прежде, чѣмъ они успѣютъ собраться и устроиться на южномъ ихъ склонѣ. Для непріятеля снѣжные завалы въ горныхъ проходахъ не имѣютъ такого значенія, какъ для насъ, ибо онъ можетъ совершенно спокойно расчищать себѣ пути на Сливно и Котелъ, вполнѣ ему принадлежащіе. Мы же можемъ воспользоваться лишь обходными проселками и тропинками, такъ какъ главные выходы изъ Балканъ (Твардица, Хаинкіой, Шипка, Златица, Арабъ-Конакъ) вездѣ заперты непріятелемъ.

„Будемъ надѣяться, что съ помощью Божіей намъ удастся преодолѣть и всѣ эти затрудненія, какъ удалось уже, благодаря несравненному мужеству и терпѣнію славной арміи вашего величества, преодолѣть массу другихъ затрудненій.

„Въ заключеніе представляю Вашему Величеству общій перечень военныхъ дѣйствій, съ 28 ноября по 10 декабря включительно.

1) *Въ восточномъ отрядѣ.* 29 ноября, въ 4 часа пополудни, турки начали переправляться большими силами черезъ р. Ломъ у дер. Красной и къ вечеру уже переправили болѣе 30 таборовъ, а 30 ноября утромъ атаковали нашъ 12-й корпусъ болѣе, чѣмъ 60-ю таборами. Общій ходъ боя, окончившагося блистательнымъ отраженіемъ турецкой атаки, а также наши потери въ этомъ бою уже извѣстны вашему величеству. Подробную реляцію я представлю немедленно по полученіи отъ его императорскаго высочества начальника восточнаго отряда.

„Послѣ этого на всемъ восточномъ фронтѣ нашемъ наступило полное затишье и, кромѣ ничтожныхъ и непродолжительныхъ аванпостныхъ перестрѣлокъ, никакихъ дѣйствій не было. Разъѣздами обнаружено, что турки оставили свои передовыя позиціи на среднемъ теченіи Лома, смѣнили свои войска, во многихъ пунктахъ, вооруженными жителями и—по показаніямъ болгаръ—стягиваются къ Балканамъ. То же самое замѣчено и передовыми отрядами 11-го корпуса. Первымъ признакомъ было поспѣшное очищеніе турками Елены 2-го декабря, причемъ они даже бросили запасы галетъ и оставили телеграфную линію между Еленою и Бебровымъ. Передовыя войска наши немедленно двинулись вслѣдъ за непріятелемъ и, занявъ 3 декабря позиціи впереди Елены и Златарицы, выдвинули авангарды къ Беброву, Буйновцу и Бѣщи-Малѣ. Пожаръ въ Еленѣ, которая была зажжена непріятелемъ, войска наши успѣли потушить: сгорѣло только 40 домовъ. Но зато Беброво найдено совершенно разореннымъ: турки буквально не оставили камня на камнѣ въ этомъ несчастномъ мѣстечкѣ. Преслѣдованіе турокъ продолжалось только до Ахмедли, которое и понынѣ занято непріятельскимъ отрядомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Командующій 11-мъ корпусомъ приказалъ ограничиться однимъ лишь наблюденіемъ за этимъ отрядомъ, такъ какъ выбивать его оттуда безцѣльно. Во время преслѣдованія мы потеряли 12 чел., въ томъ числѣ тяжело раненъ нарвскаго гусарскаго полка поручикъ Апушкинъ.

„Такимъ образомъ, несчастное Еленинское дѣло 22-го ноября не имѣло никакихъ послѣдствій. Туркамъ, впрочемъ, трудно было бы развить пріобрѣтенный ими частный успѣхъ, такъ какъ немедленно по полученіи извѣстія о дѣлѣ 22-го ноября, были сдѣланы всѣ распоряженія для того, чтобы преградить имъ дальнѣйшій путь на Тырновъ. И дѣйствительно, благодаря обдуманному расположенію войскъ, черезъ два дня послѣ дѣла, у Яковцевъ и Златарицы было уже сосредоточено 31 баталіонъ и 12 эскадроновъ: два полка 9-й пѣхотной дивизіи, три полка 11-й пѣхотной дивизіи, вся 26-я пѣхотная дивизія, 4-я стрѣлковая бригада, 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи и драгунскій военнаго ордена полкъ. Кромѣ того, вся 1-я пѣхотная дивизія была собрана въ Чаиркіоѣ и Копривицѣ, въ полной готовности: или идти къ Тырнову, или ударить черезъ Кесарево во флангъ туркамъ, еслибы они вздумали продолжать наступленіе.

„Тѣмъ не менѣе, Еленинское дѣло составляетъ весьма прискорбный эпизодъ. Не говоря уже о понесенныхъ нами большихъ потеряхъ и о потерѣ 11-ти орудій, дѣло это раздуто Сулейманомъ-пашей въ большое сраженіе и не могло не поднять духъ невѣжественной и фанатической мусульманской массы, вліяніе которой въ Константинополѣ такъ чувствительно отражается на настроеніи султана и его правительства. Я еще не могу разъяснить вашему величеству причины, по которымъ дѣло 22-го ноября выпало столь несчастливо для насъ, ибо не имѣю подробной реляціи. Для всесторонняго разъясненія дѣла я приказалъ, чтобы, независимо отъ общей реляціи, мнѣ были представлены подробныя донесенія о дѣйствіяхъ каждой отдѣльной части прямо отъ командировъ этихъ частей. Всѣ эти донесенія я представлю Вашему Величеству съ моимъ заключеніемъ.

„2) *Въ центральномъ отрядѣ*, на Шипкѣ, была 3-го и 4-го декабря ружейная и артиллерійская перестрѣлка, во время которой у насъ ранено 20 нижнихъ чиновъ. Послѣ 4-го декабря на Шипкѣ было все тихо.

„3) *Въ Западномъ отрядѣ*, съ 28-го ноября по 10-е декабря, произошло лишь одно столкновеніе съ непріятелемъ, а именно: 30-го ноября турки, получивъ въ Златицѣ подкрѣпленія, атаковали отрядъ свиты вашего величества генералъ-маіора Брока, занимавшій позиціи у дер. Челопецъ и Клиссакіой, на дорогахъ въ Златицу изъ Софіи и Этрополя. Бой продолжался съ утра до сумерекъ и вечеромъ турки утвердились на высотахъ, командующихъ вышеупомянутыми нашими позиціями, вслѣдствіе чего генералъ Брокъ приказалъ ихъ очистить. Дальнѣйшихъ подроб-

ностей объ этой стычкѣ еще нѣтъ и послѣ этого никакихъ новыхъ столкновеній съ турками не было.

„3-го декабря турецкій отрядъ, занимавшій Берковацъ, послѣ слабыхъ попытокъ пройти къ Кутловацу, повторенныхъ три раза (30-го ноября, 1-го и 2-го декабря) и отраженныхъ одними харьковскими уланами,—совсѣмъ очистилъ Берковацъ, оставивъ тамъ одно орудіе. Этотъ важный пунктъ занятъ нынѣ харьковскимъ уланскимъ полкомъ съ 4 орудіями, а передовые отряды наши проникли уже въ Клиссуру и заняли брошенное турецкое укрѣпленіе впереди нея.

„Сопоставляя время очищенія Берковаца съ паденіемъ Плевны, можно безошибочно заключить, что въ виду послѣдняго событія турки окончательно отказались отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій въ Западной Болгаріи, тѣмъ болѣе, что сербы уже открыли военныя дѣйствія. Какъ они разовьются дальше—сказать трудно; но по крайней мѣрѣ начало, о которомъ я уже телеграфировалъ Вашему Величеству, было весьма удачное.—Николай.—Боготъ, 13-го декабря 1877 года".

14 декабря.—Ночью Великій Князь получилъ слѣдующую телеграмму Гурко изъ Орханіи отъ 9 часовъ вчерашняго утра:

„Сейчасъ выступаю за Балканы тремя колоннами: одною на гору Умургачъ и Жиляву; другою на Чурьякъ, Потопъ, Елешницу; третьей изъ Этрополя на Бабу-гору и Буново. Надѣюсь утромъ 14-го декабря быть въ долинѣ Софіи и въ Мирковѣ. Да поможетъ намъ Богъ".

Великій Князь, какъ только всталъ, сейчасъ же прошелъ самъ къ Непокойчицкому и потребовалъ туда же и меня. До самаго обѣда я просидѣлъ тамъ, составляя и шифруя депеши. При этомъ случаѣ узналъ секретъ, который давно чувствовалъ по разнымъ намекамъ и недомолвкамъ въ нѣкоторыхъ прежнихъ депешахъ Государю и Наслѣднику, но только не зналъ, въ чемъ секретъ заключается. Теперь все выяснилось, но мнѣ приказано молчать, ибо никто въ главной квартирѣ, кромѣ Великаго Князя и Непокойчицкаго, объ этомъ и не подозрѣваетъ. Оказывается, что между Государемъ и Великимъ Княземъ, передъ отъѣздомъ Его Величества въ Петербургъ, условлено: если Гурко удастся перевалить черезъ Балканы, то Цесаревичъ сдаетъ начальство надъ восточнымъ отрядомъ Тотлебену и ѣдетъ принимать начальство надъ западнымъ отрядомъ, а Гурко дѣлается его начальникомъ штаба. Великій Князь Владиміръ Александровичъ сдаетъ 12-й корпусъ его настоящему командиру Ванновскому, ѣдетъ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ въ западный отрядъ и вступаетъ

въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ. Князь Имеретинскій дѣлается начальникомъ штаба восточнаго отряда Тотлебена. Вотъ, слѣдовательно, истинная причина, почему оба они сидятъ въ штабѣ Цесаревича безъ всякаго дѣла.

Гурко объ этомъ ничего не знаетъ. Едва ли эта комбинація будетъ пріятнымъ для него сюрпризомъ. Хотя и лестно быть начальникомъ штаба у своего будущаго Государя, но обратиться въ подначальное лицо изъ полководца, да еще немедленно по совершеніи блистательнаго, труднаго подвига—едва ли можетъ кому-нибудь доставить удовольствіе, особенно такому самостоятельному и самолюбивому человѣку, какъ Гурко: онъ будетъ кровно обиженъ. Онъ даже и не годится въ начальники штаба и не выдержитъ этого положенія: характеръ слишкомъ независимый, крутой и строптивый.

Въ случаѣ—чего Боже сохрани—переходъ черезъ Балканы не удастся, Наслѣдникъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ возвратятся въ Петербургъ, такъ что начальство надъ восточнымъ отрядомъ во всякомъ случаѣ перейдетъ къ Тотлебену.

Вотъ тѣ депеши, которыя составлены и отправлены сегодня вслѣдствіе полученія телеграммы Гурко. Подчеркнутыя слова — зашифрованы.

1) Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу [1]).

„*Отъѣздъ твой и* Владиміра *въ Питеръ* теперь *немыслимъ. Гвардія* двинулась *вчера впередъ*. Если Богъ благословитъ, *она сегодня* будетъ *за Балканами*. Поэтому прошу тебя еще *выждать на мѣстѣ* моего *увѣдомленія о результатахъ ея движенія*. Если будетъ *удача*, то увѣдомлю и тогда *твой пріѣздъ къ ней* будетъ *полезенъ и поручу* въ такомъ случаѣ *твоей командѣ*, имѣя *Гурко начальникомъ штаба*, всѣ войска *западнаго отряда*. Объ этомъ *условился я съ папа̀* до его *отъѣзда*, о чемъ, какъ я вижу, *онъ съ тобою говорилъ*. Обо всемъ этомъ сообщаю только лично для тебя и прошу никому объ этомъ не говорить, и равно *не давай знать объ этомъ и папа̀*". Николай.

2) Шипка. Генералу Радецкому.

„*Гурко двинулся* вчера *тремя колоннами на перевалы черезъ Балканы* и полагалъ быть сегодня *въ долинѣ Софіи. Готовьтесь*: Великій Князь скажетъ вамъ, *когда тронуться*. Наши вошли въ связь съ сербами". Непокойчицкій.

3) Тырновъ. Генералу Деллингсгаузену [2]).

[1]) Эту телеграмму Великій Князь составилъ самъ и приказалъ мнѣ только зашифровать.

[2]) Текстъ этой шифрованной депеши у меня не сохранился; записано только ея содержаніе.

Сообщено то же самое, съ прибавленіемъ, что если наступленіе Гурко будетъ удачно, то около 20-го декабря перейдетъ въ наступленіе и Радецкій; а для отвлеченія силъ и вниманія турокъ онъ, Деллингсгаузенъ, долженъ произвести демонстраціи на Хаинкіой, Твардицу, Ахмедли и по Османъ-Базарской дорогѣ. Для этого онъ можетъ располагать и 30-ю пѣхотною дивизіею, но преимущественно по Османъ-Базарской дорогѣ. Посему приготовиться и ожидать приказаній.

Получивъ сегодня же утромъ депешу Цесаревича о предположенныхъ имъ наступательныхъ дѣйствіяхъ (текста этой депеши у меня не сохранилось), Великій Князь отвѣчалъ ему:

4) Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу.

„Предположенное *движеніе*, какъ *общее наступленіе*, кажется мнѣ *преждевременнымъ*, и притомъ *колонна отъ Кацелева* на *Огарчинъ*, *Еникіой и Карахасанкіой* не будетъ ли слишкомъ *уединена*. Полагалъ бы пока *занять* только *сильными авангардами главнѣйшіе пункты по Лому и Кара-Лому*, *отъ нихъ выслать подвижныя колонны для рекогносцировки* и затѣмъ, на основаніи *добытыхъ свѣдѣній*, точно и опредѣленно поставить *цѣль для наступленія массою*. Повторяю, что *наступленіе съ праваго фланга 13-го корпуса* болѣе соотвѣтствуетъ *общему плану*. За этимъ *флангомъ* и нужно будетъ *держать главные резервы*. Сообразно съ этимъ и сдѣлай распоряженіе, о результатѣ котораго сообщи мнѣ". Николай.

Сегодня же получены свѣдѣнія [1]) о расположеніи сербскихъ войскъ.

Несмотря на сомнительную достовѣрность свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ мало-авторитетнаго источника и переданныхъ столь юнымъ и неопытнымъ офицеромъ (корнетъ Галлъ произведенъ въ офицеры въ нынѣшнемъ году), Великій Князь донесъ все это телеграммою Государю и сообщилъ князю Карлу: послѣднему не только для свѣдѣнія, но и для распоряженій.

5) Bucarest. Prince Charles de Roumanie.

„Les Serbes sont devant Pirot et leurs avant-postes à Tchuprovo et vers Bélémir. Mes troupes sont déjà en communication avec eux. J'ai prié Cernat [2]) d'envoyer une de ses brigades de cavalerie avec une batterie vers Belgradtchick pour tenir les communications avec nous et les Serbes. Je te prie en même temps de faire tes dispositions pour cerner Widdin et

---

[1]) Отъ ординарца Великаго Князя, корнета Галла, вернувшагося изъ Бѣлемира.

[2]) Телеграмма эта послана Чернату, въ Ломъ-Паланку, Непокойчицкимъ.

Belgradtchick. Les Serbes sont de ce coté à Adlié, où j'ai donné ordre qu'ils restent". Nicolas.

Если удастся сбросить турокъ съ Шипки, то всѣ войска Радецкаго, сосредоточившись у Казанлыка, будутъ ожидать прибытія гренадерскаго корпуса и резервной кавалеріи для дальнѣйшаго наступленія по указанію главнокомандующаго.

Вечеръ провелъ у Великаго Князя, читалъ ему вслухъ иностранныя газеты.

15 декабря.—Сегодня получено отъ генералъ-адъютанта Аркаса изъ Севастополя радостное извѣстіе о взятіи и приводѣ вчера въ Севастополь флигель-адъютантомъ Барановымъ турецкаго парохода „Мерсина" съ цѣлымъ таборомъ анатолійскаго низама (1 штабъ-офицеръ, 10 оберъ-офицеровъ и 700 нижнихъ чиновъ); на пароходѣ, кромѣ того, найдена весьма важная переписка Мухтара-паши. Это извѣстіе немедленно было сообщено всѣмъ начальникамъ отрядовъ для объявленія по войскамъ.

Радецкій сообщилъ, что болѣзненность въ 24-й пѣхотной дивизіи увеличилась до чрезвычайности: въ красноярскомъ пѣхотномъ полку осталось налицо всего 397 нижнихъ чиновъ. Поэтому онъ принужденъ отправить всю дивизію на поправку въ Сельви. Для защиты шипкинской позиціи остается только 14-я пѣхотная дивизія и брянскій пѣхотный полкъ. 16-я пѣхотная дивизія подходитъ сегодня изъ Сельви къ Габрову. Поповъ (адъютантъ Великаго Князя, капитанъ л.-гв. сапернаго баталіона), посланный укрѣплять Тырновъ, телеграфировалъ сегодня, что шереметская позиція выбрана окончательно и укрѣпленія намѣчены Байковымъ (подполковникъ генеральнаго штаба). По окончаніи укрѣпленій Тырновъ будетъ недоступенъ со стороны Османъ-Базара. Работа идетъ крайне вяло по винѣ болгаръ. Посему, въ виду возведенія редута на 16 орудій, необходимо прислать для работъ баталіонъ саперъ и полкъ пѣхоты.

Вечеромъ узналъ о полученіи слѣдующей телеграммы Государя отъ 14-го декабря 2 ч. 20 м. дня: „Весьма радъ, что девятый корпусъ прибылъ по назначенію. Надѣюсь, что морозы не помѣшаютъ дальнѣйшему движенію. Только-что воротился со смотра передъ Александровскою колонною: всѣ войска представились въ отличномъ видѣ и въ особенности кирасиры. Погода весьма пріятная, термометръ на замерзаніи и снѣгу очень мало".

Всѣ эти дни по вечерамъ сижу подолгу у Великаго Князя: составляю и шифрую телеграммы, ужинаю, пью чай, читаю ему вслухъ реляціи и иностранныя газеты. Третьяго дня произвелъ

большой фуроръ, прочитавъ ему à livre ouvert, прямо въ русскомъ переводѣ, безъ запинокъ и шероховатостей, передовую статью вѣнской газеты „Die Presse". У Великаго Князя стоитъ на столѣ круглая коробка съ шеколадными конфектами, которыми онъ меня всегда угощаетъ послѣ чтенія. Артамонову (штабъ-офицеру надъ вожатыми) онъ даетъ по конфектѣ за каждое пріятное извѣстіе.

16 декабря, пятница. — Вернувшись вчера отъ Великаго Князя въ свою кибитку, я проработалъ до половины второго ночи. Только что легъ спать, какъ за мной пришелъ камердинеръ Великаго Князя. Поспѣшилъ къ нему. Онъ только-что получилъ огромную шифрованную депешу изъ Вѣны отъ нашего военнаго агента Фельдмана. Я просидѣлъ у Великаго Князя за дешифровкою до $5^1/_2$ часовъ утра. Когда дѣло стало подходить къ концу, Великій Князь послалъ за Непокойчицкимъ и Левицкимъ и велѣлъ мнѣ прочесть разобранную депешу вслухъ. Послѣ этого Непокойчицкій увелъ меня къ себѣ—составлять и шифровать извлеченія изъ этой депеши для Цесаревича и Радецкаго. За этою работою я просидѣлъ до 7 ч. утра, затѣмъ проспалъ полураздѣтымъ часа три и опять засѣлъ за работу на цѣлый день.

Подлинная депеша Фельдмана у меня не сохранилась: привожу лишь текстъ того извлеченія изъ нея, которое было сообщено телеграммами Цесаревичу и Радецкому (зашифрованы были только подчеркнутыя слова):

„Турки рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы *облегчить* сколь возможно *условія* будущаго *мира* и *преградить* намъ *путь къ Царьграду.* Для этого *укрѣпляются* три *позиціи*: между *Софіею и Филиппополемъ*, въ *Адріанополѣ* и передъ *Царьградомъ.* Въ *Адріанополѣ* организуютъ *резервную армію*, преимущественно изъ *рекрутъ. Кадрами* ея служатъ: *войска*, привозимыя изъ *Варны моремъ* черезъ *Царьградъ*, которыхъ отправлено уже въ *Адріанополь восемь тысячъ*, и войска, собираемыя изъ разныхъ мѣстъ *Эпира и Ѳессаліи.* Всего собрано пока въ *Адріанополѣ тридцать* таборовъ. Общую численность тамошней арміи хотятъ довести до *ста пятидесяти* тысячъ. Организуетъ ее и руководитъ инженерными работами *Сулейманъ.* Чтобы дать ему время окончить это дѣло, всѣмъ прочимъ приказано *задерживать насъ* возможно *долѣе. Шипку* будто бы хотятъ *оставить*, *бросивъ* въ случаѣ крайности даже *артиллерію. Софію* также. Въ *Шумлѣ* и *Рущукѣ* войскъ *мало*, въ *провіантѣ* и *боевыхъ запасахъ* вездѣ *недостатокъ*".

„*Циммерману* приказано послать *сильный отрядъ* для рекогносцировки и по возможности для *разрушенія желѣзной дороги Рущукъ-Варна*".

Отъ Гурко извѣстій нѣтъ.

Сегодня вдругъ стала оттепель, а послѣ 6 часовъ вечера поднялся сильный вѣтеръ.

17 декабря, суббота. — Циммерманъ (к-ръ 14-го корпуса) отвѣтилъ на посланную ему вчера телеграмму, шифромъ, что „вчера 16-го декабря посланъ мною значительный кавалерійскій отрядъ къ Базарджику. По всѣмъ прежнимъ извѣстіямъ, Базарджикъ сильно укрѣпленъ и занятъ 15.000, о чемъ я доносилъ, одной кавалеріи, поддержанной 4-мя полками пѣхоты. Очень трудно и рискованно двинуться по рущукской дорогѣ Варна-Шумла, оставивъ у себя въ тылу Базарджикъ. Отъ насъ до линіи варненской желѣзной дороги около 140 верстъ, лѣсистая мѣстность, за Базарджикомъ крайне пересѣченная. Сулейманъ прибылъ въ Константинополь еще 8-го декабря. По свѣдѣніямъ, турки рѣшили: держаться въ оборонительномъ положеніи на линіи Рущукъ-Варна-Силистрія и въ Базарджикѣ, а излишекъ своихъ войскъ, отъ 10 до 20 тысячъ, отправить къ Адріанополю. Движеніе этихъ войскъ, кажется, уже оканчивается. Согласно вашего приказанія буду приготовлять отрядъ и ожидать прибытія нарочнаго, о которомъ изволите упоминать".

Что̀ именно телеграфировалъ Великій Князь Циммерману и о какомъ нарочномъ идетъ рѣчь—я не знаю.

Сегодня получена телеграмма Гурко: послѣ неимовѣрно-труднаго похода черезъ снѣжныя горы по обледенѣлымъ тропинкамъ, при жестокомъ морозѣ и вьюгѣ, таща на своихъ плечахъ 9-ти фунтовыя орудія, пролагая новыя дороги, авангардъ западнаго отряда овладѣлъ выходами изъ Балканъ между Арабъ-Конакомъ и Софіей, а кавалерія стала уже на Софійскомъ шоссе. Благодаря тому, что непріятель былъ захваченъ врасплохъ, мы потеряли при дебушированіи изъ горъ только 5 человѣкъ ранеными: 2-хъ въ преображенскомъ полку и 3-хъ въ кавказской казачьей бригадѣ. Насколько труденъ переходъ черезъ Балканы въ настоящее время, видно изъ того, что отъ Врачеша до Негошева, Елешницы и Жилявы пришлось идти почти три дня.

Это радостное извѣстіе было немедленно сообщено Государю и циркулярно.

Сегодня же получена телеграмма изъ Николаева отъ генералъ-адъютанта Аркаса: „въ ночь на 16-е декабря минные катера,

посланные съ парохода „Константинъ", атаковали на батумскомъ рейдѣ трехмачтовый турецкій броненосецъ. Пущенная съ катера „Чесма" самодвижущаяся мина Уайтхеда, ударивши въ середину судна, взорвалась подъ трубой; другая, пущенная съ катера „Синопъ", взорвалась противъ гротмачты. Поднявшаяся тревога, стрѣльба и высланная погоня заставили катера отступить и скрыться въ Поти и къ Сухуму. Затѣмъ „Константинъ", забравъ свои катера, отправился въ Севастополь. Послѣдствія произведеннаго взрыва неизвѣстны. Убитыхъ и раненыхъ нѣтъ".

Почти одновременно получена слѣдующая телеграмма Государя отъ 9 ч. вечера 16-го декабря:

„Новый молодецкій подвигъ нашихъ моряковъ меня очень порадовалъ. Надѣюсь, что погода у васъ наконецъ поправится и что можно будетъ продолжать наступательныя дѣйствія. Я немного простудился и чувствую лихорадку".

Съ Шипки Радецкій телеграфировалъ сегодня въ $6^1/_2$ ч. вечера: „со вчерашняго вечера здѣсь сильная мятель при морозѣ 15 градусовъ. Войска смѣняются сколь возможно чаще.

18 декабря, воскресенье.—Получена отвѣтная телеграмма Государя отъ 11 ч. 20 м. сегодняшняго утра: „Радуемся овладѣнію выходомъ въ Софійскую долину. Кажется, можно надѣяться, что Арабъ-Конакъ будетъ брошенъ и войска будутъ менѣе страдать отъ холода въ долинѣ. Я все еще не совсѣмъ отдѣлался отъ лихорадки".

Поглощенъ составленіемъ отчета Государю. Великій Князь предполагалъ завтра выѣхать въ Ловчу и оттуда на Шипку, но сегодня вечеромъ это отмѣнено, вслѣдствіе полученія телеграммы Радецкаго, что раньше 24-го онъ никакъ не можетъ начать наступленіе. Теперь предположено выждать 24-го. Я доволенъ. Какъ ни скверно здѣсь, но по крайней мѣрѣ всѣ дѣла идутъ безъ задержки. Стоитъ только намъ тронуться, весь механизмъ управленія надолго расклеится, ибо разъ начнется кочевка,—не скоро кончится. Необходимо выждать хоть до тѣхъ поръ, пока не окончится переходъ Гурко за Балканы. Надо надѣяться, что, несмотря на колоссальныя трудности, это смѣлое предпріятіе завершится удачно.

Вернулся изъ Петербурга адъютантъ Великаго Князя Орловъ. Говоритъ, что переѣздъ по Болгаріи и Румыніи—нѣчто ужасное. На обыкновенныхъ дорогахъ невылазная грязь, невообразимая неурядица, отсутствіе лошадей и ямщиковъ. На станціяхъ приходится ждать иногда по нѣскольку сутокъ; 15—20-верстный

перегонъ надо ѣхать цѣлый день, а иногда приходится и заночевать въ полѣ. На желѣзныхъ дорогахъ безпрестанныя задержки, остановки, сходъ съ рельсовъ, пропажа вещей. Такъ, напримѣръ, тотъ багажный вагонъ, въ которомъ ѣхали вещи Орлова, былъ неизвѣстно почему отцѣпленъ въ Яссахъ (какъ оказалось впослѣдствіи), и если найденъ впослѣдствіи, то только благодаря тому, что въ этомъ же вагонѣ были вещи инженера путей сообщенія Струве.

Предстоящее намъ путешествіе будетъ тоже не безъ приключеній, по теперешнему времени года. Съ обозомъ почти навѣрняка не увидимся, если пойдемъ безостановочно впередъ.

Слава Богу, что кончится житье въ кибиткѣ и будемъ ночевать въ домахъ. Надоѣла кибитка. Теперь чуть не черезъ день если не буря, то сильный вѣтеръ: вслѣдствіе этого въ кибиткѣ почти такъ же холодно, какъ и на воздухѣ. Импровизированную печку (вѣрнѣе—углубленіе въ землѣ) топимъ почти безпрерывно и все-таки въ кибиткѣ морозъ: днемъ отъ 1—2°, а ночью и подъ утро до—4°. Кромѣ того, за невозможностью открыть тюндюкъ (верхнее отверстіе) приходится цѣлый день работать при свѣчахъ. Выйдешь на воздухъ—глаза слѣпитъ отъ постояннаго сидѣнья въ полупотьмахъ.

Если переходъ Гурко и Радецкаго черезъ Балканы удастся, то, вѣроятно, будемъ встрѣчать новый годъ или на Балканахъ, или за Балканами. Если турки не запросятъ мира—пойдемъ на Адріанополь. Такъ какъ онъ сильно укрѣпленъ, то Великій Князь полагаетъ тамъ не задерживаться, а оставить передъ нимъ наблюдательный отрядъ и идти прямо на Демотику. Это предположеніе содержится въ большой тайнѣ.

Но какъ мы будемъ продовольствовать армію и снабжать ее боевыми припасами, когда очутимся за Балканами; какъ устроимъ тамъ санитарную часть—это вопросъ, о которомъ никто не задумывается. Великъ Богъ земли русской—вывезетъ!

Дай Богъ поскорѣе окончить войну. Политическія обстоятельства сложились столь благопріятно для насъ, что такая обстановка едва ли повторится. Случай доканать Турцію—единственный. Но я сильно сомнѣваюсь въ умѣньи использовать его до конца и порѣшить Восточный вопросъ окончательно. Если удастся добиться образованія изъ Болгаріи вассальнаго государства, усиленія Сербіи и Черногоріи и нѣкотораго территоріальнаго приращенія для насъ—то и слава Богу. Полное уничтоженіе Парижскаго трактата—само собой. Бо̀льшаго результата мы не сможемъ добиться. Легко стереть Турцію съ карты Европы,

сидя въ дипломатическомъ и редакціонномъ кабинетѣ, а на дѣлѣ—мудрено.

У насъ здѣсь новая забава: телефонъ. Онъ попалъ сюда случайно. Нѣкто генералъ-маіоръ Адамовичъ выписалъ себѣ ящикъ вина. Привезли ящикъ. Раскупорилъ, видитъ какія-то трубки, похожія на стетоскопы, и отсылаетъ ящикъ къ военно-медицинскому инспектору. Въ то время, когда онъ съ недоумѣніемъ разсматривалъ странную посылку, къ нему случайно зашелъ начальникъ полевого телеграфа Г. М. Шталь, опозналъ въ загадочной посылкѣ телефонный аппаратъ и забралъ его къ себѣ. Тотчасъ же телефонъ былъ установленъ между походною телеграфною станціею и кибиткою Великаго Князя, на разстояніи около версты. Два дня забавлялись переговорами по телефону съ телеграфною станціей, а затѣмъ рѣшили попробовать соединиться съ Порадимомъ. Опять удалось: за 15 верстъ можно переговариваться и узнавать голосъ говорящаго. Но надо говорить очень выразительно и раздѣльно, иначе ничего не разберешь. Весь инструментъ простъ, легокъ, укладистъ и почти никакихъ приспособленій не требуетъ: можно пользоваться обыкновенною телеграфною проволокою. Шталь говоритъ, что можно переговариваться на разстояніи до 60-ти верстъ. Но нельзя сомнѣваться въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого интереснѣйшаго изобрѣтенія, которому, конечно, предстоитъ великая будущность.

19 декабря.—Сегодня получены и донесены Государю по телеграфу слѣдующія извѣстія:

1) „16-го декабря сербы заняли Пиротъ. Подробности этого молодецкаго дѣла слѣдующія. По занятіи Бабиной-Главы и взятіи съ боя прохода св. Николая, былъ двинутъ сильный развѣдочный отрядъ къ укрѣпленному лагерю Будиндолъ, прикрывающему Пиротъ съ сѣвера. Лагерь этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ укрѣпленій, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Нишавы между деревнями Станечна, Нишоръ и Сопотъ. Такъ какъ лагерь оказался сильно занятымъ и почти неприступнымъ съ фронта, то рѣшено было сперва атаковать Акъ-Паланку, а потомъ уже Пиротъ. 12-го началось наступленіе: правая колонна атаковала и взяла Акъ-Паланку, а лѣвая производила въ этотъ день канонаду и демонстративныя атаки противъ Будиндола, для отвлеченія вниманія непріятеля. Общій резервъ оставался на Бабиной-Главѣ. 14-го декабря правая колонна, усиленная частью резерва, двинулась отъ Акъ-Паланки къ Пироту. 15-го въ 8 часовъ утра

она атаковала лѣвый флангъ турецкой позиціи и въ 4 часа пополудни овладѣла Блатой и Бѣлявой, гдѣ и переночевала. Лѣвая колонна, съ первымъ выстрѣломъ правой колонны, двинулась въ атаку съ фронта, взяла Станечну и вошла съ правою колонною въ связь. 16-го декабря, съ разсвѣтомъ, бой возобновился по всей линіи. Правая колонна въ 11 часовъ утра уже вступила въ Пиротъ, встрѣченная жителями съ духовенствомъ во главѣ. Лѣвая же колонна сломила упорное сопротивленіе турокъ лишь тогда, когда они узнали, что у нихъ въ тылу занятъ Пиротъ. Потери: болѣе 50-ти убитыхъ и около 150-ти раненыхъ. Турки, которыхъ было 6 таборовъ, понесли большія потери: вся позиція усѣяна ихъ трупами. Сербы взяли 23 орудія, въ томъ числѣ 4 крупповскихъ".

2) „Генералъ Криденеръ доноситъ отъ 18-го декабря, что 17-го турки очистили Лютиково, которое и занято нашими войсками. Противъ турецкихъ позицій Арабъ-Конакъ и Шандорникъ наши войска занимаютъ: съ сѣвера перевалъ Баба-Конакъ; съ юго-востока Бабу-гору и обходятъ правый флангъ турокъ; съ юго-запада занимаютъ пространство между Даушкіой, Елешницей и Софійскимъ шоссе. Погода перемѣнно отвратительная: морозъ, мятель, глубокіе снѣга. Люди молодцами".

3) „Получилъ еще донесеніе отъ Гурко изъ Чурьяка отъ часу дня 17-го декабря, что турки стоятъ на своихъ позиціяхъ и что сообщенія ихъ съ Софіей совершенно прерваны. Это донесеніе болѣе старое, чѣмъ донесеніе Криденера, которое я уже тебѣ сообщилъ. Цесаревичъ телеграфировалъ сегодня, что у него 18-го декабря все было тихо, только въ центрѣ была безвредная перестрѣлка разъѣздовъ. Снѣга такъ много, что лошади едва двигаются. Ледоходъ продолжается; вчера около полудня даже пароходъ у Батина долженъ былъ прекратить рейсы. Вода спадаетъ. Надо ожидать, что ледъ на Дунаѣ скоро станетъ".

17-го декабря до 5-ти часовъ вечера была перестрѣлка между Журжевымъ и Рущукомъ".

20 декабря.—Вчера я прочелъ Великому Князю, а ночью и сегодня утромъ переписалъ и представилъ къ подписи слѣдующее донесеніе Государю [1]), изъ Богота.

„Настоящее мое донесеніе начну съ того, что сосредоточиваетъ на себѣ теперь мое почти исключительное вниманіе: съ дѣйствій западнаго отряда генералъ-адъютанта Гурко.

---

[1]) Отправлено сегодня же съ фельдъегеремъ капитаномъ Фельшемъ.

„Авангарды этого отряда перешли 16-го декабря Балканы. Подробности этого молодецкаго марша мнѣ еще неизвѣстны, но я могу представить вашему величеству довольно полный очеркъ всѣхъ подготовительныхъ распоряженій, сдѣланныхъ генералъ-адъютантомъ Гурко.

10-го декабря онъ раздѣлилъ ввѣренныя ему войска на шесть отрядовъ. Эти шесть отрядовъ сформированы вновь. Кромѣ нихъ еще три прежнихъ. Всего $78^1/_2$ баталіоновъ, 47 эскадроновъ и сотенъ, 160 орудій.

Въ первыхъ четырехъ отрядахъ было приказано взять только по одному зарядному ящику на орудіе, выбравъ для сего самыхъ лучшихъ лошадей. Людямъ приказано выдать сухарный запасъ по разсчету 1 фунтъ на человѣка въ день, на время съ 13—18 декабря включительно, и водки по три чарки на каждаго. Мясную порцію увеличить; порціонному скоту слѣдовать за войсками. Всѣ обозы и парки, какъ артиллерійскіе, такъ и интендантскіе, были собраны къ вечеру 12-го декабря къ д. Правецъ подъ начальствомъ командира л.-гв. жандармскаго эскадрона полковника Шевича. Всѣ батареи, не вошедшія въ составъ отрядовъ, къ тому же времени собраны у д. Лажени и построены по-батарейно въ нѣсколько линій такимъ образомъ, чтобы всякая батарея, въ какой бы она линіи ни стояла, могла по первому требованію выѣхать безъ всякой помѣхи. Начальство надъ этимъ артиллерійскимъ резервомъ ввѣрено одному изъ батарейныхъ командировъ.

Дороги для движенія войскъ были разработаны, насколько возможно, заблаговременно и для охраненія дорогъ разставлены въ разныхъ мѣстахъ команды саперъ подъ начальствомъ офицеровъ.

13-го декабря генералъ-адъютантъ Гурко началъ свое трудное движеніе въ обходъ турецкой позиціи у Арабъ-Конака. Цѣль движенія—выйти въ Софійскую долину и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать турецкимъ войскамъ, расположеннымъ у Арабъ-Конака, путь отступленія на Софію. Подробности движенія лучше всего видны изъ прилагаемой при семъ диспозиціи, отданной генералъ-адъютантомъ Гурко на 13 декабря.

16-го декабря утромъ головы колоннъ, очевидно, уже овладѣли южными выходами изъ Балканъ, ибо въ 6 часовъ пополудни 16-го декабря генералъ-адъютантъ Гурко отправилъ мнѣ изъ д. Чурьякъ (до Осикова съ вѣстовымъ, а оттуда по телеграфу) слѣдующее донесеніе:

„Выходъ въ долину Софіи открытъ. Я занимаю теперь Нѣгошево, Елешницу и Жиляву. Моя главная квартира въ Чурьякѣ.

Три баталіона стоятъ надъ Даушкіоемъ. Кавказская казачья бригада и астраханскій драгунскій полкъ занимаютъ шоссе между Стольникомъ и Бугаровымъ. Овладѣніе выходами въ долину сопровождалось небольшимъ дѣломъ, причемъ мы потеряли 5 чел. ранеными (2 л.-гв. преображенскаго полка, 3 кавказской бригады). Колонна Г. М. Дандевиля заняла Бабу-гору и выходитъ въ тылъ Шандорнику. Екатеринославскій драгунскій полкъ съ двумя сотнями казаковъ долженъ былъ занять Буново и Мирково. Генералъ Брокъ опять занялъ Челопецъ. Движеніе войскъ встрѣчаетъ невообразимыя трудности: подъемъ орудій на перевалы представляетъ гигантскую работу. Колонны соберутся не ранѣе 17-го декабря вечеромъ, такъ что окончательный выходъ въ долину послѣдуетъ не ранѣе 18-го декабря. Турки были захвачены врасплохъ. Кавказская бригада отбила два транспорта съ сѣномъ и боевыми припасами".

Это было первое полученною мною донесеніе, такъ какъ всѣ приготовленія свои къ походу генералъ-адъютантъ Гурко держалъ въ строжайшей тайнѣ.

Имѣя въ виду тѣ невѣроятныя трудности, съ которыми сопряженъ въ настоящее время переходъ черезъ горы, по заваленнымъ снѣгомъ и обледенѣлымъ дорогамъ, я сильно опасался, что предположенный переходъ черезъ Балканы будетъ, пожалуй, совсѣмъ невозможенъ. Но, слава Богу, начало сдѣлано: желѣзная воля и образцовая распорядительность генералъ-адъютанта Гурко и безпримѣрное мужество, терпѣніе и усердіе войскъ преодолѣли препятствія такъ же, какъ славные предки наши во времена Суворова. Разъ, что начало сдѣлано, я начинаю надѣяться, что и прочимъ войскамъ западнаго отряда удастся спуститься въ Софійскую долину и заставить турокъ очистить позиціи у Арабъ-Конака и Шандорника.

Въ виду этого я, немедленно по полученіи телеграммы Гурко 19-го декабря, сдѣлалъ всѣ распоряженія для перехода черезъ Балканы и на Шипкѣ. 3-й стрѣлковой бригадѣ, находящейся пока еще въ Ловчѣ, я приказалъ двинуться 18-го декабря въ распоряженіе генерала Радецкаго. Генералъ-лейтенантъ Скобелевъ 2-й съ 16-ю пѣх. дивизіей находится въ настоящее время въ Габровѣ, но уже получилъ приказаніе придвинуться 18-го декабря къ Зеленому-Древу и Топлишу. Движеніе войскъ генерала Радецкаго я предполагаю начать, во всякомъ случаѣ, 24-го декабря. Въ общихъ чертахъ предположено совершить движеніе слѣдующимъ образомъ:

Правая колонна генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го пойдетъ отъ Зеленаго-Древа на Иметли.

Лѣвая колонна генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго пойдетъ отъ Травны на Крестецъ, Сельцо и Янину, выславъ прикрывающій боковой отрядъ къ Маглышу.

Обѣ колонны, достигнувъ Иметли и Янины, двинутся въ обходъ обоихъ фланговъ турокъ, на д. Шипку или на г. Казанлыкъ. Движеніе начнется не ранѣе 24-го декабря, если позволитъ погода. Но во всякомъ случаѣ войска могутъ взять съ собой только горную артиллерію.

Три полка 24-й пѣх. дивизіи отправлены пока на поправку въ г. Сельви, такъ какъ число больныхъ въ этой дивизіи, попавшей прямо въ неслыханно-тяжелыя условія шипкинской службы, не успѣвъ втянуться въ эти условія помаленьку, дошло до огромной цифры.

Для облегченія обхода шипкинской позиціи я приказалъ генералу барону Деллингсгаузену произвести, одновременно съ этимъ обходомъ, демонстраціи на Ахмедли, Твардицу и Хаинкіой, условившись съ Радецкимъ относительно времени ихъ производства. Для усиленія демонстрацій я предоставилъ генералъ-лейтенанту Деллингсгаузену право привлечь къ нимъ и 30-ю пѣхотную дивизію, но преимущественно на Османъ-Базарской дорогѣ.

24-го же декабря я предполагаю перевести мою главную квартиру изъ Богота въ Ловчу и оттуда черезъ Сельви въ Габрово; въ послѣднемъ пунктѣ разсчитываю быть 29-го или 30-го декабря. Вмѣстѣ со мною пойдетъ, четырьмя эшелонами, весь гренадерскій корпусъ, который 30-го или 31-го декабря соберется въ Габрово и Сельви. Съ головнымъ эшелономъ гренадерскаго корпуса идетъ 1-й лейбъ-драгунскій московскій вашего величества полкъ и донской № 1 полкъ. 1-й и 9-й уланскіе полки соберутся 30-го или 31-го декабря въ Сельви, но далѣе не пойдутъ впередъ безъ особаго моего приказанія [1]).

Дальнѣйшее движеніе гренадерскаго корпуса и мое будетъ вполнѣ зависѣть отъ хода дѣлъ: если Богъ поможетъ выжить турокъ съ Шипки и благополучно перевалить черезъ Балканы, то я вмѣстѣ съ гренадерскимъ корпусомъ пойду вслѣдъ за отрядомъ генералъ-лейтенанта Радецкаго, займу выгодную позицію и выжду, пока подойдутъ войска западнаго отряда, которыя хочу направить отъ Софіи на Филиппополь. Буду стараться облегчить ему это движеніе. Если удастся овладѣть Филиппополемъ, то,

[1]) Въ настоящее время резервная кавалерія расположена слѣдующимъ образомъ: 1-й драгунскій полкъ — Хирва; 1-й уланскій — Демяново; 1-й донской казачій—Чадырлы; 9-й уланскій—Акинджиляръ; 1-я конная батарея и парки дивизіи—Рава.

устроивъ и обезпечивъ свой тылъ, я двинусь со всѣми силами по направленію къ Адріанополю.

Не могу, однако, скрыть отъ Вашего Величества, что, какъ операція перехода черезъ Балканы, такъ и дальнѣйшее наступленіе будетъ сопряжено съ колоссальными затрудненіями. Каждый шагъ впередъ придется расчищать отъ снѣга и гололедицы; бивакированіе въ горахъ есть не отдыхъ, а страданіе для войскъ. А когда удастся перевалить черезъ горы, то невозможно ручаться за поддержаніе правильнаго сообщенія съ тыломъ: оно будетъ вполнѣ зависѣть отъ каприза погоды. Уже теперь я съ арміей почти отрѣзанъ отъ сообщеній съ имперіей вслѣдствіе ледохода на Дунаѣ [1]), а тогда на сообщеніяхъ моихъ явится еще вторая преграда—Балканы. Подвозъ продовольствія и боевыхъ запасовъ будетъ и крайне затруднителенъ, и неправиленъ.

Но, несмотря на это, я только и думаю о томъ, какъ бы поскорѣе Богъ помогъ перебраться за Балканы, ибо хотя впереди можетъ придтись и очень круто, но стоять на мѣстѣ—еще хуже. Средства края почти совершенно истощены: продовольствіе по сю сторону Балканъ можетъ быть основано только на подвозѣ, а подвозъ крайне труденъ. Продукты же, не поддающіеся дальней перевозкѣ, какъ сѣно и фуражъ, почти совсѣмъ на исходѣ. Въ особенности трудно въ этомъ отношеніи войскамъ отряда цесаревича. Мѣстность, въ которой онъ находится, вообще была очень бѣдна фуражемъ съ самаго начала, а теперь—отрядъ положительно бѣдствуетъ. Подвезти трудно, купить негдѣ. Цесаревичу уже пришлось приказать выдать въ войска неприкосновенный запасъ ячменя, сѣна и конскихъ консервовъ изъ Бѣловскаго склада.

Я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія для экстреннаго подвоза въ восточный отрядъ этихъ запасовъ, но не могу быть увѣреннымъ, что они прибудутъ своевременно, ибо это вполнѣ зависитъ отъ состоянія переправы и дорогъ.

О состояніи дорогъ я уже писалъ Вашему Величеству. Могу лишь прибавить, что онѣ почти непроходимы вездѣ, а не только въ горахъ. Ужасное состояніе дорогъ, въ связи съ разореннымъ положеніемъ восточной части Болгаріи, которая теперь обращается въ совершенную пустыню уходящими изъ нея въ Дели-

[1]) 10 декабря начался ледоходъ; 11-го былъ сорванъ мостъ у Браилова; 14-го разведены мосты у Систова и Батина и переправа совершенно прекратилась. При этомъ систовскіе мосты потерпѣли такія поврежденія, что придется впослѣдствіи, на первое время, изъ двухъ мостовъ оставить одинъ. Вода спадаетъ; надо ожидать, что ледъ на Дунаѣ скоро станетъ.

Орманскіе лѣса мусульманскими жителями—заставило меня призадуматься надъ предположеннымъ мною наступательнымъ движеніемъ восточнаго отряда. Какъ извѣстно Вашему Величеству, я хотѣлъ, чтобы отрядъ этотъ, одновременно съ движеніемъ войскъ генералъ-лейтенанта Радецкаго за Балканы, занялъ линію рѣкъ Лома и Кара-Лома и, утвердившись на ней, выслалъ впередъ подвижныя колонны. Сообразно съ этимъ, его императорское высочество начальникъ отряда представилъ мнѣ свои соображенія. Но, получивъ отъ него рядъ донесеній о совершенной непроходимости дорогъ, о крайнемъ недостаткѣ фуража, о сожженіи деревень уходящимъ мусульманскимъ населеніемъ—я пришелъ къ заключенію, что, пожалуй, благоразумнѣе будетъ отказаться отъ этого движенія. Помѣшать турецкимъ войскамъ уходить за Балканы и сосредоточивать войска для защиты Адріанополя мы не могли и не можемъ. Они уходятъ не по обыкновеннымъ дорогамъ, а переѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ въ Варну, оттуда моремъ въ Константинополь и затѣмъ опять по желѣзной дорогѣ до Адріанополя. Поэтому безцѣльно занимать пустое, разоренное и выжженное пространство: только увеличатся продовольственныя затрудненія и напрасно утомятся войска. Я полагаю, что лучше ихъ поберечь теперь, чтобы потомъ можно было двинуть возможно дальше за Балканы. Въ этомъ смыслѣ я телеграфировалъ цесаревичу, который и пріостановилъ сдѣланныя уже имъ распоряженія для движенія впередъ.

Но чтобы не допустить турокъ спокойно пользоваться рущукско-варнскою желѣзною дорогою для перевозки войскъ, я приказалъ направить отряды для разрушенія ея въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Отъ восточнаго отряда должны быть отправлены только команды охотниковъ для разрушенія ея въ двухъ мѣстахъ: между Рущукомъ и Разградомъ и между Разградомъ и Шумлой. Генералу же Циммерману я велѣлъ выдвинуть для этой цѣли впередъ всю кавалерію и для поддержки ея—отъ 3—4 пѣхотныхъ полковъ. Генералъ Циммерманъ выслалъ кавалерійскій отрядъ къ Базарджику еще 16-го декабря. По имѣющимся у него извѣстіямъ, Базарджикъ сильно укрѣпленъ и занятъ 15.000-мъ отрядомъ. Поэтому онъ полагаетъ, что пройти мимо Базарджика до варна-шумлинской желѣзной дороги чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что мѣстность за Базарджикомъ крайне лѣсистая и пересѣченная. По его же свѣдѣніямъ, турки отправили изъ четыреугольника крѣпостей черезъ Варну моремъ въ Константинополь и оттуда въ Адріанополь только отъ 10 — 20.000, остальныя

же войска оставили въ Рущукѣ, Силистріи, Базарджикѣ и Варнѣ, рѣшивъ держаться въ Восточной Болгаріи въ оборонительномъ положеніи.

Мнѣ остается лишь сказать о кавалерійскомъ отрядѣ генералъ-маіора Арнольди. Отрядъ этотъ вошелъ въ связь съ сербами еще 9-го декабря у Бѣлемира. Получивъ объ этомъ извѣстіе, я приказалъ генералъ-маіору Арнольди выдвинуть 4-й гусарскій маріупольскій полкъ (безъ артиллеріи) отъ Бѣлемира къ Пироту съ тѣмъ, чтобы онъ наступалъ оттуда къ Софіи вмѣстѣ съ передовыми сербскими войсками; а 4-й уланскій харьковскій полкъ, съ 8-ю конною батареею, въ случаѣ оставленія турками Гинчъ-пасса, двинуть отъ Берковаца черезъ этотъ проходъ въ Софійскую долину и приказать ему войти въ связь какъ съ сербами, такъ и съ войсками генералъ-адъютанта Гурко. Для содержанія же связи съ сербами въ сторонѣ Бѣлградчика я просилъ князя Карла выставить бригаду румынской кавалеріи.

Долженъ сказать, что лишь нужда заставляетъ меня обратиться къ содѣйствію румынской кавалеріи. Хотя она и несетъ службу чрезвычайно аккуратно и усердно, но смотритъ на Болгарію не какъ на освобождаемую, а какъ на завоевываемую страну; до меня уже не разъ доходили жалобы на нарушеніе румынами права собственности.

Кромѣ занятія авангардомъ западнаго отряда выходовъ въ Софійскую долину, военныхъ дѣйствій въ промежутокъ времени между 11—17 декабря не происходило; были лишь незначительныя перестрѣлки между разъѣздами на восточномъ фронтѣ. Самымъ выдающимся было дѣло 12-го декабря у Сида и Аяслара, въ которомъ полковникъ Полторацкій съ дивизіономъ чугуевскихъ уланъ и двумя орудіями 18-й конной батареи настигъ турецкій транспортъ, отбилъ скотъ и, разбивъ на-голову прикрытіе, разсѣялъ его, изрубивъ 26 чел. и взявъ 18 чел. въ плѣнъ. Въ этомъ дѣлѣ 1 офицеръ и 2 улана были контужены и 2 улана ранены.

16-го декабря охотники якутскаго пѣхотнаго полка сожгли 18 крайнихъ домовъ деревни Чаталъ-дере (южнѣе Джулуна), изъ которой вооруженные жители постоянно стрѣляютъ по нашимъ разъѣздамъ. При этомъ у насъ 2 нижнихъ чина ранено и 1 пропалъ безъ вѣсти.

Златицкое дѣло 30-го ноября, о которомъ я упоминалъ въ предыдущемъ моемъ донесеніи, оказалось лишь ничтожною перестрѣлкою, хотя и продолжавшеюся цѣлый день, но съ большого разстоянія и безъ всякаго результата. Мы потеряли въ этой

перестрѣлкѣ 2 чел. убитыми и 13 ранеными. Генералъ Брокъ очистилъ, однако, послѣ этого дѣла д. Челопецъ и занялъ ее вновь лишь съ началомъ перехода черезъ горы прочихъ частей западнаго отряда.

Дѣло подъ Еленой 22-го ноября, какъ оказывается изъ общей и частныхъ реляцій, при семъ представляемыхъ, имѣло столь несчастный для насъ исходъ лишь вслѣдствіе нѣсколько неразсчетливой стойкости войскъ, слишкомъ долго и упорно защищавшихъ передовыя позиціи, не имѣвшія для насъ особаго значенія. Отступленіе, неизбѣжное при подавляющемъ перевѣсѣ атаковавшаго насъ непріятеля, было начато слишкомъ поздно и привело поэтому къ столь чувствительной потерѣ въ офицерахъ, нижнихъ чинахъ и орудіяхъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ союзниковъ.

Румынскія войска, занявъ Арцеръ-Паланку, взяли на себя всѣ операціи противъ Бѣлградчика и Виддина; для скорѣйшаго обложенія сего послѣдняго приняты всѣ мѣры.

Сербы превзошли всѣ мои ожиданія. Перейдя 3-го и 4-го декабря границу, они въ продолженіе двухъ недѣль достигли весьма серьезныхъ результатовъ. 7-го декабря они взяли съ бою проходъ св. Николая; 8-го обошли турецкую позицію у Бабиной Главы и, принудивъ этимъ турокъ отступить, заняли эту позицію; въ тотъ же день взяли съ бою укрѣпленія у Чичины южнѣе Ниша, прервавъ его сообщеніе съ Лесковацемъ. 9-го вошли въ связь съ нашими войсками по дорогѣ изъ Бѣлградчика на Берковацъ, у Бѣлемира. Заняли Мраморъ и Адліе, откуда турки отступили безъ боя. У Адліе вошли въ связь съ румынами, дѣйствовавшими противъ Бѣлградчика. Будучи атакованы сѣвернѣе Ниша турками, отбили атаку съ большимъ урономъ. 11-го декабря атаковали Куршумле, выбили оттуда гарнизонъ, состоявшій изъ 200 чел. низама и 2.000 арнаутовъ и башибузуковъ и овладѣли этимъ пунктомъ, взявъ лагерь, оружіе, боевые припасы и лошадей. 12-го декабря взяли, послѣ восьмичасового боя, Акъ-Паланку и отбросили турокъ на Лесковацъ, овладѣвъ при этомъ тремя орудіями. 16-го декабря взяли Пиротъ и въ немъ 23 орудія.

Достойно замѣчанія, что оба послѣдніе пункта были взяты благодаря остроумно-составленному, заранѣе-обдуманному плану и точному, искусному его исполненію. Атака на Акъ-Паланку была произведена раньше атаки на Пиротъ потому, что по предварительной рекогносцировкѣ укрѣпленій послѣдняго оказа-

лось, что взять ихъ съ фронта чрезвычайно трудно. Поэтому было рѣшено сперва овладѣть Акъ-Паланкой, а потомъ уже направить оттуда главный ударъ на лѣвый флангъ пиротской позиціи, наименѣе защищенный природою и укрѣпленіями. Овладѣвъ Акъ-Паланкою при помощи искуснаго обходнаго движенія, исполненнаго подъ покровомъ тумана, сербы двинулись оттуда къ Пироту 14-го декабря. Колонна, стоявшая противъ Пирота со стороны Бабиной-Главы, между тѣмъ, все время обманывала турокъ канонадою и ложными атаками съ фронта. 15-го декабря подошла правая колонна отъ Акъ-Паланки и овладѣла деревнями Блатой и Бѣлявой, на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи. Между тѣмъ, лѣвая колонна, атаковавъ съ фронта, взяла д. Станечну. 16-го декабря Пиротъ былъ взятъ, причемъ лѣвая колонна заняла городъ въ тылу непріятеля и этимъ заставила его поспѣшно отступать. Теперь сербы могутъ выполнить задачу, данную имъ мною въ началѣ войны: оставивъ отрядъ для наблюденія за Нишемъ, идти на Софію, на соединеніе съ нашими войсками".

М. Газенкампфъ.

ДВОРЯНСТВО
и
ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

Мы имѣли уже случай, говоря о дворянскомъ землевладѣніи [1]), высказать, что хотя дворянское землевладѣніе и не находится въ столь безвыходномъ положеніи, какъ это утверждаютъ пессимисты, но все же, по разнымъ причинамъ, а не только вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, ему пришлось перенести довольно тяжелый кризисъ, послѣдствія котораго продолжаютъ проявляться по настоящее время.

При такомъ положеніи дѣла правительство рѣшилось въ послѣднее время, вслѣдствіе ходатайства дворянскихъ обществъ, придти имъ на помощь еще рядомъ мѣропріятій, которыя и остается разсмотрѣть.

Вопросъ о кредитѣ продолжаетъ играть первостепенную роль въ потребностяхъ дворянскаго землевладѣнія. Относительно долгосрочнаго ипотечнаго кредита уже дарованныя дворянству льготы достигли, какъ мы видѣли, послѣднихъ предѣловъ возможнаго, при данныхъ условіяхъ рынка.

Затѣмъ остается краткосрочный соло-вексельный кредитъ, относительно котораго оказалось возможнымъ допустить еще рядъ облегченій, соотвѣтственно желаніямъ дворянства.

Въ дополненіе къ этому, состоялось, по почину самого дворянства, изданіе положенія о дворянскихъ кассахъ, имѣющихъ назначеніемъ оказывать дворянамъ-землевладѣльцамъ помощь въ

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы“, 1904 г., мартъ, 5 стр.

исправномъ внесеніи слѣдующихъ банкамъ, за заложенныя имѣнія, платежей, въ такіе моменты, когда вслѣдствіе какихъ-либо исключительныхъ затрудненій землевладѣльцы оказывались бы временно лишенными возможности своевременно исполнить лежащія на нихъ срочныя обязательства.

Въ другой области дворянамъ оказано воспособленіе по образованію дворянскаго юношества, учрежденіемъ спеціальныхъ дворянскихъ корпусовъ и дарованіемъ пособій на устройство интернатовъ.

Наконецъ, по желанію дворянства выработано положеніе о временныхъ заповѣдныхъ имѣніяхъ, измѣнены условія пріобрѣтенія права дворянства и подвергнуто пересмотру все положеніе о дворянскихъ учрежденіяхъ, въ видахъ бо́льшаго приспособленія ихъ къ главной цѣли поддержанія дворянства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена спеціальная канцелярія для дѣлопроизводства по дворянскимъ дѣламъ.

I.

Соло-вексельный кредитъ.

Въ 1883 г., какъ уже выше указано, дворянамъ-землевладѣльцамъ было предоставлено пользованіе краткосрочнымъ кредитомъ, подъ соло-векселя, изъ государственнаго банка.

Кромѣ долгосрочнаго кредита, землевладѣлецъ можетъ нуждаться еще въ средствахъ оборотныхъ для уплаты рабочимъ, на покупку сѣмянъ и на тому подобные расходы, которые должны возвращаться въ теченіе болѣе краткаго срока и которые потому называются оборотными.

Несомнѣнно, эти средства могутъ быть добыты и путемъ ипотечнаго кредита и притомъ болѣе дешевымъ образомъ, если изъ полученной ипотечной ссуды землевладѣлецъ отдѣлитъ часть въ оборотный капиталъ, который и будетъ дѣйствовать изъ года въ годъ, постоянно потребляясь и постоянно возстановляясь. Такъ поставлено дѣло на западѣ, гдѣ совершенно не существуетъ соло-вексельнаго земельнаго кредита. Но тамъ ипотечная задолженность не превышаетъ 50% стоимости имѣнія, у насъ же *нормальною* задолженность опредѣляется въ 60%, а фактически большинство имѣній заложены въ несравненно высшемъ размѣрѣ. Если, кромѣ того, принять въ соображеніе, что оцѣнка

имѣній у насъ въ значительной мѣрѣ была сдѣлана при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, то нельзя не признать, что послѣ всего того, что уже сдѣлано для облегченія пользованія долгосрочнымъ кредитомъ, выдача дополнительныхъ ипотечныхъ ссудъ для образованія оборотныхъ капиталовъ представлялась совершенно невозможною. При такихъ условіяхъ именно тѣ землевладѣльцы, которые наиболѣе нуждались въ оборотныхъ средствахъ, не имѣли возможности добыть таковыя путемъ ипотечнаго кредита.

Для удовлетворенія этой послѣдней потребности и введена была у насъ въ 1883 г. соло-вексельная операція.

Съ самаго начала ея открытія въ средѣ дворянства стали высказываться жалобы на стѣснительность нѣкоторыхъ постановленій, которыми была обставлена эта операція, но особенное неудовольствіе въ средѣ дворянъ-заемщиковъ было вызвано изданіемъ правилъ 1896 года.

До 1896 г. оборотный кредитъ назначался безсрочно, по правиламъ же 1896 г. для соло-векселей былъ установленъ максимальный годовой срокъ, по истеченіи котораго открытый землевладѣльцу кредитъ подвергался пересмотру, причемъ разрѣшеніе продленія прежняго кредита на дальнѣйшій годъ должно было обусловливаться, такъ называемымъ, правильнымъ пользованіемъ кредита, т.-е. такимъ его использованіемъ, при которомъ частныя позаимствованія покрывались соотвѣтственными частными уплатами, и притомъ полученныя средства дѣйствительно употреблялись на предназначенный предметъ; кромѣ того, должно было быть принимаемо въ соображеніе: продолжаетъ ли состояніе имѣнія обезпечивать размѣръ открытаго кредита. Въ противномъ случаѣ кредитъ подвергался постепенному сокращенію. Затѣмъ пріемъ векселей долженъ былъ прекращаться уже при первой публикаціи, а при второй — кредитъ подвергался окончательному закрытію.

Всѣ эти распоряженія, какъ мы видѣли, дворянство считало крайне стѣснительными для себя. Такъ какъ результаты сельско-хозяйственнаго оборота проявляются обыкновенно только на слѣдующій годъ, то оборотный сельско-хозяйственный кредитъ, по мнѣнію дворянства, долженъ бы простираться по крайней мѣрѣ на пятнадцати-мѣсячный срокъ; затѣмъ, сообразно съ условіями сельскаго хозяйства, не дающаго большого дохода, и оборотный кредитъ для него долженъ бы быть кредитомъ дешевымъ.

Постановленія правилъ 1896 года не отвѣчали, по мнѣнію дворянъ-землевладѣльцевъ, ни тому, ни другому требованію —

кредитъ оказывался и слишкомъ краткосрочнымъ, и слишкомъ дорогимъ; ссуда въ 2.000 руб. обходилась, если принять въ соображеніе всѣ расходы, соединенные съ открытіемъ кредита, въ $8^1/_2$, а ссуда въ 1.000 руб.—въ 11% и т. д.

Утвержденіе, что первоначальныя постановленія соло-вексельной операціи соотвѣтствовали потребностямъ заемщиковъ, потомъ же послѣдовали разныя стѣсненія, не вполнѣ было согласно съ дѣйствительностью. При учрежденіи соло-вексельной операціи совершенно не имѣлось въ виду допущенія ни долгосрочнаго кредита, ни переписки векселей. Въ первональныхъ правилахъ было постановлено, что кредитующіяся лица обязаны соблюдать срочность уплаты и производить таковую наличными деньгами, а не перепиской векселей. Въ послѣдующее время были дѣйствительно изданы разныя дополнительныя правила, но эти правила обусловливались необходимостью соблюденія вышеозначеннаго главнаго основанія и сохраненія за соло-вексельнымъ кредитомъ характера краткосрочности, т.-е. кредита, предназначаемаго исключительно для оборотныхъ операцій, и были вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что съ самаго начала переписка векселей, принципіально не допускаемая, стала все болѣе и болѣе внѣдряться и, наконецъ, сдѣлалась явленіемъ почти общимъ. Выданныя деньги не возвращались въ банкъ, а между тѣмъ сумма кредитовъ росла все сильнѣе и сильнѣе. Съ 3,8 милліоновъ рублей при началѣ операціи въ 1884 г. затрата банка возросла въ 1895 г. до 59 милліоновъ, съ остаткомъ къ концу года, какъ выше показано, до 27 милліоновъ. При такомъ положеніи дѣла, въ виду невозможности иммобилизаціи столь значительной суммы въ долгосрочную и трудно-реализуемую затрату, банкъ старался, не стѣсняя чрезмѣрно заемщиковъ, реализовать постепенно долги по соло-векселямъ, превратившимся фактически въ долги долгосрочные; только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная реализація оказывалась невозможною, банкъ приступалъ къ ликвидаціи ссуды. Никакихъ рѣзкихъ мѣръ при этомъ принимаемо не было, не требовалось внезапнаго погашенія выданныхъ ссудъ и не приступалось къ продажѣ заложенныхъ въ банкѣ имѣній. Банкъ ограничивался требованіемъ частичнаго десятипроцентнаго погашенія долга при замѣнѣ срочныхъ векселей, т.-е., другими словами, устанавливалась десятилѣтняя разсрочка долга для лицъ, которыя не были въ состояніи подчиниться требованіямъ новыхъ правилъ. Но и это требованіе касалось только случаевъ неправильнаго пользованія кредитомъ. При правильномъ же пользованіи ссудами сокращеніе кредита предусматривалось только для исключительныхъ случаевъ.

При опредѣленіи размѣра роста по необходимости приходилось сообразоваться съ рыночнымъ процентомъ. Сообразно съ этимъ въ самомъ началѣ ростъ по соло-вексельной операціи былъ установленъ въ 6% и затѣмъ пониженъ до 5 и $4^1/_2$%. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ крайне сильное развитіе соло-вексельной операціи, при значительномъ паденіи кассовой наличности банка, вызвало въ 1895 г. необходимость повышенія процента, который былъ доведенъ до $6^1/_2$. По минованіи же стѣсненія рынка процентъ былъ опять пониженъ до 6 и $5^1/_2$.

Не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ дѣлѣ кредита необходимо сообразоваться не только съ потребностью кредитующихся, но и съ источниками, изъ коихъ почерпаются средства для кредитованія. Получая средства отъ вкладчиковъ, кредитное учрежденіе, играющее роль посредника, принуждено сообразоваться относительно размѣра, срочности и роста ссудъ съ количествомъ поступающихъ вкладовъ и съ рыночнымъ процентомъ. Помѣщеніе на долгіе сроки суммъ, принятыхъ въ видѣ краткосрочныхъ вкладовъ, представляло бы коренное нарушеніе основъ банковаго дѣла и повело бы къ подрыву всякой гарантіи банковой состоятельности. Заемщики большею частію не хотятъ себѣ усвоить этой точки зрѣнія. Ипотечный кредитъ можетъ быть долгосрочнымъ, потому что средства для него обрѣтаются путемъ выпуска долгосрочныхъ долговыхъ обязательствъ; но въ совершенно другомъ положеніи находится соло-вексельный кредитъ, питаемый средствами банковой кассы, наличность которой постоянно измѣняется. Замѣчаніе, что соло-вексельный кредитъ не чисто личный кредитъ, потому что онъ обезпечивается стоимостью самого имѣнія, не измѣняетъ сущности дѣла. Банку необходимъ реально-краткосрочный портфель, т. е. такой, который дѣйствительно можно реализовать въ краткій срокъ. Между тѣмъ путемъ продажи имѣній,—уже не говоря о томъ, что банкъ совершенно не приступалъ къ этому средству по соло-вексельной операціи,—занятыя суммы не могли бы быть возвращены въ срокъ. Оставаясь на почвѣ правильнаго веденія дѣла и не теряя изъ вида, что главная задача банка—обезпеченіе правильнаго денежнаго обращенія, банкъ не могъ допускать превращенія соло-вексельныхъ ссудъ въ долгосрочныя обязательства съ ипотечнымъ характеромъ. Точно также и размѣръ кредитованія подъ соло-векселя долженъ былъ зависѣть отъ размѣра прилива капиталовъ на денежный рынокъ, а высота процента кредитованія—отъ рыночнаго процента. Вотъ почему банкъ не имѣлъ возможности принимать прежде всего въ соображеніе

стѣснительность хозяйственнаго положенія лицъ, нуждающихся въ кредитѣ, а долженъ былъ сообразоваться съ условіями капитальнаго рынка.

При такихъ условіяхъ, въ видахъ удовлетворенія вышеуказанныхъ дворянскихъ ходатайствъ, пришлось ограничиться нижеизложенными облегченіями въ существовавшихъ соло-вексельныхъ правилахъ, какъ не противорѣчащихъ по самому существу основной задачѣ государственнаго банка.

Относительно продленія срока векселей. По дѣйствовавшимъ правиламъ кредиты въ сущности назначались безсрочно; требовалось только, чтобы каждое позаимствованіе покрывалось въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двѣнадцати-мѣсячнаго срока. При невозможности допущенія болѣе продолжительнаго срока по соло-векселямъ, въ видахъ облегченія постановлено, что кредитъ можетъ оставаться неизмѣннымъ въ томъ случаѣ, когда совокупность взятыхъ въ теченіе года кредитовъ покрывалась ежегодными доходами имѣнія. Что же касается переписки старыхъ векселей, было признано возможнымъ считать оплату срочныхъ векселей деньгами обязательною только въ томъ случаѣ, когда заемщикъ изъявлялъ желаніе сохранить дарованный ему кредитъ на прежнихъ основаніяхъ, съ допущеніемъ притомъ одной трехмѣсячной отсрочки безъ частичнаго погашенія долга, и оплаты срочныхъ векселей на счетъ могущаго быть остатка кредита. Невозможность же уплаты векселя деньгами должна затѣмъ вести къ сокращенію кредита [1]).

Относительно *размѣра задолженности* признано возможнымъ поднять таковую съ 60 до 75%, съ непринятіемъ въ разсчетъ одного полугодового платежа; касательно же опредѣленія *размѣра оборотнаго капитала*—исчислять его не на десятину всякой земли, а на десятину пашни, съ нѣкоторымъ увеличеніемъ числа особыхъ отраслей сельскаго хозяйства, принимаемыхъ при этомъ разсчетѣ въ дополнительное соображеніе, за исключеніемъ молочнаго хозяйства, какъ составляющаго естественную принадлежность всякаго сельскаго хозяйства.

Записки дворянства содержали жалобы на *составъ учетнаго комитета* банка, который былъ призванъ къ разбору степени состоятельности заемщика. Комитетъ этотъ состоялъ изъ 8 купцовъ и 4 землевладѣльцевъ, такъ что по числу голосовъ за купцами всегда оставалось большинство. Вслѣдствіе того, по мнѣ-

[1]) При нормальномъ же пользованіи кредитомъ, сокращеніе его, которое допускалось въ исключительныхъ случаяхъ, впредь уже не будетъ имѣть мѣста.

нію дворянства, купцамъ предоставлялась возможность, во-первыхъ, влiять на опредѣленіе стоимости дворянскихъ имѣній, а затѣмъ и знакомиться съ положеніемъ дѣлъ кредитующихся дворянъ. При такихъ условіяхъ купцы, желавшіе пріобрѣсть дворянское имущество, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ владѣльца, могли, затрудняя выдачу ему дополнительнаго кредита, принудить владѣльца къ отчужденію недвижимости по низкой цѣнѣ. Если же это предположеніе на практикѣ и не осуществлялось, то все же землевладѣлецъ, находящійся въ зависимости отъ купца, часто могъ быть принужденъ продавать ему хлѣбъ по невыгодной для него цѣнѣ, потому что купецъ, пользуясь своими свѣдѣніями о положеніи продавца, могъ производить на него давленіе.

Въ видахъ удовлетворенія въ этомъ отношеніи желаній дворянства, постановлено, что учетный комитетъ для соло-вексельной операціи будетъ впредь составляться исключительно изъ свѣдущихъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, съ совершеннымъ устраненіемъ изъ него купеческаго элемента.

Что касается *размѣра роста*, то въ виду, хотя бы и неосновательныхъ, сѣтованій на бо́льшую дешевизну коммерческаго кредита, признано возможнымъ постановить общимъ правиломъ, что высшій процентъ по соло-вексельной операціи не долженъ превышать существующаго въ данное время размѣра учетнаго процента для шести-мѣсячныхъ торговыхъ векселей. *Контроль* за употребленіемъ полученныхъ подъ соло-векселя денегъ также вызывалъ неоднократно неудовольствіе заемщиковъ. По мнѣнію дворянъ-землевладѣльцевъ, пользовавшихся соло-вексельнымъ кредитомъ, не слѣдовало терять изъ вида, что соло-вексельный кредитъ есть кредитъ оборотный, а не меліоративный. При послѣднемъ естественно и правильно слѣдить за тѣмъ, чтобы кредитуемыя деньги употреблялись дѣйствительно на то улучшеніе, на которое онѣ испрашивались; но при оборотномъ кредитѣ слѣдовало бы только наблюдать за своевременной уплатой по векселямъ, предоставляя заемщику распоряжаться по своему усмотрѣнію полученными суммами. Такъ какъ у купца при учетѣ векселя не спрашивается на что́ онъ употребитъ ссужаемыя ему деньги, то справедливо ли подвергать контролю употребленіе дворянами полученныхъ ими по векселю денегъ подъ угрозою сокращенія или даже совершеннаго закрытія кредита за несоотвѣтствіе въ способѣ употребленія ихъ съ указанными правилами. Затѣмъ, самый процесъ контроля представлялся стѣснительнымъ и непріятнымъ для землевладѣльца по своей формѣ. Онъ производился коман-

дируемыми для того чиновниками банка, которымъ приходилось показывать всѣ подробности хозяйства, подчинять ихъ оцѣнкѣ всѣ дѣйствія хозяина, доказывать имъ, что деньги употреблены правильно и т. д., причемъ точность и вѣрность собранныхъ чиновниками свѣдѣній трудно подчинялась повѣркѣ. Все это ставило нуждавшагося въ краткосрочномъ кредитѣ землевладѣльца въ крайне тяжелое положеніе.

По дѣйствовавшимъ правиламъ соло-вексельныя ссуды должны были дѣйствительно имѣть предметный характеръ, т.-е. точно опредѣленное назначеніе. Въ этихъ видахъ производился до открытія кредита осмотръ имѣнія, съ цѣлью опредѣленія размѣра потребности въ оборотномъ капиталѣ; затѣмъ при разрѣшеніи каждой ссуды обсуждался вопросъ о необходимости ея для хозяйства, наконецъ, по временамъ производился еще осмотръ имѣнія для постояннаго наблюденія за экономическимъ его положеніемъ и за правильностью употребленія разрѣшенной ссуды.

Въ виду сѣтованія дворянства на стѣснительность подобнаго порядка допущены слѣдующія въ немъ измѣненія.

Признано возможнымъ не входить въ обсужденіе назначенія каждой отдѣльной ссуды съ тѣмъ, чтобы ограничиваться наблюденіемъ за общимъ положеніемъ хозяйства заемщика; такимъ образомъ заемщику предоставлена возможность пользоваться полученными деньгами по своему усмотрѣнію. При этомъ постановлено, что поводомъ къ сокращенію кредита при его пересмотрѣ можетъ служить только малая подвижность въ позаимствованіяхъ изъ открытаго кредита, т.-е. исчерпываніе его полностью или въ значительномъ размѣрѣ.

Нормальнымъ пользованіемъ кредита нельзя не признавать такое пользованіе, при которомъ въ каждый моментъ изъ него берется столько, сколько нужно для даннаго оборота, причемъ по окончаніи оборота вексель уплачивается, потомъ вновь берется ссуда и т. д. Когда же съ самаго начала выбирается весь кредитъ и остается не возвращеннымъ до послѣдняго срока, то это служитъ доказательствомъ, что деньги взяты не на потребности оборота.

Такимъ образомъ, совершенно устраненъ меліоративный характеръ ссуды, и за нею сохраненъ только характеръ кредита оборотнаго.

Наконецъ, относительно *осмотра* имѣнія признано возможнымъ совершенно отказаться отъ предварительнаго осмотра во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ испрашиваемаго кредита не превышаетъ 10% имѣющейся въ банкѣ оцѣнки имѣнія, при

одновременномъ ограниченіи нормы кредита десятью рублями на десятину посѣва; такимъ образомъ, можно сказать, что при испрошеніи нормальнаго кредита уже не будетъ требоваться предварительнаго осмотра имѣнія, каковое будетъ имѣть мѣсто только тогда, когда заемщикъ пожелаетъ воспользоваться кредитомъ въ высшемъ размѣрѣ. Что же касается послѣдующихъ осмотровъ, то и таковые будутъ производиться только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно—когда вовсе не имѣется свѣдѣній о положеніи хозяйства или хотя и имѣются свѣдѣнія, но неблагопріятныя.

Въ дополненіе ко всему вышеизложенному, признано было еще возможнымъ устранить разныя формальности, на стѣсненія которыми жаловались землевладѣльцы, а именно—тройная публикація недоимщиковъ замѣнена однократною, съ соотвѣтственнымъ сокращеніемъ расходовъ на публикацію и со взысканіемъ платы за нее при самой выдачѣ ссуды, отмѣнено веденіе особыхъ списковъ неисправныхъ заемщиковъ, разрѣшено вносить слѣдующіе банку платежи не только въ банкъ, но и въ мѣстныя казначейства и т. п.

Затѣмъ неоднократно возникалъ вопросъ, насколько землевладѣльцы, пользующіеся *торговымъ кредитомъ*, могутъ единовременно пользоваться и соло-вексельнымъ кредитомъ?

По постановленіямъ уставовъ коммерческихъ банковъ, послѣднимъ предоставлено учитывать только основанные на торговыхъ сдѣлкахъ векселя. Само собою разумѣется, что и въ распоряженіи землевладѣльцевъ могутъ находиться такіе векселя, поскольку они продаютъ произведенія своего хозяйства въ кредитъ. Равнымъ образомъ землевладѣльцы могутъ извлекать извѣстную пользу также и изъ того кредита, который банки, на точномъ основаніи своихъ уставовъ, предоставляютъ торговцамъ для учета векселей, выданныхъ землевладѣльцами. Должно ли пользованіе такимъ чисто коммерческимъ кредитомъ служить поводомъ къ сокращенію соло-вексельнаго кредита? Въ интересахъ землевладѣльцевъ этотъ вопросъ разрѣшенъ такимъ образомъ, что сокращеніе торговыхъ кредитовъ будетъ впредь происходить только въ томъ случаѣ, когда торговый кредитъ открытъ на нужды предпріятія, обороты котораго будутъ приняты въ разсчетъ при опредѣленіи размѣра соло-вексельнаго кредита.

Не ограничиваясь вышеизложенными облегченіями, возникла мысль, въ видахъ еще болѣе широкаго удовлетворенія потребности и землевладѣльцевъ въ оборотномъ кредитѣ,—воспользоваться для означенной цѣли содѣйствіемъ акціонерныхъ банковъ

и обществъ взаимнаго кредита. Въ пользу привлеченія послѣднихъ къ оказанію краткосрочнаго землевладѣльческаго кредита говорило то соображеніе, что частнымъ банкамъ, въ особенности же основаннымъ на началахъ взаимности, болѣе чѣмъ государственному банку доступна оцѣнка кредитоспособности заемщиковъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ они безпрепятственно могутъ производить взысканія съ послѣднихъ, не стѣсняясь такими обстоятельствами, съ которыми иногда приходится считаться правительственному кредитному учрежденію. Въ силу этихъ соображеній въ 1898 г. былъ изданъ законъ о разрѣшеніи означеннымъ кредитнымъ учрежденіямъ выдавать ссуды подъ соло-векселя, обезпеченные сельско-хозяйственными имѣніями. Хотя значительное число банковъ вслѣдствіе того изъявили желаніе производить такія ссудныя операціи, послѣднія не получили, однако, до сего времени значительнаго развитія. По начало 1902 года было выдано такихъ ссудъ подъ соло-векселя всего лишь на сумму около двухъ милліоновъ рублей.

Въ средѣ дворянства возбуждался, кромѣ того, вопросъ объ организаціи краткосрочнаго сельско-хозяйственнаго кредита самимъ дворянствомъ путемъ землевладѣльческихъ товариществъ, связанныхъ круговымъ другъ за друга ручательствомъ, которыя бы стали дѣйствовать сначала при помощи государственнаго банка и затѣмъ самостоятельно на собственныя средства. Возможность практическаго осуществленія такого предположенія возбудила, однако, серьезныя сомнѣнія въ средѣ самого дворянства. Многіе члены дворянства указывали на то, что круговая отвѣтственность членовъ подобныхъ товариществъ могла бы имѣть значеніе въ томъ лишь случаѣ, если бы въ составъ товарищества вошли состоятельные землевладѣльцы, могущіе представлять серьезную гарантію исправности долговыхъ платежей; а такъ какъ подобныя лица всегда могутъ найти кредитъ и внѣ проектируемыхъ товариществъ, то можно было сомнѣваться, чтобы они согласились принять на себя рискъ отвѣтственности по обязательствамъ другихъ менѣе кредитоспособныхъ землевладѣльцевъ. Затѣмъ нельзя было не принять въ соображеніе, что и означенныя товарищества могли бы дѣйствовать только въ зависимости отъ условій денежнаго рынка, какъ и другіе банки. Вслѣдствіе того этотъ проектъ не получилъ осуществленія и все ограничилось въ средѣ дворянства учрежденіемъ дворянскихъ кассъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Вышеприведенныя постановленія, предоставляющія нѣкоторыя льготы соло-вексельнымъ заемщикамъ, имѣли главною цѣлью урегулировать соло-вексельную операцію и постепенно ликвидировать тѣ кредиты, которые получили характеръ неподвижности, безъ особаго стѣсненія для заемщиковъ. Поэтому примѣненіе новыхъ правилъ естественно должно было повести къ сокращенію соло-вексельной операціи. Многіе заемщики приступили къ ликвидаціи своихъ долговъ, испросивъ для этого установленную новыми правилами разсрочку или же получивъ средства для уплаты путемъ перезалога имѣній въ земельныхъ банкахъ. На ряду съ этимъ уменьшилось и число вновь открываемыхъ соло-вексельныхъ кредитовъ, частью вслѣдствіе точнаго соблюденія банкомъ условія краткосрочности позаимствованій, частью вслѣдствіе отказовъ банка принимать въ залогъ имѣнія, ипотечная задолженность коихъ превышаетъ установленную норму. Въ результатѣ сокращеніе оборотовъ по соло-вексельной операціи выразилось въ пониженіи балансоваго остатка ссудъ съ 26,7 милл. руб. къ концу 1896 г. до 14,7 милл. руб. къ концу 1898 г. и 7,6 милл. руб. въ 1901 году.

Затѣмъ при учрежденіи особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности соло-вексельная операція была включена въ программу занятій совѣщанія и подверглась въ его средѣ новому обсужденію. По этому случаю нѣкоторыми мѣстными комитетами были вновь выражены различныя пожеланія, отчасти аналогичныя съ прежде высказанными пожеланіями дворянства, отчасти заключавшія въ себѣ новыя ходатайства.

По разсмотрѣніи этихъ ходатайствъ особое совѣщаніе пришло къ заключенію о возможности допущенія еще нижеслѣдующихъ дальнѣйшихъ облегченій въ постановкѣ соло-вексельной операціи, а именно, признано возможнымъ: разрѣшить обмѣнъ соло-векселей безъ частичнаго погашенія въ предѣлахъ 12-мѣсячнаго срока, а въ случаѣ постигшихъ имѣніе заемщика особыхъ бѣдствій—и за предѣлами этого срока; повысить размѣръ кредита, открываемаго безъ предварительнаго осмотра имѣнія съ 5 до 10% (а по незаложеннымъ имѣніямъ—до 20%) опредѣленной учетнымъ комитетомъ стоимости имѣнія и съ 7 до 10 рублей на десятину обрабатываемой пахотной земли; опредѣлять нормы кредита по отношенію къ оборотному капиталу возможно ближе къ дѣйствительной надобности въ расходахъ по имѣнію, не стѣсняясь существующими нормами, особенно для имѣній мало заложенныхъ; принимать въ разсчетъ, при опредѣленіи размѣра оборотнаго капитала, расходы на спеціальныя отрасли хозяйства и

производства; не признавать сокращеніе хозяйства или обнаруженное его разстройство обязательнымъ поводомъ къ уменьшенію или закрытію кредита и, наконецъ, увеличить компетенцію мѣстныхъ учрежденій государственнаго банка по открытію соло-вексельныхъ кредитовъ.

II.

Губернскія дворянскія кассы взаимопомощи.

Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ обществахъ на собственныя средства были образованы дворянскія кассы для выдачи ссудъ дворянамъ землевладѣльцамъ, находящимся случайно въ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—на уплату процентовъ по лежащимъ на ихъ имѣніяхъ долгамъ. Затѣмъ въ 1897 году, при обсужденіи предположеній о мѣрахъ къ облегченію положенія заемщиковъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, возникалъ вопросъ о введеніи въ отношенія дворянскаго банка къ своимъ заемщикамъ попечительнаго начала, осуществляемаго при посредствѣ мѣстныхъ сословныхъ дворянскихъ учрежденій, на подобіе дворянскихъ кассъ взаимопомощи, уже существовавшихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

Но для того, чтобы подобныя учрежденія взаимопомощи могли получить широкое распространеніе, представлялось необходимымъ оказаніе имъ нѣкотораго вспомоществованія.

Поэтому, естественно возникалъ вопросъ — не слѣдуетъ ли выдавать дворянскимъ обществамъ пособіе изъ государственнаго казначейства въ тѣхъ случаяхъ, когда они будутъ приступать самостоятельно къ устройству подобныхъ кассъ, съ ассигнованіемъ нѣкотораго капитала изъ собственныхъ средствъ.

Цѣлесообразность подобнаго мѣропріятія вызывала, однако, нѣкоторыя существенныя сомнѣнія.

Съ разныхъ сторонъ высказывалось мнѣніе, что охраненіе дворянскаго землевладѣнія едва ли можетъ быть достигнуто означеннымъ путемъ. Въ области поземельнаго кредита предоставленіе заемщикамъ слишкомъ широкихъ льготъ вообще рѣдко приноситъ дѣйствительную помощь, въ особенности когда задолженность дошла уже до крайнихъ предѣловъ. Выдача на покрытіе просроченныхъ взносовъ ссудъ возвыситъ послѣдующій размѣръ годовыхъ платежей—источникомъ же для покрытія ихъ останутся тѣ же доходы отъ имѣнія, которые благодаря такой отсрочкѣ едва-ли сдѣлаются значительнѣе. Предположенный над-

зоръ дворянской кассы за имѣніемъ также не сдѣлаетъ его болѣе доходнымъ. Выданныя ссуды лягутъ лишь новымъ бременемъ на имѣніе и въ конечномъ результатѣ придется все же обратиться къ принудительной его продажѣ и только при еще худшихъ условіяхъ.

Съ другой стороны, въ защиту предполагаемаго мѣропріятія высказывалось, что затруднительное положеніе дворянина можетъ быть временное, вызванное исключительными, случайными неблагопріятными обстоятельствами; въ такой моментъ дополнительное пособіе, которое при обыкновенныхъ условіяхъ было бы совершенно безполезно, можетъ оказать дѣйствительную пользу и спасти землевладѣльца отъ разоренія. Невнесенный въ срокъ платежъ по обременяющему имѣніе долгу увеличиваетъ задолженность на соотвѣтствующую сумму, и пополненіе этого платежа, на счетъ полученной изъ кассы ссуды, не измѣнитъ общаго размѣра задолженности по имѣнію. Несомнѣнно могутъ быть случаи, когда пособіе изъ дворянской кассы не будетъ въ состояніи отвратить катастрофу, но отъ управленія кассы всегда будетъ зависѣть разрѣшать выдачу пособія въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда ссуда дѣйствительно можетъ предотвратить отчужденіе имѣнія, которое безъ такого пособія не могло бы быть сохранено за владѣльцемъ.

Одно то, что въ нѣкоторыхъ дворянскихъ обществахъ уже существуютъ подобныя кассы, доказываетъ, что могутъ быть случаи, когда онѣ будутъ приносить дѣйствительную пользу.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній состоялось постановленіе о факультативномъ учрежденіи губернскихъ дворянскихъ кассъ взаимопомощи. Главнѣйшія статьи означеннаго положенія заключаются въ слѣдующемъ.

Губернскія дворянскія кассы могутъ быть учреждаемы по постановленіямъ губернскаго дворянскаго собранія. На составленіе основного капитала кассы обращается дворянская складка, установляемая губернскимъ собраніемъ, и разныя другія отчисленія и пожертвованія. Кромѣ того, въ теченіе десяти лѣтъ на образованіе капитала кассы имѣетъ производиться ежегодное пособіе изъ казны, въ размѣрѣ дѣйствительно поступившей за истекшій годъ дворянской складки, а въ самый моментъ образованія кассы ассигнуется изъ государственнаго казначейства нѣкоторая единовременная сумма, по непосредственному усмотрѣнію Е. И. В. Кассы выдаютъ потомственнымъ дворянамъ ссуды на производство срочныхъ платежей по займамъ, заключеннымъ подъ залогъ находящихся въ губерніи имѣній. Ссуды

эти съ своей стороны обезпечиваются залогомъ соотвѣтственныхъ имѣній или поручительствомъ двухъ благонадежныхъ лицъ изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ губерніи, причемъ общая задолженность имѣнія, вмѣстѣ съ ссудою изъ кассы, не должна превышать 90% его оцѣнки. Кромѣ того, кассамъ предоставляется выдавать дворянамъ землевладѣльцамъ еще ссуды по случаю разнаго рода бѣдственныхъ событій въ хозяйствѣ имѣнія. Эти послѣднія ссуды подлежатъ возврату по истеченіи годового срока со дня ихъ полученія, но въ виду особо уважительныхъ причинъ возвратъ можетъ быть отсроченъ до двухъ лѣтъ.

При выдачѣ ссуды касса или установляетъ надзоръ за имѣніемъ, обезпечивающимъ ссуду, или принимаетъ имѣніе въ свое завѣдываніе впредь до погашенія долга кассѣ. Касса можетъ, однако, по своему усмотрѣнію,—напр., въ случаѣ успѣшнаго возстановленія доходности имѣнія,—передать его обратно заемщику и ранѣе наступленія означеннаго срока. При накопленіи, напротивъ того, недоимки до суммы, превышающей два срочные платежа, касса приступаетъ къ досрочному взысканію долга.

По ходатайству заемщика дворянскаго банка, имѣніе коего назначено въ продажу съ торговъ, кассѣ предоставляется оставить такое имѣніе за собою, войдя предварительно въ соглашеніе какъ съ держателями частныхъ закладныхъ, такъ и съ другими кредиторами владѣльца, требованія которыхъ обезпечены запрещеніемъ на имѣніи, о порядкѣ разсчета съ ними.

Лежащій на имѣніи долгъ дворянскому банку при этомъ переводится на кассу.

Кассѣ предоставляется кромѣ того оставлять за собою также имѣнія, заложенныя у нея, если торгъ на продажу не состоится или высшею предложенною цѣною долгъ кассѣ не будетъ покрываться.

Имѣніе, оставленное за кассой, должно быть продано не позже пяти лѣтъ со дня поступленія его во владѣніе кассы. При этомъ, въ случаѣ продажи по вольной цѣнѣ преимущественное право на покупку предоставляется въ порядкѣ постепенности прежнему владѣльцу имѣнія и его нисходящимъ родственникамъ. Касса не обязана, однако, входить въ сношеніе съ прежнимъ владѣльцемъ и его нисходящими. Означенныя лица въ случаѣ желанія выкупить имѣніе обязаны сами предварить о томъ кассу, которая, съ своей стороны, сообщаетъ имъ свѣдѣніе о покупной цѣнѣ, а въ случаѣ продажи съ торговъ—извѣщеніе еще и о днѣ торга.

При переходѣ заложеннаго въ кассѣ имѣнія къ новому вла-

дѣльцу переводъ долга кассы на послѣдняго зависитъ во всѣхъ случаяхъ отъ усмотрѣнія кассы, кромѣ случаевъ перехода имѣнія съ публичныхъ торговъ или по наслѣдству, когда долгъ переводится на новаго владѣльца и помимо согласія кассы. При этомъ если лицо, на которое переведенъ долгъ, лежащій на имѣніи, не принадлежитъ къ числу потомственныхъ дворянъ губерніи, то оно обязано во всѣхъ случаяхъ, кромѣ наслѣдованія по закону, погасить весь долгъ въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня акта укрѣпленія на имѣніе или со дня вступленія во владѣніе по завѣщанію.

III.

Пособіе на воспитаніе и образованіе дворянскаго юношества.

Въ 1899 году было постановлено оказывать пособіе дворянскимъ обществамъ на устройство и содержаніе пансіоновъ-пріютовъ для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства изъ сыновей потомственныхъ дворянъ. Въ этихъ видахъ было рѣшено выдавать дворянскимъ обществамъ на расходы по содержанію такихъ пансіоновъ единовременныя пособія изъ государственнаго казначейства въ полномъ размѣрѣ на устройство такихъ пансіоновъ и ежегодныя пособія въ суммахъ, недостающихъ для покрытія издержекъ по ихъ содержанію, сверхъ расходовъ, принятыхъ на себя дворянствомъ, но не болѣе половины означенныхъ издержекъ.

Соотвѣтственно съ этимъ постановленіемъ было израсходовано на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства въ 1900 г. —2.000.000 р., въ 1901 г.—1.000.000 р. и въ 1902 г. тоже 1.000.000 р. Кромѣ того, на государственное казначейство были еще возложены расходы по образованію 415 безплатныхъ вакансій для сыновей потомственныхъ дворянъ въ двухъ новыхъ кадетскихъ корпусахъ, всего 186.750 р. въ годъ, и нѣкоторая сумма по учрежденію дворянскихъ сословныхъ стипендій въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства.

Одновременно съ этимъ, тульскимъ предводителемъ дворянства была возбуждена мысль о желательномъ учрежденіи на соединенныя средства дворянства и государственнаго казначейства сословныхъ закрытыхъ школъ особаго типа, предназначенныхъ къ подготовленію сыновей недостаточныхъ потомственныхъ дво-

рянъ для поступленія въ окружныя юнкерскія училища. Школы эти предполагались въ составѣ трехгодичныхъ классовъ съ элементарнымъ курсомъ образованія.

По мнѣнію тульскаго предводителя дворянства, учрежденіе проектируемыхъ школъ являлось единственнымъ способомъ вернуть значительную часть дворянства къ военной службѣ въ офицерскихъ чинахъ, издавна составлявшей призваніе нашего высшаго сословія. До введенія всеобщей воинской повинности доступъ въ корпусъ офицеровъ былъ широко открытъ сыновьямъ потомственныхъ дворянъ путемъ службы въ юнкерскомъ званіи. Уставъ 1874-го года лишилъ дворянство этого преимущества. Учрежденный тогда, взамѣнъ юнкеровъ, институтъ вольноопредѣляющихся оказался менѣе доступнымъ дворянину, жителю деревни, нежели любому разночинцу, проживающему въ городѣ. Конечно, экзаменъ для поступленія вольноопредѣляющимся, приравненный къ курсу уѣздныхъ училищъ, не могъ считаться труднымъ, но, тѣмъ не менѣе, это все же былъ экзаменъ, требовавшій извѣстныхъ познаній, а пріобрѣсти ихъ довольно значительному числу дворянскаго юношества было далеко не легко. Въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ, именно въ тѣхъ, гдѣ дворянство наиболѣе старинное и, такъ сказать, наиболѣе предъ государствомъ заслуженное, по отзыву предводителя дворянства имѣлось не мало дворянскихъ семей, нерѣдко высокаго рода, но впослѣдствіи обѣднѣвшихъ и проживавшихъ на незначительныхъ клочкахъ земли, ничтожная доходность коихъ лишила собственниковъ этихъ земель возможности давать какое бы то ни было, даже элементарное, образованіе своимъ сыновьямъ, а тѣмъ болѣе приготовлять послѣднихъ къ испытанію по программѣ вольноопредѣляющихся второго разряда. Въ одной тульской губерніи, по отзыву предводителя дворянства, такихъ, въ сущности обнищавшихъ дворянскихъ семей насчитывалось до 500. Затѣмъ, по его же утвержденію, во всѣхъ безъ исключенія внутреннихъ губерніяхъ много такихъ коренныхъ многосемейныхъ дворянъ, которые, при условіи крайняго напряженія своихъ имущественныхъ средствъ, могутъ давать среднее образованіе только одному изъ своихъ сыновей, на воспитаніе же всѣхъ остальныхъ не въ состояніи удѣлить ничего изъ своего скуднаго бюджета.

Для молодыхъ людей обѣихъ указанныхъ категорій, число которыхъ въ общей совокупности, безъ сомнѣнія, весьма значительно, учрежденіе предполагаемыхъ школъ было бы, по мнѣнію предводителя дворянства, истиннымъ благодѣяніемъ, ибо открывало бы имъ доступъ къ служебной дѣятельности, обезпечивающей без-

бѣдное существованіе и отвѣчающей сословнымъ традиціямъ той среды, къ которой они принадлежатъ по рожденію. Подобная мѣра была бы не безполезна и въ общемъ государственномъ смыслѣ, такъ какъ существованіе ея способствовало бы увеличенію числа потомственныхъ дворянъ въ составѣ офицеровъ нашей арміи.

Предположеніе тульскаго предводителя дворянства встрѣтило сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ. Но такъ какъ не въ одной только тульской губерніи имѣлись недостаточныя дворянскія семьи, потребностямъ коихъ въ подготовительномъ образованіи для ихъ сыновей могли бы служить проектируемыя школы, то было признано цѣлесообразнымъ не ограничивать означенную мѣру одною тульскою губерніей и предоставить каждому дворянскому обществу право ходатайствовать объ учрежденіи на вышеуказанныхъ основаніяхъ необходимаго числа такихъ школъ въ предѣлахъ губерніи.

Одновременно съ признаніемъ желательности усиленія дворянскаго элемента въ корпусѣ офицеровъ и принятія съ этою цѣлью соотвѣтствующихъ мѣръ, относительно самой постановки вопроса была, однако, выяснена необходимость существенныхъ измѣненій въ проектируемыхъ правилахъ. Военное вѣдомство стремится къ возвышенію уровня образованія въ средѣ офицеровъ; между тѣмъ, вышеозначенныя школы, въ томъ видѣ, какъ онѣ проектировались, едва ли отвѣчали указанной потребности. Даже въ случаѣ безпрепятственнаго прохожденія воспитанниками школы послѣдующаго курса окружныхъ юнкерскихъ училищъ, такая школа способствовала бы лишь приливу въ корпусъ офицеровъ такихъ лицъ, которыя не имѣли бы среднеобразовательнаго ценза. При соображеніи курса школы съ тѣми требованіями, которыя предъявляются лицамъ, желающимъ подвергнуться существующему конкурсному испытанію для поступленія въ юнкерское училище, нельзя было не усмотрѣть, что требованія эти превышаютъ познанія, которыя могли бы быть пріобрѣтаемы молодыми людьми въ проектировавшихся школахъ. Въ теченіе трехлѣтняго курса научныя свѣдѣнія, требуемыя для вступленія въ юнкерскія училища, не могли бы быть усвоены юношами, не получившими никакой подготовки, а такихъ молодыхъ людей и предполагалось именно принимать въ эти школы. Вслѣдствіе вышеизложеннаго было признано необходимымъ учреждать проектируемыя школы не съ трехлѣтнимъ, а съ пятилѣтнимъ курсомъ, съ соотвѣтственнымъ тому расширеніемъ учебной программы.

Школы предположено открывать по ходатайству дворянства отдѣльныхъ губерній по возможности внѣ городовъ, въ деревенской обстановкѣ, въ усадьбахъ, имѣющихъ разныя угодья, какъ садъ, рощу, рѣку и т. п. Составъ воспитанниковъ каждой школы признано необходимымъ опредѣлить въ 120 человѣкъ интерновъ. Въ виду того, что въ каждой губерніи проживаетъ нѣкоторое число дворянъ, достаточно обезпеченныхъ въ средствахъ жизни, предположено включить въ то число по десяти своекоштныхъ воспитанниковъ съ платою по двѣсти рублей въ годъ. Доходъ отъ нихъ долженъ возмѣщать въ нѣкоторой мѣрѣ расходъ на содержаніе школы.

На устройство каждой школы предположено ассигновать до 150.000 р. изъ государственнаго казначейства, а на содержаніе школы ежегодно сумму въ размѣрѣ отъ половины до трехъ четвертей исчисленныхъ по штату расходовъ, съ тѣмъ, чтобы остальную половину или четверть означеннаго расхода принимало на себя дворянство. Выборъ кандидатовъ предположено предоставить дворянству губерніи, по ходатайству котораго школа будетъ открыта. Представителей дворянства положено, кромѣ того, привлекать непосредственно къ дѣлу въ качествѣ членовъ педагогическаго и хозяйственнаго комитетовъ школы.

Дворянскія кадетскія школы должны будутъ находиться въ вѣдѣніи военнаго министерства.

IV.

Временно-заповѣдныя имѣнія.

Обязательный раздѣлъ родовыхъ дворянскихъ имѣній между всѣми членами семейства, установляемый нашимъ закономъ о наслѣдствѣ, несомнѣнно ведетъ къ дробленію дворянскихъ имѣній и къ измельчанію дворянской собственности.

Устраненіе неблагопріятныхъ для дворянскаго сословія послѣдствій указаннаго закона могло бы быть достигнуто измѣненіемъ самаго закона, въ смыслѣ предоставленія дворянамъ-землевладѣльцамъ права путемъ завѣщанія передавать свои родовыя имѣнія одному изъ своихъ наслѣдниковъ. Тѣмъ самымъ могло бы быть устранено дробленіе дворянскихъ имѣній ниже извѣстнаго предѣла, ведущаго большею частью, съ теченіемъ времени, къ принудительному отчужденію имѣнія и потому къ убыли дворянскаго землевладѣнія.

Вмѣсто предположенія о подобномъ коренномъ преобразованіи нашего законодательства о наслѣдствѣ, въ средѣ дворянства возникла мысль о допущеніи образованія мелкихъ временно-заповѣдныхъ имѣній—нераздѣльныхъ и неотчуждаемыхъ.

Поводомъ къ тому послужилъ между прочимъ примѣръ того, что въ этомъ отношеніи происходитъ съ нѣкотораго времени въ другихъ государствахъ.

Съ разныхъ сторонъ и между прочимъ въ запискѣ рязанскаго дворянства указывалось на то, что уже въ другихъ странахъ, вслѣдствіе сознанія важности интересовъ землевладѣльческаго класса, поземельное законодательство пошло по пути противодѣйствія крайнему измельчанію имѣній. Упадокъ сельско-хозяйственной промышленности и хищническая обработка земли стали обращать на себя вниманіе законодателя. Ранѣе всего этотъ вопросъ получилъ разрѣшеніе въ Сѣверной Америкѣ изданіемъ закона Homestead-law; замѣчательно, что мотивомъ этого закона послужила не экономическая сторона вопроса, а сознаніе необходимости охранить семью путемъ цѣлостной передачи домашняго очага изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существовалъ также законъ равнаго раздѣла земель по наслѣдству, но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ освобождалъ наслѣдника отъ всякой отвѣтственности за долги наслѣдодателя, вслѣдствіе чего землевладѣлецъ могъ пользоваться только личнымъ кредитомъ. Отмѣна этого послѣдняго постановленія повела къ ужасному кризису, до того, что множество землевладѣльцевъ въ разныхъ штатахъ побросали свои владѣнія и направились въ Техасъ на новыя земли. Желая прикрѣпить переселенцевъ къ землѣ и предупредить на будущее время повтореніе того землевладѣльческаго погрома, который проявился въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ, правительство Техаса издало извѣстный Homestead-exemption-law, по которому каждая усадьба становилась принадлежностью всей семьи и обращалась въ такое имущество, котораго никто не можетъ быть лишенъ. На основаніи этого закона каждому землевладѣльцу предоставляется упрощеннымъ формальнымъ порядкомъ, простою записью въ поземельную книгу, объявить свою усадьбу въ опредѣленномъ размѣрѣ, съ домомъ и инвентаремъ, имуществомъ нераздѣльнымъ и не подлежащимъ никакому взысканію. Соотвѣтственный законъ съ незначительными измѣненіями былъ введенъ впослѣдствіи и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ. Затѣмъ въ Европѣ положеніе о нераздѣльности крестьянскихъ участковъ существуетъ въ Ганноверѣ, подобное же положеніе о нераздѣльности какъ крестьянскихъ,

такъ и дворянскихъ имѣній существуетъ въ Вестфаліи, аналогичный законъ о мелкой собственности—въ Австріи и т. д.

Причины, вызвавшія подобныя постановленія въ другихъ странахъ, съ тою же силою дѣйствуютъ и у насъ. Такъ, напр., извѣстный сельско-хозяйственный писатель Шатиловъ, утверждая, что среднепомѣстное дворянство является до сихъ поръ по преимуществу проводителемъ сельско-хозяйственной культуры въ странѣ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что если эта дѣятельность не даетъ еще вполнѣ вѣскихъ результатовъ, то причина къ тому кроется въ необходимости дробить имѣнія между наслѣдниками.

Такимъ образомъ представлялось цѣлесообразнымъ и намъ вступить на этотъ путь, что и подало мысль объ образованіи временно-заповѣдныхъ имѣній, недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ.

Существующій законъ признаетъ учрежденіе безсрочныхъ заповѣдныхъ имѣній, но только для владѣній весьма значительныхъ размѣровъ. По этой причинѣ до сихъ поръ законъ о заповѣдности находилъ примѣненіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Со времени изданія закона о заповѣдности, въ 1845 году, по настоящее время всего учреждено только шестьдесятъ заповѣдныхъ имѣній.

Между тѣмъ дворянская собственность средняго типа значительно превышаетъ у насъ группу большихъ землевладѣльцевъ; притомъ же дворяне-землевладѣльцы средняго размѣра обыкновенно тѣснѣе связаны съ землею и съ мѣстными интересами, чѣмъ большіе землевладѣльцы. Можно было поэтому предположить, что въ этой средѣ найдется не мало лицъ, которыя путемъ заповѣдности пожелаютъ сохранить имѣніе въ цѣлости въ своемъ родѣ.

Незначительное развитіе у насъ начала заповѣдности объяснялось, однако, не только тѣмъ, что законъ ставилъ слишкомъ большія требованія относительно размѣровъ имѣнія, могущаго быть обращеннымъ въ заповѣдное, но еще и тѣмъ, что учрежденіе заповѣдности имѣнія предполагается закономъ на вѣчное время, между тѣмъ какъ послѣднее условіе совершенно не свойственно начинаніямъ частно-гражданскаго характера. Въ Англіи, гдѣ маіоратныя имѣнія весьма распространены, не существуетъ заповѣдности, обязательной для всего нисходящаго потомства учредителя.

Вотъ почему и возникла мысль одновременно съ допущеніемъ заповѣдности для менѣе значительныхъ имѣній ограничить ея обязательный срокъ ближайшими поколѣніями.

Несмотря на несомнѣнныя неудобства существующаго по-

рядка, возникали, однако, сомнѣнія относительно достижимости полезныхъ для дворянства результатовъ отъ предполагаемой мѣры.

Указывалось, что заповѣдность не согласуется ни съ историческимъ ходомъ нашего законодательства, имѣющаго цѣлью обезпеченіе всѣхъ членовъ семьи, ни съ нравами нашего общества, ослабляя прочность семейныхъ узъ и возбуждая въ семьѣ раздоры со стороны обездоленныхъ ея членовъ; что владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, лишенный кредита, вмѣстѣ съ тѣмъ лишается и возможности вводить какія-либо усовершенствованія въ своемъ хозяйствѣ и т. п.

Не отрицая нѣкоторой доли справедливости вышеизложенныхъ соображеній, имъ нельзя было придавать, однако, слишкомъ большого значенія.

Нашъ законъ о наслѣдствѣ стремится, дѣйствительно, къ обезпеченію всѣхъ членовъ семьи, но насколько онъ достигаетъ желаемой цѣли?

Въ сущности онъ ведетъ часто къ совершенно противоположному результату. Вызывая безконечное дробленіе родовыхъ имѣній, онъ тѣмъ самымъ ведетъ только къ разоренію всей семьи, такъ что окончательно ни одинъ изъ ея членовъ не оказывается обезпеченнымъ. Между тѣмъ, при заповѣдности имѣнія глава семейства остается въ обезпеченномъ положеніи и можетъ всегда въ нѣкоторой мѣрѣ оказывать поддержку всѣмъ членамъ семьи. Значеніе заповѣдности не ограничивается устраненіемъ крайняго дробленія дворянскихъ родовыхъ имѣній, но, удерживая въ семьѣ и родѣ дворянскія имѣнія, она можетъ обезпечивать всѣмъ членамъ семьи пріютъ въ родовомъ гнѣздѣ. Это именно и можетъ служить къ укрѣпленію какъ семейныхъ связей, такъ и связей дворянъ съ землею, удерживая ихъ на мѣстахъ; преемственная же принадлежность поземельной собственности упрочиваетъ пріобрѣтаемое нѣсколькими поколѣніями довѣріе окружающаго сельскаго населенія и вліяніе на мѣстное общество. Наконецъ, обязательное обезпеченіе въ нѣкоторой мѣрѣ вдовы и другихъ членовъ семействъ могло бы быть спеціально оговорено.

Что же касается стѣсненія, которому подвергается владѣлецъ заповѣднаго имѣнія въ пользованіи кредитомъ, то этого стѣсненія отвергать нельзя, но ничѣмъ не ограниченная возможность пользоваться кредитомъ едва ли составляетъ преимущество для владѣльцевъ мелкихъ имѣній. При существующемъ дробленіи имѣній возможность залога ведетъ обыкновенно, въ конечномъ результатѣ, къ отчужденію имѣнія и къ конечному разоренію владѣльца. Притомъ же, владѣлецъ заповѣднаго

имѣнія не лишается возможности пользоваться кредитомъ, хотя и въ крайне умѣренномъ размѣрѣ.

Въ виду всего этого мнѣніе правительства склонилось въ пользу удовлетворенія ходатайства дворянства объ изданіи закона о временной заповѣдности. Затѣмъ оставалось только ближе опредѣлить вопросы: о размѣрахъ временно-заповѣдныхъ имѣній, о границахъ, въ которыхъ имъ можетъ быть предоставлено пользованіе кредитомъ, и о способѣ обезпеченія не наслѣдующихъ членовъ семейства.

Относительно *низшаго размѣра* имѣній, которыя могутъ быть обращаемы во временно-заповѣдныя, было признано возможнымъ остановиться на размѣрѣ одного дворянскаго ценза, т.-е. стоимости не менѣе 15.000 рублей, но за исключеніемъ лежащихъ на имѣніи долговъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оказались бы имѣнія, которыя не въ состояніи выдержать заповѣдности. Что же касается высшаго предѣла, то было признано цѣлесообразнымъ установить его въ 10.000 дес., размѣръ, составляющій въ настоящее время низшій предѣлъ имѣній, которыя могутъ быть обращаемы въ вѣчно заповѣдныя, такъ какъ не полагалось упразднять закона о послѣднихъ.

По вопросу о границахъ, въ которыхъ владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній можетъ быть предоставлено пользованіе *кредитомъ*, было принято въ соображеніе, что по основной мысли заповѣдности имѣніе вовсе не можетъ быть обременяемо долгами и можетъ отвѣчать только за тѣ ипотечные долги, которыми имѣніе было обременено еще до объявленія его заповѣднымъ. Могутъ быть, однако, случаи, когда владѣлецъ такого имѣнія, не располагая личнымъ кредитомъ, будетъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, если онъ будетъ лишенъ всякой возможности пользоваться какимъ-либо кредитомъ подъ обезпеченіе имѣніемъ. Въ виду этого соображенія признано возможнымъ разрѣшить владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній, въ особыхъ случаяхъ, съ согласія мѣстныхъ предводителей и депутатовъ дворянства, получать изъ государственнаго банка на льготныхъ основаніяхъ ссуды, не превышающія сложности двухгодового чистаго дохода имѣнія или 8% его стоимости, съ нѣкоторымъ послабленіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ временной неисправности владѣльца въ платежахъ, принятіемъ имѣнія на нѣкоторое время въ опеку и т. п.

Съ другой стороны, было признано необходимымъ установить нѣкоторое обезпеченіе въ интересѣ какъ могущихъ быть кредиторовъ учредителя заповѣднаго имѣнія, такъ и разныхъ мелкихъ

обиходныхъ долговъ, могущихъ оставаться послѣ всякаго владѣльца такими имѣніями.

Учрежденіе временной заповѣдности въ имѣніи существенно измѣняетъ его кредитное положеніе. До учрежденія заповѣдности всякое взысканіе по долгамъ владѣльца могло быть обращено на имѣніе, капитальная цѣнность котораго являлась основаніемъ кредита. Съ учрежденіемъ заповѣдности имѣніе уже не можетъ быть обращаемо въ продажу даже за долговыя обязательства, которыя были заключены учредителями до образованія заповѣдности, за исключеніемъ лишь случаевъ залога имѣнія. Такимъ образомъ, личные кредиторы учредителя временно-заповѣднаго имѣнія, вступившіе съ нимъ въ обязательство, до учрежденія заповѣдности, какъ не огражденные залогомъ имѣнія, были бы поставлены въ невозможность получить удовлетвореніе по своимъ требованіямъ. Подобное положеніе дѣла могло бы даже подать поводъ недобросовѣстнымъ землевладѣльцамъ обращать свое имѣніе въ заповѣдное, чтобы такимъ путемъ уклониться отъ обязанности удовлетворять кредиторовъ. Въ видахъ устраненія подобныхъ злоупотребленій было признано необходимымъ допустить принудительное отчужденіе за долги, заключенные до учрежденія заповѣдности.

По существу заповѣдности, наслѣдники, вступая во владѣніе имуществомъ, не отвѣчаютъ за личные долги, оставшіеся неуплаченными отъ прежняго владѣльца. Въ этомъ отношеніи допущено, однако, исключеніе: 1) для долговъ по счетамъ за издержки по послѣдней болѣзни и погребенію прежняго владѣльца; 2) по содержанію семейства въ послѣднее полугодіе его жизни; 3) по счетамъ за сдѣланныя имъ въ теченіе послѣдняго полугодія починки, поправки и постройки въ имѣніи; 4) по неуплаченному за послѣдніе шесть мѣсяцевъ служителямъ жалованью.

Наконецъ, касательно отвѣтственности владѣльца временно заповѣднаго имѣнія по собственнымъ долгамъ признано необходимымъ предоставить кредитору право, въ случаѣ невозможности покрыть свои претензіи изъ другого имущества владѣльца или изъ доходовъ имѣнія, требовать учрежденія надъ имѣніемъ администраціи. Обращаясь, наконецъ, къ вопросу объ обезпеченіи и наслѣдниковъ послѣ смерти владѣльца временно-заповѣднаго имѣнія, необходимо различить два случая: обезпеченія наслѣдниковъ послѣ учредителя временно-заповѣднаго имѣнія и обезпеченіе наслѣдниковъ послѣдующаго владѣльца такимъ имѣніемъ.

Въ первомъ случаѣ этотъ вопросъ совершенно устранялся бы при согласіи всѣхъ будущихъ наслѣдниковъ на превращеніе ро-

дового имѣнія во временно-заповѣдное, или въ случаѣ обезпеченія ихъ изъ другого имущества учредителя.

Принимая, однако, въ соображеніе, что вновь созидаемый видъ заповѣдности состоитъ въ обезпеченіи сохраненія дворянскихъ имѣній неотчуждаемыми и нераздробляемыми въ рядѣ поколѣній, не только въ интересѣ отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, но и въ видахъ государственной пользы, связанной съ существованіемъ дворянскаго землевладѣнія, нельзя не имѣть въ виду, что подобная задача невыполнима безъ нѣкотораго матеріальнаго ущерба для членовъ семьи, устраняемыхъ въ каждомъ поколѣніи отъ наслѣдованія имѣніемъ, обращаемымъ во временно-заповѣдное. Вотъ почему признано возможнымъ постановить слѣдующее: въ случаяхъ отсутствія согласія всѣхъ будущихъ наслѣдниковъ или невозможности обезпеченія остальныхъ изъ другого имущества—если стоимость имѣнія превышаетъ 25.000 р., разрѣшается превращать имѣніе въ заповѣдное при условіи обезпеченія участи каждаго изъ прочихъ наслѣдниковъ учредителя, соразмѣрно законнымъ ихъ долямъ, такъ чтобы превышеніе наслѣдственной доли получающаго временно заповѣдное имѣніе составляло не болѣе 25.000 р.; если же общая стоимость имѣнія менѣе 25.000 р. (сверхъ банковаго долга), то заповѣдность можетъ быть учреждаема безъ всякаго обезпеченія ненаслѣдующихъ въ такомъ имѣніи членовъ семьи учредителя.

Что же касается наслѣдниковъ владѣльца существующаго заповѣднаго имѣнія, то ихъ положеніе оказывается уже предопредѣленнымъ. Не имѣя возможности распоряжаться заповѣднымъ имѣніемъ для раздѣла наслѣдства, владѣлецъ могъ бы принять только другія доступныя для него мѣры, въ смыслѣ капитализаціи части доходовъ, чтобы не оставить остальныхъ дѣтей въ положеніи полной необезпеченности. Въ случаѣ же смерти владѣльца, не сдѣлавшаго никакого распоряженія въ этомъ отношеніи, признано возможнымъ постановить, чтобы въ имѣніяхъ, превышающихъ стоимость 100.000 р., былъ составляемъ особый капиталъ, для раздѣла между остальными дѣтьми и равняющійся двухлѣтнему съ имѣнія чистому доходу. Владѣльцу же имѣнія стоимостью отъ 25 до 100 тыс. руб. предоставляется право (но не обязанность) возлагать на своего наслѣдника по имѣнію такое обязательство относительно дѣтей, не наслѣдующихъ послѣ него.

Для образованія означеннаго капитала имѣніе можетъ быть закладываемо, но съ тѣмъ, чтобы сумма всѣхъ долговъ на имѣніи не превышала 33% его стоимости.

Относительно вдовы владѣльца заповѣднымъ имуществомъ было бы несправедливо оставлять ее безъ всякаго обезпеченія, а потому признано необходимымъ предоставить вдовѣ какъ учредителя, такъ и всякаго послѣдующаго владѣльца заповѣднымъ имѣніемъ, какая бы ни была стоимость послѣдняго, право на полученіе по смерть или по вступленіи ея въ новое замужество одной шестой части чистаго дохода съ имѣнія.

Если владѣтель имѣнія—лицо женскаго пола, то указанныя права переходятъ къ мужу покойной и ея дѣтямъ.

Выборъ наслѣдника предоставленъ учредителю, но при наличности прямыхъ нисходящихъ потомковъ не допускается назначеніе наслѣдника изъ числа боковыхъ родственниковъ, и мужское потомство предпочитается женскому.

Учредителю и послѣдующимъ владѣльцамъ, не имѣющимъ нисходящаго потомства, предоставлено право завѣщать имѣніе въ пожизненное владѣніе женѣ.

Затѣмъ еще постановлено, что при переходѣ временно-заповѣднаго имѣнія по наслѣдству, оно освобождается отъ взиманія пошлинъ, установленныхъ съ имуществъ переходящихъ безмезднымъ способомъ и, наконецъ, что свойство временно-заповѣднаго имѣнія можетъ быть уничтожено не ранѣе двухъ слѣдующихъ за учредителемъ поколѣній духовнымъ завѣщаніемъ лица унаслѣдовавшаго имѣнія отъ перваго за учредителемъ владѣльца.

V.

Наслѣдственно (вѣчно)-заповѣдныя имѣнія.

Параллельно съ образованіемъ временно-заповѣдныхъ имѣній сохраняетъ силу и основной законъ о наслѣдственныхъ заповѣдныхъ имѣніяхъ.

Высшій размѣръ, который былъ принятъ для временно-заповѣдныхъ имѣній—10.000 десятинъ—совпадалъ съ низшимъ размѣромъ, существовавшимъ для наслѣдственно заповѣдныхъ имѣній.

По этому поводу возникъ вопросъ—не слѣдуетъ ли понизить низшій размѣръ наслѣдственныхъ имѣній.

При такомъ пониженіи оказалась бы цѣлая группа имѣній, которыя по размѣру своему стали бы подходить подъ требованія закона какъ временной, такъ и вѣчной заповѣдности. Съ этимъ не только не связывалось бы никакого неудобства, но, напро-

тивъ того, такое совмѣстное существованіе двухъ типовъ имѣній давало бы возможность землевладѣльцамъ, сообразно съ ихъ желаніями и семейными условіями, обращать свое имѣніе въ ту или другую форму заповѣдности.

И при настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ средняго дворянскаго землевладѣнія положеніе отдѣльныхъ хозяевъ представляется далеко не одинаковымъ. Въ числѣ среднепомѣстныхъ владѣній есть многія, которыя или вовсе не заложены, или заложены въ небольшой соразмѣрно съ ихъ стоимостью суммѣ. Они заключаютъ въ себѣ элементы наибольшей сельско-хозяйственной устойчивости, и владѣльцы ихъ находятся въ наилучшихъ условіяхъ мѣстнаго быта. Сохраненію подобныхъ помѣстій отъ раздробленія и перехода во владѣніе лица другого сословія нельзя было не придавать существеннаго значенія. Собственники означенныхъ имѣній не нуждаются въ особыхъ облегченіяхъ, а поэтому допускаемые для временно-заповѣдныхъ имѣній льготныя правила по уплатѣ банковыхъ долговъ не могли бы ихъ привлечь къ обращенію своихъ помѣстій во временно-заповѣдныя. Можно даже предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль объ отмѣнѣ заповѣдности въ третьемъ поколѣніи могла бы отвратить владѣльцевъ такихъ имѣній отъ превращенія ихъ во временно-заповѣдныя. Поэтому казалось цѣлесообразнымъ предоставить владѣльцамъ имѣній означенной категоріи право устанавливать для нихъ наслѣдственную заповѣдность.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній постановлено понизить низшій размѣръ имѣній, которыя могутъ быть обращаемы въ наслѣдственно-заповѣдныя до 5.000 десятинъ или до размѣра имѣній, приносящихъ не менѣе 6.000 рублей дохода.

VI.

Расширеніе права выкупа родовыхъ имѣній.

Одновременно съ вопросомъ о временной заповѣдности былъ возбужденъ вопросъ о расширеніи права выкупа родовыхъ имѣній, о чемъ были заявлены пожеланія въ нѣкоторыхъ дворянскихъ запискахъ.

По закону выкупъ родовыхъ населенныхъ имѣній предоставляется дворянамъ безъ всякаго ограниченія; что же касается до ненаселенныхъ имѣній, то право выкупа ихъ допускается только при условіи принадлежности продавца и покупателя къ одному сословію.

До освобожденія крестьянъ земельныя имущества находились почти исключительно въ рукахъ дворянъ, которые одни только могли владѣть населенными имѣніями. Въ собственность лицъ другихъ сословій могли поступать только ненаселенныя имѣнія. Но такъ какъ и послѣднія входили большею частью въ составъ родовыхъ дворянскихъ имѣній, то примѣненіе и къ нимъ права выкупа лишило бы лицъ другихъ сословій почти всякой возможности сохранить за собою пріобрѣтенныя ими земли. По этой причинѣ относительно ненаселенныхъ земель и было ограничено право выкупа принадлежностью продавца и покупателя къ одному сословію.

Съ отмѣною крѣпостного права все это измѣнилось, — всѣ имѣнія получили характеръ ненаселенныхъ земель. При такихъ условіяхъ вышеуказанное ограничительное условіе, теряя разумное основаніе, становится только препятствіемъ для дворянъ выкупать свои родовыя имѣнія, перешедшія въ руки лицъ другихъ сословій. Вотъ почему и былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ существующаго ограниченія.

Цѣлесообразность расширенія права выкупа вызывала однако немаловажныя сомнѣнія.

Съ одной стороны, въ общемъ количествѣ сдѣлокъ на недвижимыя имѣнія выкупъ родовыхъ имѣній имѣетъ лишь ничтожное значеніе и потому не можетъ содѣйствовать въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ сохраненію за дворянами ихъ недвижимаго имущества; а съ другой стороны, всякое расширеніе существующаго права выкупа распространило бы связанныя съ нимъ неудобства на бо́льшій кругъ лицъ, являющихся покупателями дворянскихъ имѣній. Въ конечномъ результатѣ это отразилось бы неблагопріятно и на интересахъ самого дворянства. Съ развитіемъ промышленности и экономическихъ оборотовъ неудобства права выкупа должны постоянно возрастать. Земли мобилизируются и образуютъ новыя сельско-хозяйственныя и промышленныя единицы, въ составъ которыхъ входятъ нерѣдко угодья, пріобрѣтенныя въ разное время отъ разныхъ лицъ по отдѣльнымъ актамъ, причемъ могутъ оказаться и участки бывшіе родовые. Выкупъ такихъ участковъ могъ бы разрушить хозяйственное или промышленное значеніе имѣнія и обезцѣнить остающіяся части имѣнія. Лицо, выкупающее родовое имѣніе, обязано по закону уплатить сверхъ цѣны имѣнія и крѣпостныхъ пошлинъ издержки, употребленныя настоящимъ владѣльцемъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія, расходы же по хозяйственному обзаведенію не подлежатъ возврату; между тѣмъ пріобрѣтенный вла-

дѣльцемъ живой и мертвый инвентарь можетъ оказаться для него совершенно ненужнымъ. Что же касается средствъ, употребленныхъ владѣльцемъ на улучшеніе имѣнія, то опредѣлить ихъ съ точностью будетъ всегда крайне трудно.

При такихъ условіяхъ едва ли нашлось бы значительное число лицъ, которыя рѣшились бы употребить свои капиталы на покупку имѣній, могущихъ подлежать выкупу. Распространеніе права выкупа на родовыя имѣнія, отчужденныя лицамъ не дворянскаго происхожденія, неизбѣжно повело бы, поэтому, къ сокращенію числа покупщиковъ дворянскихъ имѣній. Тѣ же лица, которыя все же рѣшились бы пріобрѣтать подобныя имѣнія, озаботились бы огражденіемъ себя отъ возможнаго выкупа, посредствомъ означенія въ купчихъ крѣпостяхъ увеличенной цѣны имѣнія. Оба эти послѣдствія отразились бы неблагопріятно на интересахъ дворянъ-продавцовъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, а также принимая въ соображеніе, что этотъ вопросъ затрогиваетъ не только интересы дворянъ, но и другихъ сословій, и потому требуетъ предварительно всесторонняго разсмотрѣнія въ связи съ общимъ вопросомъ о родовыхъ имуществахъ—признано было умѣстнымъ передать этотъ вопросъ предварительно на разсмотрѣніе коммиссіи для составленія гражданскаго уложенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, однако, возможнымъ допустить освобожденіе отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ сдѣлки по выкупу родовыхъ имѣній, въ виду того, что подобное облегченіе не повлечетъ за собою увеличенія числа выкупныхъ сдѣлокъ.

Ѳ. Тернеръ.

„ВѢРНЫЙ ПУТЬ“

РАЗСКАЗЪ.

I.

Выпускные воспитанники одного изъ духовныхъ учебныхъ заведеній смущены и взволнованы до послѣдней степени.

Жили они до сихъ поръ въ полной дружбѣ и согласіи; одинъ другому помогали, другъ за друга стояли и „сора изъ избы никогда не выносили“.

И вдругъ недавно стали они замѣчать, что среди нихъ завелся какой-то наушникъ, который все переноситъ начальству: и что̀ они дѣлаютъ, и куда ходятъ по праздникамъ, и съ кѣмъ знакомство ведутъ, и даже что̀ говорятъ между собой.

Отправятся ли, напримѣръ, семинаристы вечеркомъ поплясать куда-нибудь,—никто объ этомъ, кажется, не знаетъ, а смотришь, у танцоровъ тотчасъ же уменьшаются отмѣтки въ поведеніи.

Получитъ ли кто-нибудь интересную брошюрку или письмо отъ бывшаго товарища, перешедшаго въ университетъ, и черезъ нѣсколько часовъ и то и другое отбирается.

Случится ли кому въ разговорѣ съ товарищами рѣзко отозваться о своемъ ближайшемъ начальствѣ, и на другое же утро отецъ-ректоръ непремѣнно подзоветъ увлекшагося юнца и, внушительно покачивая клобукомъ, скажетъ:

— А вамъ, господинъ Петровъ, получше бы слѣдовало помнить слова апостола: „повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ“.

— Что за притча?—ворчитъ про себя получившій замѣчаніе:—говорилъ вчера только при Васильевѣ и Лапидевскомъ, а сегодня ужъ и этому извѣстно.

Долго не могли семинаристы понять, какимъ образомъ доходятъ до инспекціи ихъ маленькія тайны.

Пробовали слѣдить, не подслушиваетъ ли кто; наблюдали за классными и спальными служителями, но ничего подозрительнаго съ этой стороны не замѣчалось.

Прислуживавшіе семинаристамъ запасные ефрейторы и вахмистры видимо вовсе не интересовались бесѣдами своихъ „господъ“.

Подметя кое-какъ полъ и на̀скоро перемывъ посуду, они спѣшили на любимую „приворотную“ скамеечку, гдѣ, лихо покручивая усы, доказывали мѣстнымъ горничнымъ и кухаркамъ, что побѣдоносное всероссійское воинство несокрушимо и „кого хошь раскатаетъ, только бы приказъ вышелъ“.

Ожидать шпіонства отъ этихъ недалекихъ, самодовольныхъ людишекъ было смѣшно и нелѣпо.

Корень зла таился, очевидно, не здѣсь.

— Но гдѣ же, гдѣ? — ломали голову возмущенные семинаристы.

Крѣпкія товарищескія традиціи, издавна установившіяся въ семинаріяхъ, не допускали даже и мысли, что предателемъ можетъ быть кто-либо изъ своихъ же однокурсниковъ.

Донести, „сфискалить“ на товарища, да еще въ старшемъ, выпускномъ классѣ, казалось невозможнымъ.

Пойти на такую низость могъ какой-либо „приготовишка“ уѣзднаго училища, но не взрослые „кандидаты священства“, которымъ въ большинствѣ уже порядочно перевалило за двадцать лѣтъ.

Младшіе воспитанники въ спальню выпускныхъ и тѣмъ болѣе въ классъ почти никогда не допускались.

Инспектора, его помощниковъ и надзирателей остерегались какъ огня, и вступали съ ними только въ самые необходимые разговоры.

При такихъ условіяхъ, казалось бы, все должно было оставаться „шито-крыто“, а между тѣмъ всякое неосторожное слово, каждый самый незначительный проступокъ воспитанника немедленно же достигали ушей начальства и вызывали болѣе или менѣе строгую кару.

Долго и упорно боролись семинаристы съ наушничествомъ, но такъ бы, вѣроятно, никогда и не открыли неуловимаго фискала, еслибы, наконецъ, не пришелъ имъ на помощь всесильный случай.

II.

Василій Ѳедоровичъ Аннинскій,—лучшій ученикъ шестого класса,—вернулся какъ-то изъ отпуска довольно поздно.

Когда онъ вошелъ въ спальню, всѣ уже спали.

Аннинскій присѣлъ на свою кровать, покрытую сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, и сталъ тихонько раздѣваться, стараясь не потревожить спящихъ.

Какъ ни старался молодой семинаристъ быть осторожнымъ, однако, стаскивая еще не разносившіеся сапоги, онъ сильно ударился ногою о ночной столикъ и разбудилъ лежавшаго рядомъ товарища.

— Ѳедорычъ! это ты?—соннымъ голосомъ спросилъ разбуженный, не открывая глазъ.

— Я, голубчикъ, я. Прости, что тебя обезпокоилъ. Сапоги проклятые: еле-еле снялъ.

— Ну, не бѣда: успѣю еще выспаться. Который теперь часъ?

— Половина второго.

— Ого! Ты сейчасъ только пришелъ?

— Да, минутъ десять назадъ.

— А Шурка Ильинскій? Вы вѣдь, кажется, вмѣстѣ уходили?

— Шурка, должно быть, сзади идетъ. Я съ нимъ сегодня разссорился.

— Ну?! Изъ-за чего?

— Какъ же, помилуй! Знаетъ, что я совсѣмъ не могу пить, и чуть не насильно влилъ мнѣ въ ротъ двѣ рюмки водки.

— Вѣроятно, онъ и самъ-то шибко пьянъ?

— Конечно. Едва ноги передвигаетъ. Будь онъ трезвъ, съ нимъ бы вѣдь еще можно сговориться, а пьяный онъ, самъ знаешь, никакихъ резоновъ не принимаетъ: „пей“, да все тутъ. Однако, прощай, голубчикъ! Я хочу поскорѣй заснуть; голова очень кружится и тошнить начинаетъ.

— Покойной ночи!

Аннинскій залѣзъ подъ одѣяло и крѣпко закрылъ глаза. Сонъ, однако, бѣжалъ отъ него. Его товарищъ снова уже сладко храпѣлъ, а онъ все еще безпокойно вертѣлся съ боку на бокъ. Иногда онъ совсѣмъ уже начиналъ забываться; дыханіе становилось ровнѣй, сознаніе затемнялось... Еще нѣсколько секундъ, и онъ вступилъ бы въ царство сновидѣній. Но непривычное къ алкоголю сердце вдругъ принималось усиленно биться, и онъ мгновенно просыпался весь въ холодномъ поту.

Въ концѣ концовъ Василій Өедоровичъ потерялъ всякую надежду заснуть и лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами. Голова его тяжела была какъ свинецъ. Въ ушахъ шумѣло. Въ пересохшемъ рту ощущался отвратительный вкусъ виннаго перегара.

Не легче было и на душѣ.

„Вотъ дернула нелегкая нажраться,—мысленно казнилъ себя молодой человѣкъ,—и ради чего? Удовольствія ни малѣйшаго: въ желудкѣ скверно, на сердцѣ тоже нехорошо,—точно больной. Да и завтра, пожалуй, будетъ не лучше, послѣ безсонной-то ночи. А на первомъ урокѣ какъ разъ церковная исторія, а потомъ догматическое богословіе,—предметы все серьезные. Вотъ нарвусь на единицу, въ шестомъ-то классѣ, такъ и будетъ ладно: придется вмѣсто академіи въ дьячки идти. Ахъ, гадость, гадость!“

Часы пробили два, три, четыре... Аннинскій все еще не спалъ.

„Однако, мнѣ необходимо заснуть, во что бы то ни стало,—не на шутку взволновался онъ, когда рѣзкій ударъ возвѣстилъ половину пятаго:—если я не вздремну хоть полчаса, я завтра расхвораюсь въ самомъ дѣлѣ. Сходить развѣ холодной водой помыться? Говорятъ, отъ безсонницы это очень помогаетъ“.

Василій Өедоровичъ началъ уже искать рукою висѣвшее въ головахъ полотенце, какъ вдругъ вниманіе его привлечено было очень страннымъ явленіемъ.

Помѣщавшійся насупротивъ него семинаристъ, доселѣ, повидимому, крѣпко спавшій, неожиданно поднялся и, осторожно ступая, сталъ поочереди обходить всѣ кровати, заглядывая въ лица спящихъ.

— Что съ нимъ такое? Лунатикъ онъ, что ли? — съ недоумѣніемъ подумалъ Аннинскій и инстинктивно закрылъ глаза, когда обходившій наклонился надъ его постелью.

Убѣдившись, что всѣ товарищи покоятся мертвымъ сномъ, „лунатикъ“ накинулъ на плечи сюртукъ, остальныя части костюма взялъ подъ мышку и тихо вышелъ за дверь.

— Куда это онъ пошелъ?—еще болѣе удивился Василій Өедоровичъ, съ любопытствомъ наблюдавшій за ушедшимъ:—если хочетъ зубрить, такъ классы еще не открыты. Въ уборную, можетъ быть? Но зачѣмъ же онъ взялъ тогда съ собой галстукъ, жилетъ и брюки? Странно что-то. А, впрочемъ, я сейчасъ узнаю: пойду мыться и посмотрю.

Аннинскій проворно вскочилъ съ постели, обулся и, захвативъ полотенце, направился въ уборную.

III.

Уборная была пуста.

Не видно было ни души и на длинномъ корридорѣ, тянущемся между спальнями. Только на ступеняхъ широкой лѣстницы, ведущей въ квартиру ректора, глухо раздавались чьи-то осторожные шаги.

— Вотъ удивленье-то! И здѣсь никого,—развелъ руками Аннинскій:—куда-жъ онъ въ самомъ дѣлѣ могъ уйти? Неужто на свиданье съ кѣмъ-нибудь? Да нѣтъ: гдѣ ему, такому вахлаку. Да и наружность тоже нескладная: глазки крошечные, скулы какъ у татарина, на подбородкѣ всегда щетина. Кто на такого-то польстится? Ну, однако, задумываться надъ этимъ не стоитъ: спрошу завтра прямо, и вся недолга.

Намочивъ голову и вытеревъ грудь и спину мокрымъ полотенцемъ, Василій Ѳедоровичъ возвратился въ спальню и снова легъ въ постель. Освѣженное тѣло его подергивалось пріятнымъ ознобомъ. Его сильно клонило ко сну, но мысль объ ушедшемъ товарищѣ ни на минуту не покидала его.

— Если онъ не въ уборной, не въ классѣ и не на свиданіи, то гдѣ же онъ, наконецъ? Выйти ночью изъ этого зданія нельзя никуда: выходныя двери всѣ заперты, и ключи у дежурнаго служителя, который ходитъ снаружи и не выпуститъ никого. Внутри же зданія—только спальни, классы, помѣщенія прислуги и квартира ректора. Ба! Да ужъ не къ нему ли онъ пошелъ? Въ такую-то пору? Невѣроятно. Да и зачѣмъ?

И вдругъ молодого человѣка осѣнила идея, которая разомъ стряхнула съ него надвигавшійся сонъ.

— А что̀, если онъ ходитъ къ ректору наушничать? Знаетъ же черезъ кого-нибудь начальство каждый нашъ шагъ. И развѣ это ужъ такъ невозможно? Ректоръ вѣдь самъ похвалялся, что встаетъ всегда въ четыре часа утра.

Аннинскому невольно стали припоминаться нѣкоторые странные случаи изъ жизни подозрительнаго товарища.

Вспомнилъ онъ, какъ впервые посѣтилъ семинарію новый преосвященный, только-что пріѣхавшій на епархію.

Владыка прибылъ очень рано, когда воспитанники присутствовали еще на утренней молитвѣ.

Ради такого выходящаго изъ ряда событія моленіе Господу Богу было прервано. Вмѣсто обычныхъ молитвословій ангелу

и пр. дорогого гостя встрѣтили въ дверяхъ рекреаціоннаго зала входнымъ „Достойно“.

Совершивъ отпустъ и выслушавъ громовое „Исполлаэти дэспота“, исполненное четырьмя слишкомъ сотнями голосовъ, преосвященный началъ благословлять подходящихъ одинъ за другимъ воспитанниковъ.

По установившемуся обычаю, первыми принимали благословеніе младшіе классы.

Владыка быстро осѣнялъ подходившихъ нѣжною, бѣлою рукою и, не говоря ни слова, подавалъ ее для поцѣлуя.

Приблизился, наконецъ, и выпускной курсъ.

Преосвященный взглянулъ черезъ плечо на стоящаго сзади ректора и, медленно растягивая слова, сказалъ:

— А покажите-ка мнѣ вашего лучшаго ученика?

Аннинскій и другой воспитанникъ, шедшіе первыми въ классѣ, быстро оправили сюртуки и приготовились предстать предъ владычнія очи. Они ожидали только знака своего начальника, но отецъ-ректоръ выискивалъ глазами кого-то другого.

Замѣтивъ въ заднемъ ряду низенькаго семинариста съ крошечными, безцвѣтными глазками и широкими татарскими скулами, онъ радостно закивалъ ему головой и произнесъ тонкимъ фальцетомъ, который почему-то всегда являлся у него въ присутствіи начальства:

— Господинъ Миролюбовъ! пожалуйте сюда!

Окликнутый вышелъ, изумительно тонко изображая всей своей невзрачной фигурой полное смиреніе и почтеніе.

— Вотъ, ваше высокопреосвященство, нашъ примѣрный ученикъ!—сказалъ, подобострастно склонившись, ректоръ.

Архіерей истово благословилъ Миролюбова, и когда тотъ цѣловалъ ему руку, слегка коснулся губами его головы. Однако, выраженіе лица „примѣрнаго ученика“, должно быть, показалось епископу недостаточно интеллигентнымъ, и онъ съ легкимъ сомнѣніемъ въ голосѣ спросилъ:

— И учится хорошо? Способенъ?

Ректоръ чуть замѣтно съёжился и взглянулъ на инспектора.

Тотъ понялъ этотъ взглядъ и, ни минуты не задумываясь, густымъ, „протодіаконскимъ“ басомъ гаркнулъ:

— Совершенно удовлетворительно, ваше высокопреосвященство, совершенно удовлетворительно.

— Хвалю, хвалю,—милостиво произнесъ владыка и ласково потрепалъ Миролюбова по плечу:—старайтесь, работайте, а мы будемъ имѣть васъ въ виду.

Семинаристы въ недоумѣніи даже рты поразѣвали.

Они знали, что Миролюбовъ—самая бездарная посредственность, что онъ еле-еле переходитъ изъ класса въ классъ и окончитъ курсъ, вѣроятно, послѣднимъ. Знали они, что и нравственные устои Миролюбова недостаточно тверды, что онъ—золъ, завистливъ, жаденъ, склоненъ къ сплетнямъ и ханжеству. Они отлично понимали, что и для властей семинарскихъ все это—не тайна, и вдругъ такой отрицательныхъ качествъ субъектъ ставится имъ „примѣромъ".

Что-то странное и ни съ чѣмъ несообразное!

„А... теперь я все это прекрасно понимаю,—думалъ Аннинскій, лежа на постели:—онъ наушничалъ, переносилъ о насъ все ректору, вотъ и оказался примѣрнымъ. Тутъ просто была услуга за услугу".

Вспомнился ему и другой случай, бывшій совсѣмъ ужъ недавно.

Въ числѣ семинарскихъ педагоговъ былъ нѣкто Александръ Александровичъ Металловъ, преподававшій въ старшихъ классахъ греческій языкъ.

Металловъ носилъ ученую степень магистра и лѣтъ уже десять считался „восходящей звѣздой" богословской науки, но въ сущности былъ человѣкъ ограниченный и бездарный.

Онъ достигъ магистерства благодаря лишь своей изумительной усидчивости и трудолюбію и, главнымъ образомъ, поддержкѣ профессора-рецензента, съ дочерью котораго онъ былъ помолвленъ еще на послѣднемъ академическомъ курсѣ.

Добродушный старецъ, безумно любившій свою „дѣвчурку", переработалъ самъ всю диссертацію будущаго зятя и далъ объ авторѣ восторженный отзывъ, назвавъ его между прочимъ „будущимъ свѣтиломъ".

Заручившись такой аттестаціей, Александръ Александровичъ рискнулъ просить каѳедры въ родной академіи, но противъ этого энергично возсталъ ректоръ, извѣстный своею прямотой и неподкупностью, и въ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія одною безталантностью стало меньше.

Скрѣпя сердце, Металловъ примирился съ неудачей и взялъ мѣсто преподавателя греческаго языка въ семинаріи.

Профессорскій отзывъ и здѣсь сослужилъ ему службу: его встрѣтили съ большимъ почетомъ, какъ человѣка выдающагося по способностямъ, и голосъ его сразу же пріобрѣлъ значительный вѣсъ въ семинарскихъ дѣлахъ.

Наученный горькимъ опытомъ, Металловъ принялъ, однако, и другія мѣры, чтобы еще болѣе упрочить свое положеніе.

Такъ, ректоръ былъ у него воспріемникомъ всѣхъ пятерыхъ дѣтей.

Инспекторъ состоялъ духовникомъ его жены, а для помощниковъ инспектора, надзирателей и остальнаго учебнаго персонала Металловъ ежемѣсячно устраивалъ званые обѣды, кончавшіеся обыкновенно далеко за полночь.

Благодаря такимъ пріемамъ, Александръ Александровичъ пользовался полнымъ расположеніемъ всей семинарской корпораціи и въ особенности ректора, который при всякомъ удобномъ случаѣ выпрашивалъ своему любезному куманьку чинокъ или орденочекъ.

Не любили Металлова одни лишь семинаристы.

Его черствость, сухое, безцвѣтное преподаваніе и недостатокъ снисходительности къ питомцамъ возстановляли противъ него даже самыхъ тихихъ и безобидныхъ скромниковъ.

Особенно ненавидѣли его воспитанники за полное неумѣнье сообразоваться съ силами учениковъ.

Двѣ-три страницы перевода изъ какого-нибудь тяжеловѣснаго „Шестоднева“ Василія Великаго или „Пастыря“ Ерма были у него самымъ обычнымъ урокомъ.

Когда же преподавателю хотѣлось поскорѣе дочитать какую-нибудь главу, число страницъ увеличивалось до пяти и даже десяти.

— Помилуйте, Александръ Александровичъ,—пробовали въ началѣ возражать семинаристы:—намъ этого не приготовить; вѣдь у насъ, кромѣ вашего, еще четыре урока каждый день, надо же и ихъ подучить.

На подобныя заявленія Металловъ отвѣчалъ обыкновенно тѣмъ, что на другой день обязательно спрашивалъ всѣхъ „протестантовъ“ и выставлялъ имъ въ классномъ журналѣ по жирной единицѣ, хотя бы они и довольно порядочно знали урокъ.

Такія своеобразныя мѣры привели, разумѣется, къ тому, что воспитанники перестали вступать съ преподавателемъ въ откровенныя объясненія и рѣшили прибѣгнуть къ обману.

Наблюдательная молодежь очень скоро подмѣтила, что ихъ „грекъ“ мнитъ себя великимъ знатокомъ своего предмета и при всякомъ удобномъ случаѣ любитъ пускаться въ пространныя филологическія разъясненія.

Цѣлыми часами, напримѣръ, могъ онъ толковать о значеніи приставки „де“ или объ отличіи аориста отъ прошедшаго-совершеннаго.

Этою слабостью Металлова очень остроумно и воспользовались семинаристы.

Когда данная Александромъ Александровичемъ работа казалась имъ черезчуръ обременительной, они условливались готовить только половину ея, треть или и того еще меньше. Затѣмъ лучшіе ученики старательно выискивали нѣсколько „заковыристыхъ" мѣстъ, на которыхъ можно было остановить вниманіе преподавателя и съ легкимъ сердцемъ приступали къ другимъ занятіямъ.

Начинался урокъ Александра Александровича.

Воспитанники переводили, дѣлали грамматическій и стилистическій разборъ, приводили комментаріи,—однимъ словомъ, все шло, какъ по маслу.

Но вотъ достигали, наконецъ, одного изъ намѣченныхъ мѣстъ. Скрытая въ немъ филологическая тонкость большею частью ускользала отъ вниманія Металлова.

Тогда вставалъ кто-либо изъ „первачей" и съ самымъ невиннымъ видомъ задавалъ вопросъ:

— Александръ Александровичъ! А почему здѣсь поставленъ родительный падежъ? Вѣдь по правилу слѣдовало бы, кажется, дательный съ предлогомъ?

Этого было вполнѣ достаточно, чтобы Металловъ пустился въ пространнѣйшія объясненія.

Онъ начиналъ толковать своимъ питомцамъ, что извѣстныя имъ правила грамматики составлены по лучшимъ писателямъ „золотого вѣка" и не могутъ примѣняться въ полномъ объемѣ къ изучаемому автору, жившему уже во времена упадка греческой литературы; что употребленіе предлога отняло бы тотъ оттѣнокъ настойчиваго запрещенія, который имѣлъ въ виду придать въ данномъ случаѣ авторъ; что, наконецъ, благородное ухо грековъ, не выносившее сліянія такихъ-то и такихъ-то звуковъ, требуетъ непремѣннаго исключенія предлога.

Самоуслаждаясь обширностью своихъ познаній, преподаватель разливался соловьемъ, а воспитанники украдкой поглядывали на часы и тихонько посмѣивались, радуясь, что до конца урока уже остается лишь нѣсколько минутъ.

Александръ Александровичъ былъ очень доволенъ любознательностью своихъ учениковъ и приписывалъ это своему умѣлому преподаванію.

— Всякій даже самый сухой предметъ можно сдѣлать интереснымъ для изученія,—ораторствовалъ онъ въ учительской комнатѣ, съ чувствомъ собственнаго превосходства поглядывая на товарищей:—зависитъ это исключительно отъ талантливости руководителя. Возьмите, напримѣръ, мой предметъ. Что можетъ быть

скучнѣе, безжизненнѣе давно исчезнувшаго „мертваго" языка? А посмотрите, какъ живо интересуются имъ мои ученики.

Долго бы водила такъ за носъ самоувѣреннаго, но недалекаго наставника плутоватая молодежь, еслибы не тотъ же предатель-наушникъ.

Однажды утромъ Металловъ явился на урокъ видимо чѣмъ-то взволнованный и разсерженный.

Не дождавшись окончанія молитвы, онъ вскочилъ на каѳедру и сразу же принялся спрашивать заданный урокъ.

Вопреки обыкновенію, онъ совсѣмъ не останавливался на излюбленномъ синтаксическомъ разборѣ и быстро переводилъ страницу за страницей.

Чтобы какъ-нибудь остановить его, семинаристы попробовали задать нѣсколько „недоумѣнныхъ" вопросовъ.

— Прошу не задерживать меня пустяками,—сказалъ, отмахнувшись рукой, Металловъ и продолжалъ переводъ.

Изумленные такимъ необычнымъ ходомъ занятій, воспитанники стали боязливо переглядываться. Они видѣли, что на этотъ разъ Металловъ доберется до неприготовленной ими части урока, и положительно не знали, что̀ предпринять.

И дѣйствительно, Александръ Александровичъ скоро дошелъ до того мѣста, на которомъ условились съ вечера остановиться семинаристы, и съ ехиднымъ торжествомъ посмотрѣлъ на своихъ питомцевъ.

Словно готовясь къ интересному зрѣлищу, онъ оправилъ толстыя золотыя очки, поудобнѣе усѣлся и, заглянувъ мелькомъ въ журналъ, небрежно сказалъ:

— Господинъ Молчановъ! Продолжайте!

Медленно, точно преодолѣвая большія затрудненія, поднялся вызванный и обвелъ своихъ товарищей жалобнымъ, растеряннымъ взглядомъ.

Семинаристы поняли эту безмолвную просьбу и тотчасъ же выступили на защиту своего однокашника.

Не успѣлъ еще Молчановъ взяться за книжку, какъ помѣщавшійся рядомъ съ нимъ Аннинскій вышелъ изъ-за скамейки и, обращаясь къ преподавателю, сказалъ:

— Александръ Александровичъ! Мы далѣе не готовились.

— Почему?—съ дѣланнымъ удивленіемъ спросилъ тотъ.

— У насъ на сегодня было дано очень много работы: по догматикѣ шесть страницъ, по обличительному богословію столько же, по исторіи церкви проповѣдь къ завтрашнему дню; да вдобавокъ еще вчера долго на спѣвкѣ продержали.

— Ну, меня это не касается. Урокъ былъ заданъ,—значитъ, долженъ быть и приготовленъ.

— Да если не было возможности.

— Прошу васъ сѣсть: я все равно не приму никакихъ отговорокъ.

Аннинскій передернулъ плечомъ и возвратился на мѣсто.

Вмѣстѣ съ нимъ грузно опустился на скамью и Молчановъ.

— А вы зачѣмъ же усѣлись?—вновь обратился къ послѣднему Металловъ:—я, кажется, просилъ васъ продолжать переводъ?

— Да вѣдь вамъ уже сказали, что мы далѣе урока не знаемъ,—грубымъ басомъ отвѣчалъ добродушный, но не особенно благовоспитанный Молчановъ.

— Извольте быть вѣжливѣе!—вспылилъ „грекъ":—я полагалъ, что Аннинскій отказывается только за себя.

— Нѣтъ, мы всѣ не готовились,—дружнымъ хоромъ прервали его семинаристы.

— А! вотъ что?! У васъ, значитъ, стачка. Въ такомъ случаѣ я буду спрашивать каждаго пятаго человѣка, и кто не отвѣтитъ, получитъ по нулю.

Металловъ взялъ перо, попробовалъ конецъ его на ногтѣ и, обмакнувъ въ чернильницу, началъ выкликать фамиліи учениковъ, имѣвшихъ несчастіе стоять въ концѣ пятковъ:

— Господинъ Аннинскій!

— Я не готовился, Александръ Александровичъ!

— Извольте садиться!

Противъ имени лучшаго ученика зачернѣлся жирный нуль.

— Господинъ Быстровъ!

— Я тоже не знаю!

— Извольте садиться!

Новый нуль украсилъ страницы класснаго журнала.

Перебравъ еще нѣсколько воспитанниковъ, Александръ Александровичъ дошелъ, наконецъ, до Миролюбова, стоявшаго по списку тридцать пятымъ.

— Господинъ Миролюбовъ!

Вызванный вскочилъ, какъ ужаленный пчелою, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на преподавателя.

Металловъ тоже поднялъ на него глаза и, словно что-то вспомнивъ, слегка замялся и сконфуженно забормоталъ:

— А впрочемъ... извините... виноватъ... я больше спрашивать не буду. Извольте садиться!

— Ну, счастливъ твой Богъ, — говорили товарищи Миро-

любову по окончаніи урока:—видно, за тебя какая-нибудь бабушка угодниковъ умолила.

Семинаристы сочли тогда это происшествіе съ Миролюбовымъ простою случайностью, но Аннинскій видѣлъ теперь въ немъ нѣчто совсѣмъ другое.

— Просто выдалъ онъ насъ Металлову, вотъ тотъ его и не спросилъ. Сначала, было, забылъ, а потомъ поправился. Это ясно, какъ Божій день. Впрочемъ, завтра все это разслѣдуемъ хорошенько...

Чтобы не слышать начинающагося съ разсвѣтомъ стука ломовыхъ экипажей, ежедневно тянущихся мимо семинаріи на желѣзную дорогу, Аннинскій закрылъ голову подушкой и сладко, наконецъ, задремалъ...

IV.

Рѣзкій звонъ колокольчика разбудилъ семинаристовъ ровно въ семь часовъ утра.

Нѣсколько мгновеній въ спальнѣ царила мертвая тишина. Видно было, что разнѣженнымъ сномъ воспитанникамъ не хочется разставаться съ теплой постелью, и они очень не прочь бы поспать еще часокъ-другой.

Потомъ кое-гдѣ зашевелились, и послышались звуки, сопровождающіе обыкновенно пробужденіе большого количества людей: кто кашлялъ, кто сморкался, кто оглушительно зѣвалъ; трещали кости отъ потяготы, скрипѣли кровати, звонко хлопали въ воздухѣ встряхиваемыя принадлежности костюмовъ.

Аннинскій проснулся съ первымъ ударомъ колокольчика и, слегка пріоткрывъ глаза, посмотрѣлъ на Миролюбова.

Послѣдній спалъ, повидимому, крѣпчайшимъ сномъ.

— Будетъ дрыхнуть-то!—дернулъ его за плечо спавшій по сосѣдству Молчановъ:—невѣсты всѣ ворота заплевали.

Миролюбовъ поднялъ голову и усиленно сталъ протирать глаза.

„Что, онъ притворяется или въ самомъ дѣлѣ такъ крѣпко спалъ?“—подумалъ Аннинскій.

Во время умыванія, за утренней молитвой и чаемъ и въ получасовой промежутокъ до перваго урока Аннинскій внимательно слѣдилъ за Миролюбовымъ, но ничто не оправдывало его подозрѣній.

„Неужели я ошибся?“—мелькало въ головѣ молодого человѣка, въ душѣ искренно желавшаго впасть въ такую ошибку.

Въ девять часовъ новый звонокъ возвѣстилъ начало уроковъ.

Едва успѣли воспитанники занять свои мѣста, какъ дверь шестого класса легонько пріоткрылась, и чей-то гнусливый голосъ крикнулъ:

— Господа Ильинскій и Аннинскій! Пожалуйте сюда!

— Ректоръ!—шепнулъ по дорогѣ Аннинскій товарищу.

— Влопались!—уныло отвѣчалъ ему тотъ.

Ректоръ ожидалъ ихъ въ концѣ корридора, ставъ спиной къ широкому окну.

Это былъ высокій, плотный архимандритъ, въ черной шелковой рясѣ, съ дорогимъ, украшеннымъ бриллiантами крестомъ на груди. Его круглое обрамленное жиденькою бородкою лицо и пухлыя руки отличались той мертвенно-блѣдной полнотой, которую можно встрѣтить лишь у страдающихъ водянкою да кой у кого изъ монаховъ, ведущихъ сидячую жизнь. Острые, каріе глаза, прикрытые темными очками, безпрестанно перебѣгали съ одного предмета на другой, обличая хитрую и скрытную натуру.

Молодые люди подошли подъ благословеніе и молча остановились предъ начальникомъ. Яркій свѣтъ изъ окна ударялъ имъ прямо въ глаза, и они слегка жмурились.

Нѣкоторое время ректоръ безмолвно разсматривалъ ихъ, словно бы видѣлъ впервые. Потомъ, покачивая по привычкѣ головой и прибавляя чрезъ каждыя три-четыре слова „да-да“, онъ заговорилъ наставительнымъ тономъ:

— Я не зналъ, господа, что вы пьете... да-да! Это очень-очень нехорошо... да-да! Наше духовенство чаще всего упрекаютъ въ нетрезвости... да-да! И намъ внушаютъ, чтобы мы воспитывали въ васъ... да-да! отвращеніе къ вину... да-да! А вы, съ позволенія сказать, напиваетесь, какъ сапожники... да-да! Сколько вы вчера выпили, Аннинскій?

Спрошенный хотѣлъ-было чистосердечно признаться, но его предупредилъ Ильинскій.

— Да мы совсѣмъ и не пили, отецъ-ректоръ!—сказалъ онъ.

— Лжете, лжете... да-да! я по глазамъ вижу, что лжете... да-да! Видите, вы на меня не можете смотрѣть: это, значитъ, совѣсть не чиста... да-да! совѣсть!

— Просто намъ свѣтъ бьетъ въ глаза,—отпарировалъ Ильинскій:—станьте на наше мѣсто, такъ и вы прищуритесь!

— Неправда, неправда... да-да! Запирательство васъ не спасетъ... да-да! Чѣмъ вы докажете, что вчера были трезвы?

— Помилуйте, отецъ-ректоръ, какъ мы можемъ доказать? Но вѣдь и вы ничѣмъ не можете теперь удостовѣрить, что мы

вчера были пьяны,—отвѣчалъ находчивый Ильинскій:—это надо было разбирать вчерашній день.

Пораженный такою строгою логичностью отвѣта, ректоръ разсердился и, крѣпко стиснувъ зубы, прошипѣлъ:

— Пошли на мѣсто, безстыжіе лгуны!

— А я, Шура, думалъ-было во всемъ признаться,—сказалъ Аннинскій Ильинскому, входя въ классъ.

— И былъ бы дуракъ,—отрѣзалъ тотъ:—еслибы ты сознался, тебя вытурили бы изъ семинаріи, а теперь много, что два праздника въ отпускъ не пустятъ, да по поведенію балла два сбавятъ. Но любопытно мнѣ, откуда онъ пронюхалъ, что мы съ тобой вчера гульнули. Дорого бы я далъ, чтобъ это узнать.

— А я, кажется, нашелъ разгадку. Это дѣло Миролюбова; кромѣ него некому.

И Аннинскій разсказалъ товарищу о ночной продѣлкѣ Миролюбова и о всѣхъ своихъ подозрѣніяхъ.

Выслушавъ разсказчика, Шурка съ сердцемъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Конечно, это—онъ, жаба египетская! Сегодня же изобью мерзавца до полусмерти.

— Полно, полно, успокойся! — удержалъ расходившагося юношу болѣе разсудительный товарищъ:—надо сначала уличить его предъ всѣми, а тамъ ужъ видно будетъ, что̀ предпринять.

— Но какъ ты поймаешь такого мошенника? Видишь, какая онъ хитрая бестія.

— Ну, можетъ быть, что-нибудь и придумаемъ. Пословица говоритъ: „утро вечера мудренѣе“. Подождемъ-ка лучше до завтра.

V.

На другой день, послѣ обѣда, Ильинскій, Аннинскій, Молчановъ и Быстровъ долго гуляли по семинарскому саду и горячо о чемъ-то спорили.

А вечеромъ всѣ четверо принялись за очень странное занятіе: они рѣзали на мелкіе кусочки листы разноцвѣтной бумаги и аккуратно ссыпали ихъ въ сумочку.

— Что̀ это вы дѣлаете?—полюбопытствовалъ Миролюбовъ.

— Калейдоскопъ хотимъ смастерить,—отвѣчалъ за всѣхъ Ильинскій.

— Вишь ты, малютки какія!—усмѣхнулся Миролюбовъ.

Товарищи промолчали.

Когда обрѣзковъ было заготовлено достаточное количество, вся компанія отправилась въ лазаретъ.

— И что вы по ночамъ шляетесь!—съ сильнымъ не русскимъ акцентомъ закричалъ на нихъ старенькій фельдшеръ:— мало вамъ было дня? Нѣтъ отъ васъ покоя ни минуты.

Молодые люди нисколько, однако, не смутились такимъ пріемомъ. Они отлично знали, что у этого стараго крикуна подъ сварливою внѣшнею оболочкою таится доброе, отзывчивое сердце, готовое на всякую услугу для „милыхъ дитятокъ".

Всѣ они не разъ лежали въ лазаретѣ и видѣли, какъ этотъ вѣчно брюзжащій и ругающій воспитанниковъ старикъ не спалъ иногда напролетъ цѣлыя ночи, ухаживая за наиболѣе слабыми больными. Какъ нѣжная мать, онъ ловко оправлялъ у нихъ подушки, подавалъ питье, осторожно растиралъ наболѣвшія части, и въ это же самое время ругательски ругалъ своихъ паціентовъ.

Поэтому-то къ брани фельдшера всѣ давно привыкли, и никто уже не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

Такъ же отнеслись къ ней и вошедшіе семинаристы.

— Помилуйте, Тимоѳей Павлычъ,—забасилъ Молчановъ:— какъ же я могъ раньше придти, если у меня сейчасъ только заболѣла шея?

— И что же у васъ такое?

— Да вотъ головы не поворотить, и сильно колетъ въ это мѣсто.

Молчановъ ткнулъ пальцемъ за лѣвое ухо.

Тимоѳей Павлычъ очень внимательно осмотрѣлъ и прощупалъ указанную область.

— О, дьяволы! На вѣтру стоите, реуматизмы и получаете. Натритесь вотъ этимъ на ночь!

Фельдшеръ подалъ маленькую деревянную коробочку съ мазью.

— А у васъ что̀?

— Да рука что-то зудитъ,—отвернулъ рукавъ Аннинскій.

— Пхэ! ничего еще незамѣтно. Помажьте вотъ цинковой мазью! А вы что?

— Поморозился немножко, Тимоѳей Павлычъ! — показалъ Ильинскій на свое до-красна натертое ухо.

— О, дураки, балбесы! Да вы живой человѣкъ или мертвый? Не слыхалъ, что уши мерзнутъ! Нате вотъ гусинаго сала. А вы что̀?

— Руки вотъ отъ холода трескаются, Тимоѳей Павлычъ!— смиренно отвѣчалъ Быстровъ.

— Нате вазелину.

Поблагодаривъ фельдшера, семинаристы выбѣжали изъ лазарета и со смѣхомъ сложили всѣ мази въ общую банку, которую взялъ къ себѣ Молчановъ.

За вечернею молитвою ни Аннинскій, ни Ильинскій не присутствовали. Они пришли въ спальню, когда всѣ уже лежали въ постеляхъ.

— Гдѣ вы были?—спросилъ Миролюбовъ, когда они проходили мимо его кровати.

— Ходили къ служителямъ, опохмелиться послѣ вчерашняго.

Поговоривъ съ полчаса, воспитанники мало-по-малу стали засыпать.

Когда въ спальнѣ все замолкло, Молчановъ опустилъ потихоньку руку подъ кровать Миролюбова, взялъ его сапоги и, подержавъ ихъ нѣсколько времени у себя подъ одѣяломъ, такъ же осторожно поставилъ на мѣсто. Потомъ перекрестился нѣсколько разъ на чуть виднѣвшійся на стѣнѣ образъ, плотнѣе закутался и сладко захрапѣлъ.

VI.

— Господа! Погодите вставать!—громко кричалъ Ильинскій на слѣдующее утро, когда раздался первый звонокъ.

— Почему это?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Потому, господа, что мы поймаемъ сегодня фискала, который наушничаетъ на насъ начальству.

Еслибы надъ воспитанниками началъ рушиться потолокъ, то это не произвело бы, вѣроятно, такого дѣйствія, какъ сказанныя Ильинскимъ слова.

Почти всѣ мгновенно сѣли на постеляхъ.

— Какъ? Что такое? Объясни!—загудѣло кругомъ.

— Извольте, извольте, господа!

Ильинскій подробно передалъ товарищамъ, какъ они съ Аннинскимъ дошли до мысли, что предателемъ-наушникомъ является кто-нибудь изъ своихъ одноклассниковъ.

— Мы имѣли очень основательныя подозрѣнія на одно лицо, но не хотѣли выдавать его, не провѣривъ нашихъ предположеній, — сказалъ онъ:—и вотъ вчера мы добыли у Тимоѳея Павловича нѣсколько лекарствъ, въ составъ которыхъ входитъ сало или вазелинъ, и намазали ими подошвы сапогъ подозрѣваемаго субъекта. А у входовъ въ квартиры ректора и инспектора незамѣтно насыпали кусочковъ мелко нарѣзанной бумаги.

И вотъ, если этотъ господинъ ходилъ къ кому-нибудь изъ нихъ ночью, то вы сейчасъ увидите это сами. Пусть каждый покажетъ свои сапоги! Вотъ мои,—извольте смотрѣть!

Ильинскій, взявъ за каблуки, высоко поднялъ надъ головою свою обувь.

— А вотъ и мои!.. А вотъ и мои!..—засуетились воспитанники, спѣша показать товарищамъ чистыя подошвы.

Только Миролюбовъ лежалъ спокойно и, повидимому, равнодушно смотрѣлъ на происходящее.

— А ты что же не показываешь сапогъ?—обратился къ нему Молчановъ.

— Что я, дуракъ, что ли?—грубо огрызнулся спрошенный:—вы, можетъ быть, нарочно прилѣпили мнѣ бумажекъ, чтобы натравить на меня товарищей.

— Нѣтъ, ты покажи!—настаивалъ Молчановъ.

— Убирайся къ чорту! Не стану я потакать вашимъ глупостямъ. Обуюсь вотъ, да и въ самомъ дѣлѣ пойду къ ректору и разскажу, что̀ вы тутъ продѣлываете.

И Миролюбовъ дѣйствительно протянулъ-было руку къ своимъ сапогамъ.

— Нѣтъ, ты погоди, погоди!—ухватили его Аннинскій и Ильинскій:—ты покажи сначала подошвы, а потомъ и иди хоть къ дьяволу. Правда вѣдь, господа!

— Да, да!—закричали семинаристы:—ты обязанъ показать.

— Никто меня не можетъ заставить,—продолжалъ упорствовать Миролюбовъ:—не хочу и не покажу. А будете насильничать,—честное слово, нажалуюсь начальству.

— Что на него смотрѣть! — крикнулъ Ильинскій: — Молчановъ! бери у него сапоги!

Ловкимъ движеніемъ Молчановъ вырвалъ у Миролюбова обувь и повернулъ ее подошвами къ товарищамъ: толстыя, двойныя подметки сплошь были усѣяны прилипшими кусочками разноцвѣтной бумаги...

VII.

Послѣ этого приключенія Миролюбовъ переселился на житье въ лазаретъ.

Ему отвели рядомъ съ аптекой крошечную каморочку, которая предназначалась для остро-заразныхъ больныхъ и почти всегда стояла пустою.

— Вотъ гдѣ у меня ваша чума сидитъ!—шутилъ Тимоѳей Павлычъ, проходя съ воспитанниками мимо стеклянныхъ дверей этой палатки.

Въ этомъ-то помѣщеніи и прожилъ Миролюбовъ все остальное время до окончанія курса.

Никто изъ товарищей съ нимъ не говорилъ, не здоровался, не вступалъ ни въ какія сношенія, но онъ очень мало обращалъ на это вниманія.

Своимъ практическимъ умомъ онъ отлично понималъ, что товарищескія узы рѣдко продолжаются за предѣлами школы.

„Друзья! Товарищи!—мысленно разсуждалъ онъ:—а выйдутъ изъ семинаріи—за первое же мѣсто передерутся, какъ собаки изъ-за кости. Небось, одинъ другому по чувству товарищества не уступитъ“.

Выпускные экзамены Миролюбовъ сдалъ очень плохо. По нѣкоторымъ предметамъ онъ даже вовсе не могъ отвѣчать, но такъ какъ предсѣдателями экзаменаціонныхъ коммиссій были неизмѣнно ректоръ или инспекторъ, то ему всегда ставили удовлетворительныя отмѣтки.

Получивъ свидѣтельство объ окончаніи курса, Миролюбовъ началъ пріискивать себѣ занятіе.

Какъ выпущенному изъ семинаріи послѣднимъ, ему, конечно, трудно было бы найти хорошее мѣсто, еслибы не помогли прежнія негласныя заслуги предъ отцомъ-ректоромъ.

Выполняя давно уже обдуманный планъ, Миролюбовъ сталъ проситься учителемъ въ церковно-приходскую школу.

Предсѣдателемъ епархіальнаго училищнаго совѣта, который единолично распоряжался раздачей учительскихъ должностей, былъ какъ-разъ семинарскій ректоръ.

Къ нему-то и прибѣгнулъ „съ всепокорнѣйшей“ просьбой Миролюбовъ.

— Есть, есть у меня для васъ мѣстечко,—ласково потрепалъ по плечу просителя ректоръ:—многіе точатъ на него зубы,—да-да! Между прочимъ и ваши товарищи: Быстровъ и Ильинскій... да-да! но я нахожу болѣе справедливымъ... да-да!.. отдать его вамъ. По моему глубокому убѣжденію... да-да!.. вы болѣе подходите по своимъ нравственнымъ качествамъ для нашихъ цѣлей, чѣмъ тѣ... да-да!

И Миролюбовъ тутъ же былъ зачисленъ учителемъ въ богатѣйшее пригородное село Заболотье, гдѣ учащіе пользовались и прекрасной квартирой, и довольно высокимъ содержаніемъ, сравнительно съ остальными нищенствующими собратьями.

VIII.

Миролюбовъ пріѣхалъ въ Заболотье задолго до начала занятій, чтобы „принюхаться“, какъ онъ говорилъ, „къ мѣстному житью-бытью“.

На другой же день по пріѣздѣ онъ пригласилъ завѣдующаго школою отца Павла Казанскаго отслужить молебенъ, по окончаніи котораго очень ловко втиснулъ ему въ руку три рубля.

— Да не надо бы, Иванъ Петровичъ!—попробовалъ отказаться священникъ, искоса взглядывая на новенькую бумажку:—вы сами еще вновѣ, во всемъ, поди, нуждаетесь...

— Полноте, батюшка, что вы! — горячо запротестовалъ Миролюбовъ:—я человѣкъ молодой, одинокій; вина не пью, табаку не курю, въ карты не играю,—на что мнѣ деньги. А у васъ вонъ семья-то, кажется, девять душъ. Всѣхъ надо одѣть, накормить, обучить. Я по своему родителю знаю, какъ это тяжело. Насъ было всего шесть человѣкъ, да и то папенька-то бился, ой-ой какъ!

— Правда, Иванъ Петровичъ, воистину правда! Спасибо, что вы все это понимаете!—вздохнулъ отецъ Павелъ, принимая, наконецъ, кредитку, и про себя подумалъ:—какой прекрасный молодой человѣкъ! Обстоятельный, разсудительный, не чета нынѣшнимъ вертунамъ.

Съ этихъ поръ Миролюбовъ сталъ у Казанскаго своимъ человѣкомъ.

Батюшка бесѣдовалъ съ нимъ, какъ съ равнымъ, расписывалъ своихъ прихожанъ и сосѣдей и открывалъ даже нѣкоторыя сокровенныя тайны, вплоть до точной цифры своихъ доходовъ.

Расположивъ къ себѣ отца Павла, Миролюбовъ, однако, не удовольствовался этимъ.

Обзаведясь самоваромъ и чайной посудой, онъ сталъ по вечерамъ приглашать „попить чайку“ и мужичковъ, выбирая при этомъ наиболѣе простодушныхъ и болтливыхъ.

Благодушествуя за китайской травкой, говорливые крестьяне скоро посвятили Ивана Петровича во всѣ мѣстныя дѣла-дѣлишки.

Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ времени Миролюбовъ узналъ уже, что „батюшка отецъ Павелъ—человѣкъ ничего себѣ, но маленько слабоватъ“, дьяконъ Арсеній Барсовъ—„задира отъявленный и сутяга“, а псаломщикъ Семенъ Рождественскій „парень добрѣющій, но до винца жаденъ, а во хмелю буёнъ“.

Узналъ онъ кое-что и про мѣстнаго воротилу и церковнаго старосту Андрея Михайловича Шарамыгина.

Опоражнивая стаканъ за стаканомъ, разговорчивые мужички повѣдали, хоть и съ нѣкоторой опаской, что староста—„купецъ ндравный“, съ причтомъ „не ладитъ“ и любитъ вообще тѣхъ, „которые, значитъ, съ язычкомъ“.

Благодаря этимъ бесѣдамъ, Миролюбову вскорѣ была извѣстна вся подноготная тѣхъ лицъ, съ которыми ему предстояло жить и работать, и онъ очень ловко воспользовался этимъ.

IX.

Занятія въ школѣ Миролюбовъ началъ, какъ и подобаетъ, молебномъ „въ наученіе отроковъ“.

Помолившись Господу Богу о ниспосланіи „силы и премудрости къ познанію преподаваемыхъ ученій“, причтъ перешелъ въ помѣщеніе учителя, гдѣ была уже приготовлена обильная выпивка и закуска.

Усадивъ дорогихъ гостей, Иванъ Петровичъ особенно усердно принялся угощать псаломщика, и дѣйствовалъ такъ успѣшно, что черезъ какихъ-нибудь полчаса сильно подгулявшій Рождественскій крѣпко обнималъ радушнаго хозяина и называлъ его „Ваней“ и „единственнымъ другомъ“.

На слѣдующее утро въ Заболотской школѣ начались уроки.

Новый учитель повелъ дѣло довольно своеобразно.

Учебною частью онъ занимался очень мало. Русское чтеніе и письмо, ариѳметика и объяснительныя бесѣды стояли у него на заднемъ планѣ. Онъ налегалъ преимущественно на церковное пѣніе и славянскій языкъ.

Но самое главное вниманіе Ивана Петровича обращено было на воспитаніе учениковъ „въ духѣ исконныхъ завѣтовъ земли русской“.

Его питомцы за версту ломали шапку предъ всякой фуражкой съ кокардой, по пяти разъ на дню подбѣгали къ отцу Павлу „за благословеніемъ“ и каждый праздникъ приходили за восемь-девять верстъ въ церковь, хотя нерѣдко морозили при этомъ носы и уши и горько-прегорько плакали.

„Полезная“ дѣятельность Ивана Петровича скоро была замѣчена и оцѣнена по достоинству.

— Славнаго намъ Богъ учителя послалъ,—говорилъ добродушный отецъ Павелъ епархіальному наблюдателю, изможден-

ному городскому протоіерею, давно уже ничего не читавшему „за недосугомъ“.

Тотъ утвердительно помычалъ ему въ отвѣтъ, и недѣли черезъ двѣ заболотскому учителю „за отлично-усердную и примѣрно-полезную дѣятельность“ преподано было „благословеніе“, подкрѣпленное нѣсколькими новыми полуимперіалами.

Къ концу учебнаго года воспитанники Миролюбова еле-еле разбирали русскую печать, съ грѣхомъ пополамъ считали цѣлыми десятками до сотни и попрежнему были убѣждены, что громъ происходитъ отъ колесницы пророка Иліи.

Зато они бойко читали за всенощнымъ „шестопсалміе“ и „каѳизмы“, пѣли „Господи воззвахъ“ на „греческіе“, „знаменные“ и „кіевскіе“ распѣвы, а во время храмового праздника исполнили „за причастнымъ“ даже громогласный концертъ Бортнянскаго: „Сей день, его же сотвори Господь“.

Но особенно отличился Иванъ Петровичъ на экзаменѣ своей школы.

Испытывать познанія заболотскихъ школьниковъ явилась цѣлая коммиссія.

Во главѣ ея стоялъ попечитель школы, отставной кавалеристъ, Ѳедоръ Ивановичъ Губаревъ, по общему мнѣнію, „опоздавшій родиться“ ровно на полтора столѣтія.

Въ качествѣ представителя земства приглашенъ былъ учитель мѣстнаго министерскаго училища Ѳедотъ Алексѣичъ Евсѣевъ, изъ окончившихъ учительскій институтъ крестьянъ.

Уѣздное отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта отрядило своего почетнаго члена Андрея Михайловича Шарамыгина, явившагося на экзаменъ въ „благотворительномъ“ мундирѣ, украшенномъ девятью золотыми и серебряными медалями, пятью знаками различныхъ обществъ и какимъ-то иностраннымъ орденкомъ.

Присутствовалъ, конечно, и отецъ Павелъ Казанскій, состоявшій законоучителемъ и завѣдующимъ школой.

Экзаменъ былъ назначенъ въ девять часовъ утра, но коммиссія собралась только около одиннадцати и, испивъ предварительно у Миролюбова чайку съ любезно-присланной Шарамыгинымъ „свинь-шампанью“, приступила къ испытанію.

Вызванные ученики очень обстоятельно разсказали, какъ Каинъ убилъ Авеля, а Ной насадилъ виноградникъ; передали коечто объ Іосифѣ и женѣ Пентефрія; о Кисовыхъ ослицахъ и прегрѣшеніи Давида, и изъ всего этого вывели назидательныя заключенія.

Все это сильно отзывалось чѣмъ-то дѣланнымъ, натянутымъ, фальшивымъ.

Видно было, что экзаменующіеся повторяють лишь заученныя слова законоучителя, сами плохо понимая ихъ смыслъ.

Но въ общемъ всѣ отвѣчали бойко, и „испытатели“ щедрою рукою сыпали имъ пятерки.

Вслѣдъ за священной исторіей приступили къ испытанію по славянскому языку.

И тутъ заболотскіе школьники не ударили въ грязь лицомъ. Читали довольно бѣгло, увѣренно разбирались въ разныхъ „титлахъ“, „словотитлахъ“, „каморахъ“ и „варіяхъ“ и быстро отыскивали указанные главы и стихи.

Маленькая заминка произошла только тогда, когда Ѳедотъ Алексѣеичъ вздумалъ спросить:

— А что значатъ эти слова: „еродіево жилище предводительствуетъ ими“?

— Позвольте-съ! — энергично выступилъ на защиту своихъ питомцевъ Миролюбовъ, — вы, очевидно, совсѣмъ незнакомы съ нашими программами. Мы обязаны переводить только простѣйшія слова и выраженія.

— Да я совсѣмъ и не требовалъ перевода, — возразилъ Евсѣевъ, — я только поинтересовался узнать, понимаютъ ли они прочитанное?

— Это въ программу не входитъ.

— Но, помилуйте, здравый смыслъ подсказываетъ это. Къ чему читать, если не понимаешь?

— Ну, объ этомъ разсуждать не наше дѣло. Мы должны исполнять требованія программы, — и вся недолга.

Евсѣевъ пожалъ плечами и замолкъ.

Андрей Михайлычъ, недолюбливавшій независимо державшагося учителя, насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Что, братъ, съѣлъ грибъ? — казалось, говорили его мутные, заплывшіе жиромъ глазки: — туда же, спорить лѣзетъ съ умными людьми.

Отецъ Павелъ тоже взглянулъ съ торжествомъ на попечителя, словно бы желая сказать:

— Каковъ паренёкъ-то? Золото, а не учитель.

Когда маленькое недоразумѣніе было исчерпано, принялись за русскій языкъ и счисленіе.

Здѣсь дѣла пошли хуже.

Зная недостаточную подготовку своихъ учениковъ, Миролюбовъ заблаговременно назначилъ каждому изъ нихъ отдѣльный отрывокъ для чтенія и задачу, которые они должны были выучить „на зубокъ“.

Благодаря такому пріему, отвѣты обѣщали быть блестящими, но все испортилъ неугомонный Евсѣевъ.

Когда экзаменующійся мальчуганъ, звонко постукивая мѣломъ, окончилъ задолбленныя выкладки и хотѣлъ уже идти на мѣсто, Ѳедотъ Алексѣичъ вдругъ остановилъ его вопросомъ:

— Футъ проволоки стоитъ три копѣйки. Сколько стоитъ аршинъ?

Огорошенный „незнакомой“ задачей, школьникъ долго стоялъ съ открытымъ ртомъ и, какъ ни подсказывалъ Миролюбовъ, рѣшить ее не могъ.

Другіе ученики оказались не лучше и на всѣ вопросы Евсѣева только усиленно хлопали глазами.

Чтобы подправить испорченное впечатлѣніе, Иванъ Петровичъ предложилъ перейти къ экзамену по церковному пѣнію.

Въ этомъ испытаніи руководящую роль принялъ на себя Шарамыгинъ.

— А-а-а-м-мо-о-гутъ они,—началъ онъ, сильно заикаясь на первыхъ слогахъ,—симоновскую херувимскую изобразить?

— Съ удовольствіемъ, Андрей Михайловичъ, съ удовольствіемъ, — почтительно поклонился ему Миролюбовъ и, ударивъ камертономъ по тыльной сторонѣ ладони, задалъ тонъ.

Херувимскую спѣли гладко.

„Почетный членъ“ слушалъ, зажмуривъ отъ удовольствія глазки, умильно вздыхалъ и покачивалъ въ тактъ головою, причемъ его многочисленныя регаліи мягко позванивали.

— А-а-а-т-те-е-переча нельзя ли турчаниновскій задостойникъ?

Пропѣли и „задостойникъ“.

Шарамыгинъ расчувствовался, вытащилъ изъ бокового кармана объемистый бумажникъ, долго рылся въ немъ и подалъ, наконецъ, учителю трехрублевую бумажку.

— Бла-а-дарю! В-великое, можно сказать, удовольствіе доставили. Примите эфто отъ моихъ щедротъ!

— Благодарите, ребятки, благодѣтеля!—мигнулъ Иванъ Петровичъ своимъ питомцамъ.

И вымуштрованная стая дружно запищала:

— Покорнѣйше благодаримъ васъ, батюшка Андрей Михайловичъ, за ваши милости!

— Смотрите, какія вѣжливыя стали дѣти!—шепнулъ отецъ Павелъ Губареву.

— Да, доброе вліяніе много значитъ!—отвѣчалъ тотъ:—бывало, идешь по улицѣ, ни одинъ тебѣ мерзавецъ поклониться

не хочетъ, точно свой братъ-сиволапъ идетъ. А теперь смотрю, чуть не за сотню шаговъ шапочки снимаютъ.

Экзаменъ окончился.

Выславъ дѣтей „погулять“, принялись обсуждать, кто изъ нихъ достоинъ получить свидѣтельство объ окончаніи курса.

Губаревъ, отецъ Павелъ, Шарамыгинъ и Миролюбовъ находили, что аттестаты слѣдуетъ выдать всѣмъ подвергавшимся испытанію.

Евсѣевъ былъ другого мнѣнія.

— Помилуйте, — говорилъ онъ, — да они читать по-русски порядкомъ не умѣютъ, въ простѣйшей задачкѣ разобраться не могутъ, а въ воззрѣніяхъ на явленія природы такъ же темны, какъ и ихъ отцы. Признавать ихъ окончившими начальную школу—прямая насмѣшка надъ народнымъ образованіемъ, которое мы призваны насадить въ невѣжественныхъ массахъ.

— Вы стоите на неправильной точкѣ зрѣнія, — съ ехидной улыбочкой возразилъ Миролюбовъ,—нашему народу не надо образованія. Ему нужна простая грамотность и религіозно-нравственное воспитаніе. Этого желаетъ самъ народъ. И ваша школа, отвращающая его отъ вѣры, не соотвѣтствуетъ его желаніямъ.

— Простите!—рѣзко оборвалъ учителя Евсѣевъ, —я самъ— крестьянинъ и лучше васъ знаю, чего хочетъ нашъ народъ. Но откуда вы взяли, что наша школа отвлекаетъ народъ отъ вѣры? Мы всѣ—люди болѣе или менѣе вѣрующіе и знаемъ, какое незамѣнимое утѣшеніе приноситъ иногда человѣку вѣра. Но развѣ вѣра и образованіе исключаютъ другъ друга?

— Знаемъ мы вашу вѣру, — иронически засмѣялся Миролюбовъ:—про нее можно выразиться словами Некрасова: „безъ церковнаго пѣнья, безъ ладана, безъ всего, чѣмъ могила крѣпка“. Нѣтъ, не этого ищетъ народъ. Ему нужна вѣра, въ которой онъ исторически родился и выросъ, и съ Божьей помощью проживетъ еще долгіе дни. И кто думаетъ иначе, тотъ не другъ, а врагъ русскаго народа.

Послѣднія слова Иванъ Петровичъ подчеркнулъ и выразительно посмотрѣлъ на остальныхъ членовъ коммиссіи.

Ѳедотъ Алексѣичъ вновь пожалъ плечами и прикусилъ языкъ.

Всѣ ученики заболотской школы получили свидѣтельства объ окончаніи курса, а о поступкѣ Миролюбова доведено было „до свѣдѣнія“ начальства, которое постановило „имѣть его въ виду“, какъ полезнаго дѣятеля и преданнѣйшаго борца за „коренные устои“.

X.

Приголубленный учителемъ псаломщикъ Рождественскій зачастилъ къ своему „единственному другу“.

Дня не проходило, чтобы Семенъ Ильичъ не заглянулъ вечеркомъ въ школу.

Приходилъ онъ всегда полупьяненькій, а временами и въ довольно сильныхъ „градусахъ“, но Иванъ Петровичъ встрѣчалъ его съ неизмѣннымъ радушіемъ и тотчасъ же посылалъ за водкой.

И, сидя за бутылкой „смирновки“, или „поповки“, псаломщикъ плакалъ горючими слезами и жаловался на свою горькую долю.

Что̀ онъ, въ сущности, такое? Несчастная парія, которой всѣ помыкаютъ.

Его не слушается даже церковный сторожъ Кучуга, такой же пьянчужка, какъ и онъ самъ.

Развѣ не обидно ему, что какой-нибудь кулакъ Андрей Шарамыгинъ говоритъ ему „ты“, а отецъ Павелъ въ глаза называетъ „болваномъ“?

Вотъ, напримѣръ, и сегодня онъ нѣсколько опоздалъ подать батюшкѣ ризу, а тотъ и закричалъ на него на весь алтарь:

— Что-жъ, болванъ, стоишь? Подавай облачаться!

А вѣдь онъ тоже учился въ семинаріи и учился хорошо. Думалъ даже въ академію идти, да, по несчастію, въ пятомъ уже классѣ попался въ пьянствѣ и съ позоромъ былъ выгнанъ вонъ.

Миролюбовъ слушалъ эту пьяную болтовню внимательно и сочувственно покачивалъ головою.

А временами, какъ будто невзначай, произносилъ:

— Ну, ужъ я бы, Сеня, не стерпѣлъ этого на твоемъ мѣстѣ: такъ бы прямо въ морду и далъ.

— И я дамъ. Ты думаешь, не дамъ? Вотъ сейчасъ пойду и дамъ.

И въ пьяномъ азартѣ Рождественскій отправлялся къ священнику и хоть не осмѣливался „дать ему въ морду“, но грубилъ и бранился до неприличія.

— Совсѣмъ у меня ныньче дьячекъ отъ рукъ отбился,— сказалъ однажды отецъ Павелъ Миролюбову, зашедшему къ нему „побесѣдовать“: — бывало, пьяный хоть прятался отъ меня. А теперь, какъ напьется, такъ и лѣзетъ сюда. Ругается, сквернословитъ, того и жду, что еще драться начнетъ.

— Очень уже вы, батюшка, добры, — вкрадчиво замѣтилъ Иванъ Петровичъ, — столько времени терпите около себя этакаго негодяя. И хоть бы псаломщикъ-то былъ порядочный, дѣло свое зналъ, а то вѣдь никуда не годится: ни пѣть, ни читать, ни вамъ прислужить. Смотрю я какъ-то, подаетъ онъ вамъ кадило. Гдѣ бы у пастыря руку при этомъ поцѣловать, а онъ сунулъ, да и вонъ изъ алтаря. Нѣтъ, я и самъ готовился священникомъ быть, а когда въ семинаріи прислуживалъ священнику, всегда ему руку лобызалъ.

— Такъ то вы, Иванъ Петровичъ, человѣкъ умный, разсудительный. Гдѣ такихъ-то псаломщиковъ найдешь?

— Ну, отчего же; найдутся охотники. Вѣдь у васъ, поди, въ годъ рублей восемьсотъ на его долю придется?

— Всю тысячу кладите. Да земля еще, да квартира, да разные сборы натурой: петровщина, тамъ, христовщина, осенщина.

— Вотъ видите ли! На такихъ условіяхъ всякій согласится.

— Ну, положимъ, не всякій. Взять къ примѣру, вы первый не согласились бы.

— Я? Отчего же? Съ удовольствіемъ.

— Хе, хе, хе! Шутникъ вы, Иванъ Петровичъ! На виду у начальства стоите, а пойдете въ дьячки. Вамъ и въ священническомъ мѣстѣ не откажутъ.

— А почему же и дьячкомъ не послужить? Святой Іоаннъ Златоустъ и получше насъ былъ, да тоже начиналъ свою службу церкви чтецомъ, пѣвцомъ и свѣщеносцемъ.

— Такъ-то такъ. Говорятъ-то это многіе, а какъ до дѣла коснется, такъ сейчасъ и на попятный.

— Ну, я не изъ такихъ. Сказалъ — пойду, и пошелъ бы.

— Голубчикъ, Иванъ Петровичъ! Да позвольте же въ такомъ случаѣ поймать васъ на словѣ. Проситесь ко мнѣ на мѣсто Рождественскаго!

— Благодарю васъ, дорогой батюшка! — тщетно выжимая на глаза слезу, проговорилъ учитель и, наклонившись, поцѣловалъ руку священника.

— Но какъ же Семенъ Ильичъ-то? Вѣдь онъ пока состоитъ еще на службѣ.

— Объ этомъ забота не ваша. Мѣсто освободится скоро. Согласны его занять?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

— Значитъ, по рукамъ?

— По рукамъ!

Батюшка протянулъ Миролюбову руку, которую тотъ еще

нѣсколько разъ облобызалъ, и сдѣлка, рѣшавшая участь заболотскаго псаломщика, была заключена.

XI.

Отецъ Павелъ принялся за „выкуриванье“ Рождественскаго очень горячо.

Въ тотъ же вечеръ онъ отправилъ чрезъ благочиннаго „рапортъ“ въ консисторію, въ которомъ писалъ, что подвѣдомственный ему псаломщикъ пьетъ мертвую чашу, обязанностей своихъ не исполняетъ, грубитъ и грозится даже нанести ему оскорбленіе дѣйствіемъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого въ Заболотье внезапно пріѣхалъ помощникъ благочиннаго, отецъ Антоній Лавровскій, и приступилъ къ производству слѣдствія по дѣлу „о нетрезвомъ поведеніи псаломщика Рождественскаго и о неповиновеніи онаго своему священнику“.

Спрошенный Семенъ Ильичъ не отрицалъ, что онъ частенько „выпиваетъ“, но въ неисправности по службѣ и въ угрозахъ священнику не признавался.

Слѣдователь произвелъ такъ называемый въ консисторскомъ дѣлопроизводствѣ „большой повальный обыскъ“, т.-е. опросилъ всѣхъ окрестныхъ домохозяевъ, но и тутъ ничего существеннаго не выяснилось.

Мужички показали, что Рождественскій дѣйствительно „винцо попиваетъ“, но „къ службѣ Господней усерденъ“, а грубилъ ли когда священнику, про то они „доподлинно неизвѣстны“.

Тогда по просьбѣ отца Павла допрошенъ былъ учитель Миролюбовъ, и дѣло сразу же измѣнилось не въ пользу Семена Ильича.

„Единственный другъ“ Рождественскаго, приведенный къ присягѣ, показалъ, что псаломщикъ почти каждый день является къ нему въ безобразно-пьяномъ видѣ, настойчиво требуетъ себѣ вина и всячески поноситъ при этомъ священника, обѣщаясь „дать ему въ морду“; что нѣсколько разъ, несмотря на удерживанья, онъ убѣгалъ къ отцу Казанскому съ явнымъ намѣреніемъ оскорбить послѣдняго дѣйствіемъ, и хотя ему, Миролюбову, въ точности неизвѣстно, приводились ли эти замыслы въ исполненіе, но онъ всякій разъ слышалъ въ домѣ батюшки отчаянные крики.

Невеселыми красками обрисовалъ Иванъ Петровичъ и служебную дѣятельность псаломщика.

По его словамъ, Рождественскій не помогалъ, а мѣшалъ отцу Павлу, безпрестанно вызывалъ его на замѣчанія и тѣмъ смущалъ молитвенное настроеніе прихожанъ.

„Если бы не мои школьники, да не два-три мужичка, такъ батюшкѣ, пожалуй, и литургію служить бы не съ кѣмъ было“, закончилъ свои показанія Миролюбовъ.

Получивъ такое полное подтвержденіе донесенію священника, слѣдователь уѣхалъ, а еще черезъ двѣ недѣли благочинный прислалъ отцу Павлу консисторскій указъ, которымъ псаломщикъ Рождественскій отрѣшался отъ мѣста, съ отдачею на полгода въ монастырь „на черныя работы“ и съ правомъ пріискать себѣ „по отбытіи сего срока“ другое псаломщическое мѣсто.

На другой же день по полученіи этого указа Иванъ Петровичъ отправился къ викарному епископу, завѣдывавшему назначеніемъ низшихъ членовъ причта, и спустя еще дня три вернулся назадъ уже псаломщикомъ Тихвинской церкви села Заболотья.

XII.

По странной случайности, первый визитъ новаго „псалмопѣвца“ былъ не къ облагодѣтельствовавшему его отцу Павлу, а къ мѣстному благочинному, протоіерею Михаилу Ивановичу Соловьеву.

Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ нему прежде другихъ въ виду будто бы необходимости „предъявить“ указъ объ опредѣленіи на мѣсто.

Протоіерей Соловьевъ состоялъ настоятелемъ собора въ сосѣднемъ уѣздномъ городкѣ и жилъ отъ Заболотья верстахъ въ двадцати.

Низенькаго роста, съ густыми, бѣлыми, какъ ленъ, курчавыми волосами и такою же бородкою, съ пухлыми, покрытыми нѣжнымъ румянцемъ щечками и кругленькимъ брюшкомъ, отецъ-благочинный былъ еще очень бодръ и подвиженъ для своихъ семидесяти лѣтъ.

Онъ велъ жизнь вообще очень скромную и умѣренную, но изрѣдка, „въ пріятной компаніи“, не отказывался и отъ лишней рюмочки, и могъ безъ всякаго вреда для здоровья просидѣть ночь напролетъ за зеленымъ столомъ.

Какъ человѣкъ, Михаилъ Ивановичъ былъ очень добръ и снисходителенъ къ чужимъ недостаткамъ, но когда было нужно, умѣлъ и постоять за своихъ подчиненныхъ.

Онъ держался правила, что „свой своему поневолѣ братъ“, и при всѣхъ столкновеніяхъ духовенства съ „мірянами“ неизмѣнно принималъ сторону первыхъ.

А такъ какъ, въ довершеніе всего, отецъ Михаилъ былъ еще великій хлѣбосолъ и не скупъ на представленія къ наградамъ, то всѣ его сослуживцы и подначальные относились къ нему любовно и охотно прощали кой-какія слабости.

Самой главной изъ этихъ слабостей отца протоіерея была его чрезмѣрная заботливость о своихъ близкихъ.

Около бездѣтнаго, давно овдовѣвшаго благочиннаго всегда проживалъ десятокъ всякихъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, которыхъ онъ заботливо пристраивалъ во ввѣренномъ ему округѣ.

Въ концѣ концовъ почти всѣ священнослужительскія мѣста въ благочиніи протоіерея Соловьева были заняты его родными и двоюродными племянниками, крестниками и мужьями его безчисленныхъ внучекъ.

Когда въ день двадцатипятилѣтія благочиннической дѣятельности подвѣдомственное духовенство поднесло отцу Михаилу свою фотографическую карточку, онъ посмотрѣлъ на нее, добродушно засмѣялся и сказалъ:

— Хорошіе мои! Да гдѣ-жъ тутъ мои подчиненные? Вѣдь это все мои милые родственнички.

Ивана Петровича благочинный встрѣтилъ особенно привѣтливо.

Миролюбовъ обязанъ былъ этимъ отчасти усиленнымъ похваламъ отца Павла, до небесъ превозносившаго „полезнаго“ учителя, главнымъ же образомъ тому, что Михаилъ Ивановичъ видѣлъ въ немъ подходящаго жениха своей внучатной племянницѣ, восемнадцатилѣтней Зиночкѣ, которую давно бы пора ужъ пристроить за хорошаго человѣка.

Взглянувъ мелькомъ на поданный Миролюбовымъ указъ, протоіерей потащилъ гостя въ уютную столовую, гдѣ за ярко блестящимъ самоваромъ сидѣла миловидная Зиночка, просто, но со вкусомъ одѣтая и причесанная.

Представивъ молодыхъ людей другъ другу, отецъ Михаилъ приказалъ подать закуску, водочки и принялся обстоятельно разспрашивать новаго знакомца.

— Вашего папеньку-то не Петромъ ли Сергѣичемъ звать?— прежде всего полюбопытствовалъ онъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ:—Вы, значитъ, выходите Сергѣя Аркадьича внучекъ? Такъ, такъ! хорошій былъ человѣкъ, царство ему небесное! Мы съ нимъ вмѣстѣ въ бурсѣ учились. Одно время онъ

даже моимъ аудиторомъ былъ. Требовательный былъ юноша, а справедливый,—пожаловаться нельзя. Выпоролъ онъ однажды меня за лѣность,—здорово выпоролъ,—но я не обижаюсь. Подѣломъ вору и мука! Ха-ха-ха!

Благочинный звонко разсмѣялся, причемъ кругленькое личико его все засвѣтилось весельемъ. Изъ-подъ густыхъ, коротко подстриженныхъ усовъ, изъ каждой морщинки около глазъ такъ и брызгалъ живой, заразительный смѣхъ. Трудно было удержаться отъ улыбки, глядя на этого благодушно смѣющагося старичка.

Припомнивъ еще кой-какія приключенія изъ былой бурсацкой жизни и вдоволь нахохотавшись, отецъ Михаилъ поинтересовался узнать, доволенъ ли Иванъ Петровичъ своимъ положеніемъ и какіе планы строитъ въ будущемъ? Миролюбовъ очень степенно отвѣчалъ, что въ его годы трудно устроиться лучше, и онъ можетъ только благодарить Господа Бога и свое начальство за незаслуженныя милости, а о дальнѣйшемъ онъ не думаетъ: будетъ жить, какъ Богъ велитъ.

— Превосходно, сударь мой, разсуждаете,—одобрительно кивнулъ головой протоіерей:—во всемъ надлежитъ располагаться на Бога. Но иногда и немножко поразмыслить о своей судьбѣ тоже не мѣшаетъ. Вѣдь вотъ захотите, поди, обзавестись домкомъ, семейкой? Тутъ надо очень и очень подумать. Или, можетъ быть, весь вѣкъ разсчитываете холостякомъ скоротать?

— Что вы? Помилуйте!—скромно потупилъ глазки псаломщикъ:—хоть мнѣ и рановато помышлять о женитьбѣ, но ужъ какое житье безсемейному? Ни уютнаго угла у тебя нѣтъ, ни ласки, ни привѣта, словно живешь, какъ въ чужой квартирѣ.

— Правильно судите. А сколько, смѣю спросить, вамъ лѣтъ?

— Да вотъ уже двадцать седьмой идетъ.

— Такъ чего-жъ еще откладывать? Женитесь, Иванъ Петровичъ, скорѣй женитесь! Я даже, какъ благочинный, приказываю вамъ. Ха-ха-ха!

— Радъ бы, ваше высокопреподобіе, сейчасъ исполнить приказаніе, да двѣ причины не позволяютъ.

— Позвольте узнать: какія?

— Во-первыхъ, невѣсты нѣтъ...

— Ну, это пустяки. Въ этомъ ужъ вы на меня, старика, положитесь: я вамъ такую кралю сосватаю, что пальчики оближете.

— Премного благодаренъ, отецъ благочинный! Но мнѣ не хотѣлось бы вступать въ бракъ, пока я только еще въ должности псаломщика.

— Почему же? Мѣсто у васъ, слава Богу, хорошее: средствъ прокормить семью хватитъ.

— Такъ-то такъ, но все же мнѣ во многомъ придется отказывать женѣ и дѣтишкамъ. А мнѣ хотѣлось бы, чтобы они жили въ полномъ довольствѣ. Поэтому-то я и рѣшилъ жениться только тогда, когда получу хорошее священническое мѣсто.

Съ послѣдними словами Миролюбовъ пристально посмотрѣлъ въ глаза благочинному, какъ бы желая сказать:

— Понимаешь?

Умудренный долгимъ житейскимъ опытомъ, старецъ сразу же понялъ этотъ выразительный взглядъ.

— И за этимъ дѣло не станетъ,—весело засмѣялся отецъ Михаилъ и дружески похлопалъ гостя по плечу:—присматривайте только мѣстечко по сердцу, а ужъ невѣсту и все остальное я вамъ устрою. Авось вспомните когда-нибудь отца благочиннаго!

Новые знакомцы остались вполнѣ довольны другъ другомъ.

— Вотъ, Зиночка, и женишокъ тебѣ, слава Богу, навертывается. Парень, какъ видится, ходовой, но смирный. Нравится онъ тебѣ?

Молодая дѣвушка промолчала. Ей стыдно было сказать дѣду, что въ сладкихъ дѣвичьихъ снахъ ей грезится совсѣмъ другой избранникъ сердца, нисколько не похожій на плюгаваго, скуластаго, заросшаго по самые глаза бородою заболотскаго псаломщика.

М. Ѳ. Лубинскій.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

РОССІИ

Окончаніе.

XI *).

Еще въ 1884-мъ году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ испрошенъ для оказанія помощи переселенцамъ денежный кредитъ, въ размѣрѣ 40.000 руб., и въ главные пункты движенія и остановокъ въ пути переселенцевъ, расположенные частью при переходѣ черезъ Уралъ, частью за Ураломъ, по трактамъ Сибири, въ города: Екатеринбургъ, Златоустъ, Оренбургъ, Тобольскъ и Томскъ,—командированы особые чиновники. Пункты эти были избраны сообразно опредѣлившемуся въ 80-хъ годахъ главному направленію переселенческаго движенія въ Сибирь. Изъ нихъ вскорѣ, за проведеніемъ уральской желѣзной дороги до Тюмени, екатеринбургскій пунктъ былъ закрытъ, а тобольскій переведенъ въ Тюмень.

Однако и въ описываемое время правительство продолжало выказывать замѣтную нерѣшительность въ направленіи пересе-

*) См. выше: іюль, стр. 139.

ленческаго дѣла, обусловливавшуюся, главнымъ образомъ, опасеніемъ массоваго передвиженія крестьянъ. Вслѣдствіе этого, оно не только не рѣшается на установленіе болѣе широкихъ основаній въ дѣлѣ выдачи разрѣшеній на переселеніе, но, наоборотъ, въ слѣдующемъ, 1885 г., сочло нужнымъ даже уменьшить до 20.000 руб. кредитъ, отпускавшійся на воспособленіе переселенцамъ, опредѣливъ размѣръ его по дѣйствительному расходованію, произведенному въ предшествовавшемъ году. Кредитъ этотъ, ежегодно возобновляемый, оставался неизмѣннымъ до самаго конца десятилѣтія. Послѣдствіемъ такой нерѣшительности и также того обстоятельства, что сибирскіе переселенцы оказались внѣ дѣйствія временныхъ правилъ 10 іюля 1881 г., явилось положеніе, сходное съ существовавшимъ въ два предъидущія десятилѣтія, при которомъ самостоятельный уходъ крестьянъ на новыя мѣста нисколько не уменьшился, выражаясь иногда въ самомъ невыгодномъ соотношеніи съ „законнымъ" переселеніемъ. Въ началѣ разсматриваемаго десятилѣтія общіе размѣры переселенческаго движенія на востокъ опредѣлялись ежегодно до 40.000 душъ, между тѣмъ съ 1881 года по 1884 число семей, получившихъ разрѣшеніе на переселеніе, насчитывалось только 975. Къ тому же многія изъ этихъ семей не воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ переселенія и остались на родинѣ. Нѣкоторыя облегченія въ дѣлѣ оффиціальнаго разрѣшенія переселеній замѣчаются лишь съ средины 80-хъ годовъ, когда состоялось Высочайшее повелѣніе 17 мая 1884 г. и образованъ былъ въ Западной Сибири, на основаніи закона 22 января 1885 г., особый отрядъ межевыхъ чиновъ съ спеціальной цѣлью нарѣзки и отвода земли переселенцамъ.

Разработка основного переселенческаго закона на началахъ, указанныхъ этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, была возложена на особую коммиссію, образованную, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве, изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ.

Исходя изъ представленія о главнѣйшемъ направленіи переселенческаго движенія на казенныя земли Европейской Россіи и Сибири и на земли частныхъ владѣльцевъ, коммиссія проектировала рядъ правилъ для перехода и устройства переселенцевъ на означенныхъ земляхъ. По отношенію къ казеннымъ землямъ она находила, что установленный закономъ 10 іюля 1881 г. порядокъ распредѣленія ихъ между нуждающимися лицами представляетъ значительныя неудобства, такъ какъ отводъ ихъ

опредѣляется фактомъ не разстроеннаго имущественнаго состоянія крестьянъ, а своевременнаго возбужденія ходатайствъ о переселеніи, вслѣдствіе чего наиболѣе нуждающіеся въ землѣ, но неосвѣдомленные о существованіи нераспубликованнаго закона могутъ совсѣмъ лишиться возможности улучшить свое положеніе путемъ перехода на новыя мѣста. Поэтому было предположено установить порядокъ избранія лицъ, подлежащихъ переселенію, „самою центральною администраціею", и съ этою цѣлью требовать отъ губернаторовъ самыхъ подробныхъ свѣдѣній „о всѣхъ селеніяхъ, откуда выселеніе части крестьянъ можетъ представляться необходимымъ". Согласно означеннымъ свѣдѣніямъ предстояло опредѣлить, по проекту, въ каждомъ данномъ году мѣста будущаго водворенія переселенцевъ и установить постепенность перехода ихъ, назначая къ выселенію изъ обществъ такое число лицъ, чтобы остающіяся въ прежнемъ мѣстѣ могли существовать на отведенныхъ для общества надѣлахъ. Къ переселенію допускались только желающіе. Если число ихъ оказывалось превышающимъ предположенное къ выселенію, то производился выборъ по жребію. При этомъ получившимъ разрѣшеніе предоставлялось отправлять ходоковъ для предварительнаго осмотра назначенныхъ подъ водвореніе земель.

Въ видахъ прочнаго водворенія и устройства крестьянъ на новыхъ мѣстахъ, коммиссія признавала желательнымъ разрѣшать переселеніе *исключительно* лицамъ, ведущимъ хозяйство на своихъ или арендованныхъ земляхъ и находящимъ въ земледѣліи главный источникъ къ существованію. Подобное ограниченіе не предполагалось, однако, распространять на тѣ части безземельнаго населенія, по отношенію къ которымъ уже послѣдовали правительственныя распоряженія о признаніи за ними права на надѣлъ казенной земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія находила возможнымъ допускать переселеніе изъ обществъ, владѣющихъ недоброкачественными надѣлами, но лишь въ такомъ количествѣ душъ, чтобы оставшіяся угодья не оказались совсѣмъ заброшенными. Наконецъ, было высказано соображеніе о предпочтительномъ выборѣ переселенцевъ изъ лицъ, „еще не окончательно разорившихся", такъ какъ такимъ путемъ, независимо отъ скорѣйшаго устройства на новыхъ мѣстахъ, „можетъ быть достигнута и другая цѣль — съ небольшими средствами произвести переселеніе возможно бо̀льшаго количества людей".

Въ основаніе переселенія на казенныя земли Европейской Россіи коммиссіею положена была мысль о сбереженіи этихъ земель для наиболѣе нуждающихся крестьянъ. Участки проекти-

ровалось нарѣзать по числу наличныхъ мужского пола душъ, съ отводомъ надѣла въ предѣлахъ Европейской Россіи не болѣе высшаго или указного по мѣстности и во всякомъ случаѣ не свыше 8 дес. на душу, а въ Сибири, впредь до окончательнаго установленія нормъ надѣловъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, но не свыше 15 дес. Земли предполагалось предоставлять въ общинное владѣніе, съ правомъ замѣны его подворнымъ, и съ обложеніемъ этихъ земель оброчною податью, исчисляемою сообразно доходамъ, которые получались казною до водворенія на нихъ переселенцевъ.

При передвиженіи и устройствѣ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, коммиссія полагала предоставить имъ довольно значительныя льготы, особенно водворяющимся на казенныхъ земляхъ Европейской Россіи. Эти послѣдніе, по проекту, освобождались въ теченіе первыхъ 3-хъ лѣтъ по водвореніи отъ всѣхъ казенныхъ податей и повинностей, и въ теченіе 3-хъ послѣдующихъ—отъ платежа половины ихъ. Лица, состоящія въ призывномъ возрастѣ, въ первые три года, со времени прибытія на новыя мѣста, пользовались льготою отъ воинской повинности, зачисляясь прямо въ запасъ, а призываемые въ послѣдующіе три года получали отсрочку въ исполненіи означенной повинности до окончанія 6-лѣтняго льготнаго срока. При передвиженіи переселенцамъ предоставлялось право на удешевленный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на освобожденіе отъ сборовъ за переправы и за проѣздъ по шоссе и мостамъ. На мѣстахъ водворенія имъ отпускался, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, потребный для возведенія построекъ матеріалъ изъ казенныхъ лѣсовъ и дозволялось получать ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе полей, наравнѣ съ мѣстными крестьянами и до перечисленія къ мѣстамъ новой осѣдлости. Наконецъ, въ случаѣ несостоятельности, переселявшіеся получали заимообразныя ссуды на передвиженіе и устройство на новыхъ мѣстахъ, въ размѣрѣ не свыше 200 рублей на семью. Опредѣленіе размѣра этихъ ссудъ, срока и порядка уплаты ихъ возлагалось на министерство внутреннихъ дѣлъ.

Надѣлы, оставшіеся за выходомъ крестьянъ, поступали въ общества, на которыя переводились всѣ числящіяся на переселенцахъ недоимки. При неудовлетворительныхъ качествахъ надѣловъ или по другимъ причинамъ, когда подобный переводъ недоимокъ и текущихъ платежей не могъ бы быть допущенъ „безъ явнаго ущерба для крестьянъ“, отъ крестьянскихъ учрежденій зависѣло возбуждать ходатайства о соотвѣтственномъ пониженіи платежей и сложеніи недоимокъ.

Значительно меньшими льготами пользовались, по проекту, переселенцы, водворявшіеся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири. Для нихъ, какъ болѣе состоятельныхъ, льготы были приравнены къ установленнымъ для поселяющихся на частновладѣльческихъ земляхъ и притомъ предоставлялись лишь въ томъ случаѣ, если они шли на участки, заранѣе отведенные по ихъ ходатайству еще до выхода съ родины, и соблюли при этомъ выходѣ всѣ требованія закона.

При переселеніи на частно-владѣльческія земли коммиссія предполагала оказывать содѣйствіе только лицамъ, водворяющимся „на земляхъ, купленныхъ въ собственность или заарендованныхъ съ правомъ выкупа ихъ по желанію арендатора". Въ обоихъ случаяхъ, независимо отъ выдачи ссудъ изъ крестьянскаго банка на пріобрѣтеніе земель, признавалось цѣлесообразнымъ поселяющихся въ той же или смежной губерніи освобождать отъ уплаты казенныхъ сборовъ на два года, а въ болѣе отдаленныхъ на три, считая со дня перечисленія, и въ теченіе того же срока давать отсрочку въ исполненіи воинской повинности. При передвиженіи переселенцы пользовались, по проекту, тѣми же облегченіями, какія допускались для устраивающихся на казенныхъ земляхъ Европейской Россіи. На мѣстахъ водворенія имъ предоставлялось образовывать изъ себя отдѣльныя сельскія общества или приписываться къ волостямъ, въ предѣлахъ которыхъ они проживали, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ. При выходѣ съ родины переселенцы могли требовать принятія ихъ надѣловъ обществами, но безъ перечисленія на эти общества недоимокъ. Послѣднія они уплачивали сами или просили о переводѣ ихъ долговъ по мѣсту новаго водворенія. Подобный переводъ допускался, однако, лишь при условіи, что пріобрѣтаемая земля способна выдержать всѣ причитающіеся съ переселенцевъ платежи и переводимую недоимку. При несоотвѣтствіи выкупныхъ платежей съ доходностью оставляемаго надѣла, выходящіе члены обязывались уплатить обществу капитализированную изъ 6% разницу между означенными платежами и доходностью, которая въ такомъ случаѣ опредѣлялась губернскимъ присутствіемъ.

Приведенныя льготы и преимущества коммиссія не признавала возможнымъ распространить на переселенцевъ, устраивающихся на частновладѣльческихъ земляхъ на простомъ арендномъ правѣ. Однако, считая вопросъ о прочномъ водвореніи ихъ весьма существеннымъ, она полагала установить за правило, чтобы договоры объ арендѣ земель были письменные, обязательно свидѣтельствовались въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, и

если не имѣлось въ виду выкупа земли, заключались на сроки не свыше 12-ти лѣтъ. При несоблюденіи означенныхъ условій, когда будетъ доказана 3-лѣтняя давность арендованія переселенцами земли, съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости, и установлено отсутствіе заявленій со стороны владѣльца о выселеніи ихъ, какъ самовольно водворившихся, предполагалось весь занятый участокъ считать предоставленнымъ крестьянамъ съ правомъ выкупа его и съ опредѣленіемъ стоимости и порядка взноса выкупной суммы губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, если не послѣдуетъ по этому предмету полюбовнаго соглашенія сторонъ.

Для организаціи переселеній на указанныхъ основаніяхъ коммиссія предполагала образовать при земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ особое совѣщаніе изъ представителей министерствъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго названнымъ отдѣломъ. Къ обязанностямъ этого совѣщанія относилось, по проекту, общее руководительство переселенческимъ дѣломъ и предварительное обсужденіе мѣръ, вызываемыхъ развитіемъ его; разъясненіе сомнѣній и недоразумѣній, встрѣченныхъ на мѣстахъ, и распоряженіе денежными суммами, отпускаемыми на надобности дѣла; разрѣшеніе переселеній и распредѣленіе назначаемыхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ земель между переселенцами; собраніе свѣдѣній о годныхъ для поселенія казенныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ и распространеніе этихъ свѣдѣній, въ случаѣ надобности, на мѣстахъ.

Общее наблюденіе за правильнымъ ходомъ переселенческаго дѣла на мѣстахъ возлагалось на губернаторовъ. Губернскимъ присутствіямъ и совѣтамъ, съ участіемъ предсѣдателя казенной палаты и управляющаго государственными имуществами, поручалось наблюденіе за дѣйствіями уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій, распоряженіе отпускаемыми суммами и собраніе и сообщеніе нуждающимся лицамъ и учрежденіямъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, касающихся переселенія. На уѣздныя крестьянскія учрежденія возлагалось въ мѣстахъ выселенія: сообщеніе желающимъ переселиться свѣдѣній о свободныхъ земляхъ и объ условіяхъ водворенія на нихъ, и снабженіе ихъ, при окончательномъ выходѣ, свидѣтельствами на льготный проѣздъ до мѣстъ назначенія; въ мѣстахъ водворенія: наблюденіе за устройствомъ переселенцевъ и ближайшее попеченіе о нуждахъ ихъ; собраніе свѣдѣній о земляхъ и объ условіяхъ покупки и арендованія ихъ; посредничество между переселенцами и собственниками земель,

при заключеніи договоровъ и условій, и свидѣтельствованіе послѣднихъ; приведеніе въ извѣстность ранѣе состоявшихся переселеній и содѣйствіе къ окончательному устройству и перечисленію переселенцевъ по мѣсту новаго жительства.

Проектируя указанную организацію, коммиссія признала желательнымъ командировать „въ тѣ губерніи, въ которыя преимущественно направляется переселеніе", особыхъ лицъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, спеціальнымъ назначеніемъ которыхъ являлось бы содѣйствіе мѣстнымъ учрежденіямъ въ завѣдываніи переселенческимъ дѣломъ путемъ какъ личнаго участія въ засѣданіяхъ этихъ учрежденій, такъ и непосредственной дѣятельности на мѣстахъ. Полезность подобной мѣры оправдывалась бы, по мнѣнію коммиссіи, и необходимостью поддерживать постоянную связь между дѣятельностью названныхъ учрежденій и центральнымъ управленіемъ.

При обсужденіи вопроса о средствахъ, потребныхъ на нужды переселенческаго дѣла, коммиссія высказала, что разрѣшеніе подобнаго вопроса должно всецѣло зависѣть отъ денежныхъ суммъ, которыя будутъ отпускаемы изъ государственнаго казначейства, но, считая нужнымъ опредѣлить хотя приблизительно размѣры ассигнованій, необходимыхъ для осуществленія составленныхъ ею предположеній, она полагала, что „съ отпускомъ трехсотъ тысячъ рублей дѣло переселенія могло бы получить уже довольно правильную постановку". Основаніемъ къ такому разсчету послужили соображенія о возможномъ числѣ переселенцевъ, которые будутъ нуждаться въ оказаніи денежной помощи, и о примѣрныхъ расходахъ, вызываемыхъ веденіемъ переселенческаго дѣла въ десяти губерніяхъ, въ которыхъ проектировалось водвореніе крестьянъ. Согласно такимъ разсчетамъ, коммиссія полагала необходимымъ отпустить до 200 тысячъ рублей на выдачу пособій нуждающимся переселенцамъ и до 100 тысячъ рублей на расходы учрежденій, завѣдывающихъ переселеніемъ, и на содержаніе чиновниковъ, командированныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ заключеніе, коммиссія усматривала, что въ губерніяхъ и областяхъ Сибири проживаетъ по паспортамъ и инымъ документамъ или безъ всякихъ видовъ значительное число переселенцевъ, продолжающихъ числиться членами обществъ, изъ которыхъ они ушли, и не разсчитывающихъ совсѣмъ возвращаться на родину. Въ виду этого она признавала необходимымъ упрочить ихъ положеніе на новыхъ мѣстахъ и проектировала для всѣхъ лицъ, не имѣющихъ установленныхъ видовъ, обязательную,

а для имѣющихъ таковые виды добровольную приписку къ волостямъ по мѣсту настоящаго ихъ жительства, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ, и съ переводомъ, а въ случаѣ надобности, и съ разсрочкою недоимокъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ платежахъ. Подобную же мѣру она предполагала распространить и на переселенцевъ оренбургской и уфимской губерніи, но имѣя въ виду близость этихъ губерній къ мѣстамъ выселенія и возможность частыхъ случаевъ возвращенія крестьянъ на родину, коммиссія находила болѣе цѣлесообразнымъ, въ огражденіе правъ волости по пріему новыхъ членовъ, примѣнить мѣру приписки только къ переселенцамъ, купившимъ въ собственность участки земли, или заарендовавшимъ землю съ устройствомъ тамъ усадебной осѣдлости. Всѣ распоряженія по дѣламъ о перечисленіи переселенцевъ предполагалось возложить на мѣстныя крестьянскія учрежденія.

XII.

Работы коммиссіи были закончены въ 1885 году и препровождены на заключеніе министровъ государственныхъ имуществъ и финансовъ. Въ отзывахъ своихъ названные министры представили нѣкоторыя замѣчанія по отдѣльнымъ частямъ проекта, касающіяся, главнымъ образомъ, порядка разрѣшенія переселеній, предположенныхъ льготъ для переселяющихся и правилъ водворенія на частновладѣльческихъ земляхъ. По мнѣнію статсъ-секретаря Островскаго, къ которому присоединился и министръ финансовъ, экономическія потребности крестьянскаго населенія представляются крайне разнообразными, и опредѣленіе мѣстностей, изъ которыхъ предстояло бы разрѣшать переселеніе, на основаніи однихъ только спѣшно собранныхъ администраціею свѣдѣній, явилось бы совершенно произвольнымъ и породило бы „массу прискорбныхъ недоразумѣній. Благосостояніе крестьянъ въ каждомъ частномъ случаѣ обусловливается множествомъ мѣстныхъ особенностей, предвидѣть и усмотрѣть которыя, при отсутствіи точныхъ и систематическихъ изслѣдованій, не представляется возможнымъ и установленіе какихъ-либо нормъ въ этомъ отношеніи „имѣло бы характеръ произвольнаго распоряженія“. Поэтому министръ государственныхъ имуществъ, не находя возможнымъ предоставить выборъ переселенцевъ администраціи, полагалъ въ дѣлѣ разрѣшенія переселеній сохранить порядокъ, установленный временными правилами 10-го іюля 1881 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылаясь на недостаточное количество свободныхъ казенныхъ земель во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и на возможность ближайшаго устройства нуждающихся крестьянъ преимущественно въ Западной Сибири, онъ находилъ цѣлесообразнымъ допустить при переселеніи туда, какъ въ удаленный край, болѣе широкія льготы, сохранивъ для разселяющихся въ предѣлахъ Европейской Россіи лишь право на облегченія при передвиженіи и на полученіе въ исключительныхъ случаяхъ пособій на домоустройство. Съ своей стороны, Н. Хр. Бунге высказался также за предоставленіе сибирскимъ переселенцамъ всѣхъ предположенныхъ коммиссіею льготъ и пособій, но, впредь до указаній опыта, безъ опредѣленія высшаго размѣра послѣднихъ. По вопросу о переселеніи на частновладѣльческія земли министръ государственныхъ имуществъ, раздѣляя мысль о необходимости обезпечить переселенцамъ прочное устройство на этихъ земляхъ, находилъ, однако, проектируемыя правила односторонними и не ограждающими интересы владѣльцевъ отъ возможнаго отказа крестьянъ выкупить заарендованные ими участки, особенно по истощеніи ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для переселяющихся на частныя земли, какъ лицъ болѣе состоятельныхъ, онъ не признавалъ справедливымъ установлять какія-либо льготы, а полагалъ ограничиться исключительно широкимъ содѣйствіемъ крестьянскаго банка къ пріобрѣтенію владѣльческихъ земель. Поэтому составленный коммиссіею проектъ подлежалъ, по его мнѣнію, пересмотру и затѣмъ уже внесенію на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Согласно указаннымъ замѣчаніямъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были вновь составлены проекты правилъ: a) о переселеніи земледѣльческаго населенія на казенныя земли и b) о порядкѣ перечисленія переселенцевъ, водворившихся въ прежнее время въ губерніяхъ тобольской, томской, оренбургской и уфимской. Предположенія же о переселеніи на частновладѣльческія земли признано было необходимымъ обратить къ дальнѣйшей разработкѣ въ направленіи, указанномъ статсъ-секретаремъ Островскимъ.

По полученіи отзывовъ на вышеозначенные проекты отъ министровъ государственныхъ имуществъ и финансовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ разработкѣ представленія по этому предмету въ государственный совѣтъ. При этомъ графъ Толстой, находя, что разрѣшеніе на переселеніе предполагается давать сообразно съ ходомъ межевыхъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ, и усматривая вмѣстѣ съ тѣмъ, что

проектируемыя правила предоставляютъ крестьянамъ, переселяющимся съ разрѣшенія правительства, довольно широкія льготы, склонился къ мысли объ обнародованіи этихъ правилъ, такъ какъ разъясненіе крестьянамъ сущности установленныхъ условій и порядка переселенія будетъ въ значительной степени способствовать ослабленію безпорядочнаго самовольнаго перехода крестьянъ на новыя мѣста и побудитъ лицъ, стремящихся къ такому переходу, быть осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и предпочитать ради собственныхъ выгодъ законный путь переселенія незаконному. Къ такому убѣжденію привело его также сознаніе, что большинство крестьянскаго населенія оказалось освѣдомленнымъ о существованіи правилъ 10-го іюля, хотя они и не были обнародованы установленнымъ порядкомъ. Поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что сохраненіе въ тайнѣ законоположеній, относящихся къ такимъ явленіямъ народной жизни, какъ переселеніе, рѣдко достигаетъ своей цѣли, а скорѣе приводитъ къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ: неполное и неточное знакомство съ дѣйствующими правилами вызываетъ среди населенія всегда преувеличенные слухи и толки о значеніи этихъ правилъ, чѣмъ и объясняется, по его мнѣнію, усиливающееся за послѣднее время стремленіе крестьянъ къ выселенію.

Составленные на приведенныхъ основаніяхъ, выработанныхъ коммиссіею фонъ-Плеве, проекты правилъ съ частными измѣненіями и исправленіями, внесенными отдѣльными министрами, были представлены министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ. При обсужденіи означеннаго представленія соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи высказали, что новый проектъ закона о переселеніяхъ вызванъ дѣйствительными потребностями народной жизни, такъ какъ „прогрессивный, изъ года въ годъ, приростъ массы сельскихъ обывателей, въ связи съ замѣчаемымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общимъ малоземельемъ, заставляетъ правительство не закрывать возможности переселенія, какъ единственнаго средства къ уменьшенію крайней густоты населенія и къ поправленію хозяйственнаго быта тѣхъ крестьянскихъ семействъ, которымъ, за недостаткомъ земли, угрожаетъ безъисходная нищета. Сюда же присоединяется предпринятое, въ политическихъ видахъ, заселеніе отдаленныхъ или бѣдныхъ русскимъ элементомъ окраинъ государства“. Тѣмъ не менѣе, указывая на доступность арендованія для крестьянъ внѣнадѣльныхъ земель, вслѣдствіе замѣчаемаго въ послѣднее время соотвѣтствія арендной платы съ доходностью этихъ земель, и ссылаясь на

дѣятельность крестьянскаго банка, „до послѣдней доступной степени“ облегчающаго пріобрѣтеніе частныхъ имѣній и тѣмъ устраняющаго тяжелыя экономическія послѣдствія малоземелья, они находили, что въ обстоятельствахъ, вызывавшихъ переходъ крестьянъ на новыя мѣста, произошли существенныя перемѣны и „потребность въ переселеніяхъ, столь живо и настоятельно ощущавшаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, значительно сократилась противъ прежняго“. По этимъ основаніямъ соединенные департаменты считали, что „на правительствѣ лежитъ обязанность скорѣе сдерживать переселеніе, нежели поощрять его, посредствомъ оказываемаго переселенцамъ содѣйствія въ разныхъ видахъ“. Наряду съ этимъ, во избѣжаніе возможнаго зарожденія среди населенія преувеличенныхъ толковъ и неосновательныхъ ожиданій, надлежало, по мнѣнію департаментовъ, придать означеннымъ правиламъ „болѣе скромную постановку, ограничась изданіемъ постановленій, опредѣляющихъ собственно порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель, въ случаяхъ, когда то будетъ правительствомъ признано полезнымъ или необходимымъ“.

Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, признавъ переработанные соединенными департаментами проекты узаконеній отвѣчающими цѣли, обратилъ вниманіе на слѣдующее. Усматривая, что проекты совсѣмъ не касаются крестьянъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 10 іюля 1881 года положенія комитета министровъ, и находя въ то же время число ихъ весьма значительнымъ, онъ полагалъ распространить и на эту часть переселенцевъ дѣйствіе правилъ объ образованіи сельскихъ обществъ и волостей изъ переселенческихъ поселковъ. Независимо отъ того, онъ считалъ своевременнымъ, въ интересахъ заселенія окраинъ и устройства крестьянъ, направляющихся за предѣлы предусматриваемаго проектомъ района, возбудить вопросъ о разработкѣ подлежащими вѣдомствами предположеній о переселеніи въ Закавказье, Туркестанскій край и Закаспійскую область. Наконецъ, ссылаясь на указанія опыта, что „огромное большинство переселенцевъ приступаетъ къ осуществленію задуманнаго предпріятія съ денежными средствами весьма ограниченными“ и вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ „терпятъ въ пути голодъ и вообще испытываютъ крайнюю нужду“, общее собраніе государственнаго совѣта находило цѣлесообразнымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами государственныхъ имуществъ и финансовъ, разрѣ-

шать въ заслуживающихъ уваженія случаяхъ выдачу переселяющимся денежныхъ пособій на прокормленіе во время слѣдованія ихъ къ мѣстамъ новаго водворенія.

Подвергнутыя затѣмъ нѣкоторымъ редакціоннымъ измѣненіямъ, заключенія соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи Высочайше утверждены 13 іюля 1889 года.

XIII.

Сущность получившихъ такимъ образомъ силу закона и донынѣ дѣйствующихъ „правилъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли и о порядкѣ перечисленія лицъ означенныхъ сословій, переселившихся въ прежнее время“, заключается въ слѣдующемъ. Переселеніе допускается безъ увольнительныхъ отъ обществъ приговоровъ, но не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Лица, предпринявшія переселеніе безъ такого разрѣшенія, возвращаются въ мѣста ихъ приписки распоряженіями административныхъ властей. Разрѣшеніе на переселеніе дается только въ случаяхъ, когда причины, вызвавшія ходатайство о переселеніи, признаны будутъ заслуживающими уваженія и притомъ имѣются свободные участки казенной земли, предназначенной для водворенія переселенцевъ. Просьбы о переселеніи подаются по мѣсту приписки на имя губернатора и представляются послѣднимъ съ заключеніемъ губернскихъ присутствій и свѣдѣніями объ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи просителей въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ этихъ просьбахъ дозволяется указывать мѣстности, куда крестьяне желали бы переселиться, но удовлетвореніе такихъ заявленій зависитъ отъ усмотрѣнія правительства.

Для водворенія переселенцевъ министру государственныхъ имуществъ предоставляется образовывать въ губерніяхъ Европейской Россіи, въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ особые участки изъ казенныхъ земель, которые отводятся переселенцамъ, по числу наличнаго мужского населенія, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по соображеніи съ условіями земледѣлія и производительностью почвы въ данной мѣстности. Казенныя земли въ Европейской Россіи отводятся первоначально во временное арендное пользованіе, на сроки отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ, а по истеченіи таковыхъ могутъ быть оставляемы за переселенцами на основаніяхъ, одинаковыхъ съ бывшими государственными

крестьянами. Въ предѣлахъ Азіатской Россіи земли предоставляются прямо въ безсрочное пользованіе переселенцевъ на общихъ съ сибирскими крестьянами основаніяхъ и съ выдачею отводныхъ актовъ. Участки отводятся въ общинное или подворное владѣніе, по выбору самихъ переселенцевъ, и не могутъ быть ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами. Плата за землю опредѣляется: въ Европейской Россіи не свыше выкупныхъ платежей, безъ погасительной части, которые причитаются съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, владѣющихъ одинаковыми по качеству земельными угодьями, а въ Сибири—по соразмѣрности съ подушною за землю податью, платимою старожилами, по переложеніи ея на десятину земли. Въ степныхъ областяхъ земельный платежъ опредѣляется особыми положеніями.

Въ каждомъ поселкѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ 40 наличныхъ душъ мужского пола, образуется отдѣльное сельское общество, въ составъ котораго позднѣйшіе переселенцы входятъ безъ пріемныхъ приговоровъ, пока участокъ не заполнится соотвѣтствующимъ числомъ душъ. Вновь возникающія общества входятъ въ составъ существующихъ волостей или образуютъ отдѣльныя. Всѣ обязанности по введенію въ новыхъ поселеніяхъ общественнаго или волостного устройства возлагаются на крестьянскія учрежденія, а въ степныхъ областяхъ—на областныя правленія.

Переселенцамъ предоставляются слѣдующія льготы. Лица, изъятыя отъ платежа подушной подати, не облагаются ею и при перечисленіи въ мѣстности, гдѣ эта подать существуетъ. Переселенцы освобождаются отъ всякаго рода казенныхъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя земли въ Европейской Россіи на два года, а въ Азіатской на три, считая со дня водворенія. Въ послѣдующіе затѣмъ три года упомянутые сборы и платежи взимаются въ половинномъ размѣрѣ. Лицамъ, достигшимъ въ годъ переселенія призывного возраста, исполненіе воинской повинности отсрочивается въ Европейской Россіи на два года, а въ остальныхъ мѣстностяхъ на три. Невыкупленные окончательно надѣлы переселенцевъ остаются въ составѣ земель ихъ прежнихъ обществъ и на эти общества переводятся лежащіе на оставляемыхъ надѣлахъ выкупные платежи и всѣ недоимки, которыя числились за выбывающими членами обществъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ и въ продовольственныхъ ссудахъ. Долги по этимъ послѣднимъ, въ размѣрѣ, не превышающемъ $1^1/_2$ четвертей хлѣба на ревизскую душу переселяющихся, слагаются со счетовъ обществъ. По прибытіи

на мѣсто водворенія, переселенцы пользуются правомъ полученія ссудъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей, не ожидая окончательнаго перечисленія, на общихъ съ старожилами основаніяхъ. Наконецъ, согласно VII отдѣлу закона, не распубликованному во всеобщее свѣдѣніе, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предоставлено, по взаимному ихъ соглашенію, разрѣшать, въ случаѣ надобности, выдачу путевыхъ пособій переселенцамъ и денежныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе, пріобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, а также производить отпускъ необходимаго для возведенія усадебныхъ построекъ лѣсного матеріала безвозмездно или за попенныя деньги.

Независимо отъ того, особый III-й отдѣлъ предусматриваетъ порядокъ устройства лицъ, самовольно переселившихся въ прежнее время, и требуетъ обязательнаго перечисленія по мѣсту новаго жительства всѣхъ переселенцевъ, прибывшихъ до изданія закона въ губерніи оренбургскую, уфимскую, самарскую, въ Западную Сибирь и степныя области, предоставляя лицамъ, водворившимся по пріемнымъ приговорамъ въ существующихъ сельскихъ обществамъ, причислиться къ таковымъ, а проживающимъ въ городахъ, селеніяхъ или хуторахъ на арендуемыхъ и купленныхъ земляхъ приписаться къ городамъ или волостямъ, среди которыхъ они поселились, безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ и съ правомъ образованія отдѣльныхъ обществъ, если въ возникшемъ поселкѣ насчитывается не менѣе 40 наличныхъ душъ мужского пола. Дѣла о такомъ перечисленіи исполняются крестьянскими учрежденіями, которыя озабочиваются истребованіемъ съ мѣстъ приписки переселенцевъ увольнительныхъ на нихъ свидѣтельствъ. Выдача послѣднихъ для обществъ является обязательною. Всѣ состоящія на перечисляемыхъ недоимки по прежнимъ обществамъ въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ и въ продовольственныхъ запасахъ переводятся по мѣсту новаго водворенія переселенцевъ на личную ихъ отвѣтственность. Уплата означенныхъ недоимокъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, можетъ быть разсрочена на три года, сообразно съ платежными средствами перечисляемыхъ.

Наряду съ этимъ законъ 13 іюля 1889 г. не оставляетъ также безъ правительственнаго надзора переселенцевъ во время слѣдованія ихъ къ мѣсту назначенія. Съ этою цѣлью — „для ближайшаго наблюденія за движеніемъ переселенцевъ, оказанія имъ необходимаго содѣйствія во время слѣдованія къ мѣстамъ новаго водворенія и регистраціи переселеній“ —учреждены при

земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ шесть должностей чиновниковъ особыхъ порученій. Вмѣстѣ съ тѣмъ закономъ предусмотрѣно закрытіе существовавшей въ Сызрани переселенческой конторы.

Въ заключеніе нераспубликованная часть закона содержитъ указанія относительно необходимости выясненія вопроса о возможномъ направленіи колонизаціи изъ внутреннихъ губерній на казенныя земли Закавказскаго края и средне-азіатскихъ владѣній и объ основаніяхъ водворенія на нихъ переселенцевъ. Въ этихъ видахъ, согласно отдѣламъ VIII и IX, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и военному предоставлено войти въ обсужденіе означеннаго вопроса, первому по Закавказью, а второму — по Туркестанскому краю и Закаспійской области.

XIV.

Пока шла разработка основного закона, переселенческое движеніе не прекращалось, безостановочно развиваясь и усиливаясь съ каждымъ годомъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ движеніе это начинаетъ принимать преимущественно зауральское направленіе, совершаясь по тремъ главнымъ трактамъ: черезъ Тюмень, Оренбургъ и Златоустъ. Изъ означенныхъ пунктовъ г.г. Тюмень и Оренбургъ, какъ связанные рѣчными и желѣзнодорожными путями сообщенія съ мѣстами выхода и водворенія переселенцевъ, являлись главными магистральными воротами, черезъ которыя проходила переселенческая волна. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ, по проведеніи уральской желѣзной дороги, особенно возросло движеніе на Тюмень и черезъ этотъ пунктъ проходило до 75% всего числа переселявшихся въ Сибирь.

Мѣстами выхода переселенцевъ служили почти всѣ губерніи Европейской Россіи, за исключеніемъ промышленныхъ центральныхъ и промысловыхъ сѣверныхъ; но преимущественно въ движеніи участвовали земледѣльческія губерніи средней черноземной полосы Россіи и малороссійскія, за ними ближайшія къ Уралу сѣверо-восточныя и наконецъ сѣверо-западныя и расположенныя по средней Волгѣ. Въ ряду этихъ губерній особенно выдѣлялась курская, изъ которой въ концѣ десятилѣтія, т.-е. въ годы наиболѣе усиленнаго движенія, прослѣдовало свыше 35% всѣхъ переселенцевъ. По размѣрамъ переселеніе восьмидесятыхъ годовъ представляется несравненно болѣе крупнымъ противъ происходившаго въ предшествовавшее десятилѣтіе. За одинъ Уралъ въ

девятилѣтній періодъ времени (съ 1881 по 1889 г.), относительно котораго имѣются болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, прошло свыше 210.000 душъ обоего пола. Но, помимо зауральскаго, переселеніе попрежнему продолжало идти въ губерніи бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторства: оренбургскую, уфимскую и самарскую. Хотя точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ этого движенія, направлявшагося различными трактами, не имѣется, но данныя опроса сызранской переселенческой конторы свидѣтельствуютъ, что въ названныхъ губерніяхъ за указанный періодъ времени поселилось свыше 100.000 душъ пришлаго населенія. Еще болѣе сильное движеніе наблюдалось на территорію сѣвернаго Кавказа, гдѣ въ одной Кубанской области осѣло до 300.000 душъ переселенцевъ, въ качествѣ, главнымъ образомъ, арендаторовъ войсковыхъ казачьихъ земель. Если также имѣть въ виду происходившее одновременно переселеніе въ южныя губерніи Европейской Россіи и Туркестанъ, затѣмъ предпринятую правительствомъ отправку переселенцевъ моремъ на дальній востокъ и передвиженіе крестьянъ на арендованныя и купленныя съ содѣйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка земли, то можно полагать, что общіе размѣры переселенческаго движенія за все десятилѣтіе выразятся въ цифрѣ не менѣе 800.000 душъ обоего пола. Изъ этого числа, судя по свѣдѣніямъ о сибирскомъ переселеніи, развѣ только третья, четвертая часть направлялась въ законномъ оффиціальномъ порядкѣ, остальные 65 — 75% шли самостоятельно.

Изъ сибирскихъ переселенцевъ большинство двигалось въ томскую губернію, преимущественно на земли кабинета Его Величества; во всѣ прочія губерніи и области Азіатской Россіи прослѣдовало менѣе половины всего числа ихъ, именно до 40%, которые распредѣлялись главнымъ образомъ между губерніями тобольской и енисейской и областями акмолинской и тургайской; сравнительно меньшая часть направлялась въ области семипалатинскую, семирѣченскую и амурскую. Пріуральскіе переселенцы мѣстомъ для водворенія избирали предпочтительно оренбургскую и уфимскую губерніи и только нѣкоторые направлялись въ предѣлы самарской губерніи.

Съ родины переселенцы подымались въ путь обыкновенно при наступленіи весны и лишь немногіе изъ нихъ предпочитали для передвиженія зимнее время. Съ открытіемъ навигаціи почти каждый пароходъ, слѣдовавшій по Волгѣ, увозилъ въ далекую Сибирь цѣлыя партіи семей и каждый поѣздъ оренбургской желѣзной дороги доставлялъ въ Пріуралье десятки, сотни выход-

цевъ изъ внутреннихъ губерній. Направлявшіеся на Тюмень сибирскіе переселенцы, въ ожиданіи навигаціи по рѣкамъ Западной Сибири, вынуждены были дѣлать продолжительныя остановки въ Тюмени и въ недѣлю—двѣ ихъ скоплялось тамъ до 10.000—15.000 душъ. Отсюда пароходами они плыли далѣе къ Томску, Павлодару, Омску или, по примѣру двигавшихся отъ Оренбурга, направлялись сухопутными трактами. Если путь по Волгѣ и Камѣ совершался сравнительно скоро и удобно, то путь по рѣкамъ Западной Сибири, при несовершенствѣ и недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, представлялся крайне тягостнымъ. Скученные въ трюмахъ товарныхъ баржъ иногда по нѣскольку сотъ человѣкъ и лишенные всякаго попеченія и надзора, переселенцы слѣдовали до Томска въ теченіе 12 — 18 сутокъ. При такомъ продолжительномъ пути у многихъ изъ нихъ истощались не только всѣ взятые на дорогу пищевые запасы, но и средства для пріобрѣтенія ихъ; при этомъ на значительномъ протяженіи водныхъ путей, особенно по р. Оби, пароходы останавливались нерѣдко въ безлюдныхъ мѣстностяхъ, гдѣ пріобрѣсть что-либо даже состоятельнымъ переселенцамъ не было никакой возможности. Послѣдствія такихъ условій передвиженія не могли не отражаться гибельно на состояніи здоровья переселенцевъ, и среди нихъ, а особенно дѣтей, быстро развивались тяжелыя заболѣванія, которыя вызывали усиленную смертность, доходившую до 4%.

До Тюмени переселенцы успѣвали прибывать еще съ нѣкоторыми, хотя и не всегда достаточными запасами средствъ, но до Томска, по крайней мѣрѣ, 25 — 30% изъ нихъ достигало въ положеніи, близко граничащемъ къ нищетѣ. Бороться съ этою нищетою было затруднительно, и всѣ мѣры, принимавшіяся въ этомъ направленіи, оканчивались въ лучшемъ случаѣ изысканіемъ какихъ-либо способовъ къ дальнѣйшей отправкѣ прибывшихъ къ мѣстамъ водворенія. Но скромныя средства, которыя отпускались казною въ распоряженіе переселенческихъ чиновниковъ, являлись часто недостаточными даже для удовлетворенія этой неотложной потребности. На такіе пункты наиболѣе сильнаго скопленія, какъ Тюмень, Томскъ, Оренбургъ, ежегодный отпускъ денежныхъ суммъ рѣдко превышалъ 5.000—7.000 руб. и, при возраставшемъ наплывѣ переселенцевъ и необходимости одновременно производить траты на врачебно-продовольственную помощь, въ пособіе на дальнѣйшій путь нуждающимся выдавалось иногда лишь по нѣскольку рублей. Вслѣдствіе этого многія семьи вынуждены были слѣдовать пѣшкомъ, разсчитывая на подаянія или заработки въ попутныхъ селеніяхъ, а значительная

часть ихъ была отправляема изъ Томска на наемныхъ подводахъ съ вѣса, какъ кладь. О бѣдственномъ положеніи неимущихъ переселенцевъ не переставали свидѣтельствовать переселенческіе чиновники. Въ 1888 г. томскій чиновникъ сообщалъ, что происходившее въ этомъ году чрезмѣрное „движеніе явилось почти неожиданнымъ и поставило въ немалое затрудненіе лицъ, обязанныхъ оказывать возможное удовлетвореніе переселенческимъ нуждамъ въ пути и на новыхъ мѣстахъ. Средства получались тѣ же, а переселенцевъ явилось въ три раза болѣе. Послѣдніе оказались въ критическомъ положеніи. Большую часть ихъ пришлось отправить на наемныхъ подводахъ съ выдачею пособій на продовольствіе иногда отъ 2 до 5 руб. на семью въ 8—10 душъ и при разстояніи до мѣста слѣдованія въ 500 верстъ. Конечные результаты такихъ пособій не замедлили сказаться: многіе переселенцы, особенно изъ амурскихъ, вернулись назадъ, многіе остались въ пути, а иные хотя и достигли мѣстъ водворенія, но оказались еще въ худшемъ положеніи: жить съ семьею подъ открытымъ небомъ безъ хлѣба, теплой одежды и безъ надежды на скорое устройство своего быта". Министерство внутреннихъ дѣлъ, освѣдомленное о такомъ неудовлетворительномъ положеніи дѣла, ограничивалось только указаніемъ „соблюдать возможную экономію и бережливость" въ дѣлѣ расходованія отпускаемыхъ суммъ. При указанной, болѣе чѣмъ недостаточной, помощи со стороны правительства, съ дѣломъ оказапія поддержки и содѣйствія переселенцамъ стали выступать благотворительные комитеты, открывавшіеся въ разное время по почину мѣстной администраціи и обществъ. Такіе комитеты возникли въ г. Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ, Читѣ и Петербургѣ. Равнымъ образомъ, на помощь переселенцамъ приходили нѣкоторыя частныя лица и редакціи повременныхъ изданій, производившія сборъ пожертвованій на нужды переселенческаго дѣла.

XV.

Скромная помощь правительства и еще болѣе скромная — частной благотворительности достигали развѣ того, что переселенцы, по прибытіи на пункты, гдѣ была организована эта помощь, могли разсчитывать на безплатный пріютъ въ баракахъ, медицинскую помощь, даровое продовольствіе и, въ случаѣ полной нищеты, на скудное снаряженіе въ дальнѣйшій путь. О дальнѣйшей же судьбѣ, постигавшей переселенцевъ въ пути и на

новыхъ мѣстахъ, куда многіе прибывали нерѣдко безъ всякихъ средствъ, предоставлялось заботиться имъ самимъ. Поэтому неимущіе, по прибытіи на мѣсто назначенія, вынуждены были обращаться прежде всего не къ устройству хозяйства, а къ изысканію средствъ для своего пропитанія. Такими средствами служили, главнымъ образомъ, заработки у мѣстныхъ крестьянъ, на которые и устремлялось большинство необезпеченныхъ новоселовъ. Часто заработки эти доставляли только пропитаніе семьѣ и не давали никакихъ сбереженій, съ помощью которыхъ представлялось бы возможнымъ завести собственное хозяйство, и конечнымъ удѣломъ такихъ лицъ становилось продолжительное безхозяйное положеніе. Въ 1886 г. переселенческій чиновникъ, командированный въ Златоустъ, сообщалъ, что „уфимская губернія даетъ массу пришлаго населенія, совсѣмъ нигдѣ не пристроившагося и проживающаго въ селеніяхъ мѣстныхъ крестьянъ въ качествѣ батраковъ, поденщиковъ, кустарей, существующихъ различными мѣстными заработками. Обслѣдованіе златоустовскаго уѣзда на мѣстѣ показало, что во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ селахъ и деревняхъ такое населеніе считается цѣлыми десятками семей и достигаетъ въ нѣкоторыхъ до 50—70 семей на селеніе. Застигнутые въ дорогѣ случайнымъ несчастіемъ или истощеніемъ путевыхъ средствъ и встрѣчая препятствіе къ дальнѣйшему передвиженію, переселенцы оставались въ попутныхъ селеніяхъ, пока не представлялось возможности слѣдовать далѣе къ мѣсту первоначальнаго назначенія и пріобрѣсти тамъ болѣе или менѣе прочную осѣдлость. Но нерѣдко всѣ усилія ихъ поправить хозяйство и двинуться далѣе съ запасомъ необходимыхъ средствъ кончались ничѣмъ, и они, проведя цѣлые годы безхозяйной и бездомовой жизни, теряли способность и силы къ обзаведенію самостоятельнымъ хозяйствомъ и обращались навсегда въ безземельныхъ бобылей, пролетаріевъ въ чуждомъ имъ обществѣ. Положеніе такихъ переселенцевъ или, по мѣстному выраженію, „странниxъ людей“ не представляетъ ничего утѣшительнаго. Они составляютъ какой-то отбросъ въ пріютившемъ ихъ обществѣ и лишены всякихъ гражданскихъ и юридическихъ правъ. Имъ не дозволяется ставить отдѣльные дома на землѣ общества, не дозволяется приписываться къ нему и снимать общественную землю. Экономическая маломочность ихъ такова, что они не въ состояніи даже арендовать дешевыя башкирскія земли и принуждены во время страды наниматься въ чужія работы или уходить въ батраки. Въ послѣднемъ случаѣ работникъ живетъ отдѣльно отъ семьи и на получаемую плату содержитъ

семью, снимая для нея гдѣ-нибудь на окраинѣ села квартиру, въ видѣ простой „скотской заднюшки“. Кустари и ремесленники находятся въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, и многіе изъ нихъ поселяются въ зажиточныхъ селеніяхъ крестьянъ государственныхъ спеціально ради занятія извѣстными промыслами. Въ отношеніяхъ указаннаго неприписного населенія къ старожиламъ и обратно нельзя не замѣтить нѣкоторой натянутости. Старожилы скорѣе терпятъ такихъ „странниxъ людей“ и смотрятъ на нихъ, какъ на необходимую въ страдную пору дешевую рабочую силу; „странніе же люди“, сознавая свое безсиліе когда-либо выйти изъ настоящаго положенія и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, съ глухою завистью относятся къ этимъ „богачамъ“, живущимъ въ довольствѣ, и видятъ въ нихъ какъ бы даже причину своей нищеты“. Переселенческимъ чиновникомъ въ Оренбургѣ указывалось въ 1888 году, что многіе изъ выходцевъ, „прибывъ на новыя мѣста жительства и истративъ всѣ свои средства, занимаются поденными работами въ городахъ, богатыхъ селеніяхъ и станицахъ. Насколько значительно число этихъ переселенцевъ, можно судить изъ того, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обратилось за единовременными пособіями свыше 660 семействъ, проживающихъ въ г. Оренбургѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что у нихъ, за исключеніемъ ветхой одежды, положительно ничего нѣтъ“.

Въ иныхъ, лучшихъ случаяхъ заработки переселенцевъ носили характеръ отработковъ за купленный у старожиловъ хозяйственный инвентарь. При такомъ способѣ обзаведенія каждый пріобрѣтаемый предметъ оплачивался почти вдвое противъ его дѣйствительной стоимости, и нерѣдко вся семья, включая и подростковъ, принимала участіе въ подобныхъ отработкахъ, чтобы оборудовать свое хозяйство въ возможно скоромъ времени. Большинство малоимущихъ переселенцевъ, приходившихъ на новыя мѣста и особенно въ Сибирь и не потерявшихъ энергіи и надежды на самостоятельное устройство, испытывали эту общую участь задолженности и непосильныхъ отработковъ старожиламъ. Весьма немногіе изъ нихъ въ первый же годъ, по приходѣ, успѣвали приступить къ собственному хозяйству, засѣвая $^1/_4$—$^1/_2$ десятины земли озимымъ хлѣбомъ. Остальные ожидали весны, разсчитывая зимою поправиться къ посѣву хлѣбовъ. Но проходила зима, полная лишеній для переселенческой семьи, находившей пріютъ гдѣ-нибудь въ сырой землянкѣ или на задворкахъ старожильскихъ строеній, а весною новыя нужды и новыя

просьбы къ старожиламъ—ссудить лошадью, хлѣбомъ, зерномъ, бороною. Описывая положеніе основаннаго близь Томска Сухорѣченскаго поселка, томскій переселенческій чиновникъ въ 1888 г. сообщалъ: „несмотря на давнее отъ одного до двухъ лѣтъ поселеніе нѣкоторыхъ въ участкѣ, изъ 39 домохозяевъ 14 не имѣли своихъ избъ, 9 составляли разрядъ безлошадныхъ, а 15 успѣли завести только по одной лошади, что совершенно недостаточно для успѣшнаго веденія хозяйства въ Сибири. Посѣвы производились самые ничтожные, почти недостаточные для собственнаго продовольствія. Изъ 1.590 десятинъ обработано подъ пашню и засѣяно лишь 59 десятинъ на всѣ 39 дворовъ, отчего 22 семьи должны были кормиться покупнымъ хлѣбомъ большую часть зимы и не имѣть собственнаго зерна къ посѣву яровыхъ хлѣбовъ. Сторонніе заработки, при всей ихъ ничтожности, служили единственнымъ средствомъ къ существованію: 24 семьи высылали своихъ работниковъ для такихъ заработковъ на сторонѣ, а заработки эти сводились почти исключительно къ отработкамъ у мѣстныхъ крестьянъ и заимщиковъ за приторгованныя у нихъ старыя избы, муку, хлѣбное зерно, лошадей и т. п. Отработки эти составляютъ для переселенцевъ тотъ же родъ подневольнаго, кабальнаго труда, оплачиваемаго вдвое дешевле противъ вольнаго найма. При зимней рабочей платѣ въ 20 коп. за пудъ хлѣба переселенецъ долженъ отработать 4 — 5 дней и этотъ пудъ ему такимъ образомъ обходится въ 80 коп.—1 руб., т.-е. вдвое противъ базарныхъ цѣнъ въ Томскѣ, имѣвшихъ мѣсто въ 1887 году“. Только черезъ 3 — 5 лѣтъ неимущіе переселенцы, при благопріятныхъ условіяхъ, начинали оправляться отъ пережитой нужды и могли считать дальнѣйшее хозяйство свое упроченнымъ.

Помимо матеріальныхъ лишеній, положеніе переселенцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири, отягощалось еще особыми спеціальными причинами, которыя являлись плодомъ чисто-административныхъ недоразумѣній. Поселяясь на земляхъ, отводившихся въ арендное пользованіе, переселенцы, по контрактамъ съ казною, облагались особою оброчною податью, которая, будучи переложена на землю, исчислялась по совокупности подушной и оброчной податей, уплачивавшихся старожилами данной мѣстности. Платежъ этотъ являлся единственнымъ въ казну, пока новоселы не были перечислены; съ момента же перечисленія они зачислялись въ податной окладъ въ полномъ объемѣ, взимавшемся съ сибирскихъ старожиловъ, т.-е. съ включеніемъ въ него подушной и оброчной подати, и въ то же время

не освобождались отъ уплаты установленной за землю оброчной подати. Такимъ образомъ переселенцы должны были нести двойное обложеніе въ казну и испытывать въ этомъ отношеніи несравненно худшее положеніе противъ сибирскихъ старожиловъ и лицъ, поселявшихся въ сосѣднемъ Алтайскомъ округѣ или въ енисейской губерніи, гдѣ земли отводились прямо въ надѣлъ новоселамъ. Порядокъ этотъ существовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока въ 1888 году не послѣдовала отмѣна его и переселенцы, съ зачисленіемъ въ окладъ податей, не стали освобождаться отъ платежа оброка.

Равнымъ образомъ, вопреки принятому повсемѣстно въ Сибири порядку допускать водвореніе переселенцевъ на избранныхъ ими лично или черезъ ходоковъ участкахъ земли, для поселявшихся на казенныхъ земляхъ Западной Сибири съ 1886—1887 гг. установлено было совершенно обратное начало предварительнаго предназначенія участковъ, когда таковые предоставлялись безъ всякаго соображенія съ желаніемъ новоселовъ занять ихъ или даже предварительно удостовѣриться въ пригодности ихъ для себя. Подобное начало проводилось на мѣстѣ иногда столь строго, что многіе не допускались къ поселенію даже на сосѣднемъ съ разрѣшеннымъ участкѣ. При такихъ условіяхъ переселенцамъ, разочаровавшимся въ качествахъ предназначенныхъ земель, оставалось или возвращаться обратно на родину, или уходить въ мѣстности, гдѣ подобнаго порядка не существовало. Такой уходъ съ предназначенныхъ мѣстъ являлся обычнымъ въ тобольской и томской губерніяхъ и, хотя онъ влекъ за собою нежелательныя послѣдствія потерь, связанныхъ съ дальнѣйшими поисками подходящихъ земель, тѣмъ не менѣе переселенцы предпочитали его перспективѣ вѣчно оставаться на участкѣ, который они нашли неудобнымъ для себя. Такимъ образомъ, выработавшійся практикой и признанный наиболѣе цѣлесообразнымъ порядокъ поселенія на свободныхъ земляхъ Сибири, по собственному выбору переселенцевъ, какъ обезпечивавшій имъ возможность скорѣйшаго устройства на новыхъ мѣстахъ, мѣрами административными былъ замѣненъ другимъ для водворявшихся съ разрѣшенія правительства на казенныхъ земляхъ, и вслѣдствіе этого переселенцы эти были поставлены въ условія, которыхъ не знали даже самовольно-пришедшіе, такъ какъ послѣдніе нерѣдко занимали тѣ же казенные участки по своему усмотрѣнію и, въ концѣ концовъ, добивались разрѣшенія оставить ихъ за собой.

XVI.

Вообще въ дѣлѣ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ въ 80-хъ годахъ замѣчается примѣненіе началъ, которыя представлялись нерѣдко не только не согласованными между собою, но даже совершенно противорѣчащими другъ другу. Хотя по дѣйствующимъ правиламъ самостоятельные переселенцы лишены были права на отводъ казенной и кабинетской земли, но обстоятельства, вызываемыя чрезмѣрнымъ наплывомъ ихъ и невозможностью принять какія-либо мѣры противъ такого наплыва, вынуждали чиновъ межевыхъ отрядовъ, заготовлявшихъ переселенческіе участки, прилагать одинаковыя заботы къ устройству и такихъ переселенцевъ. Оправданіемъ къ этому служило еще и отсутствіе объединяющихъ началъ, которыми должны были руководствоваться правительственныя учрежденія и лица при разрѣшеніи ходатайствъ о переселеніи и отводѣ земли для поселяющихся. Достаточно указать на то, что на огромной заселяемой территоріи, простиравшейся отъ рѣки Волги до Охотскаго моря и отъ береговъ Мурмана и Новой Земли до границъ Персіи въ отношеніи переселенія дѣйствовали совершенно различныя правила и распоряженія, частью устарѣвшія, частью почти совсѣмъ неизвѣстныя, разобраться въ которыхъ было затруднительно не только для переселенцевъ, но даже для руководившей дѣйствіями ихъ мѣстной власти.

Если не считать южно-уссурійскаго переселенія, направлявшагося въ особомъ порядкѣ моремъ, амурскіе переселенцы, слѣдовавшіе сухопутными трактами, и алтайскіе подчинялись дѣйствію особыхъ спеціальныхъ узаконеній 26-го марта 1861 года и 25-го апрѣля 1865 года, которыя допускали переселеніе крестьянъ путемъ непосредственныхъ сношеній администраціи внутреннихъ губерній Россіи съ главнымъ начальствомъ Приамурскаго края и Алтайскаго округа. Но на практикѣ порядокъ такого разрѣшенія, требуемый закономъ, замѣнялся въ названныхъ мѣстностяхъ большею частью признаніемъ совершившагося факта переселенія.

Къ территоріи иркутскаго генералъ-губернаторства или, ближайшимъ образомъ, енисейской губерніи, куда преимущественно направлялось движеніе переселенцевъ, въ порядкѣ разрѣшенія и отвода имъ земли до самаго конца десятилѣтія примѣнялся уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ. Но за прекращеніемъ дѣйствія этого устава и отсутствіемъ другихъ замѣ-

няющихъ его правилъ, мѣстныя казенныя палаты, завѣдывавшія казенными землями, вынуждены были снисходительно относиться къ устройству самовольныхъ выходцевъ, требуя отъ нихъ выполненія лишь двухъ условій, чтобы избранный участокъ былъ вымежеванъ изъ владѣнія сибирскихъ старожиловъ и чтобы площадь его была не менѣе предусматриваемой ст. 26-ой устава, т.-е. 4.000 десятинъ.

Отчасти этимъ же уставомъ руководствовались и земельныя управленія Западной Сибири, при устройствѣ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ, пока частные случаи примѣненія временныхъ правилъ 10-го іюля 1881 года не повели въ срединѣ 80-хъ годовъ къ распространенію дѣйствія этихъ правилъ на всѣхъ лицъ, водворявшихся на означенныхъ земляхъ, и кореннымъ образомъ не измѣнили практиковавшійся дотолѣ порядокъ отвода земли новоселамъ. Установленіе и точное проведеніе этого порядка на мѣстахъ водворенія явилось для множества семей, уже занявшихъ казенныя земли, совершенно неожиданнымъ. Большинство изъ нихъ оказалось невыполнившимъ указанія закона и пришедшимъ безъ предварительнаго разрѣшенія на переселеніе, вслѣдствіе чего требованіе объ обязательномъ выполненіи законнаго порядка переселенія, предъявленное даже къ лицамъ, успѣвшимъ окончательно поселиться и обзавестись хозяйствомъ, поставило многихъ въ безвыходное положеніе и побудило, за затруднительностью и часто невозможностью возбуждать ходатайства о переселеніи съ мѣстъ прежняго жительства, уходить съ участковъ.

Далѣе, въ губерніяхъ бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторства дѣйствовали два законоположенія—26-го января 1876 г. и 10-го іюля 1881 года, изъ которыхъ первое, допуская устройство на казенныхъ земляхъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ,—„прибывшихъ туда изъ другихъ губерній“, и требуя для осуществленія этого устройства только факта такого прибытія, тѣмъ самымъ находилось какъ бы въ прямомъ противорѣчіи съ позднѣйшимъ закономъ, допускавшимъ переселеніе и водвореніе на казенныхъ земляхъ въ названныхъ губерніяхъ лишь съ предварительнаго разрѣшенія правительства. На ряду съ тѣмъ и въ порядкѣ отвода земли, предусматриваемомъ обоими законоположеніями, замѣчалось такое же несоотвѣтствіе принятыхъ основаній. Въ то время, какъ по закону 1876 года свободныя казенныя земли нарѣзались на ревизскія души и отводились прямо въ надѣлъ переселенцамъ, на основаніи временныхъ правилъ

онѣ поступали въ арендное пользованіе и исчислялись по наличному составу душъ мужского пола.

Наконецъ отдѣльною территоріею въ колонизаціонномъ отношеніи стояли степныя области и область тургайская. Хотя движеніе крестьянъ въ эти области постоянно увеличивалось и принимало съ годами все болѣе замѣтные размѣры, тѣмъ не менѣе онѣ являлись какъ бы изъятыми изъ вѣдѣнія всѣхъ законовъ и распоряженій правительства о переселеніи, и лицамъ, стремившимся поселиться въ нихъ, не оставалось другого выбора, какъ слѣдовать „самовольно" и устраиваться на свой рискъ и страхъ путемъ приписки къ городамъ или водворенія на арендованныхъ киргизскихъ земляхъ.

Что касается затѣмъ Кавказа и Туркестана, то никакихъ опредѣленныхъ правилъ о переселеніи на казенныя земли названныхъ окраинъ не существовало и переселенцы направлялись туда самостоятельно или устраивались по особымъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшеніямъ правительства.

Все изложенное выше о существовавшемъ порядкѣ переселенія въ 80-хъ годахъ свидѣтельствуетъ, насколько затруднительно было для мѣстной власти, не только въ губерніяхъ выселенія, но и въ губерніяхъ водворенія, слѣдовать разнорѣчивымъ указаніямъ закона и согласовать ихъ съ установившеюся практикою дѣла. Поэтому, обращая прежде всего вниманіе на фактъ наплыва переселенцевъ, администрація заселяемыхъ мѣстностей всѣ старанія направляла главнымъ образомъ къ тому, чтобы устроить ихъ на новыхъ мѣстахъ, и находила излишнимъ входить въ обсужденіе правъ ихъ на такое устройство. Такимъ образомъ, „самовольное" переселеніе фактически было узаконяемо мѣстною властью, и этотъ порядокъ узаконенія существовалъ повсемѣстно въ Сибири, не исключая и степныхъ областей.

XVII.

При наплывѣ переселенцевъ, Сибирь оказалась совершенно неподготовленною въ межевомъ отношеніи для пріема цѣлыхъ десятковъ тысячъ новыхъ насельниковъ. Въ большинствѣ ея областей и губерній точнаго межеванія земель не было, а производилась лишь въ разное время военно-топографическая съемка на планъ мѣстностей. Хотя съ начала 40-хъ годовъ въ Западной и отчасти Восточной Сибири приступлено было къ послѣдовательному межеванію казенныхъ земель, но работы эти ве-

лись медленно и не подвергались исправленію въ связи съ измѣненіями, которыя происходили въ земельной картѣ Сибири, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія и наплыва пришлаго. Поэтому планы мѣстностей, обойденныхъ межеваніемъ, представляли въ большинствѣ случаевъ матеріалъ крайне устарѣвшій и совершенно непригодный для руководства. На ряду съ этимъ сформированный въ Западной Сибири для образованія переселенческихъ участковъ отрядъ межевыхъ чиновъ являлся малочисленнымъ и не въ состояніи былъ удовлетворять возраставшему спросу на землю, который всегда опережалъ работы по вымежеванію участковъ. При такихъ условіяхъ, съ цѣлью скорѣйшаго устройства переселенцевъ, межевые чины вынуждены были спѣшно и торопливо производить частичное вымежеваніе земель изъ казенныхъ дачъ, иногда безъ должнаго соображенія съ количествомъ и качествомъ содержавшихся въ нихъ угодій, или указывать на такія изъ этихъ дачъ, которыя значились когда-то свободными по планамъ 50-хъ, 60-хъ годовъ. Дачи же эти нерѣдко оказывались непригодными для веденія сельскаго хозяйства, сданными въ аренду или самовольно занятыми мѣстными крестьянами, съ устройствомъ тамъ цѣлой сѣти хуторовъ и заимокъ. Вслѣдствіе этого при водвореніи между переселенцами и старожилами возникали всегда крупныя недоразумѣнія и споры, которые нерѣдко оканчивались недопущеніемъ новоселовъ до пользованія указанною для поселенія землею, и послѣдніе вынуждены были уходить съ назначеннаго мѣста или же ожидать нарушенія арендаго контракта или разрѣшенія споровъ и недоразумѣній прибывшими межевщиками. Ожиданія же эти, за медленностью переписки и отсутствіемъ межевыхъ чиновъ на мѣстѣ, тянулись иногда по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ и лишали прибывшихъ возможности не только приступить къ хозяйству, но и остановить произволъ арендаторовъ, которые разоряли оставляемый участокъ.

Не лучшее положеніе ожидало переселенцевъ и въ Алтайскомъ округѣ, гдѣ планы межеванія земель были еще болѣе старыми, чѣмъ въ прочихъ мѣстностяхъ Западной Сибири, относясь къ началу столѣтія, и гдѣ штатъ межевыхъ чиновъ, состоявшій при главномъ управленіи округа и съ 1884 г. начавшій производить работы по обмежеванію переселенческихъ участковъ, также не соотвѣтствовалъ потребностямъ дѣла. Въ числѣ другихъ заселяемыхъ районовъ Сибири округъ этотъ уже давно славился печальною извѣстностью, вслѣдствіе постоянныхъ земельныхъ неурядицъ, происходившихъ среди мѣстнаго населенія

и особенно обострившихся при усиленномъ наплывѣ переселенцевъ. Отъ тяжелыхъ послѣдствій неустройства спасало послѣднихъ только то обстоятельство, что въ степной сѣверо-западной окраинѣ этого округа находились обширныя пространства пустовавшихъ земель, изъ которыхъ безъ особыхъ затрудненій и отводились участки подъ поселеніе.

Еще менѣе обезпеченными представлялись интересы переселенцевъ при устройствѣ на свободныхъ земляхъ въ другихъ мѣстностяхъ Зауралья, какъ въ Восточной Сибири и на Амурѣ, гдѣ спеціальныхъ межевыхъ отрядовъ совсѣмъ не существовало, а въ распоряженіи мѣстныхъ земельныхъ управленій или замѣнявшихъ ихъ казенныхъ палатъ состояли небольшіе штаты землемѣровъ, которые при случаѣ и нарѣзали землю для переселяющихся. Нарѣзка эта производилась обыкновенно на основаніи выдававшихся чинами земской полиціи удостовѣреній о свободности земельнаго участка или чаще всего заявленій о томъ самихъ же переселенцевъ. При такихъ условіяхъ отвода участковъ послѣднимъ приходилось ожидать иногда по году и болѣе, но при томъ облегчающемъ условіи, что имъ не воспрещалось занятіе и пользованіе землею впредь до вымежеванія ея. Такой порядокъ, при обиліи пустовавшихъ земель, устранялъ для многихъ переселенцевъ затрудненія, связанныя съ необходимостью водворенія и устройства на новыхъ мѣстахъ.

Если въ поименованныхъ мѣстностяхъ работы по обмежеванію переселенческихъ участковъ носили столь неудовлетворительный характеръ, то въ степныхъ областяхъ, гдѣ земледѣльческая колонизація начала-было развиваться уже въ 70-хъ годахъ, отчасти по почину самого же правительства, къ этому присоединился еще составившійся у областной администраціи взглядъ на вредъ вообще русской колонизаціи для кочевого киргизскаго населенія. Въ виду этого, послѣ совершившагося признанія нѣкоторыхъ самовольно образованныхъ поселеній въ краѣ, рѣшено было не только прекратить всякую нарѣзку участковъ подъ водвореніе переселенцевъ, но и принять рядъ строгихъ мѣръ для предотвращенія дальнѣйшаго поселенія въ степяхъ и даже для выселенія самовольно прибывшихъ семей.

Переселеніе въ смежную тургайскую область, какъ не регламентированное никакими правилами и распоряженіями правительства, предоставлено было всецѣло естественному теченію вещей и совершалось безъ всякаго надзора и вѣдома административной власти. Переселенцы шли, образовывали многочисленные хутора и заимки, группируясь иногда въ значительныя отдѣль-

ныя поселенія, и такое водвореніе въ области обусловливалось только однимъ соглашеніемъ съ кочевниками объ арендѣ земель. Новыя поселенія состояли бо̀льшею частью изъ случайно собравшихся семей и не имѣли никакого оффиціально признаннаго внутренняго устройства и управленія.

XVIII.

Кромѣ водворенія на свободныхъ земляхъ, другою распространенною формою устройства переселенцевъ въ Сибири являлась приписка къ мѣстнымъ многоземельнымъ обществамъ. До средины 80-хъ годовъ къ подобному способу устройства прибѣгала большая часть новоселовъ, почти до 4/5 числа ихъ, уплачивая за право приписки извѣстную вступную плату. Вначалѣ небольшая плата эта съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ непрекращавшагося наплыва переселенцевъ, значительно возросла и достигла мѣстами, особенно въ Алтайскомъ округѣ, до 50—75 руб. съ души. Обстоятельство это, въ связи съ уменьшеніемъ площади свободныхъ общественныхъ земель и съ предпринятою заготовкою спеціальныхъ переселенческихъ участковъ, значительно повліяло на измѣненіе установившагося способа устройства переселенцевъ, и большинство изъ нихъ мѣстами для поселенія стало избирать свободныя земли. Однако и послѣ этого приселеніе къ обществамъ, главнымъ образомъ, алтайскихъ крестьянъ представлялось въ глазахъ многихъ болѣе удобнымъ, такъ какъ не требовало ближайшаго вмѣшательства правительственной власти, и поэтому нерѣдко предпочиталось передъ водвореніемъ на свободныхъ участкахъ. Къ этому склоняло иныхъ еще сознаніе, что они попадутъ не „на пустое мѣсто“ и могутъ пріобрѣсть въ пользованіе лучшія угодья, чѣмъ нарѣзавшіяся изъ свободныхъ земель. Послѣдствія, однако, не всегда оправдывали подобные разсчеты новоселовъ, и многіе изъ нихъ, особенно не располагавшіе достаточными средствами, скоро убѣждались въ роковой, непоправимой ошибкѣ. Договоры о вступной платѣ съ обществомъ сопровождались обыкновенно выдачею задатка съ одной стороны и позволеніемъ строиться и обзаводиться съ другой, при этомъ вопросъ о пріемномъ приговорѣ отлагался большею частью до уплаты всей договоренной суммы, которую переселенцы надѣялись скопить путемъ заработковъ. Пользуясь разрѣшеніемъ, они немедленно приступали къ постройкамъ, постепенно приводили ихъ къ концу, уплачивали затѣмъ всю догово-

ренную сумму, но обезпечить себѣ правовое положеніе у общества не могли. Выдача пріемнаго приговора отлагалась послѣднимъ подъ разными предлогами, и въ ожиданіи этой выдачи часто проходило неопредѣленное время, пока, наконецъ, новоселы не убѣждались, что общество совсѣмъ не желаетъ принимать ихъ, пользуясь ими только какъ доходною статьею и обязывая ихъ къ выполненію всѣхъ повинностей, наравнѣ съ своими членами, и къ уплатѣ аренды за занятую подъ посѣвъ и строенія землю. Прикрываясь закономъ, предоставляющимъ въ дѣлѣ пріема новыхъ членовъ руководствоваться собственнымъ усмотрѣніемъ, общество, въ концѣ концовъ, отрекалось и отъ данныхъ новоселамъ обѣщаній и отъ самаго факта полученія съ нихъ условленной платы, чѣмъ поставляло ихъ въ самое безвыходное положеніе. Многочисленныя просьбы и жалобы, поступавшія отъ алтайскихъ переселенцевъ на подобныя злоупотребленія сельскихъ обществъ, свидѣтельствуютъ, насколько значителенъ былъ кругъ лицъ, обманувшихся въ разсчетахъ на устройство путемъ приписки къ обществамъ. Къ концу 80-хъ годовъ въ Алтайскомъ округѣ такихъ безправныхъ, неустроенныхъ переселенцевъ среди мѣстнаго населенія насчитывалось свыше 100.000 душъ.

XIX.

Порядокъ переселенія и устройства крестьянъ въ пріуральскихъ губерніяхъ почти ничѣмъ не отличался отъ установившагося въ предшествовавшее десятилѣтіе, нося ту же безпорядочную случайную форму. Причиною этому служилъ, несомнѣнно, недостатокъ свободныхъ казенныхъ земель, предназначавшихся подъ водвореніе переселенцевъ, и въ связи съ этимъ затруднительность пріобрѣтенія частновладѣльческихъ земель черезъ посредство крестьянскаго банка. Переселенцы направлялись преимущественно въ оренбургскую и уфимскую губерніи, гдѣ запасъ свободныхъ участковъ представлялся совершенно ничтожнымъ и допускалъ возможность устройства развѣ единичныхъ семей. Главная площадь казенныхъ земель расположена была въ предѣлахъ самарской губерніи, но здѣсь, на основаніи правилъ 10 іюля 1881 г., устроилось по 1887 г. всего до 5.000 душъ мужского пола. Новоселы избѣгали степныхъ, нерѣдко безводныхъ участковъ, нарѣзавшихся въ южныхъ уѣздахъ означенной губерніи, и предпочитали поэтому поселяться въ вышеназванныхъ губерніяхъ, устраиваясь на частновладѣльческихъ и

башкирскихъ земляхъ, или водворяясь въ обществахъ старожиловъ и въ казачьихъ станицахъ. Съ положеніемъ пріуральскихъ переселенцевъ обстоятельно знакомятъ свѣдѣнія, собранныя по этому предмету переселенческимъ чиновникомъ въ оренбургской губерніи. Къ началу 1888 г. на территоріи ея проживало водворившагося въ разное время пришлаго населенія до 110.000 душъ обоего пола. Изъ нихъ прочно устроенными въ поземельномъ отношеніи могли считаться только 9% лицъ, купившихъ въ собственность земли преимущественно на имѣвшіяся у нихъ личныя средства (до 6%). Остальные 91% собственной земли не имѣли и проживали большею частью отдѣльными хуторами на заарендованныхъ земляхъ (53%) или въ селеніяхъ крестьянъ и казачьихъ станицахъ, въ которыхъ занимались съемкою общественныхъ земель подъ хлѣбопашество, торговлею, промыслами или временными случайными работами. Почти до 70% переселенцевъ не было перечислено по мѣсту новаго жительства, изъ остальныхъ же часть была приписана къ волостямъ безъ земли, а другая, вдвое большая—къ городамъ.

Отсутствіе свѣдѣній о переселенческомъ движеніи, направлявшемся въ другія заселяемыя мѣстности, какъ въ Закавказье, Туркестанъ и прочія губерніи Европейской Россіи, не позволяетъ въ точности судить о размѣрѣ этого движенія и о порядкѣ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Хотя Закавказье начало заселяться русскими еще съ 30—40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, но заселеніе это носило болѣе штрафной характеръ. Русскія поселенія въ краѣ образовывались изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ и главнымъ образомъ изъ сектантовъ, ссылавшихся сюда изъ внутреннихъ губерній и водворявшихся на казенныхъ земляхъ. Остальные выходцы изъ Россіи были предоставляемы собственнымъ силамъ и разумѣнію, и поэтому, за неотводомъ казенной земли, устраивались большею частью въ городахъ, гдѣ проживали различными заработками. Обстоятельство это, несомнѣнно, служило причиною, что Закавказье, какъ заселяемая мѣстность, совершенно не привлекало къ себѣ русскаго населенія. Далѣе, въ южныхъ губерніяхъ Россіи: таврической, херсонской, екатеринославской, а также въ юго-восточной саратовской, были открыты для заселенія небольшіе запасы свободныхъ казенныхъ земель, на которыхъ, съ разрѣшенія правительства, устроилось по 1887 г. безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ около 4.500 душъ мужского пола. Несомнѣнно, однако, приведеннымъ числомъ переселенцевъ не обнималось все движеніе, какое замѣчалось какъ въ названныя, такъ и въ прочія

губерніи Россіи, и не ограничивалось ихъ устройство только путемъ водворенія на казенныхъ земляхъ, особенно послѣ учрежденія крестьянскаго банка, съ содѣйствіемъ котораго, какъ извѣстно, многіе стали устраиваться на купленныхъ земляхъ и ради этого переселяться изъ мѣстъ своей прежней приписки.

XX.

Слѣдуя на новыя мѣста, особенно въ далекую Сибирь, большинство переселенцевъ смутно представляло ту дѣйствительность, какая ихъ ожидала. Многіе даже не знали, куда собственно они направлялись: шли на „Мамуръ-рѣку“, на „Китайскій клинъ“, въ „Бѣловодье“, но какія мѣстности разумѣлись подъ этими названіями, гдѣ онѣ расположены и какими путями достигнуть ихъ, переселенцы часто не могли сказать. Лишь немногіе изъ нихъ посылали предварительно ходоковъ, остальные направлялись по письмамъ родныхъ или знакомыхъ, а чаще всего по слухамъ. Слухи же эти являлись обыкновенно самыми сбивчивыми, неясными и изображавшими жизнь на новыхъ мѣстахъ въ столь заманчивыхъ краскахъ, что невольно увлекали воображеніе крестьянъ. На основаніи этихъ слуховъ нерѣдко иные представляли Сибирь страною теплою, изобилующею фруктовыми садами, цѣннымъ звѣремъ и рыбою и имѣющею всюду прекрасныя сѣнокосныя и лѣсныя угодья, тучную черноземную почву, съ которой получались необыкновенные урожаи, обезпечивавшіе почти въ одинъ день труда существованіе земледѣльца на цѣлый годъ. Точно также среди крестьянъ передавалось, что переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ даются деньги и устроенныя казною готовыя хозяйства, усадьба, строенія, скотъ, необходимый хозяйственный инвентарь и даже вся домашняя утварь. Въ пересказахъ о новыхъ мѣстахъ иные простирали свои вымыслы до устройства переселенческихъ избъ особыми военными полками, до изготовленія казною кваса для водворяющихся, до предоставленія имъ такой земли, съ которой получается самъ собою урожай хлѣбомъ и ватой и т. п. При такихъ условіяхъ совершенно понятнымъ становится то разочарованіе, какое постигало переселенцевъ, когда они, вмѣсто подобныхъ вымысловъ, встрѣчали суровую сибирскую дѣйствительность. Разочарованіе это, въ связи съ испытываемою нуждою, безцѣльными скитаніями въ поискахъ за воображаемыми благодатными мѣстами и тяжелыми неудачами, приводили нерѣдко къ тому, что новоселы толпами возвращались назадъ на родину.

Если прямое движеніе за Уралъ направлялось преимущественно на Тюмень, то обратное, напротивъ, выбирало сухопутные тракты, гдѣ, за отсутствіемъ средствъ на передвиженіе, представлялось возможнымъ слѣдовать своею подводою или пѣшкомъ и разсчитывать на подаянія придорожныхъ селянъ. Такимъ трактомъ для обратнаго передвиженія служилъ обыкновенно путь на Оренбургъ, который предпочитался еще по причинѣ его относительно южнаго положенія, дозволявшаго переселенцамъ двигаться до глухой поздней осени. Сообразно прямому движенію, размѣры обратнаго переселенія изъ Сибири представлялись довольно значительными и въ концѣ 80-хъ годовъ достигали въ среднемъ до 3—4 тыс. душъ ежегодно или до 12% всего прямого движенія переселенцевъ.

Такимъ образомъ, 12% всѣхъ переселяющихся Сибирь удаляла изъ себя, какъ лицъ, не нашедшихъ устройства на обширной территоріи ея. Какой при этомъ процентъ былъ тѣхъ, которые, растративъ все, не имѣли даже возможности двинуться назадъ и обрекали себя на вѣчное положеніе бобылей и батраковъ у сибирскихъ крестьянъ, на снисканіе дневного пропитанія путемъ случайныхъ заработковъ въ городахъ и селеніяхъ, на постоянную перекочевку изъ общества въ общество въ тайной надеждѣ пристроиться гдѣ-нибудь болѣе прочно,—свѣдѣній о томъ не имѣется, но несомнѣнно, процентъ этотъ долженъ быть несравненно выше указаннаго. Кромѣ Сибири обратное переселеніе шло и съ Кавказа, и изъ оренбургскаго края, но точныя цифры его неизвѣстны. Надо думать, однако, судя по числу переселявшихся и отсутствію свободныхъ земель подъ водвореніе, размѣры обратнаго выселенія изъ названныхъ мѣстностей были не менѣе значительны.

XXI.

Въ такомъ положеніи находилось переселенческое дѣло, когда послѣдовало изданіе закона 13 іюля 1889 г., которымъ имѣлось въ виду замѣнить всѣ существовавшія доселѣ правила о переселеніи въ предусматриваемыя имъ мѣстности. Представляя изъ себя полный сводъ постановленій, законъ этотъ и понынѣ остается основнымъ въ дѣлѣ переселенія на казенныя земли и только для Сибири послѣ учрежденія комитета Сибирской желѣзной дороги дополненъ рядомъ развивающихъ его узаконеній и распоряженій.

Первоначально законъ примѣнялся только къ нѣкоторымъ

многоземельнымъ губерніямъ Европейской Россіи, къ Западной Сибири и степнымъ областямъ, но вскорѣ признано было необходимымъ распространить дѣйствіе его и на нѣкоторыя другія мѣстности, куда направлялось переселеніе или гдѣ требовалось принятіе мѣръ для его упорядоченія. Съ этою цѣлью въ ближайшій періодъ времени изданъ былъ рядъ отдѣльныхъ узаконеній, изъ которыхъ важнѣйшими являются 25 марта 1891 г. и 20 апрѣля 1892 года Первымъ изъ этихъ указовъ дѣйствіе правилъ о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли распространено было на области Уральскую и Тургайскую, а вторымъ—на губерніи енисейскую и иркутскую; при этомъ указанныя области въ отношеніи отвода казенныхъ земель переселенцамъ и предоставляемыхъ имъ льготъ приравнены были къ степнымъ областямъ, а губерніи Восточной Сибири—къ губерніямъ томской и тобольской. Законъ 20 апрѣля касается вмѣстѣ съ тѣмъ и вопроса о перечисленіи переселенцевъ, ранѣе водворившихся въ губерніяхъ енисейской и иркутской, и опредѣляетъ порядокъ отвода имъ казенныхъ земель, требуя, чтобы отводъ производился на прежнемъ основаніи по распоряженію мѣстныхъ властей. Этимъ же закономъ предусмотрѣно затѣмъ учрежденіе при иркутскомъ генералъ-губернаторѣ должности чиновника особыхъ порученій по переселенческимъ дѣламъ.

Если примѣненіе правилъ 13 іюля 1889 г. къ енисейской и иркутской губ., вслѣдствіе обилія расположенныхъ въ нихъ свободныхъ казенныхъ земель и водворенія значительнаго числа нуждавшихся въ устройствѣ своего быта переселенцевъ, представлялось своевременнымъ и необходимымъ, то нельзя того же сказать про области Уральскую и Тургайскую, гдѣ свободныхъ казенныхъ земель, вымежеванныхъ изъ владѣній киргизовъ, совершенно не имѣлось. Поэтому фактически переселеніе въ названныя области и послѣ состоявшагося Высочайшаго повелѣнія 25 марта 1891 г. не могло получить правильнаго разрѣшенія и все значеніе закона свелось лишь къ устройству ранѣе водворившихся переселенцевъ, въ порядкѣ отдѣла III правилъ 13 іюля.

Значеніе остальныхъ узаконеній носило болѣе частный характеръ и выражалось преимущественно въ развитіи нѣкоторыхъ основныхъ положеній закона 13 іюля. Такъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 11 мая 1890 г. и 27 апрѣля 1891 г. положеній комитета министровъ, отдѣлъ III означеннаго закона былъ распространенъ на нѣкоторыхъ лицъ, поселившихся въ

предѣлахъ Европейской Россіи, а именно: 1) на переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ въ прежнее время на казенныхъ земляхъ вятской губерніи, и 2) на самовольно осѣвшихъ въ уинской казенной дачѣ, пермской губерніи. Случаи, вызвавшіе изданіе этихъ спеціальныхъ законовъ, указывали на возможность возникновенія ихъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи и на необходимость принятія подобныхъ же мѣръ къ устройству водворившихся въ нихъ переселенцевъ; поэтому, во избѣжаніе изданія каждый разъ особыхъ указовъ, тѣмъ же закономъ 27 апрѣля 1891 года предоставлено было министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а при неокончательномъ разрѣшеніи вопроса о поземельномъ устройствѣ, также по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, право примѣнять отдѣлъ III правилъ 13 іюля, при перечисленіи лицъ, поселившихся въ прежнее время на казенныхъ земляхъ въ мѣстностяхъ, которыя означенными правилами не предусмотрѣны. Въ связи съ этимъ для облегченія способовъ скорѣйшаго и прочнаго устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и устраненія зависимости этого устройства отъ факта прибытія ихъ изъ тѣхъ или иныхъ мѣстностей, Высочайше утвержденнымъ 8 ноября 1893 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта дѣйствіе постановленій, изложенныхъ въ отдѣлѣ III, распространено было на лицъ сельскаго состоянія и мѣщанъ, которыя, проживая въ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ примѣнялся законъ 13 іюля 1889 г., переселились до изданія его изъ одныхъ уѣздовъ или волостей въ другіе.

XXI.

При разсмотрѣніи правилъ 13 іюля и изданныхъ въ развитіе ихъ позднѣйшихъ узаконеній нельзя не убѣдиться, что новый законъ объединялъ дѣйствовавшія ранѣе постановленія по переселенію и распространялся лишь на тѣ мѣстности, гдѣ существовали запасы свободныхъ казенныхъ земель, и гдѣ имѣлось въ виду именно заселеніе этихъ земель. Такимъ образомъ, являясь основнымъ въ дѣлѣ переселенія и распространяясь на обширную территорію отъ восточныхъ губерній Европейской Россіи до границъ Приамурскаго генералъ-губернаторства, означенный законъ отнюдь не обнималъ всѣхъ случаевъ переселенія и способовъ устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и не охватывалъ всей территоріи имперіи. Внѣ дѣйствія этого

закона оставались многоразличные случаи перехода крестьянъ на новыя мѣста путемъ, напр., водворенія въ старожильскихъ обществахъ или на купленныхъ съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка земляхъ; точно такъ же въ территоріальномъ отношеніи отъ дѣйствія закона были изъяты всѣ прочія, кромѣ упомянутыхъ въ немъ, мѣстности имперіи, для которыхъ остались въ силѣ изданныя въ разное время спеціальныя узаконенія о переселеніи или которыя были совсѣмъ обойдены вниманіемъ законодателя въ этомъ отношеніи, какъ Кавказъ, Туркестанъ, центральныя и западныя губерніи Европейской Россіи и пр. Если не считать правительственныхъ мѣръ, принимавшихся къ развитію промышленной колонизаціи на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи и установленныхъ съ этой цѣлью въ 70-хъ и 80-хъ годахъ особыхъ правилъ для водворенія и упроченія русскихъ промышленниковъ на Новой Землѣ и на Мурманскомъ берегу, архангельской губерніи, правильная болѣе или менѣе организація переселенія земледѣльческаго населенія существовала по особымъ законоположеніямъ еще на казенныя земли Амурской и Приморской области, на земли кабинета Его Величества и до извѣстной степени на земли казачьихъ войскъ.

Отдаленность Приамурскаго края и государственная важность заселенія его еще въ концѣ 50-хъ годовъ заставила обратить на себя особое вниманіе правительства и обставить переселеніе туда возможно льготными условіями, хотя и безъ пособій со стороны казны. Предполагавшаяся-было вначалѣ организація широкой матеріальной помощи переселенцамъ не осуществилась, вслѣдствіе возникшаго соображенія, что нѣтъ особо побудительныхъ причинъ стремиться къ скорѣйшему заселенію края, земли котораго должны послужить запасомъ для будущаго, и поэтому взамѣнъ денежныхъ пособій рѣшено было установить самыя широкія льготы для переселяющихся на свой счетъ. Согласно Высочайше утвержденному 26 марта 1861 г. Положенію сибирскаго комитета, переселеніе въ Амурскую и Приморскую области разрѣшалось „всѣмъ вообще желающимъ какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ", получившимъ узаконенныя свидѣтельства на переселеніе и представившимъ ихъ по мѣсту приписки. Земля для переселенцевъ отводилась въ общинное, при составѣ общества не менѣе пятнадцати семействъ, или подворное владѣніе, по разсчету въ томъ и другомъ случаѣ не свыше 100 дес. на семью. Въ теченіе 20-ти лѣтъ земля состояла въ безплатномъ пользованіи, а затѣмъ облагалась оброчною и поземельною податью. Участки безплатнаго пользованія переселенцы обязывались обработать въ

теченіе 5-ти лѣтъ; въ противномъ случаѣ правительство могло отобрать ихъ въ необработанной части въ свое распоряженіе. Желающіе могли выкупить свой участокъ въ собственность, съ уплатою по 3 рубля за десятину и съ правомъ распоряженія по своему усмотрѣнію, на общемъ законномъ основаніи, кромѣ лицъ, поселившихся по р. Уссури. Послѣднимъ земля предоставлялась въ вѣчное пользованіе. Переселенцы освобождались отъ рекрутской повинности на десять наборовъ и отъ платежа подушной подати навсегда.

При отводѣ земель соблюдались слѣдующія правила. Правительство ежегодно назначало извѣстныя пространства земель для отвода переселенцамъ и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ по этому предмету публиковало для общаго свѣдѣнія. Участки отводились „желающимъ безъ всякаго затрудненія, по ихъ собственному избранію"; при этомъ преимущество отдавалось лицамъ, прежде другихъ изъявившимъ желаніе пріобрѣсть землю въ пользованіе или въ собственность. На пользованіе землею выдавались особыя свидѣтельства, а на полную собственность—„данныя", совершаемыя, въ теченіе 20-ти лѣтъ по изданіи правилъ, безъ взиманія пошлинъ.

Приведенныя правила сохраняютъ свою силу и до настоящаго времени. Позднѣйшими узаконеніями 26 января 1882 г. и 18 іюня 1892 г. въ нихъ внесены были лишь нѣкоторыя измѣненія, въ смыслѣ прекращенія дѣйствія ихъ въ отношеніи иностранцевъ и освобожденія переселенцевъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по водвореніи отъ земскихъ повинностей.

Установленіе широкихъ льготъ для переселяющихся вызвало вначалѣ довольно замѣтное движеніе крестьянъ на Амуръ, которое не прекращалось въ теченіе всего десятилѣтія, слѣдовавшаго за изданіемъ закона. Затѣмъ остановившееся было въ 70-хъ годахъ, вслѣдствіе отклоненія главнаго движенія въ Оренбургскій край, сухопутное переселеніе на Дальній Востокъ вновь усилилось въ 80-хъ годахъ, когда прослѣдовало на Амуръ до 10.000 душъ обоего пола. Отдаленность края и затруднительность передвиженія сильно вліяли на сокращеніе размѣровъ переселенческаго движенія и приблизительно такое же число лицъ, направлявшихся въ край, вынуждено было отказаться отъ первоначальнаго намѣренія и устроиться въ попутныхъ губерніяхъ и областяхъ Сибири. Амурскіе переселенцы осѣдали преимущественно въ низменной равнинѣ, расположенной между притоками Амура—Зеей и Буреей, гдѣ и устраивались на свободныхъ земляхъ, избирая участки по своему усмотрѣнію. Хотя

правилами 1861 г. въ обязанность мѣстной администраціи вмѣнялось ежегодно образовывать участки для переселенцевъ, тѣмъ не менѣе требованіе это, за недостаткомъ межевыхъ силъ, почти совсѣмъ не выполнялось и водворявшіеся въ пріисканіи мѣстъ новаго жительства руководствовались чаще всего собственнымъ выборомъ. Относительная зажиточность приходившихъ въ край, въ связи съ благопріятными естественными и экономическими условіями его, выражавшимися въ плодородіи почвы, высокихъ цѣнахъ на продукты сельскаго хозяйства и большомъ спросѣ на рабочія руки, имѣли своимъ послѣдствіемъ, что переселенцы въ скоромъ времени по водвореніи достигали такого хозяйственнаго благосостоянія, какого почти не встрѣчалось въ другихъ мѣстностяхъ Сибири.

Незначительные въ общемъ размѣры переселенія для такого обширнаго края и, наряду съ этимъ, замѣчавшееся временами ослабленіе движенія и предпринятая одновременно колонизація китайскими выходцами мѣстностей, прилегающихъ къ русскимъ владѣніямъ, побудили правительство принять болѣе рѣшительныя мѣры къ заселенію важнѣйшаго по стратегическому значенію Южно-Уссурійскаго края.

Выработанныя въ особой коммиссіи изъ представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ и лицъ, непосредственно ознакомленныхъ съ положеніемъ переселенческаго дѣла въ Уссурійскомъ краѣ, предположенія по этому предмету были внесены на уваженіе государственнаго совѣта и удостоены 1 іюня 1882 г. Высочайшаго утвержденія.

Изданными правилами „объ организаціи переселеній въ Южно-Уссурійскій край“ опредѣлено было ассигновать въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ 2.400 рублей на посылку ходоковъ на Дальній Востокъ и затѣмъ постановлено, начиная съ 1883 г., отправлять моремъ въ названный край по 250 семей, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по перевозкѣ, устройству переселенцевъ на мѣстахъ водворенія и по снабженію ихъ продовольствіемъ и земледѣльческими орудіями безвозвратно на счетъ казны. Съ этою цѣлью назначено было отпускать ежегодно по 323.200 рублей и сверхъ того единовременно ассигновано 70.000 рублей на устройство во Владивостокѣ переселенческихъ бараковъ. Выборъ переселенцевъ возложенъ былъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, а отправка ихъ на одесскаго генералъ-губернатора. Для пріема, дальнѣйшаго направленія и устройства переселенцевъ на мѣстахъ учреждено было въ Южно-Уссурійскомъ краѣ особое переселенческое управленіе.

Предпринятый опытъ отправки переселенцевъ побудилъ нѣкоторыхъ крестьянъ къ передвиженію на Дальній Востокъ моремъ на свой счетъ. Обстоятельство это въ связи съ чрезмѣрно отяготительнымъ расходомъ на организацію казеннокоштнаго переселенія повело къ изданію новаго закона 12-го мая 1887 г., по которому перевозка на средства казны допущена лишь въ случаѣ особой нужды, для небольшихъ переселенческихъ партій. Вообще же установлено переселеніе морскимъ путемъ на собственный счетъ переселяющихся, съ предоставленіемъ имъ льготъ, дарованныхъ для сухопутныхъ переселенцевъ Приамурскаго края. Наиболѣе нуждающимся опредѣлено было выдавать ссуды на домообзаведеніе не свыше 600 р. на семью, срокомъ на 33 года съ погашеніемъ ежегодными взносами 6% съ числящагося долга. Для указанной цѣли въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ постановлено отпускать ежегодно по 128.200 рублей, причемъ изъ этихъ суммъ должны были производиться также расходы на удовлетвореніе всѣхъ прочихъ нуждъ, вызываемыхъ южно-уссурійскимъ переселеніемъ.

Основаніемъ для выработки спеціальныхъ правилъ по переселенію въ Алтайскій округъ послужилъ фактъ, съ одной стороны, замѣчавшагося поселенія крестьянъ на земляхъ округа, съ другой—желаніе привлечь населеніе съ цѣлью доставленія заводамъ наибольшаго числа наемныхъ рабочихъ рукъ. Высочайше утвержденныя 30-го іюля 1865 г. правила о переселеніи въ Алтайскій округъ, продолжающія дѣйствовать до настоящаго времени, предусматриваютъ водвореніе государственныхъ крестьянъ на заводскихъ земляхъ округа какъ въ существующихъ обществахъ, съ согласія послѣднихъ, такъ и на свободныхъ участкахъ, по предварительномъ осмотрѣ ихъ избранными изъ среды переселяющихся лицами. Въ томъ и другомъ случаѣ для узаконенія водворенія требовалось разрѣшеніе алтайскаго горнаго правленія. При водвореніи на свободныхъ участкахъ въ надѣлъ отводилось по 15 дес. на душу удобной земли съ обложеніемъ въ доходъ кабинета оброкомъ, въ размѣрѣ 6 р. съ души, каковой былъ установленъ для бывшихъ приписныхъ крестьянъ. Примѣнительно къ порядку поселенія и устройства на удѣльныхъ земляхъ, къ которымъ были приравнены земли Алтайскаго округа, никакихъ пособій и льготъ для переселяющихся не было установлено и они уплачивали оброкъ тотчасъ же по причисленіи къ мѣсту новаго жительства. Только на постройку усадебъ отпускался безплатно лѣсъ поселяющимся и выдавалось топливо въ потребномъ количествѣ, наравнѣ съ мѣстными крестьянами.

Особыя правила переселенія и особый порядокъ устройства переселенцевъ установленъ былъ для войсковыхъ казачьихъ земель или, ближайшимъ образомъ, для территоріи кубанскаго казачьяго войска, куда преимущественно направлялись выходцы изъ Россіи, слѣдовавшіе на Кавказъ. Преобладающею группою среди такихъ выходцевъ являлись крестьяне и мѣщане, т.-е. тѣ именно лица, которыя стремились „на Кубань“ съ исключительною цѣлью осѣсть на землѣ и заняться земледѣліемъ, представляя собою такимъ образомъ обычный типъ переселенцевъ-пахарей. Переселеніе въ Кубанскую область шло преимущественно изъ ближайшихъ къ Кавказу губерній: воронежской, курской, харьковской и полтавской, но также нерѣдко и изъ центральныхъ великороссійскихъ и даже прибалтійскихъ. Временами оно принимало весьма значительные размѣры, достигая 50—60 тыс. душъ въ годъ, изъ которыхъ до 80% осѣдало на войсковой территоріи въ станицахъ и селеніяхъ области. Такой ростъ пришлаго населенія имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, что въ началѣ 90-хъ годовъ переселенцы или такъ называемые „иногородніе“, водворившіеся на казачьихъ земляхъ, составляли по отношенію собственно къ станичному населенію до 40%, все же число ихъ опредѣлялось свыше 600 т. душъ обоего пола.

Начало водворенію переселенцевъ среди казаковъ положило Высочайше утвержденное, 10-го мая 1862 г., „Положеніе о заселеніи предгорій западной части Кавказскаго хребта кубанскими казаками и другими переселенцами изъ Россіи“, которымъ, на ряду съ переселеніемъ нѣкоторой части названныхъ казаковъ на передовыя линіи, предусматривалась продажа крѣпостнымъ порядкомъ съ разрѣшенія войскового правленія ихъ усадебъ въ старыхъ обществахъ „не только лицамъ казачьяго сословія, но и лицамъ къ этому сословію не принадлежащимъ“. На такихъ же основаніяхъ разрѣшалось „продавать подъ строенія“ сады и пустопорожнія мѣста. Лица невойскового сословія, получившія черезъ покупку усадебъ и пустопорожнихъ мѣстъ право осѣдлости въ кубанскомъ войскѣ, обязывались „за находящуюся подъ ихъ усадьбами землю, остававшуюся войсковою собственностью, вносить ежегодно извѣстную „посаженную плату“. Уплата этого налога никогда не прекращалась, и неисправные во взносѣ его подвергались взысканіямъ за недоимки на общихъ основаніяхъ. Отъ другихъ повинностей иногородніе освобождались, кромѣ взносовъ за право торговли „и повинностей по состоянію ихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ“. Пріобрѣтенныя усадьбы могли продаваться иногородними по ихъ усмотрѣнію „другимъ

себѣ подобнымъ или лицамъ казачьяго сословія". Право владѣнія усадьбою соединялось для иногороднихъ съ правомъ пользованія общимъ выгономъ наравнѣ съ прочими жителями для собственнаго домашняго скота и обязывало ихъ подчиняться „мѣстному войсковому начальству на основаніи общихъ законовъ". Это частное узаконеніе, касавшееся сначала одной Кубанской области, согласно Высочайшему повелѣнію 29-го апрѣля 1868 г., распространено было, съ незначительными измѣненіями, на всѣ войсковыя территоріи и пріобрѣло такимъ образомъ форму общаго для всѣхъ казачьихъ земель закона. Положеніями объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ 13-го мая 1870 г. и 3-го іюня 1891 г. на иногороднихъ, проживавшихъ въ селеніяхъ станичныхъ обществъ и имѣвшихъ тамъ дома или другую недвижимость, возложена была обязанность нести, наравнѣ съ казаками, общія земскія повинности, „съ постоянною осѣдлостью сопряженныя", и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлено право участія въ поселковыхъ и станичныхъ сходахъ, черезъ „выборныхъ по одному изъ каждыхъ десяти дворовъ" „при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, по существу своему касающихся до лицъ неказачьяго сословія". Предоставленныя первоначально права иногороднимъ на свободное возведеніе и продажу домовъ и строеній въ руки лицъ невойскового сословія были позднѣйшими узаконеніями (29-го апр. 1868 г. и 13-го мая 1883 г.) ограничены требованіемъ согласія на то „мѣстнаго войскового начальства или станичнаго общества, по принадлежности".

Таковы по закону, который дѣйствуетъ и понынѣ, права и обязанности переселенцевъ, водворившихся на войсковыхъ территоріяхъ. Все ихъ значеніе сводится, главнымъ образомъ, только къ праву владѣнія усадьбою и пользованія общимъ выгономъ и затѣмъ къ обязанности уплачивать посаженный налогъ и отбывать нѣкоторыя земскія повинности. Законъ не предусматриваетъ ни порядка переселенія на войсковыя земли, ни перечисленія иногороднихъ по мѣсту новаго жительства, ни устройства ихъ въ административно-общественномъ отношеніи. Это пришлые люди, живущіе по паспортамъ, и чуждые коренному казачьему населенію. Самое право участія ихъ въ станичномъ управленіи ничтожно и неопредѣленно, такъ какъ въ законѣ не содержится указаній ни на существо дѣлъ, въ разсмотрѣніи которыхъ они принимаютъ участіе, ни на порядокъ приведенія ихъ въ исполненіе.

Такимъ образомъ, хотя законодательство въ вопросѣ объ

устройствѣ переселенцевъ на войсковыхъ земляхъ внесло нѣкоторую регламентацію, тѣмъ не менѣе регламентація эта, какъ видно изъ вышеприведеннаго, явилась крайне неполною и неопредѣляющею порядка всего устройства переселенцевъ. Вслѣдствіе этого и въ виду столь тѣсныхъ правъ, отведенныхъ закономъ поселяющимся на казачьихъ земляхъ, послѣдніе въ Кубанской области были поставлены въ довольно тяжелыя хозяйственно-экономическія условія жизни. Дѣйствительность показала, что предоставленное переселенцамъ право участія въ сходахъ на дѣлѣ не всегда осуществлялось, такъ какъ они во многихъ станицахъ совсѣмъ устранялись отъ такого участія. Требованіе о выполненіи земскихъ повинностей и о согласіи станичныхъ обществъ на возведеніе новыхъ зданій, продажу и ремонтъ ихъ, при недостаткѣ контроля, создавало почву для различныхъ злоупотребленій со стороны обществъ, допускавшихъ мѣстами крайне неравномѣрное распредѣленіе означенныхъ повинностей и незаконные поборы, при разрѣшеніи строиться, ремонтировать и продавать зданія. Станичный судъ при разборѣ дѣлъ, возникающихъ между казаками и иногородними, проявлялъ завѣдомое пристрастіе къ своимъ, почему переселенцы старались избѣгать его, предпочитая обращаться въ высшія судебныя инстанціи. Вначалѣ небольшая посаженная плата съ теченіемъ времени постепенно возрастала и достигла мѣстами наивысшей предѣльной нормы 5 коп. за кв. саж., что являлось крайне обременительнымъ для скромнаго бюджета новоселовъ. Взысканіе этой платы производилось строго и несвоевременный взносъ ея влекъ нерѣдко продажу строеній, угрожая малоимущимъ семьямъ разореніемъ, а въ лучшемъ случаѣ приводило къ накопленію недоимокъ, исчислявшихся иногда въ чрезмѣрныхъ суммахъ. Предоставленное иногороднимъ право пользованія общимъ выгономъ замѣнялось въ нѣкоторыхъ станицахъ отводомъ отдѣльнаго,—преднамѣренно-худого,—пастбища, что поставляло ихъ въ необходимость пользоваться казачьимъ выгономъ и платить за выпасъ всего скота. Наряду съ этимъ, переселенцы, какъ чуждый, неустроенный элементъ въ краѣ, не несущій повинностей на общественныя надобности, не пріобщены были къ пользованію тѣми необходимыми благами общественной жизни, которыми пользовался мѣстный коренной житель. При недородахъ, они лишены были продовольственной помощи; образованіе и медицинская помощь являлись почти недоступными для нихъ, такъ какъ предоставлялись за плату, притомъ высокую и лишь въ случаѣ, когда въ школѣ или больницѣ оставались свободныя мѣста.

Такое положеніе вещей не могло не привести въ концѣ концовъ къ тому, что въ области, съ наплывомъ переселенцевъ, создались двѣ почти совершенно обособленныя группы населенія: одна—сильная своею внутреннею организаціею и своими правами хозяевъ-вотчинниковъ земли, другая — неорганизованная, экономически зависимая и почти безправная. Сознаніе этого неравенства, поддерживавшееся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ мѣстными порядками, отразилось нежелательно и на взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ группъ, вызвавъ въ первой убѣжденіе въ естественномъ превосходствѣ ея и въ особомъ покровительствѣ со стороны закона, а въ другой—глухое озлобленіе и ненависть, доходящія временами до крупныхъ недоразумѣній и даже кровавыхъ схватокъ.

XXII.

Новая постановка переселенческаго дѣла, вызванная изданіемъ закона 13-го іюля, побудила министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же 1889 г. озаботиться увеличеніемъ кредита, отпускавшагося на воспособленіе переселенцамъ. Въ представленіи по этому предмету министерство высказывало, что испрашиваемыя на веденіе переселенческаго дѣла денежныя средства назначаются на два главные предмета расходовъ: собственно на воспособленіе переселенцамъ и на усиленіе канцелярскихъ средствъ лицъ и учрежденій, на обязанности коихъ отнесено исполненіе установленныхъ правилъ о переселеніи. За предшествовавшее время въ распоряженіе министерства отпускался крайне ограниченный кредитъ, въ размѣрѣ 20 тыс. руб. ежегодно, который предназначался главнымъ образомъ на расходы по оказанію содѣйствія при передвиженіи переселенцевъ, т.-е. по предоставленію имъ тѣхъ или иныхъ способовъ довести предпринятое переселеніе до намѣченной цѣли. Только за удовлетвореніемъ путевыхъ надобностей, наиболѣе нуждающіеся изъ переселенцевъ могли разсчитывать на полученіе домообзаводственныхъ ссудъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда отъ кредита въ 20 тыс. предвидѣлись остатки. Но съ увеличеніемъ въ послѣднее время размѣровъ движенія, когда число переселяющихся достигло свыше 10 тыс. семей ежегодно, неизбѣжно должны были возрасти и расходы по воспособленію переселенцамъ въ пути и, напр., въ 1889 г. отъ кредита въ 20 тыс. руб. не только не оказалось никакихъ остатковъ, но даже потребовалось ассигнованіе дополнительныхъ суммъ. При такихъ усло-

віяхъ, по мнѣнію министерства, разсчитывать на предусматриваемую закономъ 13-го іюля выдачу въ потребныхъ случаяхъ ссудъ переселенцамъ на первоначальное обзаведеніе и пріобрѣтеніе сельско-хозяйственныхъ орудій не представлялось бы возможнымъ и настоитъ надобность въ ассигнованіи на этотъ предметъ особаго дополнительнаго кредита, размѣръ котораго, по примѣрному разсчету, долженъ быть не ниже 60 тыс. руб. въ годъ, чтобы при предполагаемой предѣльной нормѣ ссудъ въ 120 р. на семью удовлетворить домообзаводственныя нужды по крайней мѣрѣ 1/20 части проходящихъ переселенцевъ.

По вопросу объ усиленіи канцелярскихъ средствъ лицъ и учрежденій, вѣдающихъ переселенческое дѣло, министерство, ссылаясь на значительное обремененіе земскаго отдѣла и мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, особенно въ губерніяхъ водворенія, перепискою по дѣламъ о переселеніи, высказало, что обстоятельство это въ связи съ недостаточностью штатовъ этихъ учрежденій можетъ служить препятствіемъ успѣшному выполненію возлагаемыхъ на нихъ новыхъ сложныхъ обязанностей по разрѣшенію переселенія, выдачѣ ссудъ водворяющимся, по устройству и перечисленію лицъ, ранѣе поселившихся, и вслѣдствіе этого полагало усилить дѣлопроизводство названныхъ учрежденій путемъ отпуска особыхъ денежныхъ средствъ.

Приведенныя соображенія министерства были представлены на уваженіе государственнаго совѣта и 14 декабря 1889 г. удостоены Высочайшаго утвержденія. Согласно состоявшемуся указу, въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшено было отпускать на расходы по воспособленію переселенцамъ по 80.000 руб. и на усиленіе канцелярскихъ средствъ земскаго отдѣла и мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, вѣдающихъ переселенческое дѣло, по 15.000 ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ, считая съ 1890 г.

Въ виду этого, исполняя постановленія закона 13 іюля 1889 года министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствами финансовъ и государственныхъ имуществъ, выработало особыя правила о порядкѣ выдачи домообзаводственныхъ ссудъ переселенцамъ. Согласно этимъ правиламъ, ссуды на первоначальное домообзаведеніе выдавались наиболѣе нуждающимся семьямъ переселенцевъ, водворяемыхъ, съ разрѣшенія подлежащихъ министерствъ, на казенныхъ земляхъ, преимущественно въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ. Выдача ссудъ, въ размѣрѣ дѣйствительной надобности, но не свыше 200 руб. на семью, разрѣшалась министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ по представленіямъ губернскихъ и областныхъ начальствъ, которыя въ этихъ представленіяхъ давали обстоятельныя свѣдѣнія о семейномъ и имущественномъ положеніи переселенцевъ, ходатайствовавшихъ о ссудѣ, и о времени ихъ водворенія на казенной землѣ. О каждой выданной ссудѣ сообщалось въ мѣстную казенную палату для зачисленія долга въ недоимку и наблюденія за своевременнымъ ея погашеніемъ. Погашеніе производилось на основаніяхъ, принятыхъ для южно-уссурійскихъ переселенцевъ, т.-е. въ теченіе 28 лѣтъ, слѣдовавшихъ послѣ 5-лѣтней льготы, ежегодными взносами 6% отъ занятой суммы. Уплата выданныхъ ссудъ обезпечивалась всѣмъ достояніемъ заемщиковъ, которымъ до полнаго возмѣщенія долга воспрещалось отчуждать возведенныя на казенной землѣ постройки.

Изложенныя правила приведены были въ дѣйствіе въ 1891 г. и въ главнѣйшихъ основаніяхъ по настоящее время примѣняются въ предѣлахъ Европейской Россіи.

Независимо отъ этого, въ видахъ единообразнаго примѣненія закона 13 іюля во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ, къ которымъ онъ относился, министерство внутреннихъ дѣлъ въ томъ же 1890 году цѣлымъ рядомъ циркулярныхъ разъясненій преподало указанія мѣстной администраціи о порядкѣ этого примѣненія, причемъ особенное вниманіе обратило на необходимость въ мѣстахъ выхода крестьянъ всесторонняго ознакомленія населенія съ существомъ новаго закона для предупрежденія „превратнаго толкованія его, въ смыслѣ поощренія переселенческаго движенія". Съ этою цѣлью требовалось, чтобы просителямъ были разъясняемы всѣ условія переселенія, льготы, предоставляемыя переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ, сообщалось направленіе пути до избранной мѣстности съ указаніемъ продолжительности и стоимости его, а лицамъ неимущимъ и просящимъ о переселеніи въ Сибирь давались свѣдѣнія объ участкахъ, ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства. При поступленіи прошеній о переселеніи крестьянскимъ учрежденіямъ вмѣнялось въ обязанность безотлагательно собирать свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи просителей и въ заключеніяхъ своихъ о числѣ душъ и семей, признаваемыхъ подлежащими переселенію изъ обществъ, которыя находятся въ „экономически стѣсненномъ положеніи" и владѣютъ землею сообща, руководствоваться соображеніемъ, чтобы надѣлъ оставшихся, увеличенный землями переселяющихся, не превышалъ высшаго или указнаго по мѣстности надѣла, опредѣленнаго положеніями 19 февраля 1861 г. Вмѣстѣ съ

тѣмъ названнымъ учрежденіямъ, а также должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго общественнаго управленія поручалось наблюдать, чтобы просители не приступали къ распродажѣ своего имущества и не трогались въ путь впредь до полученія разрѣшенія на переселеніе и до сношенія съ подлежащимъ управленіемъ государственными имуществами относительно заготовки участковъ для водворенія ихъ. Наконецъ, установлено было, чтобы каждая переселенческая партія снабжалась особымъ маршрутомъ съ указаніемъ городовъ, лежащихъ по пути слѣдованія къ мѣстамъ назначенія, и каждой семьѣ сверхъ того выдавалось проходное свидѣтельство съ обозначеніемъ въ немъ семейнаго состава, на предметъ удостовѣренія въ правахъ ея на предоставляемыя закономъ льготы и облегченія. По прибытіи къ мѣстамъ водворенія свидѣтельство это предъявлялось чинамъ министерства государственныхъ имуществъ для указанія въ натурѣ и для отвода предназначенныхъ участковъ, а за отсутствіемъ означенныхъ чиновъ всѣ необходимыя мѣры содѣйствія въ этомъ отношеніи должны были приниматься мѣстными крестьянскими учрежденіями или переселенческими чиновниками, а въ степныхъ областяхъ полиціей. Въ мѣстахъ приписки проходное свидѣтельство оставалось на рукахъ переселенцевъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, послѣ чего оно отбиралось, и семья, не ушедшая съ родины въ положенный срокъ, считалась невоспользовавшеюся предоставленнымъ ей правомъ на переселеніе, о чемъ и сообщалось подлежащему управленію государственными имуществами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для содѣйствія „правильному устройству" пришлаго населенія на новыхъ мѣстахъ, администраціи въ губерніяхъ водворенія указывалось на необходимость возможно скорѣйшей организаціи общественнаго управленія въ поселкахъ, образуемыхъ переселенцами, и принятія съ этою цѣлью необходимыхъ мѣръ къ перечисленію послѣднихъ, а равно и всѣхъ прочихъ лицъ, переселившихся до изданія закона и числившихся по разнымъ причинамъ въ составѣ прежнихъ обществъ.

Одновременно съ этимъ, для облегченія способовъ передвиженія переселенцевъ, министерство внутреннихъ дѣлъ вошло въ сношеніе съ министерствомъ финансовъ по вопросу объ установленіи для переселяющихся съ надлежащаго разрѣшенія удешевленнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Вслѣдствіе этого на общемъ тарифномъ съѣздѣ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ былъ выработанъ льготный переселенческій тарифъ, который и введенъ въ дѣйствіе съ осени 1890 г. Порядокъ пользованія означеннымъ тарифомъ установлялся слѣдующій. Право удеше-

вленнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ предоставлялось всѣмъ семьямъ, получившимъ разрѣшеніе на переселеніе какъ въ мѣстности, предусматриваемыя закономъ 13 іюля 1889 г., такъ въ Южно-Уссурійскій край и въ Алтайскій округъ, а также всѣмъ лицамъ крестьянскаго сословія, которыя съ вѣдома и разрѣшенія начальства переселялись на новыя мѣста или перечислялись въ другія общества, на основаніи и съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ положеніями о сельскомъ состояніи. Изъ указанныхъ переселенцевъ льготою при передвиженіи по желѣзнымъ дорогамъ пользовались не только направлявшіеся впередъ, но и возвращавшіеся обратно на родину, если еще не состоялось причисленія ихъ къ мѣстамъ водворенія. Свидѣтельства на проѣздъ по удешевленному тарифу выдавались, при выходѣ съ родины, волостными правленіями, а лицамъ не крестьянскаго сословія—мѣстною полиціею; обратные же переселенцы получали эти свидѣтельства отъ переселенческихъ чиновниковъ или отъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

XXIII.

Хотя послѣдовавшее за изданіемъ новыхъ правилъ увеличеніе кредита и существо самихъ правилъ въ связи съ мѣрами, направленными къ облегченію способовъ передвиженія и устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ давали сравнительно широкую постановку всему переселенческому дѣлу, тѣмъ не менѣе правительство и послѣ того продолжаетъ съ особою осторожностью относиться къ переселенію крестьянъ и, по возможности, сдерживать размѣры его. Отношеніе его къ переселенію характеризуется особенно въ издававшихся въ разное время руководственныхъ распоряженіяхъ, которыми выражалось неоднократно, что правила 13 іюля никакъ не могутъ быть толкуемы „въ смыслѣ поощренія переселенческаго движенія“, а „имѣютъ цѣлью упорядочить переселенческое движеніе и предупредить самовольное переселеніе крестьянъ“. Несомнѣнно, подобная осторожность для мѣстной администраціи имѣла руководящее значеніе, и она, съ своей стороны, принимала дѣятельныя мѣры къ удержанію крестьянъ на старинѣ. Послѣдствіемъ этого явилось, что въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1889 г. и по 1891, всѣхъ разрѣшеній на переселеніе было выдано лишь 17.289 семьямъ, т.-е. даже менѣе, чѣмъ въ два предшествовавшіе года, когда дѣйствовали временныя правила 10 іюля 1881 г., и, та-

кимъ образомъ, большинству крестьянъ вновь пришлось двигаться въ далекую Сибирь въ надеждѣ только на случай и на свои собственныя силы.

Постигшее Россію въ 1891 — 1892 г. бѣдствіе неурожая вызвало среди населенія особенно сильное стремленіе къ переселенію. Въ одинъ 1892 г. размѣры переселенческаго движенія за Уралъ достигли небывалой цифры 95.187 душъ, и такое движеніе создано было преимущественно „самовольными“ переселенцами. Такимъ образомъ, цѣль упорядоченія переселенія, которую преслѣдовалъ законъ 13 іюля 1889 г., осталась недостигнутою. Самовольные переселенцы, не получая правительственной помощи ни въ пути, ни въ мѣстахъ водворенія и не имѣя права поселенія на казенныхъ земляхъ, оказались въ тяжелыхъ условіяхъ. Бѣдственное положеніе ихъ обратило на себя вниманіе высшей власти, и изъ остаточныхъ суммъ бывшаго особаго комитета было ассигновано въ 1893 г. на санитарно-продовольственную помощь переселенцамъ въ губерніяхъ оренбургской, тобольской, енисейской и степныхъ областяхъ 67.600 руб., не считая, сверхъ того, особыхъ суммъ, израсходованныхъ для той же цѣли въ томской губерніи. Такая матеріальная помощь дѣлу устройства врачебно-продовольственныхъ пунктовъ въ мѣстахъ скопленія и остановокъ переселенцевъ не могла не отразиться на положеніи ихъ и значительно повліяла на уменьшеніе развившейся среди нихъ сильной заболѣваемости и смертности.

При чрезмѣрномъ наплывѣ „самовольныхъ“ переселенцевъ, предписанное закономъ 1889 г. принудительное возвращеніе ихъ изъ Сибири было бы сопряжено, несомнѣнно, съ большими затрудненіями и расходами какъ для правительства и самихъ переселенцевъ, такъ и для прежнихъ ихъ обществъ, особенно, если послѣднія уже произвели всѣ хозяйственные разсчеты по землѣ и имуществу ушедшихъ. Въ виду этого, находя совершенно невозможнымъ, по бѣдственному положенію переселившихся, прибѣгать къ подобной принудительной мѣрѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшими докладами 23 апрѣля и 22 октября 1892 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на отводъ казенной земли въ Западной Сибири всѣмъ лицамъ сельскаго состоянія и мѣщанамъ, прибывшимъ безъ установленнаго разрѣшенія въ томскую и тобольскую губерніи въ теченіе 1892 г. и ранѣе, „съ предоставленіемъ имъ льготъ, установленныхъ закономъ 13 іюля 1889 г.“.

Одновременно съ тѣмъ былъ обнаруженъ недостатокъ участковъ, заготовленныхъ для отвода переселенцамъ, какъ на казенныхъ земляхъ наиболѣе заселяемыхъ мѣстностей, такъ и на

земляхъ Алтайскаго округа. Вслѣдствіе этого министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствами императорскаго двора и удѣловъ и государственныхъ имуществъ, признало необходимымъ временно пріостановить дальнѣйшую выдачу разрѣшеній на переселеніе, о чемъ сообщило губернаторамъ циркуляромъ отъ 6 мая 1892 года. Считаясь съ фактомъ неослабѣвавшаго въ послѣднее время „самовольнаго" ухода крестьянъ, въ циркулярѣ этомъ министерство существенное вниманіе обратило на необходимость принятія мѣръ противъ такого ухода, требуя установить неослабное наблюденіе и строжайшій надзоръ за выдачею срочныхъ паспортовъ на отлучку, подъ прикрытіемъ которыхъ совершалось обыкновенно все недозволенное закономъ переселенческое движеніе. Съ этою же цѣлью оно рекомендовало не останавливаться передъ обратною высылкою на родину самовольно ушедшихъ лицъ и обязывало особенно тщательно наблюдать „за находящимися въ предѣлахъ каждой губерніи путями слѣдованія и пунктами скопленія переселенцевъ", дабы къ мѣрѣ этой, какъ тяжелой и разорительной для самихъ возвращаемыхъ, такъ и для сельскихъ обществъ, на которыя упадаютъ издержки по этапной отправкѣ ихъ членовъ, прибѣгать, по возможности, въ мѣстахъ, ближайшихъ къ ихъ осѣдлости. Означеннымъ циркуляромъ сверхъ того министерство увѣдомляло о закрытіи дальнѣйшаго доступа къ переселенію на свободныя казенныя земли самарской, саратовской, оренбургской и уфимской губерній, на томъ основаніи, что земли эти предполагалось предоставлять исключительно нуждающимся мѣстнымъ крестьянамъ и лицамъ, уже прибывшимъ въ означенныя губерніи и получившимъ установленное разрѣшеніе.

Такимъ образомъ, приведеннымъ распоряженіемъ переселеніе на свободныя земли фактически почти совершенно прекращалось, кромѣ направлявшагося моремъ на Дальній Востокъ. Исключеніе было допущено только для лицъ, уже получившихъ разрѣшеніе, но при условіи, если они „отъ продажи имущества могутъ выручить вполнѣ достаточныя средства для переселенія". Допускался затѣмъ переходъ изъ прежнихъ обществъ для перечисляющихся въ многоземельныя общества и водворяющихся на пріобрѣтаемыхъ въ собственность или заарендованныхъ частновладѣльческихъ земляхъ, но не прежде, какъ послѣ выполненія ими всѣхъ указанныхъ въ законѣ требованій относительно увольненія изъ прежнихъ обществъ и представленія достаточныхъ доказательствъ состоявшейся покупки или аренды земли.

Однако, указанная мѣра, клонившаяся отчасти къ полной

пріостановкѣ переселенія, отчасти къ стѣсненію выхода крестьянъ изъ мѣстъ приписки, не принесла существенной пользы и не остановила движенія. Въ тотъ же 1892 г. въ Сибирь прошло 95.000 душъ, а въ послѣдующіе полтора года, когда запрещеніе еще продолжало дѣйствовать, свыше 100.000 душъ. Хотя подтвердительными циркулярами министерство настаивало на безусловномъ выполненіи требованія о недопущеніи переселенія, тѣмъ не менѣе оно само сознавало тщетность принимавшихся мѣръ и въ тѣхъ же циркулярахъ заявляло, „что, несмотря на сдѣланныя распоряженія о временной пріостановкѣ переселенческаго движенія, въ Западную Сибирь не переставали прибывать по краткосрочнымъ паспортамъ и безъ всякихъ документовъ семьи самовольныхъ переселенцевъ, распродавшихъ предварительно все принадлежащее имъ на родинѣ имущество“.

Въ такомъ почти враждебномъ отношеніи правительства къ переселенію и въ попыткахъ скорѣе сдержать его, чѣмъ поставить въ нормальныя условія, которыя отвѣчали бы потребностямъ населенія, проходитъ почти вся исторія послѣднихъ бюрократическихъ мѣропріятій, касавшихся переселенія, пока предпринятое сооруженіе Сибирской желѣзной дороги не побудило взглянуть на дѣло болѣе широко и интересы населенія внутренней Россіи связать съ интересами малолюдныхъ окраинныхъ мѣстностей, по которымъ долженъ былъ пролегать сибирскій путь. Замѣтный поворотъ въ переселенческой политикѣ и во всей постановкѣ этого дѣла послѣдовалъ съ конца 1892 года, когда журналомъ особаго совѣщанія о сооруженіи Сибирской желѣзной дороги, удостоеннымъ 10 декабря 1892 года Высочайшаго утвержденія, было постановлено предназначить особый 14-милліонный фондъ „на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою Сибирской желѣзной дороги и имѣющія цѣлью какъ облегченіе сей постройки, такъ и содѣйствіе заселенію и промышленному развитію прилегающихъ къ дорогѣ мѣстностей“.

А. Чарушинъ.

„ТЕРАКОЯ“

или

„ДЕРЕВЕНСКАЯ ШКОЛА“

ЯПОНСКАЯ ДРАМА.

Японская драма „Теракоя“ составляетъ собственно главный актъ обширной исторической драмы, извѣстной подъ заглавіемъ „Зеркало преподаннаго канцлеромъ Сугавара искусства чистописанія“. Она составлена четырьмя авторами, именно знаменитѣйшимъ въ Японіи драматургомъ Такедо Ицумо († 1740) и тремя его товарищами, имена которыхъ не сохранились. Драма цѣликомъ ставится очень рѣдко; чаще заимствуется только этотъ одинъ главный актъ „Теракоя“, который до сихъ поръ пользуется у японской публики громаднымъ успѣхомъ. По поводу впечатлѣнія, которое „Теракоя“ производитъ на зрителей, профессоръ токійскаго университета д-ръ К. Флоренцъ пишетъ: „При хорошо распредѣленныхъ роляхъ „Теракоя“ производитъ на публику потрясающее впечатлѣніе; когда же въ главныхъ роляхъ (Матсуо и Генсо) выступаютъ знаменитые японскіе артисты Данюра и Кикугора, то представленіе является наиболѣе потрясающимъ изъ всего, что когда-либо показывалось со сценъ всего міра. Въ публикѣ не остается человѣка, который бы не

плакалъ, и даже европейцы выходятъ изъ театра глубоко потрясенные“ [1]).

Укажемъ вкратцѣ содержаніе и значеніе этой драмы.

Около конца IX-го вѣка въ Кіото, при императорскомъ дворѣ, жилъ знаменитый японскій поэтъ и каллиграфъ Сугавара Мичисане, второй канцлеръ государства. Ширатайо, арендаторъ одного изъ помѣстій Мичисане, всегда пользовался благосклонностью своего господина и тщательно оберегалъ три любимыхъ имъ заповѣдныхъ дерева: вишню, сливу и сосну. Въ одинъ прекрасный день Ширатайо сдѣлался отцомъ тройни. Такое событіе, согласно тогдашнимъ вѣрованіямъ, считалось особенно счастливымъ предзнаменованіемъ для всей страны. Поэтому Мичисане сдѣлался воспріемникомъ новорожденныхъ трехъ сыновей своего вассала Ширатайо, причемъ далъ имъ имена по своимъ любимымъ деревьямъ: Умео (вишня), Сакурамару (слива) и Матсуо (сосна). Выросши, двое изъ юношей поступили на службу къ Мичисане и были имъ возведены въ рыцарское званіе (самураи), третій же, Матсуо, поступилъ на службу къ первому канцлеру Фуйнвара Токигира (или Шигейи).

Черезъ нѣкоторое время первый канцлеръ, снѣдаемый честолюбіемъ, составилъ заговоръ противъ императора съ цѣлью занять его мѣсто, но честный и вѣрный Мичисане разрушилъ его планы. Съ тѣхъ поръ между обоими вельможами возникла непримиримая вражда. Лукавому Шигейи удалось оклеветать передъ императоромъ своего противника и добиться его изгнанія на островъ Кіусіу. Семья и приверженцы Мичисане были разсѣяны по всей странѣ. Шигейи этимъ не удовлетворился и, боясь мести со стороны потомковъ изгнаннаго противника, рѣшился истребить ихъ окончательно. Но Генсо, бывшій вассалъ и самурай Мичисане, скрылъ у себя младшаго сына своего суверена, Кванъ-Шусаи и, удалившись съ нимъ въ маленькую, глухую деревушку Серіо, сталъ всѣмъ выдавать его за собственнаго сына. Здѣсь онъ открылъ частную деревенскую школу (Теракоя), гдѣ преподавалъ крестьянскимъ дѣтямъ правила китайской письменности, которыя преподалъ ему нѣкогда самъ Мичисане. Эта школа—мѣсто дѣйствія предлагаемой драмы.

Изъ трехъ сыновей 70-лѣтняго къ тому времени Ширатайо, Умео послѣдовалъ за своимъ повелителемъ въ изгнаніе, Сакурамару погибъ, защищая дѣло своего покровителя, а Матсуо

---

[1]) „Japanische Dramen“ v. Prof. Dr K. Florenz, Tokio. Verl. Hasegawa. Предисловіе.

остался на службѣ у Шигейи, непримиримаго врага своего благодѣтеля. Поведеніе Матсуо чрезвычайно огорчило Мичисане и онъ излилъ свою печаль по этому поводу въ ставшемъ потомъ популярнымъ слѣдующемъ четверостишіи:

„За мной моя слива умчалась,
А вишня иссохла по мнѣ.
Ужели одной лишь соснѣ
Измѣна удѣломъ досталась?"

Однако Матсуо только наружно, по долгу ленной присяги, былъ на сторонѣ Шигейи, и доказалъ это тѣмъ, что собственнаго сына Котаро принесъ въ жертву за Кванъ-Шусаи, когда мѣстопребываніе послѣдняго было открыто и ему угрожала гибель. Самому Матсуо поручено было канцлеромъ доставить голову Шусаи посланнымъ Шигейи и удостовѣрить подлинность этой головы. Матсуо устроилъ такъ, что вмѣсто головы Шусаи была отрублена и выдана голова его собственнаго сына. Этотъ трагическій эпизодъ и служитъ содержаніемъ драмы „Теракоя".

Самъ Мичисане умеръ въ слѣдующемъ году (903). Послѣ его смерти, его противника и приверженцевъ его постигло много неудачъ и несчастій, которыя суевѣрный народъ приписалъ мстящему духу покойнаго канцлера. Послѣдній былъ причисленъ къ богамъ, и его стали чтить подъ именемъ Теньсойи—„бога каллиграфіи". Въ честь его по всей странѣ воздвигнуты многочисленные храмы Шинто.

Мы воспользовались нѣмецкимъ переводомъ, который, по словамъ проф. Флоренца, можно назвать почти подстрочнымъ. Намъ кажется, что и для русскихъ читателей эта драма представляетъ немалый интересъ, какъ наиболѣе характерный образчикъ японской драматургіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГЕНСО—вассалъ и ученикъ изгнаннаго канцлера Сугавара Мичисане, деревенскій учитель.

ТОНАМИ—его жена.

МАТСУО—вассалъ канцлера Токигиры.

ШИО—его жена.

КОТАРО—ихъ сынъ, 8 лѣтъ.

ГЕМБА—камергеръ на службѣ у Токигиры.

КВАНЪ-ШУСАИ—сынъ изгнаннаго канцлера, 8 лѣтъ.

МАТЬ ШУСАИ.

САНСУКЕ—слуга Матсуо.

СЕМЬ УЧЕНИКОВЪ—крестьянскіе мальчики въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ.

МЯМЛЯ—одинъ изъ учениковъ, 15-лѣтній глупый парень.

Вооруженная стража; крестьяне.

Мѣсто дѣйствія: классная комната въ домѣ Генсо, въ глухой деревушкѣ Серіо.

Время дѣйствія: 902-й годъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ШУСАИ, ученики, между ними МЯМЛЯ.

Ученики, вмѣстѣ съ Шусаи, сидятъ на корточкахъ передъ небольшими пюпитрами, на которыхъ разложены тетради и коробочки съ тушью. Около каждаго пюпитра—ящикъ для книгъ. Дѣти упражняются въ писаніи китайскихъ и японскихъ письменъ. Частые перерывы въ работѣ и шумъ. У большинства лица и руки вымазаны тушью.

Мямля—*(къ остальнымъ).*

Эй, вы, дурачье! Чего сидите и зубрите, когда учителя нѣтъ дома? Глядите: я бонзу нарисовалъ,—лысаго бонзу.

(Смѣхъ, шумъ, нѣкоторые подымаются съ мѣстъ).

Шусаи—*(продолжая усердно писать).*

Ты бы занялся чѣмъ-нибудь болѣе путнымъ, чѣмъ этой пачкотней! Самый большой въ классѣ, а не умѣешь написать простого знака. Стыдился бы!

Мямля.

Эхъ ты, паинька! Посмотрите-ка на мальчика-пай, на бѣлоносаго...

Первый мальчикъ—*(бьетъ сзади Мямлю линейкой по головѣ).*

Не смѣй ругаться! Не то...

Мямля—*(реветъ).*

Ой, ой! Онъ меня побилъ!—*(льетъ первому мальчику на голову тушь).*

Второй мальчикъ.

У, длинноногій лошакъ! Старше всѣхъ, а какъ только его тронешь, такъ и воетъ!

Третій мальчикъ.

Вздуй-ка его хорошенько,—чего онъ пасть-то разинулъ!

(Нѣсколько мальчиковъ направляются къ Мямлѣ съ линейками. Всѣ вскочили съ мѣстъ. Сильный шумъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТОНАМИ и прежніе.

Тонами—*(изъ сосѣдней комнаты).*

Вы, лодыри! Опять разодрались!—*(входитъ).* Не шумѣть. По мѣстамъ и принимайтесь за работу. Учитель сейчасъ придетъ. Если прилежно позайметесь, будете свободны послѣ обѣда.

Нѣсколько голосовъ.

Вотъ это хорошо! Давайте писать, ребята!

(Всѣ усердно принимаются за работу, пишутъ и читаютъ вполголоса по складамъ: и-ро-га-ни-го-ге-то).

ЯВЛЕНІЕ III.

ШІО, КОТАРО, САНСУКЕ и прежніе

Сансуке—*(пріотворяя дверь).*

Можно войти?

Тонами.

Пожалуйста, войдите.

*(*Шіо *входитъ, ведя за руку своего сына* Котаро. *За ними* Сансуке *несетъ пюпитръ, ящикъ для книгъ и два пакета).*

Шіо.

Съ вашего разрѣшенія—*(обоюдныя привѣтствія).* Нынче поутру я послала спросить, приметъ ли господинъ Генсо моего

сына въ ученіе. Господинъ Генсо любезно согласился. Поэтому я привела мальчика. Вотъ онъ.

Тонами.

Такъ это вашъ сынъ? Очень пріятно! Какое прелестное дитя!

Шіо.

Вы очень любезны. Надѣюсь, что онъ вамъ не причинитъ много хлопотъ. Мы всего нѣсколько дней живемъ въ этой деревнѣ, какъ разъ въ противоположномъ концѣ. Къ моему удовольствію, я слышала, что и у васъ есть сынокъ точно такого же возраста, какъ и мой. Его здѣсь нѣтъ?

Тонами.

Онъ здѣсь.—*(Къ Шусаи).* Подойди, милый мой, поклонись этой дамѣ—*(Шусаи подходитъ и низко кланяется).* Это сынъ и наслѣдникъ Генсо.

Шіо—*(испытующимъ взглядомъ сравниваетъ лицо Шусаи и своего сына).*

У васъ чудный мальчикъ, госпожа Генсо. Но я не вижу вашего супруга: его нѣтъ дома?

Тонами.

Да, къ сожалѣнію. Онъ съ утра приглашенъ къ старшинѣ на совѣщаніе и парадный обѣдъ, и такъ какъ это довольно далеко отсюда, то онъ, вѣроятно, не скоро вернется. Но если вы желаете его видѣть,—я могу за нимъ послать.

Шіо.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не безпокойтесь. Мнѣ еще нужно сходить въ сосѣднее село по дѣлу и, пока я схожу туда и обратно, вашъ супругъ, вѣроятно, успѣетъ вернуться. Сансуке! Принеси вещи сюда.—*(Сансуке передаетъ ей оба пакета. Одинъ, завернутый въ бѣлую бумагу, Шіо вѣжливо кладетъ передъ Тонами).* Эту мелочь прошу васъ благосклонно принять на память о сегодняшнемъ днѣ.

Тонами—*(съ глубокимъ поклономъ).*

Слишкомъ много вниманія,—право, слишкомъ много...

Шю.

Стоитъ ли объ этомъ говорить!.. А этотъ свертокъ—*(передаетъ второй пакетъ)* для вашихъ питомцевъ.

Тонами.

Очень, очень вамъ благодарна за вашу любезность. Мой мужъ почтетъ себя крайне обязаннымъ...

Шю.

Затѣмъ я съ вами попрощаюсь. Поручаю мое дитя вашимъ заботамъ—*(къ Котаро)*. Будь послушенъ, мой милый мальчикъ! Я только схожу въ сосѣднее село и скоро вернусь.

Котаро.

Ахъ, мама, не покидай меня одного! Возьми меня съ собой—*(хватается за рукавъ матери)*.

Шю—*(освобождаясь отъ него)*.

Какой же ты трусишка! Не стыдно ли тебѣ, Котаро?—*(Къ Тонами)*. Видите, настоящій маменькинъ сынокъ.—*(Ласкаетъ его)*. Ты мое славное, послушное дитя. Оставайся здѣсь и держись молодцомъ. Я скоро вернусь.

(Уходитъ вмѣстѣ съ Сансуке. *Въ дверяхъ оборачивается и смотритъ на* Котаро *страдальчески-нѣжнымъ взглядомъ. Уходитъ, закрывши за собою дверь, потомъ возвращается)*.

Простите, я васъ опять безпокою. Должно быть, я забыла здѣсь свой вѣеръ.—*(Всѣ ищутъ вѣеръ)*.

Тонами—*(спустя минуту)*.

Но вѣдь вѣеръ у васъ въ рукахъ...

Шю—*(смущенно)*.

Ахъ, правда, какъ я разсѣянна!—*(Уходя, снова бросаетъ на сына долгій, печальный взглядъ)*.

Тонами—*(ласково къ Котаро)*.

Поди сюда, не грусти такъ, мой милый мальчикъ. Иди, поиграй съ моимъ сыномъ...—*(Подводитъ его къ Шусаи и всячески старается развлечь и успокоить)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГЕНСО, ТОНАМИ, ШУСАИ, КОТАРО, ученики.

*(*Генсо *входитъ блѣдный и озабоченный. Останавливается въ дверяхъ и смотритъ на учениковъ пристальнымъ взглядомъ, не замѣчая присутствія Котаро).*

Генсо — *(про себя, съ отвращеніемъ).*

Мужицкія лица—обыкновенныя мужицкія головы —никуда не годный бурьянъ...

(Генсо садится, тупо смотря передъ собой. Тонами наблюдаетъ его сперва удивленно, потомъ съ тревогой и садится противъ него).

Тонами — *(послѣ краткаго молчанія).*

Вы такъ блѣдны, супругъ мой, такъ печальны
И странныя изъ вашихъ устъ слова
Исходятъ... Что̀ случилось? Отчего
Вы на дѣтей неласково глядите?
Вотъ посмотрите, новаго питомца
Къ намъ привели сегодня... Приласкайте
Его.—Котаро, подойди сюда
Поближе къ намъ и поклонись учтиво.

Котаро—*(подходитъ и низко кланяется).*

Привѣтъ вамъ, мой наставникъ. Буду вамъ
Я преданъ и послушенъ.

Генсо — *(мелькомъ взглянувъ на него).*

Хорошо.
Иди на мѣсто.

(Вглядѣвшись, удивленно смотритъ то на него, то на Шусаи. Лицо его проясняется. Про себя).

Странно, очень странно!
Вѣдь это ученикъ, котораго сегодня
Къ намъ привели... Конечно. Подойди-ка
Сюда поближе, посмотри въ лицо мнѣ.
Какой прекрасный мальчикъ—и воспитанъ,

Какъ видно, хорошо!—Не правда ли,
Тонами?

Тонами.

Безъ сомнѣнья. Очень рада,
Что сразу вамъ понравился питомецъ
И съ вашего чела согналъ слѣды
Печальной думы. Благородный мальчикъ!
Когда пришелъ онъ съ матерью сюда...

Генсо—*(въ тревогѣ).*

Мать? Гдѣ она?

Тонами.

Она ушла недавно,
Спѣша по дѣлу важному въ село,
Но обѣщалась возвратиться снова
И, вѣрно, скоро будетъ.

Генсо.

Скоро будетъ!..
Что я хотѣлъ сказать?—Да,—важнымъ дѣломъ
Я озабоченъ. Отпусти дѣтей,—
Пусть поиграютъ, какъ и чѣмъ хотятъ,
Тамъ въ комнатѣ сосѣдней,—но безъ шуму
И шалостей—я важнымъ дѣломъ занятъ.
Сложите, дѣти, книги и ступайте:
Сегодня вы свободны отъ занятій.

(Дѣти оживленно встаютъ, складываютъ принадлежности въ уголъ и вслѣдъ за Тонами шумно уходятъ въ среднюю дверь. Черезъ нѣкоторое время Тонами возвращается и, убѣдившись, что никто ихъ не подслушиваетъ, садится противъ мужа).

ЯВЛЕНІЕ V.

ГЕНСО и ТОНАМИ.

Тонами.

Вы снова мрачны, мой супругъ,—опять
Погружены въ печальное раздумье!
Съ тѣхъ поръ, какъ вы сюда вошли, угрюмый
И блѣдный, на дѣтей глядя со злобой,—
Предчувствіемъ ужаснымъ я томлюсь!

Потомъ вы испытующе и долго
Глядѣли на Котаро...
(Генсо въ изнеможеніи опускаетъ голову).
Что случилось?
Супругъ мой, что случилось? Говорите,
Я заклинаю васъ!

Генсо.

Несчастье насъ
Неотвратимое постигло! Тайна,
Что бережно и свято мы хранили
Такъ много лѣтъ,—предательски открыта!
Открыто, что скрываемъ суверена
Мы молодого тайно у себя,
Его за сына выдавая,—что давно
У насъ живетъ онъ. Канцлеръ Токигира
Объ этомъ извѣщенъ и жаждетъ крови
Послѣдняго потомка Сугавары,
Чьей мести онъ боится неизбѣжной.

Тонами.

Предчувствіемъ давно томилось сердце!
Какъ вы узнали это?

Генсо.

Лишь сегодня
У старшины на праздничномъ обѣдѣ.
Ловушкой было торжество—и честь
Оказана мнѣ съ умысломъ коварнымъ,—
Чтобы завлечь нежданно въ западню
И времени не дать мнѣ для побѣга.
Тамъ старый Гемба, канцлера подручникъ,
Въ сопровожденьи челяди своей,
Вдругъ подошелъ ко мнѣ съ такою рѣчью:
„Намъ все извѣстно, Генсо! Признавайся,
Что мальчикъ тотъ, котораго за сына
Ты лживо выдавалъ,—тебѣ не сынъ!
Безстыдный, смѣешь канцлера врага
Ты укрывать! Такъ выслушай приказъ,
Съ которымъ я пришелъ сюда. Сегодня,
Чрезъ два часа, ты долженъ намъ доставить
Отрубленную голову Шусаи,—
Иначе мы придемъ къ тебѣ и сами

Ее возьмемъ!—Тебѣ же,—помни это!—
Гнѣвъ канцлера грозитъ неумолимый!“
Такъ онъ сказалъ.—О, какъ хотѣлось мнѣ
Меча ударомъ гнусный ротъ зажать!
Но я себя сдержалъ: умѣстна хитрость
Насилію въ отвѣтъ гораздо больше,
Чѣмъ честная борьба! Въ душѣ свой гнѣвъ
Я подавилъ и, видъ принявъ покорный,
Просилъ мнѣ время дать приказъ исполнить.
Вблизи стоялъ Матсуо.—Онъ одинъ
Лицо Шусаи знаетъ—и приказъ
Поэтому имѣетъ—прослѣдить,
Чтобъ голову я подлинную выдалъ.
Коварный песъ! Какъ скоро позабылъ онъ
Благодѣянья всѣ, которыми когда-то
Онъ прежнимъ господиномъ былъ осыпанъ?
Негодный, подло измѣнилъ отцу онъ,
Чтобъ измѣнить предательски и сыну!
Едва живой, влачащій еле ноги
И кости хилыя въ тѣлесной оболочкѣ,
Онъ все еще имѣетъ силъ довольно,
Чтобъ измѣнять и мертвымъ, и живущимъ...

Теперь нашъ домъ обложенъ. О побѣгѣ
Нельзя и думать. Намъ одно осталось:
Взамѣнъ Шусаи головы—другую—
Похожую—представить мы должны!
Ужъ думаю я, идя сюда, нельзя ли
Кого-нибудь изъ нихъ,—питомцевъ нашихъ,—
За суверена въ жертву принести.
Но кто смѣшаетъ грубыя ихъ лица
Съ лицомъ Шусаи благородно-нѣжнымъ?
Такъ я пришелъ сюда, въ душѣ тая
Мученья ада: мнѣ казалось—больше
Намъ помощи ужъ неоткуда ждать.
И вдругъ увидѣлъ новаго питомца...
Не правда ли, вѣдь до замѣны полной
Похожъ онъ на Шусаи? О, Тонами,
То указанье свыше. Сами боги
Спасти желаютъ молодого князя
И замѣстителя ему послали!
Злой духъ его намъ отдалъ въ руки. Пусть

Погибнетъ онъ. Мы голову его
Посланникамъ вручимъ взамѣнъ Шусаи!
Потомъ бѣжимъ отсюда. Поспѣшимъ
Границу за собой оставить. Тамъ,
Въ странѣ Каваши, молодому князю
И намъ бояться некого...

Тонами.

Ужасно!
Принуждены невинную пролить
Мы кровь едва расцвѣтшаго ребенка!
Но нѣтъ священнѣе на свѣтѣ долга,
Чѣмъ вѣрность господину,—еслибъ даже
Пришлось намъ въ жертву цѣлый міръ принесть!
Но если жертва будетъ безполезна?
Что, если кровь невинную прольемъ мы
Напрасно и безъ нужды? Вы сказали,
Что самъ Матсуо посланъ распознать
Лицо Шусаи,—онъ обманъ сумѣетъ
Открыть.

Генсо.

Тѣмъ хуже для него: онъ этимъ
Себѣ подпишетъ смертный приговоръ!
Слѣдить за нимъ внимательно я буду
И наготовѣ мечъ въ рукѣ держать!
Когда иного выхода не будетъ,—
Ударомъ уложу его на мѣстѣ,
Потомъ, какъ тигръ, на остальныхъ я брошусь
И выгоню ихъ вонъ, или погибну,
Чтобъ господина въ міръ иной и лучшій
Сопровождать, какъ преданный слуга!
Но вѣрю я, что планъ удастся. Дѣти
Похожи другъ на друга, какъ два брата,
А если между ними есть различья,
То смерть сотретъ ихъ... Больше я боюсь
Прихода матери! Вернуться можетъ
Она не во-время и, шумъ поднявъ,
Побѣгу помѣшать... Тогда должна
Погибнуть и она!

Тонами.

Какое горе!

Ее занять могу я разговоромъ,
Отвлечь попробую...

ГЕНСО.

Нѣтъ, нѣтъ! Напрасно!
Отъ поселянъ она узнать успѣла
Навѣрное о томъ, что здѣсь творится
И сына будетъ требовать отъ насъ!
Но нами слишкомъ много ужъ на карту
Поставлено,—мы рисковать не можемъ,—
И ежели не во-время придетъ
Она, то больше не уйдетъ отсюда!

ТОНАМИ.

Такъ дьяволами быть намъ суждено!
(*Плачетъ*). О, мать несчастная! Въ недобрый часъ
Тебя твой злобный генiй къ намъ направилъ,
Чтобъ въ руки намъ довѣрчиво отдать
Свое сокровище... Ему мы сами
Должны бы замѣнить отца и мать—
И сдѣлались его мы палачами!

(Рыдаетъ, закрывшись рукавомъ. Съ улицы доносится шумъ приближающихся голосовъ. Кто-то снаружи отодвигаетъ дверь. Виденъ переднiй дворъ).

ЯВЛЕНIЕ VI.

(ГЕМБА *входитъ; за нимъ—въ закрытомъ паланкинѣ—несутъ* МАТСУО. *Во дворѣ видна толпа крестьянъ, которые униженно кланяются обоимъ вельможамъ. Прежнiе*).

НѢКОТОРЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Ахъ, высокородные господа, будьте милостивы! Наши дѣти тоже тамъ. Сжальтесь!..

1-ЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Мой сынокъ только теперь началъ писать. Ахъ, отпустите его!

2-ОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Тамъ мой внучекъ! Если ненарокомъ отрубите ему голову, то опять живымъ не сдѣлаете. Отдайте мнѣ его, благородный рыцарь!

3-ій крестьянинъ.

Пожалуйста, присмотритесь хорошенько. Мой мальчикъ точно такого же возраста, какъ и молодой господинъ. Ради неба, пустите меня,—я его возьму оттуда.

Многіе.

Впустите насъ, благородные рыцари!

Гемба.

Прочь, противная сволочь! Вы шумите, какъ навозныя мухи! Убирайтесь! Вашему глупому и грязному отродью ничего не сдѣлается! Забирайте своихъ щенятъ и уходите прочь! (*Отворачивается и громко смѣется*).—Это дурачье воображаетъ, что глупыя мужицкія рожи можно смѣшать съ лицомъ самурая. Хи, хи, хи!

Матсуо—(*выходитъ изъ паланкина и идетъ къ двери, опираясь на свой длинный мечъ*).

Не отпускайте ихъ такъ поспѣшно, Гемба. Отвѣтственность лежитъ на мнѣ, такъ какъ только я знаю мальчика въ лицо. Легко можетъ случиться, что одинъ изъ этихъ крестьянъ участвуетъ въ заговорѣ и выдастъ Шусаи за своего сына. (*Къ крестьянамъ*). Успокойтесь, добрые люди. Вызывайте вашихъ ребятъ по именамъ. Я хочу на нихъ посмотрѣть, а затѣмъ ихъ вамъ выдадутъ.

(Всѣ *въ одинъ голосъ выкликаютъ разныя имена*).

Матсуо.

Зовите по очереди.

1-ый крестьянинъ.

Хòма! Хòма!

Генсо—(*стоитъ у задней двери и вызываетъ мальчиковъ, выкликая тѣ же имена, что и крестьяне*).

Хòма, иди сюда!

Хòма—(*выходитъ*).

Здѣсь!

Матсуо—*(осматривая его).*

Онъ здорово запачкалъ себѣ лицо тушью. Но если вы его и умоете,—бѣлымъ не сдѣлаете. Пропустите его: это не тотъ. *(Первый крестьянинъ беретъ мальчика за руку и уводитъ).*

2-ой крестьянинъ.

Ивама здѣсь? Ивама!

Ивама—*(выходитъ).*

Да, дѣдушка, я здѣсь!

Матсуо.

Веселый паренекъ. Круглый и свѣжій, какъ будто сейчасъ только вылупился изъ яйца. Маршъ!
(2-й крестьянинъ беретъ мальчика на плечи и уходитъ).

3-ій крестьянинъ.

Дитятко, мой милый мальчикъ!

Мямля.

Здѣсь! Понеси меня на спинѣ, папка! Хочу на спинѣ!—*(Реветъ).*

3-ій крестьянинъ.

Ну, ладно! Только не плачь!

Гемба.

Относительно этого лошака врядъ ли потребуется ваше мнѣніе, Матсуо. Вотъ кто дѣйствительно похожъ на принца! Ха, ха, ха! А старикъ-таки посадилъ верзилу къ себѣ на плечи и уходитъ словно кошка, которой удалось стащить кусокъ сушеной рыбы.

4-ый крестьянинъ.

Такусанъ, Такусанъ! Ради неба, не смѣшайте его съ господиномъ Шусаи. Онъ красивый мальчикъ, господинъ рыцарь.
(Такусанъ пытается проскользнуть, но Матсуо крѣпко удерживаетъ его).

Матсуо.

Стой, паренекъ, стой! Развѣ совѣсть у тебя не чиста? Дай-ка хорошенько на тебя посмотрѣть. Лицо, какъ дыня, бѣлъ—ого! (*Присматривается къ нему*).—Фу, запачканъ! Бѣги во всѣ лопатки! *(Даетъ ему подзатыльникъ).*

Гемба—*(нетерпѣливо).*

Зовите, Генсо, всѣхъ остальныхъ сразу. Послѣ того, что я видѣлъ, я бы самъ взялся опредѣлить настоящаго. На картофельномъ полѣ растетъ только картофель.

(Генсо *зоветъ трехъ остальныхъ.* Матсуо *и* Гемба *мелькомъ осматриваютъ ихъ и отпускаютъ. Крестьяне уходятъ. Выдвижная дверь закрывается.* Гемба *и* Матсуо *садятся противъ* Генсо).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГЕМБА, МАТСУО, ГЕНСО, ГОНАМИ.

Гемба.

Теперь приступимъ къ дѣлу. Генсо, ты
Намъ клятву далъ Шусаи обезглавить.
Чего-жъ ты медлишь? Къ дѣлу!

Генсо—*(спокойно).*

Вы хотите,
Чтобъ сына суверена приволокъ
Я къ вамъ за шиворотъ, какъ собачонку,
И голову ему свернулъ?—Постойте
И дайте дѣло сдѣлать не спѣша!
(Поднимается, чтобы уйти въ заднюю дверь).

Матсуо.

Минуту подожди!—*(испытующе смотритъ на Генсо).*
Напрасно ты
Пытался-бъ обмануть насъ и съ Шусаи
Тайкомъ бѣжать. Обложенъ стражей домъ
И даже мышь не убѣжитъ отсюда!
Не думай также голову Шусаи
Другою замѣнить, въ надеждѣ праздной,
Что смерть, какъ ночь, различья уничтожитъ.
Повѣрь, что не обманешь насъ. Тебѣ,
Быть можетъ, пожалѣть придется,
Но слишкомъ поздно...

Генсо—*(сдержанно).*

Лишнія заботы
Тебѣ сберечь не лучше-ль для себя?
Не безпокойся, принесу сюда

Я подлинную голову. Повѣрь,
Что даже твой потухшій взоръ
Ее тотчасъ узнаетъ...

Гемба—(*нетерпѣливо*).

Словъ довольно!
Скорѣй, скорѣе къ дѣлу!

(Генсо *беретъ отъ* Гемба *деревянную коробку для отрубленной головы и уходитъ въ заднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Прежніе, кромѣ ГЕНСО.

(Тонами *въ ужасѣ прислушивается.* Матсуо *испытующе осматриваетъ комнату и сосчитываетъ пульты и ящики дѣтей*).

Матсуо.

Очень странно!
Ихъ семеро вѣдь было, чертенятъ,
Которыхъ мы недавно отпустили,
А пультовъ тамъ въ углу я вижу восемь.
(Къ Тонами). Не объясните-ль намъ, чей это пультъ? (*указываетъ на пультъ Котаро*).

Тонами—(*въ тревогѣ*).

Питомца новаго... Ахъ, что за вздоръ
Болтаю я... Нѣтъ новаго питомца
У насъ... То Кванъ-Шусаи пульты. Клянусь,
Повѣрьте...

Матсуо.

Хорошо! Оставимъ это.
Однако, Генсо что-то слишкомъ долго
Не возвращается. Мнѣ ожиданье
Невыносимо: утомленъ я очень.

(*За сценой слышенъ стукъ падающаго тѣла.* Матсуо *чуть замѣтно вздрагиваетъ.* Тонами *хочетъ броситься въ сосѣднюю комнату, но замираетъ на мѣстѣ.* Генсо *входитъ и ставитъ закрытую коробку къ ногамъ* Матсуо).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе и ГЕНСО.

Генсо.

Приказъ исполненъ вашъ. Вотъ голова!
Вглядитесь, господинъ Матсуомаро,
Внимательно, чтобъ не было ошибки...

(Садится въ сторонѣ и слѣдитъ за Матсуо, положивъ руку на мечъ).

Матсуо.

Теперь прошу вниманья!

(Къ стражѣ, которая по знаку Гембы *вошла въ комнату).*

Станьте тамъ!

(Указываетъ на мѣсто, за спиной Генсо*).*

И стерегите зорко ихъ обоихъ.

(Придвигаетъ къ себѣ коробку и съ закрытыми глазами снимаетъ крышку. Потомъ, словно пробуждаясь отъ сна, медленно раскрываетъ глаза, смотритъ на отрубленную голову и слегка касается ея рукой. По лицу его пробѣгаетъ выраженіе страданія. Окружающіе въ мучительномъ напряженіи. Послѣ паузы, въ стоическомъ спокойствіи).

Да, Кванъ-Шусаи это голова,
Безъ всякаго сомнѣнья...

(Закрываетъ коробку, Генсо *и* Тонами *облегченно вздыхаютъ и обмѣниваются быстрымъ взглядомъ).*

Гемба—*(встаетъ).*

Наконецъ-то!
Прекрасно вы держались, Генсо! Ваше
Заслуживаетъ поведенье похвалы!
Достойны были смерти вы за то,
Что укрывали канцлера врага.
Вы сами добровольно, безъ приказа
Уже давно должны были свершить,
Что сдѣлали теперь по принужденью.
Но вы вину загладили свою,
И я прощаю васъ. Пойдемте вмѣстѣ,
Любезнѣйшій Матсуо. Поспѣшимъ
Мы канцлеру почтительно принесть
Имъ ожидаемую радостную вѣсть.

Матсуо.

Да, торопитесь канцлеру скорѣй
Пріятное извѣстіе доставить.
Меня-жъ увольте: боленъ я, повѣрьте,
Гораздо больше, чѣмъ по мнѣ замѣтно.
Прошу васъ, извинитесь за меня
Предъ канцлеромъ...

Гемба.

Извольте! Какъ угодно!
Домой идите съ миромъ. Вы свой долгъ
Исполнили.

(Беретъ коробку и уходитъ вмѣстѣ со стражей. Вслѣдъ за нимъ уходитъ Матсуо, тяжело опираясь на мечъ, и садится въ паланкинъ. Его уносятъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

ГЕНСО и ТОНАМИ.

(Нѣкоторое время сидятъ неподвижно, смотря во слѣдъ уходящимъ. Потомъ Генсо *запираетъ дверь.* Тонами *молитвенно складываетъ руки и склоняется до земли. Пауза).*

Генсо.

Благодареніе Буддѣ!
Хвала богамъ! Небесъ благоволенье
Снискали намъ сегодня господина
Высокія заслуги и дѣла,
И поразили слѣпотой невольной
Глазъ дьявола, бѣдой намъ угрожавшій!
Жена, мы спасены! Нашъ князь спасенъ!
Да здравствуетъ Шусаи!

Тонами.

Какъ во снѣ,
Едва я вѣрить смѣю избавленью!
Да, канцлера духъ свѣтлый и священный
Взоръ помутилъ Матсуо,—или жертва
Сама намъ добрымъ геніемъ была,—
Но камень придорожный за алмазъ

Они сочли въ невольномъ ослѣпленьи...
Отъ всей души богамъ благодаренье!
(Стучатся въ дверь. Генсо и Тонами *вздрагиваютъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ШІО (сначала снаружи). Прежніе.

Шіо—*(снаружи).*

Отворите! Это я, мать вашего новаго воспитанника. Впустите меня!

Тонами—*(тихо).*

Ради неба, Генсо, это мать! Мы погибли. Что̀ дѣлать? Что̀ ей сказать?

Шіо.

Отворите же, отворите! *(сильно стучитъ въ дверь).*

Генсо—*(къ Тонами).*

Молчи, глупая женщина! Развѣ я этого не предвидѣлъ? Тише! И съ этой справимся. Такъ или иначе. *(Рѣзкимъ движеніемъ отстраняетъ Тонами, отворяетъ дверь и впускаетъ Шіо).*

Шіо—*(взволнованная).*

Ахъ, это вы, господинъ Тенебе Генсо, уважаемый учитель? Я сегодня привела къ вамъ своего мальчика,—гдѣ онъ? Надѣюсь, что онъ вамъ не въ тягость.

Генсо.

Нисколько. Онъ тамъ, въ задней комнатѣ, играетъ съ дѣтьми. Вы хотите его видѣть? Хотите проводить домой?

Шіо.

Да, да,—я хочу его взять съ собой.

Генсо.

Въ такомъ случаѣ, пойдемте. Прошу васъ, пройдите впередъ!
(Шіо *направляется къ двери;* Генсо *слѣдуетъ за нею и пытается ударить ее мечемъ. Она оборачивается и, увернувшись отъ удара, бросается къ пультамъ, хватаетъ ящикъ своего сына и имъ отражаетъ второй ударъ Генсо).*

Шіо.

Что̀ вы дѣлаете? Остановитесь!

Генсо *(еще разъ пытается ударить).*

Къ дьяволу!

(Ударъ разбиваетъ пультъ, изъ котораго выпадаетъ бѣлый саванъ, куски бумаги съ написанными на нихъ молитвами, похоронный флагъ и др. принадлежности погребенія).

Генсо—*(пораженный).*

Чортъ! Что̀ это такое? *(опускаетъ мечъ)*. Что̀ это значитъ?

Шіо—*(рыдая, падаетъ на колѣни.)*

О, господинъ, я заклинаю васъ, скажите: мой сынъ палъ жертвой? Жертвой за своего юнаго господина Кванъ-Шусаи? Заклинаю васъ, скажите мнѣ правду!

Генсо.

Вы сказали—жертва... вашъ сынъ—жертва!
Развѣ вы намѣренно?.. Вы его нарочно...

Шіо.

О, мой милый ребенокъ! Да, онъ принесенъ въ жертву, добровольно принесенъ, чтобы спасти жизнь суверена. Иначе, къ чему бы этотъ саванъ, эти молитвы, этотъ флагъ съ надписью: „Наму амида бутеу"?

Генсо.

Женщина, вы приводите меня въ ужасъ!
Ничего понять не могу: кто вы? Кто вашъ мужъ?

(Стучатъ въ дверь. Матсуо входитъ, запираетъ за собою дверь и торжественно опускается на землю).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе и МАТСУО.

Матсуо—*(цитируетъ строфы, сочиненныя канцлеромъ Мичисане [1]).*

„За мной моя слива умчалась,
А вишня изсохла по мнѣ.

---

[1]) См. предисловіе.

Ужели одной лишь соснѣ
Измѣна удѣломъ досталась?“
(Къ Шіо).—Жена! Благую вѣсть я приношу:
Котаро нашъ за господина умеръ!
(Шіо, *рыдая, бросается ницъ на землю).*
Подруга вѣрная и добрая моя!
О, мать несчастная! Излей въ слезахъ
Души святую скорбь... Простите, Генсо,
Намъ малодушія порывъ: сердца
Родителей свои права имѣютъ...

Генсо—*(удивленный и тронутый).*

Не знаю, наяву или во снѣ
Васъ вижу я... Матсуо, вы ли это,—
Мой кровный врагъ и Токигиры
Вѣрнѣйшій рабъ и преданный вассалъ?
Не вы-ль навѣки узы разорвали,
Связавшія васъ съ домомъ Мичисане?
И сами вы теперь родного сына...

Матсуо.

Мнѣ ваше удивленіе понятно!
О, жребій безпощадный и суровый,
Меня на путь неправедный толкнувшій!
Я сдѣлался вассаломъ господина,
Который все жестоко попиралъ,
Что я любилъ, что было съ колыбели
Священно мнѣ и дорого: семью,
Законнаго правителя, всѣхъ близкихъ
Моихъ дарившаго благодѣяньемъ,—
Отца и братьевъ... О, какъ тяжело
Упреки было слышать мнѣ въ измѣнѣ,
Звучавшіе кругомъ, со всѣхъ сторонъ!
Но измѣнить не могъ я ничего
Иначе, какъ нарушивъ клятвы святость!
И я въ страданьяхъ изнывалъ, что были,
Быть можетъ, за грѣхи мои возмездьемъ,
Содѣянныя въ жизни доземной...

Сносить не могъ я общаго презрѣнья
И совѣсти укоровъ. Чтобъ уйти

От службы ненавистной, притворился
Больнымъ я, объ отставкѣ умоляя.
И вотъ нежданно вѣсть распространилась,
Что у себя вы молодого князя
Скрываете. Тотчасъ же Токигира,
Побѣгъ его предупредить желая,
Отдалъ приказъ: немедленно врага
Схватить и обезглавить, а ему
Отрубленную голову представить.
Мнѣ, знавшему въ лицо Шусаи, онъ
Велѣлъ при казни быть, чтобъ головы
Я подлинность ему удостовѣрилъ.
Условіемъ отставки эта служба—
Увы!—была поставлена... И вотъ
При васъ сегодня я свой долгъ исполнилъ.
Хвала богамъ, что дали мнѣ возможность
Вину мою давнишнюю загладить
И преступленіе страданьемъ искупить!
Я зналъ, я былъ увѣренъ, что старанья
Возможныя употребите вы,
Чтобъ отрока высокаго спасти!
Но что̀ могли вы сдѣлать, Генсо? Путь
Къ побѣгу прегражденъ былъ сильной стражей
И обмануть дозоръ не удалось бы...
Тогда постигъ душою я, что время
Мое пришло! Принявъ рѣшенье, быстро
И подкрѣпленъ жены моей совѣтомъ,—
Несчастной, преданной и храброй Шіо,—
Я сына къ вамъ послалъ, богамъ
Его отдавъ, какъ жертву искупленья.
Когда-жъ пришелъ я, чтобъ итогъ подвесть,—
Я пульты сталъ считать... одинъ былъ лишній...
И понялъ я, что здѣсь Котаро мой,
У васъ... и что̀ мнѣ предстоитъ...
„Ужели одной лишь соснѣ
Измѣна удѣломъ досталась?“
Звукъ этихъ словъ преслѣдовалъ меня,
Гдѣ-бъ ни былъ я, куда-бъ ни обращался!
Казалось, самый воздухъ мнѣ шепталъ
Съ укоромъ: „Ты предатель!.. Ты предатель!“...
Нѣтъ словъ, чтобъ передать, какъ я страдалъ,
Какую муку я въ душѣ носилъ!

Когда-бъ я сына не имѣлъ, со славой
Теперь погибшаго во искупленье
Моихъ грѣховъ,—я поношеньемъ вѣчнымъ
Для міра былъ бы,—я и весь мой родъ!
Мой милый сынъ! Спаситель нашей чести!

Шіо.

Спаситель нашей чести! Это слово
Пусть будетъ чистымъ жертвоприношеньемъ
Ребенка памяти святой. Да осѣнитъ
Оно его за гранью жизни свѣтлымъ
Сіяніемъ... Какъ больно было мнѣ
Его покинуть, уходя отсюда,—
Оставить въ пасти смерти... Горе мнѣ!
О, дайте мертвое обнять мнѣ тѣло!
Въ послѣдній разъ прижать къ груди мнѣ дайте
Мое дитя... Увы! въ послѣдній разъ!

Тонами—(*приближаясь къ Шіо*).

Родимая! Отъ глубины души
Я съ вами ваше горе раздѣляю
Безмѣрное. Когда я вспоминаю
Слова, которыя вашъ сынъ покойный
Къ учителю съ мольбою обращалъ:
„Привѣтъ вамъ, мой наставникъ! Буду вамъ
Я преданъ и послушенъ!“—
Душу мнѣ
Смертельный холодъ леденитъ! Чужая
Вѣдь я ему! Что-жъ чувствовать должна
Родная мать?

Матсуо.

Подруга дорогая,
Своимъ тяжелымъ горемъ овладѣй!
Должно снести съ безропотнымъ смиреньемъ
Ниспосланное небомъ испытанье!
Онъ зналъ, мой добрый Генсо, что идетъ
Сюда на смерть,—я самъ ему сказалъ.
И этотъ отрокъ, нѣжный, какъ былинка,—
Но духомъ самурай неустрашимый,—
Пошелъ по доброй волѣ на закланье!
Скажите, какъ онъ умеръ? О пощадѣ
Молилъ ли онъ?

Генсо.

Онъ умеръ, какъ герой!
И зрѣлый мужъ, испытанный въ бояхъ,
Смѣлѣе въ очи смерти не глядѣлъ бы!
Когда я вынулъ мечъ и грозно въ ухо
Ему шепнулъ, что умереть онъ долженъ
Сейчасъ, на этомъ мѣстѣ,—онъ покорно,
Спокойно и съ улыбкой на устахъ
Подставилъ шею мнѣ, чтобы смертельный
Принять ударъ!

Матсуо.

О, храброе дитя!
Мой вѣрный, добрый сынъ! Такой же смертью
Палъ доблестный мой братъ за господина,
Присягѣ вѣрный. Радостно ихъ будетъ
За гранью жизни свѣтлое свиданье,
И велика награда... (*Рыдаетъ*) Мнѣ простите,
Не въ силахъ больше сдерживать я слезъ...
(*Плачетъ; всѣ рыдаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

КВАНЪ-ШУСАИ входитъ; вскорѣ за нимъ его мать. Прежніе.

Шусаи.

Ужель изъ-за меня такъ много горя?
Зачѣмъ же раньше вы мнѣ не сказали,
Что палачамъ я нуженъ? Никогда
Не допустилъ бы я, чтобъ за меня
Кого-нибудь убили! Сколько горя!
Какой позоръ!

(*Плачетъ, закрывшись рукавомъ. Всѣ продолжаютъ рыдать.* Матсуо *идетъ къ двери и подаетъ знакъ наружу. Потомъ возвращается*).

Матсуо.

Мой юный господинъ!
Я къ вамъ пришелъ съ подаркомъ драгоцѣннымъ:
Взгляните!

(*Показываетъ на дверь. Вносятъ закрытый паланкинъ, изъ котораго выходитъ мать* Шусаи).

Шусаи.

Мама! Дорогая мама!

Мать Шусаи.

Мой сынъ! Мой сынъ!

Генсо—(*послѣ паузы, радостно изумленный*).

Что̀ вижу я? Глазамъ
Своимъ не вѣрю. Госпожа моя,
Вы-ль это? О, какое счастье! Всюду
Мы васъ давно искали, но найти
Васъ не могли. Казалось, навсегда
Исчезли вы. О, гдѣ же, гдѣ вы были?

Матсуо.

Я разскажу вамъ все въ словахъ немногихъ.
Когда тиранъ жестокій истребленьемъ
Сталъ дому Сугавары угрожать,
Я тайно въ Сагу госпожу отправилъ.
Когда же сталъ пріютъ врагамъ извѣстенъ,
Я въ одѣяньи нищаго монаха
Пробрался самъ туда и госпожу
Сюда привезъ. Но здѣсь ей оставаться
Нельзя. Поэтому къ отъѣзду, Генсо,
Скорѣе приготовьтесь: поспѣшимъ
Границу перейти. Въ странѣ Каваши
Насъ встрѣтитъ дочь высокой госпожи,
Которая въ тревогѣ ждетъ и брата,
И мать. Такъ соберитесь: промедленье
Малѣйшее намъ гибелью грозитъ!

А мы, жена, послѣдній долгъ прощальный
Родительскій ребенку отдадимъ:
Свершимъ обрядъ надъ тѣломъ погребальный
И жертвоприношенья совершимъ!

(Тонами *приноситъ завернутый въ саванъ трупъ.* Матсуо *и* Шіо *снимаютъ верхнее платье, подъ которымъ оказывается бѣлое траурное одѣяніе*).

Генсо.

Матсуо, нѣтъ! Мы быть должны безъ сердца,

Чтобъ вамъ однимъ, родителямъ, согбеннымъ
Подъ тяжестью неслыханнаго горя,
Заботы объ усопшемъ предоставить!
Жена и я...

МАТСУО.

Позвольте, Генсо, мнѣ
Все сдѣлать до конца. (*Значительно*). Я хороню
Теперь не сына своего, а князя!..

(*Беретъ трупъ и уноситъ его. Остальные съ громкими рыданіями слѣдуютъ за нимъ.*)

ЗАНАВѢСЪ.

П. МЕЖЕРИЧЕРЪ.

ГАБРІЕЛЬ ТАРДЪ

И

ЕГО СОЦІОЛОГИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА

Въ маѣ 1904 года умеръ въ Парижѣ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей нашего времени, талантливый новаторъ въ области соціологіи—Габріель Тардъ. Смерть его прошла у насъ почти незамѣченной, несмотря на то, что важнѣйшія его сочиненія переведены на русскій языкъ, и можно было бы думать, что большая часть его идей должна представлять особый интересъ и особое значеніе также и для нашей публики. Основной его задачей было доказательство значенія личности въ созиданіи общественныхъ формъ и общественнаго прогресса, а его основной антипатіей была та сторона ученій нѣкоторыхъ соціологовъ, которая отрицала это значеніе, считая прогрессъ автоматическимъ процессомъ, независимымъ отъ мысли и воли человѣка. Эти же идеи и антипатіи лежали въ основѣ нашей „субъективной соціологіи", которая пользовалась у насъ популярностью не безъ причины. Эта популярность коренилась въ глубокой потребности общества сбросить съ себя историческія путы русской инертности, которыя всегда заставляли насъ ожидать всякихъ благъ откуда угодно, но только не отъ усилій *личной* и общественной дѣятельности. Субъективная соціологія стремилась пробудить въ русскомъ человѣкѣ вѣру въ личныя усилія и энергію. И вотъ, казалось, что намъ долженъ быть дорогъ Тардъ, работавшій для той же задачи. Въ широкой публикѣ онъ былъ извѣстенъ преимущественно, если не исключительно, какъ авторъ

теоріи подражанія и психологіи толпы, а между тѣмъ, его важнѣйшія заслуги лежатъ далеко не въ этомъ.

Принимая все это во вниманіе, я думаю, что будетъ весьма не лишнимъ дать читателямъ обзоръ основныхъ и особенно оригинальныхъ идей этого мыслителя.

Начнемъ съ нѣсколькихъ біографическихъ и библіографическихъ данныхъ.

Тардъ родился въ 1843 г. и началъ свою общественную карьеру службой по судебному вѣдомству въ небольшомъ городкѣ Сарла (Sarlat). Здѣсь, уединенно, путемъ лишь обширнаго и многосторонняго чтенія, онъ настолько изучилъ философію и общественныя науки, что въ 1880 г. выступилъ въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ философскихъ журналовъ, „Revue Philosophique", съ весьма оригинальной статьей: „Вѣрованія и идеи, возможность ихъ измѣренія". Какъ увидимъ дальше, основная мысль этой статьи, выраженная въ самомъ заглавіи, была впослѣдствіи краеугольнымъ камнемъ всей его системы, со стороны ея притязаній на строго научный методъ.

За этой статьей послѣдовалъ рядъ другихъ, обратившій вниманіе спеціалистовъ на молодого ученаго. Онъ былъ приглашенъ въ Парижъ на должность директора статистическаго бюро въ министерствѣ юстиціи, а въ концѣ 1899 г. мы видимъ его профессоромъ новой исторіи въ „Collège de France", послѣ чего, черезъ два года, онъ избранъ членомъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Капитальнѣйшими изъ его произведеній можно считать: „Законы подражанія" (Les lois d'imitation), „Соціальные законы" (Les lois sociales) и „Соціальную логику" (La logique sociale); остальныя его сочиненія представляются развитіемъ и примѣненіемъ къ различнымъ областямъ науки основныхъ принциповъ, изложенныхъ и обоснованныхъ въ этихъ капитальныхъ работахъ. Всѣ три переведены на русскій языкъ. Послѣднее изъ нихъ вышло у насъ въ 1901 г., то-есть, черезъ шесть лѣтъ послѣ появленія его во Франціи [1]). За два года до выхода въ свѣтъ „Соціальной логики", Тардъ напечаталъ работу, вызвавшую подражанія, „La foule criminelle". Особенно живой интересъ представляетъ его позднѣйшее сочиненіе, вышедшее въ 1901 г., „Толпа и мнѣніе" (La foule et l'opinion), въ которомъ опредѣляется различіе толпы и ея настроеній отъ того, что извѣстно

[1]) Отдѣльныя главы его были изложены мною ранѣе въ русскихъ журналахъ тотчасъ по ихъ появленіи въ „Revue Philosophique", а двѣ главы (8-я о политической экономіи и 9-я—объ искусствѣ) выпущены тогда же отдѣльными брошюрами.

подъ названіемъ общественнаго мнѣнія, и указывается благодѣтельное значеніе этого послѣдняго, когда оно развилось.

Изъ нѣсколькихъ юридическихъ сочиненій Тарда, отличающихся оригинальностью какъ исходныхъ точекъ, такъ и выводовъ, слѣдуетъ упомянуть „Преобразованія права“ (Les transformation du droit), имѣющее характеръ не столько юридическій, какъ философско-историческій: трансформаціи права разсматриваются въ немъ, какъ доказательства односторонности и ошибочности теорій тѣхъ эволюціонистовъ, которые считаютъ эволюцію всѣхъ общественныхъ формъ единымъ прямолинейнымъ процессомъ.

Наконецъ, сочиненіе „Соціальные законы“ представляетъ гносеологическое и методологическое обоснованіе теорій Тарда. Это сочиненіе вышло у насъ въ двухъ переводахъ, изъ которыхъ послѣдній помѣщенъ въ сборникѣ „Соціальные этюды“, изданіе Павленкова, куда вошли также: „Толпа и публика“, „Преступность толпы“ и „Трансформація власти“.

Мое изложеніе я поведу не по каждому изъ сочиненій Тарда въ отдѣльности, а по логической связи его важнѣйшихъ основныхъ идей, такъ, чтобы читатель увидѣлъ ихъ общую картину въ ея цѣломъ. Начну съ теоріи подражанія.

I.

Теорія подражанія.

Подражаніе есть связующее начало или цементъ общества. Во-первыхъ, оно связываетъ его съ прошлымъ; вѣдь мы подражаемъ предкамъ, пріобрѣтая съ дѣтства и повторяя ихъ языкъ, понятія, вѣрованія, знанія, искусство, мораль, право, религію и т. п. Во-вторыхъ, мы подражаемъ современникамъ или ихъ группамъ, безъ чего не было бы общественнаго „единства“ въ данную эпоху. Наконецъ, въ-третьихъ, подражаніе является важнѣйшимъ факторомъ прогресса, такъ какъ изобрѣтенія или новшества всякаго рода, начиная съ техническихъ и кончая идейными, религіозными и т. п., распространяются, главнымъ образомъ, путемъ подражанія, т.-е. повторенія извѣстнаго дѣйствія или мысли, или образца безчисленнымъ количествомъ лицъ. „Если мы живемъ соціальной жизнью, — говоритъ Тардъ, — то во всемъ, что̀ бы мы ни говорили, что̀ бы мы ни дѣлали и что̀ бы ни думали, мы каждый моментъ подражаемъ кому-нибудь“. Исклю-

ченіе составляютъ тѣ рѣдкіе случаи, когда мы вносимъ что-нибудь новое отъ себя. Но и это новое,—какъ мы увидимъ далѣе,—есть всегда лишь комбинація старыхъ образцовъ. „Вы не можете сказать ни одного слова, которое,—хотя оно теперь стало произноситься безсознательно,—не было бы когда-нибудь сознательнымъ и желаемымъ воспроизведеніемъ членораздѣльныхъ звуковъ, имѣвшимъ мѣсто въ глубокой древности. Исполняя какой-нибудь обрядъ вашей религіи, читая молитву, крестясь, вы воспроизводите по традиціи (т.-е. копируете у предковъ) рядъ опредѣленныхъ жестовъ и формулъ. Нельзя отдать никакого приказа — военнаго или гражданскаго, нельзя ничего сдѣлать въ какомъ-нибудь ремеслѣ, чему бы не предшествовало нѣкоторое знаніе или обученіе, а слѣдовательно, что̀ не было бы до извѣстной степени копіей съ какой-нибудь существующей модели или образца. Художникъ не можетъ сдѣлать ни одного мазка кистью, поэтъ не напишетъ ни одного стиха, которые не согласовались бы или не соображались съ обычаемъ или просодіей той или другой школы; самая ихъ оригинальность есть только накопленная (аккумулированная) банальность и въ свою очередь стремится сдѣлаться банальностью".

Послѣдняя фраза опирается на рядъ предшествующихъ доказательствъ того положенія, что даже самое изобрѣтеніе есть въ сущности подражаніе, но оно отличается отъ простого подражанія тѣмъ, что даетъ прежнимъ изобрѣтеніямъ новыя сочетанія, новыя взаимныя „приспособленія" (терминъ Тарда, съ которымъ еще встрѣтимся). Новыя изобрѣтенія становятся въ свою очередь центрами, изъ которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ расходятся „лучи подражанія" въ разныя стороны въ томъ же обществѣ или отъ одного общества къ другому. „Лучами" называетъ ихъ Тардъ потому, что они имѣютъ большое сходство съ распространеніемъ свѣта или звука отъ одной частички какой-нибудь среды къ другой,—отъ человѣка къ человѣку, отъ группы къ группѣ.

Подобно повторенію волнъ свѣта или звука, представляющихъ точныя копіи съ одного начальнаго движенія одной частички вещества другими частичками, новая идея или способъ поведенія, вообще всякое изобрѣтеніе, повторяются отъ человѣка къ человѣку безконечное число разъ. Но это не все сходство между ними. Физическіе процессы волнообразныхъ или вибраціонныхъ движеній, если ихъ распространеніе представить въ видѣ лучей, идущихъ изъ соотвѣтственнаго центра, и если существуетъ нѣсколько центровъ, интерферируютъ, сталкиваются

съ волнами или лучами, идущими изъ другого центра: если волны совпадаютъ своими вершинами, онѣ усиливаютъ другъ друга; если наоборотъ, то онѣ или ослабляютъ, или даже уничтожаютъ другъ друга; наконецъ, сочетаніе двухъ волнъ, напримѣръ, звуковыхъ, можетъ дать новые гармоническіе звуки, тембры и проч. Такая же интерференція происходитъ и съ лучами подражанія, расходящимися отъ изобрѣтеній. Столкновенія „лучей изобрѣтенія“ прежде, чѣмъ стать общественнымъ явленіемъ, должны совершиться въ умѣ одного и того же человѣка: сперва именно здѣсь происходитъ схожденіе двухъ идей или изобрѣтеній. Результатомъ этого можетъ быть или подавленіе старой идеи, или ея усиленіе и побѣда надъ новой (напримѣръ, когда новая идея не только не вызываетъ согласія, но, наоборотъ, усиливаетъ увѣренность въ старой идеѣ или вызываетъ фанатическую защиту ея). Наконецъ, обѣ идеи могутъ такъ сочетаться, дать такую новую гармонію, такое новое приспособленіе, что мы получаемъ *изобрѣтеніе*. И, смотря по тому, чѣмъ окончился процессъ интерференціи въ отдѣльномъ мозгу, его результатъ выступитъ и въ окружающую общественную среду, продолжая лучи подражанія въ той или иной формѣ. И опять, тѣ умы, въ которые войдетъ тотъ или иной лучъ, переживутъ тотъ же процессъ интерференціи, чтобы передать его результаты далѣе.

Такъ какъ при этомъ каждый умъ становится центромъ лучеиспусканія, то очевидно, что еслибы распространеніе лучей какого-нибудь новаго изобрѣтенія между мозгами не встрѣчало препятствій, то это изобрѣтеніе распространялось бы со скоростью, опредѣляющейся геометрической прогрессіей. Однако такіе случаи чрезвычайно рѣдко встрѣчаются. Для этого общество должно было бы быть однороднымъ или обладать всеобщей потребностью въ данномъ изобрѣтеніи. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ возможна задержка, происходящая, напр., отъ одновременнаго появленія какого-нибудь другого изобрѣтенія, удовлетворяющаго той же потребности и т. п.

Пока схожденіе или интерференція лучей изобрѣтенія или двухъ желаній, намѣреній, плановъ дѣйствія и т. п. происходитъ въ индивидуальномъ мозгу, она составляетъ фактъ, изучаемый индивидуальной психологіей. Когда же схожденіе лучей происходитъ между двумя мозгами, то мы имѣемъ фактъ, изучаемый психологіей соціальной. Соотвѣтственно этому, и логика будетъ или индивидуальной, или соціальной. Соціальная психологія, какъ и соціальная логика, начинаетъ отдѣляться отъ индивидуальной логики и психологіи въ тотъ моментъ, когда передъ

нами „пара мозговъ“, изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ на другой, а послѣдній воспринимаетъ это дѣйствіе. Такое взаимодѣйствіе пары мозговъ есть элементарный фактъ соціальной психологіи. Всѣ остальныя формы дальнѣйшаго процесса распространенія лучей подражанія будутъ лишь повтореніями и сложными сочетаніями этого элементарнаго факта, который при дальнѣйшемъ его изслѣдованіи сводится на еще болѣе элементарныя единицы, доступныя уже количественному измѣренію. Здѣсь-то и выступаетъ та мысль Тарда, которую онъ развилъ въ самой первой работѣ— „Вѣрованія и идеи, возможность ихъ измѣренія“. Прогрессъ всѣхъ наукъ состоялъ именно въ постепенномъ приближеніи къ открытію такого элементарнаго факта, повторяющагося правильно во всѣхъ явленіяхъ (тяготѣніе въ астрономіи, клѣточка въ біологіи, вибраціи и волны въ физикѣ), давая наукамъ возможность перейти къ законамъ количественнымъ, вмѣсто качественныхъ, къ законамъ и обобщеніямъ точнымъ [1]), вмѣсто смутныхъ и ошибочныхъ идей, какія отыскивала первобытная мысль, а затѣмъ и метафизика.

Подражаніе въ сущности и есть *повтореніе*, но именно та форма повторенія, которая свойственна только соціальной жизни [2]).

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ „Соціальныхъ законовъ“, изданномъ Павленковымъ, вкралась важная ошибка въ этомъ мѣстѣ. Тамъ говорится: „на мѣсто туманныхъ количественныхъ противоположеній были поставлены качественныя точныя и мѣрныя“. Въ подлинникѣ какъ-разъ наоборотъ: „на мѣсто туманныхъ качественныхъ (qualitatives) были поставлены точныя и мѣрныя количественныя (quantitatives)“. Впрочемъ, кромѣ этого недосмотра, переводъ очень хорошъ.

[2]) Когда извѣстный психологъ Балдуинъ замѣтилъ, что подражаніе не есть фактъ только соціальный, что оно имѣетъ мѣсто и въ психологической индивидуальной жизни, напримѣръ, въ томъ, что мы повторяемъ, какъ бы подражая себѣ самимъ, извѣстные наши поступки или идеи и чувствованія, образуя изъ нихъ привычки, которыя въ свою очередь являются для насъ источниками повторенія или самоподражанія, — Тардъ замѣтилъ на это слѣдующее: онъ ничего не имѣетъ противъ обобщенія соціальнаго факта подражанія съ „повторностью“ въ психологіи и біологіи. Онъ готовъ идти даже дальше и обобщить подражаніе съ „повтореніями“ въ области физическихъ и неорганическихъ явленій, какъ, напримѣръ, повтореніе всѣми планетами движеній по эллипсу, повтореній атомами эѳира свѣтовыхъ движеній (свѣтовыя волны), или частицами воздуха—движеній звуковыхъ волнъ и т. д. Ему, какъ соціологу, важно было изслѣдовать этотъ законъ повторяемости въ области соціальныхъ явленій, гдѣ онъ проявляется, *какъ подражаніе*; профессору Балдуину тотъ же законъ былъ интересенъ, какъ психологу, въ области психическихъ и біологическихъ явленій, какъ *привычка, наслѣдственность* и т. п. Другое возраженіе (сдѣланное американскимъ соціологомъ Гиддинсомъ), состоящее въ томъ, что подражаніе выходитъ за предѣлы общества, такъ какъ подражать другъ другу могутъ два общества, враждующія другъ съ другомъ, и даже во вредъ одно другому (перенимая, напримѣръ, военныя изобрѣтенія, пріемы и хитрости), по мнѣнію Тарда, не есть возра-

Именно оно-то, а не національность, не религія, не языкъ являются цементомъ, связующимъ общества, такъ какъ мы видимъ нерѣдко, что государство объединено, несмотря на то, что входящіе въ него члены различны и по національности, и по языку, и по религіямъ; не менѣе ошибочны теоріи, видящія въ обществѣ продуктъ договора, услуги или, наоборотъ, принужденія: мы видимъ общеніе между людьми безъ договора, видимъ общественныя группы, не только не оказывающія услугъ другъ другу, но и вредящія другъ другу (конкурренты); наконецъ, множество отношеній между членами общества держится не на принужденіи, не на отношеніи подчиненнаго къ начальнику или хозяина къ работнику, или педагога, дѣйствующаго принужденіемъ, къ ученику, подчиняющемуся ради страха. Многіе соціологи отрицаютъ за личнымъ почином всякую творческую роль въ учрежденіяхъ и общественныхъ дѣлахъ, объясняя единство идей, вѣрованій, обычаевъ и права въ обществѣ принудительнымъ дѣйствіемъ коллективнаго цѣлаго на индивидуумъ. Но авторы такихъ теорій не объясняютъ того, *какъ же образовалась сама эта коллективная сила*, то-есть, коллективное единство требованій и принужденій,—какъ создалась эта общая ассимиляція? „Отвѣтить на этотъ вопросъ,—говоритъ Тардъ,—можно, только доведя анализъ до того пункта, до котораго довелъ его я,—до отношеній между двумя умами, до отраженія однимъ изъ нихъ другого. Только на этой почвѣ можно будетъ объяснить себѣ это общеніе умовъ, эти частныя единогласія, эти заговоры сердецъ, которые, разъ создавшись и установившись, черезъ традицію и подражаніе предкамъ, оказываютъ уже *затѣмъ* столь часто тираническое, но еще чаще спасительное вліяніе на индивидуумъ". „Ребенокъ,—говоритъ онъ (въ примѣчаніи къ этому отрывку),—который всегда обращается къ другимъ лицамъ, какъ цвѣтокъ къ солнцу,—испытываетъ на себѣ *притягательную силу* родной среды гораздо больше, чѣмъ *принужденіе*".

И вотъ, именно „это отношеніе и долженъ изучать соціологъ, какъ астрономъ изучаетъ зависимость между двумя массами, притягивающими и притягиваемыми. Здѣсь онъ долженъ искать формулъ нѣсколькихъ простыхъ законовъ, вѣрныхъ всегда и

женіе. Самъ Гиддинсъ въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что военныя заимствованія націй другъ у друга ведутъ въ грядущемъ къ невозможности войнъ, а потому являются факторами возрастающаго *обобществленія самихъ націй*, ихъ единенія и сочетанія въ болѣе крупные общественные союзы. Значитъ, и въ этомъ случаѣ подражаніе является факторомъ соціальнымъ.

вездѣ, и подмѣчаемыхъ нами въ кажущемся хаосѣ исторіи и человѣческой жизни".

„Эта концепція,—поясняетъ Тардъ,—въ общемъ почти совершенно противоположна концепціи прямолинейныхъ эволюціонистовъ: они объясняютъ малое большимъ, подробности общимъ, видя въ прогрессѣ что-то въ родѣ *принужденія со стороны „закона эволюціи"*, благодаря которому явленія общаго должны воспроизводиться и повторяться извѣстнымъ образомъ, въ извѣстномъ порядкѣ. Я же объясняю *общее* и массовое совокупностью *мелкихъ* элементарныхъ дѣйствій".

Мы видѣли, что элементарнымъ фактомъ соціальной жизни Тардъ считаетъ вліяніе двухъ мозговъ другъ на друга. Но анализъ идетъ дальше: это вліяніе, какъ и *вся психическая жизнь индивидуума, опредѣляется двумя общими для всѣхъ „элементарными психическими силами"*: „желаніемъ" и „увѣренностью" (или „вѣрой"). Напримѣръ, именно увѣренность и желаніе даютъ возможность свести всѣ явленія общества на измѣримыя количественно единицы: такъ, статистика рыночныхъ цѣнъ, биржевыхъ повышеній и пониженій, статистика браковъ, рожденій, преступленій и т. д. возможны только потому, что подъ всѣми этими явленіями, столь разнообразными, лежитъ нѣчто единое, однородное (вѣдь сумма можетъ быть составлена только изъ однородныхъ величинъ или единицъ). И вотъ, напримѣръ, статистика браковъ указываетъ намъ на *сумму желаній* въ обществѣ даннаго времени избрать извѣстный образъ жизни и *сумму увѣренности* въ добрыхъ его результатахъ; статистика биржи или рыночныхъ цѣнъ показываетъ на *сумму желаній* (потребностей) общества въ различнаго рода предметахъ и цѣнностяхъ и *сумму довѣрія* къ нимъ; статистика преступленій говоритъ намъ о *суммѣ желаній*, осуществляемыхъ преступленіемъ, и о *степени вѣры* народа въ возможность удовлетворить этимъ желаніямъ законнымъ путемъ и т. д.

Но кромѣ этого общаго элемента, открываемаго статистикой, она намъ открываетъ и другое: *одновременное присутствіе во многихъ умахъ и воляхъ однихъ и тѣхъ же увѣренностей и одинаковыхъ желаній*. Какъ объяснить эту согласованность воль и умовъ? О принужденіи тутъ не можетъ быть рѣчи: Коллективное принужденіе ничего не объясняетъ, какъ мы уже видѣли, потому что само требуетъ объясненія своего единства. Быть можетъ, объясненія нужно искать въ географическихъ условіяхъ и наслѣдственности? Но и эти условія, и наслѣдственность могутъ закладывать въ насъ только *общія побужденія*, т.-е. воз-

можности. Самое же *осуществленіе возможностей* способно быть безконечно разнообразнымъ. Что же сводитъ эти возможности къ одной опредѣленной точкѣ? Въ первобытномъ обществѣ это былъ *примѣръ* или *указаніе* перваго иниціатора; въ наше время—примѣры или указанія, идущія или отъ современниковъ, или отъ этихъ забытыхъ первыхъ иниціаторовъ. Ребенокъ начинаетъ говорить и дѣйствовать такъ, какъ говорятъ и дѣйствуютъ его близкіе—„онъ" или „она"; „онъ" и „она" сами начинали съ того же. Позднѣе это „онъ" или „она" переходитъ въ „они" или „другіе", но это тоже—„онъ" и „она", только усложненные и перепутанные, суммированные и потому смутные. Что такое, напримѣръ, общественное мнѣніе, играющее такую важную роль въ нашемъ поведеніи, какъ не такое суммированное и смутное сплетеніе безчисленныхъ „онъ" и „она", которымъ мы стремимся подражать потому, что „вѣримъ" въ цѣлесообразность всего, исходящаго отъ „многихъ", или отъ „высшихъ слоевъ", или потому, что „желаемъ" избѣжать косыхъ взглядовъ и улыбокъ, или, наконецъ, просто потому, что „привыкли" поступать, какъ всѣ, то-есть, повторять, воспроизводить то, что дѣлаютъ или думаютъ другіе, большинство или меньшинство. Подражаніе можетъ имѣть два вида или характера: *логическій*, когда оно вытекаетъ изъ внутренней потребности. Если же оно не имѣетъ отношенія къ потребности внутренней, то его слѣдуетъ называть *экстра-логическимъ* (внѣ-логическимъ). Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно не лишено извѣстной логичности, извѣстной связи съ какой-нибудь потребностью: напр., когда члены низшей касты или сословія усвоиваютъ себѣ какія-нибудь формы жизни отъ высшихъ, когда рабъ подражаетъ господину и т. п., мотивомъ являются соображенія, опирающіяся на увѣренность, что все, исходящее отъ высшихъ классовъ, должно обладать особымъ достоинствомъ и цѣнностью.

Вотъ почему *соціологія не только невозможна безъ психологіи, но до извѣстной степени она есть, въ сущности, только соціальная психологія.* Уже Джонъ Стюартъ Милль, въ концѣ своей „Логики", разсматривалъ соціологію, какъ прикладную психологію; по этому поводу Тардъ замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію, психологія, къ которой онъ обращался, чтобы получить ключъ къ пониманію соціальныхъ явленій, есть чисто индивидуальная психологія, которая изучаетъ внутреннія состоянія впечатлѣній и образовъ, имѣющія мѣсто въ одномъ и томъ же мозгу, и которая считаетъ возможнымъ все объяснить въ этой области законами ассоціацій этихъ внутреннихъ элементовъ... Между тѣмъ, искать элементарнаго

соціальнаго факта нужно никоимъ образомъ не въ той психологіи, которая заключается въ предѣлахъ одного мозга (интра-церебральная или внутри-мозговая психологія), но прежде всего въ психологіи, основанной на отношеніи нѣсколькихъ умовъ (интеръ-церебральной или междумозговой), изучающей сознательныя отношенія нѣсколькихъ умовъ и прежде всего двухъ". Изобрѣтя этотъ новый терминъ, Тардъ доказываетъ неудобства прежняго („соціальная психологія"). Этотъ послѣдній какъ бы предполагаетъ существованіе въ обществѣ *особаго мозга или сознанія* и связанъ съ теоріей „общества-организма", которую Тардъ считаетъ однимъ изъ тѣхъ обобщеній, какими наука въ своемъ неразвитомъ состояніи стремилась не въ одной соціологіи, но и во всѣхъ областяхъ знанія открыть повторяемость (то-есть, законы) явленій, прибѣгая къ поверхностнымъ аналогіямъ и даже аллегоріямъ. Показавъ, что общество не имѣетъ существенныхъ элементовъ, которые позволили бы установить аналогію между нимъ и организмомъ, Тардъ устанавливаетъ новую аналогію, которую считаетъ единственно правильной и плодотворной для дальнѣйшихъ изслѣдованій: *аналогію между обществомъ и головнымъ мозгомъ*. Именно вторая глава „Соціальной логики" и начинается съ установленія этой аналогіи. Мы видѣли, что въ индивидуальномъ мозгу, путемъ сочетаній и столкновенія идей, впечатлѣній, ощущеній и желаній, происходятъ процессы, которые изучаются индивидуальной психологіей и составляютъ ея предметъ. Этотъ процессъ сводится большинствомъ психо-физіологовъ на взаимодѣйствіе мозговыхъ клѣточекъ, которое распадается на два отдѣла—познавательный или умственный и волевой. Элементарными психологическими единицами перваго отдѣла являются единицы „увѣренности" или „вѣры", понимаемой Тардомъ своеобразно: тутъ дѣло идетъ не о религіозной вѣрѣ, а объ увѣренности въ какомъ-нибудь положеніи, въ какомъ-нибудь сужденіи, которое мы составляемъ или принимаемъ. Различныя впечатлѣнія, получаемыя нами, какъ и различные выводы, которые мы дѣлаемъ изъ нихъ, сопровождаются большей или меньшей нашей увѣренностью („вѣрой") въ нихъ.

Насколько въ теоретической или умственной области нашей психики играетъ роль эта „вѣра", настолько въ волевой области играетъ роль „желаніе", составляющее элементарный фактъ или единицу этой послѣдней. Подъ желаніемъ тутъ понимается энергія, проявляемая нами въ какихъ-нибудь психическихъ стремленіяхъ или даже чисто умственныхъ „алканіяхъ", а подъ „вѣ-

рой“—энергія умственнаго возбужденія, воспріятія, соподчиненія воспріятій другъ другу, энергія ихъ координаціи и т. п. Съ точки зрѣнія современной „энергетики“ (примѣненія научной теоріи энергіи къ психической дѣятельности) это есть „два вида одной и той же психической энергіи, появляющіеся подъ различной окраской. Они образуютъ въ мозгу непрерывный потокъ, омывающій два склона нашей психической жизни—умственный и волевой“. Иногда этотъ потокъ раздѣляется или разбрасывается, иногда сосредоточивается. Онъ передается въ индивидуальномъ мозгу отъ одного впечатлѣнія другому, отъ одной клѣтки другой. Изъ единицъ вѣрованія слагаются „силлогизмы логическіе“, въ которыхъ степень увѣренности въ главной посылкѣ или общемъ утвержденіи передается второй посылкѣ или частному случаю, откуда слѣдуетъ и соотвѣтствующій выводъ. Желаніе же создаетъ силлогизмы „телеологическіе“, гдѣ главной или большой посылкой является сознаваемое или безсознательное и подразумѣваемое желаніе или цѣль, а остальныя части силлогизма образуются изъ *средствъ*, служащихъ къ достиженію этой цѣли или желанія. Такъ, я желаю быть здоровымъ; для этого представляется нѣсколько средствъ, напр., отправиться къ врачу (къ которому-нибудь изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ врачей), или вести гигіеническій образъ жизни, и т. п. Очевидно, что выборъ между средствами будетъ зависѣть отъ количества вѣры, какую я придаю тому или иному средству, тому или иному врачу и т. д.

Такова въ главныхъ чертахъ индивидуальная работа мозга и ея „единицъ энергіи“, т.-е. вѣры и желанія. Но потокъ, слагающійся изъ этихъ энергій, выступаетъ за предѣлы индивидуальнаго мозга. То, что въ индивидуальномъ мозгу происходило между клѣточками мозга, между его впечатлѣніями, то повторяется теперь между клѣточками общества, образуя интеръ-мозговую психологію и логику. Въ этой послѣдней работаютъ тѣ же единицы энергіи—желаніе и вѣра, сталкиваясь, интерферируя, борясь, побѣждая, сливаясь, усиливая или уничтожая другъ друга. Аналогія общества съ мозгомъ даетъ соціологіи только нѣкоторое руководящее начало, но затѣмъ процессы интеръ-церебральной психологіи (и логики) изучаются на общественныхъ явленіяхъ, конечно, независимо отъ индивидуальной психологіи, такъ какъ именно въ общественныхъ явленіяхъ мы имѣемъ процессы между элементами общества болѣе извѣстные намъ *въ опытѣ*, чѣмъ процессы между клѣтками мозга, представляющіе только *гипотезы*. Если эти гипотезы помогаютъ

намъ разобраться въ сложныхъ явленіяхъ соціологіи, то, наоборотъ, общественная психологія можетъ служить дѣйствительно эмпирическимъ подтвержденіемъ нѣкоторыхъ гипотезъ индивидуальной психологіи. Мы, напримѣръ, наглядно видимъ, что путемъ подражанія (повторенія) сохраняются въ обществѣ идеи, образцы поведенія, обычаи, нравы, пріемы мышленія и т. п. Мы видимъ, что они могутъ составить такія прочныя привычки, съ которыми впослѣдствіи трудно бороться. Но не видимъ ли мы въ этихъ фактахъ того, что̀ въ индивидуальной психологіи извѣстно подъ именемъ памяти? И не получаетъ ли такимъ образомъ память самаго яснаго и нагляднаго объясненія въ соціальныхъ явленіяхъ повторенія или подражанія? Точно также сочетанія и столкновенія между ощущеніями, образами и идеями въ индивидуальномъ мозгу, объясняемыя гипотетически взаимодѣйствіемъ клѣточекъ мозга, не получаютъ ли нагляднаго подтвержденія въ столкновеніяхъ и взаимодѣйствіяхъ идей и желаній разныхъ индивидуумовъ въ обществѣ? Итакъ, соціальная психологія можетъ дать не мало руководящихъ нитей индивидуальной психологіи. Психологическое наблюденіе обладаетъ свойствами, не только отличающими его отъ наблюденій физическихъ явленій міра, но и ставящими его выше, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, этихъ послѣднихъ: ощущенія или воспріятія, получаемыя нами отъ существъ подобныхъ намъ, то-есть, чувствующихъ и мыслящихъ, переносятъ насъ во внутреннее состояніе, въ чувства, мысли и желанія этихъ объектовъ, передаваемыя нашему воспріятію ихъ словами, мимикой и пр.

То, что̀ можетъ быть передано отъ одного субъекта другому, не есть ощущеніе, такъ какъ ощущенія у людей не тождественны: напр., дальтонику нельзя передать ощущенія краснаго цвѣта. Въ ощущеніяхъ нѣтъ той единой общей сущности, которая могла бы сообщаться. Передаются и сообщаются *понятія, желанія, сужденія и намѣренія*, благодаря чему люди и могутъ чувствовать себя болѣе подобными другъ другу и едиными.

Закончивъ эту главу вышеприведенной мыслью Тарда, что подражаніе аналогично соціальной памяти, перейдемъ къ гносеологическому и методологическму обоснованію имъ своей системы въ „Соціальныхъ законахъ".

III.

Оригинальный методъ.

Тардъ, какъ уже было упомянуто выше, старается здѣсь доказать, что всѣ положительныя науки шли тѣмъ самымъ путемъ и пришли къ тѣмъ самымъ основнымъ результатамъ, которые намѣчаются и въ соціологіи, построенной по его плану. Для доказательства этого положенія онъ даетъ краткую и своеобразную исторію наукъ, съ которой необходимо познакомиться, хотя бы въ самомъ сжатомъ видѣ.

Прежде всего онъ старается доказать, что развитіе знаній шло путемъ діаметрально противоположнымъ развитію міра во всѣхъ его областяхъ (тому развитію, которое предполагается современной наукой и ея гипотезами). Наука была какъ бы „обращеннымъ зеркаломъ“ дѣйствительности. Въ этой послѣдней повсюду началось съ образованія простѣйшихъ элементовъ, которые затѣмъ своими сочетаніями и усложненіями образовывали сложныя тѣла и формы: началось съ атомовъ, молекулъ, протоплазмы, клѣтокъ, простѣйшихъ организмовъ и пр., въ области неорганическихъ и біологическихъ эволюцій, а въ области соціологической,—съ безсвязнаго сочетанія индивидуумовъ. Все это хаотическое состояніе элементовъ мало-по-малу организовалось, координировалось въ физическія и астрономическія сложныя тѣла, въ системы, въ живые организмы, въ колоніи и общества и т. д. Наука же, наоборотъ, начала съ обширныхъ массъ и обобщеній, лишь мало-по-малу переходя къ открытію болѣе частныхъ обобщеній или законовъ, пока черезъ тысячи ошибочныхъ попытокъ не пришла къ открытію безконечно малыхъ, безчисленныхъ элементовъ, которыми и объяснила уже правильно и точно массовыя и огромныя явленія.

Въ этомъ многовѣковомъ процессѣ она сперва, отдѣльно въ каждой области явленій, искала ихъ сходства, — т.-е. того, что позволяло ихъ обобщать (и въ то же время различать). Иными словами, она искала того, что̀ въ нихъ повторялось. Такимъ образомъ создались первыя „понятія“ первобытнаго человѣка, а позднѣе открытія повтореній дали „законы“, ибо что̀ такое законъ науки, какъ не признаніе того, что данное явленіе или нѣсколько явленій будутъ повторяться безконечно при извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстной послѣдовательности или связи?

Но повтореніе указываетъ только на самую элементарную причину явленій, на простое воспроизведеніе его въ безконечномъ числѣ копій или варіантовъ (воспроизведеніе колебаній и волнъ, или—предка потомкомъ, или жизненнаго цикла Ивана или Петра милліонами другихъ Ивановъ или Семеновъ). Но наукѣ важно было узнать и причины развитія, вообще измѣненій впередъ или назадъ, смерти и уничтоженія, роста и совершенствованія, борьбы и ея результатовъ, гибельныхъ или полезныхъ. И вотъ, представилась вторая сторона явленій—ихъ дисгармонія, столкновенія, однимъ словомъ—противоположенія. Уже результатомъ изслѣдованія противоположеній явились правильныя открытія въ области третьей задачи науки, а именно открытія *гармоній*, *синтезовъ*, *примиреній*, однимъ словомъ, въ области взаимнаго приспособленія явленій. Эта третья задача могла уже разрѣшить вопросы о созиданіи новаго, о творческихъ процессахъ природы (о развитіи или эволюціи явленій). Разсмотримъ это ближе.

IV.

Повторность явленій.

Начнемъ съ астрономіи. Сперва подмѣтили періодичность движеній солнца, луны, звѣздъ, и приписали эту „повторность" движенію всего небеснаго свода. Но рядомъ съ этимъ обобщеніемъ, охватившимъ сразу все, началось открытіе „различій" въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ, которое повело къ открытію новыхъ повторностей не столь всеобъемлющихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыхъ различій между ними: выдѣлили движенія солнца отъ движеній луны и неподвижныхъ звѣздъ, а эти послѣднія отличили отъ планетъ, затѣмъ открыли сходство между самимъ солнцемъ и неподвижными звѣздами, а рядомъ съ этимъ и различія въ этихъ послѣднихъ. Замѣтили сходство орбитъ, направленія движеній, хотя находили тутъ же и различія (напримѣръ, у кометъ); затѣмъ, мало-по-малу открывали, что и нѣкоторыя изъ этихъ различій входятъ въ общее правило. И такъ шло дѣло до закона Ньютона, который показалъ, что, несмотря на безконечное различіе свѣтилъ, всѣ ихъ движенія опредѣляются повторяемостью одного и того же факта: тяготѣнія пропорціональнаго массамъ и обратно-пропорціональнаго квадратамъ разстояній. Спектральный анализъ привелъ къ выводу, что и въ химическомъ отношеніи небесныя тѣла повторяютъ другъ

друга, а установившаяся еще ранѣе гипотеза образованія міровъ изъ туманностей заставляла предположить повторенія и въ самомъ образованіи свѣтилъ и ихъ системъ; когда же въ физикѣ явилась гипотеза, сводящая всѣ физическія силы (а въ томъ числѣ и тяготѣніе) на удары, толчки или вибраціи атомовъ, повторяющіеся безконечно и регулярно, то процессъ развитія науки пришелъ къ своему завершенію, совершивъ путь отъ обширныхъ повторностей къ безконечно малымъ, отъ немногихъ къ безконечно безчисленнымъ. Этому заключительному процессу соотвѣтствовали и въ математикѣ открытія Лейбница и Ньютона, выдвинувшія впередъ „безконечно-малое". Итакъ, „астрономія, начавъ съ небольшого числа гигантскихъ и видимыхъ повтореній, перешла къ безчисленному множеству малыхъ, дѣйствительныхъ и элементарныхъ подобій и повтореній, которыя дали объясненіе первымъ".

Тѣмъ же процессомъ шла наука о живыхъ существахъ, біологія: сперва были замѣчены обширныя массовыя подобія и различія (отдѣленіе растеній отъ животныхъ, затѣмъ типовъ въ области растительной и животной). Но эти подобія и различія часто были иллюзіями, такъ какъ основывались на внѣшнихъ, поверхностныхъ признакахъ: напр., уподобляли растенія чуждыхъ другъ другу видовъ, находя смутное сходство въ листвѣ и наружномъ видѣ. И, наоборотъ, видѣли пропасть между растеніями одного семейства, найдя несходства въ очертаніяхъ или ростѣ и т. п. Ботаника сдѣлала большой шагъ впередъ, когда узнали, что во внѣшнихъ признакахъ есть извѣстная соподчиненность, что наиболѣе важные,—то-есть, наиболѣе повторяющіеся,—признаки, сопровождаемые цѣлымъ рядомъ другихъ подобій, не только не бросаются въ глаза, а наоборотъ, наиболѣе скрыты, мелки, утончены (напримѣръ, сѣмянодоли, ихъ число и т. д.). Біологія кончила, затѣмъ, объединеніемъ міра растительнаго и животнаго, но это стало возможнымъ тогда, когда „клѣточная" (целлюлярная) теорія доказала, что безконечно повторяющійся элементъ, какъ у животныхъ, такъ и у растеній, есть клѣточка, и что элементарное жизненное явленіе состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ безконечномъ повтореніи каждою клѣточкой процессовъ питанія, дѣятельности, роста, размноженія, причемъ все это унаслѣдовано клѣткой, и она только вѣрно передаетъ потомству (т.-е. повторяетъ) то, что сама унаслѣдовала, какъ традицію. Эта сообразованность съ предыдущими формами, называемая то привычкою, то наслѣдственностью, есть біологическая (жизненная) форма „повторяемости", какъ волнообразное дви-

женіе (или вообще періодическое движеніе, напримѣръ, эллиптическое) есть физическая форма повторяемости, а наше человѣческое „подражаніе“ есть соціальная ея форма.

Итакъ, въ біологіи процессъ ея развитія приближается къ завершенію опять-таки въ тотъ моментъ, когда обширныя и смутныя, немногія подобія, по большей части мнимыя, замѣняются безчисленнымъ множествомъ безконечно малыхъ и очень точныхъ подобій, которыя одни только даютъ смыслъ первымъ. А въ то же время идетъ и раскрытіе истинныхъ различій совершенно тѣмъ же путемъ: такъ, напр., по внѣшности есть ли что-нибудь болѣе подобное, какъ два зародыша или два яичка, а на самомъ дѣлѣ можно ли найти что-нибудь болѣе различное по содержанію? Когда теоріи Ламарка и Дарвина блестящимъ образомъ объяснили происхожденіе, развитіе и родство видовъ животнаго и растительнаго царствъ, то все же ключъ къ этому объясненію лежалъ, въ концѣ концовъ, въ свойствахъ зародыша или яйца, такъ какъ послѣднее носило въ себѣ различія и вообще свойства, передающіяся наслѣдственно и подбирающіяся. Самое разнообразіе свойствъ, надъ которыми долженъ орудовать подборъ, есть оригинальность, нѣкоторая особенность (такъ сказать, „изобрѣтательность“) первоначальнаго зародыша или яичка, давшаго начало новой разновидности или виду.

И тотъ же процессъ развитія въ открытіи повторяемости явленій (отъ общихъ, грубыхъ, невѣрныхъ и мнимыхъ, къ безконечно малымъ, точнымъ и безчисленнымъ) пережила соціологія. Ощупью дѣлается одно изъ первыхъ обобщеній о циклическомъ періодѣ, который, по мнѣнію Платона, повторяетъ черезъ извѣстные промежутки времени всѣ событія соціальнаго и естественнаго міра въ прежнемъ порядкѣ. Аристотель подмѣчаетъ уже менѣе химерическія повторенія въ нѣкоторыхъ деталяхъ, иногда вѣрныя, но всегда неясныя и не подлежащія провѣркѣ: такова его идея о послѣдовательности формъ правленія. Вико возвращается, хотя и съ меньшей фантастичностью, къ древнимъ цикламъ (ricorsi), а Монтескьё говоритъ о сходствѣ цивилизацій, возникающихъ при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ; Шатобріанъ проводитъ пространную параллель между революціями французской и англійской, основанную,—какъ и обобщеніе Монтескьё,—на самыхъ поверхностныхъ и натянутыхъ сближеніяхъ. Другіе строили безплодныя аналогіи, напримѣръ, находя сходства между „геніемъ“ пуническимъ и „геніемъ“ англійскимъ, между Англіей и Римомъ. Дальнѣйшій образчикъ такихъ массовыхъ обобщеній мы видимъ въ знаменитой тріадѣ Гегеля и, на-

конецъ, въ теоріяхъ новѣйшихъ эволюціонистовъ-спенсеріанцевъ. Эти послѣдніе,—говоритъ Тардъ,—имѣли смѣлость дать общіе законы для образованія и преобразованій правовыхъ отношеній, семьи и собственности, языковъ, религіи и торговли, изящныхъ искусствъ и пр., законы, приговаривающіе общества вѣчно брести, въ своемъ поступательномъ движеніи, по однимъ и тѣмъ же тропинкамъ „послѣдовательныхъ стадій“, предначертанныхъ совершенно произвольно и различныхъ для каждой теоріи. Въ частности, у Спенсера весь міръ сложился изъ постепеннаго разростанія *различій* (дифференціацій) элементовъ сперва простыхъ и *однородныхъ*; увеличеніе различій или разнородности сопровождалось соподчиненностью (интеграціей). Самое же возникновеніе различій, по Спенсеру, произошло отъ того, что, несмотря на почти абсолютную однородность первичныхъ элементовъ, они все же не были абсолютно однородны и, кромѣ того, самое мѣсто, которое занималъ каждый изъ нихъ въ цѣломъ аггрегатѣ, было не одинаково (одни лежали на поверхности, другіе въ центрѣ или глубинѣ аггрегата). Въ результатѣ должно было получиться то, что силы, дѣйствовавшія извнѣ на аггрегатъ, не могли, конечно, дѣйствовать абсолютно одинаково на всѣ его элементы: самое различіе разстояній, различіе положенія элемента внутри или снаружи должны были измѣнять дѣйствіе одной и той же силы. Въ результатѣ должны были появиться образованія различій между элементами, которыя все возрастали благодаря той же причинѣ и т. д.

Тардъ возражаетъ именно противъ этого пункта теоріи Спенсера. Онъ доказываетъ, что внѣшнія силы, хотя и могли иначе группировать элементы первичные тѣмъ способомъ, какой указанъ Спенсеромъ, однако одного этого недостаточно, чтобы образовались не одни количественныя различія, но и качественныя: какую новую группировку ни придавайте однородному веществу (напримѣръ, водороду, кислороду, кучѣ пуль или ядеръ и т. п.), получатся только количественныя различія, но не качественныя. Для полученія различій качественныхъ необходимо, чтобы соединяемые элементы были болѣе или менѣе разнородны: такъ, химическіе элементы, чтобы дать вещество, обладающее новыми свойствами, т.-е., отличающимися отъ свойствъ этихъ элементовъ, должны быть различны (кислородъ и водородъ). Цѣлымъ рядомъ подобныхъ соображеній Тардъ приходитъ къ гипотезѣ, состоящей въ томъ, что элементы, составлявшіе *первичныя массы, должны были обладать разнородностью, какъ бы извѣстной ин-*

дивидуальностью изначала [1]), а тѣ однообразія, какія мы замѣчаемъ въ природѣ и обществѣ теперь, явились сами результатомъ соподчиненія, кооперированія, сотрудничества этихъ разнородныхъ элементовъ, такъ сказать, сгладившихъ ихъ индивидуальныя особенности, приспособившія ихъ другъ къ другу, подобно камнямъ на днѣ моря. Тардъ выражаетъ эту мысль въ заключительной главѣ „Соціальныхъ законовъ" такъ: „Является непонятнымъ, какимъ образомъ, при гипотезѣ однородности вещества, которое отъ вѣчности подчинено нивеллирующей и координирующей дисциплинѣ законовъ, открываемыхъ наукой, могла бы существовать такая вселенная, какъ наша, съ поразительнымъ разнообразіемъ ея явленій, происшедшихъ спонтанно и непреднамѣренно. Что можетъ зародиться изъ совершенно подобныхъ и совершенно урегулированныхъ началъ, кромѣ міра вѣчно и необъятно безразличнаго (plat)?.. Моя теорія представляетъ вселенную какъ осуществленіе *множества элементарныхъ виртуальностей*, изъ которыхъ каждая своеобразна и стремится отстоять свою своеобразность или особенность. Значитъ, каждая несетъ въ себѣ свою особую вселенную въ возможности (какъ бы въ проектѣ). Безконечно огромное число этихъ „проектовъ" не развивается, а теряется. И именно между этими конкуррирующими „мечтами", между соперничающими „программами" (міра) завязывается великая борьба за жизнь, борьба гораздо большая, чѣмъ между живыми существами,—борьба, устраняющая менѣе приспособленныхъ. Такимъ образомъ, подпочва міра явленій и его чудесъ такъ же богата различіями, какъ и внѣшній верхній слой реальностей, но только различія эти совсѣмъ иного рода" [2]).

---

[1]) Я не нашелъ въ сочиненіяхъ Тарда ни одной ссылки на знаменитое сочиненіе Альфреда Уоллеса „Естественный подборъ". Этотъ геніальный біологъ, создавшій, одновременно съ Дарвиномъ и независимо отъ него, совершенно одинаковую теорію эволюціи, начинаетъ свою книгу именно съ доказательства, что для естественнаго подбора полезныхъ качествъ было необходимо безконечное разнообразіе первичныхъ элементовъ, то-есть, присутствіе у нихъ самыхъ различныхъ свойствъ: подбирались затѣмъ свойства нужныя для данной среды, а остальныя отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть. Далѣе онъ доказываетъ, что иначе и не могло быть по самому свойству вещества, которое естественно,—благодаря игрѣ природныхъ силъ,—даетъ и должно давать безконечное разнообразіе (нѣтъ двухъ капель воды абсолютно подобныхъ, нѣтъ двухъ звѣздочекъ снѣга или морознаго узора на окнѣ, которыя не представляли бы, при ближайшемъ изслѣдованіи, чрезвычайнаго разнообразія).

[2]) Необходимо добавить, что Тардъ замѣчаетъ тутъ же: „Впрочемъ, эта набросанная мимоходомъ „метафизика" не имѣетъ большого значенія по отношенію ко

Здѣсь не мѣшаетъ, кстати, сказать нѣсколько словъ объ его общей теоріи прогресса, которую онъ опредѣленно и особенно ярко выяснилъ въ сочиненіи „Les transformations du droit“ и въ предисловіи къ „La logique sociale“. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій онъ доказываетъ, что идея спенсеріанцевъ о постепенномъ механическомъ саморазвитіи соціальныхъ формъ въ одномъ и томъ же направленіи не оправдывается фактами ни естественно-научными, ни соціально-историческими. Прогрессъ или, говоря его терминомъ, трансформація не представляетъ единства, такъ что было бы вѣрнѣе говорить во множественномъ числѣ: „трансформаціи“, какъ онъ и озаглавилъ свою книгу. Надо пояснить, что онъ борется въ этомъ сочиненіи не съ самими „изслѣдователями“ исторіи и археологіи права. Наоборотъ, онъ ставитъ высоко работы лингвистовъ, изслѣдователей миѳовъ, а также такія работы, какъ Мэна и другихъ, раскрывшихъ намъ прошедшее развитіе права египтянъ, ассиріянъ, семитовъ, германцевъ, славянъ и пр. Не эти изслѣдованія породили скороспѣлую школу съ торопливыми объясненіями, имѣющими только по внѣшности научный характеръ, а именно то, что, къ несчастію,—говоритъ онъ,—исторія и археологія всего менѣе озабочиваютъ послѣдователей Спенсера, работающихъ въ области права: они, примѣняя къ ней какую-нибудь общую формулу эволюціи,—этотъ магическій ключъ отъ всей вселенной,—считаютъ объясненіемъ то, что есть лишь чистое и простое примѣненіе“. Переходя затѣмъ къ злоупотребленію этой школой нѣсколькими мало провѣренными данными относительно дикарей, онъ продолжаетъ: „безъ малѣйшей тѣни доказательствъ,—если не считать доказательствами поверхностныхъ наблюденій,—эволюціонисты добились полнаго довѣрія къ апріорной идеѣ, что примитивное общественное состояніе (или точка отправленія предполагаемаго прогресса) одинаково у всѣхъ дикарей. Между тѣмъ, нѣтъ возможности закрывать глаза на глубокія несходства, представляемыя теперешними дикарями, даже самыми низшими: словесные корни, грамматическіе обороты ихъ языковъ, ихъ обряды и вѣрованія, зародыши ихъ деспотическаго или патріархальнаго управленія, ихъ мирные или воинственные нравы,—то кроткіе, то кровожадные, то честные, то развращенные,—ихъ музыкальныя мелодіи, зародыши ихъ живописи—различны

всему, что изложено выше (въ книгѣ „Соціальные законы“); я сказалъ объ этой гипотезѣ только въ скобкахъ и замѣчу, что если даже ее отбросить, то болѣе солидныя и позитивныя размышленія, содержащіяся въ моей книгѣ, останутся въ своей силѣ“.

вполнѣ и во всемъ". Если же эволюціонисты замѣчаютъ эти несходства, то они ихъ объясняютъ *различными ступенями развитія;* наоборотъ, сходства объявляютъ продуктами самостоятельнаго и спонтаннаго развитія, не дѣлая ни малѣйшей попытки провѣрить, не образовались ли иногда [1] эти сходства путемъ столкновеній и заимствованій, такъ что вовсе не обязаны „пресловутой формулѣ единой и необходимой эволюціи". Нѣсколько далѣе Тардъ говоритъ, что цѣль его книги — „набросать или указать основныя черты эволюціи права, понимаемой, какъ высшая и сложная работа соціальной логики". То-есть, не самое понятіе эволюціи отвергаетъ онъ, а приписываемое эволюціи механическое, спонтанное, всюду одинаковое и вездѣ неизбѣжное теченіе. „Поглощенные своей idée fixe,—говоритъ онъ,—эволюціонисты должны неизбѣжно, подъ ея вліяніемъ, во-1-хъ, преувеличивать число и значеніе случаевъ совпаденія явленій права въ разныхъ мѣстахъ; во-2-хъ, они должны относить эти сходства,—вѣрныя или ошибочныя,—къ спонтанному процессу эволюціи, не пытаясь объяснить нѣкоторую законную часть ихъ подражаніемъ и заимствованіемъ".

Мы не будемъ приводить здѣсь тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя выставляетъ Тардъ въ защиту своего положенія, разбирая сперва трансформаціи уголовнаго права, затѣмъ процессуальной стороны, далѣе—юридическаго положенія личности,—въ томъ числѣ различныя формы семьи, брака,—въ концѣ концовъ права собственности и права по обязательствамъ. Какъ и во всѣхъ своихъ работахъ, онъ проявляетъ здѣсь обширную начитанность въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія и особенно въ юридической. Между прочимъ, въ III-й главѣ (Régime des Personnes), онъ набрасываетъ очеркъ происхожденія и развитія дворянства, представляющій блестящій образчикъ полноты и въ то же время сжатости. Общій выводъ изъ всего матеріала, собраннаго имъ, тотъ, что *жизнь человѣка пробуетъ всѣ пути, какіе только можно вообразить себѣ; поэтому разнообразіе эволюцій почти безконечно.* Если мы видимъ и однообразія, то они обязаны, главнымъ образомъ, подражаніямъ, сперва въ предѣлахъ племени, а затѣмъ и внѣ его.

Въ частности изслѣдованіе эволюціи собственности приводитъ Тарда къ выводу, что „двѣ основныя причины заставляли режимъ собственности измѣняться (все равно—была ли то соб-

[1] Тардъ не отрицаетъ возможности появленія сходствъ и помимо подражанія, подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій, но такъ какъ одинаковыя совершенно условія рѣдки, то такіе случаи—исключеніе, а не правило.

ственность коллективная или личная): 1) прогрессъ изобрѣтеній и 2) прогрессъ подражательности среди людей"... „Пропорція и характеръ этихъ двухъ причинъ обусловливали разнообразіе формъ собственности"... „Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго,— спрашиваетъ онъ въ заключеніе,—необходимость всеобщей однообразной эволюціи собственности? *Да, но лишь по мѣрѣ того, насколько необходимо расширеніе соціальныхъ группъ въ силу закона подражательности, и насколько прогрессъ изобрѣтательности усиливается въ извѣстномъ направленіи, смутно опредѣляющемся потребностями организма и законами человѣческаго ума въ борьбѣ съ внѣшними силами*".

Итакъ, по теоріи Тарда, „правовая, религіозная, политическая, экономическая, художественная и моральная эволюціи представляютъ не одинъ путь, а цѣлую сѣть путей со множествомъ скрещиваній". Доказать это помогли тѣ „настоящіе работники соціологіи", къ которымъ Тардъ причисляетъ, какъ я уже сказалъ, изслѣдователей древняго права, многихъ лингвистовъ, нѣкоторыхъ экономистовъ... Правда, когда эти изслѣдователи пытались дѣлать обобщенія изъ открываемыхъ ими болѣе детальныхъ и истинныхъ подобій, возводя свои обобщенія въ „законы", послѣдніе были весьма несовершенны; но это зависѣло отъ торопливости выводовъ, сдѣланныхъ раньше того момента, когда удалось выдѣлить изъ массы частичныхъ истинъ заключающуюся въ нихъ общую истину, то-есть, „элементарный соціальный фактъ", который соціологія искала ощупью,—фактъ, отысканный теперь,—по мнѣнію Тарда,—имъ самимъ, и безъ котораго невозможенъ расцвѣтъ этой науки.

Перейдемъ теперь ко второй сторонѣ явленій, открываемой науками,—къ противоположенію.

V.

Противоположеніе.

Начнемъ съ опредѣленія того, что Тардъ называетъ противоположеніемъ. Обыкновенно это слово употребляется въ смыслѣ максимума различія двухъ вещей или положеній, но это невѣрно: на самомъ дѣлѣ, „противоположеніе есть особый видъ повторенія двухъ подобныхъ вещей, способныхъ уничтожить другъ друга взаимно, въ силу этого самаго подобія". Противоположенія всегда образуютъ пары, которыя противополагаются не какъ существа или группы существъ, а какъ *стремленія* или силы.

Значитъ, всякое дѣйствительное противоположеніе предполагаетъ соотношеніе между *двумя* силами, *двумя* стремленіями или направленіями.

Прогрессъ науки, при опредѣленіи противоположеній, состоялъ въ томъ, что *кажущіяся* противоположенія постепенно обнаруживались и замѣнялись болѣе скрытыми и дѣйствительными. Такъ, сперва казались противоположностями земля и небо, день и ночь, затѣмъ болѣе глубокія и дѣйствительныя, но еще смутно понимаемыя, почти всегда субъективныя и поверхностныя, напримѣръ, зенитъ и надиръ, четыре главныхъ пункта свѣта, соединенные по два: сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, зима и лѣто, весна и осень, утро и вечеръ и т. п. Хотя эти противоположенія и сохранились отчасти въ наукѣ, но они утратили теперь свое прежнее значеніе: напримѣръ, для насъ западъ есть просто средство оріентироваться (по полярной звѣздѣ), а для первобытнаго человѣка, это—мѣсто посмертнаго блаженства, пребыванія душъ. Фазы луны для первобытной мысли соединялись съ различными воображаемыми серьезными послѣдствіями и т. п. Открытіе эллиптическаго, параболическаго или гиперболическаго свойства кривыхъ, описываемыхъ небесными тѣлами, показало симметрію двухъ половинъ каждой изъ этихъ кривыхъ, попеременное увеличеніе и уменьшеніе ихъ эллиптичности, ихъ возмущенія, которыя суть не что иное, какъ повторенія тѣхъ же кривыхъ въ предѣлахъ одной и той же системы, и т. д. Все это привело къ открытію общей и вѣчной астрономической антитезы, служащей основаніемъ всему остальному: это — равенство силы притяженія, которому подвержена каждая единица массы или молекула, съ той силой притяженія, которую она сама проявляетъ. Наилучшая иллюстрація къ міровому противоположенію есть законъ механики, что дѣйствіе равно и противоположно противодѣйствію.

Подобно астрономіи, физика и химія начали съ псевдоконтрастовъ: четыре стихіи — вода и огонь, земля и воздухъ и приписываемыя имъ врожденныя антипатіи, пустота и наполненность; болѣе здравыя понятія противополагаютъ уже кислоты и основанія, полярности электричества и свѣта. Область противоположеній, какъ мы видимъ, становится шире и глубже, и неясныя качественныя противоположенія замѣняются количественными, поддающимися точному опредѣленію.

Ритмичность этихъ противоположеній сообщаетъ имъ еще большую точность: таковъ, напримѣръ, законъ Менделѣева, гдѣ группы химическихъ элементовъ образуютъ ряды какъ бы чередующихся и повторяющихся гаммъ, клавіатуру, въ которой из-

рѣдка недостаетъ тамъ и сямъ какой-нибудь клавиши, хотя и эти недостающія клавиши постепенно отыскиваются.

Но чѣмъ больше и точнѣе опредѣлялись истинныя противоположенія, симметричности и ритмы, тѣмъ яснѣе выступали несимметричности и аритмичности, повсюду находимыя въ природѣ: возьмемъ хотя бы картину звѣзднаго неба или млечнаго пути. Послѣднія изслѣдованія открыли даже диссимметріи въ кристаллахъ, казавшихся идеалами геометрической правильности. Если сравнить новѣйшее представленіе о вселенной (съ этой точки зрѣнія) съ представленіемъ древнихъ, когда до такой степени вѣрили въ симметрію и неизбѣжное противоположеніе всѣхъ явленій, что придумали даже противоположную землѣ планету (антихтонъ), то не трудно понять, какъ недалеки отъ древнихъ недоразумѣній и тѣ новѣйшія теоріи эволюціи, которыя стремятся втиснуть вселенную,—со всѣмъ ея разнообразіемъ безконечныхъ способовъ или путей развитія,—въ рамку одного ритмическаго процесса,—напримѣръ, постепенно возрастающихъ *различій* (дифференціацій), смѣняющихъ и дополняющихъ другъ друга. Такіе процессы несомнѣнно существуютъ, но они со своей правильностью представляютъ уже плоды другихъ процессовъ, плоды противоположеній, *приспособившихся уже другъ къ другу*, гармонизированныхъ,—какъ увидимъ далѣе при изложеніи третьяго изъ ключей науки,—„приспособленія".

А теперь возвратимся къ „противоположенію".

Развитіе понятій о немъ шло и въ біологіи тѣмъ же процессомъ, какой мы сейчасъ видѣли въ астрономіи: и здѣсь сначала замѣтили внѣшнія и поверхностныя противоположенія,—напримѣръ, симметричность животныхъ организмовъ. Однако, по мѣрѣ развитія науки, даже эта очевидная симметричность была отброшена: не только среди низшихъ животныхъ оказались организмы не симметричные, но даже головной мозгъ человѣка, при болѣе глубокомъ его изслѣдованіи, представилъ картину локализацій, напримѣръ, центровъ рѣчи, расположенныхъ въ одномъ полушаріи и отсутствующихъ въ другомъ. Точно такъ же древнія противоположенія,—напримѣръ, растеній ядовитыхъ и неядовитыхъ, животныхъ чистыхъ и нечистыхъ, возводившіяся въ законъ объективный (иногда даже религіозный), оказались чисто-субъективными противоположеніями, не имѣющими никакого объективнаго значенія. Древняя патологія противополагала здоровье и болѣзнь, какъ нѣчто объективное (откуда возникла и гомеопатія); теперь въ патологическихъ явленіяхъ видятъ только отклоненіе, а не противоположность нормальнымъ. Старость счита-

лась у древнихъ процессомъ возвращенія къ дѣтству,—то-есть, явленіемъ ритмичнымъ; новѣйшія открытія, хотя бы Мечникова, а еще болѣе открытіе эмбріологической повторяемости (въ зародышѣ) типовъ развитія показали, что древній взглядъ былъ иллюзіей. Исчезло и сравнительно недавнее убѣжденіе о противоположности растеній и животныхъ, и т. д.

Но рядомъ съ этимъ открывались дѣйствительныя противоположенія, и они оказывались всѣ безконечно малыми и въ то же время безчисленными: таково, напримѣръ, окисленіе и раскисленіе каждой клѣточки, накопленіе и расходованіе силы. И, одновременно съ этими истинными противоположеніями, открывались новыя диссимметріи; мы уже упомянули о диссимметріи головного мозга: она обнаружилась только при углубленіи изслѣдованій въ элементы организма, то-есть, въ мозговыя клѣтки. Не будемъ приводить другихъ примѣровъ изъ біологіи и перейдемъ къ соціологическимъ противоположеніямъ.

Миѳологію можно считать до извѣстной степени древнѣйшей соціологіей. И вотъ, мы видимъ, что она объясняла общественныя явленія фантастической и гигантской борьбой между богами добрыми и злыми, покровителями свѣта и тьмы (Ормуздъ и Ариманъ), героями и чудовищами, демонами и ангелами. Метафизика продолжала создавать столь же фантастическія противоположенія: у Гегеля народы являются выразителями взаимно противоположныхъ и борящихся идей,—у Кузена Греція противополагается Востоку; позднѣе Востокъ противополагается Западу, какъ воплощеніе неподвижности, что̀ теперь фактически опровергла Японія. Наконецъ, экономисты видѣли весь смыслъ экономическихъ явленій въ противоположеніяхъ конкурренціи, въ борьбѣ классовыхъ интересовъ. Нельзя отрицать этихъ противоположеній, но открытіе ихъ было шагомъ къ обнаруженію тѣхъ элементарныхъ и количественно безконечныхъ противоположеній, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ остальныхъ, а именно—конкурренцію „увѣренностей“ (вѣръ) и „желаній“, о которыхъ мы говорили выше.

„Если распространить, путемъ обобщенія, эту борьбу,—говоритъ Тардъ,—на всѣ формы соціальной жизни—лингвистическую, религіозную, политическую, художественную, моральную и промышленную, то окажется, что настоящее элементарное, соціальное противоположеніе надо искать въ *каждомъ* соціальномъ индивидуумѣ, когда онъ колеблется принять или отвергнуть представляющійся ему новый образецъ, новое выраженіе, новый обычай, новую идею или художественную школу или поступокъ. Это колебаніе, эта маленькая борьба, которая воспро-

изводится въ милліонахъ экземпляровъ, въ каждый данный моментъ жизни народа, это и есть *безконечно малое противоположеніе*, безконечно плодотворное въ исторіи. Введеніе его въ соціологію произведетъ въ ней глубокій переворотъ".

Выше было уже сказано, что на противоположенія Тардъ смотритъ, какъ на переходныя состоянія къ приспособленію или гармоніи явленій. Поэтому противоположенія являются какъ бы средними частями силлогизма, и въ этомъ-то заключается ихъ важное практическое значеніе.

Прежде всего необходимо замѣтить, что съ раскрытіемъ тѣхъ элементарныхъ противоположеній, о которыхъ говорилось сейчасъ, обнаружились и скрытыя, не замѣченныя до сихъ поръ диссимметріи и асимметріи. Одной изъ важнѣйшихъ является „необратимость" нѣкоторыхъ процессовъ соціальной жизни, тогда какъ прежде всѣ ея процессы казались „обратимыми", то-есть способными повторяться, возвращаться. Такъ, напримѣръ, у научныхъ и промышленныхъ открытій нѣтъ обратнаго направленія; точно такъ же особенности генія какого-нибудь индивидуума представляютъ необратимый соціальный фактъ. Но такъ какъ то, что называли прежде „геніемъ народа" или языка, или религіи, есть лишь коллективное и сокращенное выраженіе этихъ индивидуальныхъ особенностей, то эти соціальные факты не обратимы, или, говоря проще, они не имѣютъ своихъ симметричныхъ противоположеній, въ которыя могли бы переходить ритмически, чтобы появиться снова. Далѣе такія противоположенія, какъ расовыя, или противоположенія двухъ религій (христіанства и ислама), двухъ семействъ языковъ, двухъ формъ правленія (монархіи и республики), будутъ вѣрны только отчасти, то-есть, когда мы будемъ разсматривать тѣ ихъ стороны, которыми онѣ въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе преходящихъ обстоятельствахъ,—однѣ утверждаютъ, въ то время, какъ другія отрицаютъ одну и ту же идею, или однѣ стремятся, а другія противодѣйствуютъ одной и той же цѣли. Но если эти контрасты считать чѣмъ-то существеннымъ, абсолютнымъ, врожденнымъ, то подобный взглядъ есть химера.

Ранѣе мы уже сказали, что противоположеніе не есть крайняя степень противоположности, а особый видъ „повторенія" двухъ подобныхъ вещей, способныхъ взаимно уничтожать другъ друга въ силу ихъ подобія, и что дѣйствительныя противоположенія предполагаютъ отношеніе между двумя силами, стремленіями, направленіями. Но явленія, въ которыхъ эти силы обнаруживаются, могутъ быть двухъ родовъ: если, напримѣръ, противоположеніе состоитъ въ повышеніи или паденіи курса на биржѣ

или числа преступленій извѣстнаго сорта и т. д., то въ этомъ случаѣ противоположенія будутъ только количественными. Какъ легко замѣтить, такія противоположенія имѣютъ мѣсто между фазами „однородными“ какого-нибудь процесса. Но если фазы процесса разнородны, какъ, напримѣръ, въ процессѣ эволюціи, когда новая фаза даетъ измѣненное, новое явленіе, то противоположеніе будетъ качественное. Прежняя наука находила преимущественно качественныя противоположенія, образцы которыхъ мы видѣли сейчасъ. Новѣйшая наука, наоборотъ, сводитъ или стремится свести качественные контрасты къ количественнымъ, поддающимся точному статистическому выраженію. Но важнѣе ихъ всѣхъ является различеніе еще одного контраста, которое Тардъ называетъ противоположеніемъ по знаку (плюсу или минусу), контраста между „положительнымъ“ и „отрицательнымъ“ или діаметральныя противоположенія, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ количественными степенями (больше или меньше) или пониженіями и повышеніями, выражаемыми статистически (пониженія и повышенія курса, спроса и предложенія, числа браковъ и т. п.). Для соціальной логики это различіе весьма важно въ томъ отношеніи, что процессы, при помощи которыхъ возрастаетъ или падаетъ какое-нибудь общественное „желаніе“ или „увѣренность“, принадлежатъ къ совершенно другой категоріи процессовъ, чѣмъ процессы, обусловленные діаметральными противоположеніями (желаніемъ и отвращеніемъ, вѣрою въ идею и полнымъ отрицаніемъ ея и т. п.). Даже въ обыденномъ языкѣ эти „элементарныя единицы“ (желаніе и вѣра) имѣютъ спеціальные термины для выраженія положительнаго или отрицательнаго своего значенія (желаніе—отвращеніе, вѣра—отрицаніе), почему ихъ и можно сравнивать, въ этомъ отношеніи, съ объективными количествами, съ механическими силами, находящимися на одной прямой и направленными въ противоположныя стороны. Подобно тому, какъ пространство представляетъ безграничное поле для совмѣщенія безчисленнаго множества „паръ направленій“, противоположныхъ другъ другу, и наше сознаніе устроено такъ, что допускаетъ по отношенію къ одному и тому же предмету массу утвержденій, противопоставляемыхъ отрицаніямъ, и множество желаній, противопоставляемыхъ отвращеніямъ. „Безъ этого двойного свойства вселенная не знала бы борьбы и противорѣчія, и вся трагическая сторона судьбы была бы невозможна и даже невообразима“.

Опредѣливъ три сорта противоположеній (ряда, степени и знака), необходимо отмѣтить, что всѣ они могутъ имѣть мѣсто или въ одномъ и томъ же существѣ (будетъ ли то молекула или

цѣлый организмъ, или человѣческое „я"), или же въ двухъ разныхъ существахъ (въ двухъ молекулахъ, въ двухъ организмахъ, двухъ „я", т.-е. человѣческихъ сознаніяхъ). Кромѣ того, противоположенія могутъ быть *одновременными*, и тогда будетъ *столкновеніе, борьба, равновѣсіе* или *разрушеніе* и *потеря силы;* могутъ они быть *послѣдовательными*, и въ этомъ случаѣ получится *чередованіе, ритмъ*. Такъ какъ противоположенія „ряда" и „степени" (напримѣръ, новая форма, явившаяся плодомъ эволюціи, увеличеніе или уменьшеніе быстроты движущагося тѣла) могутъ быть въ отдѣльномъ предметѣ или умѣ только послѣдовательными, то очевидно, что „одновременныя" противоположенія возможны здѣсь только въ противоположеніяхъ „діаметральныхъ" (напримѣръ, одно и то же тѣло не можетъ двигаться одновременно и быстрѣе и медленнѣе, не можетъ сразу подниматься и падать, отцвѣтать и расцвѣтать, но на него могутъ *одновременно* дѣйствовать двѣ силы въ противоположномъ направленіи, что приводитъ къ равновѣсію, часто выражающемуся въ симметріи, напримѣръ, кристалловъ; или, другой примѣръ: любовь мужчины къ женщинѣ не можетъ въ одинъ и тотъ же моментъ времени возрастать и падать, но извѣстны трагическіе случаи, вытекавшіе изъ одновременнаго существованія въ одномъ умѣ и любви и отвращенія [1]) или ненависти къ женщинѣ (Отелло, Гамлетъ въ его отношеніяхъ къ Офеліи и матери). Совершенно иное мы видимъ въ двухъ различныхъ умахъ (то-есть, въ интеръмозговой психологіи): всѣ три ряда противоположеній могутъ быть здѣсь и одновременными, и послѣдовательными вмѣстѣ. Такъ честолюбіе или вѣра могутъ у одного усиливаться въ то время, какъ у другого они ослабляются; въ одномъ и томъ же умѣ такое усиленіе или ослабленіе возможно только поперемѣнно, какъ и ускореніе движенія или его замедленіе у одного и того же тѣла; между тѣмъ, въ отношеніяхъ двухъ тѣлъ, напримѣръ, двухъ планетъ, возможно, конечно, замедленіе одного одновременно съ ускореніемъ другого. Не входя въ дальнѣйшія подробности этихъ различій между противоположеніями трехъ родовъ, замѣтимъ только, что противоположенія могутъ быть или внѣшними, когда они происходятъ между двумя или болѣе умами, или они могутъ быть внутренними, когда происходятъ въ одномъ и томъ же умѣ. Важно въ этомъ положеніи для соціологіи то,

[1]) Одновременное нахожденіе въ одномъ и томъ же умѣ двухъ *діаметрально противоположныхъ направленій* возможно и въ области вѣры: напримѣръ, вѣра въ какой-нибудь религіозный догматъ или обрядъ можетъ парализоваться проникновеніемъ въ тотъ же умъ отрицательнаго отношенія къ нему общества; новая идея, вызывающая умственное согласіе, парализуется предразсудкомъ среды и т. п.

что *ни одно внѣшнее противоположеніе не можетъ явиться безъ существованія противоположеній внутреннихъ:* эти послѣднія являются существеннымъ условіемъ первыхъ. Это относится ко всѣмъ родамъ противоположеній. Возьмемъ противоположенія „ряда“ (качественныя противоположенія развитія): если какая-нибудь группа людей идетъ въ своемъ развитіи, положимъ, отъ идеализма къ позитивизму, тогда какъ другая наоборотъ, то это противоположеніе „ряда“ въ группахъ можетъ имѣть мѣсто только потому, что каждый отдѣльный умъ въ той и другой группѣ можетъ идти въ томъ или иномъ направленіи. Возьмемъ противоположеніе „степени“ (усиленія или ослабленія—увѣренности и желаній): если въ одной группѣ вѣра въ какіе-нибудь догматы или общественныя формы растетъ въ то время, какъ въ другой группѣ она ослабляется, то, очевидно, это возможно только потому, что каждый изъ членовъ обѣихъ группъ можетъ испытывать, подъ вліяніемъ условій, о которыхъ рѣчь будетъ особо, ослабленіе или усиленіе этой вѣры. Совершенно тѣмъ же путемъ доказывается и индивидуальная почва групповыхъ желаній. И тѣмъ же путемъ можно показать, что противоположенія знака (діаметральныя противоположенія), напримѣръ, когда двѣ противныя партіи, политическія или религіозныя, съ одной стороны отрицаютъ, а съ другой — защищаютъ какое-нибудь положеніе, возможны лишь потому, что каждый индивидуумъ можетъ перейти отъ положенія къ отрицанію и обратно. Внѣшняя борьба возможна только тогда, когда кончились внутреннія колебанія въ индивидуумѣ. Однако этого еще недостаточно, чтобы началась борьба: необходимо, чтобы индивидуумъ или группа, придя къ рѣшенію, знали, что есть другой или другіе индивидуумы, пришедшіе къ противоположному рѣшенію, стоящему на дорогѣ у перваго и мѣшающему (напримѣръ, въ промышленности борьба за желаніе пріобрѣсти или продать одинъ и тотъ же продуктъ, или—въ идеяхъ, борьба за утвержденія и вѣрованія, которымъ противорѣчатъ другія идеи или вѣрованія).

Однако, и колебанія индивидуума могутъ стать соціальными, когда они становятся извѣстными окружающимъ и вызываютъ въ нихъ также колебанія и сомнѣнія, вмѣсто прежней увѣренности.

Тутъ возникаетъ вопросъ, имѣющій чрезвычайно важное практическое значеніе: чему слѣдуетъ отдать предпочтеніе, той ли сомнительной тишинѣ, которая царитъ въ обществѣ съ колеблющимися и неувѣренными въ существенныхъ истинахъ индивидуумами, или борьбѣ, явившейся результатомъ противоположныхъ, но увѣренныхъ рѣшеній? Съ этимъ труднымъ вопросомъ связанъ другой—о преимуществахъ въ отношеніяхъ международныхъ войны

или плохого мира, образчикомъ котораго является даже не миръ вооруженный, а полная неопредѣленность и неустойчивость отношеній между двумя націями, не рѣшившими внутри себя этихъ отношеній. Несомнѣнно, что личныя сомнѣнія и колебанія отнимаютъ у человѣка волю дѣйствовать рѣшительно и энергически преслѣдовать свои цѣли. Въ общей суммѣ соціальной „вѣры", а стало быть и силы всякаго рода, является, конечно, огромное пониженіе, и общество, охваченное сомнѣніями и скептицизмомъ, представляетъ нѣчто больное и безсильное, сравнительно съ обществомъ, гдѣ хотя и происходитъ борьба между партіями, но каждый знаетъ, что ему дѣлать, что защищать. При существованіи въ обществѣ свободы слова и печати представляется выходъ въ возможности болѣе прочныхъ примиреній, гармоній или синтезовъ между борящимися идеями и желаніями, такъ какъ возрастаетъ возможность узнать основанія чужихъ мнѣній и намѣреній, приспособиться къ нимъ или приспособить ихъ къ своимъ вѣрованіямъ, чтобы затѣмъ подняться къ новому высшему противорѣчію и новой высшей гармоніи. Дѣло не въ томъ, чтобы не было борьбы. Нѣтъ, борьба есть одно изъ условій творчества, тогда какъ миръ, полный сомнѣній, есть источникъ застоя. Дѣло въ томъ, чтобы новыя формы борьбы были все мягче и человѣчнѣе. И этотъ прогрессъ самой борьбы постоянно совершается, по мѣрѣ примиренія рѣзкихъ противорѣчій и открытія, надъ этими примиренными противорѣчіями, новыхъ, болѣе мягкихъ. Борьба началась, какъ и все, безчисленными мелкими противорѣчіями: враждовала каждая деревня, а внутри ея чуть не каждая семья, пока цѣлымъ рядомъ примиреній этихъ противорѣчій, примиреній иногда страшно кровавыхъ, не приходили къ менѣе обостренной и менѣе постоянной борьбѣ обширныхъ группъ. Такъ какъ возникновеніе гармоній тѣмъ возможнѣе, чѣмъ легче пониманіе другъ друга, т.-е., чѣмъ свободнѣе слово, то ясно, что страшна борьба темная, не могущая выясниться при свѣтѣ дня, а потому затягивающаяся безъ конца и принимающая самыя ужасныя формы.

За исключеніемъ этихъ случаевъ, борьба, какъ мы сказали, развиваетъ все болѣе мягкія формы, и совершается это двумя путями, тѣсно связанными другъ съ другомъ: во-1-хъ, объединеніемъ единицъ въ группы, затѣмъ мелкихъ группъ въ большія и т. д. Сравните, напр., борьбу множества мелкихъ религіозныхъ сектъ съ борьбой нѣсколькихъ великихъ религій, образовавшихся путемъ аггрегаціи мелкихъ сектъ. Во-2-хъ, умиротвореніе происходитъ въ самомъ чувствѣ (и идеяхъ). Оно происходитъ уже по тому одному, что большія группы,—какъ

доказываетъ и Спенсеръ, — не могутъ имѣть той жгучей ненависти другъ къ другу, какая существуетъ между близкими сосѣдями, гдѣ вражда принимаетъ почти личный характеръ. Война переживаетъ, какъ и все, свою эволюцію, и ея формы обѣщаютъ ея совершенное прекращеніе. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ Тардъ:

„Факты относительно войны шли въ порядкѣ постепеннаго замиренія мелкихъ группъ, которое совершалось уже однимъ тѣмъ, что онѣ сливались въ все бо̀льшія группы при посредствѣ той же войны: „Войны, продолжаясь, расширяли поле мира“. Послѣ ряда завоеваній всѣ великія имперіи міра переживали нѣкоторый періодъ отдыха и мечтали о всемірномъ умиротвореніи, какъ конечной цѣли самихъ войнъ, начинаемыхъ ими. Но обаятельный предѣлъ, какъ только онъ казался достигнутымъ, снова и снова отодвигался, потому что „міръ оказывался больше, чѣмъ думали“, то-есть, возникали новые, дотолѣ невѣдомые или презираемые за мнимую слабость сосѣди, быть можетъ и дѣйствительно слабые до поры до времени, но которые неожиданно оказывались смѣлыми и сильными противниками: война возникала опять, иногда не только неожиданная, но и не желаемая. Однако, эти случаи не могутъ возникать безконечно: земной шаръ не безконеченъ, а знакомство съ сосѣдями становится все полнѣе и точнѣе у культурныхъ народовъ. Какъ показалъ Левъ Мечниковъ, цивилизація была сперва „рѣчной“, то-есть устанавливала мирныя сношенія сначала по большимъ рѣкамъ, затѣмъ она стала расширяться на моря (вокругъ Средиземнаго моря), а въ наше время объединеніе идетъ и на океанахъ, то-есть, мирныя отношенія приближаются къ своей окончательной формѣ „планетныхъ“, охватывающихъ всю землю. Въ этой постепенности право смѣняло силу, и теперешнее международное право не есть уже результатъ договора между двумя или тремя націями, а охватываетъ, дѣйствительно, весь почти земной шаръ.

Ослабленіе и даже прекращеніе войны не уничтожитъ, конечно, борьбы, но эта послѣдняя принимаетъ новыя и смягченныя формы. Одна изъ этихъ формъ, извѣстная подъ именемъ *конкурренціи*, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ подтверждаетъ своей исторіей мысль о постепенномъ смягченіи и примиреніи борьбы не только вообще, но и въ каждой вновь появляющейся формѣ ея. И мало этого: развитіе идетъ и здѣсь путемъ примиренія сперва мелкихъ противоположеній, а уже на почвѣ возникающихъ отсюда мелкихъ гармоній строются новыя, болѣе широкія противоположенія, идущія въ свою очередь къ

установленію еще болѣе широкихъ и общихъ гармоній (приспособленій). Промышленное противоположеніе возможно: 1) между потребителями (желающими купить одну и ту же вещь); 2) продавцами (одной и той же вещи) и 3) потребителями и продавцами (первые желаютъ купить дешевле, вторые продать дороже). Но изъ этого ясно, что это противоположеніе есть явленіе временное, *не* необходимое. Конкурренція между потребителями возможна тогда, когда спросъ на продуктъ больше, чѣмъ его предложеніе. Конкурренція между продавцами есть результатъ перепроизводства. Наконецъ, противоположеніе желаній—продать дороже и купить дешевле—всегда приходитъ къ примиренію на какой-нибудь цѣнѣ, способной удовлетворить обѣ стороны. Первыя противоположенія всѣхъ трехъ родовъ начинаются на маленькихъ мѣстныхъ рынкахъ, въ маленькихъ личныхъ производствахъ и обмѣнахъ. Цѣны на продукты въ это время еще опредѣляются мѣстными условіями и отношеніями. Но мало-помалу, съ обобществленіемъ производствъ, посредствомъ ихъ централизаціи на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, цѣны устанавливаются для болѣе широкихъ районовъ. Конкурренція между продавцами заставляетъ ихъ понижать цѣны или искать способовъ удешевленія производства, и выгоды, получаемыя и отъ того и отъ другого потребителями, уравновѣшиваютъ невыгоды производителей. Но эти послѣдніе ищутъ способовъ къ ихъ уравновѣшенію и другимъ путемъ: образуются союзы промышленниковъ, синдикаты, тресты, т.-е. монополизированіе союзниками—производства, сбыта и установленія цѣнъ. Но противъ этой ассоціаціи является ассоціація потребителей, возникаютъ потребительныя товарищества, коопераціи, союзы и производительные и потребительные. Еще ранѣе города и націи стремятся гармонизировать всѣ эти противоположенія установленіемъ цѣнъ (на хлѣбъ, мясо), ввозныхъ и вывозныхъ тарифовъ, и т. д. Еще одинъ видъ противоположенія — *предложеніе труда* и *покупка труда*, обостряющіяся въ тяжелый соціальный вопросъ, начинаютъ искать примиренія въ союзахъ рабочихъ (trade-unions), въ забастовкахъ, сопротивляющихся пониженію заработной платы. Наконецъ, путемъ всѣхъ этихъ ассоціацій, сперва мелкихъ, затѣмъ разрастающихся до явленія національнаго и даже международнаго, выясняется въ умахъ идея, написанная на знамени эпохи, *идея всеобщей ассоціаціи интересовъ*.

Есть и еще другая форма соціальной борьбы, это—споръ, но уже не споръ съ пролитіемъ крови, какъ война, и не съ разрушеніемъ благосостояній, какъ промышленная борьба, а споръ *словесный*. Чтобы былъ возможенъ споръ между двумя индиви-

дуумами (а съ этого и начинается его эволюція), необходимо, чтобы каждый изъ нихъ покончилъ тотъ внутренній споръ, который происходилъ въ его мозгу, и пришелъ къ выводу противоположному съ выводомъ другого. Затѣмъ единичные споры могутъ становиться спорами группъ, сектъ, направленій—политическихъ, научныхъ, философскихъ,—могутъ принимать форму печатнаго или письменнаго спора, но во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо, чтобы сперва онъ былъ оконченъ хотя относительнымъ и временнымъ согласіемъ каждаго изъ членовъ одной группы съ другими членами той же группы. Сперва эти группы малы, затѣмъ постепенно расширяются: возьмите исторію какой-нибудь міровой религіи, напр., католицизма, охватившаго милліоны умовъ послѣ вѣковой внутренней борьбы и споровъ: пренія въ первое время были горячія, доходившія до кровопролитій; затѣмъ шло раздѣленіе или соглашеніе болѣе обширныхъ массъ на какомъ-нибудь „кредо", причемъ новая борьба была болѣе экстенсивной, но менѣе интенсивной. Хотя это достигалось не сразу, однако, споры рѣшались уже не такъ, какъ прежде,—не войной, а соборами мѣстными, національными, наконецъ — вселенскими. Наука и философія внесли затѣмъ вѣротерпимость.

Можно прослѣдить тотъ же процессъ въ образованіи и объединеніи языковъ, въ борьбѣ между діалектами, провинціализмами и т. п., въ борьбѣ юридической, объединявшей мѣстныя правовыя обычныя нормы въ національныя и, наконецъ,—универсальныя. Тотъ же процессъ происходилъ и въ научномъ объединеніи, и въ искусствѣ, и вездѣ какая-нибудь идея, пріемъ, открытіе созрѣваютъ въ индивидуальномъ мозгу путемъ указаннымъ выше, то-есть столкновеніемъ двухъ идей [1]). Затѣмъ, это столкновеніе приходитъ къ одному изъ трехъ возможныхъ результатовъ: новая идея или усиливаетъ старую, или побѣждаетъ ее, становясь на ея мѣсто, или обѣ идеи, приспособляясь другъ къ другу, даютъ третью, новую (изобрѣтеніе). Четвертый результатъ —сомнѣніе, скептицизмъ, т.-е. ослабленіе вѣры въ прежнюю идею безъ вѣры въ

[1]) Эта „двойственность" сталкивающихся идей, которую надо понимать въ томъ смыслѣ, что каждая изъ двухъ сталкивающихся идей сама является продуктомъ столкновенія двухъ же идей и т. д., но уже продуктомъ объединеннымъ, т.-е. единой идеей,—имѣла мѣсто даже въ эволюціи языка: Тардъ ссылается на Бреаля, который приходитъ къ слѣдующему выводу на основаніи обширныхъ изслѣдованій: „какъ бы ни было длинно слово составное, въ немъ не можетъ быть болѣе двухъ понятій. И это правило не произвольно, а основано на свойствѣ нашего ума, соединяющаго всегда мысли попарно". Графическая схема эволюціи словъ, данная Джемсомъ Дарместеромъ, не опровергаетъ этого вывода, но мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе этого вопроса.

новую, не есть еще конечный результатъ, а состояніе колебанія. Такой результатъ сопровождается уменьшеніемъ энергіи индивидуума. Иногда индивидуумъ не только не теряетъ вѣры въ свою идею, а еще противодѣйствуетъ посторонней идеѣ, какъ препятствующей его идеѣ или вѣрованію, за цѣлость которыхъ онъ начинаетъ тревожиться. Эта тревога за цѣлостность своего прошлаго взгляда можетъ заражать и другихъ, и вообще въ ней кроется возможность того душевнаго состоянія, которое называется *фанатизмомъ*. Новая партія всегда состоитъ изъ группы людей, которые одни за другими или по примѣру другихъ приняли идею или рѣшеніе, противоположное тому, которое до тѣхъ поръ господствовало въ ихъ средѣ и которымъ они сами были проникнуты. По мѣрѣ своего распространенія, этотъ новый догматизмъ становится сильнѣе, нетерпимѣе и возбуждаетъ противъ себя коалицію изъ тѣхъ, кто остался вѣрнымъ традиціи или же, наоборотъ, нетерпимость вызывается въ средѣ новой партіи нетерпимостью и преслѣдованіемъ со стороны старой, и на почвѣ всего этого возникаютъ два противоположныхъ *фанатизма*. Но и они въ современномъ обществѣ принимаютъ все болѣе мягкую форму.

Мы можемъ закончить обзоръ „противоположенія" болѣе точнымъ указаніемъ на взаимное отношеніе между тремя сторонами явленій, открываемыми наукой, т.-е., между повторяемостью, противоположеніемъ и приспособленіемъ: приспособленія, какъ мы видѣли, являются примиреніемъ противоположенія, а противоположенія слѣдуютъ за повторяемостью явленій. Значитъ, противоположеніе является,—хотя и не всегда,—посредникомъ между повторяемостью и приспособленіемъ. Оно есть нѣчто въ родѣ средняго члена силлогизма. Причина этого порядка понятна: чтобы явилось противоположеніе, интерференція, споръ, столкновеніе, необходимо существованіе множества повторностей одновременныхъ или послѣдовательныхъ. Онѣ же могутъ или сочетаться между собою безъ борьбы, напримѣръ, усиливая другъ друга, или когда онѣ противополагаются другъ другу, возникаетъ борьба и, наконецъ, взаимное приспособленіе. Этимъ послѣднимъ мы теперь и займемся.

Л. Е. Оболенскій.

ПЛАМЕННЫЯ ДУШИ

РОМАНЪ.

Flammen. Roman von Wilhelm Hegeler. Berlin, 1905.

Окончаніе.

IV *).

Какъ утреннее солнце взошла любовь въ сердце Грабауса, и все освѣтилось для него новымъ, чудеснымъ свѣтомъ; все казалось ему теперь яснымъ и естественнымъ и все же необычайнымъ, чудеснымъ. Еслибы какой-нибудь другъ, угадавшій его тайну, сталъ бы дѣлать ему упреки, онъ бы съ полной искренностью отвѣтилъ: „Развѣ можетъ быть дурнымъ то, что дѣлаетъ меня лучшимъ, болѣе сильнымъ, отважнымъ и внутренно богатымъ? Что можетъ быть грѣшнаго въ любви, которая усиливаетъ во мнѣ любовь ко всѣмъ людямъ, которая вырываетъ меня изъ будничной пошлости и окрыляетъ меня, влечетъ меня къ высшимъ, чистымъ цѣлямъ?" Онъ, женатый человѣкъ, полюбилъ жену другого. Она никогда не будетъ принадлежать ему. Но развѣ онъ этого желаетъ? Онъ любилъ Марію такъ чисто и свято, точно она была его сестра или мать. Онъ ничего не желалъ и ни на что не надѣялся, а былъ счастливъ надеждой видѣться съ Маріей-Луизой отъ времени до времени. Онъ испытывалъ

---

*) См. выше: іюль, стр. 185 и слѣд.

глубокую радость уже тогда, когда образъ ея возникалъ предъ его духовнымъ взоромъ, когда онъ сидѣлъ у себя за работой и вспоминалъ ее, какой она была на вечерѣ въ рейхстагѣ, или когда онъ повторялъ ея слова и мысленно велъ съ ней задушевныя бесѣды.

Ея свѣтлый образъ носился передъ его взоромъ, озаряя всѣхъ близкихъ ей. Онъ полюбилъ Вольфа за то, что тотъ—ея братъ, и все болѣе привязывался къ майору, чувствуя къ нему симпатію и большое уваженіе. И если иногда въ сердцѣ его шевелилось чувство зависти или желаніе, то это не была настоящая зависть и настоящее желаніе. Онъ завидовалъ, какъ завидуютъ сказочнымъ существамъ, желалъ, какъ желаютъ летать—тѣмъ чувствомъ, которое теряетъ свое жало отъ сознанія недостижимости. Пока чувство счастья еще преобладало надъ всѣмъ другимъ, и любовь его походила на свѣтлую утреннюю зарю, а не на палящій полдневный зной.

Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова видѣлся съ Маріей-Луизой въ Веймарѣ, образъ ея рисовался ему инымъ. Онъ видѣлъ ее сидящей при свѣтѣ лампы; легкій румянецъ покрываетъ ея щеки при разговорѣ, глаза ея загораются и она ходитъ по высокимъ комнатамъ своей легкой воздушной походкой, точно ее поднимаютъ сильныя крылья молодости. Рядомъ съ ней ему представлялся майоръ, блѣдный, съ глазами, окруженными безчисленными мелкими морщинками. Какъ онъ ни старался пересилить себя и улыбаться, все же онъ производилъ впечатлѣніе больного, уставшаго, слабаго человѣка. А затѣмъ шуринъ, сидящій въ темномъ углу какъ съежившійся лѣсной звѣрь, ворчливый, наводящій жуткое чувство тупого ужаса.

Грабаусъ представлялъ себѣ теперь Марію-Луизу именно въ этой обстановкѣ, и на него нападалъ минутами бѣшеный страхъ. Онъ мысленно подходилъ къ ней, бралъ ее за руку и молилъ ее бѣжать съ нимъ, чтобы не погибнуть въ обстановкѣ, въ которой она не могла быть счастливой. Онъ самъ сталъ бояться остроты своей жалости къ Маріи-Луизѣ. А нетерпѣливое желаніе скорѣе видѣть ее разгоралось все сильнѣе. Онъ уже не велъ съ ней въ воображеніи тихихъ бесѣдъ, а предлагалъ ей тысячу вопросовъ о ея судьбѣ, съ мукой и страхомъ ожидая отвѣта.

Въ этомъ тревожномъ состояніи духа онъ получилъ приглашеніе, которое въ другое время пренебрежительно отвергнулъ бы, но теперь принялъ почти не задумавшись. Его просили повторить въ Веймарѣ свои каникулярныя лекціи о классической нѣмецкой

литературѣ. Предложеніе исходило отъ директрисъ многочисленныхъ веймарскихъ пансіоновъ для молодыхъ дѣвицъ. Гонораръ предлагался очень незначительный, и Грабаусу пришлось долго спорить съ женой: по ея мнѣнію, онъ легче могъ бы заработать большую сумму денегъ литературной работой. О настоящей причинѣ его согласія она не догадывалась, а думала, что ему пріятно читать предъ аудиторіей хорошенькихъ молодыхъ дѣвушекъ. Онъ оставилъ ее при ея мнѣніи и настоялъ на своемъ.

То, чего онъ втайнѣ желалъ и на что едва смѣлъ надѣяться, осуществилось: Марія-Луиза выразила желаніе присутствовать на его лекціяхъ. Онъ ѣздилъ каждую субботу въ Веймаръ, проводилъ вечеръ послѣ лекціи у Платеновъ, и по просьбѣ майора часто оставался у нихъ до слѣдующаго дня. Доктора Платена онъ почти никогда не встрѣчалъ, или же они встрѣчались какъ день и ночь, т.-е. когда одинъ приходилъ, другой уходилъ.

Тревога, нападавшая на Грабауса въ одиночествѣ, исчезала, когда онъ былъ подлѣ Маріи-Луизы. Ея спокойный тонъ и внутренняя ясность успокаивали его и давали ему безмятежное счастье.

Въ это время Грабаусъ получилъ письмо отъ гехеймрата Вольбольда, который вызывалъ его для переговоровъ въ Берлинъ. За нѣсколько дней до его отъѣзда онъ возвращался вечеромъ послѣ лекціи домой съ Маріей-Луизой. Шелъ густой снѣгъ и Грабаусъ съ восхищеніемъ наблюдалъ какъ бѣлые хлопья падали то на свѣтлыя кудри Маріи-Луизы, то на ея рѣсницы, то даже на ея алыя губы, гдѣ снѣгъ тотчасъ же таялъ. Обративъ вниманіе на ея молчаливый видъ, онъ спросилъ ее, наконецъ, не случилось ли у нея какой-нибудь непріятности?

— Я очень озабочена моимъ братомъ, — отвѣтила она.—Я получила отъ него странное письмо. Если хотите, я вамъ его покажу потомъ.

— Что же онъ пишетъ? — озабоченно спросилъ Грабаусъ.

— Сразу не разобраться въ этомъ письмѣ,—отвѣтила она съ легкой улыбкой. — Одно я только поняла: онъ влюбился въ какую-то актрису.

Въ первую минуту Грабаусъ чуть не расхохотался, но, сдержавшись, осторожно спросилъ:

— Что же въ этомъ дурного?

— Онъ мнѣ писалъ, что хочетъ жениться на ней.

Грабаусъ остановился отъ изумленія.

— Жениться?—переспросилъ онъ.—Это навѣрное шутка.

— Прочтите письмо, и вы увидите, что Вольфъ далеко не шутитъ.

Придя домой, Марія-Луиза дала ему письмо. Сама она пошла въ спальню къ майору, къ которому пришелъ врачъ для массажа, и Грабаусъ остался одинъ.

Письмо Вольфа было очень длинное и дышало молодой любовью. Видно было, что онъ пережилъ душевную бурю, и теперь счастливъ, но озабоченъ огромной отвѣтственностью своего рѣшенія. Въ письмѣ чувствовался искренній, задушевный, но совершенно безпомощный человѣкъ. Онъ писалъ о сестрѣ и зятѣ, о своихъ мысляхъ за послѣдніе годы, о своемъ будущемъ, о Нитцше, Эмерсонѣ, Карлейлѣ, Бебелѣ, но въ сущности занятъ былъ только своей любовью.

Грабаусу сдѣлалось грустно, когда онъ дочиталъ письмо. За послѣднія недѣли онъ видѣлся съ Вольфомъ почти ежедневно; они говорили обо всемъ, что занимало ихъ мысли, а между тѣмъ, почти ничего не знали другъ о другѣ.

Когда Марія-Луиза вернулась, Грабаусъ сказалъ ей:

— Въ немъ говоритъ большая молодость. Но это юноша, которымъ вы, какъ сестра, должны гордиться.

— Чѣмъ же эта исторія кончится? Вѣдь немыслимо, чтобы онъ женился на ней.

— Онъ это самъ пойметъ современемъ. И вы видите, страсть не убила его довѣрія къ вамъ. Онъ предоставляетъ вамъ право рѣшать. Онъ пишетъ: „Я поступлю такъ, какъ ты считаешь нужнымъ“.

— Но я боюсь, что онъ не станетъ слушать моихъ доводовъ—я вѣдь буду разсуждать трезво и благоразумно.

— Позвольте мнѣ съ нимъ переговорить,—возразилъ Грабаусъ.—Или, знаете что: у меня явилась другая мысль: я лучше переговорю съ ней—съ актрисой.

— Развѣ вы съ ней знакомы?

— Немножко.

— Не та ли это дама, съ которой Вольфъ танцовалъ на балу въ рейхстагѣ?

Грабаусъ утвердительно кивнулъ головой.

— У него хорошій вкусъ, — съ улыбкой замѣтила Марія-Луиза. — И вы думаете, что этотъ разговоръ можетъ къ чему-нибудь привести?

— Конечно. Только она и сумѣетъ доказать ему, что бракъ между ними—полная безсмыслица, что эта любовь—счастливый моментъ его молодости, но не прочное чувство на всю жизнь.

Она очень добрая женщина и сдѣлаетъ это; да и для нея такой бракъ былъ бы несчастіемъ.

— А не лучше ли вамъ поговорить съ Вольфомъ?

— Не думаю.

— Почему?

— Вы спрашиваете почему?

Онъ отвелъ глаза отъ Маріи-Луизы, которая съ ожиданіемъ смотрѣла на него, и, полузакрывъ глаза, устремилъ ихъ на оконное стекло. Онъ глядѣлъ какъ на немъ образовывались капли влаги, быстро стекавшія потомъ внизъ.

— Люди, которые любятъ, которые дѣйствительно любятъ, —сказалъ онъ,—похожи на бочки съ взрывчатымъ веществомъ. Горе тому, кто толкнетъ ихъ. Еслибы я любилъ женщину, и кто-нибудь—мой лучшій другъ, моя сестра, или моя мать—не только сказали бы дурное слово про нее, но выказали бы малѣйшее недовѣріе, моей дружбѣ съ ними былъ бы конецъ.

— Неужели любовь дѣлаетъ слѣпымъ?

— Она дѣлаетъ легко уязвимымъ.

Онъ увидѣлъ на стеклѣ двѣ капли, которыя торопливо бѣжали внизъ, и, казалось, приближались одна къ другой. И вдругъ у него промелькнула въ головѣ быстрая, настойчивая мысль: если эти двѣ капли сольются, то и она когда-нибудь полюбитъ тебя. Онъ сталъ слѣдить съ тревогой и сердцебіеніемъ за движеніемъ капель, точно его жизнь зависѣла отъ нихъ, и проговорилъ въ то же время, какъ во снѣ:

— Еслибы вы любили, развѣ у васъ не было бы такого чувства?

— Я никогда такъ не любила и не хочу такъ любить.

— Вы никогда такъ не любили и...

Голосъ его оборвался: капли коснулись одна другой и въ ту же минуту каждая поплыла отдѣльно.

— А еслибы любовь все-таки пришла? — спросилъ онъ.— Еслибы вдругъ—черезъ ночь—она явилась?

Онъ взглянулъ на нее задыхаясь. Она глядѣла вверхъ съ нахмурившимся и слегка дрожащимъ лицомъ; въ глазахъ ея отражалось пламя свѣчей, и легкій румянецъ покрылъ ея щеки.

— Что тогда?—повторилъ онъ.

— Я такъ стара, — сказала она легкимъ тономъ, какъ бы успокоивая сама себя.

— Вы такъ молоды,—возбужденно сказалъ онъ,—такъ молоды! И неужели у васъ никогда не было желанія полюбить?

Она вдругъ вздрогнула и взглянула ему въ глаза.

— Желанія? Напротивъ того, я боюсь...

Она замолчала, устрашившись слова, которое выдавало ее. И Грабаусъ съ испугомъ взглянулъ на нее, и увидѣлъ какъ румянецъ на ея щекахъ смѣнился страшной блѣдностью. Она поднялась и вышла изъ комнаты. Грабаусу показалось, что прошло много времени, прежде чѣмъ она вернулась.

— Мой мужъ отдохнулъ. Онъ сейчасъ придетъ, — сказала она непринужденнымъ тономъ.

Но послѣ этого они долго сидѣли, не произнося ни слова, и обоимъ казалось, что въ этомъ молчаніи они во всемъ признались другъ другу.

„Вы мнѣ позволили писать вамъ и прибавили съ улыбкой: если у васъ будетъ время и желаніе. Боюсь только, чтобы улыбка не смѣнилась изумленіемъ при видѣ моего длиннаго письма. Но не все ли равно? Есть вещи, которыя необходимо написать, и которыя пишутся, даже если знаешь, что онѣ не будутъ прочтены.

„Я живу въ томъ же отелѣ, который былъ мнѣ такъ дорогъ въ прежній пріѣздъ, и сижу въ той же маленькой, узкой комнаткѣ. Ко мнѣ поднимается съ улицы обычный шумъ. Это тотъ же Берлинъ. А между тѣмъ, все въ немъ стало инымъ.

„Когда я пріѣхалъ сюда два мѣсяца тому назадъ, на всемъ городѣ лежалъ какой-то таинственный блескъ, точно предчувствіе близкаго счастья. Надо мной блистала звѣзда, и я безсознательно шелъ за нею. Мнѣ было такъ радостно, и моя радость озаряла все, что̀ я видѣлъ. Но теперь, когда я знаю, что васъ здѣсь нѣтъ, все представляется мнѣ въ своемъ дѣйствительномъ видѣ. Берлинъ—какое-то страшное, бездушное чудовище. Люди стремятся здѣсь овладѣть предметами, а между тѣмъ, предметы овладѣли ими. Люди раздавлены предметами; они рабы того, что̀ сами создали. Духъ человѣка утратилъ цѣну. Его презираютъ и высмѣиваютъ, если онъ не проявляется въ осязательныхъ внѣшнихъ результатахъ. Я недавно встрѣтилъ въ одномъ обществѣ стараго пріятеля, который сдѣлался за это время директоромъ банка. Онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать, и я принялъ приглашеніе, думая побесѣдовать съ нимъ и его женой. Но ихъ обоихъ я только вскользь увидалъ среди толпы разряженныхъ гостей. Съ внѣшней стороны все было необыкновенно пышно и изящно, но трудно себѣ представить ничтожность того, что̀ говорилось въ отдѣльныхъ группахъ, къ которымъ я подходилъ. Моей сосѣдкой за столомъ была старая дама, некрасивая, но зато и не

такая пустая, какъ другія. Я спросилъ ее, всюду ли такъ бываетъ, какъ здѣсь? Она сразу меня поняла и отвѣтила: всюду. Мужчины устали, мысли ихъ заняты биржей, деньгами, дѣлами. Женщины скучаютъ, ищутъ развлеченій. Помните, мы съ вами посѣтили домъ Шиллера въ Тифуртскомъ замкѣ? Тамъ жили цари духа въ тѣсныхъ хижинахъ, а здѣсь нищіе духомъ живутъ во дворцахъ. Тамъ царили свѣтъ, блескъ и отрадное тепло, здѣсь холодно и мрачно, несмотря на электрическій свѣтъ. Въ тотъ вечеръ я истинно радовался тому, что я бѣднякъ и что, по всей вѣроятности, останусь таковымъ всю жизнь.

„Все, чѣмъ человѣкъ владѣетъ, начинаетъ имъ владѣть. Надѣньте новую шляпу, и вы станете рабой этой шляпы—побоитесь гулять подъ снѣгомъ, чтобы не попортить ее. Впрочемъ, нѣтъ, вы не такая. Вы съ царственнымъ спокойствіемъ ходили подъ дождемъ въ шелковомъ платьѣ, потому что вамъ было интересно продолжать нашъ разговоръ.

„Какъ бы мы ни умножали наше богатство, это не обогатитъ ни сердце, ни умъ новыми чувствами и новыми мыслями. Получается такое впечатлѣніе, точно мы потеряли свое „я“ и ищемъ себя во внѣшнихъ мертвыхъ предметахъ. Намъ служатъ милліоны лошадиныхъ силъ, но источники нашей внутренней силы изсякли. Гдѣ наша вѣра, наша сила воображенія, наша любовь? Мы разрушили силу, которая одухотворяетъ предметы и создаетъ вѣчныя цѣнности, неизсякаемыя радости. Наше мертвое сердце привязано къ мертвымъ предметамъ.

„Вотъ мысли, которыя тѣснились въ моей душѣ въ эти дни—долгіе, какъ дни изгнанія. На меня напалъ ужасъ; мнѣ казалось, что я кричу и никто меня не слышитъ. Способенъ ли я еще сдѣлать что-нибудь въ жизни? Нужно ли людямъ то, что я могу имъ дать? Можетъ быть, я человѣкъ давно минувшей поры, или же времени, которое наступитъ уже послѣ моей смерти? Мнѣ были противны эти тысячи людей, проходившіе мимо меня на улицѣ, и все-таки я чувствовалъ, что они мнѣ нужны, что одиночество изсушитъ меня, что мнѣ нуженъ отголосокъ живыхъ душъ. Но въ тѣ часы, когда я падалъ духомъ, внутренній голосъ сказалъ мнѣ: не приходи въ отчаяніе, вѣдь въ твоей жизни явилась она. Мое чувство къ вамъ, фрау Платенъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что люди называютъ страстью и любовью. Я для васъ буду всегда только другомъ. Не знаю даже, позволите ли вы мнѣ называться вашимъ другомъ. Можетъ быть, мнѣ придется скоро уѣхать далеко отъ васъ. И все же я могу сказать: съ тѣхъ поръ, какъ я васъ встрѣтилъ, для меня

началась новая жизнь. И вдали отъ васъ эта новая жизнь будетъ продолжаться. Все, что во мнѣ можетъ еще созрѣть, окрѣпнуть, все это дали мнѣ вы. Моя жизнь будетъ преисполнена силы, потому что я ее сознательно или безсознательно всегда посвящаю вамъ.

„На слѣдующій вечеръ.

„Теперь послѣ полуночи. Я все еще сижу за письменнымъ столомъ и не знаю о чемъ писать, о чемъ умолчать. Въ комнатѣ холодно, но голова вся въ огнѣ. Въ хаосѣ мыслей, одолѣвающихъ меня, самыя ясныя исчезаютъ, а тѣ, которыя остаются, пугаютъ меня. Вѣдь я сѣлъ писать вамъ о томъ, что мнѣ удалось сдѣлать въ Берлинѣ. Но я не могу теперь—откладываю на другой разъ. Спѣшу только сказать, что о вашемъ братѣ вамъ безпокоиться нечего. Затѣмъ—затѣмъ, я еще разъ былъ въ министерствѣ и долго бесѣдовалъ съ Вольбольдомъ. Университетъ будетъ основанъ и предполагается, что я буду назначенъ ректоромъ. Вольбольдъ сообщилъ это мнѣ съ видомъ Наполеона, который производитъ скромнаго офицера въ генералы. Чтобы скачокъ не былъ слишкомъ большимъ, меня хотятъ перевести—можетъ быть, уже черезъ нѣсколько недѣль—экстраординарнымъ профессоромъ въ Кенигсбергъ. Вы меня поздравляете? Радуетесь за меня? Я многое бы далъ, чтобы видѣть выраженіе вашего лица, когда вы прочтете эти строки. Что касается меня, то говорю вамъ откровенно—я далеко не радъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ эта перспектива безконечно бы меня обрадовала, но теперь я только въ ужасѣ отъ того, что не буду больше видать васъ. Это было моей единственной мыслью въ тѣ часы, когда я, не находя себѣ покоя, бѣгалъ по улицамъ.

„И какъ тогда, когда я впервые услыхалъ ваше имя, оно стало звучать въ моей душѣ: Марія-Луиза! Марія-Луиза! Это былъ точно голосъ, зовущій меня—голосъ съ берега, обращенный къ утопающему. Неужели же я снова опущусь на темное дно послѣ того, какъ едва успѣлъ прикоснуться къ вашей рукѣ? Нѣтъ, Марія-Луиза, я не могу повѣрить, что злая и безсмысленная судьба только съ тѣмъ привела меня къ вамъ, чтобы сейчасъ же снова разлучить насъ. Не можемъ же мы разойтись съ вами, какъ случайно встрѣтившіеся путешественники, которые провели нѣсколько пріятныхъ часовъ вмѣстѣ и затѣмъ, на поворотѣ пути, разстаются съ легкимъ сердцемъ. Я не могу этого допустить. Я отдалъ вамъ всю свою душу и не можетъ быть, чтобы вы не питали ко мнѣ даже простой симпатіи. И вы, Марія-Луиза, нуждаетесь во мнѣ—я это знаю. И вы несчастливы.

И въ васъ проснулась жажда счастья. Я давно это предчувствовалъ, не осмѣливаясь только думать объ этомъ. Но когда въ послѣдній вечеръ у васъ наши взоры встрѣтились, я прочелъ это въ вашихъ глазахъ. Пламя, которое пожираетъ меня, бушуетъ и въ вашей душѣ.

„О, Марія-Луиза! когда я написалъ то, чего никогда не думалъ писать, мнѣ стало легко и весело на сердцѣ. Что теперь будетъ—не знаю. Я рѣшилъ только одно: завтра я отправляюсь къ Вольбольду и употреблю всѣ усилія, чтобы остаться въ Іенѣ—подлѣ васъ. Я ничего не желаю, ни къ чему не стремлюсь, кромѣ того, чтобы видѣть васъ, чтобы вы сохранили ко мнѣ свое прежнее хорошее отношеніе. Можетъ быть, вы будете презирать меня послѣ этого письма. Можетъ быть, я дѣйствительно безумецъ. Я и этого не знаю, а только чувствую, что сердце мое бьется радостью и надеждой. Довѣрить свою душу тому, кого любишь—величайшее блаженство: оно выше всякаго благоразумія“.

Въ тотъ вечеръ, когда пришло это письмо, майоръ и его жена сидѣли вмѣстѣ въ гостиной. День былъ очень тяжелый и медленно тянулся. Дулъ безпощадный ледяной вѣтеръ, отъ котораго страданія майора усилились до нестерпимости. Больному хотѣлось стонать и кричать отъ боли, но пока около него была Марія-Луиза, онъ не испускалъ ни малѣйшей жалобы, и на ея тревожные вопросы отвѣчалъ съ кроткой улыбкой:

— Ничего, пройдетъ. Это все маленькіе укусы комара, напоминающіе нашему брату, что молодость уже прошла.

Этими словами онъ старался отшутиться отъ ея тревоги.

Пламя свѣчей въ канделябрахъ пугливо трепетало подъ напорами вѣтра; въ старинномъ каминѣ огонь то ровно стелился по низу, то вспыхивалъ, жадно охватывая сухія дрова. Только маленькая керосиновая печка у садовой двери продолжала тихо и ровно горѣть.

Майоръ съ женой мирно бесѣдовали послѣ кофе, и разговоръ между прочимъ зашелъ о Грабаусѣ. На этомъ онъ оборвался: въ душѣ Маріи-Луизы пробудились голоса, которые никогда бы не заявили о себѣ вслухъ. Она вышивала. Майоръ собирался подарить Грабаусу къ Рождеству такое же кресло, какъ свое, и жена его вышивала полосу для обивки кресла. Она выбрала старинный гобеленовый узоръ и, вышивая его блѣдными шелками, все время думала о Грабаусѣ. Она даже собственно не думала о немъ, а какъ бы видѣла его подлѣ себя: онъ си-

дѣлъ и ходилъ по комнатѣ, и когда она вспоминала его взволнованныя слова, обращенныя къ ней, сердце ея быстро и бурно билось.

Когда затихъ порывъ вѣтра, и среди наступившей тишины, при неподвижномъ свѣтѣ свѣчей и догорающемъ пламени камина вдругъ что-то зашуршало за обоями, Марія-Луиза вся вспыхнула и вздрогнула. Глядя влажными глазами на то мѣсто въ стѣнѣ, откуда раздался шорохъ, она стала прислушиваться и чего-то искать взглядомъ. У нея было такое чувство, точно слова, которыми они обмѣнялись въ вечеръ его отъѣзда — невинныя слова, но все же вдругъ освѣтившія ихъ тайну—стали живыми существами и тѣснятся вокругъ нея. Она переживала теперь то же самое, что и въ тотъ вечеръ,—только чувство еще глубже проникло въ ея сердце. Ей казалось, что она погружается куда-то глубоко-глубоко, и всѣ тревожные вопросы, которые поднялись въ ней въ этотъ моментъ, исчезли передъ блаженствомъ, охватившимъ ее. За окнами опять бушевалъ вѣтеръ, опять вспыхнуло пламя въ каминѣ, но она ничего не замѣчала. Она не слышала звонка у входныхъ дверей и не видѣла остановившагося на ней взгляда ея мужа.

Съ той минуты, какъ смолкла Марія-Луиза, его лицо приняло измученное, уставшее выраженіе. Онъ уже не противился своей боли, а съ чувствомъ отдохновенія отдался ей, и нѣсколько времени лежалъ, прикрывъ глаза рукой. Потомъ, какъ бы боясь, что жена наблюдаетъ за нимъ, онъ приподнялся и взглянулъ на нее. Ему показалось, что она никогда еще не была такъ прекрасна, какъ въ эту минуту. Ее окружалъ свѣтъ, который не шелъ отъ свѣчей и не былъ отраженіемъ огня въ каминѣ. Она сидѣла тихо, едва дыша, какъ бы видя сонъ на яву, слегка раскрывъ губы, съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ, со строгимъ выраженіемъ лица, которое, однако, какъ бы озарялось изнутри улыбкой. Она была удивительно молода и прекрасна. И съ болью, превосходящей его физическія страданія, онъ подумалъ о томъ, какой онъ рядомъ съ ней старый, больной и немощный.

Дѣвушка открыла тихо дверь и принесла газеты. Марія-Луиза поднялась, и когда майоръ протянулъ къ ней руку, она сѣла рядомъ съ нимъ.

— Какъ ты была хороша только-что, дитя. Ты думала о чемъ-нибудь прекрасномъ, не правда ли?

Она медленно перевела дыханіе и только покачала головой.

— Какъ ты себя чувствуешь, милый,—спросила она.

— Откровенно говоря, очень плохо.

— Сегодня особенно плохой день для тебя.

— Сегодня то же, что вчера. Только я сегодня болѣе чувствителенъ. Болѣзнь твердо засѣла въ меня и больше не уйдетъ. Да, дорогая, нужно съ этимъ примириться — я хромой калѣка, а ты еще такъ молода.

— Зачѣмъ ты это говоришь? Ты знаешь, какъ это меня огорчаетъ.

— Выслушай меня спокойно,—сказалъ онъ, и снова взялъ ее за руку.—Я съ тобой говорилъ объ этомъ уже въ прошломъ году, послѣ первой болѣзни, и теперь повторяю. Когда тебѣ станетъ не подъ силу—не жалѣй меня.

Она вся вздрогнула отъ ужаса.

— Боже, какъ ты меня мучаешь!

Майоръ скорбно улыбнулся и сталъ ее утѣшать.

— Я не хочу тебя мучить. Я хочу только знать, что ты охотно остаешься подлѣ меня. Когда я стану тебѣ въ тягость— больные люди всегда становятся въ тягость...

— Ахъ, почему ты не хочешь меня понять. Я люблю тебя такимъ, какой ты есть. Я вѣдь тебѣ говорила, что моей первой истинной любовью былъ мой отецъ и что я была счастливѣе всего, ухаживая за нимъ. Я могу любить только тѣхъ, передъ кѣмъ я преклоняюсь. А всѣ мужчины, которыхъ я встрѣчала— всѣ...

— А что, если когда-нибудь явится другой, котораго ты полюбишь?

Она откинулась назадъ и возбужденно отвѣтила:

— А еслибы онъ и явился? Неужели бы я оставила тебя? Что̀ сталось бы съ тѣмъ, во что̀ я вѣрила, для чего жила? Куда дѣвалась бы моя честность, гордость?

— Есть чувства болѣе сильныя, чѣмъ все это.

— Не для меня. Я останусь у тебя. Вся моя жизнь въ тебѣ. Я измѣнила бы себѣ, оставивъ тебя. А теперь довольно. Тебѣ вредно много говорить.

Онъ держалъ ея руку въ своей. Они глядѣли другъ другу въ глаза, и она безмолвнымъ, испуганнымъ взоромъ снова увѣряла его въ томъ, чему онъ не могъ вѣрить и что̀ ему все-таки было такъ отрадно слушать.

За стѣнами дома продолжалась буря. Вѣтеръ врывался въ каминъ и то душилъ пламя, то вздымалъ его съ собой вверхъ. Въ комнатѣ же наступила тишина. Майоръ и Марія-Луиза замолчали, точно стыдясь страстнаго порыва, обнажившаго ихъ

души, и старались прикрыть глубокую человѣчность своихъ чувствъ будничнымъ покровомъ равнодушія. Черезъ нѣсколько времени они заговорили о спокойныхъ, обыденныхъ предметахъ.

Майору стало невыносимо лежать на диванѣ, и онъ пересѣлъ на кресло у камина. Марія-Луиза придвинула ему скамеечку, прикрыла его ноги пледомъ, затѣмъ стала читать ему вслухъ газету, и только легкая дрожь въ голосѣ выдавала пережитое ею волненіе.

Снова вошла дѣвушка и принесла вечернюю почту—много писемъ, которыя она передала майору.

— Видно, что Рождество близко,—сказалъ онъ.—Это письмо для тебя, дорогая. Онъ подвинулъ женѣ письмо.—Странно, что Бергеръ не пишетъ о нашемъ имѣніи. Ага, вотъ письмо отъ него. Посмотримъ, что̀ новаго.

Онъ разрѣзалъ конвертъ и положилъ ножикъ на столъ, чтобы Марія-Луиза могла взять его. Но она не протянула за нимъ руку, а съ блѣднымъ лицомъ смотрѣла на письмо, сразу узнавъ почеркъ на конвертѣ. Она подумала о томъ, что̀ только-что говорила мужу. Внимая бурному біенію сердца и шопоту глухихъ голосовъ, она показалась сама себѣ мрачной, ненавистной загадкой. Наконецъ она встрепенулась, разрѣзала конвертъ и начала читать съ такимъ видомъ, точно заранѣе враждебно отклоняла каждое слово письма. Прошло нѣсколько времени. Майоръ что-то высчитывалъ и записывалъ на бумажкѣ.

— Да, дитя, объ этомъ нужно подумать. Нѣсколько земельныхъ участковъ сильно поднялись въ цѣнѣ. Кажется, теперь дѣйствительно выгодно будетъ продать.

Не услышавъ ничего въ отвѣтъ, онъ обернулся и увидѣлъ, что она плачетъ. Сначала онъ испугался, думая, что въ письмѣ была какая-нибудь печальная вѣсть. Но, вглядываясь молча въ ея лицо, по которому текли слезы изъ широко раскрытыхъ глазъ, онъ увидѣлъ, что сквозь ея печаль просвѣчиваетъ еще больше, чѣмъ прежде, отблескъ скрытаго счастья. Онъ тихо окликнулъ ее, но она не слышала.

— Дитя, Марія-Луиза, что̀ съ тобой?—повторилъ онъ.

Марія-Луиза взглянула на него и очнулась. Она осушила слезы и лицо ея приняло сосредоточенное сумрачное выраженіе; она молча передала ему письмо. Онъ съ удивленіемъ взялъ его и началъ читать. Марія-Луиза перестала плакать и съ выраженіемъ муки на лицѣ глядѣла въ пространство. Только когда она слышала по шелесту бумаги, что онъ переворачиваетъ страницы, она коротко и отрывисто переводила духъ.

Наконецъ онъ кончилъ. Его рука, свѣсившаяся съ ручки кресла, держала смятую страницу. Откинувшееся назадъ лицо нельзя было разглядѣть.

— Скажи же что-нибудь,—проговорила она. Не получивъ отвѣта, она подошла и опустилась на колѣни передъ его кресломъ.—Бернгардъ, скажи хоть одно слово,—проговорила она.

Онъ наклонился къ ней. У него были потухшіе глаза, на желтомъ, испещренномъ морщинками лицѣ выступилъ холодный потъ.

— Отошли ему письмо. Скажи, чтобъ онъ больше не приходилъ. Я не хочу его видѣть,—шептала она беззвучнымъ, но твердымъ голосомъ.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Дитя, дитя, развѣ можно такъ поступать?—сказалъ онъ.—Еслибы кто-нибудь другой—но другой бы и написалъ иначе. Вѣдь такъ не пишутъ—совратители.—Онъ коротко и сухо засмѣялся при этомъ словѣ.—Не будемъ же несправедливы къ нему. Пусть онъ продолжаетъ бывать. Вѣдь мы съ нимъ провели много пріятныхъ часовъ.

Его отяжелѣвшая рука гладила ея волосы. Она подняла лицо, взглянула на него широко раскрытыми глазами, точно собираясь что-то сказать. Но болѣе властная сила остановила ея порывъ.

— А теперь иди, дорогая. Перечти письмо еще разъ сама. Мнѣ хочется остаться одному. Это все-таки взволновало меня. Иди, Марія-Луиза, прошу тебя.

Онъ выпрямился и отдалъ ей письмо. Она подошла къ камину и остановилась въ нерѣшительности, точно собираясь бросить его въ огонь.

— Нѣтъ, не нужно. Повѣрь мнѣ, онъ самъ никогда не заговоритъ больше объ этомъ письмѣ. Такія слова вырываются разъ, и затѣмъ ихъ навсегда хоронятъ въ душѣ.

Онъ быстро пожалъ ей руку, и она ушла, повторивъ еще разъ: напиши ему, что я не хочу его видѣть.

Послѣ ухода жены майоръ нѣсколько времени сидѣлъ въ креслѣ, не двигаясь, съ закрытыми глазами и все время повторялъ про себя на какой-то баюкающій мотивъ: „Старый мужъ—молодая жена. Старый мужъ—молодая жена!“ Въ головѣ его носились одновременно обрывки разныхъ другихъ словъ и мыслей. Честь... честь. И это слово промелькнуло среди другихъ, хотя онъ въ эту минуту не отдавалъ себѣ отчета въ его смыслѣ.

Вошла дѣвушка, прибавила дровъ въ каминъ и молча вышла. Желтые огоньки сначала нерѣшительно набѣгали на холодныя

свѣжія полѣнья и отступались, точно недовольные предоставленной имъ пищей. Но тотчасъ же они снова жадно вытягивали горячіе языки. Раздался трескъ и дрова вспыхнули, охваченныя огнемъ, какъ красной мантіей. Майоръ пристально глядѣлъ на эту работу пожирающаго пламени. Ему представлялся въ воображеніи лѣсъ, въ которомъ эти уже распадающіяся въ пепелъ полѣнья были большими могучими деревьями, пустили глубоко въ землю корни и спорили съ вѣтрами. Но пришло пламя и пожрало ихъ, превратило въ пепелъ. И онъ подумалъ: такъ же, какъ эти деревья выросли и окрѣпли въ теченіе медленныхъ, долгихъ десятилѣтій, такъ и въ немъ, какъ и во всякомъ человѣкѣ, родились и выросли мысли и убѣжденія, пустили глубокіе корни и противились всѣмъ бурямъ. Но пришло пламя и все пожрало, все превратило въ пепелъ: вѣрность, честность, гордость—все, о чемъ говорила Марія-Луиза.

Онъ крѣпко ухватился за ручку кресла и сжалъ ее. Онъ сталъ припоминать то, въ чемъ поклялся себѣ годъ тому назадъ. Тогда, глядя на свою молодую, какъ бы окрыленную силой и красотой жену, онъ понялъ, что было бы жестокостью и святотатствомъ навсегда приковать молодое прекрасное существо къ постели больного. Онъ понялъ, что нужно предоставить ей свободу, что это болѣе священный долгъ, чѣмъ выдуманныя людьми обязанности. Все это онъ ей сказалъ и повторилъ нѣсколько разъ, какъ она ни отказывалась его слушать. Но теперь то страшное, что̀ онъ предсказывалъ, наступило,— несчастіе обрушилось на него—и на нее. И все въ немъ возмутилось противъ неотвратимаго; его охватилъ судорожный холодъ, какъ отъ близости смерти. Онъ глядѣлъ на догорающія дрова, по которымъ бѣгали послѣдніе огоньки, слышалъ трескъ послѣднихъ искръ въ каминѣ, и въ головѣ его носились дикія картины. Онъ видѣлъ себя выпрямившимся, большимъ; онъ рветъ письмо и тотъ—другой—уходитъ съ смертельно блѣднымъ лицомъ. Или же передъ нимъ лѣсъ, засыпанный снѣгомъ. Оба они наводятъ пистолеты, тотъ падаетъ, а онъ самъ садится въ коляску. Потомъ вдругъ ему представилась Марія-Луиза съ окровавленнымъ лицомъ—потомъ онъ самъ среди лужи крови. Вокругъ него люди, оцѣпенѣвшіе отъ ужаса. Всюду кровь, кровь!

Онъ протеръ себѣ глаза, прижалъ къ нимъ руки, но кровавыя видѣнія не исчезали—казалось, что кровь лилась изъ его же глазъ. Охваченный ужасомъ передъ самимъ собой, онъ весь содрогнулся. И вдругъ на креслѣ, на которомъ онъ такъ часто сидѣлъ,—майоръ увидѣлъ Грабауса. Онъ сидѣлъ и, глядя сіяю-

щими глазами на Марію-Луизу, говорилъ тѣмъ взволнованнымъ, вѣщающимъ тономъ, который часто удивлялъ майора. Онъ опять произносилъ тѣ же длинныя, закругленныя фразы, которыя вызывали тоже удивленіе, а иногда и улыбку у майора. Онъ говорилъ такъ, какъ еслибы заговорила печатная книга. Майоръ его слушалъ, увлекался и радовался, когда вполнѣ понималъ его мысль. Но внутренно онъ улыбался и думалъ: „Какъ бы все это звучало по иному, еслибы заговорилъ какой-нибудь влюбленный офицеръ!"

И когда онъ все это себѣ такъ ясно представилъ, его охватило чувство внезапнаго облегченія. Онъ радостно вздохнулъ. Онъ точно лучше узналъ этого человѣка, чистаго и неспособнаго ни на что дурное. Онъ увидѣлъ передъ собой его честное открытое лицо и понялъ, что все, что онъ съ внутреннимъ испугомъ приписывалъ ему, было внѣ области возможнаго для этого человѣка. Майоръ внутренно поглядѣлъ на него съ легкимъ чувствомъ превосходства...

Когда, нѣсколько дней спустя, Грабаусъ входилъ въ свою аудиторію въ Веймарѣ, всѣ мѣста были заняты—кромѣ стула Маріи-Луизы. Медленно проходя мимо него, Грабаусъ чувствовалъ, какъ смутное чувство тревоги, охватившее его послѣ возвращенія домой, превратилось въ острую гнетущую боль. Въ то время, какъ онъ открылъ записки и сталъ собирать мысли передъ началомъ чтенія, ему стали шептать успокоительные голоса въ душѣ: „Развѣ не могло случиться, что ей что-нибудь помѣшало? Она, можетъ быть, нездорова. Но онъ не вѣрилъ этимъ голосамъ, убѣжденный, что во всемъ виновато письмо—что изъ-за него она и не пришла". Любовь къ этой женщинѣ, пробудившая въ немъ столько гордости и смѣлости, въ такой же степени сдѣлала его пугливымъ, неувѣреннымъ въ себѣ.

Онъ уже началъ лекцію, когда дверь снова открылась и вошла Марія-Луиза. Она быстрыми, рѣшительными шагами прошла на свое мѣсто. Онъ вздрогнулъ, но продолжалъ спокойно читать, отъ времени до времени только бросая взгляды въ ея сторону. Его безпокоило то, что она не снимала вуали—это казалось ему какимъ-то признакомъ размолвки между ними. Послѣ лекціи у выхода онъ подошелъ къ ней поздороваться. Она любезно протянула ему руку, спросила, когда онъ вернулся, затѣмъ прибавила, что спѣшитъ за покупками къ Рождеству и попросила зайти къ нимъ вечеромъ, говоря, что это очень обрадуетъ ея

мужа. Но Грабаусъ отклонилъ приглашеніе, говоря, что спѣшитъ домой. На слѣдующей недѣлѣ онъ былъ приглашенъ къ Платенамъ вмѣстѣ съ Вольфомъ, но ни на минуту не оставался наединѣ съ Маріей-Луизой и обмѣнялся съ ней только нѣсколькими незначительными словами.

Въ слѣдующую субботу Грабаусъ читалъ лекцію такъ спутанно и вяло, что послѣ окончанія къ нему подошла какая-то сострадательная директриса, спросила, не болитъ ли у него голова и посовѣтовала ему брать порошки аспирина. Затѣмъ одна старая учительница стала его убѣждать, что у него навѣрно продрогли ноги и въ этомъ причина его нездоровья. Она посовѣтовала ему носить пуховые чулки и сейчасъ же дала адресъ магазина, гдѣ можно купить такіе чулки. Когда къ этимъ двумъ дамамъ присоединилась еще третья, Грабаусъ поспѣшилъ спастись отъ нихъ и, быстро распрощавшись, торопливо пошелъ нагонять Марію-Луизу. Онъ сначала пошелъ направо, потомъ повернулъ налѣво, пока, наконецъ, не увидалъ на другой сторонѣ улицы Марію-Луизу—опять въ сопровожденіи дѣвушки. Онъ попросилъ позволенія пройти нѣсколько шаговъ вмѣстѣ съ ней. Она отвѣтила, что отправляется за покупками и что мужчины только мѣшаютъ при этомъ.

— Лучше пойдите къ намъ и посидите съ мужемъ. Я скоро вернусь,—сказала она.

— Я тоже отправляюсь за покупками,—отвѣтилъ Грабаусъ съ упрямой настойчивостью человѣка, который бросился въ воду и рѣшилъ или доплыть до другого берега, или утонуть.—Мнѣ двѣ директрисы посовѣтовали купить пуховые чулки, чтобы ноги не мерзли, и порошки аспирина, чтобы голова не была въ огнѣ. Я навѣрное говорилъ сегодня, какъ идіотъ—и чувствую себя идіотомъ. Впрочемъ, нѣтъ, не идіотомъ; я ужъ недѣлю точно въ горячкѣ.

— Такъ вамъ бы дѣйствительно лучше сидѣть въ теплѣ, а не бѣгать по холоду. Я съ удовольствіемъ куплю все, что вамъ нужно.

— Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь? Это некрасиво!

— Господи!—испуганно воскликнула она.—Я не смѣюсь, а говорю совершенно серьезно.

— Я боленъ—только оттого, что насъ что-то раздѣляетъ, что вы ужъ не попрежнему относитесь ко мнѣ. Я знаю, почему. Вы, конечно, правы. Но позвольте мнѣ одинъ разъ откровенно поговорить съ вами. Тогда—если вы сочтете это нужнымъ—я уйду навсегда.

Марія-Луиза продолжала идти, ничего не отвѣчая. Они прошли мимо ярко освѣщеннаго магазина и взоры ихъ встрѣтились при свѣтѣ. Ея тревожный, нерѣшительно вопрошающій взглядъ остановился на секунду на его блѣдномъ, измученномъ лицѣ и умоляющихъ глазахъ.

— Подождите минуту,—сказала она.

Она обернулась, вынула изъ кошелька деньги и бумажку со спискомъ того, что нужно купить, и передала все это дѣвушкѣ. Дѣвушка направилась къ рынку, а они продолжали вдвоемъ путь въ противоположномъ направленіи.

— Благодарю васъ,—прошепталъ Грабаусъ.

Марія-Луиза слегка вздрогнула и сказала:

— Вы хотите, очевидно, поговорить со мной относительно письма, которое вы мнѣ написали. Оно вѣдь насъ разъединило. Я показала его мужу, и онъ сказалъ, что вы никогда больше не заговорите о немъ, что вы опомнитесь, и эта исторія будетъ навѣки похоронена.

— Пусть она будетъ похоронена—я согласенъ.

— Тогда все отлично. Пойдемте къ намъ. Я вамъ дамъ письмо, вы его разорвете—и пусть все будетъ по-старому. Развѣ это не самое лучшее?

— Это невозможно,—тихо отвѣтилъ онъ.—Такъ, какъ было прежде, уже больше не можетъ быть. То, что прошло, не вернется. Будетъ что-нибудь новое—такъ или иначе. Когда я писалъ вамъ это письмо, я думалъ, что вы его прочтете, оставите его у себя, поймете—оправдаете меня.

— Оправдаю?

— Я долженъ былъ его написать. Я зналъ, опуская его въ ящикъ, что, можетъ быть, стану въ вашихъ глазахъ презрѣннымъ человѣкомъ, но все-таки отослалъ его. Я иначе не могъ поступить.

— Могли. Еслибы вы вняли голосу чистаго человѣка, который живетъ въ васъ, вы бы не написали его.

— Напротивъ того. Я написалъ его подъ вліяніемъ лучшаго, что есть во мнѣ.

Не обращая вниманія на дорогу, они шли по тихимъ улицамъ и вышли на бельведерскую аллею. Мимо нихъ мелькали темныя фигуры, которыя съ провинціальнымъ любопытствомъ старались узнать ихъ лица. Поѣздъ городской желѣзной дороги промчался мимо нихъ, заливъ ихъ яркимъ свѣтомъ. Грабаусъ остановился. Указывая на занесенный снѣгомъ паркъ, который тянулся влѣво отъ нихъ въ бѣлой полумглѣ, онъ сказалъ:

— Пойдемъ туда. Тамъ по крайней мѣрѣ тихо.

— Я не хожу въ паркъ такъ поздно,—рѣзко отвѣтила она.—Скажите мнѣ здѣсь то, что вы имѣете еще сказать мнѣ.

— Я попытаюсь. И, вѣроятно, это будетъ нашъ послѣднiй разговоръ. Я долженъ объяснить вамъ, въ какомъ настроенiи я писалъ это письмо. Тогда вы его если и не оправдаете, то во всякомъ случаѣ не такъ строго осудите. Я очень любилъ мою жену—и ставилъ ее чрезвычайно высоко. Но потомъ я убѣдился, что ошибся, что она не такая, какой она мнѣ казалась, а самая обыкновенная женщина съ мелкими интересами. И мнѣ показалось тогда, что вся моя жизнь испорчена. Я могъ заботиться о карьерѣ, но то, что составляетъ цѣнность жизни, исчезло. Я потерялъ вѣру въ себя вмѣстѣ съ вѣрой въ жену. Мысли мои, быть можетъ, имѣютъ значенiе—но весь я казался себѣ ничтожнымъ. Я судилъ себя по той женщинѣ, чью любовь я завоевалъ. Въ этомъ настроенiи я встрѣтился съ вами. А теперь выслушайте терпѣливо то, что я еще имѣю вамъ сказать. Вы позволяете говорить?

— Говорите,—произнесла Марiя-Луиза сдавленнымъ голосомъ.

Они опять вышли на оживленную улицу. Пройдя нѣсколько времени молча, они какъ бы по безмолвному соглашенiю свернули въ узкую, темную улицу и опять приблизились къ парку.

— Когда я увидалъ васъ въ первый разъ въ Берлинѣ, я сразу почувствовалъ, что заслужить ваше уваженiе и вашу дружбу для меня дороже всякихъ университетскихъ и государственныхъ почестей. Я почувствовалъ, что вы можете вернуть мнѣ вѣру въ себя.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на вечернее небо, на которомъ плылъ мѣсяцъ въ красноватой дымкѣ промежъ стройныхъ высокихъ тополей. Глубоко внизу виднѣлись снѣжныя поляны въ сѣроватомъ предвечернемъ свѣтѣ и переплетались верхушки деревьевъ, объятыя пламенемъ заката.

— Когда я писалъ вамъ письмо, я зналъ, что мы никогда не будемъ принадлежать другъ другу. Но я ничего не желалъ. Никакая нечистая мысль не примѣшивалась къ моей любви. Вовсе не нужно обладать счастьемъ,—нужно только знать, что оно было возможно. Достаточно знать, что не ты недостоинъ любимой женщины, а вѣчныя свѣтила не допустили твоего счастья. Если есть эта вѣра, то дѣйствительность не страшна. Потому я написалъ вамъ—я хотѣлъ имѣть право смотрѣть когда-нибудь изъ моей одинокой комнаты на такую ночь, какъ эта, и сказать

себѣ, что на далекихъ путяхъ, гдѣ безсильна судьба, гдѣ нѣтъ запретовъ, я могъ бы идти рядомъ съ вами. Вотъ въ чемъ моя вина, Марія-Луиза; простите мнѣ ее теперь.

Онъ взялъ ея руку, которая безвольно лежала въ его рукѣ.

— Я прощаю,—тихо сказала она.

— Вы не считаете меня низкимъ человѣкомъ?

Она молча покачала головой и слезы катились по ея щекамъ.

— Марія-Луиза, Марія-Луиза!—шепталъ онъ, не выпуская ея руки изъ своей.—Вотъ тамъ паркъ. Войдемъ туда. Этотъ часъ—нашъ. Тогда то, о чемъ мы мечтали, станетъ дѣйствительностью.

Она взглянула на него съ нѣмымъ вопросомъ и потомъ устремила взоръ на паркъ. Она точно его не узнавала, хотя всю свою жизнь ходила по его дорожкамъ. Теперь онъ казался какимъ-то заколдованнымъ міромъ. Такимъ огромнымъ и тихимъ она его никогда не видала.

— Пойдемъ, Марія-Луиза, пойдемъ!

Но она стояла, не двигаясь съ мѣста. Ей вспомнился далекій весенній вечеръ, когда она одна ходила по дорожкамъ парка, сама не зная, чего ей нужно, и все же медля возвращаться домой. Она тогда чуть не плакала отъ наплыва молодыхъ силъ и предчувствія близящагося расцвѣта жизни. Ея юное сердце, полное невыплаканныхъ слезъ и безмолвнаго ликованія, стремилось на встрѣчу къ кому-то невѣдомому, который долженъ придти и повести ее по сплетающимся дорожкамъ.

— Пойдемъ, Марія-Луиза! Пойдемъ!

Она слушала этотъ дрожащій шопотъ, и ей казалось, что все, чего она ждала и жаждала въ тотъ одинокій весенній вечеръ, исполнилось. Только на минуту въ головѣ ея мелькнула и сейчасъ же исчезла мысль о мрачной комнатѣ, гдѣ ее ждетъ ея одинокій мужъ. Грабаусъ увлекалъ ее впередъ, и на устахъ ея мелькала загадочная улыбка. Она сопротивлялась, но все же уступала и чувствовала все время блаженное и жуткое чувство быстраго полета внизъ, въ какую-то головокружительную бездну.

Они осторожно спускались по узкимъ землянымъ ступенькамъ внизъ на поляну. Онъ шелъ впереди, съ безпокойствомъ оглядываясь на нее. Когда она поскользнулась, онъ быстро схватилъ ее за руку.

— Идемъ же, Марія-Луиза, идемъ!

Все быстрѣе шли они съ лѣстницы. И только спустившись внизъ, они пошли медленнѣе, подъ руку, молча вступая въ окружившій ихъ новый міръ. Когда кончился кустарникъ и передъ

ихъ взорами открылась далекая снѣжная равнина съ отдѣльными группами деревьевъ, а вдали показалась высокая стѣна тополей, надъ которыми теперь сіялъ ровный серебристый свѣтъ мѣсяца, онъ остановился и сказалъ:

— Боже, какъ это прекрасно! Вѣдь мы молоды, Марія-Луиза! О, Марія-Луиза, съ тѣхъ поръ какъ я услыхалъ ваше имя, въ груди моей засѣла птичка, которая постоянно пѣла: Марія-Луиза! Марія-Луиза! и при этомъ клевала мое сердце. Это было сладостно и нестерпимо больно. И я сразу понялъ, что полюблю васъ.

Онъ остановился передъ ней, опьяненный радостью, и сказалъ возбужденнымъ тономъ:

— Снимите вуаль. Она мѣшаетъ мнѣ видѣть ваши глаза.

Онъ отвелъ отъ ея лица вуаль и осторожно заложилъ его на края шляпы. Потомъ онъ положилъ ей руки на плечи, притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ ее въ губы. Весь заиндевѣвшій отъ мороза, онъ едва почувствовалъ теплоту ея губъ. Но поднявъ потомъ голову, онъ быстро взглянулъ вверхъ, точно удивляясь, что мѣсяцъ и звѣзды продолжаютъ сіять. У него было такое чувство, точно случилось самое важное и самое невозможное—то, что̀ давало его жизни новый блескъ и высоко поднимало его надъ всѣми другими людьми. Они безмолвно пошли дальше, сами не зная, куда идутъ, забывъ о времени въ этотъ зачарованный часъ. Она взяла его руку, обвила ею свою шею и сама обняла его. Такъ они шли, и опять она вспомнила свои дѣвичьи грезы, исполнившіяся въ этотъ часъ. Они снова остановились и онъ опять поцѣловалъ ее.

— Какое счастье цѣловать твои нѣжныя, чистыя уста!

— Они уже не чисты,—прошептала она со стономъ.

Раздался бой часовъ въ ясномъ воздухѣ. Она стала торопиться домой, но онъ увлекалъ ее все дальше и она уступала ему, не сопротивляясь его поцѣлуямъ. И только какъ послѣдній отголосокъ того, чѣмъ она была прежде, прозвучали ея слова:

— Что ты дѣлаешь со мной, Генрихъ! У меня нѣтъ больше воли. Мнѣ давно-давно пора домой.

Они подошли къ мосту и стали глядѣть въ темную воду внизу. Опять раздались изъ тишины глухіе удары башенныхъ часовъ.

— Это тотъ мостъ, по которому мы пришли сюда, Марія-Луиза. Какъ теперь все стало инымъ... Ты не раскаиваешься?

— Послушай, Генрихъ,—сказала она, взявъ его за руку.—Обѣщай мнѣ вотъ что̀: то, что̀ ты мнѣ говорилъ раньше,—правда.

Ты никогда не станешь для меня ближе, чѣмъ теперь. Обѣщай, что ты этого не будешь желать.

— Обѣщаю.

— То, что̀ произошло сегодня, будетъ похоронено. Ты никогда не напомнишь мнѣ объ этомъ—и это никогда не повторится.

— Это и не должно повториться. Это было разъ навѣки.

Она глубоко перевела дыханіе и сказала: тогда все хорошо.

Они медленно направились домой, идя подъ руку и не обращая вниманія на людей, которыхъ встрѣчали. Въ бельведерской аллеѣ, почти у самаго дома, они увидали дѣвушку съ корзинкой въ рукахъ; она быстро прошла мимо нихъ.

— Знаешь кто это?—сказала Марія-Луиза.—Это моя дѣвушка. Она меня не узнала. Она бы никогда не повѣрила, что я хожу подъ руку съ чужимъ господиномъ.

Марія-Луиза вошла въ садъ, закрыла за собой калитку, и они еще въ послѣдній разъ пожали другъ другу руки черезъ рѣшетку. Потомъ она исчезла въ домѣ, а онъ все еще какъ во снѣ пошелъ внизъ по тихой улицѣ.

Марія-Луиза только заглянула въ кабинетъ мужа, гдѣ онъ сидѣлъ и велъ съ братомъ оживленный дѣловой разговоръ. Она поздоровалась съ ними мимоходомъ и пошла въ спальню переодѣться. Дѣвушка пришла ей помочь. Явилась и старая няня, которая еще возила Марію-Луизу ребенкомъ въ колясочкѣ. Она стала снимать съ нея ботинки и пришла въ ужасъ, увидавъ ея промокшія ноги.

Марія-Луиза съ улыбкой выслушала причитанія старой преданной служанки и позволила ей обсушить и вытереть ноги. Всѣ ея мысли были поглощены воспоминаніями; она все еще чувствовала на лицѣ горячіе поцѣлуи Грабауса. Переодѣвшись, она прошла въ кабинетъ.

— Гдѣ ты такъ долго была?—спросилъ майоръ.

— Я гуляла съ докторомъ Грабаусомъ въ паркѣ.

— Вотъ это отлично. По крайней мѣрѣ хоть разъ за всю недѣлю побывала на свѣжемъ воздухѣ. А почему же онъ не зашелъ къ намъ?

— Онъ спѣшилъ домой.

— Хорошо было въ паркѣ?—спросилъ майоръ, и когда Марія-Луиза тихо отвѣтила: Дивно! докторъ Платенъ насмѣшливо взглянулъ въ ея сіяющіе глаза и проворчалъ:

— Зато завтра у тебя будетъ дивный насморкъ.

Она взглянула широко раскрытыми глазами на обоихъ

братьевъ, и вдругъ ей мучительно захотѣлось сказать:—Представьте себѣ, когда мы были въ паркѣ, Грабаусъ сталъ меня цѣловать и, повѣрили бы вы этому? я отвѣчала на его поцѣлуи!

Она съ трудомъ сдержала свой дикій порывъ—и тогда сразу почувствовала, что жизнь ея измѣнилась: все свѣтлое и ясное потемнѣло. Она машинально пошла ужинать, а послѣ ужина занялась разборомъ покупокъ; но среди работы она вдругъ опустила руки—ей показалось, что сзади ее охватываютъ двѣ могучія руки и кто-то прижимается щекой къ ея щекѣ. Виновна ли я, или нѣтъ? Могу я честно глядѣть въ лицо мужу?—думала она.

Когда мужъ, идя спать, поцѣловалъ ее на порогѣ ея комнаты, она задержала его руку въ своей. Ей безумно хотѣлось признаться ему, но было вмѣстѣ съ тѣмъ страшно причинить ему боль. Она сдѣлала надъ собой усиліе и молча прошла къ себѣ. Лежа въ постели, она долго терзалась мыслями, ища себѣ оправданія и чувствуя, что не можетъ быть сама себѣ судьей. Потомъ опять зазвучали въ ея ушахъ нѣжныя слова Грабауса, улыбка показалась на ея губахъ, и она заснула, думая только о его любви.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней она чувствовала ужасъ передъ случившимся, ужасъ передъ собой, а въ концѣ недѣли стала безумно бояться свиданія съ Грабаусомъ. Въ субботу она проснулась съ головной болью, но все-таки явилась на лекцію. Грабаусъ пошелъ провожать ее домой послѣ лекціи, но оба они молчали всю дорогу, смущенные и слишкомъ взволнованные, чтобы вести безразличный разговоръ. Уже передъ самымъ домомъ они стали говорить свободнѣе, точно чувствуя, что имъ удалось похоронить то, что было. Только когда онъ на прощанье протянулъ ей руку, она невольно пожала ее очень крѣпко и онъ отвѣтилъ ей благодарнымъ взглядомъ. Послѣ этого свиданія Марія-Луиза вздохнула свободнѣе.

Передъ самымъ Рождествомъ пріѣхалъ на каникулы кадетъ. Съ отцомъ онъ нѣсколько стѣснялся, но съ молодой мачихой чувствовалъ себя совершенно свободно и довѣрялъ ей всѣ свои надежды, чувства, радости и огорченія. Со свойственнымъ молодости эгоизмомъ онъ всецѣло завладѣлъ Маріей-Луизой, и она была рада забыть свои чувства въ разговорахъ съ мальчикомъ. Душа ея просвѣтлѣла, и черезъ нѣсколько времени она уже могла думать о случившемся безъ ужаса и раскаянія. Оно опустилось на дно ея души и озаряло тихимъ сіяніемъ всю ея внутреннюю жизнь. Ее охватило глубокое чувство счастья; ей

казалось, что въ этотъ таинственный часъ осуществилось все, о чемъ она тосковала въ юности, что бо́льшаго нечего и желать, что она отнынѣ должна только благодарить судьбу. Никогда она не была веселѣе, нѣжнѣе, никогда болѣе заботливо не относилась къ мужу, чѣмъ въ это время. Отъ нея исходило какое-то обаяніе, которому не могъ противиться, къ своему изумленію, даже докторъ Платенъ.

Грабаусу казалось, что съ того вечера началась для него другая жизнь, въ которой онъ долженъ былъ выказать себя болѣе сильнымъ и смѣлымъ. Онъ откинулъ всякое малодушіе и сталъ работать съ такимъ чувствомъ, точно онъ призванъ разрушить старый міръ и воздвигнуть новый. Иногда, среди работы ночью, имъ овладѣвало дикое чувство радости; онъ вскакивалъ, бѣгалъ по комнатѣ, простирая руки къ кому-то невидимому, или же открывалъ настежь окно и, не чувствуя холода, глядѣлъ на засыпанный снѣгомъ садъ. И все время онъ видѣлъ передъ глазами высокую стѣну тополей, озаренныхъ серебристымъ свѣтомъ мѣсяца, и чувствовалъ прикосновеніе ея губъ, чувствовалъ ея поцѣлуй, которымъ она точно хотѣла отдать всю свою жизнь. И, вопреки его волѣ, внутренній голосъ говорилъ ему, что это еще не конецъ, что настанетъ еще нѣчто болѣе властное и болѣе прекрасное. Онъ проклиналъ этотъ голосъ, повторялъ внутренно клятву, данную ей—но подавить свою надежду не могъ.

Однажды днемъ Грабаусъ оставилъ на время работу, чтобы поиграть съ дѣтьми. Онъ вошелъ въ комнату жены. Констанція сидѣла, погруженная въ чтеніе вечерней газеты. Малютка прилежно вязала что-то и продолжала работать при появленіи отца, а мальчикъ сейчасъ же бросилъ игрушки и бросился къ отцу.

— Что̀ новаго въ газетѣ?—спросилъ онъ жену.

Констанція взглянула на него и, замѣтивъ, что у него болтается оторвавшаяся пуговица, предложила пришить ее.

— Развѣ необходимо сейчасъ?

— Какъ хочешь, но уже потомъ, пожалуйста, не вини меня,—отвѣтила она.

Грабаусъ покорно снялъ сюртукъ, отдалъ его женѣ, а самъ пошелъ въ спальню надѣть домашнюю жакетку. Когда онъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ, жена его сидѣла нахмурившись, сжавъ губы, и глаза сверкали зеленоватымъ блескомъ. Передъ нею лежали на столѣ письма.

— Что это за письма?—спросила она.

— Какія?—отвѣтилъ, ничего не подозрѣвая, Грабаусъ.—Ахъ, эти. Какъ они попали сюда? они были въ моемъ бумажникѣ.

— Очевидно, выпали оттуда. Но скажи мнѣ, пожалуйста, отъ кого они?

Грабаусъ посмотрѣлъ на дѣтей, которыя сразу почувствовали что-то неладное въ разговорѣ родителей. Констанція быстро выслала ихъ изъ комнаты, сказавъ, что скоро позоветъ ихъ обратно; но мальчикъ, прежде чѣмъ выйти, крикнулъ въ дверяхъ:

— Письма не выпали; ихъ мама вынула.

— Ты слышала, Констанція?—спросилъ Грабаусъ.

— Ну такъ что же? — отвѣтила она, пожимая плечами.— Мнѣ, конечно, лыбопытно было знать, что̀ это за письма, которыя ты постоянно перечитываешь. Я вѣдь замѣтила, какъ ты по вечерамъ вынимаешь бумажникъ и ищешь тамъ эти письма. Мнѣ это давно показалось подозрительнымъ. Теперь я желаю знать, отъ кого эти письма.

— Отъ жены майора Платена, — отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

— Отъ жены майора Платена? Такъ она тебѣ тайно пишетъ письма? Это прелестно!

— Тайно? Если ты не читала ея писемъ, то это простая случайность. Письма самыя безразличныя. Прочти, если хочешь.

Быстро схвативъ письма, Констанція стала ихъ читать. Письма были дѣйствительно совершенно безразличныя. Одно Марія-Луиза написала по порученію мужа, въ другомъ рѣчь шла объ одолженной книгѣ. Но Констанція вникала въ каждую фразу, отыскивая въ ней тайный смыслъ. Наконецъ она кончила чтеніе и предложила разорвать письма. Грабаусъ хотѣлъ-было согласиться, чтобы не навлекать ни тѣни подозрѣнія на Марію-Луизу, но при видѣ насмѣшливо торжествующаго лица жены, которая, чтобы помучить его, держала листки въ рукахъ и не сразу рвала ихъ, на него напала безудержная злоба.

— Съ чего это ты вдругъ вздумала шпіонить за мной?— сказалъ онъ.—Ты осматриваешь мои карманы, лжешь, вывѣдываешь. Отдай мнѣ письма. Я ихъ разорву или сохраню—какъ пожелаю. Во всякомъ случаѣ, этимъ путемъ ты не заслужишь моего уваженія.

— Такъ вотъ оно что̀: ты ее любишь! — воскликнула Констанція.—Я такъ и знала. Вотъ почему ты ѣздишь въ Веймаръ, и почему мы должны постоянно приглашать къ себѣ ея брата. Теперь я тебя поймала. Я сижу цѣлыми вечерами одна, чиню

твое бѣлье, работаю на тебя, мучусь съ прислугой. Я просила тебя сто разъ отказать служанкѣ — но у тебя для этого слишкомъ доброе сердце. Тебѣ тяжело прогнать женщину, которая каждый вечеръ уходитъ къ своему возлюбленному. Теперь я понимаю, почему ты ей сочувствуешь... Ну, а теперь конецъ твоимъ поѣздкамъ въ Веймаръ. Я твоя жена и твой долгъ быть при мнѣ. Если я тебѣ больше не нравлюсь, то это не моя вина. Я не могу носить шелковыхъ юбокъ, какъ твоя майорша, и покупать французскіе духи. У меня двое дѣтей, и это испортило мнѣ фигуру. Но все-таки я не допущу, чтобы мой мужъ...

Грабаусъ повернулся и вышелъ изъ комнаты съ глазами, полными слезъ. Съ этого дня начались безконечныя сцены ревности. По внутренней честности, Грабаусъ признавалъ въ душѣ свою вину передъ женой и старался выказать ей удвоенное вниманіе. Но она отталкивала его со словами: — Не представляйся, иди лучше къ своей возлюбленной!

На Рождество онъ ей сдѣлалъ болѣе дорогой подарокъ, чѣмъ ему позволяли его средства. Но при видѣ плотнаго шелка на платье, она прежде всего сказала:

— Ты, кажется, хочешь этимъ задобрить меня — но я не такъ глупа.

Все же подарокъ мужа доставилъ ей удовольствіе—въ особенности при мысли о томъ, какъ ей будутъ завидовать пріятельницы.

Послѣ Рождества Грабаусъ опять сталъ правильно ѣздить въ Веймаръ на лекціи, но уже не оставался на ночь изъ боязни передъ женой. Онъ не могъ выносить ея нападокъ на Марію-Луизу, и весь дрожалъ при одномъ упоминаніи ея имени женой.

Когда ревность Констанціи нѣсколько улеглась, Грабаусъ наконецъ могъ выполнить то, что̀ считалъ настоятельнымъ долгомъ вѣжливости: онъ пригласилъ чету Платеновъ, доктора и Вольфа къ обѣду. Майору сначала мѣшала пріѣхать его болѣзнь, но когда наступили сухіе морозные дни, ему сдѣлалось лучше и обѣдъ могъ состояться. Дѣти Грабаусовъ очень волновались въ ожиданіи гостей, о которыхъ родители такъ много говорили въ ихъ присутствіи. Когда наконецъ гости пріѣхали, мальчикъ отъ смущенія повелъ себя полнѣйшимъ дикаремъ, къ ужасу своей матери; только малютка поддержала репутацію семьи своимъ благонравіемъ и учтивостью. Грабаусъ былъ, однако, очень радъ необузданности своего сынка, благодаря которому время до обѣда прошло не такъ тягостно, какъ онъ предполагалъ. Констанція отнеслась къ гостямъ съ царственной

холодностью и церемонностью, и Грабаусъ съ ужасомъ думалъ о томъ, какъ будетъ томительно во время обѣда. Но противъ ожиданія, обѣдъ сошелъ отлично. Майоръ такъ мило разговаривалъ съ хозяйкой дома, что она растаяла и почувствовала къ нему искреннюю дружбу. Но тѣмъ сильнѣе разгоралась ея ненависть къ Маріи-Луизѣ.

Послѣ обѣда мужчины ушли въ кабинетъ Грабауса курить, а обѣ дамы вернулись въ гостиную. Мальчикъ настолько примирился теперь съ новой тетей, что не сходилъ у нея съ колѣнъ и на ея приглашеніе пріѣхать къ ней отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ пріѣдетъ, если поѣдетъ отецъ.

— И мама конечно? Безъ мамы ты бы вѣдь не могъ прожить ни одного дня,—сказала съ улыбкой Марія-Луиза.

Констанція была видимо недовольна чрезмѣрными симпатіями сына къ гостьѣ. Подъ предлогомъ, что мальчикъ изомнетъ платье Маріи-Луизы, она выпроводила обоихъ дѣтей изъ гостиной. Когда они ушли, Марія-Луиза сказала:

— Какъ вы должны быть счастливы, имѣя двухъ такихъ очаровательныхъ дѣтей.

— Конечно, — сухо отвѣтила Констанція.—Я нахожу, что бездѣтный бракъ совершенно не выполняетъ своего назначенія.

Марія-Луиза вздрогнула отъ безтактности Констанціи, увѣренная, что ей самой будетъ стыдно, когда она пойметъ неумѣстность своихъ словъ. Но Констанція, повидимому, была вполнѣ довольна сказаннымъ. Развалившись въ креслѣ, она продолжала говорить тѣмъ же тономъ:

— Я бы, напримѣръ, — говорила она,—никогда не развелась съ мужемъ, что бы ни случилось. Теперь разводъ въ модѣ, но я бы на него не согласилась, какъ бы мой мужъ ни добивался. Я его жена и, пока я жива, онъ принадлежитъ мнѣ. Пусть это всѣ знаютъ.

На минуту у Маріи-Луизы было желаніе сейчасъ же подняться и уйти. Она съ неподвижнымъ лицомъ поглядѣла на Констанцію, которая нѣсколько разъ кивнула головой, точно подтверждая свои слова, и потомъ сказала:

— Какъ должно быть тяжело, если приходится насильно удерживать мужа подлѣ себя.

— Это всегда такъ бываетъ.

— Не знаю, мнѣ съ такими взглядами не приходилось сталкиваться. Но оставимъ лучше этотъ разговоръ,—прибавила Марія-Луиза съ любезной улыбкой. — Я никогда не думала о томъ, что мой мужъ можетъ разлюбить меня, или я—его.

— Неужели?—проговорила Констанція, которой уже нечего было сказать.

Когда потомъ всѣ собрались къ кофе, Марія-Луиза была разговорчива и весела, точно ничего не случилось. Но внутренно она вся дрожала, и ей хотѣлось какъ можно скорѣе уйти изъ этого дома. По дорогѣ къ вокзалу майоръ пошелъ подъ руку съ женой.

— Слава Богу,—проговорила она, прижимаясь къ нему,—что мы будемъ скоро дома!

— Развѣ ты себя нехорошо чувствуешь?—озабоченно спросилъ онъ.

— Нѣтъ. У меня немножко голова болитъ, но это пройдетъ. А ты?

— Я отлично провелъ время. Нашъ другъ мнѣ все больше и больше нравится. Ну, а его жена—можетъ быть, у нея есть скрытыя достоинства.

За ними шли Грабаусъ и Вольфъ, а докторъ Платенъ и жена Грабауса замыкали шествіе. Отъ долгаго сидѣнья у доктора Платена мерзли ноги и горѣла голова и настроеніе духа было самое отчаянное. Онъ все время не принималъ участія въ разговорѣ, а теперь про себя со всѣми спорилъ и всѣхъ ругалъ. Онъ по привычкѣ заложилъ руки за спину и наклонилъ голову впередъ. Констанція, которая была нѣсколько выше его ростомъ, видѣла передъ собой только его шляпу. Ей неудержимо хотѣлось подѣлиться со своимъ спутникомъ злобой и ненавистью, накипѣвшей въ ея сердцѣ, и она все не знала какъ начать разговоръ съ молчаливымъ докторомъ. Наконецъ случай помогъ ей. Уже поблизости отъ вокзала докторъ Платенъ поскользнулся въ темнотѣ и чуть не упалъ.

— Этого еще недоставало,—проворчалъ онъ.—Ну, и освѣщеніе въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ!

Обрадовавшись предлогу поговорить, Констанція подхватила его слова и возбужденно отвѣтила, побагровѣвъ въ лицѣ.

— Ненавистенъ мнѣ этотъ городъ. Хоть бы скорѣе Богъ унесъ насъ отсюда! Куда угодно, лишь бы подальше отъ Веймара. Вѣдь ему только тамъ и нравится—здѣсь онъ всѣмъ недоволенъ. И на меня вѣчно нападаетъ, никакъ ему не угодишь. Вы не повѣрите, до чего я измучилась.

Докторъ Платенъ никакъ не могъ понять, о чемъ собственно она говоритъ.

— Чѣмъ же вы виноваты, что Веймаръ лучше?—спросилъ онъ.—Вѣдь не вы построили это старое гнѣздо.

— Да дѣло не въ городѣ. Я говорю о томъ... Ахъ, женщина на вашемъ мѣстѣ давно бы меня поняла!

— Ну, конечно, гдѣ ужъ мнѣ быть такимъ догадливымъ, какъ женщина!

— А между тѣмъ для васъ это должно было быть ясно какъ день. Вѣдь все это происходитъ у васъ въ домѣ... Да неужели вы не понимаете? — прибавила она при видѣ застывшаго отъ изумленія лица доктора.—Одно я вамъ скажу: если между моимъ мужемъ и вашей невѣсткой это еще будетъ продолжаться—быть худу!

— Гм! — пробормоталъ докторъ Платенъ вмѣсто отвѣта, и уже до самаго вокзала, а потомъ до отхода поѣзда не проговорилъ ни слова.

На возвратномъ пути Констанція была необыкновенно мила съ мужемъ, подняла ему сама воротникъ, чтобы онъ не простудился, и на его вопросъ, какъ ей понравились Платены, стала горячо хвалить майора и жалѣть бѣдную Марію-Луизу, которая такъ завидуетъ ей, какъ матери двухъ дѣтей.—Конечно, изъ насъ двухъ я болѣе счастливая,—съ мелкой гордостью прибавила она.

Хорошее настроеніе Констанціи длилось нѣсколько дней. Она была очень довольна своимъ поступкомъ, считала, что дѣйствовала нравственно и умно, и въ то же время иногда внутренно смѣялась надъ мужемъ за то, что съиграла съ нимъ такую штуку. Она была увѣрена, что докторъ сейчасъ же поговоритъ съ братомъ, и дружбѣ ея мужа съ Маріей-Луизой будетъ положенъ конецъ.

Докторъ Платенъ былъ сильно взволнованъ словами Констанціи, причемъ съ первой же минуты не сомнѣвался въ основательности ея подозрѣній. На обратномъ пути онъ сидѣлъ противъ невѣстки, мрачно глядѣлъ на нее и только думалъ: какъ далеко собственно у нихъ зашло?

Онъ любилъ брата преданной родственной любовью. Къ женѣ его онъ долго относился отрицательно за то, что она вторглась къ нимъ въ семью, и только очень медленно примирялся съ ней и сталъ прощать ей ея красоту и молодость. Особенно хорошо сталъ онъ относиться къ ней, когда она, нѣсколько упавшая духомъ, поддалась его вліянію. Онъ сталъ дѣлиться съ нею своими мыслями и чувствами. Но когда она вернулась изъ Берлина совсѣмъ иной, оживленной и веселой, это показалось ему измѣной, и онъ все спрашивалъ себя, подъ чье вліяніе она подпала и кто ее такъ измѣнилъ. Съ первой встрѣчи съ Грабаусомъ ему все

сдѣлалось яснымъ. Онъ не сомнѣвался, что Марія-Луиза предпочитаетъ сентиментальную дружбу съ этимъ человѣкомъ, который казался ему шарлатаномъ и краснобаемъ, серьезной преданности такого старика какъ онъ. Въ сердцѣ доктора Платена зашевелилась горечь и ревность, хотя онъ въ этомъ не сознавался даже самому себѣ. Вотъ почему онъ сразу повѣрилъ словамъ Констанціи. Брату онъ все-таки ничего не сказалъ, а только рѣшилъ зорко наблюдать за невѣсткой. Ее даже начало пугать то, что куда бы она ни пошла, она непремѣнно встрѣчала его. Въ субботу онъ пришелъ за нею на лекцію и проводилъ ее и Грабауса домой.

Маріи-Луизѣ такъ надоѣло это шпіонство деверя, что она почти перестала выходить изъ дому. Она больше сидѣла у окна и все глядѣла на паркъ. Она видѣла его въ самыхъ разнообразныхъ освѣщеніяхъ, въ солнечномъ свѣтѣ, или подъ сѣдымъ покровомъ тумана, или въ торжественный часъ заката. Но ни разу больше она не видѣла его при лунѣ, потому что наступили пасмурные дни и небо покрыто было тучами. Только въ воображеніи рисовалась ей стѣна высокихъ тополей, освѣщенная серебристымъ свѣтомъ луны, низкіе кусты—и они оба въ тотъ странный часъ. Она знала, что этотъ часъ не повторится, и чувствовала также, что въ этотъ часъ исполнился смыслъ ея жизни, расцвѣло ея счастье,—и вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ сердце неизгладимое сознаніе вины.

Когда она стояла разъ вечеромъ у окна, погруженная въ эти мысли, въ комнату вошелъ майоръ и, подойдя къ ней, спросилъ, почему она такъ грустна въ послѣднее время. Она стала говорить о томъ, какъ ей тяжело на сердцѣ и какъ ей хочется открыть ему свою душу.

— Но теперь я этого не могу сдѣлать,—тихо проговорила она.—Нельзя мѣшать горячіе уголья—можетъ вспыхнуть огонь. Дай остыть, тогда я все скажу. Это скоро настанетъ. А до тѣхъ поръ терпѣливо жди и довѣряй мнѣ.

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь на минуту терялъ довѣріе? Нѣтъ, дитя, я тебя лучше знаю, чѣмъ ты сама. Ни на что дурное ты неспособна. Повторяю тебѣ—ты свободна, я хочу только, чтобы ты была счастлива.

— Мое счастье здѣсь—у тебя,—возбужденно отвѣтила она. А теперь не спрашивай, а только держи меня и не отпускай!

Она прижалась головой къ его груди, и когда онъ обнялъ ее, ей стало такъ спокойно отъ сознанія его преданности, которая защититъ ее отъ всего грубаго и позорнаго.—Защити

меня и отъ него, и отъ меня самой, мысленно молила она мужа. — Но въ эту минуту она снова увидѣла передъ собой паркъ, залитый луннымъ свѣтомъ, и вспомнила все очарованіе того незабвеннаго часа. И опять ея бурное сердце, точно вырвавшись изъ клѣтки, полетѣло навстрѣчу веснѣ и радости. Ея слова о томъ, что все скоро остынетъ, показались ей предательствомъ: она знала, что не остынетъ ея любовь, пока въ ея сердцѣ останется хоть одна капля теплой крови. Умереть бы скорѣе,— мечтала она въ отчаяніи,—и передъ смертью сказать тебѣ, какъ я тебя люблю!..

Проходили дни, а голоса, проснувшіеся у нея въ душѣ, не умолкали, какъ она ни боролась противъ нихъ. Послѣ безсонныхъ ночей она чувствовала себя смертельно уставшей, какъ пловецъ, который въ послѣдній разъ смотритъ на далекій берегъ, прежде чѣмъ опуститься на дно.

VI.

Въ такомъ настроеніи, утомленная безсонными ночами и мучительными днями, обезсилѣвъ отъ безплодной борьбы, Марія-Луиза вышла разъ днемъ прогуляться по просьбѣ мужа, котораго тревожилъ ея больной видъ. Она безцѣльно бродила по городу, избѣгая оживленныхъ мѣстъ, и вдругъ, свернувъ на одну тихую улицу, вздрогнула, увидавъ передъ собой Грабауса. Хотя всѣ ея мысли сосредоточены были на немъ, но она была увѣрена, что онъ теперь далеко, и даже не сразу его узнала. Какъ вы сюда попали?—спросила она.

— Я пріѣзжаю сюда каждый день, надѣясь встрѣтить васъ. Сначала я стоялъ передъ вашимъ домомъ, но я встрѣтилъ тамъ доктора Платена и потому предпочелъ бродить по улицамъ. Я зналъ, что когда-нибудь да встрѣчу васъ. А теперь,—его голосъ перешелъ въ беззвучный шопотъ,—теперь мы должны поговорить.

Она ничего не отвѣтила, но слова его прозвучали въ ней какимъ-то весеннимъ ликованіемъ. Она безмолвно пошла рядомъ съ нимъ, и все вокругъ нея расплывалось, кружилось. Пройдя мимо освѣщеннаго маленькаго магазина, она вдругъ рѣшила зайти туда.

— Подождите меня здѣсь минуту,—прошептала она съ блуждающей странной улыбкой на губахъ.

Это былъ перчаточный магазинъ. Она потребовала перчатки и стала машинально примѣрять ихъ, безсознательно отвѣчая на

вопросы продавщицы, въ то время какъ душа ея была охвачена страстью, протестомъ и мукой. Она чувствовала себя во власти охватившихъ ее желаній, но въ хаосѣ чувствъ, нахлынувшихъ на нее, что-то ускользало отъ нея, будя въ ней тревогу. Подъ несмолкаемый голосъ продавщицы она вдругъ вспомнила о мужѣ. Я уйду отъ него—это и была та мысль, за которую она долго не могла ухватиться. — Онъ этого не переживетъ. Онъ не будетъ удерживать меня, не будетъ жаловаться, но, Боже, какъ могла я даже подумать объ этомъ! Никогда, никогда.

Когда она черезъ нѣсколько минутъ вышла изъ магазина, все, что такъ бурно потрясало ея душу, смирилось передъ ея непреклонной волей. Точно среди представленія спустился желѣзный занавѣсъ, герметически закрывая за собой пестрый міръ сцены. Лицо ея имѣло отчужденное суровое выраженіе, когда она обратилась къ Грабаусу со словами:

— Какъ вы поживаете?

— Я васъ не видѣлъ двѣ недѣли, а вы спрашиваете, какъ я поживаю!—отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Я ждалъ отъ васъ какихъ-нибудь извѣстій, думалъ, что въ чемъ-нибудь виноватъ и потому вы молчите, и наконецъ узналъ отъ жены, какъ она съ вами поступила. Марія-Луиза, простите меня. Вѣдь я не могу отвѣчать за жену.

— Не говорите такъ. Я виновата передъ нею и искренно раскаиваюсь.

Она остановилась, протянула ему руку и сказала коротко и быстро:

— Докторъ Грабаусъ, разойдемтесь лучше теперь, пока мы это можемъ сдѣлать мирно.

Онъ взглянулъ на нее, точно не понимая ея словъ. Ея неподвижное лицо выражало непоколебимую волю. Тогда онъ беззвучно сказалъ:

— Если такъ, то вы со мной только играли.

Она возмутилась.

— Вѣдь вы мнѣ клятвенно обѣщали никогда не вспоминать о прошломъ! Значитъ, вы лгали и нарушаете теперь клятву.

Онъ вздрогнулъ и его расширившіеся и покраснѣвшіе отъ безсонныхъ ночей глаза наполнились слезами. Онъ опустилъ голову и они молча шли по тихой пустынной улицѣ, которая вела къ дому Платеновъ. Не доходя до дому, онъ только съ умоляющимъ жестомъ попросилъ пройти дальше, до слѣдующаго угла—и она пошла съ нимъ, хотя чувствовала себя близкой къ обмороку.

— Вы правы,—тихо сказалъ онъ,—но пользоваться этимъ правомъ—безчеловѣчная жестокость съ вашей стороны. Вы не знаете, сколько я выстрадалъ за эту недѣлю.

— Послушайте, Генрихъ, мнѣ много разъ хотѣлось съ вами поговорить. Я думала, что вы сильнѣе меня, что вы мнѣ поможете. Вспомните о вашихъ дѣтяхъ, тогда вы забудете обо всемъ остальномъ.

— Я о нихъ думалъ. Но и для нихъ лучше, чтобъ я оставилъ ихъ на многiе годы, чѣмъ чтобы я сталъ ни къ чему непригоднымъ человѣкомъ. Да и зачѣмъ мнѣ оставлять ихъ? Мы будемъ бороться за наше счастье, Марiя-Луиза!

Они перешли черезъ улицу и пошли по другой сторонѣ аллеи подъ тихими старыми деревьями парка, которыя простирали надъ ними свои узловатыя вѣтви.

— Бороться за такое святотатственное счастье?—тихо спросила она.

— Не за счастье, а за жизнь. Безъ васъ все, что только есть во мнѣ цѣннаго, умретъ. Если я останусь прикованнымъ къ моей женѣ на всю жизнь, я погибну. Она болѣе сильная изъ насъ двухъ и задавитъ меня. А развѣ вамъ я не нуженъ? Вы тоже плѣнница, Марiя-Луиза. Мы покажемъ себя презрѣнными рабами, если не вступимъ въ борьбу съ цѣлымъ мiромъ за свое право на жизнь. Позвольте мнѣ пойти къ вашему мужу и сказать ему все. Я вручу ему нашу судьбу—и повѣрьте, что онъ станетъ на мою сторону, а не на вашу.

Только тихiй стонъ вырвался изъ ея груди въ отвѣтъ на его слова. Потомъ она быстро повернулась и перешла обратно черезъ улицу. Она шла глубоко по снѣгу и такъ спѣшила, что нѣсколько разъ поскользнулась. Его попытки удержать ее были напрасны.

— Пустите меня, мнѣ нужно скорѣе домой!—повторяла она.

За освѣщеннымъ окномъ дома она увидѣла смутный силуэтъ мужа, и такой хаосъ былъ въ ея душѣ, что ей одновременно хотѣлось и протянуть къ нему руки, умоляя о помощи, и повернуть назадъ, убѣжать въ тишину и мракъ парка.

У самой рѣшетки дома Грабаусъ еще удержалъ ее съ отчаянной рѣшимостью, настаивая на томъ, чтобы она позволила ему пойти теперь къ мужу. Но она съ силой вырвалась и сурово сказала:

— Если вы хотите, чтобы я сохранила хоть каплю хорошаго чувства къ вамъ, отпустите меня.

Онъ отошелъ въ сторону и пропустилъ ее. Она, не оглянув-

шись, прошла черезъ палисадникъ и вошла въ домъ. Еще въ передней ей казалось, что ее преслѣдуютъ его взгляды и его голосъ, и она быстро побѣжала по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату. Тамъ она со стономъ кинулась на постель, но потомъ опять вскочила, преслѣдуемая какимъ-то безотчетнымъ страхомъ, въ нерѣшительности постояла передъ дверью, а затѣмъ сбѣжала внизъ на улицу и оглянулась во всѣ стороны. Она сама не знала, боится ли она, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь надъ собой, или ей хочется крикнуть ему, чтобы онъ не оставлялъ ее. Увидавъ издали какую-то фигуру, она кинулась впередъ, думая, что это Грабаусъ, но это былъ чужой человѣкъ, который удивленно снялъ шляпу и поклонился.

Въ полномъ отчаяніи она направилась къ вокзалу, но съ половины дороги повернула назадъ. Шаги ея становились все быстрѣе, а мысли все больше путались. Сама не зная какъ, она очутилась на полѣ, гдѣ ее обдувалъ со всѣхъ сторонъ холодный вѣтеръ и засыпалъ снѣгъ. Она хотѣла вернуться домой, но невыразимая тревога гнала ее дальше. Она пошла въ паркъ, бродила тамъ вдоль и поперекъ, среди кустарниковъ, по снѣжнымъ полянамъ. Она чувствовала въ груди рѣжущую боль. Ее кидало въ ознобъ и жаръ. Тревога все усиливалась. Она опустилась на скамейку и почувствовала, что въ ней поднимается что-то теплое. Растерявшись, сама не зная, что это значитъ, она выкашляла много мокроты. Дрожа отъ страха и холода, она поднялась, но едва прошла два-три шага, какъ теплая волна снова поднялась въ ней. Она поднесла платокъ къ губамъ— онъ покраснѣлъ отъ теплой крови. Тогда ее охватила радостная надежда. Я умру и освобожусь отъ всего этого ужаса!—подумала она.

Майоръ веселымъ и бодрымъ голосомъ послалъ свою жену гулять, предупреждая, что если она вернется раньше, чѣмъ сказала, онъ ее будетъ бранить. Но въ ту же минуту, какъ за ней закрылась дверь, лицо его измѣнилось, потухло и опустилось. Онъ взялъ книгу, но не могъ читать и сталъ тревожно вглядываться въ сѣрыя сумерки. Темныя тѣни надвигались изъ угловъ комнаты, и въ немъ все болѣе и болѣе усиливалось чувство печали и одиночества.

Опять въ немъ зашевелилось двойственное чувство: ему ревниво хотѣлось не отпускать отъ себя жену, и въ то же время чувство справедливости говорило ему, что преступно приковывать ея молодость къ комнатѣ больного.

Огонь въ каминѣ догоралъ, ему становилось холодно и болѣла нога, но у него не хватало энергіи позвать дѣвушку. Онъ поднялся и сталъ ходить по комнатѣ, забывая физическія страданія среди охватившей его тревоги. Мысли его уносились въ прошлое, въ мрачные годы его перваго брака: жена его была очень черствая, злая женщина. А когда сдѣлалось возможнымъ счастье съ женитьбой на Маріи-Луизѣ—пришла болѣзнь... Расхаживая взадъ и впередъ по стемнѣвшей комнатѣ, майоръ чувствовалъ, что и прошлое и будущее одинаково мрачны для него, и ему было такъ тяжело, точно никогда не было у него въ жизни свѣтлыхъ минутъ.

Пробило шесть часовъ. Марія-Луиза должна была вернуться уже четверть часа тому назадъ. Онъ позвонилъ, велѣлъ поправить огонь въ каминѣ и зажечь свѣтъ, потомъ подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу. Время проходило, тревога его росла, и онъ сталъ думать о дружбѣ жены и Грабауса. Пока Марія-Луиза была подлѣ него, онъ ясно видѣлъ, что въ ней происходитъ, и понималъ—даже помимо ея словъ—ея чувства къ другу. Но теперь, въ ея отсутствіе, на него напалъ тупой страхъ; онъ сталъ придумывать средства положить конецъ этой злополучной дружбѣ. Внутренній голосъ говорилъ ему, что насильственный разрывъ ни къ чему не приведетъ, что Марія-Луиза можетъ освободиться отъ охватившаго ее чувства только собственной волей. Но все-таки онъ рѣшилъ уѣхать съ женой, мысленно предлагалъ ей это, рѣзко убѣждалъ, возражалъ ей, даже настаивалъ на своихъ правахъ.

Внизу хлопнула входная дверь, и майоръ услышалъ шаги жены въ передней. Сознаніе ея близости сразу его успокоило. Но вмѣсто того, чтобы, какъ всегда, зайти сначала къ нему, она прямо пошла наверхъ—вѣроятно переодѣться. Черезъ нѣсколько минутъ снова раздались ея шаги, и онъ поднялся, уже улыбаясь въ ожиданіи, что она сейчасъ войдетъ. Въ эту минуту снова стукнула входная дверь.

Когда черезъ четверть часа изъ сосѣдней комнаты вошелъ докторъ Платенъ, майоръ съ такимъ разстроеннымъ, тревожнымъ лицомъ смотрѣлъ изъ окна, что въ первую минуту даже не замѣтилъ прихода брата.

— Почему ты стоишь здѣсь въ темнотѣ?—спросилъ докторъ.

Майоръ обернулся, опомнился и сказалъ:

— Мы можемъ пройдти въ гостиную, если хочешь.

Онъ послѣдовалъ за братомъ, который, по привычкѣ, сейчасъ же сѣлъ на кресло у камина, поднялъ колѣни и сталъ

тереть себѣ лобъ рукой. Вдругъ онъ поднялъ голову и спросилъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Ты знаешь, что Марія-Луиза гуляетъ теперь съ докторомъ Грабаусомъ?

— Съ Грабаусомъ? Вотъ какъ!

Майоръ старался всѣми силами подавить обморочное чувство, которое легкимъ туманомъ застилало ему глаза. Онъ все повторялъ себѣ, что она скоро вернется и тогда все объяснится.

— Ты развѣ ничего не имѣешь противъ ихъ тайныхъ встрѣчъ?—продолжалъ спрашивать докторъ.

— Тайныхъ? До сихъ поръ мнѣ Марія-Луиза всегда говорила, когда она встрѣчала Грабауса.

— Такъ ты, можетъ быть, знаешь, что докторъ Грабаусъ въ послѣдніе дни все расхаживалъ тутъ передъ домомъ, высматривая ее?

— Не ошибаешься ли ты? Онъ вѣдь можетъ всегда зайти къ намъ. Онъ знаетъ, что ему будутъ рады.

— Вѣроятно у него есть причина не входить.—Докторъ Платенъ, весь красный въ лицѣ, вскочилъ и проговорилъ голосомъ, который отъ возбужденія превратился въ какой-то тихій шопотъ.

— Послушай, открой глаза, пока не поздно. Неужели ты ничего не видишь?

Майоръ пододвинулъ стулъ брату, самъ тоже сѣлъ и сказалъ:

— Сядь, объяснись какъ слѣдуетъ.

Но докторъ не былъ въ силахъ сдержать свое возбужденіе и продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Майоръ продолжалъ:

— Ты совѣтуешь мнѣ открыть глаза?—но я все вижу такъ же, какъ и ты. Я отлично знаю, что Марія-Луиза дружна съ Грабаусомъ, но ничего предосудительнаго въ ихъ дружбѣ не нахожу. Или, можетъ быть, ты замѣтилъ что-нибудь, что ее выставляетъ въ ложномъ свѣтѣ? Въ такомъ случаѣ, скажи. Ты вѣдь самъ знаешь, какая она безхитростная.

— Мнѣ нечего тебѣ говорить. Безсмысленно разсуждать съ человѣкомъ, который ходитъ вокругъ да около, а главнаго понять не хочетъ...

— А что же по-твоему главное?

— То, что они влюблены другъ въ друга. Теперь понялъ? Меня это не касается—но...

Онъ сталъ несвязно передавать все, что ему говорила жена Грабауса и что онъ видѣлъ самъ. Каждый разъ, когда майоръ пытался остановить его, онъ гнѣвно возвышалъ голосъ:

— Меня вѣдь это не касается, она не моя жена. Поступай какъ знаешь.

Преодолѣвъ первое чувство острой боли, майоръ становился все спокойнѣе и внимательно наблюдалъ за братомъ. Онъ чувствовалъ, какъ тотъ страдалъ, мучаясь подозрѣніями, и видѣлъ въ этомъ трогательное проявленіе его братской привязанности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ яснѣе, чѣмъ прежде, до чего онъ внутренно сталъ чуждъ брату, какъ ихъ взгляды и чувства теперь расходятся. Ему было отрадно думать, что эта перемѣна создана въ немъ Маріей-Луизой, и онъ почувствовалъ къ ней несказанную нѣжность.

— Какъ же по-твоему я долженъ поступить? — спросилъ онъ брата, когда тотъ кончилъ.

— Это спрашиваешь ты, офицеръ?—переспросилъ докторъ.

— А если офицеръ тутъ не судья?

На минуту докторъ Платенъ весь замеръ отъ ужаса, потомъ презрительно улыбнулся.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ.—Или ты долженъ поступить какъ мужчина и выгнать этого господина, или молча терпѣть все это. Третьяго исхода я не вижу.

— А между тѣмъ третій исходъ есть, только ты этого не поймешь. Еслибы понялъ, повѣрь мнѣ, ты былъ бы счастливѣе. Да, я знаю, что Марія-Луиза любитъ его, но знаю также, что она борется противъ этой любви. Зачѣмъ же насильно настаивать на томъ, чего она сама можетъ достигнуть собственной волей? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я бы говорилъ и дѣйствовалъ по-твоему, но теперь я многое понялъ и многое сдѣлалось для меня болѣе яснымъ. Я понялъ, что нѣтъ категорическихъ рѣшеній, одинаковыхъ для всѣхъ. Никто не можетъ судить объ отношеніяхъ мужа и жены. Одно я тебѣ скажу: лучшее, чему я научился отъ Маріи-Луизы, это ея доброта ко всѣмъ. Она вѣритъ въ людей, и я счастливъ, что раздѣляю ея вѣру. Какимъ бы я былъ низкимъ человѣкомъ, еслибы теперь вдругъ отказалъ въ этой вѣрѣ именно ей!

Докторъ Платенъ нѣсколько времени ничего не отвѣчалъ, а потомъ проворчалъ:

— Я знаю женщинъ лучше тебя. Всѣ онѣ эгоистки и безразсудны какъ дѣти. Но меня это не касается.

У братьевъ осталось отъ этого разговора тяжелое чувство; они поняли, что между ними невозможно никакое пониманіе,— едва ли даже возможна совмѣстная жизнь. Они молча сидѣли, думая каждый о своемъ. Когда майоръ хотѣлъ уже пойти спра-

виться о женѣ, вошла старая служанка и взволнованно сообщила, что барыня вернулась домой вся въ жару. Когда ее раздѣвали, чтобъ уложить въ постель, дѣвушка замѣтила капли крови на платьѣ и барыня сказала ей, что у нея пошла кровь горломъ. Прежде чѣмъ ее уложили въ постель, съ ней сдѣлался обморокъ.

Майоръ побѣжалъ наверхъ и подошелъ къ постели жены. Марія-Луиза улыбнулась ему и проговорила.

— Не безпокойся. Это не опасно.

Ей трудно было говорить, и майоръ поэтому не разспрашивалъ ее, а позвалъ брата, чтобы знать, что дѣлать. Тотъ послалъ за льдомъ и камфорой и призвалъ еще одного врача, который и явился тотчасъ же.

Марія-Луиза была твердо увѣрена, что умретъ въ ту же ночь. Передъ нею проносились образы и звучали голоса, а она лежала въ забытьи, полная легкихъ, блаженныхъ чувствъ.

Грабаусъ вернулся домой совершенно разбитый и много дней еще провелъ въ полузабытьи, смутно обвиняя Марію-Луизу въ несерьезности ея чувствъ къ нему и еще болѣе упрекая себя за то, что онъ внесъ столько вѣры въ отношенія къ ней. Но послѣ этихъ тяжелыхъ дней онъ проснулся однажды утромъ съ чувствомъ душевнаго обновленія. Послѣ страшнаго возбужденія послѣднихъ недѣль, послѣ сомнѣній, надеждъ и страховъ, на него нашло благодѣтельное ледяное спокойствіе. Онъ рѣшилъ работать и строить дальше зданіе своей жизни. Въ немъ еще была жива бодрая вѣра въ себя, порожденная его любовью, и вмѣстѣ съ тѣмъ окрѣпла и увѣренность, что несчастная любовь не можетъ разбить его жизнь. Онъ снова засѣлъ за работу, продолжая ее съ того мѣста, на которомъ остановился нѣсколько недѣль тому назадъ, съ новой энергіей взялся за лекціи въ университетѣ и еще больше прежняго привлекалъ студентовъ глубиной духовныхъ переживаній, которая сказывалась въ его словахъ. Съ женой онъ былъ очень ровенъ, для дѣтей былъ хорошимъ, хотя и нѣсколько равнодушнымъ отцомъ. Семейная жизнь его потекла по прежнему руслу, и единственнымъ внѣшнимъ результатомъ пережитой имъ бури было то, что, къ крайнему сожалѣнію его многочисленныхъ юныхъ поклонницъ, онъ прекратилъ свои лекціи въ Веймарѣ.

Онъ даже самъ удивился спокойствію, съ которымъ онъ втянулся въ прежнюю жизнь. Только къ концу зимняго семестра онъ почувствовалъ большой упадокъ силъ и съ трудомъ могъ

исполнять свои обязанности. Онъ надѣялся, что оправится во время пасхальныхъ каникулъ, но эта надежда не оправдалась. Каждый день онъ доказывалъ себѣ, что необходимо взяться за подготовленіе къ лѣтнему семестру, но никакъ не могъ не только работать, но даже прочесть какую-нибудь книгу. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ какъ больной у окна, внутренно ругая себя за непростительную трату времени. У него мелькнула тогда надежда побѣдить свою апатію физическимъ трудомъ: вооружившись лопатой, онъ пошелъ въ огородъ работать на грядкахъ.

Черезъ заборъ съ нимъ поздоровались его сосѣди, обрадовавшіеся его появленію, и стали тотчасъ же засыпать его указаніями и совѣтами относительно необходимѣйшихъ въ данное время огородныхъ работъ. Ошеломленный ихъ словоохотливостью и настойчивостью, онъ подчинился имъ, купилъ по ихъ указанію удобреніе и сталъ копать, полоть, удобрять свой участокъ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Но разъ среди работы онъ услышалъ вдали звуки музыки—шарманка играла мотивъ вальса. И воображеніе его сейчасъ же перенеслось въ ярко освѣщенную мраморную залу, гдѣ среди блестящей пестрой толпы Марія-Луиза была красивѣе всѣхъ. Марія-Луиза! Марія-Луиза! Ему казалось, что весь солнечный воздухъ проникнутъ звуками ея имени, что его повторяютъ всѣ распускающіеся шелестящіе листки, всѣ щебечущія птички и смѣющіяся дѣти—и эти ликующіе звуки отзывались мучительной насмѣшкой въ его истерзанной груди.

И когда прошла минута экстаза, его охватило непреодолимое отвращеніе ко всему, что онъ дѣлалъ въ эти дни, къ работѣ надъ влажной землей, къ обрабатыванію маленькаго уголка земли, куда онъ хотѣлъ спастись отъ жизненной бури. Онъ показался самъ себѣ жалкимъ прозябающимъ глупцомъ. Съ этого дня онъ пересталъ работать въ огородѣ, предоставивъ его попеченію жены; она призвала огородника и очень быстро произвела всѣ нужныя работы. Въ университетѣ начался лѣтній семестръ, и Грабаусъ только удивлялся долготерпѣнію студентовъ, слушавшихъ его безжизненныя, скучныя лекціи. Аудиторія, впрочемъ, съ каждой лекціей болѣе пустѣла и Грабаусъ чувствовалъ себя все болѣе уставшимъ и одинокимъ. Онъ совершенно ушелъ въ себя, возненавидѣлъ общество людей. Весь міръ казался ему пустымъ, и среди наступившаго мрака у него не было ни малѣйшаго утѣшенія. Воспрявъ на короткое время, онъ написалъ въ Берлинъ, дѣлая запросъ о новомъ университетѣ. Но ему отвѣтили, что пока еще ничего не рѣшено въ виду воз-

никшихъ новыхъ трудностей. О его назначеніи профессоромъ и рѣчи больше не было. Еще прежде, чѣмъ открыть письмо, онъ догадался о его содержаніи. Такъ оно и должно было случиться. Онъ даже внутренно злорадствовалъ—до того онъ потерялъ вѣру въ себя.

Марія-Луиза лежала на плетеной кушеткѣ на балконѣ въ садъ. Подъ тонкимъ шелковымъ одѣяломъ, покрывавшемъ ее до плечъ, она пугала своей неземной воздушностью. У маленькаго столика подлѣ нея сидѣлъ Вольфъ, пріѣхавшій на велосипедѣ, и съ большимъ аппетитомъ пилъ кофе съ сухарями. Онъ уговаривалъ сестру тоже съѣсть что-нибудь, но она съ улыбкой отказалась. Онъ съ тревогой посмотрѣлъ на ея блѣдное лицо, на которомъ горѣли большіе сіяющіе глаза.

— Что̀ съ тобой?—спросилъ онъ ее.—Вотъ уже два мѣсяца какъ ты хвораешь и все не можешь поправиться. Что̀ говоритъ докторъ?

— Онъ объясняетъ мою болѣзнь вліяніемъ весны.

— Весны?—повторилъ Вольфъ, качая головой.—И Грабаусъ говоритъ то же самое о себѣ. Однако вотъ я, напримѣръ, не хвораю весной,—даже, напротивъ того, отлично себя чувствую.

— Недоставало, чтобы еще ты заболѣлъ. Достаточно одной больной въ семьѣ.

— Я тебѣ кое-что привезъ, Марія-Луиза,—сказалъ Вольфъ и вынулъ изъ кармана фотографическіе снимки разныхъ видовъ природы.—Они не особенно художественны, но вотъ эта, напримѣръ, ничего. Я теперь очень одинокъ и утѣшаюсь велосипедомъ и фотографіей. Кстати, не знаешь ли ты, куда дѣвалась твоя карточка, которую я снималъ? Не оставилъ ли я ее у тебя?

— Нѣтъ, ты ее положилъ въ бумажникъ.

— Мнѣ тоже такъ помнится. А вечеромъ я ее вложилъ въ альбомъ. Теперь ея нѣтъ. А между тѣмъ у меня никого не было за это время, кромѣ Грабауса. Вѣдь не могъ же онъ взять карточку, не сказавши мнѣ. Онъ даже не знаетъ, согласна ли ты дать ему свою карточку. А все-таки, кромѣ него, никого у меня не было.

— Зачѣмъ бы ему брать мою карточку?

Марія-Луиза приподнялась рѣзкимъ движеніемъ, точно ей было неловко лежать, и подперла голову рукой, отвернувъ лицо отъ свѣта. Вольфъ озабоченно поглядѣлъ на нее.

— Какая ты стала нервная. И тебѣ сейчасъ бросается кровь

въ голову. Это, кажется, тоже дурной знакъ. Выслушивали тебѣ сердце?

— Да меня все время только выслушиваютъ и осматриваютъ,—отвѣтила она.—Отъ этого лучше не становится.

Вольфъ подошелъ къ краю балкона и посмотрѣлъ внизъ, въ садъ. Тамъ стоялъ на низкой лѣстницѣ докторъ Платенъ и съ яростью отпиливалъ короткой пилой лишній сукъ на деревѣ. На травѣ, передъ разрытой грядкой, стоялъ на колѣняхъ садовникъ, и оба они были такъ заняты работой, что не замѣчали стоявшаго на балконѣ.

„Странно,—подумалъ Вольфъ. — Что произошло между нею и Грабаусомъ? Не поссорились ли они, хотя, казалось бы, какъ ссориться съ Маріей-Луизой? Но оба такъ странно ведутъ себя, точно не хотятъ ничего слышать другъ о другѣ“.

Вольфъ по цѣлымъ недѣлямъ не видѣлся со своимъ другомъ. Еще въ февралѣ онъ зашелъ къ Грабаусу, какъ разъ тогда, когда узналъ о болѣзни сестры, и сейчасъ же разсказалъ ему объ этомъ. Но Грабаусъ такъ рѣзко оборвалъ его, что Вольфъ ушелъ, пораженный его безсердечіемъ. Съ тѣхъ поръ прошли мѣсяцы, въ теченіе которыхъ они очень мало встрѣчались.

— Ахъ да,—сказалъ Вольфъ, продолжая вслухъ свои мысли,—на прошлой недѣлѣ онъ опять ко мнѣ явился.

— Кто?

— Грабаусъ. Но я прямо испугался, взглянувъ на него. У него хуже видъ, чѣмъ у тебя. Когда я его спросилъ, не боленъ ли онъ, онъ взбѣсился, сказалъ, что только переутомленъ, и сталъ посылать къ чорту всѣхъ утверждающихъ, что онъ боленъ. Я, конечно, замолчалъ. Но, по-моему, у него какое-нибудь тайное горе, которое подтачиваетъ его силы.

Марія-Луиза прикрыла лицо рукой и лежала недвижимо; только тонкое итальянское одѣяло порывисто и быстро поднималось и опускалось на ея груди. Занятый желаніемъ понять, что дѣлается съ его другомъ, Вольфъ продолжалъ, не обращая вниманія на сестру:

— По-моему,—сказалъ онъ, — Грабаусъ огорченъ неудачей съ университетомъ. Ему обѣщали профессуру, но съ прошлаго года все какъ-то стоитъ на мѣстѣ. Очевидно, это его и мучитъ—другой причины вѣдь не можетъ быть. Къ тому же его преслѣдуютъ, какъ только могутъ, его коллеги. Старикъ Вульманъ назвалъ его на лекціи пустопорожнимъ краснобаемъ. А самое ужасное то, что онъ дѣйствительно упалъ духомъ. Онъ утратилъ всякую вѣру въ себя. Еслибы было возможно, онъ бы радъ былъ сдѣлаться простымъ учителемъ.

— Это онъ тебѣ сказалъ?

— Да, и я долго не могъ забыть этихъ словъ — такъ мнѣ было тяжело. Мы съ нимъ пошли гулять, и онъ едва тащился. Мы вошли въ крестьянскую избу выпить молока. Тамъ было удивительно хорошо. Передъ нами текла рѣка, въ которой возились ребятишки и плавали утки. Противъ насъ былъ фруктовый садъ, гдѣ доцвѣтали послѣднія яблони. Вокругъ все было такое сочное и зеленое. Я тогда сказалъ Грабаусу: вотъ зять Конрадъ,—Вольфъ осторожно поглядѣлъ внизъ въ садъ и продолжалъ тихимъ голосомъ,—онъ бы не замѣтилъ всѣхъ этихъ красотъ, а видѣлъ бы только вотъ то засохшее дерево, и изъ-за него забылъ бы объ остальномъ. Грабаусъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: И онъ былъ бы совершенно правъ. Весь міръ только отраженіе насъ самихъ, и еслибы я былъ докторомъ Платеномъ, и меня бы засохшее дерево больше интересовало, чѣмъ все, что зеленѣетъ и цвѣтетъ вокругъ. И знаете что, — прибавилъ онъ,—и я такое же засохшее дерево. Я засмѣялся, думая, что онъ шутитъ. Но онъ поблѣднѣлъ и сказалъ: Если вы меня любите, то повѣрьте, что я это не зря сказалъ. Отъ другихъ я это только скрываю. Для меня все кончено, или, можетъ быть, даже ничего и не было. Теперь я знаю, что я ничего не свершилъ и въ будущемъ ничего не сдѣлаю.—Я старался его утѣшить, но онъ не слушалъ меня. Я всю ночь потомъ не могъ заснуть отъ волненія, и хотѣлъ пойти къ нему на слѣдующее утро, но почему-то не рѣшался.

— Послушай, Вольфъ,—сказала Марія-Луиза, приподнявшись на кушеткѣ съ возбужденнымъ лицомъ.—Послушай!—Она схватила руку брата и пробовала говорить, но ничего, кромѣ глухого шопота, у нея не выходило.

— Ахъ, Боже мой!—прервалъ онъ ее.—Вотъ и ты теперь взволновалась. Зачѣмъ я тебѣ все это разсказалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ты хорошо поступилъ. Только теперь сдѣлай вотъ что для меня: пойди къ нему и попроси, чтобы онъ не приходилъ въ отчаяніе. Скажи ему, что ты просишь отъ моего имени. Понялъ? Какъ можетъ онъ отчаяваться? Передъ нимъ блестящая будущность, если онъ не перестанетъ стремиться впередъ. Пойми, что это было бы величайшимъ преступленіемъ. Онъ долженъ воспрянуть духомъ. Слышишь? Онъ долженъ обѣщать тебѣ это.

Она обхватила руку брата своими горячими сухими руками. Глаза ея были полны слезъ.

— Скажи ему, что я никогда не переставала вѣрить въ

него. И если онъ теперь въ отчаяніи, то... скажи ему... что я только изъ любви къ нему...

Она вдругъ громко простонала и, пряча лицо подъ одѣяло, стала судорожно рыдать.

Вольфъ сидѣлъ не двигаясь, не дѣлая попытки утѣшить сестру. Онъ глядѣлъ въ пространство съ такимъ чувствомъ, точно его коснулось тяжелымъ крыломъ что-то невообразимо страшное, оставивъ въ его душѣ никогда до того не испытанный ужасъ. Такъ они молчали, занятые оба своими мыслями. Только когда въ саду раздался голосъ майора, Марія-Луиза откинула одѣяло и прижала платокъ къ глазамъ. Тѣло ея еще вздрагивало отъ рыданій. Вольфъ вскочилъ съ мѣста въ то время, какъ майоръ наклонился съ испугомъ надъ плачущей женой.

— Что съ тобой, дорогая?

Не отнимая платка отъ глазъ, Марія-Луиза протянула руку мужу и пробовала говорить, но ея дрожащія губы не могли вымолвить ни слова.

— Она очень волновалась, оставимъ ее лучше одну. Пойдемъ!—пробормоталъ Вольфъ, взявъ майора подъ руку и уводя его съ собой съ балкона.

Они спустились въ садъ, гдѣ докторъ Платенъ издали показалъ имъ пилу съ согнувшимися зубцами.

— Еще нѣтъ трехъ недѣль, какъ я ее купилъ, — съ бѣшенствомъ разсказывалъ онъ.—Шесть марокъ стоила эта дрянь. Ни къ чорту теперь не годно стало фабричное производство.

Майоръ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, и въ это время докторъ Платенъ взглянулъ на Вольфа.

— Ты боленъ?—спросилъ онъ.

Но Вольфъ ничего не отвѣтилъ, можетъ быть, ничего не слышалъ и прошелъ дальше. Онъ былъ оглушенъ внезапно открывшейся ему тайной сестры, которая выдала себя своимъ отчаяніемъ и своими слезами.

— Что ее такъ взволновало?—еще разъ спросилъ майоръ, положивъ руку на плечо шурина, и въ его внѣшнемъ, спокойномъ взорѣ просвѣчивала внутренняя тревога. Чтобы продлить время, Вольфъ сталъ разспрашивать о томъ, что сказалъ врачъ о состояніи Маріи-Луизы.

— Ты вѣдь знаешь врачей, — отвѣтилъ майоръ. — Чѣмъ меньше они понимаютъ болѣзнь, тѣмъ больше болтаютъ. Всѣ профессора, впрочемъ, сошлись на томъ, что ничего органическаго у нея нѣтъ. Только вотъ эта полная слабость. Она точно утратила всякую жизнеспособность. Но что же ее такъ взволновало?

Вольфъ съ минуту колебался, но какъ только онъ началъ говорить и повторилъ то, что̀ онъ сказалъ больной, ему сдѣлалось легко и свободно на душѣ. Онъ какъ бы снова чувствовалъ близость сестры и его охватила увѣренность въ томъ, что она всегда говоритъ и поступаетъ такъ, какъ должно. Они сѣли на скамейку передъ кустомъ сирени. Майоръ наклонился впередъ и сталъ чертить палочкой по песку; онъ еще продолжалъ чертить и послѣ того, какъ кончилъ Вольфъ. Потомъ онъ вдругъ выпрямился и взглянулъ на своего шурина. Взоръ его былъ безконечно скорбный.

— Такъ вотъ что̀ происходитъ съ твоимъ другомъ,—отрывисто сказалъ онъ разбитымъ голосомъ.—Пойди къ нему и скажи, чтобы онъ снова приходилъ къ намъ. Я ему буду очень радъ... и Марія-Луиза тоже... Пусть онъ придетъ ради нея, слышишь?

Вольфъ отвернулся, не будучи въ силахъ скрыть своего волненія. Майоръ хмуро посмотрѣлъ на него, точно удивляясь такому отсутствію самообладанія. Потомъ онъ коснулся сжатой дрожащей руки Вольфа и сказалъ:

— Да, милый мой, иногда трудно знать, какъ слѣдуетъ поступить... Но мы должны всѣ стараться, чтобы она меньше страдала. Нельзя знать, долго ли еще она останется съ нами.

Въ это время къ нимъ подошелъ докторъ Платенъ.

— Вы говорите о Маріи-Луизѣ? — спросилъ онъ брата.— По-моему, ее слѣдуетъ скорѣе увезти въ Давосъ или Санъ-Морисъ. Это единственное средство вылечить ее,—настойчиво прибавилъ онъ въ отвѣтъ на отрицательный жестъ брата.—Психологическія причины тутъ ни при чемъ. Напрасно ты придаешь значеніе ея словамъ.

Не отвѣчая ничего брату, майоръ обратился къ Вольфу:

— Подожди меня здѣсь, я пойду поговорить съ ней.

Съ этими словами онъ пошелъ въ домъ, а докторъ Платенъ сердито топнулъ ногой.

— Увезъ бы онъ ее скорѣе отсюда, она бы и выздоровѣла.

Уходя, онъ еще бормоталъ съ сдержанной яростью:—Одно горе съ этими бабами! Всѣ онѣ сумасшедшія.

Когда Вольфа черезъ нѣсколько времени позвали въ домъ, онъ засталъ сестру и зятя вмѣстѣ. О томъ, что̀ произошло, больше не говорилось. Марія-Луиза вскорѣ поднялась и пошла спать. А прощаясь съ Вольфомъ, майоръ сказалъ, что самъ напишетъ Грабаусу и пригласитъ его.

Это письмо Грабаусъ получилъ вечеромъ, сидя въ сумеркахъ за письменнымъ столомъ и погруженный въ безотрадныя мысли.

Дѣвушка принесла письмо и положила на столъ. Почеркъ былъ незнакомый, и Грабаусъ не торопился разрѣзать конвертъ. Онъ продолжалъ думать о своемъ и только послѣ того, какъ зажегъ лампу, взялъ письмо. Но едва онъ его прочелъ, какъ положилъ голову на столъ и зарыдалъ.

Письмо было короткое, не искусное, написанное человѣкомъ, который не привыкъ излагать на бумагѣ свои мысли и чувства. Въ его сдержанномъ тонѣ, однако, ясно чувствовалась высота его любви и его доброты, ненарушимая вѣра въ жену и полное довѣріе къ тому, кого она полюбила. И вспоминая необузданность своей страсти, Грабаусъ почувствовалъ глубокое преклоненіе передъ этимъ человѣкомъ, который любилъ свою жену больше себя.

На слѣдующій день онъ поѣхалъ въ Веймаръ. Марія-Луиза лежала на кушеткѣ, когда онъ вошелъ на балконъ. Подлѣ нея никого не было. Она протянула ему свою бѣлую узкую руку и, слабо сжимая его руку въ своей, проговорила только:

— И ты!..

Они послѣ этого долго сидѣли безмолвно, какъ бы ослѣпленные видомъ другъ друга. Имъ нужно было нѣсколько времени, чтобы прійти въ себя. И тогда каждый забылъ о собственныхъ мукахъ, видя страданія другого. Черезъ нѣсколько времени вошелъ майоръ. Грабаусъ вскочилъ и хотѣлъ ему что-то сказать, но не могъ вымолвить ни слова. Онъ только крѣпко сжалъ ему руку и почувствовалъ въ отвѣтъ теплое дружеское пожатіе. Они сѣли оба около больной, и майоръ сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— А теперь, дорогая, ты должна выздоровѣть.

— Да, я выздоровлю, обѣщаю это вамъ, — отвѣтила она, глядя на нихъ сіяющимъ взоромъ.

Что-то новое, чистое и святое началось теперь въ отношеніяхъ Маріи-Луизы и Грабауса. Они проводили долгіе часы наединѣ, но избѣгали всего, что̀ могло бы напомнить о прежнихъ порывахъ страсти. Они едва давали другъ другу руку, здороваясь и прощаясь. И не только между ними, но и между Грабаусомъ, майоромъ и Вольфомъ установились искреннія, сердечныя отношенія.

Вскорѣ наступила разлука, потому что Марія-Луиза, по настоянію врача, уѣхала съ мужемъ въ Тироль. Но прощаніе не было грустнымъ, потому что Грабаусъ обѣщалъ пріѣхать туда же черезъ нѣсколько недѣль, сейчасъ послѣ окончанія занятій въ университетѣ. Для Грабауса время тоже пролетѣло незамѣтно.

Его жизнь послѣ долгаго застоя какъ-то сразу пришла въ движеніе. Вышла въ свѣтъ его книга и, вопреки его ожиданіямъ, встрѣтила сочувственное отношеніе даже со стороны тѣхъ профессоровъ, которыхъ онъ считалъ своими врагами. И ему было особенно пріятно ихъ одобреніе, такъ какъ онъ не переставалъ высоко цѣнить ихъ, несмотря на ихъ преслѣдованія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Маріи-Луизы Грабаусъ поѣхалъ въ Берлинъ справиться о своемъ назначеніи, которое все откладывалось въ долгій ящикъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ какъ-разъ въ нужный моментъ. Университетъ предполагалось открыть уже къ новому году, и хотя явилось много кандидатовъ на мѣсто ректора, оно осталось за Грабаусомъ, главнымъ образомъ, благодаря успѣху его книги. Онъ уѣхалъ уже съ назначеніемъ въ карманѣ.

Въ Берлинѣ онъ опять встрѣтился съ художникомъ Гебгардомъ, который сообщилъ ему между прочимъ, что Магги Тёнъ ушла со сцены и вышла замужъ за одного богатаго молодого человѣка. Вѣнчаніе состоялось въ концѣ февраля, во время карнавала. Разсказывая объ этомъ, Гебгардъ скептически прибавилъ:

— Это еще навѣрное не послѣдняя роль Магги. Не даромъ свадьба состоялась во время карнавала. И бракъ ея будетъ фарсомъ.

Грабаусъ пріѣхалъ въ горный отель къ Платенамъ вмѣстѣ съ Вольфомъ. Марія-Луиза и майоръ ждали ихъ внизу въ подъѣздѣ; поздоровавшись съ ними, майоръ сказалъ съ улыбкой женѣ.

— Ну, вотъ видишь, дорогая, все сошло благополучно, коляска не опрокинулась, и они пріѣхали минута въ минуту, какъ и полагалось.

— А развѣ ты безпокоилась?—спросилъ Вольфъ.

— Да, больше оттого, что очень радовалась вашему пріѣзду.

Переодѣвшись съ дороги въ своихъ маленькихъ бѣлыхъ комнаткахъ, похожихъ на монастырскія кельи, Грабаусъ и Вольфъ сошли опять на веранду, гдѣ Платены ждали ихъ къ обѣду. Они сѣли за маленькій столикъ на самой верандѣ, въ то время какъ остальное общество собралось въ сосѣдней столовой. Майоръ производилъ впечатлѣніе искренно счастливаго человѣка. Онъ тихо радовался счастью другихъ. Вольфъ былъ въ восторженномъ настроеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень голоденъ. Вначалѣ онъ отказался ѣсть, говоря, что слишкомъ переполненъ впечатлѣніями отъ дивнаго путешествія, и сталъ разсказывать

о горахъ и закатѣ солнца, который онъ видѣлъ по дорогѣ. Не всегда находя нужныя слова, онъ начиналъ усиленно трясти головой, точно надѣясь, что они оттуда выпадутъ. Но когда ему сестра почти насильно положила на тарелку кусокъ мяса, онъ, самъ того не замѣчая, сталъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ и замолкъ. Марія-Луиза заговорила тогда съ Грабаусомъ, спросила о здоровьи его жены и дѣтей, стала разсказывать о жизни въ отелѣ, описывала особенно комичныхъ гостей и потѣшала всѣхъ остроуміемъ своихъ разсказовъ. Когда мужъ сказалъ, что ей нужно беречься и не говорить такъ много, чтобы не охрипнуть, она отвѣтила съ веселымъ задоромъ: — Пустяки, сегодня я не охрипну!

Ея слегка загорѣвшія щеки горѣли, голубые глаза сверкали. Грабаусъ не могъ отвести отъ нея восхищеннаго взгляда. До чего ей шла тирольская шапочка съ перомъ и гладко обтянутая жакетка, надѣтая поверхъ шелковой блузки! Она была такая цвѣтущая, веселая, красивая,— его охватила необузданная радость при мысли, что онъ проведетъ съ нею цѣлый мѣсяцъ... Но вдругъ она кашлянула и быстро взяла что-то въ ротъ—какое-нибудь средство противъ кашля, — и опять на него напали мрачныя предчувствія. Послѣ обѣда они посидѣли всѣ вмѣстѣ еще нѣсколько времени на верандѣ. Марія-Луиза закуталась въ теплую шаль. Она съ улыбкой глядѣла на Грабауса и лицо ея было озарено тихой радостью. Ровно въ десять часовъ она пошла спать. Майоръ проводилъ ее въ ея комнату и вернулся къ Грабаусу и Вольфу. Они молча продолжали сидѣть втроемъ, занятые всѣ мыслями о Маріи-Луизѣ. „Все еще можетъ обойтись благополучно",—думалъ майоръ. Теперь, когда его здоровье поправилось, онъ чувствовалъ себя болѣе бодрымъ и почти готовъ былъ повѣрить Маріи-Луизѣ, что она можетъ быть счастлива и спокойна только подлѣ него... Грабаусъ оперся головой на руку и глядѣлъ на майора. Онъ вдругъ съ особой ясностью почувствовалъ, что любитъ этого человѣка и преклоняется передъ нимъ больше, чѣмъ передъ кѣмъ-либо на свѣтѣ— хотя онъ и стоитъ на его пути къ счастью. Почему же онъ волюбитъ его? Грабаусъ взглянулъ на его бѣлые какъ снѣгъ волосы и посѣдѣвшіе усы и опять подумалъ, какъ уже не разъ: отецъ, а не мужъ. Развѣ было бы жестоко сказать ему: отдай ее мнѣ? Еслибы люди слѣдовали естественнымъ побужденіямъ, а не условнымъ правиламъ морали, я бы такъ и поступилъ, ничего не отнимая у него,—думалъ Грабаусъ. Но другой голосъ говорилъ ему—нѣтъ, нельзя... Я поступлю такъ, какъ за-

хочетъ она—какъ для нея хорошо, рѣшилъ онъ, и это рѣшеніе его успокоило. Вольфъ откинулся на стулѣ и, вспоминая веселый смѣхъ сестры, думалъ о томъ, какъ нелѣпы были его страхи, какъ все, что̀ исходитъ отъ Маріи-Луизы, всегда хорошо. Онъ отъ души радовался теперь, что эти два человѣка, которыхъ онъ такъ горячо любилъ, Грабаусъ и Марія-Луиза, опять вполнѣ примирились.

— Какъ вы нашли мою жену? — спросилъ майоръ, обращаясь къ Грабаусу.

— По-моему, она очень поправилась.

— Да, у нея теперь лучшій видъ, чѣмъ передъ болѣзнью,— радостно сказалъ Вольфъ.—У нея округлились щеки и отличный цвѣтъ лица. Катарръ легкихъ, надѣюсь, безслѣдно прошелъ.

— Такъ легко онъ не проходитъ. Но улучшеніе несомнѣнно есть. Вначалѣ все не клеилось. На нее напало такое безпокойство, что я уже думалъ, не слишкомъ ли здѣсь высоко для нея. Но уже двѣ недѣли, какъ наступилъ поворотъ къ лучшему. Она должна еще, конечно, очень беречься. Главное — избѣгать всякихъ волненій.

Грабаусъ поднялъ глаза. Эти слова какъ бы легко постучались ему въ сердце, и онъ рѣшилъ никогда не забывать ихъ.

— Какъ хорошо, что вы оба пріѣхали, — продолжалъ майоръ.—Ей вѣдь было немножко скучно среди чужихъ людей.

— И меланхолія прошла?—спросилъ Вольфъ.

— Слава Богу, прошла. Но веселость ея какая-то еще неустановившаяся. Уже нѣсколько человѣкъ, говоря со мной о Маріи-Луизѣ, называли ее: ваша солнечная жена. Это вѣрно: она солнечная, но и сама нуждается въ солнцѣ. Всѣ здѣсь къ ней льнутъ, посвящаютъ ее въ свои сердечныя и семейныя тайны, но она вѣдь открываетъ свою душу только немногимъ, близкимъ ей по духу людямъ. Поэтому я особенно радъ вашему пріѣзду. Теперь она будетъ чувствовать себя совсѣмъ какъ дома.

Вольфъ поднялъ стаканъ, предложилъ выпить за здоровье сестры, за ея выздоровленіе и за то, чтобы ей и всѣмъ имъ хорошо жилось это лѣто.

— Выпьемъ. Это ты хорошо придумалъ,—сказалъ майоръ.

— Выпьемъ за нее, потому что ея счастье—наше общее счастье,—сказалъ Грабаусъ.

Майоръ налилъ вина, и они чокнулись. Но прежде чѣмъ выпить, каждый прибавилъ про себя еще какое-нибудь горячее пожеланіе, внушенное преданной любовью. Вольфъ ей пожелалъ

здоровья, мужъ—здоровья и душевнаго покоя, а Грабаусъ думалъ всѣми силами души: не моего счастья, а твоего! Потомъ они выпили и почувствовали особый радостный подъемъ; у нихъ было чувство, точно они спасли судьбу Маріи-Луизы отъ всякихъ напастей и до нѣкоторой степени обезпечили ея счастье.

Марія-Луиза лежала въ эту минуту въ постели, еще не заснувъ, и глядѣла широко раскрытыми глазами на пламя свѣчи. Мысли быстро и спутанно носились въ ея головѣ, но въ своемъ быстромъ полетѣ кружились, какъ ночныя бабочки, все вокругъ одного—и оно все отодвигало ихъ назадъ въ мракъ. Наконецъ, какъ бы говоря въ послѣдній разъ: нѣтъ! въ отвѣтъ на горячую мольбу, она покачала отрицательно головой. По ея утомленнымъ чертамъ скользнуло выраженіе испуга, она быстро закрыла глаза, какъ бы отъ физической боли, и затушила свѣчку.

VII.

Наступившіе теперь дни были, быть можетъ, самыми счастливыми въ жизни Грабауса. Быстро и весело, какъ ясный горный потокъ, текла кровь по его жиламъ, безоблачное голубое небо разстилалось надъ его душой, и въ ней зарождались смѣлые гордые помыслы, какъ бы отражавшіе величіе горной природы вокругъ него.

Съ утра до вечера всѣ четверо были на воздухѣ. Они обѣдали не со всѣми вмѣстѣ въ низкой душной столовой, а на террасѣ, гдѣ проводили и вечеръ. Марія-Луиза сидѣла закутанная въ теплый плащъ, и часы проходили или въ молчаніи, или въ дружеской бесѣдѣ, въ то время какъ глухой шумъ ручья подъ ними и серебристое сіяніе звѣздъ надъ ними наполняли ихъ души гармоніей, въ которой сливалось темное и свѣтлое, радость и тяжелыя предчувствія.

По утрамъ они предпринимали очаровательныя прогулки, очень разнообразныя въ этой мѣстности. Майоръ занялся собираніемъ минераловъ, а Вольфъ увлекся ботаникой и сталъ собирать образцы мѣстной флоры. Они часто спорили о преимуществахъ того или другого занятія, а Грабаусъ и Марія-Луиза безпристрастно сочувствовали каждому изъ нихъ, восторгаясь и кристаллами, которые майоръ добывалъ въ скалахъ, и рѣдкостными растеніями, за которыми Вольфъ лазилъ по крутизнамъ.

Но чаще всего Луиза и Грабаусъ сидѣли вдвоемъ на камняхъ или на мягкомъ мху подъ смолистыми соснами, сквозь

которыя такъ ярко синѣло небо. Марія-Луиза просила его читать ей вслухъ его новую книгу. На его возраженіе, что книга, написанная въ четырехъ стѣнахъ, должна быть прочитана тоже въ тиши кабинета, она оживленно отвѣтила:

— Нѣтъ, именно здѣсь, гдѣ все вокругъ такъ дико и все же подчинено законамъ необходимости, я чувствую, какой источникъ жизни и свѣта таится въ вашей книгѣ.

Онъ былъ ей истинно благодаренъ за эту оцѣнку его труда; она больше обрадовала его, чѣмъ лестные отзывы профессоровъ.

Они читали также другія книги и чувствовали какъ просвѣтляется и обогащается ихъ внутренній міръ. Будущее стало для нихъ проясняться. Грабаусъ опять почувствовалъ въ себѣ силу вліять на другихъ своимъ словомъ. Иногда они сидѣли безмолвно, отдаваясь тихой радости своихъ чистыхъ чувствъ. Глядя на Марію-Луизу, Грабаусъ самъ поражался, до чего его чувство къ ней было теперь чуждо желаній, и сколько въ немъ было очарованія, какъ оно сплеталось съ красотой и спокойствіемъ сверкавшихъ вдали снѣжныхъ вершинъ. Они сидѣли часто вмѣстѣ, подъ благотворными солнечными лучами, испытывая невыразимое блаженство. Все бывшее, все грядущее казалось далекимъ, отдаленнымъ отъ нихъ, сіяющимъ голубоватымъ блескомъ горныхъ вершинъ. Безъ вопросовъ, безъ жалобъ наслаждались они счастьемъ мимолетнаго часа среди вѣчныхъ утесовъ, среди цвѣтовъ, которые расцвѣтали на одинъ день, а на завтра увядали.

Грабаусъ получилъ длинное письмо отъ жены, въ которомъ она сообщала ему подробно о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, жаловалась на строптивый характеръ ихъ сына, съ которымъ приходится очень строго обращаться, и передавала всевозможныя Грагородскія сплетни. Письмо это сразу омрачило настроеніе Грабауса, напоминая ему о той жизни, которая ему внутренно стала совершенно чужой, но съ которой онъ былъ связанъ глубокими корнями. Къ женѣ онъ чувствовалъ теперь какой-то ужасъ, такъ какъ она напоминала ему о тяжелыхъ, унизительныхъ часахъ. И все-таки она была матерью его дѣтей, которыя принадлежали ей такъ же, какъ и ему. Его тянуло домой, къ нимъ, и въ то же время ему хотѣлось быть какъ можно дальше отъ нихъ. Любовь и сознаніе своей отвѣтственности переплетались съ отчужденностью и невыразимымъ ужасомъ.

Послѣ прекраснаго солнечнаго дня, которымъ они воспользовались для прогулки къ развалинамъ средневѣкового замка,

наступила дождливая погода. Всѣ четверо пили чай днемъ, въ комнатѣ Маріи-Луизы, а потомъ майоръ и Вольфъ поспѣшили каждый къ себѣ работать. Оба они были даже рады пасмурному дню; сидя дома, они могли привести въ порядокъ свои сокровища.

Грабаусъ и Марія-Луиза остались одни. Она была въ темномъ длинномъ платьѣ, и Грабаусъ, привыкшій за послѣднее время видѣть ее только въ короткихъ костюмахъ или свѣтлыхъ лѣтнихъ туалетахъ, на-ново восхищался величественными линіями ея стройной фигуры въ темной одеждѣ. Она ему казалась какой-то неприступной, почти чужой; когда она взглянула на него съ вопросомъ въ глазахъ, онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно; лилъ дождь, и грустный видъ природы еще болѣе усиливалъ тяжелое чувство, вызванное въ немъ скорбно-прекраснымъ лицомъ Маріи-Луизы. Когда она спросила его, наконецъ, о чемъ онъ задумался, онъ слегка вздрогнулъ.

— О чемъ я думаю, спрашиваешь ты? Мы не отвѣтственны за свои мысли, нужно только не высказывать ихъ,—отвѣтилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ.—Мнѣ взгрустнулось отъ дождя... и отъ мыслей о будущемъ.

— Будущее твое вѣдь не печально.

Онъ ничего не отвѣтилъ и сталъ безмолвно ходить по комнатѣ. Потомъ онъ остановился, подошелъ къ ней и долго глядѣлъ на ея волосы, заложенные тяжелымъ свѣтлымъ узломъ. Вдыхая ихъ тонкій, нѣжный ароматъ, онъ страдальчески закрылъ глаза, потомъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, отошелъ къ столу и взялъ лежащій тамъ томикъ Тассо.

— Нужно давать жерновамъ зерно, а то они сами себя перетрутъ,—сказалъ онъ.—Хочешь читать?

— Читай.

Онъ началъ съ того мѣста, на которомъ они остановились наканунѣ, со сцены, въ которой Леонора Санвитале уговариваетъ принцессу отпустить поэта.

— Мнѣ въ школѣ дали совершенно превратное представленіе о Леонорѣ,—сказала Марія-Луиза,—и потомъ уже трудно отдѣлаться отъ разъ сложившагося образа. Но жизнь часто заставляетъ мѣнять представленія и мысли. Иногда мнѣ казалось, что никакъ нельзя отдѣлаться отъ извѣстныхъ представленій, а между тѣмъ жизнь ихъ разбивала. Такъ было съ моими религіозными воззрѣніями, съ нѣкоторыми литературными взглядами и, главное...

Она остановилась и посмотрѣла на него съ нѣсколько смущенной улыбкой.

— Что̀ же главное?—спросилъ онъ.

— Главная перемѣна—невообразимая и несомнѣнная, это—моя любовь къ тебѣ.

Она протянула ему руку, ласково пожала его руку въ своей и потомъ тихо отстранила его.

— Читай дальше, Генрихъ.

Но онъ захлопнулъ книгу со словами:—Я не могу читать, и подошелъ къ окну; она стала подлѣ него.

— Что съ тобой? Почему ты не продолжаешь читать?

— Не могу. Я думаю о томъ, кто написалъ эту книгу, думаю о всѣхъ, кто счастливъ. Я не хочу читать. Мнѣ всѣ книги противны.

— Это ужасно! Знаешь, мнѣ положительно кажется, что твоя жизнь стала бѣднѣе съ тѣхъ поръ, какъ ты полюбилъ меня. Прежде ты былъ сильный человѣкъ, окруженный вѣрными друзьями, внутренно недоступный вліянію счастья и несчастья. А теперь ты точно оттолкнулъ отъ себя друзей, разлюбилъ книги, потерялъ силу, лишился опоры, сталъ бѣднякомъ.

— Я бѣденъ, но иначе, чѣмъ ты думаешь. Прежде, до того, какъ я зналъ тебя, жизнь моя была блѣдной тихой ночью, освѣщенной тысячью звѣздъ. А теперь взошло солнце, и куда дѣвались звѣзды—я не знаю. Я только чувствую, что прежде велъ призрачное существованіе; только увидавъ тебя, я понялъ какъ хороша жизнь. Теперь я дѣйствительно бѣденъ, потому что у меня нѣтъ того, что̀ составляетъ всю цѣнность, всю радость жизни. Но съ тобой я былъ бы богатъ. Почему же этого не можетъ быть? Скажи!

Но ему вспомнилось его обѣщаніе, и онъ замолчалъ. Онъ взглянулъ на Марію-Луизу, которая стояла возлѣ него и глядѣла на него, отвернувшись отъ окна. Ея темная фигура сливалась почти съ окружающей темнотой, но тѣмъ яснѣе выступало ея блѣдное лицо, выражавшее глубокую скорбь. Онъ взялъ ее за руки и сказалъ:

— Не сердись на меня за то, что я огорчилъ тебя. Я вѣдь не хочу причинить тебѣ страданій. Я знаю, что то, о чемъ я молю, невозможно. Препятствіе заключается не въ обстоятельствахъ, не въ твоемъ мужѣ и не въ моей женѣ, а въ тебѣ самой. Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ какая ты, я тоже сталъ спокойнымъ на самомъ днѣ души, хотя на поверхности еще кипятъ желанія. Твой братъ сказалъ правду, увѣряя меня, что ты чужда желаній. Ты дѣйствительно изъ другого міра, чѣмъ я, тебѣ довольно сознавать нашу духовную близость. Я это понялъ

и понялъ какъ былъ несправедливъ, когда послѣ твоихъ словъ о томъ, что твоя душа принадлежитъ мнѣ, обвинялъ тебя... Но вѣдь ты не знаешь, что происходитъ во мнѣ, какія муки я переживаю!—Ахъ, Марія-Луиза, еслибы я могъ не знать желаній, какъ ты, быть такимъ же чистымъ!

Отъ его словъ Марія-Луиза задрожала, потрясенная до глубины души. Въ ней точно проснулись насильно заглушенныя страданія, сдержанные потоки слезъ и разразились дикой бурей. Когда онъ говорилъ, и она видѣла по его словамъ, что кажется ему неземнымъ существомъ, не знающимъ мукъ горячей крови,—она вспомнила, какъ проснулась сегодня утромъ на подушкѣ, омоченной слезами, вспомнила о другихъ мрачныхъ часахъ, проведенныхъ какъ въ бреду, о томъ, какъ она ночью просыпалась отъ мучительной тоски по немъ. Ее охватило чувство страшнаго одиночества, отчаянія и слабости, съ которой ей трудно было бороться. Не слушая его, она только молила:

— Молчи, ты меня не знаешь. Еслибы ты зналъ...

Совершенно обезумѣвъ, она прижала голову къ его груди съ единственнымъ желаніемъ укрыться, успокоиться и почерпнуть силы для ожидающихъ ее снова страшныхъ ночей.

Онъ обнялъ ее, прижалъ руку къ ея груди и чувствовалъ глухой, дрожащій стукъ ея сердца. Такъ они стояли, пока въ корридорѣ не послышался стукъ захлопнувшейся двери, шумъ шаговъ и раздраженный голосъ горничной. Марія-Луиза испуганно отшатнулась, но опять бросилась къ Грабаусу и прижала свои сухія губы къ его губамъ въ нѣмомъ поцѣлуѣ, исторгнутомъ мукой. Потомъ они снова сѣли на маленькій диванъ. Она прижала къ холоднымъ кожанымъ подушкамъ свою пылающую голову, а онъ подперъ голову руками надъ раскрытымъ томомъ Тассо. Темнота окутала ихъ чувства, еще болѣе темныя, чѣмъ окружающій мракъ.

На слѣдующее утро опять засверкало солнце и разсѣялся туманъ, опять вся природа улыбалась и вчерашній день съ его дождемъ и печалью безслѣдно исчезъ. Неужели безслѣдно?—спрашивалъ себя Грабаусъ.—Неужели и то, что онъ вчера пережилъ, такъ же разсѣется, какъ разсѣялись тучи? Онъ закрылъ глаза, и опять ему представилось, какъ Марія-Луиза, обезсиленная невыносимой душевной мукой, выдала свои страданія, какъ онъ заглянулъ въ ея трепещущее сердце и прочелъ въ немъ ясный призывъ.—Услышь мой нѣмой крикъ, почувствуй то, противъ чего борется моя воля и что сильнѣе моей воли, пойми, что я

хочу одного, чтобы ты меня спасъ, освободилъ, унесъ съ собой, хотя бы противъ моей воли, какъ свою добычу!

Всю ночь эти мысли преслѣдовали его, и теперь онъ уже не боролся со своей страстью, а искалъ въ ней поддержки. Онъ рѣшилъ сказать майору, что его жена гибнетъ отъ непосильной муки. Теперь онъ можетъ это сказать, дѣйствуя не подъ вліяніемъ дерзновенной страсти, а въ твердомъ сознаніи, что исполняетъ священный долгъ.

Утромъ при солнечномъ свѣтѣ опять проснулись въ немъ сомнѣнія, но онъ все-таки рѣшилъ, что необходимо дѣйствовать. Рѣчь шла не объ его счастьи, но о душевномъ покоѣ, здоровьи и счастьи Маріи-Луизы.

Но когда онъ, принявъ твердое рѣшеніе, сошелъ утромъ къ завтраку, къ изумленію его оказалось, что никакого разговора съ майоромъ не можетъ быть. Онъ засталъ майора и Вольфа въ переговорахъ съ хозяиномъ и двумя здоровенными проводниками. Онъ не сразу понялъ въ чемъ дѣло, но Вольфъ разъяснилъ ему, что давно предполагавшаяся горная экспедиція должна наконецъ состояться въ это самое утро. Грабаусъ и Вольфъ отправятся черезъ Шлернъ въ тирскую долину, а оттуда поднимутся на вершину Розенгартенъ. Оттуда они спустятся въ Боценъ, гдѣ и встрѣтятся съ Платенами, которымъ назначено было въ Боценѣ свиданіе съ ихъ родственниками, графомъ Боркомъ и его семьей. Вольфъ былъ въ особенномъ восторгѣ отъ предполагаемой экспедиціи: онъ получилъ письмо отъ нѣкоей госпожи Джемсъ Лаасъ, урожденной Магги Тѣнъ, которая сообщала ему, что будетъ съ мужемъ въ Карерзее-отелѣ и ждетъ тамъ его посѣщенія.

Марія-Луиза, только болѣе блѣдная, чѣмъ обыкновенно, принимала дѣятельное участіе въ общемъ оживленіи, разговаривала съ проводниками и обѣщала помочь туристамъ собраться въ дорогу. Въ приготовленіяхъ прошло все утро, и Грабаусъ не успѣлъ сказать ни слова ей наединѣ. Видя его отчаяніе, она только шепнула ему:—Вѣдь мы разстаемся не надолго!

Экспедиція, въ которой Грабаусъ согласился участвовать только ради Вольфа, мало его радовала, такъ какъ всѣ его мысли были у Маріи-Луизы. Онъ обдумывалъ какъ говорить съ майоромъ, такъ какъ рѣшилъ спасти Марію-Луизу хотя бы противъ ея воли.

Грабаусъ и Вольфъ уже два дня ходили по горамъ и видѣли много величественныхъ зрѣлищъ, высокихъ утесовъ и глубокихъ пропастей. Какъ разъ передъ ихъ приходомъ произошло не-

счастіе: какой-то туристъ сорвался и упалъ въ пропасть, о чемъ проводники сообщили довольно равнодушно. Дойдя до отеля, въ которомъ они остановились на ночь, они увидѣли трупъ несчастнаго, извлеченный изъ пропасти. Оказалось, что погибшій былъ ихъ знакомый, шведскій ботаникъ, съ которымъ они встрѣтились по дорогѣ изъ Берлина въ Тироль. Въ его зажатой рукѣ былъ рѣдкій цвѣтокъ орхидеи, въ поискахъ за которымъ онъ и предпринялъ свое путешествіе въ Тироль. Грабаусъ узналъ цвѣтокъ по описаніямъ ботаника: это было невзрачное растеніе съ скромными бѣлыми лепестками и съ одуряющимъ сладкимъ запахомъ. Грабаусъ съ искренней жалостью взглянулъ въ лицо мертвецу, и почему-то ему вдругъ показалось, что есть большое сходство между нимъ и мертвецомъ.

Достигнувъ вершины Розенгартенъ и отдохнувъ тамъ, друзья приготовились спускаться въ долину, въ отель Карерзее, гдѣ рѣшено было переночевать. Грабаусу эта перспектива не особенно улыбалась, но Вольфъ радовался, какъ ребенокъ, и долго чистился, приводя себя въ порядокъ.

— Какъ я покажусь въ такомъ видѣ Магги?—жалобно говорилъ онъ, глядя на непоправимые дефекты своего туалета.— Я все еще влюбленъ въ нее,—признавался онъ Грабаусу.— Боюсь встрѣтиться съ ея мужемъ—я навѣрное поссорюсь съ нимъ. И почему я не женился на ней? Это было бы безуміемъ, но все-таки я былъ бы счастливъ. Я никогда не перестану ее любить. Она самая обаятельная женщина въ мірѣ.

— Обаятельная на минуту, но она не можетъ быть подругой на всю жизнь. Ты былъ бы глубоко разочарованъ, если сталъ бы искать въ ней глубины.

— Она только легкомысленна,—горячо возразилъ Вольфъ,— потому что такъ сложилась ея жизнь. Въ дѣйствительности же она глубокая натура. Конечно, я не умру отъ этой страсти, но счастливъ я уже не могу быть.

Слова Вольфа показались Грабаусу почти смѣшными. Быть несчастнымъ изъ-за кого-нибудь, кромѣ Маріи-Луизы, казалось ему невозможнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подумалъ, что оба они, и онъ, и Вольфъ, похожи на сумасшедшихъ, изъ которыхъ каждый во власти своей навязчивой идеи, но понимаетъ при этомъ заблужденіе другого. Можетъ быть, и онъ такъ же слѣпъ, какъ Вольфъ, и принимаетъ за вѣчное чувство краткій порывъ

страсти... Но противъ этого предположенія вся его душа возмутилась, какъ противъ величайшаго святотатства.

Когда они прибыли въ отель Карерзее, Магги, встрѣтившая ихъ въ изящномъ бѣломъ костюмѣ, разыграла цѣлую комедію радости и изумленія отъ внезапной встрѣчи. Она увлекла ихъ съ собой на террасу, усадила рядомъ съ собою за столъ и сейчасъ же стала жаловаться на свои злоключенія. Больше всего она негодовала на то, что въ переполненномъ отелѣ не оказалось отдѣльныхъ комнатъ для нея и мужа, и ей приходится быть съ нимъ въ одной комнатѣ, что сильно нарушало, по ея словамъ, и ея и его аристократическія привычки.

— Вѣдь онъ изъ очень старинной богатой семьи и страшно избалованъ,—съ гордостью сказала она.—Его отецъ судостроитель въ Гамбургѣ, страшно богатый. Но это еще не единственное несчастіе,—продолжала она.—Представьте себѣ, что по дорогѣ сюда болванъ кучеръ потерялъ всѣ мои зонтики. Теперь мой мужъ отправился разыскивать какой-нибудь зонтикъ для меня. Не могу я ходить, не защищаясь отъ солнца. Я и такъ вся загорѣла. Посмотрите,—она протянула Вольфу свою нѣжную, тонкую руку, тона слоновой кости, и онъ съ восхищеніемъ подержалъ ее въ своей рукѣ.

— Вотъ мужъ мой и пошелъ достать хоть какой-нибудь зонтикъ. Вы не представляете себѣ, какой онъ добрый, благородный человѣкъ. Онъ уже принесъ мнѣ огромныя жертвы, отказался отъ государственной службы, чтобы быть все время со мной. Онъ безгранично меня любитъ. Вотъ онъ. Джемсъ, сюда!

Изъ отеля вышелъ изящный стройный господинъ въ сѣромъ горномъ костюмѣ и съ пестрымъ деревенскимъ зонтикомъ подъ мышкой. Магги представила его своимъ друзьямъ, съ которыми онъ нѣсколько сдержанно, но вѣжливо поздоровался, и сейчасъ же набросилась на него, говоря, что онъ нарочно принесъ ей чудовищный зонтикъ, чтобъ пасмѣяться надъ ней. Онъ спокойно отвѣтилъ, что деревенскіе зонтики здѣсь въ модѣ, но что если ей этотъ не нравится, то можно раздобыть другой.

— Къ тому же,—прибавилъ онъ,—я телеграфировалъ въ отель Бристоль; они сейчасъ же вышлютъ забытые зонтики и ты ихъ завтра будешь имѣть.

— Ну да, ты продолжаешь утверждать, что я ихъ тамъ оставила,—раздраженно сказала Магги.—А вѣдь я тебѣ опредѣленно сказала, что забыла ихъ въ коляскѣ. Но ты мнѣ не вѣришь, ты считаешь меня идіоткой!

— Ничуть,—отвѣтилъ онъ и хотѣлъ ласково дотронуться до ея руки. Но она рѣзко отстранила его.

— Ахъ, оставь меня!

Не выказывая неудовольствія и изумленія,—видно было, что онъ привыкъ къ такому обращенію,—Джемсъ обратился къ Вольфу и между мужчинами вскорѣ завязался общій разговоръ о новой книгѣ по исторіи права. Джемсъ, какъ и Вольфъ, былъ юристъ. Между прочимъ, они заговорили о племенныхъ особенностяхъ разныхъ народовъ.

Разговоръ этотъ весьма мало интересовалъ Магги, и она поспѣшила оборвать его: по поводу малайцевъ она вспомнила о встрѣчѣ въ Монте-Карло съ художникомъ Гергардомъ и разсказала, какъ Джемсъ чуть не вызвалъ его на дуэль за его дерзкое поведеніе съ нею. Джемсъ пробовалъ протестовать противъ навязанныхъ ему кровожадныхъ намѣреній, но спорить противъ Магги было невозможно. Наступилъ часъ табль-д'ота и Джемсъ предложилъ женѣ пойти переодѣться. Она сначала рѣшила, что не будетъ мѣнять платья, но когда послѣ перваго звонка стали появляться мужчины въ смокингахъ и дамы въ нарядныхъ туалетахъ, она обнаружила нѣкоторое безпокойство и, наконецъ, поднялась, говоря, что пойдетъ помыть руки. Мужчины пошли въ столовую, и за супомъ Джемсу передали телеграмму.

— Я такъ и зналъ,—сказалъ онъ, прочитавъ.—Зонтики нашлись въ отелѣ Бристоль. Но лучше мы этого не скажемъ моей женѣ,—прибавилъ онъ съ улыбкой.—Ей непріятно сознаваться, что она ошибалась.

Прошло около получаса, и тогда только съ противоположнаго конца комнаты появилась Магги въ пышномъ туалетѣ. Она прошла черезъ всю залу, производя такое впечатлѣніе своей эффектной внѣшностью, что всѣ даже на время перестали стучать ножами и вилками. Грабаусъ внутренно удивился, почему Магги выбрала длинный обходъ черезъ всю залу, вмѣсто того, чтобы придти черезъ ближайшую дверь.

Кофе пили на террасѣ и потомъ пошли гулять. Магги увидала, что у одной элегантной американки тоже былъ въ рукахъ деревенскій зонтикъ, и поэтому настолько примирилась со своимъ, что держала его открытымъ и въ тѣни. Она шла съ Вольфомъ позади мужа и Грабауса. Нарочно отставая отъ нихъ, она стала шептаться со своимъ спутникомъ, взяла его подъ-руку, и когда разстояніе между ними и ея мужемъ сдѣлалось достаточно большимъ, стала говорить съ Вольфомъ о счастливомъ времени ихъ любви и жаловаться на свою жизнь, на преслѣдованія со сто-

роны семьи мужа, на то, что Джемсъ слишкомъ слабоволенъ и не умѣетъ ее защитить. Она при этомъ увѣряла, что любитъ мужа, но изъ всѣхъ ея жалобъ было ясно, что ее главнымъ образомъ тяготитъ спокойная семейная жизнь и что она скучаетъ по сценѣ. Вольфъ слушалъ, не говоря ни слова, и чувствовалъ, какъ разливается въ его сердцѣ горечь разочарованія, какъ въ немъ закипаетъ ненависть къ этой женщинѣ, которая ничѣмъ не походила на ту Магги, которую онъ такъ любилъ еще часъ тому назадъ.

Грабаусъ разговаривалъ съ Джемсомъ о его будущемъ. Молодой человѣкъ хотѣлъ создать себѣ новую жизнь, но въ виду разнообразія его интересовъ выборъ становился для него особенно труднымъ, тѣмъ болѣе, что матеріальный вопросъ не игралъ никакой роли. Онъ не зналъ, сдѣлается ли адвокатомъ, или выберетъ ученую карьеру. Грабауса удивило, что у него нѣтъ никакихъ иллюзій на счетъ Магги; онъ самъ видѣлъ, что она не можетъ жить безъ сцены и тщетно ищетъ замѣны ея, превращая жизнь въ театральное представленіе.

— Я знаю, что въ концѣ концовъ она должна вернуться на сцену. Я дамъ согласіе, хотя это приведетъ меня къ полному разрыву съ отцомъ.

Вечеръ прошелъ очень неуютно. Магги вдругъ рѣшила ѣхать на слѣдующее утро въ Боценъ вмѣстѣ со своими пріятелями, и послѣ нѣкоторой борьбы Джемсъ долженъ былъ уступить ей. Грабаусъ и Вольфъ могли уйти въ свою комнату уже поздно, послѣ полуночи, и долго еще сидѣли молча. Грабаусъ ни о чемъ не спрашивалъ, чувствуя, какъ тяжело на душѣ у его друга. Но Вольфъ самъ не вытерпѣлъ. Опустивъ голову на руку, онъ зарыдалъ; нервы его были такъ ослаблены утомительной ходьбой и обиліемъ разнообразныхъ ощущеній, что онъ не съумѣлъ сдержаться и скрыть горечь своего разочарованія. Грабаусъ коснулся его плеча и ласково сказалъ ему въ утѣшеніе:

— Братъ Вольфъ, судьба была милостива къ тебѣ, когда не исполнила твоего горячаго желанія. Ея мужъ погубилъ свою жизнь, а ты свободенъ и принадлежишь себѣ и своему будущему.

На слѣдующее утро все общество собралось въ Боценъ; Магги привела въ движеніе весь отель своими безчисленными желаніями и приказами. Она была необыкновенно мила съ мужемъ за завтракомъ, сама наливала ему шоколадъ и намазывала булки, оправляла ему галстукъ и выказывала всяческое вниманіе, —

разсказывая между прочимъ, что они рѣшили накануне поѣхать въ Остенде, что потомъ она поступитъ на сцену, такъ какъ мужъ не хочетъ лишать сцену талантливой артистки. Послѣ завтрака они сѣли вчетверомъ въ коляску, и всю дорогу до Боцена Магги неустанно тараторила. Въ Боценъ они пріѣхали около полудня и тамъ, наконецъ, разстались, такъ какъ Магги съ мужемъ остановились въ отелѣ „Бристоль“, а Вольфъ съ Грабаусомъ въ „Черномъ Коршунѣ“, гдѣ поселились Платены. Вольфъ обѣщалъ Магги зайти къ ней послѣ обѣда.

Пройдя къ себѣ въ номеръ, Грабаусъ сталъ съ лихорадочной поспѣшностью раскладывать вещи и переодѣваться, думая все время о томъ, какъ онъ будетъ убѣждать майора не губить Марію-Луизу. Когда онъ вышелъ изъ своей комнаты и освѣдомился у прислуги о Платенахъ, лакей провелъ его въ комнату Маріи-Луизы, говоря, что его просили пожаловать туда. Открывая дверь, Грабаусъ думалъ, однако, не о Маріи-Луизѣ, а о томъ, въ чьихъ рукахъ была его судьба.

Но майора не было въ комнатѣ. Тамъ онъ засталъ Марію-Луизу, семью графа Борке и еще одну даму—баронессу Лебенштейнъ. Марія-Луиза сообщила ему, что ея мужъ не совсѣмъ здоровъ и не можетъ выйти, и попросила его сѣсть. Къ ужасу Грабауса, вся эта компанія провела весь день съ Маріей-Луизой, не отходя отъ нея ни на минуту, и онъ долженъ былъ выслушивать безконечныя исторіи о медіумическихъ способностяхъ молодой графини и о всякаго рода спиритическихъ чудесахъ. Майоръ не явился даже къ обѣду, причемъ Марія-Луиза шепнула Грабаусу, что онъ вовсе не боленъ, а только не выноситъ общества дяди и тети. Она успокоила Грабауса надеждой, что они уѣдутъ съ семичасовымъ поѣздомъ. Но эта надежда не оправдалась. Когда Вольфъ поднялся и распрощался, говоря, что долженъ еще зайти къ знакомымъ, то графъ съ женой тоже было рѣшили, что имъ пора ѣхать, но послѣ долгихъ колебаній они остались еще до десятичасового поѣзда, и Марія-Луиза, несмотря на умоляющіе взгляды Грабауса, не сказалась уставшей, а выразила удовольствіе по поводу того, что ея родные проведутъ съ нею еще цѣлый вечеръ. Послѣдовали еще три томительныхъ часа съ разговорами объ окультизмѣ вперемежку съ сплетнями о знакомыхъ. Грабаусъ уже пересталъ принимать участіе въ разговорѣ, но Марія-Луиза была попрежнему очень мила, и даже сама разсказывала какіе-то интересные случаи изъ жизни своей бабушки. Грабаусъ подошелъ къ окну, чувствуя себя совершенно чужимъ въ этой компаніи. Онъ не обра-

тилъ вниманія на то, съ какимъ мужествомъ Марія-Луиза превозмогаетъ себя, только изрѣдка придавливая пальцемъ лѣвый високъ отъ нестерпимой головной боли. Онъ внутренно негодовалъ на нее за ея кажущуюся веселость, столь противоположную мукамъ, которыя онъ переживалъ теперь.

Когда наконецъ настал̆ъ часъ отъѣзда, случилось нѣчто еще болѣе омрачившее его настроеніе. Графиня сказала Маріи-Луизѣ, что ни за что не позволитъ ей проводить ихъ на вокзалъ. Она выразила увѣренность, что докторъ Грабаусъ будетъ столь любезенъ и проводитъ баронессу въ ея отель, и настояла на томъ, что Марія-Луиза должна сейчасъ же лечь въ постель. Марія-Луиза послѣ нѣкотораго колебанія согласилась; она отпустила Грабауса со словами:—До свиданья. Не оставайтесь слишкомъ поздно.

Баронесса была очень разговорчива, и безъ умолку болтала до самаго отеля, не замѣтивъ даже разсѣянности своего спутника. Попрощавшись съ нею, Грабаусъ долго бродилъ по пустымъ улицамъ, то находя оправданіе для поведенія Маріи-Луизы, то страстно обвиняя ее въ равнодушіи. Онъ вернулся въ отель уже около полуночи. Весь отель погрузился въ мракъ, но, взглянувъ вверхъ, Грабаусъ увидѣлъ два ярко освѣщенныхъ окна. Это были окна комнаты Маріи-Луизы.

Онъ остановился. Какъ игрокъ, который собираетъ всѣ свои деньги и драгоцѣнности, чтобы сразу все поставить на одну карту, онъ сосредоточилъ всю силу желаній, всю мощь воображенія въ одну точку—въ желаніе, чтобы она подошла къ окну...

Онъ смотрѣлъ вверхъ съ застывшимъ отъ страстнаго желанія лицомъ, беззвучно произнося ея имя, и стоялъ нѣсколько минутъ не двигаясь, но ничто не зашевелилось за освѣщенными окнами. Тогда онъ медленно вошелъ въ отель съ опущенной головой, взялъ у швейцара ключъ и уже хотѣлъ-было подняться на лѣстницу, когда портье его окликнулъ и сказалъ, что дама изъ 19—20 номера проситъ его зайти къ ней. Грабаусъ не сразу его понялъ и переспросилъ номеръ. Убѣдившись, что его зоветъ Марія-Луиза, онъ бросился бѣжать, но еще разъ вернулся и съ радостной улыбкой всунулъ въ руку портье гульденъ.

Окрыленный радостной надеждой, Грабаусъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, постучался въ дверь Маріи-Луизы, вошелъ, взялъ ея руку, потомъ прижалъ ее къ груди и сталъ цѣловать.

— Прости мнѣ, дорогая, прости! Я вѣдь думалъ, что ты больше не хочешь меня видѣть!

— Напротивъ того, я вѣдь сказала тебѣ: Не оставайтесь слишкомъ поздно. Бо̀льшаго я не могла сказать при другихъ. А ты такъ долго не приходилъ. Я уже думала, что ты совсѣмъ не придешь.

— Ты сказала: Не оставайтесь слишкомъ долго...—повторилъ онъ, припоминая.—Вѣдь это вѣрно. А я не понялъ. Ты еще сказала: до свиданья, а я не придалъ этому значенія, думалъ, что это пустая фраза. Но теперь что объ этомъ вспоминать. Ты со мной, Марія-Луиза... дорогая Марія-Луиза!—тихо сказалъ онъ, и его печальныя черты озарились счастливой улыбкой.

— Гдѣ же ты былъ?

— Я шатался самъ не знаю гдѣ—я былъ въ такомъ отчаяніи.

Не выпуская ее изъ своихъ объятій, онъ подвелъ ее къ красной плюшевой кушеткѣ и, усадивъ ее, сѣлъ рядомъ.

— Дай мнѣ посидѣть подлѣ тебя,—сказалъ онъ,—дай отдохнуть. Я такъ измучился. Мнѣ казалось, что между нами все кончено. Когда ты такъ оживленно разговаривала съ твоими родственниками, ты была мнѣ совсѣмъ чужая,—человѣкомъ изъ какого-то другого міра.

— Какой ты забавный!—отвѣтила она и съ доброй, почти материнской улыбкой поглядѣла на его лицо, на которомъ какъ-то по-дѣтски пережитая тревога смѣнилась выраженіемъ радости. Не могу я иначе говорить съ родственниками. Но для тебя я остаюсь всегда одинаковой, несмотря на сомнѣнія, которыя на тебя иногда нападаютъ.

— Почему же ты тогда, послѣ нашего послѣдняго разговора, удалила меня? Вѣдь это ты затѣяла горную экскурсію, которая разлучила насъ.

— Это было необходимо. Я тогда поддалась грусти дождливаго дня—и мнѣ нужно было успокоиться, взять себя въ руки, прежде чѣмъ снова видаться съ тобой.

— Почему ты представляешь въ такомъ видѣ твои тогдашнія слова? Ты была только откровеннѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Нѣтъ. Я была болѣзненно возбуждена. Я вовсе не была такой, какова я въ дѣйствительности.

— Объ этомъ будетъ завтра разговоръ—между мной и твоимъ мужемъ. Сегодня ужъ слишкомъ поздно. Дай мнѣ спокойно посидѣть подлѣ тебя. Ты не знаешь, какъ меня успокаиваетъ твоя близость. Безъ тебя я теряюсь, при тебѣ—все ясно.

— О чемъ ты собираешься говорить съ моимъ мужемъ?—тревожно спросила Марія-Луиза.—Что ты хочешь ему сказать?

— Развѣ ты не знаешь? Не догадываешься? Я буду его просить, чтобы онъ вернулъ тебѣ свободу. Я ему скажу, что прошу этого не для себя, а для тебя. Онъ вѣдь хочетъ, чтобы ты выздоровѣла, а развѣ ты можешь такъ жить? Что̀ бы доктора тебѣ ни прописывали, куда бы тебя ни посылали, все-таки ты не выживешь, несмотря ни на какое леченіе. Вѣдь нельзя разъединять два существа, сросшіяся духовно. А развѣ связь, соединяющая насъ, не болѣе тѣсна? Съ первой минуты нашей встрѣчи это было несомнѣнно для насъ обоихъ. И какъ бы ты ни боролась съ собой, ты не въ силахъ измѣнить это. Когда я тебя увидѣлъ, я вовсе не подумалъ: эта женщина мнѣ нравится, я могъ бы въ нее влюбиться, а почувствовалъ въ тебѣ близкое издавна существо, съ которымъ я только былъ въ долгой разлукѣ, какъ бываешь разлученъ съ самымъ глубокимъ, что̀ есть въ самомъ себѣ. Я долго тебя искалъ. Когда же нашелъ, то во мнѣ заговорила та глубина моего собственнаго я, которая давно тебѣ принадлежала. Поэтому и кажется, что я какъ будто внутренно обѣднѣлъ. Бѣднымъ становишься послѣ всякаго перерожденія. Но эта бѣдность только начало бо̀льшаго богатства, какъ твоя болѣзнь—только переходъ къ здоровью... Все это такъ просто, и твой мужъ это пойметъ. Дѣло идетъ не о моемъ счастьи, не о моихъ желаніяхъ. Мы должны принадлежать другъ другу не въ силу нашей любви, а потому, что неразрывно связаны внутренней связью. Это такъ просто, такъ несомнѣнно, что противъ этого ничего нельзя возразить.

Марія-Луиза слушала его съ неподвижнымъ лицомъ, и только глаза ея блистали почти неестественно ярко на мертвенно-блѣдномъ лицѣ. Глубочайшая скорбь и высшее блаженство отражались въ ея неподвижно внимающемъ взорѣ;—казалось, что она слушаетъ не слова, которыя ей говорилъ Грабаусъ, а голоса, идущіе изъ глубины ея собственной души.

— Я тебя не отдамъ—все равно, хочешь ли ты или нѣтъ,—ибо нѣчто превышающее твою волю говоритъ, что я правъ.

Она невольнымъ движеніемъ взяла его руку, судорожно сжала ее и, обезсилѣвъ отъ нахлынувшихъ на нее чувствъ, тихо склонила голову ему на плечо и заплакала. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Потомъ она оправилась и сказала яснымъ, хотя еще дрожащимъ голосомъ:

— Генрихъ, то, о чемъ ты говоришь, никогда не будетъ. Выслушай меня — не перебивай. Я не могу оставить мужа. Еслибы даже онъ отпустилъ меня, это ничего бы не измѣнило. Я не примирилась бы съ тѣмъ, что измѣняю самой себѣ. По-

этому мы должны разстаться. Мы должны—повѣрь мнѣ,—продолжала она съ возрастающей тревогой въ голосѣ.—Нельзя строить счастья на несправедливости къ другимъ. Ты бы самъ этого не могъ себѣ простить. И ты тоже долженъ остаться съ твоей женой.

— Я съ женой ничѣмъ не связанъ. Мы съ нею совершенно чужіе люди, у которыхъ не осталось ни одного добраго чувства другъ къ другу. Къ женщинѣ, которая такъ поступила, какъ она относительно тебя, я ничего не чувствую кромѣ ненависти и ужаса.

— Не говори этого, Генрихъ. Если она сдѣлалась такой, если она поступила низко, то въ этомъ виноваты мы, я и ты. Изъ-за насъ она пережила нечеловѣческія муки, потому что ты не помогъ ей, а отвернулся отъ нея. Вернись къ ней, будь съ ней безконечно добръ. Повѣрь мнѣ, всякій человѣкъ, даже самый злой, доступенъ голосу доброты. Только страданіе, только измѣна тѣхъ, кого любишь, рождаетъ въ душѣ ненависть и злобу.

Грабаусъ смутно чувствовалъ, что въ этихъ словахъ есть что-то рѣшающее, что въ нихъ заключается, быть можетъ, непреодолимая правда. Но она такъ неожиданно сразила его, что ему хотѣлось только уйти отъ нея. Онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и, открывъ его, сталъ вдыхать ночную прохладу. Успокоившись хоть физически, онъ сказалъ тихо, не оборачиваясь.

— Ты не знаешь моей жены. Она въ десять разъ сильнѣе меня. Не я ее, а она меня можетъ одолѣть. И ты требуешь, чтобы ей я принесъ себя въ жертву!

— Не ей, а самому себѣ,—самому себѣ!

Но это было для него совершенно пустымъ звукомъ. Въ эту минуту онъ чувствовалъ только страшное, сразившее его чувство разочарованія. Онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ, въ неотразимости всѣхъ своихъ доводовъ,—а что ему отвѣтила Марія-Луиза? Упоминаніе о его женѣ въ эту святую минуту казалось ему оскорбительной насмѣшкой. Онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, жадно вдыхая ночной воздухъ, и глядѣлъ изъ окна въ пространство. До чего лучше ему было, когда онъ стоялъ внизу и смотрѣлъ вверхъ на эти окна. Тогда была мука, но была и надежда—теперь все разбито. Неужели же это конецъ? Неужели они разойдутся, и онъ вернется къ женѣ, станетъ образцовымъ мужемъ? И этого требуетъ отъ него Марія-Луиза!

Онъ обернулся къ ней, опять увидѣлъ ея нѣжный, блѣдный силуэтъ, и съ прежней силой воскресъ въ его памяти тотъ ве-

черъ, когда она открыла передъ нимъ свою душу, и онъ прочелъ въ ней мольбу спасти ее—противъ ея воли. Противъ воли! Какимъ безумнымъ соблазномъ звучали эти слова. Грабаусъ опять глубоко вдохнулъ ночной воздухъ, но онъ ему казался теперь пропитаннымъ тяжелыми одуряющими ароматами. Пламенныя желанія загорались въ немъ—желанія, которыя чужды мысли о завтрашнемъ днѣ... Онъ чувствовалъ, что долженъ спастись, долженъ уйти сейчасъ же, не взглянувъ ни разу больше на Марію-Луизу. Онъ уже направился къ двери, но не могъ устоять, и когда къ нему протянулась рука Маріи-Луизы, наполовину приподнявшейся съ кушетки, онъ бросился къ ней, упалъ передъ нею на колѣни и, обнимая и цѣлуя ее, шепталъ:

— Вѣдь ты погибнешь, погибнешь! Я не допущу этого... я спасу тебя!

Она старалась успокоить его и отстраняла его сначала слабо, потомъ настойчивѣе.

— Образумься, Генрихъ! Поговоримъ спокойно.

— Образумиться?—спросилъ онъ и откинулъ голову назадъ съ выраженіемъ страстнаго протеста на лицѣ.

— Въ такомъ случаѣ уходи. Если ты меня любишь, уходи!

— Нѣтъ, я не уйду. Я останусь. Я увлеку тебя съ собой. Ты будешь моей, наперекоръ всѣмъ — наперекоръ тебѣ самой. Ты—ты моя свѣтлая, прекрасная! Я боленъ тобой,—шепталъ онъ.—Я чувствую тебя въ моемъ сердцѣ, какъ живую муку... какъ пожирающее пламя... какъ безуміе! Я...

Онъ тихо застоналъ и опустилъ голову ей на колѣни. Она наклонилась надъ нимъ вся дрожа, въ возрастающемъ страхѣ—передъ собой, передъ своей жалостью къ нему, передъ своей слабостью. Крѣпко сжимая его руку, она все настойчивѣе молила:

— Встань, Генрихъ. Уходи! Если не хочешь, чтобы между нами все было кончено, уходи сейчасъ.

— Что?

— Уходи сейчасъ же.

— Если я уйду,—сказалъ онъ неожиданно рѣзкимъ тономъ,—то уйду навсегда.

— Генрихъ!

— Если ты хочешь, чтобы я ушелъ, то это—трусость... и жестокость,—гнѣвно проговорилъ онъ.—Я уйду, но я не вѣрю тебѣ, не вѣрю твоей любви.

— Генрихъ, не говори этого! Ты раскаешься. Не смотри на меня такими глазами. Что съ тобой? Генрихъ... возьми меня... возьми меня... только не гляди такъ!

Она обняла его за шею и прижала его къ себѣ, чтобы вывести его изъ оцѣпенѣнія. Но онъ осторожно высвободился изъ ея объятій, усадилъ ее въ уголъ кушетки, не отвѣчая на ея взглядъ, молящій о пощадѣ, вынулъ свои пальцы изъ ея рукъ и старался даже не касаться ея платья. Но ярость и злоба уже улеглись въ немъ. Онъ опомнился и съ мучительной ясностью понялъ всю неизгладимость и непростительность случившагося. Онъ безмолвно поникъ съ блѣднымъ лицомъ, не двигаясь, даже когда она прикоснулась рукой къ его головѣ. Только когда она окликнула его, онъ взглянулъ на нее съ тѣмъ же мрачнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица.

— Я вѣдь тебя люблю, Генрихъ. Вѣрь мнѣ!

— Боже мой, и я люблю тебя!—съ мукой въ голосѣ сказалъ онъ.

— Я люблю тебя больше жизни, прошептала она.—Но я не могу не помнить о немъ—онъ мнѣ довѣряетъ. У него такая твердая вѣра въ меня. Въ Бога нельзя вѣрить болѣе твердо, чѣмъ онъ въ меня.

— Забудь все, что я сказалъ тебѣ,—проговорилъ онъ беззвучно и опустилъ глаза. На ея лицѣ отразилась скорбно умиленная радость, и она стала нѣжно гладить его волосы.

— Теперь уходи,—сказала она.—Но обѣщай вотъ что. Мы сегодня же попрощаемся. Ты долженъ уѣхать безъ меня.

— Марія-Луиза! Что ты говоришь?

— Если ты будешь подлѣ меня, у меня не хватитъ силъ. Повѣрь мнѣ—тамъ, гдѣ ты, тамъ буду и я. Но оставь меня одну. Я этого не могу вынести—я умру.

— Почему, Марія-Луиза, почему?

Онъ боролся съ ней нѣмыми взглядами, читая въ ея глазахъ отчаяніе и смертельный страхъ, и наконецъ уступилъ ей. Тогда она плача поцѣловала его въ лобъ и прижалась къ его лицу своимъ.

Онъ уже стоялъ въ дверяхъ и переступилъ порогъ, какъ вдругъ опять повернулся къ ней и сказалъ:

— Марія-Луиза, мы никогда больше не увидимся.

— Нѣтъ, ты меня увидишь еще.

— Когда?

Въ эту минуту утренняя заря, показавшаяся надъ крышами насупротивъ, залила комнату нѣжнымъ потокомъ свѣта. И тѣмъ темнѣе выдѣлилась на свѣтломъ фонѣ ея темная фигура и глубокія морщины и тѣни легли на ея исхудавшее лицо. Она прошептала едва-едва слышно: Прощай, прощай!

Потомъ дверь закрылась, и онъ остался одинъ въ темномъ корридорѣ.

Коляска, которая везла Марію-Луизу и ея брата въ Кастельрутъ, медленно поднималась въ гору. Оба они сидѣли молча, лишь изрѣдка обмѣниваясь ничего не значущими замѣчаніями. Онъ присутствовалъ при прощаніи Грабауса и его сестры, и долго еще кивалъ платкомъ оставшемуся другу, который стоялъ неподвижно и безмолвно, провожая глазами отходящій поѣздъ. Вольфъ чувствовалъ приливъ гнѣва противъ сестры за ея жестокость къ Грабаусу, но когда поѣздъ двинулся и онъ взглянулъ на лицо Маріи-Луизы съ ея сухими воспаленными глазами, онъ понялъ, что̀ въ ней происходитъ. Отвернувшись отъ нея, онъ уткнулся въ уголъ вагона, и, какъ онъ ни сдерживалъ себя, слезы потекли по его щекамъ. Онъ плакалъ какъ ребенокъ— изъ нихъ всѣхъ онъ одинъ только и могъ плакать.

Всѣ мысли Маріи-Луизы были у покинутаго ею друга и теперь, когда послѣ желѣзной дороги она сѣла въ коляску. Что онъ теперь дѣлаетъ? Какъ переноситъ въ одиночествѣ свою муку? Опять въ ней мучительно заговорилъ внутренній протестъ противъ судьбы, заговорила жажда счастья, жажда жизни. Можетъ быть, мужъ ея все-таки вынесъ бы разлуку съ нею. Можетъ быть, можно было подѣйствовать на жену Генриха просьбами? И даже еслибы она оторвала его отъ семьи, развѣ она не дала бы новаго счастья взамѣнъ? Не трусость ли, не послѣдній ли отголосокъ условной морали—эта нерѣшимость съ ея стороны? Но слишкомъ ясно, смертельно-ясно она поняла безнадежность призыва молодости и страсти. Она поняла, что должна пойти по пути, который никогда не приведетъ къ торжеству любви даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Для нея уже не было дороги къ счастью. Она останется вѣрна себѣ—въ этомъ была ея судьба и ея приговоръ. Единственнымъ ея утѣшеніемъ было сознаніе, что, отпустивъ Грабауса, она тѣмъ самымъ приковала его къ себѣ на всю жизнь. Онъ никогда не забудетъ ее, не забудетъ лунную ночь въ паркѣ, и въ часы грядущихъ невзгодъ, когда всѣ утѣшенія изсякнутъ, его будетъ поддерживать воспоминаніе объ ихъ любви. Теперь онъ еще слишкомъ страдалъ, чтобы соглашаться съ нею, но потомъ онъ ее пойметъ,—пойметъ, что она вѣрила въ него, что она пожертвовала своимъ счастьемъ вѣрѣ въ его силы и что она умерла для того, чтобы его жизнь сдѣлалась болѣе высокой и прекрасной.

Ее охватило глубокое чувство радости при мысли, что вну-

тренняя сила въ ней побѣдила, что она дѣйствовала совершенно свободно и преодолѣла себя. Всей своей молодой страстью, каждой каплей своей крови она стремилась къ тому, кого такъ безгранично полюбила, но она освободила себя и отъ своей любви и пошла по свободно избранному ею пути, ни передъ кѣмъ не преклоняясь, сохранивъ власть надъ самой собой. Она чувствовала побѣдное чувство воина, который идетъ въ бой съ развѣвающимся знаменемъ въ рукахъ и чувствуетъ себя закаленнымъ отъ боли ранъ, которыя можетъ нанести ему врагъ.

Погода въ горахъ испортилась еще до отъѣзда Платеновъ. Холодный сырой воздухъ проникалъ въ комнаты, внѣдрялся въ платье, проходилъ въ легкія. Однажды, когда майоръ лежалъ въ постели вслѣдствіе возобновившихся болей, у Маріи-Луизы опять пошла кровь горломъ. Она объ этомъ не разсказала и сама не безпокоилась, думая, что лопнулъ кровяной сосудъ. Но у нея осталось какое-то тревожное состояніе духа и очень мучившая ее нервность. Когда майору стало лучше, они поѣхали на Ривьеру, но тамъ Маріи-Луизѣ стало еще хуже. Все ее раздражало—и люди, и слишкомъ пышная для ея сѣверной души природа, и вся жизнь вокругъ. Она даже едва сдерживала раздраженіе противъ мужа и старалась побольше бывать одна. Ея душевная мука становилась такой нестерпимой, что она нѣсколько разъ порывалась писать Грабаусу съ просьбой пріѣхать, увезти ее куда онъ хочетъ. Но потомъ она сжигала эти письма, а тѣ, которыя она ему посылала, были очень кратки и сдержанны, и по нимъ онъ не могъ бы догадаться о ея дѣйствительномъ состояніи.

Отъ времени до времени ею опять овладѣвалъ неизъяснимый страхъ, который предшествовалъ всегда припадку кровоизліянія. Послѣ припадка ей становилось лучше, и она успокаивалась. Въ такіе часы она тоже писала письма Грабаусу, но оставляла ихъ какъ послѣдній подарокъ ему. Потомъ опять возобновлялась нервная тревога, и въ одинъ изъ такихъ періодовъ она стала умолять мужа увезти ее домой. Докторъ поддержалъ ея просьбу, въ виду безнадежности ея состоянія. Въ началѣ декабря Марія-Луиза вернулась вмѣстѣ со своимъ мужемъ въ Веймаръ.

Отправивъ жену и дѣтей въ Берлинъ къ родителямъ Констанціи на время переѣзда на новое мѣсто, Грабаусъ зашелъ

съ вокзала къ Вольфу узнать о здоровьи Маріи-Луизы. Оказалось, что Вольфъ внезапно уѣхалъ почти безъ вещей и точно не опредѣлилъ когда вернется. Грабаусу ничего не оставалось, какъ вернуться домой, гдѣ артельщики укладывали книги въ ящики. Онъ ходилъ по опустѣвшимъ комнатамъ, занятый, какъ всегда, мыслями о Маріи-Луизѣ. Эти мысли парализовали его жизненныя силы, подъ вліяніемъ ихъ онъ апатично отнесся къ повороту въ своей карьерѣ. Но онъ рѣшилъ взять себя въ руки, отогнать мысли о любимой женщинѣ, а то всякая работа на новомъ поприщѣ стала бы немыслимой.

Среди своихъ размышленій онъ услышалъ голосъ Вольфа, спрашивавшаго дома ли докторъ Грабаусъ. Онъ выскочилъ ему на встрѣчу, ввелъ его въ комнату, но, взглянувъ на него при свѣтѣ лампы, ужаснулся его виду.

— Что съ тобой?—почти крикнулъ онъ.—Надѣюсь, никакихъ дурныхъ вѣстей? Что съ твоей сестрой?

— Не пугайся, Генрихъ. Моя сестра...

Грабаусъ выпустилъ изъ рукъ лампу, которая съ шумомъ упала на полъ и разбилась. Прошло много времени, а онъ все еще не могъ выговорить ни слова.

— Она уже давно была очень тяжело больна,—разсказывалъ Вольфъ.—Смерть была для нея избавленіемъ. Я пріѣхалъ за тобой. Если хочешь еще разъ видѣть ее, поѣдемъ сейчасъ же.

По дорогѣ на вокзалъ и въ поѣздѣ Вольфъ разсказывалъ о послѣднихъ дняхъ сестры. Грабаусъ молча слушалъ, ничего не возражая.

Въ домѣ Платеновъ ихъ ввели въ большую комнату, гдѣ, кромѣ доктора Платена, было еще нѣсколько офицеровъ и дамъ, одѣтыхъ въ черное. Грабаусъ сѣлъ и сидѣлъ, не принимая участія въ разговорѣ, который велся вполголоса. Вскорѣ вошелъ майоръ. У него былъ очень измученный видъ, но онъ держался спокойно и твердо. Поздоровавшись съ дамами, онъ подалъ руку Грабаусу и потомъ провелъ всѣхъ въ комнату, гдѣ лежала покойница. Когда сняли бѣлый батистовый платокъ, прикрывавшій ея лицо, всѣ увидѣли блѣдныя нѣжныя черты, которыя, казалось, принадлежали ни мертвой, ни живой, а были какъ бы восковымъ изображеніемъ Маріи-Луизы. При всей нѣжности лицо ея казалось строгимъ и на немъ можно было прочесть: „моя душа, такъ много страдавшая, отлетѣла. Взгляните, какъ я прекрасна, когда я спокойна". Дамы подносили платочки къ глазамъ, мужчины тоже съ трудомъ удерживались отъ слезъ. Одинъ Грабаусъ стоялъ съ сухими глазами, глядя на лицо Маріи-Луизы.

Онъ молча попрощался съ майоромъ и ушелъ къ себѣ въ отель. Весь вечеръ Вольфъ не могъ добиться отъ него ни слова; молчаніе не покидало его и на слѣдующій день похоронъ.

У майора назначенъ былъ пріемъ всѣхъ членовъ семьи на слѣдующій день къ обѣду, и Грабаусъ былъ приглашенъ въ числѣ другихъ. Но, чувствуя себя не въ силахъ присутствовать на собраніи, онъ рѣшилъ пойти къ майору до обѣда. Его ввели въ пустую комнату, а майора онъ увидалъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ Маріи-Луизы, съ глубокой скорбью поникнувъ надъ ея карточкой. Увидѣвъ посѣтителя, онъ выпрямился и лицо его сдѣлалось болѣе строгимъ. Онъ протянулъ Грабаусу свою морщинистую, но теплую и твердую руку, и когда Грабаусъ крѣпко пожалъ ее и взглянулъ въ глаза майора, все еще свѣтлые и добрые, несмотря на всю силу страданій, то его прежде всего поразило удивительное сходство этого лица съ лицомъ Маріи-Луизы. Это было не родственное сходство, какъ онъ прежде думалъ, а отраженіе ихъ духовнаго родства. И теперь только, въ этотъ неизмѣримо печальный часъ, онъ понялъ, почему Марія-Луиза, при всей своей страстной любви къ нему, не могла покинуть мужа. Грабаусу тоже хотѣлось въ эту минуту никогда не отпускать руку майора—столько доброты и тепла было въ его пожатіи. Майоръ, наконецъ, отнялъ руку и попросилъ Грабауса сѣсть. Онъ самъ тоже сѣлъ, и наступила минута, когда они оба безмолвно глядѣли другъ на друга, какъ бы видя каждый свое отраженіе въ глазахъ другого и заглядывая каждый въ глубину своей собственной души. Въ эту минуту ничто ихъ не раздѣляло — они были самыми близкими существами другъ для друга на землѣ. Когда потомъ они нарушили молчаніе, слова казались имъ лишними, но въ то же время они почувствовали, что то, что между ними произошло, неразрушимо.

— Она до конца думала о васъ,—сказалъ майоръ, когда Грабаусъ сталъ спрашивать его о послѣднемъ времени ея болѣзни.—Въ особенности памятно было ей время, когда вы въ первый разъ посѣтили насъ.

Онъ поднялся, вынулъ изъ ящика письменнаго стола пачку писемъ и передалъ Грабаусу.

— Тутъ, вѣроятно, собрано то, что она еще хотѣла вамъ сказать.

Грабаусъ поднялся, взялъ письма и протянулъ на прощанье руку майору, который еще сказалъ ему:

— Прощайте! Пишите мнѣ, какъ вамъ живется. И я вамъ желаю всего лучшаго.

Грабаусъ пошелъ въ паркъ и тамъ развязалъ пачку писемъ. На бѣлыхъ конвертахъ помѣчены были числа, относившіяся къ разнымъ временамъ. Нѣкоторымъ письмамъ было болѣе года, другія относились къ послѣднему времени. Лежавшее на самомъ верху письмо было помѣчено днемъ смерти Маріи-Луизы. Оно не было запечатано. Грабаусъ прочелъ только послѣднюю страницу:

„Мнѣ хочется въ послѣдній разъ быть нѣжной съ тобой и сказать тебѣ, какъ я тебя люблю. Ночь была очень тяжелая. Но я провижу счастье, которое изгладитъ все, что я выстрадала. Ты долженъ рости и стать выше всѣхъ людей. То, что другихъ сковываетъ и придавливаетъ къ землѣ, должно исчезнуть передъ твоей волей. И тогда ты можешь сказать, что частицей всего этого—самой маленькой частицей—ты обязанъ мнѣ. Я была твоей счастливой звѣздой. Еслибы это все исполнилось, Генрихъ, то я готова была бы еще больше страдать за тебя“.

Въ пустынномъ паркѣ была полная тишина. Красноватый отблескъ озарялъ снѣгъ, и въ душѣ Грабауса поднялось невыразимое ощущеніе свѣта и теплоты, связанной съ умершей. И онъ чувствовалъ, что пока это будетъ въ немъ живо, онъ не перестанетъ жить и производительно трудиться—подобно тому, какъ земля не перестаетъ приносить плоды, пока ее грѣетъ солнце.

Съ нѣм. З. В.

ИСКАТЕЛИ КЛАДА

РОМАНЪ.

Dialstone Lane, by W. Jacobs. London. 1905.

I.

Мистеръ Эдуардъ Тредгольдъ сидѣлъ въ частной конторѣ нотаріуса „Тредгольдъ и сынъ“, глядя изъ окна съ проволочной шторою на Большую улицу города Бинчестера. Тредгольдъ-старшій, находившій, что работа полезна для молодежи, рано ушелъ изъ конторы, а Тредгольдъ-сынъ, раздѣляя взгляды отца, засадилъ за работу клерка, бывшаго моложе его на одинъ мѣсяцъ.

„Бинчестеръ становится все скучнѣе и скучнѣе,—подумалъ м-ръ Тредгольдъ.—За эти пять минутъ по улицѣ прошли счетомъ двое стариковъ, сумрачная нянька съ еще болѣе сумрачнымъ младенцемъ и пробѣжали три собаки... Эге! Это что такое?“

Онъ положилъ перо и слѣдилъ глазами за перешедшею черезъ улицу дѣвушкою, очевидно, искавшею какой-то домъ.

„Пріѣзжая, должно быть,—рѣшилъ про себя м-ръ Тредгольдъ,—такія барышни бываютъ здѣсь только проѣздомъ и уѣзжаютъ съ первымъ же поѣздомъ... Но она направляется сюда. За какими-нибудь справками, вѣроятно?

Онъ сѣлъ за столъ и, взявъ перо, принялся съ озабоченнымъ видомъ его разсматривать. Клеркъ доложилъ о посѣти-

тельницѣ. М-ръ Тредгольдъ всталъ и вѣжливо придвинулъ ей стулъ.

— Я зашла за ключемъ отъ коттэджа въ долинѣ Солнечныхъ Часовъ, — сказала дѣвушка, не садясь, — дядя мой, капитанъ Бауэрсъ еще не пріѣхалъ, а я слышала, что вы — хозяинъ.

М-ръ Тредгольдъ поклонился и, взглянувъ на расписаніе, объяснилъ, что капитанъ, вѣроятно, пріѣдетъ со слѣдующимъ — шестичасовымъ поѣздомъ. Онъ заѣзжалъ въ понедѣльникъ узнать насчетъ мебели. Пріѣзжая, вѣроятно—миссъ Дрюиттъ?

— Да, и если вы будете такъ добры, дадите мнѣ ключъ, я пройду домой и подожду его тамъ.

М-ръ Тредгольдъ досталъ ключъ изъ ящика и, осмотрѣвъ его, пробормоталъ что-то о томъ, что замокъ плохо отпирается и потому миссъ Дрюиттъ, быть можетъ, позволитъ ему проводить ее? О, нѣтъ, это не причинитъ ему ни малѣйшаго безпокойства. Они обязаны заботиться объ удобствахъ своихъ жильцовъ...

Дорогою онъ указалъ пріѣзжей на нѣкоторыя мѣстныя достопримѣчательности и выразилъ опасеніе, что она найдетъ Бинчестеръ слишкомъ тихимъ, соннымъ городомъ, на что миссъ Дрюиттъ отвѣтила, что она любитъ тишину.

Ей понравились старомодные коттэджи въ долинѣ Солнечныхъ Часовъ, крылечки изъ кирпича, узкія оконца. Остановившись у послѣдняго домика, м-ръ Тредгольдъ вложилъ ключъ въ замокъ наружной двери и безъ всякаго труда повернулъ его.

— Кажется, все въ порядкѣ, и я напрасно побезпокоила васъ,—замѣтила дѣвушка, серьезно взглянувъ на него.

М-ръ Тредгольдъ покачалъ головою и замѣтилъ, что тутъ все же нужна особая сноровка. Въ отвѣтъ на это миссъ Дрюиттъ, въ свою очередь, нѣсколько разъ открыла и закрыла дверь— безъ всякаго труда.

— Ну, вы сразу приноровились, — проговорилъ онъ невозмутимо.

— Благодарю васъ, — сказала она, давая ему понять, что онъ можетъ удалиться.

Но упрямство было одною изъ основныхъ чертъ его характера, и молодой человѣкъ, объявивъ, что онъ обѣщалъ капитану Бауэрсу наблюсти за починкою петель и крючковъ, принялся осматривать оконныя задвижки и дверныя ручки, между тѣмъ какъ она, усѣвшись въ креслѣ у камина, наблюдала за нимъ, очевидно, забавляясь на его счетъ, что не могло не злить за-

ботливаго хозяина. Онъ объяснилъ, что капитанъ велѣлъ сдѣлать въ этой комнатѣ панели и выдвижные ящики, чтобы она напоминала ему каюту. Онъ зоветъ погребъ—трюмомъ, кухню—каютъ-компаніей, и устроилъ въ саду фокъ-мачту съ площадкою для вахтеннаго. Оттуда открывается чудный видъ — до самаго моря.

Миссъ Дрюиттъ почти машинально послѣдовала за нимъ въ тѣнистый старый садъ, въ концѣ котораго возвышалась мачта. М-ръ Тредгольдъ освѣдомился, довольна ли она меблировкой дома и, услышавъ данный холоднымъ тономъ утвердительный отвѣтъ, облегченно вздохнулъ. Вѣдь онъ ѣздилъ съ капитаномъ въ Толлминстеръ и помогалъ ему выбирать вещи. Больше всего имъ пришлось повозиться съ ея комнатою.

— Съ *моею* комнатою?—проговорила пораженная дѣвушка.

— Это настоящая мечта въ нѣжно алыхъ и блѣдно-зеленыхъ тонахъ,—сказалъ м-ръ Тредгольдъ скромно,—двѣ-три старинныхъ вещицы, капитанъ былъ противъ нихъ, но я настоялъ на своемъ...

— Развѣ покупка мебели также входитъ въ кругъ вашихъ занятій?—спросила она, изумленно раскрывая глаза.

— О, нѣтъ, я дѣлалъ это для развлеченія. Я выбиралъ, а капитанъ платилъ, это — совершенно новое ощущеніе. Можетъ быть, вы пожелаете взглянуть на вашу комнату? Она тамъ наверху, надъ кухнею.

Миссъ Дрюиттъ согласилась — не безъ злорадной задней мысли. Быть можетъ, все окажется никуда не годнымъ? Вскорѣ она вернулась.

— Очень хорошо,—сказала она нелюбезно, — но я рѣшительно не понимаю: изъ-за чего вамъ было хлопотать?

— Вы бы поняли, еслибы увидѣли, что хотѣлъ купить капитанъ. Онъ выбралъ обои съ рисункомъ, изображавшимъ невѣдомый кустъ въ цвѣту, наверху котораго сидитъ пѣвчая птица, пожирающая мотылька. Самый простой разсчетъ подсказалъ мнѣ, что каждое утро, раскрывъ глаза, вы увидите пятьдесятъ семь совершенно одинаковыхъ пѣвчихъ птицъ, пожирающихъ пятьдесятъ семь мотыльковъ. Занавѣси же, выбранныя имъ, были краснаго цвѣта, усѣянныя маленькими желтыми тиграми...

— Выборъ дяди, безъ сомнѣнія, удовлетворилъ бы меня,—проговорила миссъ Дрюиттъ съ достоинствомъ.

Положеніе становилось натянутымъ, но тутъ къ дому подкатилъ кабріолетъ, и изъ него вышелъ пожилой господинъ съ краснымъ, загрубѣвшимъ отъ загара лицомъ, обросшимъ сѣдою

бородою. Онъ остановился съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ на порогѣ.

— Это... Да неужели это Прюденса?—проговорилъ онъ наконецъ, протягивая дѣвушкѣ руку.

— Да, дядя, это я.

Они пожали другъ другу руки, и затѣмъ капитанъ, взявъ изъ экипажа клѣтку съ попугаемъ, всю дорогу просившимъ извозчика поцѣловать его, отдалъ возницѣ деньги и снова вошелъ въ домъ, привѣтливо поздоровавшись съ Тредгольдомъ.

— Я опоздалъ на поѣздъ,—сказалъ капитанъ,—я... я надѣюсь, что тебѣ будетъ здѣсь хорошо?—обратился онъ съ тою же застѣнчивостью къ дѣвушкѣ.

— Благодарю васъ, дядя.

— Ты очень похожа на свою мать.

— Надѣюсь,— проговорила Прюденса и, подойдя къ капитану, поцѣловала его въ щеку. Въ ту же минуту она почувствовала себя въ его добродушныхъ медвѣжьихъ объятіяхъ. Лицо его просіяло.

— Чортъ меня побери, если я зналъ сначала, какого курса мнѣ съ тобою держаться! Маленькія дѣвочки — одно, а когда онѣ превратятся въ красивыхъ чинныхъ барышень—не знаешь, съ какой стороны и подойти къ нимъ. Вѣдь мы десять лѣтъ не видались.

Онъ снова поцѣловалъ ее въ лобъ и радостно подмигнулъ м-ру Тредгольду, который изъ деликатности смотрѣлъ въ окно. Затѣмъ онъ объявилъ, что нанялъ слугу,—съ нимъ меньше возни, чѣмъ со служанкою. Кажется, человѣкъ подходящій.

— Быть можетъ, онъ хитеръ и скрываетъ свои недостатки?— замѣтилъ м-ръ Тредгольдъ.

— Покуда онъ скрываетъ ихъ, не къ чему придраться,—заявилъ капитанъ, — лучшій поваръ, какого я когда-либо имѣлъ на кораблѣ, былъ бѣглый каторжникъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, Таскеръ никогда не былъ на каторгѣ,—сказалъ Тредгольдъ,—во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что онъ не бѣжалъ оттуда: онъ слишкомъ для этого глупъ.

Въ эту минуту вошелъ нагруженный свертками тотъ, о комъ шла рѣчь; онъ застѣнчиво прошелъ на цыпочкахъ на кухню, гдѣ сейчасъ же принялся возиться съ устройствомъ на новосельѣ, а Тредгольдъ, отказавшись отъ приглашенія капитана напиться чаю, простился съ хозяевами.

— Славный малый,—сказалъ капитанъ, проводивъ его,—у него еще немножко вѣтеръ въ головѣ, но съ годами это пройдетъ.

Онъ усѣлся въ кресло и окинулъ довольнымъ взглядомъ свои владѣнія.

— Чуть ли не впервые за сорокъ пять лѣтъ мнѣ приходится жить въ собственномъ домѣ. Надѣюсь, что ты почувствуешь себя здѣсь счастливою, и ужъ не я буду виноватъ, если этого не случится.

II.

Менѣе чѣмъ въ недѣлю капитанъ Бауэрсъ окончательно устроился въ своемъ домѣ. Въ „каютъ-компаніи" были вывѣшены „правила", сообразно которымъ Джозефъ Таскеръ долженъ былъ распоряжаться своимъ временемъ и, боясь преступить случайно которое-нибудь изъ нихъ, онъ старательно заучивалъ ихъ по складамъ. Мѣстныя хозяйки очень интересовались дѣятельностью м-ра Таскера, но оказалось, что онъ держитъ домъ въ образцовомъ порядкѣ, что капитанъ не замедлилъ приписать благодѣтельному вліянію „правилъ". Однако, дѣло не обошлось безъ ихъ нарушенія, и это привело къ неожиданному знакомству.

Однажды послѣ полудня послышался рѣзкій стукъ въ дверь, и въ отвѣтъ на возгласъ капитана: войдите!—въ комнату вбѣжалъ взволнованный, небольшого роста человѣкъ.

— Мое имя Чокъ!—проговорилъ онъ, запыхавшись.

— Пріятель м-ра Тредгольда-отца? Я слышалъ о васъ, сэръ,—отозвался капитанъ.

Гость пропустилъ фразу мимо ушей.

— Жена моя желаетъ знать: неужели ей придется ежедневно одѣваться впотьмахъ до конца ея жизни? — продолжалъ онъ гнѣвнымъ, но дрожащимъ голосомъ.

— Одѣваться впотьмахъ?—повторилъ изумленный капитанъ.

— Съ опущенною шторою,—пояснилъ гость, нервно теребя кончики рыжеватыхъ усовъ. — Какъ бы вамъ самимъ понравилось,—продолжалъ онъ, уже смягчаясь,—еслибы на васъ навели въ упоръ подзорную трубу?

— Джозефъ!—рявкнулъ капитанъ, срываясь съ мѣста и подбѣгая къ окну, изъ котораго виднѣлась пресловутая мачта.

— Что прикажете, сэръ?—спросилъ, перевѣшиваясь черезъ перила, Таскеръ, въ рукѣ у котораго оказался вышеупомянутый инструментъ.

— Что вы дѣлаете тамъ съ подзорною трубою? Какъ смѣете вы глазѣть на чужія окна?

— Я не глазѣю на окна, сэръ,—возразилъ м-ръ Таскеръ тономъ оскорбленной невинности,—мнѣ даже въ голову не могло придти ничто подобное.

— Вы наводите трубу прямо на окно спальни,—закричалъ м-ръ Чокъ, выйдя вслѣдъ за капитаномъ въ садъ,—и это уже не въ первый разъ.

— Право же нѣтъ, сэръ,—протестовалъ слуга, обращаясь къ своему барину,—я смотрѣлъ на зябликовъ, они свили себѣ гнѣздо подъ карнизомъ. Притомъ я видѣлъ, что вы всегда спускаете штору, какъ только меня увидите,—обернулся онъ уже къ посѣтителю,—и потому думалъ, что я не мѣшаю...

— Я крайне сожалѣю,—проговорилъ капитанъ и приказалъ Джозефу, все еще продолжавшему оправдываться, немедленно слѣзть и приготовить чай.

— Я готовъ вѣрить, что онъ не имѣлъ дурного умысла,—проговорилъ смягчившійся м-ръ Чокъ, между тѣмъ какъ смущенный Джозефъ ретировался.—Надѣюсь, сэръ, что я не сказалъ ничего лишняго? Жена такъ настаивала, чтобы я пошелъ къ вамъ.

— Вы были совершенно правы, и я благодарю васъ за то, что вы пришли.

— Мнѣ думается,—сказалъ м-ръ Чокъ, съ большимъ интересомъ разглядывая сооруженіе,—мнѣ думается, что оттуда долженъ быть прекрасный видъ? Нѣчто въ родѣ корабля въ саду. Оно наводитъ на мысль о полюсѣ, буряхъ, сѣверномъ сіяніи...

Пять минутъ спустя Таскеръ, выглянувъ изъ окна каютъ-компаніи, увидѣлъ м-ра Чока поднимающимся съ безконечными предосторожностями на мачту. Шляпа его была нахлобучена на глаза, и онъ крѣпко прижималъ къ себѣ телескопъ.

Когда Таскеръ вошелъ въ садъ доложить о томъ, что чай готовъ, м-ръ Чокъ все еще занималъ свой возвышенный постъ, и для находившихся внизу было ясно, что онъ опасается трудностей спуска, но слишкомъ гордъ для того, чтобы въ этомъ сознаться.

— Славный видъ отсюда!—крикнулъ капитанъ.

— И... и... прекрасный!—отозвался м-ръ Чокъ, блѣдность котораго была очень замѣтна.

Чай остывалъ и капитанъ, поднявшись, наконецъ, до платформы, предложилъ м-ру Чоку освободить его отъ телескопа, что было принято съ благодарностью.

— Я... у меня затекла нога!—пробормоталъ онъ.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ спускайтесь осторожнѣе!

Благодаря соединеннымъ усиліямъ капитана и слуги, м-ру Чоку удалось благополучно стать на землю, и онъ принялъ приглашеніе на чашку чая, причемъ видъ комнаты привелъ его въ искренній восторгъ. Настоящая каюта! Можно вообразить себя на кораблѣ.

— А вы любите море?—спросилъ капитанъ.

— Очень люблю!—съ жаромъ воскликнулъ м-ръ Чокъ,—я еще мальчикомъ желалъ уйти въ море, а вмѣсто этого пришлось замѣнить отца въ его дѣлѣ, къ которому у меня никогда не лежала душа. Нѣкоторые люди любятъ домашнюю жизнь, а я всегда стремился къ приключеніямъ. Воображаю, сколько вамъ пришлось пережить ихъ, капитанъ. Эдуардъ Тредгольдъ мнѣ кое-что поразсказалъ...

— Когда проплаваешь сорокъ-пять лѣтъ—на многое насмотришься. Вѣдь это—цѣлая жизнь.

— А вотъ мнѣ пятьдесятъ-первый годъ,—мрачно проговорилъ м-ръ Чокъ,—а я только и видѣлъ на своемъ вѣку, какъ человѣкъ остановилъ взбѣсившуюся лошадь.

Когда Прюденса черезъ полчаса вошла въ комнату, она увидѣла м-ра Чока, прислушивающагося съ напряженнымъ вниманіемъ къ морскимъ разсказамъ капитана.

За этимъ визитомъ послѣдовали многіе другіе; иногда Чокъ приводилъ м-ра Тредгольда, а иногда м-ръ Тредгольдъ приводилъ его. М-ръ Чокъ освоился съ трудностями восхожденія на мачту и, взобравшись туда, осматривалъ окрестности съ видомъ путешественника, обозрѣвающаго чужую враждебную страну. Это служило обыкновенно прелюдіей къ разсказамъ капитана, переносившимъ слушателей то на поросшіе пальмами острова южнаго океана, то въ Китай или Японію. М-ръ Чокъ освоился съ морскими терминами и какъ-то разъ заявилъ, что онъ намѣренъ предпринять въ скоромъ времени морское путешествіе. Онъ еще не рѣшилъ—куда.

— Я подговариваю и вашего отца,—обратился онъ къ Тредгольду.

— Непремѣнно возьмите его съ собою,—поддакнулъ почтительный сынъ,—это принесетъ ему пользу и мнѣ—тоже.

— Да, но онъ сказалъ, что отправился бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы понадобилось поднять изъ воды затонувшее съ золотымъ грузомъ судно. Вѣдь такіе случаи бывали, капитанъ?

— Дно океана вымощено такими судами,—проговорилъ Тредгольдъ, слѣдуя за миссъ Дрюиттъ въ садъ, гдѣ она собиралась сѣять сѣмена.

М-ръ Чокъ снова закурилъ трубку; онъ смотрѣлъ въ окно, но передъ его умственнымъ взоромъ разстилались синія моря.

— Вамъ не случалось слышать о подобныхъ находкахъ, капитанъ?

— Насколько могу припомнить—нѣтъ, хотя странно, что мы подумали одновременно объ одномъ и томъ же.

— Почему—странно?—освѣдомился м-ръ Чокъ, осторожно кладя трубку на столъ.

— Да такъ!—отвѣтилъ капитанъ и отрывисто засмѣялся, между тѣмъ какъ м-ръ Чокъ завертѣлся на мѣстѣ.

— Вы знаете что-нибудь о затонувшемъ кладѣ?

— О затонувшемъ—нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, о кладѣ, зарытомъ въ землѣ?

Блѣдно-голубые глаза м-ра Чока раскрылись во всю ихъ ширину.

Капитанъ покачалъ головою. Въ сущности онъ не имѣетъ права объ этомъ говорить. Это—чужая тайна.

— Вѣдь я не спрашиваю у васъ подробностей,—настаивалъ м-ръ Чокъ,—мнѣ просто хотѣлось бы знать, въ чемъ дѣло.

— Пожалуй, не будетъ особенной бѣды, если я и скажу вамъ,—проговорилъ капитанъ послѣ долгаго раздумья,—кладъ зарытъ на одномъ изъ острововъ Тихаго океана.

— Вы видѣли его?

— Я самъ его зарылъ.

М-ръ Чокъ откинулся назадъ, пораженный священнымъ ужасомъ, между тѣмъ какъ капитанъ, улыбаясь, набилъ трубку.

— Да,—повторилъ онъ,—я самъ вырылъ яму обломкомъ весла и похоронилъ въ ней кладъ вмѣстѣ съ мертвецомъ.

Трубка едва не выпала изъ рукъ слушателя. Любопытство его не знало границъ, и, наконецъ, уступая его просьбамъ, капитанъ разсказалъ ему исторію клада. Шкуна, которою онъ командовалъ, потерпѣла крушеніе во время бури; спаслись, приставъ къ острову, только онъ самъ и пассажиръ, называвшій себя донъ-Діего, который всего больше заботился о сохраненіи бывшей на немъ сумки, наполненной драгоцѣнными камнями—алмазами, рубинами; нѣкоторые изъ нихъ были величною съ птичье яйцо. Онъ исчислялъ стоимость ихъ въ полъ-милліона. Донъ-Діего заболѣлъ и передъ смертью просилъ своего спутника похоронить вмѣстѣ съ нимъ и драгоцѣнную сумку. Капитанъ исполнилъ его желаніе и, мѣсяцъ спустя, былъ подобранъ проходившимъ мимо кораблемъ и доставленъ въ Сидней.

— И вы могли бы найти эти драгоцѣнности?—освѣдомился м-ръ Чокъ.

— Почему же нѣтъ? Я начертилъ карту острова и узналъ на кораблѣ, въ какихъ мѣстахъ онъ находится.

— Значитъ, вы могли бы найти ихъ и теперь?

— Если только островъ не убѣжалъ!—отвѣтилъ капитанъ съ отрывистымъ смѣхомъ и, выбивъ пепелъ изъ трубки, предложилъ гостю пройти по саду, но отъ продолженія разговора уклонился.

III.

М-ръ Чокъ подъ впечатлѣніемъ удивительнаго разсказа вернулся домой, какъ во снѣ. На дворѣ стояла весна, и запахъ сирени перенесъ его къ давно прошедшимъ временамъ, когда онъ былъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ и мечталъ о морскихъ путешествіяхъ. Мысли его еще были всецѣло въ прошедшемъ, и м-ссъ Чокъ, дама представительной наружности, сидѣвшая за шитьемъ у окна, окинула его проницательнымъ взглядомъ.

— Я-таки заполучила ее,—сказала она тономъ торжества.

— А!—отозвался м-ръ Чокъ.

— Сначала она не соглашалась. Она обѣщала поступить къ м-ссъ Моррисъ... М-ссъ Моррисъ слышала о ней отъ Гарриса, бакалейщика, который одинъ зналъ, что она случайно осталась безъ мѣста.

М-ръ Чокъ разсѣянно выслушалъ длинный разсказъ, который, еслибы только измѣнить имена и мѣсто дѣйствія, могъ бы сойти за разсказъ о борьбѣ между ловкимъ рыбакомъ и упорною рыбкой.

— Но вы не слушаете!—воскликнула она наконецъ,—не говорите мнѣ: нѣтъ, милая! На чемъ я остановилась?

— Ты сказала,—медленно проговорилъ м-ръ Чокъ,—что удивляешься, какъ могла приличная дѣвушка прослужить тамъ столько времени...

— Хорошо, а что я говорила еще?—продолжала, прикусивъ губу, м-ссъ Чокъ.

— Что нужно вычистить весь домъ, съ чердака и до подвала...

— Превосходно! Продолжайте, пожалуйста!

— Еще ты сказала, что тебѣ жаль мужа,—закончилъ задумчиво м-ръ Чокъ.

М-ссъ Чокъ поднялась съ мѣста и встала передъ нимъ.

— Я никогда не говорила ничего подобнаго! Какъ вамъ не стыдно? Я сказала, что баринъ ея, м-ръ Уильсонъ, умеръ и семья переѣхала въ Лондонъ. Что тутъ похожаго?

— Мысли мои были далеко отсюда,—сознался м-ръ Чокъ,— я думалъ о морѣ.

— Опять эти бредни!—воскликнула м-ссъ Чокъ, съ достоинствомъ выплывая изъ комнаты, и м-ръ Чокъ вернулся къ своему острову.

Съ этого дня онъ сталъ бредить морскимъ путешествіемъ, и капитанъ, сначала забавлявшійся его энтузіазмомъ, уже начиналъ сердиться, когда рѣчь заходила объ островѣ, и упорно отказывался показать карту. Исторія острова дошла и до Тредгольда, заинтересовавшагося ею, судя по частымъ его посѣщеніямъ, не менѣе самого м-ра Чока.

Вѣроятно, карта такъ бы и осталась непоказанной, еслибы Тредгольдъ не побился объ закладъ на два золотыхъ соверена, что Чоку не видать ее, какъ своихъ ушей, а миссъ Дрюиттъ, изъ чувства противорѣчія, не употребила своего вліянія на дядю въ пользу м-ра Чока. Въ одинъ прекрасный вечеръ на столѣ появилась пожелтѣвшая отъ времени и протершаяся мѣстами карта, набросанная карандашомъ. Островъ былъ овальной формы, изрѣзанный мысами и бухтами. М-ръ Чокъ уставился на нее съ благоговѣніемъ созерцающаго реликвію пилигрима и съ жадностью читалъ названія: „Мысъ Сильвіо", „Бухта Бауэрса", „Одинокая гора".

— А вотъ это, не могила ли?—освѣдомился онъ, указывая на точку въ сѣверо-восточномъ углу.

— Нѣтъ,—сказалъ капитанъ,—подробный планъ на оборотѣ.

Но вмѣсто того, чтобы перевернуть карту, онъ скаталъ ее въ трубку и бросилъ въ ящикъ стола, къ великому разочарованію м-ра Чока.

— Вы проиграли,—обратилась миссъ Дрюиттъ къ Тредгольду.

— Я знаю,—отвѣтилъ онъ съ выраженіемъ лица, которое можетъ быть лишь у разорившагося въ конецъ игрока. Сначала онъ полѣзъ рукою въ лѣвый карманъ, и досталъ оттуда горсть монетъ—преимущественно мѣдныхъ, къ нимъ присоединились нѣсколько серебряныхъ монетъ изъ жилетнаго кармана, и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ мрачнаго размышленія, онъ пошарилъ въ правомъ карманѣ...

— Одиннадцать шиллинговъ, десять пенсовъ,—сосчиталъ онъ машинально.

— Пожалуйста, не безпокойтесь... Отдадите потомъ...—смутился м-ръ Чокъ.

— Да напишите вы ему чекъ!—воскликнулъ нетерпѣливо капитанъ, которому наскучила эта процедура.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше ужъ сразу расплатиться,—бормоталъ тотъ, роясь по своимъ карманамъ.—Миссъ Дрюиттъ правду сказала, что тотъ, кто бьется объ закладъ, долженъ быть готовъ къ проигрышу. Но я былъ слишкомъ самонадѣянъ, какъ оказалось.

Наступила пауза, во время которой покраснѣвшая миссъ Дрюиттъ чувствовала себя очень неловко, и неловкость эта еще усилилась, когда м-ръ Тредгольдъ, найдя въ кармамѣ нѣсколько банковыхъ билетовъ и золотыхъ монетъ, выразилъ по этому поводу свое удовольствіе. Простодушный капитанъ и м-ръ Чокъ ощутили облегченіе, а свѣтлые сѣрые глаза миссъ Дрюиттъ отлично замѣтили подозрительныя подергиванія въ углахъ рта м-ра Тредгольда, хотя она и смотрѣла черезъ его голову.

Послѣ ухода гостей капитанъ усѣлся у окна и погрузился въ задумчивость, какъ вдругъ до него явственно донесся изъ кухни шопотъ голосовъ. Послышался рѣзкій женскій смѣхъ. Капитанъ позвонилъ и спросилъ у появившагося на звонокъ Джозефа: не самъ ли онъ съ собою разговариваетъ? М-ръ Таскеръ казался сконфуженнымъ, но не отвѣчалъ. Въ то же время дверь тихо пріотворилась.

— Я не желаю этого,—проговорилъ капитанъ, — можете разговаривать съ собою въ другомъ мѣстѣ. И что за смѣхъ? Точно кашель простуженной старой бабы!

Онъ коварно улыбался въ темнотѣ, но тутъ изъ кухни снова послышался вызывающій кашель, а затѣмъ визгливый женскій голосъ затянулъ пѣсню.

— Чтò?! — загремѣлъ капитанъ съ хорошо разыграннымъ изумленіемъ, — да вы никакъ привели кого-то въ мою каютъ-компанію? Принесите-ка сюда „правила!“

М-ръ Таскеръ вылетѣлъ вонъ, а затѣмъ въ кухнѣ поднялся споръ, причемъ рѣзкій женскій голосъ звучалъ все настойчивѣе, и лицо капитана выразило недоумѣніе, когда въ комнату неожиданно влетѣла тонкая женская фигура.

— Вотъ ваши „правила!“ — воскликнула вошедшая, — но вы бы лучше зажгли лампу, а то впотьмахъ вамъ все равно ихъ не прочесть!

Негодующій взоръ капитана пропалъ во мракѣ даромъ. Онъ съ достоинствомъ зажегъ лампу и при свѣтѣ ея обнаружилъ присутствіе въ комнатѣ рыжеватой тоненькой дѣвицы, очевидно ничуть не устрашенной его величественнымъ видомъ.

— Кто вы?—спросилъ онъ рѣзко.

— Мое имя Виккерсъ. Селина Виккерсъ. Я слышала, чтò

вы говорили моему Джозефу. Можете, если желаете, повторить это мнѣ въ лицо.

— Что вы дѣлаете въ моей каютъ-компаніи?—продолжалъ капитанъ, взглядъ котораго миссъ Виккерсъ спокойно выдержала, не опуская своихъ зеленоватыхъ глазъ.

— Я пришла къ вамъ на *кухню*, — подчеркнула она,—въ гости къ моему жениху.

— Но этого нельзя, — возразилъ капитанъ съ кротостью, удивившей его самого,—одно изъ правилъ...

— Знаю ихъ вдоль и поперекъ, — нетерпѣливо прервала миссъ Виккерсъ,—не убудетъ отъ этого вашей кухни. Пожалуйста, не становитесь между мною и моимъ Джозефомъ,—я этого не допущу. Сами вы не женаты, такъ не хотите, чтобы женились и другіе люди. Почему бы мнѣ не говорить и не смѣяться? Не для показа одного мнѣ данъ отъ Бога языкъ.

— Послушайте, моя милая,—началъ-было капитанъ, но онъ былъ безсиленъ остановить новый потокъ ея рѣчей.

— Пожалуйста не называйте меня вашею милой! Слава Богу, я—не ваша милая. А еслибы вы побольше знали дѣвушекъ, вы бы поняли, что нельзя ихъ разлучать съ ихъ милыми. И ни одна дѣвушка...

Капитанъ для проформы сдѣлалъ видъ, что желаетъ позвонить въ колокольчикъ. Миссъ Виккерсъ осталась невозмутимой.

— Я рѣшила, что лучше всего объясниться съ вами на чистоту. Я всегда говорила Джозефу, что вы не такъ страшны, какъ кажетесь. Рѣшительно не понимаю: почему онъ такъ боится васъ? Одна нервность и больше ничего... Добрый вечеръ!

Она тряхнула головою и удалилась на кухню, заперевъ за собою дверь. Капитанъ Бауэрсъ, все еще ошеломленный, снова усѣлся въ креслѣ и, взглянувъ на лежавшія на столѣ „правила“, усмѣхнулся себѣ въ бороду.

IV.

Скрывать про себя какую-нибудь тайну было рѣшительно не подъ силу м-ру Чоку, и намеки, дѣлаемые имъ его ближайшимъ друзьямъ—Тредгольду старшему и подрядчику, м-ру Роберту Стобеллю,—вселили въ нихъ нѣкоторое сомнѣніе относительно его умственныхъ способностей.

— Онъ забѣгаетъ ко мнѣ въ самое горячее время,—жаловался этотъ послѣдній, — говоритъ что-то несуразное о полу-

милліонномъ дѣлѣ... Онъ вскакиваетъ и выскакиваетъ отъ меня изъ конторы, какъ фигурка на часахъ съ музыкой.

Кончилось тѣмъ, что м-ръ Чокъ во всемъ признался пріятелямъ, и всѣ выразили свое изумленіе по поводу образа дѣйствій капитана. Но, можетъ быть, у него нѣтъ денегъ для снаряженія экспедиціи? Не предложить ли ему долю въ предпріятіи, которое они могутъ оборудовать втроемъ, причемъ каждый внесетъ равную долю издержекъ; добыча также должна быть раздѣлена на равныя части.

— Соединить пріятное съ полезнымъ...—фантазировалъ Тредгольдъ-отецъ,—я провѣтрюсь, а Эдуарду будетъ полезно поработать одному...

— Если вы соедините пріятное съ полезнымъ, то и платить вамъ слѣдуетъ больше,—ввернулъ неумолимо практическій м-ръ Стобелль, окинувъ пріятеля сумрачнымъ взоромъ.

— Чокъ поѣдетъ удовольствія ради, — продолжалъ Тредгольдъ-отецъ.

— Значитъ и ему слѣдуетъ внести бо̀льшую долю расходовъ,—дополнилъ м-ръ Стобелль.

— Ну, это мы рѣшимъ впослѣдствіи, а пока нужно переговорить съ капитаномъ,—предложилъ нотаріусъ.

Но ожиданія союзниковъ оказались тщетными. Капитанъ остался глухъ ко всѣмъ намекамъ, а когда съ нимъ заговорили напрямикъ, пытаясь соблазнить его перспективою сдѣлаться благодѣтелемъ всего Бинчестера и богатѣйшимъ его гражданиномъ, онъ заявилъ, что не можетъ нарушить даннаго имъ слова. Карту онъ показалъ, но планъ на ея оборотной сторонѣ рѣшительно отказался показать.

— А еслибы намъ вздумалось поискать клада за нашъ собственный страхъ и счетъ, вы дали бы намъ разрѣшеніе?—дѣловито освѣдомился нотаріусъ.

— Конечно,—засмѣялся капитанъ,—охотно даю вамъ разрѣшеніе перерыть всѣ острова Тихаго океана,—ихъ, кстати, очень много, и всѣ они похожи другъ на друга. Попытайтесь!

— Вы во всякомъ случаѣ получите вашу долю!—замѣтилъ Тредгольдъ-отецъ, и компанія чокнулась за успѣхъ предпріятія. Въ эту минуту м-ръ Чокъ приложилъ палецъ къ губамъ и указалъ глазами по направленію къ двери, за которою мелькнулъ женскій силуэтъ въ большой шляпкѣ.

— Насъ подслушали... Чего добраго, состоится другая экспедиція! Вамъ бы лучше отплыть сегодня же ночью, господа!—

засмѣялся капитанъ, откидываясь назадъ въ своемъ креслѣ и окидывая общество веселымъ взглядомъ.

По уходѣ гостей капитанъ позвалъ Таскера, вторично нарушившаго дисциплину, и освѣдомился: ушла ли „та женщина"? Да? Въ такомъ случаѣ м-ръ Таскеръ, можетъ быть, объяснитъ ему: что, наконецъ, все это значитъ?

— Я не виноватъ, сэръ,—отвѣтилъ виновный съ тоскою,—по мнѣ, хоть бы она и не ходила.

— Какъ? Что за вздоръ вы говорите? Зачѣмъ же она ходитъ?

— Потому что ей вздумалось, сэръ, а если ужъ она заберетъ себѣ что-нибудь въ голову, не намъ съ вами помѣшать ей въ этомъ, сэръ.

— Что за вздоръ! Но вѣдь вы же пригласили ее?

— Пригласилъ? Ее незачѣмъ было и приглашать, сэръ. Сама пришла. Мы какъ-то встрѣтились недѣли три тому назадъ, и я прошелъ съ нею часть дороги, затѣмъ я увидѣлъ ее у Гарриса, бакалейщика, и она проводила меня до дому, а потомъ и повадилась сюда... Сегодня она уже и обручальное кольцо надѣла мнѣ на палецъ, и взяла съ меня первый шиллингъ для уплаты. Кольцо куплено въ разсрочку.

— На кой чортъ вы покупали кольцо, если она вамъ не нравится?—воскликнулъ капитанъ, глядя на него съ неподдѣльнымъ состраданіемъ.

— Легко вамъ говорить, сэръ!—воскликнулъ несчастный,—видать, что вы не знаете Селины. Она сама принесла кольцо. Она съ семнадцати лѣтъ всѣмъ домомъ командуетъ, недавно отца родного выгнала на улицу въ одной рубашкѣ и жилеткѣ за то, что онъ хлебнулъ малую толику. Она и трактирщиковъ такъ запугала, что ему нелегко бываетъ достать водки. Вотъ она какой сахаръ!

— Ну... скажи ей просто, что я не желаю пускать ее сюда.

— Не разъ говорилъ, сэръ, но она и ухомъ не ведетъ.

Капитанъ, сдвинувъ брови, погрузился въ раздумье, и м-ръ Таскеръ при мысли о томъ, что онъ держалъ когда-то въ повиновеніи и страхѣ свой экипажъ, безмолвно взиралъ на него въ трепетномъ ожиданіи, сквозь которое просвѣчивалъ лучъ надежды.

— Ну?—спросилъ вдругъ капитанъ, замѣтивъ его присутствіе,—чего ты ждешь?

— Я... я думалъ, сэръ, вы, можетъ быть, придумаете что-

нибудь такое, чтобы ее отвадить, сэръ. Мнѣ, видите ли, приглянулась другая дѣвица...

Капитанъ въ отвѣтъ на это заявленіе только гнѣвно сверкнулъ глазами, и м-ръ Таскеръ поспѣшилъ убраться во-своям.

Экспедиція м-ра Чока послужила для капитана предметомъ неистощимыхъ шутокъ; онъ постоянно освѣдомлялся о томъ, какъ идутъ приготовленія, и однажды такъ вывелъ м-ра Чока изъ терпѣнія, что тотъ надулся и недѣли двѣ не показывался въ коттэджѣ, предоставивъ капитана обществу м-ра Тредгольда младшаго. Къ послѣднему капитанъ чувствовалъ большое влеченіе,—молодой человѣкъ забавлялъ его своимъ добродушнымъ юморомъ; къ сожалѣнію, миссъ Дрюиттъ не раздѣляла симпатіи дяди. Если капитанъ хвалилъ умъ и дѣловитость Эдуарда, она замѣчала, что не любитъ молодыхъ людей, ушедшихъ съ головою въ наживу.

— Я только хотѣлъ сказать, что онъ не лѣнится,—оправдывался капитанъ.

— Приходить сюда,—докончила миссъ Дрюиттъ:—онъ интересуется вашими разсказами...

— И кое-чѣмъ еще...—пробовалъ-было закинуть удочку капитанъ, но строгое лицо племянницы обезкуражило его.

— Чѣмъ?

— Вышкою на мачтѣ!—вывернулся капитанъ,—онъ очень любитъ лазить туда.

— Да, у нихъ съ Джозефомъ одинаковые вкусы,—спокойно замѣтила миссъ Дрюиттъ.—Вообще я нахожу, что между ними есть сходство.

— Сходство?!—воскликнулъ пораженный капитанъ:—сходство между Эдуардомъ Тредгольдомъ и Джозефомъ? Ни одной похожей черты! У тебя, душа моя, просто неладно съ глазами...

— Не думаю,—серьезно отвѣтила миссъ Дрюиттъ.

Дня два спустя м-ру Тредгольду пришлось пожать плоды этого разговора. Зайдя къ капитану и довольно долго прождавъ его, онъ собирался уже уходить, когда миссъ Дрюиттъ, наконецъ, вышла къ нему. Онъ выразилъ надежду, что капитанъ скоро вернется.

— Можетъ быть, и не скоро,—отвѣтила дѣвушка.

— Ну, я во всякомъ случаѣ радъ, что подождалъ. Я очень утомился, и отдыхъ полезенъ мнѣ. Иногда мнѣ кажется, что я слишкомъ заработался.

— Въ такомъ случаѣ я рада, что вы отдохнули,—сказала миссъ Дрюиттъ, слегка приподнявъ брови въ знакъ изумленія.

— Благодарю васъ,—сказалъ серьезно м-ръ Тредгольдъ.— Я пришелъ поговорить съ капитаномъ относительно столика временъ королевы Анны, который мнѣ случайно удалось открыть. Онъ какъ-разъ подошелъ бы для вашей комнаты. Это—настоящая рѣдкость.

— Вы очень добры,—сказала миссъ Дрюиттъ холодно,—но въ моей комнатѣ уже нѣтъ мѣста для какихъ бы то ни было вещей. Почему вы не оставите его для себя?

— У меня нѣтъ денегъ. Вы забываете, что, благодаря вашимъ стараніямъ, я проигралъ Чоку цѣлыхъ два фунта.

Возвратившійся капитанъ обрадовался, заставъ ихъ вмѣстѣ, и пригласилъ Тредгольда къ чаю, во время котораго произошла забавная сцена. При появленіи Таскера съ чаемъ капитанъ съ помощью различныхъ знаковъ и подмигиваній старался обратить вниманіе племянницы на полнѣйшее отсутствіе сходства между Таскеромъ и гостемъ. Въ концѣ концовъ замѣтившій эти маневры Тредгольдъ освѣдомился: не въ сажѣ ли у него носъ?

Уже стемнѣло, и пришлось зажечь лампу, когда за окномъ вдругъ послышался тонкій голосъ м-ра Чока, который о чемъ-то спорилъ, очевидно, съ медвѣдемъ, такъ какъ въ отвѣтъ на его доводы слышалось сердитое ворчаніе. Вслѣдъ затѣмъ въ дверь постучали, и явился м-ръ Чокъ въ сопровожденіи сумрачнаго м-ра Стобелля, молча опустившагося въ кресло. М-ръ Чокъ казался сконфуженнымъ.

— Я такъ и думалъ, что найду васъ здѣсь,—обратился онъ къ Тредгольду.

— Почему?—откликнулся тотъ съ рѣзкостью, повидимому неоправдываемою обстоятельствами.

— Ну, потому... потому что вы всегда здѣсь!—попытался тотъ объясниться, за что и былъ вознагражденъ свирѣпымъ взглядомъ.

— Стобелль хотѣлъ непремѣнно повидать васъ,—обернулся м-ръ Чокъ къ капитану,—это все по поводу острова, онъ не можетъ говорить ни о чемъ другомъ...

Капитанъ чуть не застоналъ, а Тредгольдъ попытался, но безуспѣшно, обмѣняться взглядомъ съ миссъ Дрюиттъ.

— Онъ интересуется имъ, какъ ребенокъ, котораго повели впервые смотрѣть пантомиму, — продолжалъ Чокъ, но сразу осѣлся—такъ свирѣпо было выраженіе лица Стобелля и его вытаращенные глаза.

— Вы говорили о пантомимѣ,—напомнилъ Тредгольдъ.

— Да, да... Мой другъ просто не можетъ спать по ночамъ,— подхватилъ Чокъ, умоляюще глядя на упорно молчащаго союзника.

— А онъ не пробовалъ, закрывъ глаза, считать овецъ, прыгающихъ черезъ изгородь?—сочувственно посовѣтовалъ Тредгольдъ.

— И не намѣренъ пробовать!—вдругъ разразился Стобелль изъ своего угла, но Чокъ поспѣшилъ заявить, что они—болѣе, чѣмъ прежде,—заняты мыслью о путешествіи, и просили бы капитана показать имъ еще разъ „для освѣженія памяти“ набросанную имъ карту. Можно взглянуть на нее?

— Нѣтъ,—сухо отрѣзалъ капитанъ.

— Не особенно пріятно отказывать друзьямъ,—заговорилъ онъ мягче, подливая виски въ стаканы гостей,—между тѣмъ я связанъ словомъ и потому предпочелъ устранить искушеніе...

— Какимъ образомъ?—освѣдомился м-ръ Чокъ.

— Я сжегъ ее,—отвѣтилъ капитанъ съ улыбкою.

— Сожгли?!—задохнулся м-ръ Чокъ:—вы сожгли карту?

— Да, вчера поутру, раскуривая трубку, я поднесъ спичку къ „Мысу Сильвіо“ и вскорѣ „Одинокая гора“ превратилась въ вулканъ!

Онъ громко расхохотался, но смѣхъ его не нашелъ отклика. Стобелль шумно поставилъ свой стаканъ на столъ и нахмурился.

— Ничего тутъ нѣтъ смѣшного!—проворчалъ онъ,—весь городъ могли облагодѣтельствовать!

— Ну, теперь все равно дѣла не поправишь, — развелъ руками капитанъ.—Какъ? Вы уже уходите?

— Ухожу, — мрачно проговорилъ Стобелль и, молча простившись, вышелъ изъ коттэджа, съ такою силою захлопнувъ входную дверь, что напугалъ проходившую мимо старушонку.

V.

Послѣ ухода посѣтителей миссъ Дрюиттъ сидѣла нѣкоторое время у себя, поглядывая неблагосклонно на нѣкоторыя рѣдкости, пріобрѣтенныя для нея дядею, благодаря навязчивости м-ра Тредгольда; затѣмъ, вспомнивъ, что она оставила внизу на каминѣ ключъ отъ часовъ, миссъ Дрюиттъ сошла въ пріемную, гдѣ застала капитана нагнувшимся надъ раскрытымъ ящикомъ бюро. Онъ съ несвойственною ему лихорадочною поспѣшностью перерывалъ бумаги и, очевидно, чего-то не находилъ.

— Пропала!—проговорилъ онъ, пораженный.

— Что такое пропало?

— Карта!—воскликнулъ капитанъ, теребя свою бороду.—Я сунулъ ее прошлый разъ вотъ въ это отдѣленіе и съ тѣхъ поръ не дотрогивался до нея, а теперь ея нѣтъ и нѣтъ.

— Но вѣдь вы сожгли ее!—изумилась Прюденса.—Вы сказали, что мысъ Сильвіо превратился въ вулканъ.

— Вѣрнѣе сказать: я собирался ее сжечь, а вулканъ—это я такъ: для краснаго словца!—объяснилъ сконфуженный капитанъ, чувствуя легкій укоръ въ ея голосѣ. — Ты знаешь, Чокъ все время приставалъ ко мнѣ, и я не зналъ, какъ ему отказать...

— А можетъ быть, вы сожгли ее и забыли?

— Я навѣрно знаю, что не сжегъ!—разсердился капитанъ.— Надо спросить у Джозефа.

— Вы сказали при немъ, что сожгли ее,—остановила его миссъ Дрюиттъ.

— Правда. Но значитъ, кто-нибудь ее стащилъ. Великій Боже! А вдругъ они все же отправятся?

— Ужъ это будетъ не ваша вина,—спокойно отвѣтила миссъ Дрюиттъ.

Капитанъ продолжалъ ерошить свои волосы, покуда они не встали у него ершомъ. На лицѣ его отражались волновавшія его чувства.

— Кто-то ее стащилъ,—повторилъ онъ,—а если карта украдена, они, пожалуй, отправятся на поиски клада.

— Но, можетъ быть, ничего не найдутъ?

— Можетъ быть, и не найдутъ,—проворчалъ онъ, вставъ и зашагавъ по комнатѣ. Прюденса, пораженная внезапною мыслью, подошла къ нему.

— Эдуардъ Тредгольдъ одинъ оставался здѣсь сегодня.

— Нѣтъ! нѣтъ!—воскликнулъ капитанъ:—кто бы ни взялъ ее, это навѣрно былъ не Тредгольдъ. По всему городу уже трезвонили о ней.

— Онъ вздрогнулъ, когда вы сказали, что сожгли ее,—настаивала миссъ Дрюиттъ, — я убѣждена, что въ скоромъ времени отецъ его съ Чокомъ и Стобеллемъ отправятся въ далекое плаваніе. Покойной ночи!

Между тѣмъ союзники возвращались по домамъ разочарованные. Полъ-милліона изъ-подъ носу уплыло, по выраженію м-ра Стобелля.

Миссъ Виккерсъ, узнавъ отъ Джозефа о сожженіи карты, была такъ поражена, что даже отказалась повѣрить „своимъ собственнымъ ушамъ“.

— Почему?—освѣдомился ея нареченный.

— Потому... ну, потому, что это было бы слишкомъ глупо! Ну-ка, повторите еще разъ, какъ все это было... Ничего не разберу.

М-ръ Таскеръ покорно повторилъ, выразивъ при этомъ убѣжденіе, что все очень просто.

— Да, все, чего мы не понимаемъ, кажется простымъ!—неопредѣленно замѣтила миссъ Виккерсъ.

Она задумчиво вернулась домой и дня два-три продолжала находиться въ этомъ состояніи, къ удивленію ея семьи. Шестилѣтній Джорджъ Виккерсъ, претерпѣвъ операцію умыванія трижды въ одно утро, едва не сошелъ съ ума, между тѣмъ какъ Марта и Чарльсъ не были подвергнуты ей ни разу. Разсѣянность миссъ Виккерсъ продолжалась, однако, не долѣе трехъ дней; на четвертый она, окончивъ свой дневной трудъ, одѣлась съ необычайнымъ стараніемъ и вышла изъ дому.

М-ръ Чокъ работалъ у себя въ саду, соединяя пріятное съ полезнымъ, какъ вдругъ въ противоположномъ концѣ сада ему послышался тихій продолжительный свистъ. Онъ машинально обратилъ голову въ ту сторону и едва не выронилъ лопату, замѣтивъ возвышавшуюся надъ заборомъ женскую шляпку, показавшуюся ему странно знакомой. Взглянувъ въ другую сторону, онъ увидѣлъ у окна бывшую очевидно насторожѣ м-ссъ Чокъ.

Свистъ все усиливался, и м-ръ Чокъ, отеревъ лобъ, внезапно покрывшійся потомъ, съ удвоенною силою принялся за работу; проведя языкомъ по слегка запекшимся губамъ, онъ принялся насвистывать въ свою очередь, но этотъ пріемъ оказался неудачнымъ: таинственный свистъ усилился, и — какъ это ни странно — принялъ какой-то оттѣнокъ мольбы. Поблѣднѣвшій м-ръ Чокъ не въ силахъ былъ выносить долѣе это испытаніе.

— Ну, кажется, на сегодня будетъ!—проговорилъ онъ громко и весело, втыкая лопату въ землю и надѣвая жакетку, висѣвшую тутъ же на кустѣ. Когда онъ проходилъ мимо окна гостиной, повелительный голосъ окликнулъ его.

— Что̀, милая?—отозвался м-ръ Чокъ.

— Тамъ какой-то пріятель вызываетъ васъ свистомъ,—проговорила м-ссъ Чокъ дѣланно-спокойнымъ голосомъ.

— Свистомъ?—повторилъ м-ръ Чокъ, продолжая по мѣрѣ силъ разыгрывать роль глухого,—я думалъ, что это птица свиститъ.

— Птица? — едва не задохнулась м-ссъ Чокъ: — взгляните сюда! Вы называете *это* птицей?

М-ръ Чокъ взглянулъ и испустилъ восклицаніе изумленія.

— Вѣроятно, онъ вызываетъ кого-нибудь изъ слугъ? Я долженъ буду поговорить съ ними.

— Поговорите лучше съ нею!—произнесла м-ссъ Чокъ съ величественнымъ презрѣніемъ.

— Я этого не сдѣлаю.

— Почему?

— Потому что ты станешь меня разспрашивать и все равно не повѣришь мнѣ, что бы я ни сказалъ.

— Итакъ, ты отказываешься идти?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Отказываюсь. Почему бы тебѣ не пойти самой?

М-ссъ Чокъ смотрѣла на него нѣсколько секундъ въ гнѣвномъ безмолвіи, затѣмъ, подобравъ юбки, величественно выплыла въ садъ, и м-ръ Чокъ вздохнулъ съ облегченіемъ, услышавъ, что свистъ прекратился. Но когда она возвратилась, лицо ея выражало такое негодованіе, что м-ръ Чокъ, не смѣя ее разспрашивать, окаменѣлъ на мѣстѣ.

На слѣдующій день за завтракомъ м-ру Чоку пришлось плохо. Выказывать сочувствіе м-ссъ Чокъ, сумрачно разливавшей кофе, и разыгрывать роль человѣка, ни о чемъ не догадывающагося,— было свыше его силъ. Онъ старался дѣлать какъ можно менѣе шума, разбивая яйцо, но, тѣмъ не менѣе, онъ все время чувствовалъ на себѣ ея укоризненный взглядъ, между тѣмъ какъ она демонстративно отставила отъ своего прибора поджаренный хлѣбъ и яйца.

— Ты ничего не кушаешь, моя милая,—сказалъ м-ръ Чокъ.

— Я не въ состояніи проглотить ни кусочка,—было отвѣтомъ.

Принимая изъ рукъ супруги вторую чашку кофе, м-ръ Чокъ ощутилъ угрызеніе совѣсти, а когда онъ взялъ другой кусочекъ поджареннаго хлѣба, она только вздохнула, возведя глаза къ потолку.

— Ты не похожа на себя,—замѣтилъ заботливый супругъ,— это огорчаетъ меня.

— Конечно, я не молодѣю,—согласилась м-ссъ Чокъ,—но это еще не можетъ служить извиненіемъ для вашихъ поступковъ. Вы прекрасно понимаете, что̀ я хочу сказать. Вчера, когда эта особа высвистывала васъ изъ-за забора, не сказали ли вы, что это—птица?

— Да, я сказалъ,—отвѣтилъ м-ръ Чокъ.

Лицо м-ссъ Чокъ запылало.

— Какого сорта птица?—спросила она вызывающе.

— Пѣвчая птица,—проговорилъ онъ съ попыткою на юморъ.

М-ссъ Чокъ вышла изъ комнаты.

М-ръ Чокъ грустно окончилъ завтракъ; мысли его невольно обратились къ вчерашней незнакомкѣ,—онъ даже перебралъ въ

умѣ имена бинчестерскихъ красавицъ и бросилъ мимоходомъ взглядъ въ зеркало. Послѣ завтрака онъ вздумалъ пройтись по городу и заглянулъ отъ нечего дѣлать къ Тредгольду-старшему, который, противъ обыкновенія, любезно принялъ его и объявилъ, что онъ ждетъ ихъ обоихъ со Стобеллемъ сегодня въ 8 час. вечера; Эдуарда онъ нарочно отослалъ съ порученіемъ.

Въ назначенный часъ м-ръ Чокъ входилъ въ контору; при появленіи его худощавая фигура, сидѣвшая въ большомъ креслѣ, обернулась къ нему, и онъ съ изумленіемъ узналъ выразительныя черты миссъ Селины Виккерсъ. Насупротивъ нея помѣщался м-ръ Стобелль.

— Моя новая кліентка!—отрекомендовалъ ее нотаріусъ.

— Я хотѣла потолковать съ вами вчера вечеромъ, — обратилась къ м-ру Чокъ кліентка, — я свистѣла цѣлыя десять минутъ... Удивляюсь, какъ вы не слышали!

— Что это вамъ вздумалось? — освѣдомился м-ръ Чокъ не безъ нѣкотораго разочарованія.

— Нужно было потолковать о дѣлѣ, — спокойно заявила миссъ Виккерсъ, — но я все равно обратилась къ м-ру Тредгольду по дѣлу о...

— О землѣ, съ которою связаны ея интересы, — дѣловито пояснилъ нотаріусъ.

— Объ островѣ!—докончила миссъ Виккерсъ.

— Какъ? Еще островъ?—вырвалось у м-ра Чока.

Тредгольдъ кашлянулъ.

— Моя довѣрительница не имѣетъ состоянія,—началъ-было онъ, но Стобелль прервалъ его.

— Да будетъ вамъ съ этими фокусами! Она еще не такъ станетъ ломаться.

— Но у нея есть собственность, — вмѣшался м-ръ Тредгольдъ, предупреждая возможность стычки между м-ромъ Стобеллемъ и миссъ Виккерсъ,—дѣло—деликатное, и всѣ вы должны дать сперва обѣтъ молчанія. Это—непремѣнная ея воля.

Когда м-ръ Чокъ произнесъ условную формулу, Тредгольдъ пошептался со своею довѣрительницею и затѣмъ миссъ Виккерсъ вынула изъ-за корсажа документъ, въ которомъ всѣ узнали исчезнувшую карту.

— Но вѣдь капитанъ сказалъ, что сжегъ ее!—воскликнулъ м-ръ Чокъ,—значитъ, это—другая карта?

— Возможно!—коротко отрѣзала миссъ Виккерсъ.

— Мы не можемъ не вѣрить капитану Бауэрсу, слѣдовательно, у насъ въ рукахъ дубликатъ, — холодно резюмировалъ

нотаріусъ.—Моя довѣрительница не сообщила, какимъ образомъ удалось ей пріобрѣсти его...

— И не намѣрена сообщать, — безстрастно заявила миссъ Виккерсъ.

— Достаточно того, что онъ—у насъ въ рукахъ,—продолжалъ нотаріусъ. — Итакъ, мы намѣрены снарядить экспедицію на паевыхъ началахъ: равные расходы и равныя доли.

— А какъ же относительно капитана? — освѣдомился м-ръ Чокъ.

— Онъ тоже получитъ свой пай—безъ всякихъ расходовъ съ его стороны къ тому же, — выразительно объявилъ Тредгольдъ.

— И вы получите пять тысячъ фунтовъ, Селина!—сказалъ м-ръ Стобелль съ благосклонною улыбкой.

Миссъ Виккерсъ обратила къ нему лицо, дышавшее чувствомъ собственнаго достоинства, и только прищурила одинъ глазъ.

— Не называйте меня Селиною, если не желаете, чтобы я звала васъ Боби.

Восклицаніе м-ра Тредгольда заглушило ругательство, сорвавшееся съ устъ м-ра Стобелля.

— Я не обращаю вниманія!—пожала плечами миссъ Виккерсъ: — сожалѣю только, что согласилась на его участіе въ дѣлѣ. Одинъ изъ писцовъ его говорилъ, что онъ—джентльменъ только вполовину, но и этой половины онъ никогда не видалъ.

М-ръ Стобелль, не довѣряя своему самообладанію, подошелъ къ окну и высунулся изъ него.

— Итакъ, мы, кажется, обо всемъ условились? — спросилъ м-ръ Тредгольдъ, оглядывая присутствующихъ.

— Одну секунду!—остановила его миссъ Виккерсъ:—прежде чѣмъ подпишу бумагу и отдамъ карту, я желаю получить двадцать фунтовъ.

М-ръ Тредгольдъ омрачился, м-ръ Чокъ замычалъ, а м-ръ Стобелль отошелъ отъ окна.

— Двадцать фунтовъ!—проворчалъ онъ.

— Двадцать фунтовъ,—повторила миссъ Виккерсъ, или четыреста шиллинговъ, если вы это предпочитаете.

М-ръ Тредгольдъ попытался поторговаться съ нею, но—напрасно.

— Таковы мои условія, — заявила миссъ Виккерсъ, — даю вамъ пять минутъ на размышленіе, м-ру Стобеллю—шесть, потому что мозги у него тяжелѣе поворачиваются.

Разумѣется, до истеченія срока условія ея были приняты, и м-ръ Тредгольдъ составилъ бумагу, а затѣмъ джентльмены, опорожнивъ свои карманы, собрали необходимую сумму, которая и была вручена миссъ Виккерсъ въ обмѣнъ за карту.

Она пожелала имъ добраго вечера, но, дойдя до двери, положила руку на дверную ручку и задумалась.

— Мнѣ кажется, я правильно поступила,—проговорила она нѣсколько нервно,—деньги эти—ничьи, и онѣ лежали безъ пользы. Вѣдь я ничего не украла...

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно произнесъ нотаріусъ.

— Теперь онѣ пойдутъ на пользу людямъ. Я отдамъ часть моихъ денегъ бѣднымъ. Надо бы приписать это въ бумагѣ.

— Мы и такъ сдѣлаемъ все по совѣсти, — успокоительно замѣтилъ м-ръ Чокъ.

Миссъ Виккерсъ милостиво улыбнулась ему.

— Вы-то сдѣлаете и м-ръ Тредгольдъ—также, а вотъ...

— Закройте дверь,—холодно прервалъ м-ръ Стобелль,—вы дѣлаете такой сквознякъ, что онъ можетъ голову снести съ плечъ.

Миссъ Виккерсъ гнѣвно окинула его взглядомъ и, не найдя достаточно сокрушительнаго отвѣта, молча скрылась, захлопнувъ за собою дверь.

Счастливые обладатели карты нагнулись надъ нею втроемъ.

— Удивительно!—говорилъ м-ръ Чокъ,—я поклялся бы передъ судомъ, что это—та самая.

— Нечего ломать надъ этимъ голову! — посовѣтовалъ м-ръ Стобелль.

— Желаніе ваше исполнилось,—проговорилъ Тредгольдъ,—а вы еще о чемъ-то разсуждаете.

— Кстати, по поводу путешествія,—вдругъ испугался м-ръ Чокъ,—какъ же намъ быть съ м-ссъ Чокъ? Вѣдь она захочетъ съ нами поѣхать?

— И м-ссъ Стобелль захочетъ, но не поѣдетъ! — заявилъ супругъ этой дамы.

М-ръ Тредгольдъ объявилъ, что дамы до послѣдней минуты ничего не должны знать, да и вообще болтать не годится. Въ среду необходимо отправиться въ Биддлькомбъ и осмотрѣться. Лучше всего пріобрѣсти небольшое, солидное парусное судно, набрать экипажъ и отплыть въ возможно скоромъ времени.

Лицо м-ръ Чока просіяло. Они заберутъ съ собою бусы, зеркала—для торговли съ дикарями. Необходимо оружіе, всевозможные инструменты... Право, это все похоже на сказку. Но только—какъ быть съ женою?

— У меня тоже есть жена, — фыркнулъ м-ръ Стоббель, — однако я не тревожусь.

— Да, — вырвалось у м-ра Чока въ порывѣ необычной откровенности, — но у меня — жена, а у м-ссъ Стобелль — мужъ. Вотъ въ чемъ разница.

М-ръ Стобелль пережевывалъ это замѣчаніе во время всего обратнаго пути и, наконецъ, пришелъ къ заключенію, что событія этого дня повредили мозги м-ра Чока.

VI.

До самой среды, покуда онъ со своими собратьями, искателями клада, не очутился на платформѣ станціи въ Биддлькомбѣ, м-ръ Чокъ находился въ состояніи восторженной мечтательности, еще болѣе подтвердившей подозрѣнія его жены. Еще сидя въ вагонѣ, онъ усиленно втягивалъ воздухъ носомъ, увѣряя, что уже чувствуетъ запахъ моря.

Для небольшого порта Биддлькомбъ оказался хорошо снабженнымъ судами, и сердце м-ра Чока усиленно билось, между тѣмъ какъ взоръ его перебѣгалъ отъ стройной шкуны къ грязнымъ угольщикамъ и миніатюрнымъ яхтамъ. Не зная, какъ приступить къ переговорамъ, они задумчиво бродили по набережной и, наконецъ, почувствовавъ аппетитъ, прослѣдовали въ гостинницу, гдѣ м-ръ Стобелль, поколебавшись въ выборѣ между ростбифомъ и бараньей котлеткой, заказалъ то и другое.

Единственнымъ кромѣ нихъ посѣтителемъ столовой былъ приземистый, краснолицый, гладко выбритый человѣкъ, потягивавшій виски за столомъ у окна. М-ръ Чокъ почуялъ въ немъ моряка и немедленно почувствовалъ къ нему симпатію, не взирая на маленькіе бѣгающіе глазки и непріятный ротъ незнакомца.

— Добрый день, джентльменъ, — сказалъ тотъ, привѣтливо кивая м-ру Чоку.

Завязался разговоръ о погодѣ; затѣмъ незнакомецъ, котораго подававшій ему виски служитель назвалъ капитаномъ Брискетомъ, освѣдомился у друзей: впервые ли они здѣсь?

— Много разъ бывали, — отвѣтилъ м-ръ Чокъ, — я очень люблю море.

Капитанъ Брискетъ кивнулъ и, взявъ свой стаканъ, подсѣлъ къ ихъ столу.

— Плохи дѣла въ Биддлькомбѣ, — сказалъ онъ, — половина судовъ не зафрахтована, да и вообще игра свѣчъ не стоитъ.

М-ръ Тредгольдъ переглянулся съ товарищами и поигралъ вилкой.

— А мы именно высматривали себѣ судно.

— Вы желаете отплыть на немъ въ качествѣ пассажировъ?

— Нѣтъ, мы желали бы пріобрѣсти его въ собственность.

Капитанъ Брискетъ, сильно заинтересованный, придвинулся еще ближе.

— Вы желаете купить новое судно?

— Да, еслибы удалось пріобрѣсти его по недорогой цѣнѣ,— объяснилъ Тредгольдъ, — мы намѣрены отправиться въ Тихій океанъ — ради удовольствія. Можетъ быть, займемся немного торговлею. Я думаю, что какую-нибудь подержанную шкуну можно купить за грошъ?

— На ловца и звѣрь бѣжитъ! — воскликнулъ капитанъ Брискетъ съ громкимъ смѣхомъ: — я знаю шкуну въ двѣсти сорокъ тоннъ, которая, какъ нельзя лучше, подошла бы вамъ. Судно почти новое и цѣлешенькое, какъ колоколъ. Вы сами примете командованіе?

— Нѣтъ, онъ не приметъ,—отвѣтилъ м-ръ Стобелль.

— Значитъ, вамъ нуженъ шкиперъ?—воскликнулъ капитанъ Брискетъ съ возрастающимъ возбужденіемъ:—не говорите мнѣ, что вы уже съ кѣмъ-нибудь порѣшили.

— Почему же нѣтъ?—проворчалъ Стобелль, продолжая рѣзать сыръ.

— Потому что, джентльмены, лучше Билля Брискета вамъ никого не найти!—воскликнулъ морякъ, стукнувъ кулакомъ по столу съ такою силою, что расплескалъ половину виски изъ своего стакана.

Это поразительное сообщеніе было, однако, принято съ такимъ недостаткомъ энтузіазма, что капитанъ Брискетъ, съ цѣлью скрыть то, что всякій другой назвалъ бы смущеніемъ, позвонилъ слугу, приказавъ ему подать полный стаканъ.

— Мы не можемъ ничего рѣшить въ пять минутъ,—проговорилъ, наконецъ, м-ръ Тредгольдъ послѣ долгой неловкой паузы,—прежде всего намъ нуженъ корабль.

— Подходящее для васъ судно стоитъ въ томъ концѣ гавани,—отвѣтилъ капитанъ Брискетъ,—пойдемте вмѣстѣ осмотрѣть его или ступайте одни. Билль Брискетъ не такой человѣкъ, чтобы напортить кому-нибудь, получитъ онъ отъ этого пользу или нѣтъ...

— Стойте,—проговорилъ м-ръ Стобелль, поднявъ руку,— сколько можетъ стоить такое судно?

— Это зависитъ,—отвѣтилъ Брискетъ,—разумѣется, если куплю я...

М-ръ Стобелль вторично поднялъ руку.

— Зависитъ отъ того: купите ли вы его для насъ, или продадите намъ отъ имени владѣльца судна?

Брискетъ вскочилъ и, къ ужасу м-ра Чока, крѣпко хлопнулъ м-ра Стобелля по спинѣ. М-ръ Стобелль, сжавъ кулакъ величиною съ баранью ногу, оттолкнулъ стулъ и приготовился встать.

— Вы—молодецъ!—воскликнулъ капитанъ Брискетъ тономъ искренняго уваженія,—вотъ что̀ вы такое, сэръ!

М-ръ Стобелль снова опустился на мѣсто и впервые на губахъ его заиграла улыбка.

— Разрѣшите мнѣ вступить въ переговоры съ Тоддомъ и дайте мнѣ одинъ фунтъ изъ каждыхъ десяти, которыя я выторгую для васъ,—убѣдительно проговорилъ Брискетъ.

М-ръ Тредгольдъ взглянулъ на товарищей.

— Если мы на это согласимся,—обратился онъ къ капитану,—вамъ будетъ выгодно купить корабль во что̀ бы то ни стало. А почему мы будемъ знать: годенъ ли онъ для плаванія?

— Въ этомъ-то и суть!—засмѣялся Брискетъ:—если останетесь довольны моими рекомендаціями, вы возьмете меня въ капитаны, и здравый смыслъ подскажетъ вамъ, что я не стану рисковать моею шкурой, купивъ для васъ гнилое судно.

Расплатившись въ гостинницѣ, они вышли на улицу, и Брискетъ указалъ товарищамъ на шкуну, носившую имя „Красавицы Эмиліи“: пусть они предварительно переговорятъ со старымъ Тоддомъ, а онъ подождетъ ихъ въ гостинницѣ.

— Не предлагайте ему слишкомъ много для начала.

— Я думаю предложить ему фунтовъ сто!—сказалъ Тредгольдъ.

Капитанъ вытаращилъ глаза, но сдержался и проговорилъ серьезно:

— Нѣтъ, давайте ему семьдесятъ. Желаю успѣха.

Онъ вернулся въ гостинницу, проводивъ ихъ загадочною улыбкою, и тамъ, снова усѣвшись у окна, принялся терпѣливо ожидать ихъ возвращенія.

Прошло полчаса. Капитанъ выкурилъ одну трубку и принялся за другую. Онъ взглянулъ на часы, висѣвшіе надъ прилавкомъ, и у него мелькнула непріятная мысль, что торгъ все же, быть можетъ, состоялся безъ его участія. Но тутъ до слуха его донесся издалека шумъ, и лицо его смягчилось.

— Это что же такое?—спросилъ какой-то посѣтитель.

Просматривавшій газету хозяинъ опустилъ ее и прислушался, а затѣмъ, выразивъ мнѣніе, что это буянитъ старый Тоддъ, подошелъ къ дверямъ.

Шумъ дѣлался все слышнѣе.

— Да, это Тоддъ!—сказалъ другой посѣтитель и, поспѣшно допивъ свое пиво, также двинулся къ выходу; за нимъ послѣдовалъ съ небрежнымъ видомъ и капитанъ Брискетъ, съ тѣмъ, чтобы изъ-за спины другихъ насладиться зрѣлищемъ предстоящаго скандала.

Три его патрона, тщетно старавшіеся дѣлать видъ, что это ничуть ихъ не касается, шли серединою улицы, а за ними слѣдовалъ почтенный сѣдобородый человѣкъ, котораго всего передергивало отъ гнѣва. Подходя къ гостинницѣ, они ускорили шагъ и почти вбѣжали въ подъѣздъ, причемъ мрачный, какъ туча, Стобеллъ одинъ пріостановился въ дверяхъ.

— Подать ихъ сюда!—рычалъ старикъ.—Дайте мнѣ этого—съ рыжими усами, и я покажу ему!!

— Въ чемъ дѣло, м-ръ Тоддъ?—спросилъ хозяинъ, становясь въ дверяхъ и загораживая ее своею особою отъ старика, пытавшагося проникнуть въ домъ.—Что̀ онъ вамъ сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ?..—повторилъ возбужденный до крайности м-ръ Тоддъ.—Онъ имѣлъ наглость... Нѣтъ! Подайте мнѣ его сюда! Я сниму съ него живого шкуру... Боится, небось?

— Что̀ вы ему сдѣлали?—обратился капитанъ Брискетъ къ поблѣднѣвшему м-ру Чоку.

— Ничего,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Выйдетъ ли онъ, наконецъ?—повторялъ грозный голосъ.—Я переломаю ему всѣ ребра...

М-ръ Стобеллъ стоялъ въ недоумѣніи, но когда взоръ его упалъ на улыбающіяся лица согражданъ м-ра Тодда, его собственныя черты прояснились.

— Онъ—старикъ,—проговорилъ онъ медленно,—но если кто-нибудь изъ васъ пожелаетъ стать на его мѣсто, пусть онъ скажетъ одно словечко... Я готовъ раздѣлаться съ нимъ.

Въ виду того, что никто не отозвался на это приглашеніе, онъ отвернулся и, войдя въ столовую, сѣлъ рядомъ съ негодующимъ Тредгольдомъ. М-ръ Тоддъ, истощенный послѣднею вспышкою, сразу осѣлъ и, хотя не безъ сопротивленія, но дозволилъ себя увести.

— Вы предложили ему семьдесятъ фунтовъ?—обратился Брискетъ къ м-ру Чоку.

— Предложилъ,—жалобно отвѣтилъ тотъ.

— Ахъ,—сказалъ капитанъ, задумчиво глядя на него,—быть можетъ, вамъ слѣдовало дать ему восемьдесятъ. Насколько я понялъ, онъ желаетъ получить за нее восемьсотъ.

Услышавъ о такой суммѣ, м-ръ Тредгольдъ объявилъ, что онъ знать ничего не хочетъ обо всемъ дѣлѣ, но подъ вліяніемъ трубки и стакана вина мало-по-малу смягчился, и кончилось тѣмъ, что друзья оставили капитану Брискету довѣренность на пріобрѣтеніе „Красавицы Эмиліи“.

VII.

Колокола звонили къ обѣднѣ, когда м-ръ Виккерсъ вернулся съ прогулки къ завтраку. Противъ обыкновенія, кухня и общая комната были пусты, а завтракъ, за исключеніемъ хвоста отъ селедки и остатковъ чая въ чайникѣ, былъ убранъ.

— Знаю я людей,—съ горечью прошепталъ м-ръ Виккерсъ,—которые мазнули бы ее по лицу этою самою селедкою за непочтительность.

Онъ отрѣзалъ себѣ ломоть хлѣба, налилъ стаканъ остывшаго чаю и принялся за ѣду, съ удивленіемъ прислушиваясь къ стуку наверху, походившему на скрипъ новыхъ сапогъ, хотя м-ру Виккерсу, въ качествѣ умудреннаго опытомъ человѣка, и показалась подобная мысль неправдоподобной.

Дверь отворилась, и м-ръ Виккерсъ не донесъ ломоть до рта, который онъ невольно раскрылъ при появленіи юнаго Чарльса Виккерса, одѣтаго въ первый разъ въ жизни во все новое съ ногъ до головы. Отецъ не успѣлъ сдѣлать ни одного вопроса, такъ какъ вслѣдъ за Чарльсомъ появились и остальныя дѣти, также одѣтыя во все новое, а за ними—Селина.

— Что это такое?—спросилъ м-ръ Виккерсъ хриплымъ отъ изумленія голосомъ.

Миссъ Виккерсъ, натягивавшая перчатку, на которой было больше пуговицъ, чѣмъ на его курткѣ, хладнокровно подняла на него глаза и пояснила:

— Это—новое платье; давно уже пора было пріодѣться.

— Новое платье?—повторилъ онъ, скандализированный,—откуда же оно взялось?

— Изъ лавки!—отвѣтила коротко миссъ Виккерсъ.

М-ръ Виккерсъ поднялся и, подойдя къ своей дочери, осмотрѣлъ ее съ такимъ же любопытствомъ, какъ онъ осмотрѣлъ бы восковую фигуру. Нѣкоторая неподвижность позы и стеклянный

взглядъ ея довершали иллюзію. Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выразить волновавшія его чувства, послышался скрипъ еще болѣе громкій, чѣмъ другіе, и передъ м-ромъ Виккерсомъ предстала его супруга, имѣвшая нѣсколько сконфуженный видъ. Онъ взиралъ съ гнѣвнымъ изумленіемъ на ея синее шерстяное платье и черную бархатную съ пряжками, столь возмутительно новую шляпу, что она совсѣмъ не согласовалась съ обычнымъ стилемъ прически м-ссъ Виккерсъ.

— Продолжайте! Продолжайте!—возопилъ онъ.—Не обращайте на меня вниманія! Неужели у васъ хватитъ духу пойти въ церковь?

М-ссъ Виккерсъ взглянула на свой, тоже новый, молитвенникъ и вздрогнула.

— А почему бы намъ и не идти въ церковь?—отозвалась Селина.

— Откуда у васъ деньги?

— Я скопила ихъ,—отвѣтила дочь, невольно покраснѣвъ.

— Скопила?—повторилъ онъ съ негодованіемъ.—Скопила изъ заработанныхъ мною же денегъ, изъ моего пота-крови, изъ денегъ, которыя должны были бы идти на ѣду?.. Но я этого не желаю, не желаю, слышите ли вы? У меня есть права...

— Не шумите,—прервала его дочь, наклоняясь, чтобы помочь матери разстегнуть ботинку.—Я говорила вамъ, мама, что слѣдовало взять четырнадцатый нумеръ...

— Я прежде всегда носила тринадцатый...

— Полагаю, что и для меня приготовлена новая пара и съ полъ-дюжины крахмальныхъ рубашекъ тамъ наверху?—съязвилъ м-ръ Виккерсъ.

— Конечно, вотъ вы и полюбуйтесь ими покуда,—отвѣтила почтительно дочь.

— Мое собственное потомство грабило меня годами!—продолжалъ м-ръ Виккерсъ.—Родныя дѣти вынимаютъ у меня хлѣбъ изо рта и покупаютъ себѣ сапоги...

Но никто не слушалъ его жалобъ. Миссъ Виккерсъ скомандовала: „Налѣво кругомъ!"—и отрядъ ея двинулся въ путь, причемъ глаза ея сверкали удовольствіемъ при видѣ возбуждаемой ими сенсаціи. Мгновенно воцарившееся по всей улицѣ молчаніе свидѣтельствовало о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ параднымъ „выходомъ". Дѣти шли съ надутыми важными лицами, но поклоны и улыбки миссъ Виккерсъ, которыми она обмѣнивалась со встрѣчавшимися ей по пути знакомыми, были такъ изящны, что нѣкоторыя черезчуръ неряшливыя матроны

предпочли скрыться въ глубинѣ своихъ жилищъ, чтобы тамъ излить на свободѣ волновавшія ихъ чувства.

— Вороны въ павлиньихъ перьяхъ! — пробормоталъ м-ръ Виккерсъ вслѣдъ своему семейству.

Тѣмъ не менѣе, изумленіе сосѣдей пробудило въ немъ новое чувство—тщеславіе. Сосѣдъ въ полосатыхъ плисовыхъ штанахъ и одной подтяжкѣ перешелъ черезъ улицу и приблизился къ нему.

— Что это значитъ?—проговорилъ онъ, указывая пальцемъ на удаляющихся,—кто-нибудь померъ и оставилъ вамъ наслѣдство?

— Насколько мнѣ извѣстно—нѣтъ. Но почему вы спрашиваете?

— Почему? Всѣ вырядились въ обновки. Никогда не видывалъ ничего подобнаго.

М-ръ Виккерсъ взглянулъ на него съ видомъ превосходства.

— Не идти же имъ въ воскресенье въ церковь оборванцами—въ рваныхъ штанахъ и рубашкахъ?

— Да вѣдь раньше-то они ходили!

М-ръ Виккерсъ не нашелся что отвѣтить, и, во избѣжаніе щекотливыхъ разспросовъ, скрылся у себя, пытаясь высчитать стоимость новыхъ платьевъ и разрѣшить вопросъ о томъ: откуда взялись на нихъ деньги? Внезапно ему вспомнился м-ръ Таскеръ и тѣ безумства, на которыя способны влюбленные молодые люди. Когда-то онъ самъ тратился по глупости на будущую м-ссъ Виккерсъ, и онъ пришелъ къ заключенію, что Джозефъ еще глупѣе его.

Дойдя до такого вывода, онъ успокоился, выбилъ пепелъ изъ трубки и умылся.

— Если онъ не одолжитъ бездѣлицы своему будущему тестю, —говорилъ онъ себѣ, усердно растирая лицо грубымъ полотенцемъ,—я такъ и скажу ему, что не жениться ему на Селинѣ. Надо повидать его раньше, чѣмъ она успѣла все отъ него повытянуть.

Онъ отправился прямо въ долину Солнечныхъ Часовъ и вошелъ въ коттэджъ съ задняго крыльца, радостно улыбаясь изумленному Таскеру.

— Ты, кажется, занятъ, сынокъ?—освѣдомился онъ.

— Что вамъ нужно?—спросилъ м-ръ Таскеръ, лицо котораго раскраснѣлось отъ стряпни.

М-ръ Виккерсъ вошелъ въ кухню, заперъ за собою дверь и опустился на стулъ.

— Не тревожься, сынокъ,—проговорилъ онъ,—съ Селиною ничего не случилось.

— Что вамъ нужно?—повторилъ Таскеръ.—Кто позволилъ вамъ приходить сюда?

— Полагаю, что отецъ можетъ навѣстить своего будущаго сына,—сказалъ тотъ съ достоинствомъ,—я не желаю мѣшать тебѣ, Джозефъ, я только зашелъ сказать, какъ они всѣ принарядились. Не понимаю: откуда ты взялъ столько денегъ?

— Выжили вы, что ли, изъ ума?—спросилъ Таскеръ, старательно протирая соусникъ.—Кто принарядился?

М-ръ Виккерсъ качнулъ головою и широко улыбнулся.

— Кто? Говорю тебѣ: моему родительскому сердцу пріятно было видѣть ихъ въ обновкахъ, вотъ я и зашелъ тебя поблагодарить.

— Ступайте,—воскликнулъ м-ръ Таскеръ, со стукомъ поставивъ соусникъ,—если вы не можете говорить простымъ англійскимъ языкомъ, то лучше убирайтесь вонъ. Вообще-то я не желаю васъ видѣть здѣсь, а слушать вашъ дурацкій бредъ—прямо свыше силъ моихъ.

— Слѣдовательно, не ты далъ Селинѣ денегъ на покупку новыхъ платьевъ для нея и для матери? Не ты одѣлъ малышей съ ногъ до головы?

— Да что вы, за сумасшедшаго меня считаете, что ли?—воскликнулъ Таскеръ:—съ какой стати я вздумаю одѣвать малышей? Это ваша обязанность. И Селинѣ я ничего не дарилъ, кромѣ кольца, да и то она одолжила мнѣ на него деньги. Не думаете ли вы, что я—денежный мѣшокъ?

— Ну, хорошо, хорошо, Джозефъ!—прервалъ м-ръ Виккерсъ, мысленно выходя изъ себя.—Но у меня въ горлѣ пересохло отъ разговоровъ... Нѣтъ ли у васъ глоточка чего-нибудь?..

Игнорируя взглядъ тестя, устремленный на пріютившійся въ углу кухни симпатичнаго вида боченокъ, м-ръ Таскеръ нацѣдилъ и поднесъ ему стаканъ воды, изъ котораго тотъ отпилъ глотокъ. Затѣмъ онъ заговорилъ обиняками о парѣ фунтовъ, изъ которыхъ—обладай онъ ими—онъ черезъ недѣлю сдѣлалъ бы пять.

— Такъ что же вамъ мѣшаетъ!—разсѣянно спросилъ Таскеръ, занятый растопкою печи.

М-ръ Виккерсъ заговорилъ опредѣленнѣе. Еслибы *онъ* былъ молодымъ человѣкомъ и ухаживалъ за дѣвицею, *онъ* никогда не отказался бы ссудить своего тестя парою фунтовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно проговорилъ Таскеръ, измѣряя собственною рукою температуру печи.

М-ръ Виккерсу показалось, что въ немъ сейчасъ что-то лопнетъ—настолько преисполнился онъ негодованіемъ.

— Ну, такъ я вамъ скажу безъ обиняковъ, сэръ, намѣрены ли вы одолжить пару фунтовъ честному труженику и вашему будущему отцу?

М-ръ Таскеръ расхохотался, прибавивъ, что еслибы у него была за душою пара фунтовъ, онъ сдѣлалъ бы изъ нея любое, но только не это употребленіе.

М-ръ Виккерсъ всталъ и оглядѣлъ его съ невыразимымъ презрѣніемъ.

— И подобный человѣкъ желаетъ жениться на моей дочери, войти въ семью? Если я что-нибудь презираю, такъ именно скряжничество. И моя дочь, моя бѣдная дочь не знаетъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло! Но я открою ей глаза! Ты у меня подожди... Я тебѣ...

Онъ вдругъ осѣкся. Въ дверяхъ показался капитанъ Бауэрсъ.

— Что это за шумъ, Джозефъ?—освѣдомился капитанъ рѣзко.

М-ръ Таскеръ попробовалъ дать объясненіе, но такъ какъ оно существенно расходилось со взглядомъ на тотъ же предметъ м-ра Виккерса, послѣдній прервалъ его. Къ изумленію Джозефа, капитанъ терпѣливо выслушалъ его разсказъ.

— Вы купили всѣ эти вещи, Джозефъ?—спросилъ онъ, когда м-ръ Виккерсъ сдѣлалъ передышку.

— Конечно, нѣтъ, сэръ. Откуда бы у меня взялись деньги?

Капитанъ молча смотрѣлъ на него. Странное исчезновеніе карты, вслѣдъ за которымъ прекратились визиты м-ра Чока, получило неожиданную связь съ этимъ разсказомъ о свалившемся съ неба богатствѣ.

— А вы за послѣднее время ничего не *продали?*—проговорилъ онъ сурово.

— Мнѣ нечего было продать, сэръ,—отвѣтилъ Таскеръ съ искреннимъ изумленіемъ.—Мнѣ думается, что весь шумъ былъ поднятъ м-ромъ Виккерсомъ изъ-за пары сапогъ, остальное ему пригрезилось.

М-ръ Виккерсъ вздумалъ громко запротестовать, но капитанъ осадилъ его.

— Довольно! Какъ вы смѣете буянить въ моемъ домѣ? Относительно обновокъ—все вѣрно, я самъ видѣлъ ихъ на пути въ церковь,—обратился онъ къ Джозефу,—и вы, дѣйствительно, ничего объ этомъ не знаете?

Изумленіе Таскера было слишкомъ искренно для того, чтобы можно было въ немъ усомниться, и подозрѣнія капитана обратились на другой предметъ. М-ръ Виккерсъ поймалъ его взглядъ и попробовалъ улыбнуться.

— Въ горлѣ что-то пересохло, сэръ,—мягко замѣтилъ онъ.

— У насъ есть пиво, Джозефъ?—освѣдомился капитанъ:—ну, такъ я вамъ совѣтую приглядѣть за нимъ.

Разочарованный и негодующій м-ръ Виккерсъ ретировался.

VIII.

Покуда шли переговоры о покупкѣ „Красавицы Эмиліи", м-ръ Чокъ ходилъ, какъ маятникъ, между конторами м-ра Тредгольда и Стобелля, хозяева которыхъ по мѣрѣ силъ и возможности скрывались отъ него. Послушный наставленіямъ друзей, дорожившихъ сохраненіемъ приличій, онъ трижды направлялся къ капитану и трижды возвращался съ полъ-дороги. У него не хватало мужества показаться ему на глаза. Капитанъ Бауэрсъ, желавшій въ свою очередь повидать и кое-о-чемъ поразспросить его, кончилъ тѣмъ, что самъ отправился къ нему. М-ръ Чокъ вскочилъ смущенный при его входѣ и пододвинулъ ему стулъ, уже занятый рабочею корзинкою м-ссъ Чокъ. Капитанъ взялъ себѣ другой стулъ и, выслушавъ весьма безсвязное замѣчаніе о погодѣ, укоризненно покачалъ головою.

— А я думалъ, что съ вами что-нибудь случилось? Я не видѣлъ васъ болѣе мѣсяца.

— Болѣе мѣсяца?—встрепенулась м-ссъ Чокъ:—да онъ третьяго дня ходилъ къ вамъ.

— Да,—проговорилъ, запинаясь, м-ръ Чокъ,—но мнѣ въ башмакъ попалъ гвоздь, и я долженъ былъ вернуться съ полъ-дороги домой.

— Домой? Но вы были въ отсутствіи два часа тридцать пять минутъ?

— Я такъ накололъ ногу, что едва добрался до дому,—пояснилъ м-ръ Чокъ, между тѣмъ какъ капитанъ изумился столь основательному счету времени.

— Однако, вы ничего объ этомъ не сказали?—продолжала допытываться м-ссъ Чокъ.

— Не хотѣлъ тревожить тебя, мой другъ.

— Я много проигралъ, оставшись холостымъ,—замѣтилъ капитанъ,—какъ пріятно, если кто-нибудь считаетъ часы и минуты до вашего возвращенія!

Супруги не безъ подозрительности обернулись къ нему, но его чистосердечіе было очевидно.

— Очень жаль, что *вы* не женились, капитанъ Бауэрсъ,—

медленно произнесла м-ссъ Чокъ,—большинство мужчинъ предпочитаетъ скрывать правду отъ женъ...

Она закончила сентенцію выразительнымъ взглядомъ по адресу мужа, и положеніе дѣлъ сразу стало ясно для капитана. Онъ замѣтилъ, что не видитъ также ни Тредгольда, ни Стобелля.

— Они... они о васъ спрашивали,—прервалъ м-ръ Чокъ,— а какъ здоровье миссъ Дрюиттъ?

— Благодарю васъ. Я уже началъ думать, не отправились ли вы всѣ втроемъ въ дальнее плаваніе?

М-ръ Чокъ смущенно засмѣялся и замѣтилъ, что Джозефъ показался ему прошлый разъ нездоровымъ.

— Нѣтъ, Джозефъ здоровъ, и попугай также,—проговорилъ капитанъ.

— Джозефъ—славный попугай,—окончательно зарапортовался м-ръ Чокъ,—т.-е. попугай—славный малый, хочу я сказать...

— Томасъ! Что съ тобой?—воскликнула м-ссъ Чокъ.

— Джозефъ—славный малый,—поправился, овладѣвъ собою, м-ръ Чокъ,—и я думалъ часто...

Онъ не докончилъ фразы: послышался громкій звонокъ, а затѣмъ—знакомый хриплый голосъ въ прихожей, при звукѣ котораго м-ръ Чокъ, бросивъ испуганный взглядъ въ сторону капитана, безпомощно откинулся на спинку кресла.

— Капитанъ Брискетъ,—доложила горничная.

Брискетъ вошелъ бодрымъ шагомъ, съ жаромъ пожалъ руку м-ру Чоку и, раскланявшись съ м-ссъ Чокъ и гостемъ, усѣлся на вытяжку, радостно улыбаясь м-ру Чоку.

— Я съ хорошими вѣстями, — проговорилъ онъ хрипло,— наконецъ-то намъ удалось заполучить ее.

М-ссъ Чокъ насторожилась.

— Да, пришлось-таки походить вокругъ да около! — весело продолжалъ Брискетъ:—старикъ Тоддъ не хотѣлъ разставаться съ нею, но теперь все оборудовано: „Красавица Эмилія"— ваша, сэръ.

— Какая такая красавица? — грозно воскликнула м-ссъ Чокъ,—какая Эмилія? Что это за Эмилія?

Брискетъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее и растерялся.

— Молчите! — отчаянно воскликнулъ м-ръ Чокъ, — это— секретъ.

— Это секретъ!—повторилъ Брискетъ, успокоительно кивая м-ссъ Чокъ.

— Секретъ? — повторила негодующая супруга, между тѣмъ какъ м-ръ Чокъ, находясь между нею и капитаномъ Бауэрсомъ, какъ между двухъ огней, вспоминалъ христіанскихъ мучениковъ.— Какъ вы смѣете отвѣчать мнѣ такимъ образомъ?

— Я сказалъ бы тебѣ, — отвѣтилъ м-ръ Чокъ, — но это не моя тайна.

— Это не его тайна, — подтвердилъ Брискетъ.

— Ужъ это не та ли самая Эмилія, которая свистала за заборомъ? — обратилась м-ссъ Чокъ къ Брискету, который, уловивъ отчаянный взоръ своего патрона, отвѣтилъ наугадъ:

— Нѣтъ, не та, она — совсѣмъ другого сорта особа.

— Какія же у нея дѣла съ моимъ мужемъ? — спросила м-ссъ Чокъ, невольно возвышая голосъ.

— Я вотъ именно это и хочу объяснить, — отвѣтилъ Брискетъ, уставясь глазами въ полъ и отчаянно ломая себѣ голову, — м-ръ Чокъ нашелъ для нея новое мѣсто, ей... ей было нехорошо на прежнемъ, и м-ръ Чокъ по добротѣ сердечной...

Его смущалъ взглядъ м-ссъ Чокъ, смотрѣвшей на него во всѣ глаза, какъ птица на боа-констриктора.

— Но вы сказали, вы сказали мужу: красавица Эмилія — ваша!

— Сказалъ и не отрицаю, — путался Брискетъ, — я хотѣлъ этимъ сказать, что она прибудетъ сюда.

— Вотъ какъ? Она сюда прибудетъ?

— Т.-е. въ томъ случаѣ, если мать ее отпуститъ. Старая лэди прихворнула и не можетъ безъ нея обойтись.

М-ръ Чокъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ спасенію съ этой стороны. Онъ желалъ одного: скрыть истину отъ капитана Бауэрса.

Но самъ капитанъ Бауэрсъ неожиданно прервалъ молчаніе.

— Какая у нея вмѣстимость? — отрывисто проговорилъ онъ, обернувшись къ Брискету.

— Двѣсти сорокъ тоннъ! — послѣдовалъ быстрый отвѣтъ.

— „Красавица Эмилія“ — судно! — сказалъ капитанъ Бауэрсъ, обращаясь къ м-ссъ Чокъ и тщетно пытаясь уловить взглядъ м-ра Чока.

— Судно? — повторила она пораженная. — Судно съ больною матерью, — судно — нуждающееся въ новомъ мѣстѣ, о которомъ хлопочетъ мой мужъ! Или и вы тоже пытаетесь выгородить его?

— Это судно, — сурово повторилъ капитанъ, — вмѣстимостью въ двѣсти сорокъ тоннъ, но, по какой-то особенной причинѣ, м-ръ Чокъ считаетъ необходимымъ это скрывать...

— Это правда, Томасъ?—спросила м-ссъ Чокъ.

— Правда, моя дорогая.

— Почему же ты плелъ всѣ эти несообразности?

— Я... хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ,—проговорилъ м-ръ Чокъ, бросивъ робкій взглядъ на капитана Бауэрса,—видишь ли, я купилъ долю въ этомъ суднѣ, намѣреваясь предпринять для удовольствія маленькое путешествіе...

— Фирма: Тредгольдъ, Стобелль и Чокъ! — отчетливо проговорилъ капитанъ Бауэрсъ.

— Я ждалъ, покуда его выкрасятъ и приведутъ въ порядокъ, но неожиданное появленіе капитана Брискета испортило сюрпризъ,—продолжалъ м-ръ Чокъ.

— Да, это я виноватъ, сударыня,—смиренно покаялся виновникъ переполоха.

Но м-ссъ Чокъ уже не слушала. Для нея каждое судно было яхтой, и она, увлекшись мыслью о путешествіи, принялась обсуждать подробности увеселительной поѣздки, причемъ въ теченіе четверти часа „Красавица Эмилія" превратилась въ одну изъ роскошнѣйшихъ „собственныхъ" яхтъ. Сердце у м-ра Чока упало при мысли о томъ, что̀ скажутъ его товарищи.

Капитанъ Бауэрсъ, узнавъ болѣе, чѣмъ ожидалъ, простился. По дорогѣ онъ бросилъ долгій взглядъ на окна конторы нотаріуса. Мѣстопребываніе пропавшей карты выяснилось для него, и онъ подумалъ не безъ ужаса о готовящейся экспедиціи.

Прюденса, сидѣвшая съ книгою у окна, встрѣтила его улыбкою и сообщила, что къ нему заходилъ Эдуардъ Тредгольдъ.

— Почему же онъ не могъ подождать?—спросилъ капитанъ.

— Не знаю. Я не выходила къ нему. Я послала сказать, что у меня болитъ голова.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, капитанъ слегка покраснѣлъ отъ досады.

— Но, кажется, теперь тебѣ лучше?

— Да. Странно, что она сразу разболѣлась послѣ вашего ухода. Это у насъ семейное.

Къ облегченію капитана, она взялась за книгу и читала до тѣхъ поръ, покуда Джозефъ не подалъ чай. Капитанъ задумчиво пилъ чашку за чашкою и, уже покончивъ съ чаемъ и закуривъ трубку, сообщилъ о событіяхъ нынѣшняго вечера.

— Ну, вотъ! Что̀ я вамъ говорила?—воскликнула Прюденса, глаза которой засверкали отъ негодованія.—Не говорила ли я, что они всѣ трое въ скоромъ времени отправятся въ пла-

ваніе? И послѣ этого м-ръ Тредгольдъ еще осмѣливается являться сюда!

— Онъ ничего не знаетъ объ ихъ планахъ,—протестовалъ капитанъ.

— Посмотримъ!—миссъ Дрюиттъ упрямо покачала головою.— Не безчестно ли это: отправиться на поиски клада, который запрещено было трогать?

— Можетъ быть, они и не найдутъ его,—отвѣтилъ капитанъ, окруживъ себя облакомъ дыма.

— Найдутъ. Капитанъ Брискетъ отыщетъ островъ. Остальное—пустяки.

— А можетъ и не отыскать,—изрекъ капитанъ изъ своего облака, совершенно скрывшаго его лицо.—Нѣкоторые маленькіе острова обладаютъ свойствомъ неожиданно исчезать... Явленіе чисто вулканическаго характера... Чему ты смѣешься?

— Я сейчасъ подумала,—проговорила миссъ Дрюиттъ, съ улыбкою обхвативъ руками колѣна,—я подумала: вотъ было бы странно, еслибы островъ исчезъ какъ разъ въ то время, какъ они высадятся на берегъ!

IX.

За завтракомъ м-ру Чоку было очень тяжело выслушивать восторженныя рѣчи жены по поводу предстоящаго путешествія, такъ какъ наканунѣ онъ получилъ отъ компаньоновъ строгій приказъ: объявить м-ссъ Чокъ, что ея пребываніе на шкунѣ совершенно нежелательно.

Послѣ завтрака она разослала съ полъ-дюжины записокъ и объявила, что въ пять часовъ они отправятся къ Стобеллямъ, такъ какъ ей нужно поговорить съ нимъ самимъ. Бѣдная м-ссъ Стобелль пишетъ, что онъ не желаетъ брать ее.

— Хотѣла бы я, чтобы онъ былъ *моимъ* мужемъ!—заключила она угрожающимъ тономъ.

Они застали Стобеллей за чаемъ. Дамы поцѣловались.

— Какой милый сюрпризъ! — проговорила м-съ Стобелль, усаживая гостей, причемъ м-ссъ Чокъ помѣстилась насупротивъ м-ра Стобелля.

— Ну, что, вы слышали, конечно, о поѣздкѣ?—громко начала м-ссъ Чокъ, принимая изъ рукъ хозяйки чашку чая.

— О какой поѣздкѣ?—проговорила м-ссъ Стобелль, трепетавшая передъ своимъ супругомъ.

— О поѣздкѣ на яхтѣ, разумѣется. Она принесетъ вамъ

громадную пользу и подрумянитъ немного ваши щеки, моя милая,—ласково проговорила м-ссъ Чокъ.

М-ссъ Стобелль вспыхнула. Это была маленькая, поблекшая женщина. Глаза, волосы, щеки — все въ ней словно поблекло. Носились слухи, что и самая ея любовь къ м-ру Стобеллю начинаетъ блекнуть.

— Я думаю,—началъ дипломатически м-ръ Чокъ, терзаясь мыслью, что онъ еще не исполнилъ возложеннаго на него порученія: объявить м-ссъ Чокъ ультиматумъ,—я полагаю, что м-ссъ Стобелль освоится современемъ съ морскою болѣзнью, а также съ бурями, циклонами, туманами и столкновеніями...

— Если вы перенесете ихъ, то перенесетъ и она!—сердито прервала его м-ссъ Чокъ.

— Я не понимаю, о чемъ идетъ рѣчь, — вопросилъ м-ръ Стобелль, сдвинувъ свои тяжелыя брови и принимаясь за второй ломоть хлѣба съ масломъ.

М-ссъ Чокъ объяснила, и м-ссъ Стобелль замѣтила, что, можетъ быть, дѣйствительно, поѣздка по морю принесетъ ей пользу,—она уже перепробовала много средствъ.

— М-ру Стобеллю давно слѣдовало объ этомъ подумать, душечка, но лучше поздно, чѣмъ никогда,—замѣтила м-ссъ Чокъ.

— Дѣло въ томъ,—началъ снова м-ръ Чокъ,—что еслибы море *не* оказалось полезнымъ для м-ссъ Стобелль, ей уже нельзя было бы вернуться. А безъ сомнѣнія, такая поѣздка сильно потрясетъ ея нервы.

— Нѣтъ, не потрясетъ,—изрекъ м-ръ Стобелль, отирая усы.

— Развѣ она хорошо переноситъ море?—освѣдомился м-ръ Чокъ, дивясь такому замѣчанію.

— Не знаю, но эта поѣздка не потрясетъ ея нервы: она не поѣдетъ,—заключилъ м-ръ Стобелль, передавая свою чашку.

М-ссъ Чокъ вскрикнула и обмѣнялась съ м-ссъ Стобелль взглядомъ, полнымъ огорченія, а хозяинъ, объяснивъ положеніе дѣла, принялся за ѣду.

— Развѣ вы не думаете, что поѣздка можетъ принести ей пользу?—выговорила наконецъ м-ссъ Чокъ.

— Можетъ принести, а можетъ и не принести.

— Но вѣдь можно попробовать,—настаивала м-ссъ Чокъ,— наконецъ, это избавляетъ васъ отъ массы расходовъ... Я, напримѣръ, разсчитываю запереть домъ и распустить слугъ, ихъ содержаніе такъ дорого стоитъ... А главное—подумайте объ ея здоровьи! Она такъ измѣнилась послѣ этого бронхита. Подумайте, что бы вы стали дѣлать, какъ упрекать себя, еслибы съ нею

что-нибудь случилось! Вы не вернете ее, если она уйдетъ *туда*...

— Куда?—довольно невнимательно освѣдомился м-ръ Стобелль.

— Я хочу сказать: если она умретъ.

— Всѣ мы умремъ современемъ, — философски замѣтилъ супругъ, — а ей сорокъ-шесть лѣтъ.

— Исполнится въ сентябрѣ, Робертъ,—довольно рѣшительно поправила кроткая м-ссъ Стобелль.

— Не очень пріятно быть погребеннымъ въ морѣ,—замѣтилъ м-ръ Чокъ, причемъ глаза м-ссъ Стобелль расширились отъ ужаса, а м-ссъ Чокъ метнула своему мужу угрожающій взглядъ.

— Мы желаемъ ѣхать въ качествѣ троихъ веселыхъ холостяковъ,—замѣтилъ безчувственный Стобелль, открыто подмигивая Чоку.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнула, выпрямляясь, м-ссъ Чокъ.—Но вы забываете, что ѣду *я!*

— Ну, будетъ двое веселыхъ холостяковъ.

— Нѣтъ,—возразила м-ссъ Чокъ,—я не поѣду одна; если м-ссъ Стобелль не ѣдетъ, я тоже остаюсь дома.

Лицо м-ра Стобелля прояснилось, выраженіе рта смягчилось, и мрачные глаза сдѣлались почти добрыми.

— Самое лучшее мѣсто для дамъ, — проговорилъ онъ любезно,—вы можете каждый день навѣщать другъ друга, можете даже иногда и заночевать одна у другой.

Онъ взялъ кусочекъ кэка и въ припадкѣ любезности предложилъ его и м-ссъ Чокъ, но та нетерпѣливо отмахнулась, заявивъ, что она рѣшила не ѣхать безъ м-ссъ Стобелль.

— А онъ, — продолжала она, сурово кивнувъ въ сторону мужа,—не поѣдетъ безъ меня. Не отпущу его ни на шагъ!

При такомъ заявленіи Чокъ едва не лишился чувствъ, а Стобелль, сдѣлавъ страшные глаза, оперся обѣими руками на столъ.

— Мнѣ кажется...—началъ-было онъ.

— Знаю, что вамъ *кажется*, но вотъ какъ оно *есть* на самомъ дѣлѣ. Если вы желаете имѣть спутникомъ моего мужа, то должны взять и меня, а если вы желаете имѣть меня, то должны взять и свою жену...

— Еще кого?—съ большою горечью спросилъ Стобелль.

— *Мой* мужъ не можетъ быть счастливъ безъ *меня*,—объявила она, игнорируя дерзкій вопросъ,—не правда ли, Томасъ?

— Нѣтъ,—поперхнулся м-ръ Чокъ.

— Мы ѣдемъ очень далеко,—сказалъ м-ръ Стобелль.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

— Въ страны, населенныя дикарями, людоѣдами...

— Они не съѣдятъ ее, — возразила м-ссъ Чокъ, оглядѣвъ хрупкую фигурку своей пріятельницы, — при васъ, по крайней мѣрѣ.

— Я не желаю подвергать ее опасности,—заговорилъ Стобелль,—да она и сама не пожелаетъ ѣхать.

— Я желаю раздѣлить съ тобою опасности, Робертъ,— отозвалась м-ссъ Стобелль.

— Скажи безъ увертокъ: хочешь ты ѣхать или нѣтъ?—скомандовалъ онъ, замѣтивъ какъ она переглянулась съ м-ссъ Чокъ.

М-ссъ Стобелль затрепетала.

— Она не желаетъ, чтобы изъ-за нея остался м-ръ Чокъ и...

— Оставь это,—прервалъ Стобелль.—Ты хочешь ѣхать?

— Да!

Съ секунду онъ глядѣлъ на нее, не вѣря своимъ ушамъ, а затѣмъ крикнулъ голосомъ, отъ котораго дрогнули и задребезжали чашки:

— Хорошо, ты поѣдешь!

Торжествующая м-ссъ Чокъ заговорила о новыхъ платьяхъ и покупкахъ для поѣздки, и взбѣшенный Стобелль, не будучи въ состояніи этого выносить, всталъ изъ-за стола, предложивъ Чоку выкурить трубку въ саду, отъ чего тотъ благоразумно уклонился во избѣжаніе жестокой нотаціи.

Нотацію ему все же пришлось выслушать на слѣдующій день по пути въ Биддлькомбъ, и только видъ заново выкрашенной шкуны и ожидавшаго ихъ у лѣстницы капитана Брискета вернулъ ему хорошее настроеніе.

— Намъ посчастливилось, джентльмены,—сказалъ капитанъ, провожая ихъ наверхъ, — видите этого человѣка?—онъ указалъ на худощаваго, сумрачнаго малаго, ожидавшаго ихъ на палубѣ:— это Питеръ Дёккетъ. Какъ онъ управляется съ командою— описать невозможно, ка̀къ правитъ кораблемъ—вообразить нельзя.

— Это хозяева, Питеръ, — обратился онъ къ сумрачному субъекту, который, снявъ колпакъ, прочистилъ горло и замѣтилъ, что погода прекрасная.

— Не очень разговорчивъ, но зато на дѣло—первый человѣкъ, — шепнулъ веселый Брискетъ, а теперь не угодно ли вамъ, джентльмены, осмотрѣть судно?

На бортѣ „Красавицы Эмиліи“ все оказалось въ образцовомъ порядкѣ. Взоръ м-ра Чока мгновенно пріобрѣлъ блескъ,

походка его—эластичность. Онъ носился съ бака въ каюту, изъ каюты въ камбузъ и, наконецъ, въ качествѣ человѣка, довольно напрактиковавшагося въ лазаніи на вышку, взобрался на самую верхушку гротъ-мачты, откуда привѣтствовалъ изумленныхъ друзей.

Послѣ внимательнаго осмотра джентльмены отбыли на берегъ, въ гостинницу, куда къ нимъ долженъ былъ присоединиться и капитанъ Брискетъ для обсужденія разныхъ подробностей.

Вернувшись на корабль, капитанъ Брискетъ посовѣтовалъ ожидавшему его Питеру Дёккету „поменьше болтать объ этой поѣздкѣ“ и вербовать матросовъ—предпочтительнѣе не изъ числа уроженцевъ Биддлькомба.

— Почему?—спросилъ боцманъ.

— Потому что тутъ что-то кроется, — замѣтилъ Брискетъ, понижая голосъ,—не такіе они люди,—за исключеніемъ Чока, разумѣется,—чтобы крейсировать среди острововъ для собственнаго удовольствія. Понялъ?

М-ръ Дёккетъ съ хитрымъ видомъ кивнулъ головою, но промолчалъ.

— Ладно. Ужъ навербуемъ экипажъ, какой полагается. Ни одного здѣшняго. Они ненадежны. Ну, а какъ же насчетъ виски, о которомъ ты такъ много толковалъ?

Съ англ. О. Ч.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1905.

Высочайшіе пріемы 18-го и 21-го іюня. — Рѣчи членовъ „отечественнаго союза": „бытовыя группы" и „преобладающій голосъ".—Основныя черты оффиціально проектируемой Государственной Думы.—Абсентеизмъ или участіе въ выборахъ?—Военное положеніе и „законный терроръ".—Законъ, охраняющій законность.—Заявленіе польскихъ націоналъ-демократическихъ группъ въ совѣтъ министровъ.

Послѣ памятнаго дня 6-го іюня въ Петергофскомъ дворцѣ состоялись еще два пріема, обратившіе на себя, хотя и въ гораздо меньшей степени, вниманіе общества. 18-го іюня с.-петербургскій и московскій губернскіе предводители дворянства, графъ В. В. Гудовичъ и кн. П. Н. Трубецкой, представили Государю Императору всеподданнѣйшую записку, подписанную 26-ю губернскими предводителями. Текстъ этой записки, къ сожалѣнію, еще не обнародованъ: извѣстно только, что авторы ея стали всецѣло на сторону земскихъ и городскихъ дѣятелей, отъ лица которыхъ говорила депутація 6-го іюня. Вмѣстѣ съ ними, губернскіе предводители указываютъ на опасность длящагося разлада страны съ правительствомъ и видятъ въ скорѣйшемъ созывѣ выборныхъ отъ народа людей единственное средство къ успокоенію Россіи. Государь Императоръ высказалъ свое сочувствіе содержанію записки губернскихъ предводителей.

Три дня спустя, 21-го іюня, Государь Императоръ изволилъ принять всеподданнѣйшій адресъ, поднесенный Ему, отъ имени „собравшихся въ Москвѣ людей всѣхъ званій и состояній", гр. П. Шереметевымъ, гр. А. Бобринскимъ, гр. Доррером, г.г. Кирѣевымъ, Нарышкинымъ, Расторгуевымъ, Матросовымъ и четырьмя крестьянами. Содержаніе адреса, прочитаннаго гр. П. С. Шереметевымъ, слѣдующее:

Великій Государь!

„Настойчивое стремленіе нѣкоторой части общества поколебать исторически выработавшійся государственный укладъ и желаніе навязать странѣ чуждые нашему быту, чуждые всему складу нашего общественнаго строя способы правленія побудили насъ сплотиться воедино, насъ, исповѣдующихъ, что правильное развитіе нашихъ государственныхъ началъ, при разрывѣ съ историческимъ народнымъ прошлымъ,—немыслимо.

„Вмѣстѣ со всей русской землей мы жаждемъ уничтоженія того средостѣнія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ понемногу созидалось и съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло между живыми общественными силами и Самодержцемъ. Постигшія насъ на Дальнемъ Востокѣ бѣдствія обострили господствующую смуту, которая пагубно вліяетъ на ходъ военныхъ дѣйствій. Но мы вѣримъ, что съ помощью Божіей Россія, единеніемъ сыновъ своихъ, выйдетъ изъ этого испытанія безъ ущерба своего достоинства, своей чести. Путь къ умиротворенію смуты внутренней указанъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Радостнымъ благовѣстомъ откликнулся въ сердцахъ нашихъ возвѣщенный съ высоты Престола 18-го февраля сего года призывъ выборныхъ отъ населенія людей къ участію въ разработкѣ законодательныхъ предположеній.

„Драгоцѣнны для всякаго русскаго слова Вашего Величества:

„Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ".

„Государь! Вся Россія, всѣ Ваши вѣрноподданные видятъ въ словахъ этихъ залогъ обновленія и вящшаго преуспѣянія нашего отечества. Мы видимъ въ нихъ возстановленіе того древняго порядка, при которомъ, оставляя за собою полноту власти и свободу рѣшенія, Русскіе Цари благосклонно выслушивали правдивый, безкорыстный голосъ лучшихъ выборныхъ людей.

„Да будетъ голосъ этотъ и впредь вѣрнымъ выразителемъ всѣхъ нуждъ народа и, какъ встарь, да послужитъ онъ для Царя и Россіи источникомъ ихъ могущества и славы.

„Мы полагаемъ, что только избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою, бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности.

„Царю Самодержавному при изъявленіи Своей Монаршей Воли необходимо знать, изъ какой среды исходятъ тѣ или иныя мнѣнія и пожеланія и выслушать голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій.

„При производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленные, легко могутъ быть лишены возможности высказывать предъ Вами, Государь, свои насущныя нужды. Лица, избранныя такимъ путемъ, возмнивъ себя представителями страны, явятся новой, горшей преградой между Царемъ и народомъ.

„Не допусти, Государь, чтобы между Тобой и землей воздвиглась эта новая стѣна. Непосредственно выслушай, Великій Печальникъ земли русской, нужды всѣхъ слоевъ народа Твоего, черезъ выбранныхъ ими изъ своей среды излюбленныхъ людей".

По прочтеніи адреса произнесъ рѣчь гр. А. А. Бобринскій, гласный с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія и с.-петербургской городской думы. „Не мы первые“,—сказалъ онъ, между прочимъ,—„дерзнули безпокоить Ваше Величество; но теперь, когда рѣчи нѣкоторыхъ лицъ сдѣлались общимъ достояніемъ и печать приписываетъ имъ значеніе голоса всей земской и мыслящей России,—намъ, такимъ же земскимъ людямъ, такъ же близко стоящимъ къ землѣ и въ не менѣе многочисленномъ составѣ, намъ, не раздѣляющимъ высказанныхъ передъ Вашимъ Величествомъ мнѣній,—грѣшно молчать.

„Государь! Земля наша велика и обильна и различныхъ мнѣній въ ней множество. Но что именно думаетъ вся Россія—этого сказать никто не можетъ, потому что Россія молчитъ, а говорятъ лишь немногіе. Мы не дерзаемъ высказаться отъ лица всей страны, но смѣемъ завѣрить Ваше Величество, что исповѣдуемъ убѣжденія множества вѣрноподданныхъ Вашихъ. Отъ ихъ имени мы прежде всего молимъ Васъ, Государь: не заключайте обиднаго для Россіи мира. Томительна, тягостна, грустна война, — но, какъ бы тяжело намъ всѣмъ ни было,—не довершайте этой чаши бѣдствій позоромъ, который страна не въ силахъ перенести.

„Ваше Величество упомянули объ ожидающихъ насъ новыхъ бѣдствіяхъ, и мы спѣшимъ откликнуться на слова Ваши и сказать: Государь! Вамъ нужны люди — берите ихъ. Еще много на Руси молодыхъ силъ, готовыхъ лечь костьми за отечество. А если ихъ не хватитъ, то на что-нибудь годны же и мы, старики, хотя бы для гарнизонной службы. До тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье, — не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства,—но обложенія насъ не страшатъ; не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достояніе на алтарь отечества.

„Вамъ говорили, Государь, что Русскій Царь уже не Царь дворянъ и не Царь крестьянъ,—и болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятуя слова державныхъ предковъ Вашихъ, называвшихъ себя первыми дворянами Россіи. А что до крестьянства, то кто отважится ему сообщить, что отнынѣ Русскій Царь не его Царь?

„Нѣтъ, Государь! Вы попрежнему Царь дворянъ и Царь крестьянъ, и всѣхъ другихъ сословій, и Царь каждаго изъ насъ. Именно потому, что Царь всея Руси есть Царь каждаго и всѣхъ—Онъ является естественнымъ представителемъ всего русскаго народа. Онъ одинъ—и никто иной.

„Нынѣ, когда Вашему Величеству благоугодно увѣнчать завѣтныя пожеланія Вашихъ подданныхъ и осчастливить Россію призывомъ къ совѣту выборныхъ людей, мы просимъ Ваше Величество вызвать этихъ избранниковъ изъ освященныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ. Къ такимъ выборамъ Россія давно привыкла. Они представятъ вамъ лицъ опытныхъ и разумныхъ, хорошо освѣдомленныхъ объ истинныхъ нуждахъ своихъ согражданъ. Иначе, выборы выдвинутъ

разрядъ людей, которыхъ мы опасаемся и съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности. Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова. Такіе представители неминуемо образуютъ между Царемъ и народомъ преграду, черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до Вашего Величества.

„Государь! Избавьте насъ отъ этого средостѣнія путемъ установленія выборовъ отъ бытовыхъ группъ. Тогда и только тогда Вы всегда будете слышать истинный голосъ народа Вашего, голосъ простой, быть можетъ, не краснорѣчивый, но исполненный правды и вѣрноподданнической преданности Россіи и своему Государю".

А. А. Нарышкинъ, гласный орловскаго губернскаго земскаго собранія, не осуждая общественныхъ дѣятелей, представители которыхъ были выслушаны 6-го іюня, не нашелъ возможнымъ „признать ихъ заключенія за выраженіе мнѣній цѣлой страны". Русскому государственному строю, по словамъ А. А. Нарышкина, „несвойственно представительство въ смыслѣ органа народнаго самодержавства (да въ этомъ призрачномъ понятіи уже разочаровались), ибо державныя права Руси Великой воплощаются въ лицѣ Царя. Между тѣмъ, въ самое послѣднее время распространилась тревожная молва о возможности воспринятія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ заключеній, именно объ основаніяхъ избирательнаго порядка, представляющаго опасность такого подбора выборныхъ, при коемъ собраніе являлось бы не совѣтомъ земли, какимъ были наши старые земскіе соборы, а попыткой парламентарнаго учрежденія, съ тѣми послѣдствіями, которыя и на Западѣ вызываютъ жалобы со стороны многихъ мудрѣйшихъ людей".

„Наконецъ, хотя изъ Московскаго Царства Россія стала міровою Имперіею, включившею въ себя многія разноплеменныя народности, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ свое историческое прошлое, и справедливость, безъ сомнѣнія, требуетъ предоставить имъ выражать свои мнѣнія и нужды чрезъ своихъ выборныхъ—но она должна сохранить образъ государства національнаго: преобладающій голосъ принадлежитъ въ немъ, по праву, тому народу, который создалъ великую державу и выноситъ ее изъ всякихъ бѣдъ и испытаній на своихъ плечахъ". Послѣ А. А. Нарышкина говорили еще мѣщанинъ Матросовъ и крестьянинъ Гришинъ. Государь Императоръ удостоилъ собравшихся слѣдующими словами:

„Искренно благодарю васъ всѣхъ, господа, и васъ также, братцы, за мысли и чувства, которыя привели васъ ко Мнѣ.

„Мнѣ въ особенности отрадно то, что вами руководили чувства преданности и любви къ родной старинѣ.

„Только то государство сильно и крѣпко, которое свято хранитъ завѣты прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ быть, насъ и караетъ.

„Что же касается опасеній, вами выраженныхъ,—скажу вамъ, что сама жизнь укажетъ намъ пути къ устраненію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ новомъ и большомъ дѣлѣ, которое Я задумалъ на благо всѣхъ Моихъ подданныхъ.

„Убѣжденъ, что вы всѣ и каждый въ своемъ кругу поможете Мнѣ водворить миръ и тишину въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужите Мнѣ ту службу, которую Я отъ всѣхъ вѣрныхъ Моихъ подданныхъ ожидаю, въ чемъ Господь Богъ вамъ и да поможетъ".

Кого представляла собою депутація 6-го іюня—это, въ главныхъ чертахъ, извѣстно широкимъ кругамъ русскаго общества, несмотря на внѣшнія препятствія, мѣшающія говорить о томъ прямо и свободно. Менѣе ясенъ источникъ полномочій, на основаніи которыхъ дѣйствовала депутація 21-го іюня. Судя по статьѣ одного изъ ея членовъ (генерала Кирѣева), напечатанной въ № 10541 „Новаго Времени", она представляла собою „Отечественный союзъ"—но что такое этотъ союзъ, какъ великъ его составъ, каковы условія вступленія въ его среду? Гласныхъ отвѣтовъ на эти вопросы мы до сихъ поръ не встрѣчали; мы не знаемъ, чѣмъ руководствовались ораторы 21-го іюня, утверждая, что за ними стоятъ многочисленные единомышленники. Допустимъ, однако, что мнѣнія, ими выраженныя, распространены не только въ искусственно сложившейся средѣ — и посмотримъ, къ чему они стремятся, что хотятъ сохранить и чего достигнуть. Имъ дорога неприкосновенность „освященныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ", „отдѣльныхъ бытовыхъ сословій"; они думаютъ, что „только избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мнѣній всего народа въ его совокупности". Совершенно невѣрна здѣсь уже исходная точка—отожествленіе *сословій* съ *бытовыми группами*. Чѣмъ бы ни были у насъ сословія первоначально, теперь ни одно изъ нихъ не образуетъ бытового цѣлаго; каждое сословіе, объединенное исключительно внѣшнею связью, распадается на множество бытовыхъ группъ, существенно различныхъ или даже враждебныхъ между собою. Помѣстное дворянство, рѣзко отличное отъ чиновнаго, въ свою очередь тянетъ въ разныя стороны, вырабатываетъ разныя формы жизни; съ каждымъ днемъ усиливается рознь въ средѣ крестьянства; совершенно исчезла замкнутость, обособленность городскихъ сословій. Изъ всѣхъ выборовъ, практиковавшихся до сихъ поръ, къ наименѣе удачнымъ результатамъ всегда приводили именно выборы сословные; доказательство этому можно найти на каждой стра-

ницѣ исторіи дворянства. Совершенно необъяснимо, какимъ образомъ избранники отдѣльныхъ группъ, собравшись вмѣстѣ, могутъ оказаться „выразителями мыслей всего народа въ его совокупности". Выставивъ такое положеніе, адресъ „Отечественнаго союза" спѣшитъ его разрушить: провозглашается необходимость знать, „изъ какой среды исходятъ тѣ или иныя мнѣнія и пожеланія", необходимость выслушать „голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій". Итакъ, важно не самое мнѣніе — важенъ его источникъ. Прислушиваться нужно не столько къ тому, *что говорится*, сколько къ тому, *кто говоритъ*? Звучать, въ собраніи выборныхъ людей, долженъ не голосъ народа, а рядъ сословныхъ голосовъ, не равносильныхъ и не равноцѣнныхъ? Не подтверждаются ли этимъ слова кн. С. Н. Трубецкого, которыя пытался опровергнуть одинъ изъ ораторовъ 21-го іюня: „сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь"?... Съ особенною ясностью желаніе поддержать сословныя рамки—и въ особенности дворянскія привиллегіи—выразилось въ томъ мѣстѣ рѣчи гр. Бобринскаго, которое служило отвѣтомъ на слова кн. С. Н. Трубецкого: „русскій царь—не царь дворянъ, не царь крестьянъ или купцовъ, не царь сословій, а царь всея Руси". При этихъ словахъ,— воскликнулъ гр. Бобринскій,—„болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятующаго, что державные предки Ваши называли себя первыми дворянами Россіи". Здѣсь съ ораторомъ разошелся даже одинъ изъ членовъ „Отечественнаго союза", г. Башмаковъ—а въ сущности и товарищъ гр. Бобринскаго по депутаціи, генералъ Кирѣевъ [1]). Послѣдній увѣряетъ, что въ фразѣ гр. Бобринскаго „нѣтъ и тѣни желанія сдѣлать изъ нашего отца-самодержца le premier gentilhomme de Russie". Какой же, однако, иной смыслъ можетъ имѣть ссылка гр. Бобринскаго на слова, „свято памятуемыя дворянствомъ"?...

Принимая на себя мало свойственную имъ роль заступниковъ народа, члены „Отечественнаго союза" утверждаютъ, что „при производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленные, легко могутъ быть лишены возможности высказывать передъ Государемъ свои насущныя нужды". Бояться чего-либо подобнаго можно было бы развѣ въ случаѣ установленія высокаго имущественнаго ценза, какъ необходимаго условія для участія въ выборахъ: тогда масса населенія, дѣйствительно, осталась бы внѣ той привиллегированной сферы, которую во Франціи временъ Людовика-Филиппа называли „легальной страной" (pays légal). Но вѣдь меньше всего за такой цензъ стоятъ именно тѣ,

[1]) См. „Слово", № 192, и „Новое Время", № 10531.

которымъ возражаетъ „Отечественный союзъ“: они всѣ—сторонники всеобщей подачи голосовъ, расходящіеся между собою только по вопросу о моментѣ ея введенія. Какимъ образомъ при всеобщей подачѣ голосовъ (или при временномъ ея суррогатѣ, отводящемъ достаточно мѣста голосу народа) могутъ остаться не высказанными народныя нужды—это тайна „Отечественнаго союза“. Столь же непонятно и другое его опасеніе, выраженное и въ адресѣ, и въ рѣчи гр. Бобринскаго: опасеніе, что безсословные выборы создадутъ новое „средостѣніе“ между Государемъ и землею, „новую горшую преграду“, черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до престола. „Средостѣніемъ“ служила и служитъ бюрократія, косная, себялюбивая, властная, прямо заинтересованная во всеобщемъ молчаніи; не можетъ служить имъ собраніе, избираемое лишь на время, соединяющее въ себѣ самые различные оттѣнки мнѣній, не располагающее исполнительною властью, не имѣющее другой точки опоры, кромѣ сочувствія народа. И почему же безсословные выборы должны выдвинуть „разрядъ людей, съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности—людей словоохотливыхъ, краснорѣчивыхъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова“? Если такой „разрядъ людей“ и существуетъ, то гдѣ же основаніе думать, что на его сторонѣ шансы успѣха? Силу, въ политической борьбѣ, даетъ убѣжденіе, глубокое и твердое,—а что же это за убѣжденіе, которое не можетъ устоять противъ красоты слова? И развѣ краснорѣчіе составляетъ монополію одной группы, одной партіи?.. Во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ членами „Отечественнаго союза“, слышится страхъ передъ противниками, передъ равными условіями боя—страхъ, заставляющій искать окоповъ, за которыми удобнѣе и безопаснѣе было бы сражаться; роль такихъ окоповъ должны сыграть сословныя перегородки. Забыто при этомъ только одно: страхъ—плохой залогъ побѣды.

Остановимся еще на одной мысли, общей, повидимому, всѣмъ представителямъ „Отечественнаго союза“. Признавая за разноплеменными народностями Россіи право выражать свои мнѣнія и нужды черезъ своихъ выборныхъ, г. Нарышкинъ утверждаетъ, что „преобладающій голосъ долженъ принадлежать тому народу, который создалъ великую державу и выноситъ ее изъ всякихъ бѣдъ и испытаній на своихъ плечахъ“. Безспорно, наиболѣе многочисленное изъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, должно располагать и большинствомъ голосовъ въ народномъ собраніи; но вѣдь этотъ результатъ, при сколько-нибудь правильной системѣ выборовъ, будетъ достигнутъ самъ собою. Неразумны и несправедливы были бы искусственныя мѣры, направленныя къ той же цѣли: неразумны—потому, что изъ-за нихъ неминуемо обостри-

лась бы племенная вражда; несправедливы—потому, что права гражданина обусловливаются не долей участія его предковъ въ созданіи государства, а тѣми обязанностями, которыя онъ самъ несетъ по отношенію къ государству. „Испытанія и бѣдствія", переносимыя государствомъ, ложатся одинаково на всѣ его составныя части, давнишнія и недавнія. Ничѣмъ, слѣдовательно, не оправдывалась бы попытка перенести въ новый политическій строй различіе между народностями полноправными и неполноправными, существующее въ настоящее время,—а между тѣмъ именно такую попытку рекомендуетъ г. Нарышкинъ, если только въ его словахъ, приведенныхъ выше, заключается нѣчто бо̀льшее, чѣмъ громкая фраза.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, работа, предпринятая на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля, закончена или близка къ окончанію. Совѣщаніе, о которомъ говорилось въ рескриптѣ, повидимому, созвано не будетъ, и обнародованія закона о Государственной Думѣ слѣдуетъ ожидать въ весьма скоромъ времени. Текстъ закона, въ его послѣдней редакціи, еще неизвѣстенъ, но общій его характеръ вытекаетъ съ достаточною ясностью изъ сообщеній, появившихся въ печати. Что Государственной Думѣ предоставляется только совѣщательный голосъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но не этимъ однимъ, повидимому, она будетъ отличаться отъ обычнаго типа народнаго представительства. Ее предполагается раздѣлить на десять отдѣловъ, изъ которыхъ каждый вѣдаетъ особую группу дѣлъ; всякій вопросъ разсматривается сначала въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ и потомъ уже поступаетъ, съ заключеніемъ отдѣла, на разсмотрѣніе общаго собранія Думы. Въ Западной Европѣ въ составѣ палатъ образуются иногда такъ называемыя бюро, между которыми члены палаты распредѣляются по жребію; но бюро не разсматриваютъ дѣлъ по существу, а ограничиваются избраніемъ членовъ въ коммиссіи, когда учрежденіе ихъ признается необходимымъ. Коммиссія, составленная изъ избранниковъ всѣхъ бюро, представляетъ собою, слѣдовательно, *все* собраніе. Отдѣлы, проектируемые гофмейстеромъ Булыгинымъ, несходны ни съ западно-европейскими бюро, ни съ западно-европейскими коммиссіями: съ бюро—потому что являются первой инстанціей для всякаго дѣла, вносимаго въ Думу, съ коммиссіями—потому что выборъ коммиссій, въ *составъ отдѣла*, предусматривается особо. Прибавимъ къ этому, что никто изъ членовъ Думы не можетъ состоять одновременно въ двухъ отдѣлахъ—и мы получимъ сумму потерь, вносимыхъ существованіемъ отдѣловъ въ дѣятельность думы. Невозможнымъ, во-первыхъ, является участіе въ коммиссіи для тѣхъ членовъ

Думы, которые, обладая необходимыми въ данномъ случаѣ свѣдѣніями и опытностью, не входятъ въ составъ избирающаго коммиссію отдѣла. Невозможно, во-вторыхъ, включеніе въ отдѣлъ, при разсмотрѣніи даннаго вопроса, наилучше знакомыхъ съ нимъ лицъ, если они состоятъ членами другого отдѣла. Еще важнѣе медленность, вносимая въ ходъ дѣла разсмотрѣніемъ его сначала въ коммиссіи отдѣла, потомъ въ отдѣлѣ, наконецъ, въ общемъ собраніи Думы. Многочисленность инстанцій уменьшаетъ, обыкновенно, степень вниманія къ дѣлу: первая инстанція можетъ успокаивать себя мыслью, что дѣло будетъ разсмотрѣно еще разъ, вторая инстанція можетъ слишкомъ довѣрчиво относиться къ тому, что̀ сдѣлано первою. Ни для кого не тайна, что въ общемъ собраніи государственнаго совѣта обсужденіе дѣла имѣетъ, бо̀льшею частью, чисто формальный характеръ, именно потому, что ему предшествуетъ разбирательство въ департаментѣ или въ соединенныхъ департаментахъ. Примѣненіе къ Государственной Думѣ порядка, столь мало оправдываемаго практикою, не можетъ быть названо счастливою мыслью составителей проекта.

Если раздѣленіе на отдѣлы установляетъ сходство между Государственной Думой и государственнымъ совѣтомъ, то многія другія черты ея устройства уподобляютъ ее присутственному мѣсту вообще. Сюда относится *назначеніе* предсѣдателя Думы и его замѣстителя, предсѣдателей отдѣловъ и ихъ замѣстителей, секретаря Думы и его товарища, секретарей отдѣловъ и ихъ помощниковъ—т.-е. введеніе бюрократическаго элемента именно туда, гдѣ онъ всего менѣе умѣстенъ. Исторія знаетъ примѣры назначенія—бо̀льшею частью неудачные—президента и вице-президентовъ палаты (назовемъ хотя бы законодательный корпусъ временъ второй имперіи), но даже тогда должности секретарей замѣщались по выбору. На секретаря Думы возлагается вдобавокъ обязанность представлять Думѣ, въ случаѣ надобности, объясненія и заключенія объ отношеніи обсуждаемаго дѣла къ постановленіямъ дѣйствующаго законодательства—обязанность, вполнѣ соотвѣтствующая положенію государственнаго секретаря, но вовсе не подходящая къ призванію секретаря представительнаго собранія. Еще больше напоминаютъ собою наказъ присутственному мѣсту правила о послѣдствіяхъ неразсмотрѣнія Думою внесенныхъ на ея обсужденіе законодательныхъ предположеній. Если слушаніе дѣла два раза сряду не состоится за неприбытіемъ въ Думу положеннаго числа членовъ, то министръ, которымъ дѣло внесено, можетъ требовать перенесенія его въ государственный совѣтъ, которымъ оно разсматривается безъ заключенія Думы. Въ случаѣ замѣченной Государемъ медленности Думы, государственный совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы, и если отзыва

Думы къ этому сроку не будетъ получено, приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла, не выжидая заключенія Думы. Безъ заключенія Думы можетъ быть разсмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ, въ случаѣ истеченія установленныхъ сроковъ, и проектъ государственной росписи; отъ государственнаго совѣта зависитъ, когда онъ найдетъ это нужнымъ, возвратить дѣло Думѣ для пересмотра и дополнительнаго заключенія. Все это было бы немыслимо, еслибы Государственная Дума разсматривалась какъ то, чѣмъ она должна быть—какъ народное собраніе, призванное къ дѣятельному участію въ государственной жизни.

Съ большою ясностью подчиненное положеніе, отводимое Государственной Думѣ, отражается и въ постановленіяхъ о пространствѣ ея власти (послѣднее слово такъ мало соотвѣтствуетъ содержанію проекта, что звучитъ почти иронически) и о порядкѣ производства подвѣдомственныхъ ей дѣлъ. Государственной Думѣ вмѣняется въ обязанность не удаляться отъ существа дѣлъ, ей предоставленныхъ, и основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ. Нелегко понять, почему основаніемъ для заключеній Думы не могутъ служить сужденія отрицательныя; нелегко понять также, какимъ образомъ Государственной Думѣ можетъ быть возбранено обсужденіе общихъ вопросовъ, хотя бы и не связанныхъ непосредственно и прямо съ существомъ слушаемаго дѣла.

Особенно опаснымъ вышеприведенное правило становится въ виду другихъ статей проекта, опредѣляющихъ степень власти предсѣдателя Думы. Разсужденія, удаляющіяся отъ вопроса и существа дѣла, обращаются къ нему предсѣдателемъ, который, при повтореніи такихъ отступленій, прекращаетъ самое разсужденіе и переходитъ къ предмету послѣдующему. Уклоненіемъ отъ существа дѣла слишкомъ легко можетъ быть признана всякая попытка обобщенія вопроса, въ особенности если она основана на „отрицательныхъ сужденіяхъ",—и результатомъ такого признанія можетъ явиться не только стѣсненіе свободы отдѣльнаго оратора, но и совершенное прекращеніе преній по данному вопросу... Предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ Думы, которое предсѣдатель найдетъ несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства Думы, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію; члены Думы, недовольные такимъ рѣшеніемъ предсѣдателя, имѣютъ право... изложить о томъ свое мнѣніе письменно и пріобщить его къ журналу засѣданія. Государственная Дума ставится, такимъ образомъ, на одинъ уровень съ земскимъ собраніемъ или городской думой, хотя положеніе ея въ государственномъ строѣ совершенно иное: земскія собранія и городскія думы—учрежденія подзаконныя, между тѣмъ какъ Государственная Дума уча-

ствуетъ въ законодательной дѣятельности. Земскіе и городскіе гласные могутъ, притомъ, обжаловать дѣйствія своего предсѣдателя правительствующему сенату—а мыслима ли жалоба на предсѣдателя Государственной Думы? Неужели, наконецъ, предсѣдательскимъ veto могутъ быть остановлены даже такія предложенія или заявленія, которыя исходятъ отъ большинства Думы?

До крайности сложны и нецѣлесообразны условія, которыми проектъ обставляетъ пользованіе двумя правами, предоставляемыми Государственной Думѣ: правомъ законодательной иниціативы и правомъ запроса министрамъ. Для того, чтобы получить дальнѣйшій ходъ, предложеніе объ изданіи новаго закона или объ отмѣнѣ или измѣненіи закона дѣйствующаго, идущее отъ членовъ Думы (въ числѣ не менѣе тридцати), должно — при несогласіи подлежащаго министра — быть одобрено большинствомъ двухъ третей голосовъ какъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ Думы, такъ и въ общемъ ея собраніи. *Дальнѣйшій ходъ* означаетъ, въ данномъ случаѣ, не разсмотрѣніе законопроекта на общемъ основаніи, а только рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ ли приступить къ предположенной законодательной мѣрѣ. Въ случаѣ утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса, составленіе законопроекта возлагается не на его иниціаторовъ, не на коммиссію или отдѣлъ Государственной Думы, а на подлежащаго министра, хотя бы онъ и являлся передъ тѣмъ принципіальнымъ противникомъ перемѣны. Нетрудно представить себѣ, во что обратится, при дѣйствіи подобныхъ правилъ, законодательная иниціатива Государственной Думы... Не лучше поставлено и право запроса или, говоря языкомъ проекта, право просить о сообщеніи свѣдѣній министрами и главноуправляющими. Для предъявленія такой просьбы достаточно простого большинства голосовъ въ общемъ собраніи Думы; но если министръ не найдетъ возможнымъ сообщить просимыя свѣдѣнія, то единственнымъ результатомъ отказа является представленіе о томъ на Высочайшее благовоззрѣніе. Для того, чтобы такое представленіе могло состояться, необходимо, притомъ, согласіе большинства двухъ третей голосовъ Государственной Думы.

Государственному совѣту проектъ гофмейстера Булыгина отводитъ роль верхней палаты, облеченной, притомъ—какъ мы видѣли выше,—нѣкоторыми начальственными правами по отношенію къ нижней. Къ этой роли онъ не приготовленъ ни своимъ прошедшимъ, ни настоящимъ. Состоя почти исключительно изъ должностныхъ лицъ, завершающихъ въ немъ свою служебную карьеру, онъ не имѣетъ ни той независимости, ни той энергіи, ни той разносторонней освѣдомленности, безъ которыхъ немыслимо прочное, реальное значеніе верхней палаты. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить цѣлый

рядъ послѣднихъ назначеній въ государственный совѣтъ, упадавшихъ преимущественно на сторонниковъ, активныхъ или пассивныхъ, прежняго режима. Безъ значительныхъ измѣненій въ своемъ составѣ государственный совѣтъ не могъ бы занять, съ пользой для дѣла, даже такого положенія, какое принадлежитъ учрежденіямъ этого имени въ Западной Европѣ (гдѣ они принимаютъ участіе въ предварительной разработкѣ законопроектовъ). Въ основаніи верхнихъ палатъ, если онѣ не имѣютъ чисто выборнаго характера, лежитъ обыкновенно та или другая комбинація наслѣдственности, выборнаго начала, служебнаго права [1]) и назначенія, причемъ послѣднее обусловлено, большею частью, принадлежностью назначаемаго къ одной изъ категорій, установленныхъ закономъ. Ничего подобнаго нашъ государственный совѣтъ собою не представляетъ. Между тѣмъ, движеніе законопроекта останавливается, по мысли гофмейстера Булыгина, только въ такомъ случаѣ, если противъ него выскажется большинство голосовъ и въ Государственной Думѣ, и въ государственномъ совѣтѣ. Другими словами, для того, чтобы онъ могъ стать закономъ, достаточно одобренія его государственнымъ совѣтомъ. Понятно, во что обращается народное представительство, если его несогласіе уравновѣшивается согласіемъ бюрократическаго учрежденія, всегда склоннаго къ солидарности съ администраціей... Еще болѣе ограничены права Государственной Думы въ дѣлахъ финансовыхъ: она не можетъ возбуждать вопросовъ объ увеличеніи испрашиваемыхъ вѣдомствами кредитовъ или объ исключеніи изъ смѣтъ расходовъ, внесенныхъ на основаніи дѣйствующихъ законоположеній, штатовъ и Высочайшихъ повелѣній, а равно утвержденныхъ въ установленномъ порядкѣ предѣльныхъ бюджетовъ военнаго и морского вѣдомствъ. Сверхсмѣтные кредиты могутъ быть испрашиваемы внѣ законодательнаго порядка, т.-е. совершенно помимо Думы; для министра финансовъ обязательно только доведеніе до свѣдѣнія Думы объ основаніяхъ ихъ и причинахъ, *за исключеніемъ ассигнованій, подлежащихъ тайнѣ*.

Гласность занятій Государственной Думы сведена къ минимуму. Публичность засѣданій устранена вовсе. Представители печати *могутъ быть* допускаемы предсѣдателемъ Думы, съ тѣмъ, чтобы сообщенія ихъ оглашались не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Отъ усмотрѣнія предсѣдателя зависитъ, притомъ, сдѣлать засѣданіе совершенно закрытымъ, т.-е. устранить всякое сообщеніе о немъ въ печати. Что

[1]) Подъ служебнымъ правомъ мы понимаемъ занятіе такой должности, которая сама по себѣ открываетъ доступъ въ верхнюю палату (члены палаты ex officio).

означаетъ совокупность этихъ правилъ—понятно само собою. Гласность въ политической жизни—то же самое, что воздухъ въ жизни физической; безъ нея все глохнетъ, тускнѣетъ, увядаетъ. Искусственная тишина благопріятствуетъ сдѣлкамъ съ совѣстью, гибкости убѣжденій; въ лучшемъ случаѣ она понижаетъ энергію, уменьшаетъ сумму работы, противодѣйствуетъ подъему духа. Какимъ образомъ, притомъ, избиратели могутъ судить о дѣятельности избираемыхъ, если о ней доходятъ до нихъ только скудныя, неполныя, оффиціально профильтрованныя свѣдѣнія? Чѣмъ меньше достовѣрныхъ сообщеній, тѣмъ шире просторъ для слуховъ и догадокъ, тѣмъ больше вѣроятность ошибочныхъ сужденій, тяжело отзывающихся не только на отдѣльныхъ лицахъ, но и на самомъ правительствѣ. Если даже видѣть въ Думѣ только посредствующее звено между властью и страною, то и въ такомъ случаѣ необходима широкая гласность думскихъ засѣданій, какъ ручательство въ томъ, что голосъ Думы—дѣйствительно голосъ народа.

До крайности сложна избирательная система, вводимая проектомъ. Скопированная съ порядковъ, установленныхъ для земскихъ и городскихъ выборовъ, она оставляетъ внѣ права цѣлые классы населенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ не примыкаетъ къ чему-либо существующему, могущему послужить прочной точкой опоры для вновь созидаемаго порядка. Ни изъ чего не видно, однако, чтобы она имѣла только временный характеръ; срокъ полномочій Думы назначается пятилѣтній, безъ всякой оговорки относительно первыхъ выборовъ. Когда мы предлагали воспользоваться, на первый только разъ, губернскими земскими собраніями и городскими думами, въ усиленномъ, дополненномъ составѣ, мы видѣли въ этомъ переходную мѣру, осуществимую легко и быстро, обезпечивающую, въ значительной степени, независимость и сознательность выборовъ; мы думали, что избранное такимъ образомъ представительное собраніе ограничится проведеніемъ постояннаго избирательнаго закона и нѣкоторыхъ другихъ, наиболѣе необходимыхъ реформъ—и затѣмъ уступитъ мѣсто другому, построенному на широкой основѣ всеобщаго голосованія. Со времени обнародованія Высочайшаго рескрипта, обѣщавшаго народное представительство, прошло почти полгода — и какіе полгода! Къ длинному ряду внѣшнихъ неудачъ присоединились еще двѣ, самыя тяжкія (Мукденъ, Цусима); внутренняя неурядица достигла своего апогея. Что̀ могло быть достаточнымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, то въ настоящую минуту безсильно удовлетворить и самыя скромныя требованія... Мы продолжаемъ стоять за двухстепенные выборы, но отъ нихъ слишкомъ далека многостепенность, на которой построенъ проектъ гофмейстера

Булыгина [1]). И это еще не все: каждой категоріи избирателей предоставляется избирать выборщиковъ только изъ своей среды (между тѣмъ какъ при дѣйствіи земскаго положенія 1864-го года крестьяне имѣли право выбирать гласныхъ изъ числа избирателей другихъ категорій). Ограничена и свобода выборщиковъ всѣхъ степеней: они могутъ выбирать только лицъ, вмѣстѣ съ ними состоящихъ выборщиками. Крупному землевладѣнію отведено такое привиллегированное мѣсто, котораго оно не имѣло по положенію 1864-го года, не имѣетъ даже и по дѣйствующему земскому положенію: лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, въ десять или еще болѣе разъ превышающимъ общую цензовую норму, образуютъ въ составѣ съѣзда уѣздныхъ избирателей особое присутствіе, и число выборщиковъ, избираемыхъ съѣздомъ, распредѣляется между съѣздомъ и особымъ присутствіемъ пропорціонально размѣрамъ имуществъ, принадлежащихъ прибывшимъ избирателямъ... Повѣрка правильности выборовъ возлагается на особыя уѣздныя и губернскія коммиссіи, на половину составленныя изъ назначенныхъ должностныхъ лицъ, и только въ высшей инстанціи принадлежитъ Правительствующему Сенату. Все это вмѣстѣ взятое устраняетъ возможность ожидать, что Государственная Дума, образованная согласно проекту гофмейстера Булыгина, окажется на высотѣ своего призванія и сумѣетъ преодолѣть трудности, число и важность которыхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, достигая уже теперь колоссальныхъ размѣровъ.

Пока проектъ гофмейстера Булыгина не вступилъ въ силу, еще не поздно сдѣлать попытку къ устраненію главныхъ его недостатковъ. Еще возможно, возвращаясь къ первоначальному плану, передать проектъ на разсмотрѣніе совѣщанія, въ которомъ участвовали бы, съ рѣшающимъ голосомъ, представители земствъ и городовъ; это успокоило бы общество и послужило бы гарантіей того, что представительныя учрежденія и избирательный законъ будутъ, дѣйствительно, соотвѣтствовать нуждамъ страны. „Призывать народно-общественныя силы къ законодательной работѣ",—совершенно правильно замѣчаетъ кн. С. Н. Трубецкой [2]), — „и отстранять ихъ отъ участія въ самомъ важномъ изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ—не есть ли это противорѣчіе"?.. Предположимъ, однако, что разсмотрѣнный нами проектъ будетъ вве-

---

[1]) Для крестьянъ устанавливаются четырехстепенные выборы (сельскій сходъ избираетъ членовъ волостного схода, волостной сходъ посылаетъ выборщиковъ въ уѣздное избирательное собраніе, это послѣднее посылаетъ выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе, которое, наконецъ, выбираетъ членовъ Государственной Думы), для остальныхъ избирателей (кромѣ живущихъ въ большихъ городахъ)—трехстепенные.

[2]) См. № 186 „Русскихъ Вѣдомостей".

денъ въ дѣйствіе безъ дальнѣйшей повѣрки и безъ существенныхъ измѣненій; что дѣлать тогда? Этотъ вопросъ, первостепенная важность котораго не требуетъ доказательствъ, ставится уже теперь въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Мы узнаемъ изъ „Руси" (№ 154), что онъ обсуждался, въ первыхъ числахъ іюля, въ собраніи „делегатовъ объединенныхъ профессій". Значительное большинство собранія признало невозможнымъ участіе въ Государственной Думѣ, если она будетъ образована по проекту гофмейстера Булыгина или по всякому другому, „не основанному на принципѣ равнаго и тайнаго избирательнаго права для всего взрослаго населенія безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія". Торжество этого взгляда въ широкихъ кругахъ общества мы считали бы настоящимъ несчастіемъ для Россіи. Постараемся доказать нашу мысль, насколько это возможно при настоящихъ цензурныхъ и другихъ условіяхъ.

Какъ понимать отказъ отъ участія въ Государственной Думѣ? Означаетъ ли онъ только уклоненіе отъ баллотировки въ члены думы, или, кромѣ того, воздержаніе отъ подачи голоса при выборахъ? Очевидно, и то, и другое: непослѣдовательно было бы идти на выборы, устранивъ, предварительно, возможность кандидатуры своихъ единомышленниковъ. Чтобы имѣть внушительное демонстративное значеніе, отказъ отъ участія въ выборахъ долженъ быть массовой, т.-е. обнимать собою весьма значительное число избирателей. Для этого, въ свою очередь, необходима сильная организація, многихъ могущая подчинить себѣ или увлечь за собою. Въ Италіи систематическій абсентеизмъ клерикаловъ, вызванный уничтоженіемъ свѣтской власти папы, обусловливался могущественнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ соціалъ-демократы много лѣтъ сряду исполняли партійный лозунгъ—не пользоваться избирательнымъ правомъ въ томъ крайне-несовершенномъ видѣ, въ какомъ его опредѣляютъ мѣстныя конституціи. И тамъ, и тутъ существовала дисциплина, благодаря которой могло быть достигнуто единодушіе; и тамъ, и тутъ, впрочемъ, возникли или возникаютъ сомнѣнія въ цѣлесообразности такого образа дѣйствія. Нѣмецкіе соціалъ-демократы стали являться на выборы въ ландтаги; къ аналогичной эволюціи готовятся, повидимому, и итальянскіе клерикалы. И это понятно: обструкція, во всѣхъ своихъ видахъ, слишкомъ рѣдко приводитъ къ цѣли—и рѣже всего именно тамъ, гдѣ къ ней призываются не группы депутатовъ, а массы избирателей. Какіе же шансы успѣха политика уклоненія отъ выборовъ имѣла бы въ Россіи, гдѣ партійныя организаціи находятся еще въ зародышѣ, гдѣ нѣтъ условій ни для авторитетныхъ mots d'ordre, ни для быстраго и повсемѣстнаго ихъ распространенія? Попытка осуществить такую политику привела бы,

по всей вѣроятности, только къ тому, что въ средѣ Государственной Думы побѣда легко, почти безъ бою досталась бы сторонникамъ стараго режима. Возникла бы возможность утверждать, что такой исходъ дѣла выражаетъ собою желанія страны; получилась бы организованная сила, которую можно было бы съ нѣкоторымъ — конечно, чисто формальнымъ — основаніемъ противопоставлять требованію коренной реформы. Совершенно иныхъ результатовъ можно ожидать отъ общаго активнаго участія въ выборахъ. Какъ бы неудовлетворительна ни была избирательная система, она можетъ дать немалое число людей, готовыхъ идти все дальше и дальше по дорогѣ преобразованій. Для этого нужны дружныя усилія всѣхъ противниковъ тьмы и застоя, нуженъ временный союзъ, подобный тому, благодаря которому могла состояться депутація 6-го іюня. Если на сторонѣ союза окажется большинство, онъ можетъ настоять на немедленномъ осуществленіи всѣхъ видовъ свободы, безъ которыхъ немыслима правильная политическая жизнь; онъ можетъ ярко выставить на видъ несостоятельность устоевъ, на которыхъ построено представительство, недостаточность правъ, за нимъ признанныхъ. Если сторонники прогрессивнаго движенія останутся въ безнадежномъ меньшинствѣ, тогда, но только тогда, можетъ быть поднятъ вопросъ объ отказѣ отъ дальнѣйшаго участія въ непоправимо испорченномъ дѣлѣ... Что сознаніе несовершенствъ избирательной системы совмѣстимо съ работой въ представительномъ собраніи, выбранномъ на основаніи этой системы — доказательства этому можно найти на каждой страницѣ западно-европейской исторіи: достаточно напомнить, что во французской палатѣ депутатовъ временъ Людовика-Филиппа, построенной на довольно высокомъ имущественномъ цензѣ, засѣдали и дѣйствовали такіе приверженцы всеобщей подачи голосовъ, какъ Гарнье-Пажесъ (старшій) и Ледрю-Ролленъ. Столь же несомнѣнно и то, что въ средѣ собранія, представляющаго собою лишь меньшинство страны, возможна стойкая, мужественная борьба за право (примѣръ — эпоха конфликта между Бисмаркомъ и прусской палатой депутатовъ). Нѣчто подобное мы видѣли и у насъ: какъ ни испорчены были земскія учрежденія положеніемъ 1890-го года, лучшіе земскіе люди не уклонились отъ участія въ земствѣ, благодаря чему оно оказалось способнымъ сыграть выдающуюся роль въ событіяхъ послѣдняго времени.

Что отказъ отъ участія въ выборахъ, какъ бы несовершенна ни была ихъ организація, былъ бы крупнѣйшей политической ошибкой— въ этомъ можно убѣдиться еще другимъ путемъ—знакомствомъ съ мнѣніями реакціонной печати. Несмотря на рескриптъ 18-го февраля, несмотря на рѣчь 6-го іюня, она продолжаетъ возставать даже противъ земскаго собора — этой скромнѣйшей, безобиднѣйшей формы

общенія съ землею: *современное* его введеніе было бы, по ея словамъ, „легкомысленнѣйшимъ и опаснѣйшимъ экспериментомъ“ [1]). Одна мысль о народномъ представительствѣ, какъ бы оно ни было устроено, наполняетъ ужасомъ сердца поклонниковъ безмолвія, безправія и привиллегій. И это понятно: порядокъ вещей, для нихъ выгодный и пріятный, не можетъ устоять противъ перваго напора правильной общественной организаціи. „Нужна сильная единоличная власть, а не палата представителей“,—повторяютъ, вслѣдъ за „Московскими Вѣдомостями“ и другими газетами того же оттѣнка, и такъ называемые „истинно-русскіе люди“, въ родѣ кн. Щербатова и гг. Самариныхъ. Въ болѣе безцеремонныхъ рѣчахъ „сильную единоличную власть“ замѣняетъ „диктатура“—„общая всероссійская военная диктатура“,—а въ послѣднее время пущенъ въ ходъ еще болѣе выразительный терминъ: „законный терроръ“. Это—терминъ настолько зловѣщій, что его испугались сами авторы его и поспѣшили примѣнить къ нему тотъ пріемъ, который у нѣмцевъ называется „Wegexpliciren“: въ примѣръ „законнаго террора“ они стали приводить судьбу убійцъ императора Александра II-го [2]). Для всякаго ясно, однако, что не къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ случаямъ смертной казни приложимо понятіе о „законномъ террорѣ“. Смертные приговоры исполняются, отъ времени до времени, въ бо̀льшей части западно-европейскихъ государствъ,—но никто не говоритъ по этому поводу о *террорѣ*; смертные приговоры постановлялись и исполнялись, въ послѣднее время, и у насъ,—но „Московскимъ Вѣдомостямъ“ этого мало, и онѣ проповѣдуютъ „законный терроръ“ какъ нѣчто иное и, конечно, гораздо бо̀льшее. Что̀ такое терроръ вообще? Какъ видно и изъ самаго смысла слова, и изъ его исторіи, это—попытка возбудить ужасъ, возбудить его цѣлымъ рядомъ чрезвычайныхъ мѣръ, никого и ничего не щадящихъ. Терроръ исключаетъ возможность подробнаго изслѣдованія вины, исключаетъ даже необходимость вины, какъ условія для кары; для него достаточно *подозрѣнія*—подозрѣнія даже не въ образѣ дѣйствій, а въ образѣ мыслей. Къ этому террору и взываетъ, на него и разсчитываетъ газета, постоянно, систематически смѣшивающая понятія объ оппозиціи и революціи, о разномысліи и насиліи. Недаромъ же и въ той статьѣ, гдѣ прозвучали мрачныя слова: *законный терроръ*, идетъ рѣчь о „совмѣстной работѣ интеллигенціи съ революціонерами“, объ услугахъ, оказываемыхъ „легальной прессой“ „политическимъ боевымъ организаціямъ“... Къ чему привело бы даже неполное, даже кратковременное торжество необузданныхъ, дикихъ

[1]) См. № 188 „Московскихъ Вѣдомостей“.

[2]) См. №№ 181 и 186 „Московскихъ Вѣдомостей“.

пожеланій—это не требуетъ поясненій. За всякимъ терроромъ, законнымъ или незаконнымъ, неминуемо слѣдуетъ реакція, уничтожающая достигнутые имъ—больше повидимому, чѣмъ на самомъ дѣлѣ—результаты и подготовляющая почву для новыхъ усложненій... Нужно отдать справедливость редактору „Гражданина“: отдѣляясь—какъ и по вопросу о войнѣ или мирѣ—отъ своихъ обычныхъ союзниковъ, онъ не требуетъ ни террора, ни диктатуры. Послѣднюю, по его мнѣнію, съ успѣхомъ можетъ замѣнить кабинетъ министровъ (съ первымъ министромъ во главѣ), отвѣтственный передъ Государемъ, Думой, государственнымъ совѣтомъ и сенатомъ. Что̀ это—признакъ времени или запоздалое раскаяніе?

Далекимъ, конечно, отъ „законнаго террора“, но напоминающимъ его нѣкоторыми своими сторонами, является военное положеніе, провозглашенное недавно въ Лодзи, Одессѣ, Севастополѣ, Николаевѣ, Тифлисѣ, Баку и эриванской губерніи. Это, если мы не ошибаемся, первый случай примѣненія закона 1892-го года, имѣвшаго въ виду, по всей вѣроятности, исключительно или преимущественно обстоятельства военнаго времени. Аналогію между послѣдними и внутренней смутой можно находить, съ большей или меньшей натяжкой, лишь тогда, когда смута достигаетъ или только-что достигала своего апогея, когда для усмиренія ея прибѣгаютъ или только-что прибѣгали къ военной силѣ. Къ этому заключенію приводитъ простой перечень чрезвычайныхъ полномочій, вытекающихъ изъ военнаго положенія [1]). Они обнимаютъ собою, между прочимъ, право закрывать очередныя собранія сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій, закрывать учебныя заведенія, пріостанавливать періодическія изданія, высылать въ другія губерніи, налагать секвестръ на недвижимое и арестъ на движимое имущество, удалять отъ должности служащихъ (до четвертаго класса включительно), передавать цѣлыя категоріи уголовныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе военнаго суда. „Стоитъ только представить себѣ“,—говоритъ „Право“,—„какое глубокое потрясеніе установленнаго общимъ закономъ порядка вносятъ правила о военномъ положеніи, чтобы убѣдиться въ томъ, что они легко могутъ обратиться въ весьма могущественное средство усиленія недовольства и изъ способа предупрежденія и прекращенія волненій и безпорядковъ стать новымъ поводомъ для нихъ“. Совершенно раздѣляя это мнѣніе, мы надѣемся, что военному положенію суждено просуществовать недолго, очень недолго. Весьма характерно, что и въ Лодзи, и въ Одессѣ ходатайство объ его отмѣнѣ

---

[1]) См. интересную параллель между усиленной охраной, чрезвычайной охраной и военнымъ положеніемъ въ № 26 „Права“.

было заявлено депутаціями гражданъ почти непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ уличныхъ безпорядковъ.

Военное положеніе равносильно пріостановкѣ дѣйствія законовъ; между тѣмъ, со времени изданія указа 12-го декабря 1904-го года на очереди стоитъ охрана полной силы закона. Къ этой цѣли направлено, между прочимъ, Высочайше утвержденное 6-го іюня мнѣніе государственнаго совѣта „объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ". Нѣкоторыя статьи этого закона изложены такъ, что могутъ остаться безъ измѣненія и при новомъ государственномъ строѣ. Сюда относится въ особенности статья первая, въ силу которой „изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое Высочайшею властью изъясненіе истиннаго разума законовъ и означенныхъ правилъ происходятъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными государственными законами". Съ введеніемъ народнаго представительства измѣнятся основные законы, измѣнится установляемый ими законодательный порядокъ, но неизмѣннымъ можетъ и долженъ остаться принципъ, выраженный въ вышеприведенныхъ словахъ—принципъ, несовмѣстный съ замѣной или отмѣной закона путемъ изданія „временныхъ правилъ", или именныхъ Высочайшихъ указовъ, или разъясненій, на самомъ дѣлѣ равносильныхъ новому закону. Въ этомъ отношеніи законъ 6-го іюня значительно превосходитъ положеніе комитета министровъ, послужившее для него исходной точкой [1]). Комитетъ министровъ признавалъ силу закона за Высочайшими указами, собственноручно подписанными Государемъ; въ мнѣніи государственнаго совѣта о нихъ не упоминается вовсе. Комитетъ министровъ оставлялъ безъ измѣненія ст. 55-ю основныхъ законовъ, по которой „дополненія и изъясненія закона, установляющія токмо образъ его исполненія или опредѣляющія истинный его разумъ, могутъ быть излагаемы по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, въ видѣ указовъ, объявляемыхъ мѣстами и лицами, отъ верховной власти къ тому уполномоченными". Мнѣніе государственнаго совѣта создаетъ новую редакцію ст. 55-ой, гласящую такъ: „образъ исполненія законовъ можетъ быть устанавливаемъ Высочайшими повелѣніями, издаваемыми въ порядкѣ верховнаго управленія". Нельзя, слѣдовательно, дополнять законъ Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся внѣ за-

---

[1]) Подробный разборъ этого положенія см. въ общественной хроникѣ февральской книжки нашего журнала.

конодательнаго порядка, нельзя и опредѣлять этимъ путемъ истинный разумъ закона; самый образъ исполненія закона не можетъ быть установляемъ *словеснымъ* Высочайшимъ повелѣніемъ. Сенату новый законъ вмѣняетъ въ обязанность не разрѣшать обнародованія законодательныхъ постановленій, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ правиламъ основныхъ государственныхъ законовъ... Есть, однако, въ законѣ 6-го іюня двѣ статьи (5-ая и 6-ая), въ значительной степени ослабляющія его дѣйствіе: онѣ сохраняютъ за министрами право принимать, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, чрезвычайныя мѣры, хотя бы въ нихъ заключались постановленія, не предусмотрѣнныя закономъ. Коррективъ этого экстраординарнаго права—обязанность министра представить, до истеченія полугода, объ узаконеніи чрезвычайной мѣры, хотя бы только на время или только для опредѣленной мѣстности—до крайности недостаточенъ; предоставленіе министрамъ, de facto, законодательной власти ничѣмъ и ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ... Спѣшимъ прибавить, что и другія постановленія закона 6-го іюня, вполнѣ удовлетворительныя сами по себѣ, получатъ реальную силу только тогда, когда совершится коренная перемѣна нашего государственнаго строя. Сенату законъ 6-го іюня предоставляетъ роль аналогичную съ тою, которую во Франціи, при старомъ порядкѣ, играли парламенты; но вѣдь отвергнутые парламентомъ эдикты все-таки, сплошь и рядомъ, заносились въ его регистры. Право отказа въ обнародованіи закона, принадлежащее хотя бы и высоко поставленному присутственному мѣсту, достаточной гарантіи законности ни въ какомъ случаѣ не представляетъ.

Мѣсяцъ тому назадъ мы высказали убѣжденіе, что положеніемъ комитета министровъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ до сихъ поръ надъ губерніями царства польскаго, никто удовлетворенъ не будетъ. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Въ газетѣ „Русь" (№ 156) оглашена замѣчательная записка, поданная въ совѣтъ министровъ многочисленными [1]) представителями польской націоналъ-демократической партіи (скорѣе умѣренной, чѣмъ крайней). „Постановленія комитета министровъ"—читаемъ мы въ этой запискѣ,—„вводя лишь кажущіяся измѣненія или льготы, не измѣняютъ существенно систему управленія краемъ, но напротивъ, систему эту укрѣпляютъ и узаконяютъ... Постановленія комитета произвели впечатлѣніе пренебреженія къ народу и были поняты, какъ объявленіе краю, что

---

[1]) Подписей на запискѣ болѣе 350, но многія изъ нихъ даны отъ имени цѣлыхъ группъ.

онъ не долженъ ожидать отъ бюрократіи какого бы то ни было измѣненія условій своего быта, что онъ долженъ покинуть всякую надежду на возможность нормальныхъ отношеній путемъ возстановленія слѣдуемыхъ ему по справедливости національныхъ и гражданскихъ правъ". Указавъ на солидарность образованныхъ слоевъ польскаго общества съ крестьянами, на невозможность, при настоящемъ положеніи вещей, примирительнаго вліянія на рабочихъ, авторы записки продолжаютъ: „мы самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ противъ системы, стремящейся къ обрусѣнію царства польскаго... Мы еще разъ положительно заявляемъ, что для установленія нормальныхъ отношеній поляковъ къ Россіи крайне необходимо предоставить нашему краю законодательную и административную автономію; признать польскій языкъ оффиціальнымъ во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго управленія и въ судѣ, а равно языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края; предоставить мѣстному элементу управленіе царствомъ польскимъ и обезпечить за населеніемъ гражданскую свободу. Не намъ рѣшать вопросъ объ интересахъ русскаго государства и русскаго народа. Но мы не можемъ повѣрить, чтобы эти интересы требовали сохраненія такого режима, который не достигъ ни одной изъ своихъ цѣлей и который, напротивъ, вызвалъ столь опасныя и плачевныя не только для насъ послѣдствія. Исполняя свой долгъ по отношенію къ нашей совѣсти и къ нашему народу, мы констатируемъ, что пренебреженіе нуждами царства польскаго и отказъ намъ въ правахъ и учрежденіяхъ, которыя составляютъ необходимость для нашего національнаго и культурнаго развитія, неминуемо должны вызвать усиленіе борьбы поляковъ съ дѣйствующимъ режимомъ и увеличеніе силы анархіи. Мы за все это не беремъ на себя отвѣтственности". Величайшей ошибкой было бы отрицать или умалять серьезность вопросовъ, возбуждаемыхъ этимъ заявленіемъ.

ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА.

Вопросы о способѣ и характерѣ управленія, о системѣ завѣдыванія дѣлами, предоставленными вѣдѣнію мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, всегда имѣютъ значеніе и интересъ; въ нѣкоторые же моменты общественной жизни они привлекаютъ особое вниманіе и представляются, безспорно, весьма важными. Одинъ изъ такихъ моментовъ переживаемъ мы въ настоящее время. Съ различныхъ сторонъ и по разнымъ побужденіямъ раздаются замѣчанія, то благожелательныя, то противныя, относительно какъ общаго порядка, такъ и отдѣльныхъ частныхъ недостатковъ въ постановкѣ земской дѣятельности. Мы не намѣрены касаться этого серьезнаго вопроса во всей его широтѣ и предполагаемъ ограничиться частью его, именно той, которая относится къ земской медицинской дѣятельности. Поступить такъ понуждаетъ насъ какъ то обстоятельство, что медицинская дѣятельность получила въ земствѣ особенно широкое развитіе, такъ и то, что она, вѣроятно въ силу этого, вызываетъ наиболѣе частыя и наиболѣе суровыя замѣчанія.

Послѣ введенія земскихъ учрежденій попеченіе о народномъ здоровьѣ было вполнѣ предоставлено на ихъ усмотрѣніе. Положеніе 1864 г. смотрѣло на нихъ, какъ на самоуправляющіеся общественные союзы, которые въ областяхъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію, могли устраиваться самостоятельно, добывать средства путемъ самообложенія въ предѣлахъ, очерченныхъ закономъ, организовывать и вести дѣло согласно со своими взглядами, запросами населенія и условіями мѣста и времени. Въ дѣлѣ устройства медицинской помощи имъ ничего не вмѣнялось въ прямую обязанность: оно являлось лишь ихъ правомъ, но не повинностью. Несмотря на это, подъ вліяніемъ запросовъ населенія и требованій жизни земства съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности занялись обезпеченіемъ населенія медицинской помощью. Какъ поставить дѣло, въ какомъ направленіи вести его—эти вопросы сразу стали передъ земскими представителями, не имѣвшими не только готовыхъ образцовъ для своей дѣятельности, но и достаточнаго матеріала, чтобы разобраться въ нарождавшихся совершенно новыхъ задачахъ. Въ земскихъ собраніяхъ, на врачебныхъ съѣздахъ того времени мы часто встрѣчаемся съ опредѣленными и настойчивыми указаніями на необходимость санитарнаго направленія медицины преимущественно передъ лечебными. Изъ иныхъ преній и заявленій даже можно заключить, что многіе тогдашніе земскіе дѣя-

тели склонны были считать, что въ задачи общественныхъ учрежденій должны входить лишь оздоровительныя мѣры общаго значенія и что удовлетвореніе запросовъ на леченіе, какъ нуждъ индивидуальнаго характера, можетъ быть предоставлено частнымъ усиліямъ. Несмотря на такого рода взгляды и стремленія, развитіе земской медицины въ дѣйствительности пошло въ иномъ направленіи: санитарныя мѣропріятія и до сего времени находятся въ зачаточномъ состояніи, лечебныя же учрежденія разрослись въ сильной степени и достигли значительнаго совершенства.

Теперь иной разъ предъявляютъ упреки по адресу врачей за такое одностороннее развитіе земской медицины. Въ этомъ упрекѣ, конечно, не совсѣмъ понятно, почему врачи были заинтересованы въ развитіи ея въ лечебномъ, а не санитарномъ направленіи, такъ какъ и въ послѣднемъ случаѣ дѣло безъ нихъ все равно не обошлось бы. Но сдѣланный врачамъ упрекъ не имѣетъ подъ собой и фактическаго основанія: если мы обратимся къ врачебнымъ съѣздамъ, то врядъ ли найдемъ много такихъ, на которыхъ не затрогивались бы вопросы о санитарныхъ мѣропріятіяхъ и организаціи; если же мы отъ съѣздовъ перейдемъ къ земскимъ собраніямъ, то увидимъ, что ходатайства врачей по этой части остаются безъ разсмотрѣнія, или отклоняются, или, въ лучшемъ случаѣ, но одобряются лишь въ принципѣ,—до осуществленія ихъ дѣло не доходитъ. Разыскивать виновныхъ въ данномъ случаѣ было бы, впрочемъ, не цѣлесообразной работой: очевидно, причины несоотвѣтствія общихъ стремленій съ дѣйствительнымъ направленіемъ въ развитіи дѣла должны быть серьезными и корениться довольно глубоко въ общихъ условіяхъ и не могутъ быть приписаны личнымъ хотѣніямъ той или иной группы земско-медицинскихъ дѣятелей.

Причины перевѣса терапевтическаго направленія медицины надъ санитарнымъ обусловливаются сложностью и крайнимъ разнообразіемъ санитарныхъ факторовъ, кроющихся глубоко въ сильно запутанныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Уяснить степень вліянія ихъ очень нелегко, тѣмъ болѣе, что матеріалъ, необходимый для сужденія, большею частью совершенно отсутствуетъ и приходится заниматься организаціей его собиранія и обработкой. Относительно же собственно санитарныхъ мѣропріятій оказалось, что часть ихъ сталкивается съ явленіями соціальнаго культурно-экономическаго характера или требуетъ большихъ техническихъ работъ, другая же мелочная, относящаяся преимущественно къ функціямъ санитарной полиціи и домашняго обихода, нуждается для успѣшнаго примѣненія въ поддержкѣ самого населенія, въ пониманіи ихъ и сочувствіи имъ съ его стороны;—иначе, при несоотвѣтствіи проводимыхъ стремленій и мѣръ сознанію населенія

нельзя ожидать сколько-нибудь значительнаго успѣха. Все это и создало ту стѣну, о которую разбивались санитарныя стремленія врачей и земцевъ: санитарная сторона жизни не могла развиваться сколько-нибудь значительно, разъ другія стороны той же жизни, являющіяся между прочимъ санитарными факторами, стояли почти безъ движенія. Этотъ застой въ развитіи общества и есть главная причина застоя санитаріи.

Какъ бы то ни было, развитіе земской медицины пошло въ направленіи, такъ сказать, наименьшаго сопротивленія: лечебная сторона дѣла проще, понятнѣй, результаты здѣсь наглядны и доступны не только отвлеченному мышленію, но и непосредственному впечатлѣнію. Санитарные разговоры оставались разговорами, теряя интересъ новизны, больницы же, врачебные участки все умножались, количество медицинскаго персонала, медицинскій бюджетъ все разрастались и разрастались.

Въ началѣ жизни земскихъ учрежденій, когда на весь уѣздъ приходилось по одному, много по два врача съ нѣсколькими фельдшерами, и по одной расположенной въ городѣ больницѣ, перешедшей отъ приказа общественнаго призрѣнія, съ ея скуднымъ бюджетомъ и примитивнымъ устройствомъ, — хозяйственное завѣдываніе и управленіе медицинской частью не представляло для управы никакого затрудненія и могло вестись непосредственно ея собственными руками, подъ личнымъ наблюденіемъ. Тогда и вопросъ о системѣ управленія и веденія хозяйства не имѣлъ значенія, да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могъ бы быть поставленъ, выдвинулся не сразу, такъ какъ своихъ взглядовъ новорожденное земство еще не имѣло, потребностей не опредѣлило, а практика существовавшихъ въ то время больницъ представляла единственный образецъ завѣдыванія, основанный на приказной системѣ: традиціонный смотритель, распоряжавшійся всѣмъ хозяйствомъ на основаніи мелочныхъ расписаній, въ которыя насильственно вгонялась жизнь съ ея не всегда показными требованіями, перешелъ къ земству въ наслѣдство отъ приказа общественнаго призрѣнія.

Но съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ у земства своего опыта и съ возникновеніемъ больничекъ по селеніямъ, непригодность такой системы управленія обнаруживалась все ярче и ярче. Земство, по сущности своей чуждое всякому шаблону и способное прислушиваться къ требованіямъ живой дѣйствительности, не могло вскорѣ же не подмѣтить нецѣлесообразности порядка, при которомъ болѣе или менѣе сложная больничная жизнь во всѣхъ ея мелочныхъ проявленіяхъ устанавливается за глаза, изъ центра, безъ участія лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этой жизни; оно не могло признать правильнымъ

положеніе вещей, при которомъ блюстителемъ больничнаго режима и разныхъ предписаній является смотритель, какъ главный приказчикъ управы, а врачъ, отвѣтственный за успѣшность леченія, являющійся въ глазахъ больныхъ и всего населенія главнымъ виновникомъ всѣхъ больничныхъ непорядковъ, оказывается безъ вліянія на обстановку, въ которой призванъ работать, и вынужденъ, имѣя дѣло съ назойливыми, иногда неотвратимыми запросами живой дѣйствительности и опредѣленными показаніями болѣзни, сообразоваться не съ ними, а съ разными „кисельными“ порціями, положенными по расписанію, и прочими шаблонами. Не могло земство не встрѣтиться на этой почвѣ и съ цѣлымъ рядомъ осложненій; не могло оно, наконецъ, признать эту систему пригодной для маленькихъ сельскихъ лечебницъ; чуткое къ разнаго рода непроизводительнымъ тратамъ и чуждое синекуръ, оно плохо мирилось съ должностью смотрителя въ нихъ и стало устраивать свои больницы безъ нея, поручая все хозяйственное и административное завѣдываніе врачу.

Проведеніе всѣхъ распоряженій по больничному хозяйству черезъ управу, испрашиваніе ея разрѣшенія на каждую мелочь, выходящую изъ штатныхъ расписаній, разсчетливымъ земствомъ также не могло быть одобрено: помимо огромнаго, иногда прямо невозможнаго промедленія и бумажной волокиты, помимо тормаза для текущихъ потребностей, это представляется нерѣдко прямо убыточнымъ: по мѣстнымъ условіямъ многое часто можно пріобрѣтать съ значительной выгодой, на мѣстѣ или поблизости, а не въ уѣздномъ городѣ, и потому сосредоточивать все веденіе хозяйства непремѣнно въ управѣ оказывается явно непрактичнымъ.

Такимъ образомъ, практика дѣла, повседневныя требованія обнаруживали несостоятельность приказной системы управленія. Недостаточность ея сказалась и въ другомъ отношеніи. Земство на первыхъ же порахъ своей дѣятельности столкнулось съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ организаціоннаго характера: гдѣ, какъ и какія больницы надо открывать; нужны ли онѣ для народа; возможно ли лечить внѣ больницъ; какая система подачи медицинской помощи цѣлесообразнѣе —стаціонарная или разъѣздная; каково значеніе фельдшеризма; какъ удешевить выписку лекарствъ и т. д., и т. д., — все это требовало разрѣшенія. Дѣйствительность ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ не давала готовыхъ отвѣтовъ на эти вопросы; не указывала ничего подходящаго ни университетская наука, ни западно-европейскій опытъ. Лишенныя готовыхъ образцовъ и опредѣленныхъ указаній, земства вынуждены были искать разрѣшенія своихъ вопросовъ собственными силами. Но для этого необходимы были спеціальныя свѣдѣнія, знаніе техники дѣла, для этого нужны были опыты и внимательныя наблю-

денія за нуждами населенія и его отношеніемъ къ новымъ учрежденіямъ. Тутъ могли помочь земцамъ лишь врачи, какъ спеціалисты и непосредственные наблюдатели народной жизни, какъ исполнители земско-медицинскихъ начинаній. Сама жизнь, необходимость удовлетворенія нарождающихся требованій привела земцевъ къ сближенію съ врачами, заставила ихъ взглянуть на послѣднихъ не какъ на приказчиковъ по медицинской части, а какъ на сотрудниковъ, участвующихъ въ разрѣшеніи нелегкихъ вопросовъ по постановкѣ новаго дѣла. Такимъ образомъ, силою вещей земство приведено было отъ системы приказа, которой не могло остаться мѣста тамъ, гдѣ хотя и было кому приказывать, но неизвѣстно было, что приказывать,—къ системѣ сотрудничества съ врачами, къ необходимости выясненія всѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, сомнѣній, недоразумѣній, къ необходимости объединенія отдѣльныхъ частныхъ мнѣній и установленія взаимнаго контроля съ помощью различныхъ совѣщаній при управѣ.

При приказной системѣ всезнающій, вседержащій центръ, хотя бы то была и выборная управа, не оставляетъ мѣста для критики, душитъ всякую иниціативу со стороны своихъ подчиненныхъ, заглушаетъ ихъ житейскія наблюденія. При системѣ сотрудничества земцевъ съ врачами силы послѣднихъ, ихъ жизненный опытъ, умъ и знанія утилизируются на пользу дѣла въ сильной степени, возможность критики лучше уясняетъ дѣло, предохраняетъ отъ ошибокъ или своевременно исправляетъ ихъ; свобода иниціативы воодушевляетъ сотрудниковъ, способствуетъ развитію дѣла.

Очевидно, системы эти рѣзко различаются другъ отъ друга, какъ основанныя на совершенно иныхъ, часто діаметрально противоположныхъ началахъ. Іерархическое подчиненіе, монополизація права иниціативы и критическаго анализа исключительно за командующимъ центромъ, несостоятельное положеніе подчиненныхъ, обусловливающее необходимость регламентаціи дѣла бумажными предписаніями и рядомъ прочно установленныхъ, неподатливыхъ шаблоновъ, и приводящее къ отчужденію дѣйствительности и живыхъ потребностей отъ „устроителей“ жизни, все это — conditio sine qua non приказной системы, представляется своего рода китами, на которыхъ зиждется бюрократическое міросозерцаніе. Новая же система сотрудничества со служащими не только не руководствуется этими началами, но по самой сущности своей совершенно отвергаетъ ихъ, какъ смертоносныя для себя.

Вотъ эти-то двѣ противоположныя системы завѣдыванія земско-медицинскимъ дѣломъ, по мѣрѣ его развитія и усложненія, и выступали передъ земствомъ все рѣзче и опредѣленнѣе: — одна система, сложившаяся въ иныхъ условіяхъ и не приноровленная къ новымъ

требованіямъ, но старая, привычная, и со всѣхъ сторонъ представляющая готовые образцы и примѣры; и другая—новая, не имѣющая за собой тысячелѣтней давности и всеобщаго распространенія, не вполнѣ опредѣлившаяся въ своихъ частностяхъ, но болѣе эластичная и лучше отвѣчающая условіямъ времени.

Земство, какъ учрежденіе, имѣющее дѣло съ запросами живыхъ людей, отвѣтственное передъ населеніемъ не только на бумагѣ, естественно не могло удовлетвориться устарѣвшими, не отвѣчающими потребности, пріемами управленія и все болѣе и болѣе склонялось къ новой системѣ, дѣлая это даже не всегда охотно, иногда скрѣпя сердце, понуждаемое къ тому силою вещей и интересами дѣла. Естественно также и то, что оно не могло сразу и вполнѣ разстаться съ приказной системой, сдѣлавшейся какъ бы нашею прирожденною привычкой, укореняемой всѣмъ укладомъ жизни. Поэтому въ практикѣ земствъ ни та, ни другая система не господствуютъ исключительно, не встрѣчаются въ своемъ чистомъ видѣ. Большею частью мы находимъ смѣсь тѣхъ и другихъ началъ въ различномъ сочетаніи, иногда видимъ сознательную борьбу между ними, иногда безсознательное столкновеніе. Особой выдержки и послѣдовательности въ этомъ отношеніи отъ земства трудно и ожидать, такъ какъ политика ихъ является не результатомъ теоретическихъ умозаключеній, а порожденіемъ пестрой, повседневной жизни. Но несмотря на такую спутанность руководящихъ принциповъ управленія въ средѣ земскихъ учрежденій, группировку ихъ въ указанныя двѣ системы и борьбу между ними нельзя не подмѣтить.

По мѣрѣ усложненія земской жизни и бо́льшаго запроса на новую систему, по мѣрѣ развитія и болѣе рѣзкаго опредѣленія послѣдней, она стала привлекать къ себѣ большое вниманіе и въ отношеніи теоретической оцѣнки ея пригодности. Что поклонники бюрократическаго строя не могли ее одобрить и ополчились на нее, это понятно само собою: тутъ исходныя точки зрѣнія, тутъ критеріи совершенно разные. Но и искренніе приверженцы земскихъ началъ во имя этихъ началъ и якобы въ защиту отъ бюрократическихъ тенденцій выдвигаютъ порою противъ новой системы рядъ возраженій.

Такое отношеніе, повидимому, прежде всего обусловливается тѣмъ, что стряхнуть съ себя ветхаго человѣка, освободиться отъ привычекъ, въѣвшихся въ плоть и въ кровь, даже тогда, когда привычки эти мѣшаютъ, очень нелегко. Затѣмъ это можетъ быть своего рода атавизмомъ, и иной разъ сквозь новые пріемы могутъ вдругъ прорываться былыя, но уже оставленныя привычки. Наконецъ, на такое отношеніе, безъ сомнѣнія, вліяетъ и недостаточная осмотрительность въ обобщеніяхъ и поверхностный или не вполнѣ точный анализъ

обсуждаемыхъ явленій. Разбирая рѣчи общественныхъ дѣятелей, ополчавшихся противъ новой системы, прослѣживая ихъ черезъ всѣ высказанные аргументы до исходныхъ точекъ, нерѣдко приходится съ удивленіемъ заключать, что атака противъ призрака бюрократизма ведется съ позицій самаго чистаго, настоящаго бюрократизма, иногда съ самыхъ твердынь его. Останавливаться на всѣхъ дѣлаемыхъ возраженіяхъ въ этомъ отношеніи—не входитъ въ мой планъ [1]). Укажу лишь два-три.

Возражаютъ противъ законности сотрудничества врачей въ устроительствѣ земской медицины, противъ правильности ихъ активнаго участія въ управленіи ею: это должно быть безраздѣльной функціей избранниковъ плательщиковъ налоговъ, имѣющихъ право голоса, и потому привлеченіе къ этого рода дѣятельности врачей, не привязанныхъ къ мѣстности, лично не заинтересованныхъ въ земскихъ финансахъ, является со стороны земскихъ дѣятелей до нѣкоторой степени самоотреченіемъ, умаленіемъ своихъ безспорныхъ правъ; такой порядокъ неправиленъ по существу и не находитъ себѣ обоснованія въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ.

Заявляющихъ это слѣдуетъ, однако, спросить, о чемъ они говорятъ? Вѣдь рѣчь въ данномъ случаѣ можетъ идти о сотрудничествѣ врачей исключительно въ работахъ исполнительнаго характера и въ разработкѣ вопросовъ въ ихъ подготовительной стадіи; законодательныхъ же функцій земскихъ представителей это сотрудничество не касается нигдѣ. Направленіе всей медицинской дѣятельности, разрѣшеніе всѣхъ существенныхъ вопросовъ ея, высшій контроль надъ нею, опредѣленіе бюджета, все это—никѣмъ не оспариваемое, безраздѣльное право земскихъ собраній.

Такимъ образомъ, смыслъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ сотрудничества врачей, долженъ быть ограниченъ, и сами возраженія могутъ быть направлены въ болѣе узкую и скромную область исполнительныхъ и подготовительныхъ мѣропріятій. Здѣсь возраженія находятъ себѣ фактическое основаніе, не являются бомбардировкой пустого мѣста, но насколько они цѣлесообразны, насколько отвѣчаютъ интересамъ дѣла—это мы отчасти уже видѣли. Да и справедливы ли они?

Относительно законности разсматриваемаго порядка, т.-е. веденія дѣла черезъ совѣщательные органы, при активномъ участіи врачей и допущеніи извѣстной самостоятельности послѣднихъ въ сферѣ исполнительной, не только въ спеціальной области, но и въ отноше-

---

[1]) Отчасти это сдѣлано мною въ иномъ мѣстѣ (см. ст. „Что такое земскій бюрократизмъ“ въ журн. Пирогов. общ. за 1904 г., № 1—2).

ніи хозяйственнаго и административнаго завѣдыванія,—нѣтъ основаній для возраженій. Пока земскія учрежденія представляютъ собою хотя бы нѣкоторый обликъ самоуправляющихся союзовъ, пока имъ самимъ закономъ отдаются извѣстныя области не только въ ближайшее завѣдываніе, но даже на полное ихъ усмотрѣніе, то, конечно, невозможно отрицать за ними права выбирать систему веденія дѣла по своему усмотрѣнію. Прибѣгнутъ ли они къ подрядному или хозяйственному способу постройки и содержанія больницъ, пригласятъ ли для выполненія своихъ порученій приказчиковъ, создадутъ ли іерархическій строй съ инспекторами или остановятся на коллегіальномъ веденіи дѣла, на сотрудничествѣ съ исполнителями его,—все это вполнѣ дѣло усмотрѣнія самихъ земскихъ учрежденій, вопросы ихъ внутренняго распорядка. Здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о цѣлесообразности той или другой системы, но не о ея законченности. Убѣжденные бюрократы, конечно, не могутъ не только одобрить такого порядка (такого безпорядка, скажутъ они), но, пожалуй, даже и понять его: все, что̀ не предусмотрѣно опредѣленнымъ параграфомъ того или другого расписанія, просто не находитъ себѣ мѣста въ ихъ міросозерцаніи, и всякій самостоятельный поступокъ, хотя бы не выходящій изъ предѣловъ законоположеній, не нарушающій ничьихъ интересовъ и самъ по себѣ цѣлесообразный, не укладывается на Прокрустово ложе ихъ зашнурованныхъ понятій и, не находя тамъ мѣста, долженъ быть отсѣченъ, какъ *незаконный*. Но по закону-то извѣстная самостоятельность земскихъ учрежденій несомнѣнно еще существуетъ, устраиваться въ предѣлахъ ихъ вѣдѣнія по-своему—ихъ законное право, и потому, пока что, является незаконнымъ—возражать противъ этого права.—Возраженія бюрократовъ въ данномъ случаѣ все-таки понятны: для нихъ это въ порядкѣ вещей. Несравненно труднѣе понять однородныя возраженія со стороны друзей общественной самодѣятельности. Они, не теряя почвы подъ ногами, могли бы, если находятъ это нужнымъ, доказывать непригодность неодобряемаго ими порядка, указывать его противорѣчія или несоотвѣтствіе основнымъ положеніямъ самоуправленія, если они таковыя усматриваютъ, но взывать къ закону по поводу того, что̀ самимъ закономъ предоставлено на ихъ усмотрѣніе, это значитъ—самихъ себя вязать, вступать въ область самоограниченій.

Говорятъ иной разъ, что система сотрудничества съ ея совѣщаніями связываетъ руки земцамъ, подавляетъ ихъ иниціативу, отталкиваетъ лучшихъ людей отъ земскаго дѣла.

Здѣсь совершенно непонятно, какимъ образомъ при болѣе оживленной дѣятельности можетъ вянуть иниціатива отдѣльныхъ участниковъ ея: прибавленіе горючаго матеріала въ свѣтильникъ, конечно,

не загаситъ его пламени. Абсолютное значенiе отдѣльныхъ дѣятелей вслѣдствiе этого, разумѣется, не убавится и самое большее уменьшится нѣсколько ихъ относительное влiянiе: раньше они въ дѣлѣ иницiативы царили безраздѣльно и исключительно одни, при новомъ же порядкѣ наряду съ ними появляются еще другiе инициаторы; но это можетъ быть неудобно лишь съ точки зрѣнiя тщеславiя, а не въ интересахъ дѣла.

Что же касается до *лучшихъ* людей, то этотъ эпитетъ до такой степени субъективенъ, что едва ли можетъ имѣть какую бы то ни было цѣну: лица, исповѣдующiя бюрократическiе принципы, не знающiя ничего святѣе iерархическаго подчиненiя, разумѣется, признаютъ за лучшихъ людей тѣхъ, которые уходятъ отъ порядка, не благопрiятствующаго исповѣданiю ихъ религiи; а лица иного толка такихъ бѣглецовъ, пожалуй, и не признаютъ за лучшихъ людей.

Нѣкоторые сѣтуютъ на то, что врачи забрали такъ много власти, что сами земцы не знаютъ, что имъ дѣлать, какъ избавиться отъ ихъ влiянiя. Сѣтованiя эти явно преувеличены. Въ самомъ дѣлѣ, получается вѣдь нѣчто невѣроятное: безправная кучка врачей, третируемыхъ какъ элементъ посторонний, мало свѣдущiй въ мѣстныхъ интересахъ, чуждый населенiю, подчиняетъ себѣ многочисленныхъ представителей общества, въ рукахъ которыхъ она всецѣло находится и которые обладаютъ извѣстными правами и самостоятельностью,— подчиняетъ ихъ вопреки желанiю, противъ ихъ воли. Повѣрить этимъ сѣтованiямъ значило бы приписать врачамъ какую-то сказочную силу;—это значило бы, сверхъ того, быть ужъ слишкомъ низкаго мнѣнiя о представителяхъ населенiя, съ черезчуръ большимъ пренебреженiемъ отнестись къ ихъ качествамъ. Ни того, ни другого сдѣлать нельзя, съ какимъ бы почтенiемъ ни относились мы къ талантамъ врачей и какими бы пессимистами ни были въ отношенiи способностей нашихъ общественныхъ дѣятелей. Очевидно, дѣло проще: врачи въ нашемъ скудномъ интеллигентными силами обществѣ представляютъ замѣтную величину, ихъ мнѣнiямъ затеряться негдѣ и не въ чемъ, и они принимаются не въ силу навязыванiя, а въ силу ихъ необходимости, въ силу нужды въ нихъ. Сѣтовать на это могутъ лишь приверженцы бюрократическаго строя, изъ общественныхъ же дѣятелей развѣ лица слишкомъ слабонервныя, не выносящiя возраженiй и совѣтовъ.

Въ виду того, что въ различныхъ мѣстностяхъ Россiи обѣ системы завѣдыванiя земскимъ дѣломъ примѣняются не въ одинаковой мѣрѣ, было бы весьма важно для выясненiя интересующаго насъ вопроса произвести сравненiе положенiя дѣла въ губернiяхъ, являющихся представительницами различныхъ системъ. Конечно, для нашей цѣли

пришлось бы отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній и расцѣнивать достигнутые земствомъ результаты, внѣ зависимости отъ личныхъ симпатій или антипатій къ той или иной системѣ, исключительно съ фактической стороны.

Сравненія состоянія медицинской помощи въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались не разъ, и въ результатѣ ихъ было довольно прочно установлено, что въ неземскихъ губерніяхъ съ царящею тамъ исключительно бюрократической системой управленія она поставлена очень неудовлетворительно и много хуже, чѣмъ въ земскихъ; что изъ числа послѣднихъ она шире и лучше устроена тамъ, гдѣ развиваютъ свою дѣятельность съѣзды врачей, санитарные совѣты и прочія совѣщанія; что обращеніе къ ихъ помощи и всюду приводило обычно къ оживленію и улучшенію дѣла; что много впереди всѣхъ остальныхъ земствъ по постановкѣ медицинской помощи населенію и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи стоитъ московская губернія, гдѣ система сотрудничества врачей достигла наибольшаго развитія.

Несмотря на эти общеизвѣстные факты и достаточно установившееся мнѣніе, возраженія противъ цѣлесообразности принятой тамъ системы являлись возможными, потому что имѣвшіяся сравненія положенія дѣла въ различныхъ мѣстностяхъ производились случайно, по частнымъ поводамъ, и бывали не всесторонними, а частичными. Въ такихъ случаяхъ всегда остается почва для возраженій. Поэтому для выясненія вопроса было бы весьма цѣнно подробное, всестороннее освѣщеніе фактическаго положенія дѣла въ разныхъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи можно было возлагать большую надежду на предпринимавшіяся въ послѣдніе годы ревизіи земскихъ учрежденій. Къ сожалѣнію, однако, извѣстный рапортъ тайнаго совѣтника Н. А. Зиновьева о результатѣ ревизіи московскаго земства показалъ, что постановка ревизіи,—вѣроятно, въ связи съ ея цѣлью и задачами,—была особая, немогущая помочь намъ уяснить разсматриваемый вопросъ. Для нашей цѣли важно было бы точное и подробное выясненіе фактическаго положенія дѣла, важны цифры и факты. Рапортъ же въ этомъ отношеніи не могъ удовлетворить насъ: въ немъ приводятся лишь нѣсколько самыхъ общихъ цифровыхъ данныхъ о числѣ больницъ, расходахъ и пр., по которымъ можно судить только о томъ, что медицинская помощь въ московской губерніи достигла такого развитія, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, но это не ново; болѣе же подробно познакомиться съ тамошнимъ положеніемъ дѣла съ фактической стороны по рапорту нельзя: въ немъ, по крайней мѣрѣ въ опубликованной части его, нѣтъ для этого данныхъ.

Мы узнаемъ лишь, что въ нѣкоторыхъ лечебницахъ найдены коекакіе непорядки и недостатки. Но въ этомъ врядъ ли можно было

сомнѣваться: разъ мы имѣемъ дѣло съ десятками и даже сотнями учрежденій, то, конечно, всегда можемъ отмѣтить въ ихъ положеніи и дѣятельности нѣсколько частныхъ изъяновъ. Важно не то, что эти изъяны существуютъ, важно знать, насколько они часты. Въ рапортѣ же въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся лишь съ намеками, безсильными убѣдить въ неслучайности отмѣчаемаго явленія,—но не съ цифрами, способными доказать его характерность. Вѣдь врядъ ли, напримѣръ, отсутствіе кухни можетъ считаться характернымъ явленіемъ для московскихъ больницъ, и обнаружено, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, какъ временное явленіе, быть можетъ, по случаю ремонта или еще какой причинѣ.

Но и отмѣченные недостатки утрачиваютъ для нашей цѣли свое значеніе, да и безотносительно къ ней теряютъ много, такъ какъ рапортъ, указывая ихъ, вовсе не выясняетъ условій, въ которыхъ они обнаружены. Между тѣмъ для оцѣнки системы веденія дѣла нельзя наблюдаемыя явленія разсматривать, такъ сказать, внѣ условій мѣста и времени. Важно узнать исторію ихъ, равно какъ и всю обстановку земской дѣятельности; необходимо принять въ соображенія тѣ препятствія, затрудненія, съ которыми приходилось при этомъ считаться. Для оцѣнки системы важно знать не только то, что сдѣлано, но и то, чего не сдѣлано по постороннимъ, независящимъ отъ системы обстоятельствамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Отсутствіе особаго помѣщенія для прислуги—несомнѣнно значительный непорядокъ въ благоустройствѣ больницы, но какъ къ нему слѣдуетъ отнестись, въ какой степени повинно въ немъ земство со своей системой завѣдыванія, да и повинно ли,—это рѣшить можно лишь сообразуясь съ условіями даннаго случая: для большой, вновь сооружаемой больницы этотъ недостатокъ можетъ быть достаточнымъ для обвиненія, но, вѣроятно, мы окажемся много снисходительнѣе, если встрѣтимъ его въ маленькой больничкѣ, построенной 30 лѣтъ тому назадъ, когда о такой роскоши нигдѣ еще и не думали. Да и почему отсутствуютъ помѣщенія для прислуги и наблюдается рядъ другихъ подобныхъ же недостатковъ въ больницахъ?

Намъ извѣстно, напр., земство московской губ. (да, конечно, не оно одно въ такомъ положеніи), гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на санитарныхъ совѣтахъ передъ земскими собраніями устанавливается рядъ необходимыхъ улучшеній больницъ, но каждый годъ при сведеніи смѣты большая часть ихъ вычеркивается за невозможностью втиснуть ихъ въ предѣлы дозволеннаго увеличенія расходовъ. Знаемъ мы и другія губерніи съ слабо развитой врачебной помощью, гдѣ, однако, намѣреніе земства открыть новые врачебные участки и при-

гласить нѣсколько фельдшерицъ - акушерокъ встрѣчало губернаторское veto.

Если подобные казусы, въ которыхъ земство неповинно, случаются сплошь и рядомъ относительно существенныхъ сторонъ медицинскаго дѣла, то относительно второстепенныхъ и третьестепенныхъ улучшеній осложненій встрѣчается еще больше.

Далѣе, весьма существеннымъ непорядкомъ для больницы, особенно для заразныхъ отдѣленій, являются неоштукатуренныя деревянныя стѣны. Но опять-таки, при какихъ обстоятельствахъ отмѣчаемъ мы этотъ недостатокъ? Быть можетъ, въ новомъ, только-что выстроенномъ зданіи, которое вслѣдствіе неизбѣжной осадки первые года и штукатурить-то нельзя? Тогда можно будетъ говорить только о существенныхъ неудобствахъ этого непорядка, но никакъ не безхозяйственности земства или врачей.

Точно также, не зная подробностей, нельзя сознательно отнестись къ несоотвѣтствію дѣйствительныхъ расходовъ смѣтнымъ предположеніямъ при различныхъ постройкахъ: если при такихъ сравненіяхъ мы возьмемъ первоначальную смѣту, не предвидѣвшую состоявшагося впослѣдствіи расширенія больницы и разнаго рода новыхъ сооруженій, то, конечно, между такой смѣтой и стоимостью всѣхъ построекъ во всей ихъ совокупности получится большая разница, но поставить ее насчетъ безхозяйственности строителей, конечно, нельзя. Такъ, напр., психіатрическая Покровская лечебница московскаго земства за 10—12 лѣтъ своего существованія сильно обстроилась, прикупила землю, обзавелась обширными полями орошенія, расширила водоснабженіе, выстроила прекрасное помѣщеніе для прислуги, которая первые годы ютилась кое-какъ, и т. д.; естественно, что первоначальная смѣта получится здѣсь много скромнѣй дѣйствительной стоимости полнаго устройства лѣчебницы по болѣе широкому плану, но это обстоятельство, если угодно, можно поставить въ вину широкимъ замашкамъ больницы, но не ея безхозяйственности.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть всю необходимость расцѣнивать явленія въ связи съ сопровождающими ихъ условіями. Рапортъ Н. А. Зиновьева задавался, повидимому, иными цѣлями, чѣмъ тѣ, которыя интересуютъ насъ, и то, что мы желали бы разслѣдовать, что требуетъ для насъ провѣрки или доказательства, для него—аксіома, положенная въ основу его сужденій. Намъ цифрами и фактами хотѣлось бы убѣдиться, какая система управленія лучше— бюрократическая или новая, земская; рапортъ расцѣниваетъ земскую дѣятельность на основаніи бюрократическихъ принциповъ. Точнѣе: на основаніи этихъ принциповъ онъ разбираетъ не столько дѣятельность, сколько *пріемы* дѣятельности земства, практиковавшаго пре-

имущественно иную систему, и приходитъ въ результатѣ къ суровымъ заключеніямъ. Иначе и быть не могло.

Такимъ образомъ, московская ревизія для нашей цѣли опредѣленія относительнаго достоинства различныхъ системъ земскаго управленія не дала того, что могла бы дать при иной постановкѣ. Мы еще ранѣе видѣли, что приказная и новая земская система во многомъ противоположны, и знали, что послѣдняя не можетъ получить одобренія съ точки зрѣнія первой. Рапортъ въ этомъ отношеніи новаго ничего не даетъ. Что въ широко развитомъ дѣлѣ всегда можно найти частичные недостатки, это тоже общеизвѣстно и не мѣняетъ общаго положенія дѣла. Что въ московской губерніи организація медицинской помощи развита такъ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, это, хотя и въ общихъ чертахъ и цифрахъ, рапортъ подтверждаетъ, но и это давно уже извѣстно. Такимъ образомъ, въ отношеніи оцѣнки разбираемыхъ системъ мы оказываемся въ прежнемъ положеніи, при прежнихъ заключеніяхъ. А заключенія эти сводятся къ тому, что приказная система не соотвѣтствуетъ современному положенію развившагося дѣла и не удовлетворяетъ земства, почему они силою вещей вынуждаются примѣнять новую систему, которая, какъ свидѣтельствуютъ о томъ *факты*, даетъ вполнѣ удовлетворительные результаты.

Сергѣй Игумновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1905.

Переговоры о мирѣ.—Новые представители нашей дипломатіи: Н. В. Муравьевъ и С. Ю. Витте.—Вопросъ объ окончаніи войны и о возможныхъ условіяхъ мира.—Воинственныя консервативно-патріотическія заявленія.—Международная дѣятельность Вильгельма II.—Внутреннія дѣла въ Англіи и во Франціи.

Вопросъ о мирѣ между Россіею и Японіею оффиціально поставленъ правительствами обѣихъ державъ и въ скоромъ времени долженъ уже получить свое разрѣшеніе въ ту или другую сторону. Посредничество президента Соединенныхъ Штатовъ увѣнчалось на этотъ разъ успѣхомъ, и самые переговоры о мирѣ будутъ вестись на американской почвѣ, въ небольшомъ городѣ Портсмутѣ, въ штатѣ Нью-Гемпширъ, вдали отъ шумныхъ политическихъ центровъ и отъ всякихъ постороннихъ вліяній, въ тихой провинціальной обстановкѣ, располагающей къ миролюбію.

Представителями Японіи являются лучшіе ея дипломаты, съ барономъ Комура во главѣ; съ нашей стороны выборъ былъ болѣе затруднителенъ, такъ какъ наше дипломатическое вѣдомство достаточно ясно обнаружило несостоятельность своего высшаго персонала во время печальныхъ событій, приведшихъ къ войнѣ и сопутствовавшихъ ея неудачному ходу. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній главнымъ русскимъ уполномоченнымъ былъ первоначально назначенъ Н. В. Муравьевъ, незадолго передъ тѣмъ промѣнявшій постъ министра юстиціи на болѣе спокойное мѣсто посла при итальянскомъ дворѣ,—человѣкъ несомнѣнно талантливый, умѣющій приспособляться къ обстоятельствамъ, но лишенный необходимой опытности въ искусствѣ международной дипломатіи и притомъ мало знакомый съ сложными политическими вопросами, касающимися Дальняго Востока. Будучи еще министромъ юстиціи, въ февралѣ 1904 года, Н. В. Муравьевъ, въ качествѣ предсѣдателя третейскаго суда въ Гаагѣ по дѣлу Венецуэлы, высказалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о международномъ правѣ по поводу образа дѣйствій Японіи, и эти замѣчанія послужили матеріаломъ для формальнаго протеста японскаго правительства. Н. В. Муравьевъ раздѣлялъ тогда твердое убѣжденіе, что Японія затѣяла войну безъ всякихъ законныхъ основаній и что она будетъ достойно наказана за свою дерзкую рѣшимость воевать съ Россійскою имперіею. „Старинная поговорка—„если хочешь мира, го-

товься къ войнѣ"—не потеряла еще, какъ видно, своего строгаго значенія. Можно стремиться къ миру всѣми силами души,—говорилъ тогда Н. В. Муравьевъ,—можно неустанно работать для этой цѣли съ полною искренностью и усердіемъ, и тѣмъ не менѣе нельзя считать себя огражденнымъ отъ враждебнаго вызова и неожиданнаго нападенія. Можно горячо желать сохраненія мира и въ то же время быть вынужденнымъ принять войну для законной самообороны, во имя чести и достоинства отечества. Въ этомъ прискорбномъ конфликтѣ между сердцемъ и долгомъ остается только высшее утѣшеніе—искренняя и безусловная вѣра въ справедливость Провидѣнія, опредѣляющаго судьбы народовъ и битвъ: оно съумѣетъ отличить доброе право отъ честолюбивыхъ притязаній, спокойную рѣшимость, непоколебимую твердость—отъ воинственнаго порыва, слѣпой и страстной горячности. Но когда пройдетъ буря, столкнувшая въ кровавой встрѣчѣ два теченія—европейское и азіатское,—ибо все проходитъ здѣсь на землѣ—тогда, мы глубоко вѣримъ въ это, разсѣются тучи, омрачившія нашъ горизонтъ, и вновь появится возрождающее спокойствіе, которое еще съ большимъ блескомъ освѣтитъ благодѣянія мирнаго развитія". Н. В. Муравьевъ, конечно, не зналъ, что представители русской власти на Дальнемъ Востокѣ, вопреки оффиціальному миролюбію дипломатіи, дѣйствовали вызывающимъ образомъ относительно Японіи, и что „доброе право", непоколебимая твердость и спокойная рѣшимость въ возникшемъ спорѣ находятся не на нашей сторонѣ; онъ не могъ также предвидѣть, что Провидѣніе обратитъ свое покровительство всецѣло на азіатскихъ противниковъ России и освѣтитъ новымъ блескомъ отвергнутыя у насъ преимущества разумнаго прогресса передъ принудительнымъ застоемъ и бюрократическимъ самомнѣніемъ. Японія предъявила тогда „энергическій формальный протестъ" противъ неблагопріятныхъ сужденій о ней русскаго суперъ-арбитра въ международномъ третейскомъ судѣ и потребовала занесенія этого протеста въ протоколы постояннаго международнаго трибунала въ Гаагѣ, что и было исполнено.

Съ тѣхъ поръ совершилось столько крупныхъ событій, что этотъ инцидентъ могъ быть забытъ даже самими участниками его, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, принятіе Н. В. Муравьевымъ предложенной ему роли представителя Россіи для мирныхъ переговоровъ съ Японіею; но, безъ сомнѣнія, онъ вспомнилъ потомъ о неудобствѣ и неловкости своего личнаго положенія передъ уполномоченными азіатскихъ „побѣдителей", и состоявшееся уже назначеніе было взято назадъ. Вмѣсто него назначенъ былъ единственный выдающійся правительственный дѣятель, какимъ располагаетъ бюрократическая Россія,—предсѣдатель комитета министровъ, С. Ю. Витте, пріобрѣвшій, можно сказать, міровую

извѣстность своимъ десятилѣтнимъ управленіемъ русскими государственными финансами и доказавшій не только гибкость своего ума, но и необыкновенную энергію и настойчивость въ проведеніи цѣлаго ряда сложныхъ мѣропріятій и нововведеній, направленныхъ къ наружному блестящему подъему крупной промышленности и къ колоссальному увеличенію государственнаго бюджета, въ ущербъ огромному большинству народа. С. Ю. Витте вышелъ не изъ рядовъ бюрократіи, и оттого личныя дарованія и качества его сохранили еще нѣкоторую свѣжесть и производительность; онъ обладаетъ способностью иниціативы и организаторскаго творчества, свободенъ отъ духа рутины и умѣетъ поддерживать свои самостоятельные взгляды независимо отъ могущественныхъ господствующихъ вліяній, съ которыми, впрочемъ, вступалъ по временамъ въ компромиссы для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Болѣе авторитетнаго и характернаго оффиціальнаго представителя мы не могли противопоставить японскимъ уполномоченнымъ, и съ этой точки зрѣнія сдѣланный выборъ долженъ быть признанъ не только удачнымъ, но и единственно возможнымъ. С. Ю. Витте близко знакомъ съ дѣлами Дальняго Востока и съ разнообразными интересами, связанными съ положеніемъ Россіи у Тихаго океана; не будучи дипломатомъ по профессіи, онъ не придаетъ значенія условнымъ формуламъ и шаблоннымъ фразамъ, а трезво оцѣниваетъ событія, какъ реальный политикъ, привыкшій считаться съ фактами и извлекать изъ нихъ извѣстные практическіе выводы. Говорятъ, что онъ въ свое время возставалъ противъ увлеченій нашихъ манчжурскихъ и корейскихъ предпринимателей, хотя косвенно далъ толчокъ ихъ аппетитамъ разорительною постройкою желѣзныхъ дорогъ на китайской территоріи и сооруженіемъ ненужнаго города Дальняго; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ противникомъ войны и не компрометтировалъ себя предварительными заявленіями о предстоящихъ побѣдахъ. Понятно, поэтому, что назначеніе его было встрѣчено сочувственно въ Европѣ и въ Америкѣ, а также въ Японіи; повсюду оно было понято какъ доказательство серьезнаго желанія Россіи положить конецъ дальнѣйшему кровопролитію и заключить прочный миръ. Если заключеніе мира вообще возможно при данныхъ обстоятельствахъ, то оно будетъ достигнуто статсъ-секретаремъ С. Ю. Витте; если же ему не удастся устроить сносное соглашеніе, то оно, значитъ, вообще неосуществимо въ настоящій моментъ. Притомъ никто другой не могъ бы добиться лучшихъ, т.-е. менѣе тягостныхъ, условій мира. Таково, по крайней мѣрѣ, преобладающее мнѣніе за границей и отчасти и у насъ. Но можно ли въ самомъ дѣлѣ разсчитывать на скорый миръ? Находятся ли обѣ стороны въ настроеніи, соотвѣтствующемъ дѣйствительному миролюбію?

Къ сожалѣнію, многіе признаки заставляютъ сомнѣваться въ возможности скораго и прочнаго мира. Какъ и во внутренней политикѣ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ замѣчается у насъ какая-то двойственность, упорное нежеланіе прямо смотрѣть въ лицо фактамъ. Подобно тому, какъ рядомъ съ оффиціальнымъ обѣщаніемъ „правильнаго" народнаго представительства идетъ дѣятельная оффиціальная же работа для низведенія этого представительства къ нулю и поддерживается усердная оффиціозная борьба противъ Высочайшихъ указовъ и заявленій относительно крупныхъ внутреннихъ преобразованій,— такъ и въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ оффиціально заявленное рѣшеніе правительства сопровождается оффиціозными увѣреніями и комментаріями противоположнаго свойства. Замѣчательно, что тѣ же элементы, которые откровенно возстаютъ противъ возвѣщенныхъ необходимыхъ реформъ государственнаго строя, протестуютъ и противъ намѣренія покончить съ войною и ведутъ усиленную агитацію противъ дипломатической миссіи, возложенной на С. Ю. Витте. Люди, приходящіе въ ужасъ при мысли объ уничтоженіи старыхъ внутреннихъ непорядковъ, беззаконій и хищеній, волнуются также при мысли о наступленіи мира, который неизбѣжно долженъ будетъ привести къ коренннымъ перемѣнамъ въ нашей внутренней политической жизни. Разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что противники внутренняго умиротворенія суть въ то же время противники внѣшняго мира, что сторонники постоянной внутренней войны упорно стоятъ за продолженіе международнаго кровопролитія, и что эта приверженность къ кровопролитію внутри и извнѣ выдается за отличительный признакъ патріотизма. Но между внутренними и внѣшними дѣлами существуетъ то важное различіе, что первыя зависятъ отъ насъ однихъ, а вторыя ставятъ насъ въ извѣстныя обязательныя отношенія къ чужимъ государствамъ и народамъ; внутри Россіи мы можемъ, если намъ это нравится, преслѣдовать одновременно самыя противоположныя цѣли, стремиться къ упроченію авторитета власти и устраивать или поощрять хроническую анархію возбужденіемъ всеобщаго недовольства, допускать оффиціозныя воззванія къ насиліямъ и беззаконіямъ и признавать преступленіемъ распространеніе мирныхъ прогрессивныхъ или реформаторскихъ идей, объявлять извѣстный режимъ негоднымъ, нуждающимся въ усовершенствованіи, и въ то же время принимать суровыя мѣры противъ требованій переустройства этого режима,—но въ международныхъ предпріятіяхъ и намѣреніяхъ мы все-таки должны имѣть въ виду заграничное общественное мнѣніе и избѣгать слишкомъ явныхъ противорѣчій, способныхъ внушить иностранцамъ мысль объ отсутствіи у насъ какой бы то ни было сознательной политики. С. Ю. Витте посланъ вести переговоры о мирѣ, а

между тѣмъ всегдашніе единомышленники правящихъ сферъ, обычные выразители желательныхъ послѣднимъ взглядовъ, патріоты, умѣющіе угадывать или предвосхищать закулисныя желанія этихъ сферъ, настойчиво высказываются за дальнѣйшее веденіе войны и противъ возможнаго теперь „обиднаго" или „унизительнаго" мира. Публичныя заявленія такого рода со стороны отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ, пользующихся или желающихъ пользоваться репутаціею безусловной благонамѣренности, производятъ странное впечатлѣніе. Въ этихъ заявленіяхъ выражается или младенческое непониманіе совершившихся событій, или глубокая умышленная неискренность. Очевидно, для России обидно, унизительно, позорно было терпѣть отъ Японіи непрерывныя пораженія въ теченіе полутора года; но какъ устранить теперь этотъ огромный безспорный фактъ,— какъ вычеркнуть его изъ нашей исторіи?

Если ходъ войны по разнымъ причинамъ оказался для насъ постыднымъ, то и мирныя условія не могутъ быть для насъ безобидны: это ясно, какъ Божій день. Почему же „патріоты" какъ будто не видятъ и не чувствуютъ позора этой войны, а заранѣе относятъ его цѣликомъ къ будущему миру? Они не могутъ надѣяться на то, что дальнѣйшія военныя дѣйствія вернутъ намъ прежнее положеніе на Дальнемъ Востокѣ, ибо уничтоженный флотъ не воскреснетъ вновь, а безъ флота никакіе успѣхи въ Манчжуріи не помогутъ намъ ни завладѣть обратно Портъ-Артуромъ, ни отстоять Сахалинъ. Графъ А. А. Бобринскій, въ недавней своей рѣчи [1]), отъ имени „множества вѣрноподданныхъ" просилъ прежде всего „не заключать обиднаго для Россіи мира". „Еще много на Руси молодыхъ силъ,—говорилъ онъ,— готовыхъ лечь костьми за отечество... До тѣхъ поръ пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье,—не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства,—но обложенія насъ не страшатъ: не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достояніе на алтарь отечества". Для того, чтобы предлагать такія героическія средства, какъ всѣмъ, и старымъ и молодымъ, встать подъ ружье и лечь костьми за отечество, нужно было бы по меньшей мѣрѣ, чтобы непріятель забрался въ предѣлы Европейской Россіи и угрожалъ ея центру; теперь же, когда японцы сражаются противъ насъ еще на китайской территоріи и у Тихаго океана, эти преувеличенныя громкія фразы кажутся смѣшными. Никто не сомнѣвается въ готовности русскихъ людей „лечь костьми" для защиты отечества отъ дѣйствительной и явной опасности; но трудно ожидать такой всеобщей готовности къ самопожертвованію изъ-за „каторжнаго" острова

---

[1]) См. выше, Внутреннее обозрѣніе.

Сахалина и даже изъ-за Владивостока, особенно при безцѣльности подобнаго самопожертвованія за неимѣніемъ флота. Въ одномъ только пунктѣ заявленіе графа Бобринскаго представляетъ практическій интересъ—въ словахъ о готовности дать нужныя средства на продолженіе войны и подвергнуться для этого какимъ угодно обложеніямъ: желаніе принести матеріальныя жертвы на нужды государства весьма существенно и цѣнно, когда оно исходитъ отъ такихъ представителей крупнаго землевладѣнія и капитала, какъ гр. Бобринскій, гр. Шереметевъ, г. Нарышкинъ и другіе,—и этимъ заявленіемъ необходимо было бы воспользоваться въ интересахъ государственнаго казначейства. Было бы только справедливостью поймать заявителей на словѣ и обложить всѣхъ сторонниковъ войны крупными денежными платежами на военные расходы, соотвѣтственно ихъ имущественному положенію; жаль только, что вслѣдъ затѣмъ самъ гр. Бобринскій спѣшитъ эту добровольную повинность жертвъ переложить на всю Россію, т.-е. на народъ, который „не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ свое достояніе на алтарь отечества". Народъ подавленъ обязательными платежами и повинностями, и о новомъ чрезвычайномъ или „добровольномъ" обложеніи его не можетъ быть и рѣчи; облагать себя могутъ только богатые высшіе классы, и сдѣлать починъ въ этомъ отношеніи обязаны именно тѣ изъ ихъ среды, которые стоятъ за войну. Говорить о рѣшимости другихъ людей, или вообще народа, „лечь костьми" и отдать свое достояніе, не предлагая ничего отъ себя лично, или отъ своей группы или сословія,—это слишкомъ дешевый способъ доказывать свой патріотизмъ; такихъ охотниковъ быть щедрыми и самоотверженными на чужой счетъ появилось у насъ слишкомъ много въ послѣднее время. Недавно курское дворянство также заявляло въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ о готовности лечь костьми и отдать свое достояніе, чтобы не допустить заключенія позорнаго мира,—но оно не предложило при этомъ ни малѣйшей доли своихъ доходовъ на военныя издержки и ни одной роты добровольцевъ для подкрѣпленія дѣйствующей арміи. Даже духовенство, которое по своему призванію и назначенію должно было бы всегда проповѣдовать миролюбіе, присоединяется къ этимъ воинственнымъ требованіямъ и манифестаціямъ отъ имени народа; такъ, между прочимъ, „духовенство пятаго округа оренбургской епархіи и уѣзда" умоляетъ „устами 38-ми тысячнаго населенія не заключать позорнаго для Россіи мира, готовые положить животъ свой за родного Царя и многострадальную Русь". Какимъ образомъ мѣстное духовенство говоритъ „устами 38-ми-тысячнаго населенія"—непонятно. Или, быть можетъ, наоборотъ, населеніе говоритъ устами своего духовенства? Нельзя также понять, въ какомъ смыслѣ и въ какой формѣ можетъ принести пользу воен-

ному дѣлу патріотическое желаніе „духовенства пятаго округа оренбургской епархіи и уѣзда“ положить свой животъ за отечество. Но мѣстное духовенство не стало бы, конечно, выступать со своими заявленіями, еслибы оно не было увѣрено въ благовременности ихъ съ точки зрѣнія начальства, и съ этой стороны подобныя демонстраціи не лишены значенія.

Несравненно болѣе важны протесты противъ мира, исходящіе отъ дѣйствующей арміи, которой вообще несвойственно — и не должно быть свойственно—вмѣшиваться въ политику. „Извѣстія агентскихъ телеграммъ о начатыхъ мирныхъ переговорахъ — сказано во всеподданнѣйшей депешѣ главнокомандующаго отъ 18 или 17 іюня — отозвались глубокимъ горемъ на всѣхъ чинахъ манчжурскихъ армій отъ старшаго генерала до послѣдняго нижняго чина“. „Глубоко вѣруя, что никакія неудачи, понесенныя до сихъ поръ на сушѣ и на морѣ, не въ силахъ сломить твердой рѣшимости въ будущихъ бояхъ довести борьбу до благопріятнаго для Россіи конца“, всѣ чины манчжурскихъ армій выражаютъ „несокрушимую готовность и горячее желаніе, не щадя живота своего, послужить еще дорогой родинѣ до послѣдней капли крови“. Безъ сомнѣнія, это авторитетное свидѣтельство о бодромъ, довѣрчивомъ къ будущему, патріотическомъ настроеніи манчжурскихъ армій является весьма серьезнымъ фактомъ, долженствующимъ убѣдить Японію, что мы вовсе еще не расположены сложить оружіе, что у насъ есть еще возможность и рѣшимость воевать и что нельзя поэтому разсчитывать на принятіе нами унизительныхъ условій мира; но въ телеграммѣ генерала Леневича, независимо отъ этой ясной политической цѣли, выражено нѣчто бо́льшее — „глубокое горе“ по поводу самой мысли о начатыхъ мирныхъ переговорахъ, каковы бы ни были условія предстоящаго мира. Отсюда можно было бы заключить, что на театрѣ войны имѣются вѣскія данныя для надежды на успѣхъ въ будущихъ бояхъ и что этому желанному успѣху могутъ помѣшать переговоры о мирѣ; но, какъ извѣстно, пока еще не заключено перемиріе, и едва ли оно будетъ заключено въ скоромъ времени, а мирные переговоры, по всей вѣроятности, затянутся надолго, особенно если такая затяжка окажется желательною для успѣшнаго окончанія предположенныхъ военныхъ операцій. Ничто поэтому не препятствуетъ нашимъ войскамъ воспользоваться благопріятными шансами и нанести пораженіе непріятелю, подобно тому, какъ начатые переговоры о мирѣ не помѣшали японцамъ занять въ концѣ іюня Сахалинъ и дѣлать серьезныя приготовленія къ осадѣ Владивостока. Однако, мы не видимъ признаковъ общаго наступленія съ нашей стороны и не замѣчаемъ также ничего такого, что̀ предвѣщало бы рѣшительный переходъ иниціативы въ руки нашихъ полководцевъ. Извѣстія съ театра войны неизмѣнно

носятъ прежній характеръ: или „въ арміи нѣтъ перемѣнъ“ и „все спокойно“, когда ничего не предпринимаютъ японцы, или же наши отдѣльные отряды передвигаются къ югу, оттѣсняютъ японскія заставы, берутъ штурмомъ какіе-то окопы и затѣмъ, на слѣдующій день, направляются обратно къ сѣверу, когда „стали подходить значительныя японскія подкрѣпленія“ (телеграмма изъ Гадзяданя, отъ 16 іюля, и мн. др.). Насколько можно судить по отзывамъ газетныхъ военныхъ спеціалистовъ, положеніе манчжурскихъ армій значительно улучшилось за послѣдніе мѣсяцы, и нашимъ войскамъ не грозитъ уже катастрофа, въ родѣ Мукденской; но, съ другой стороны, было бы слишкомъ легкомысленно предположить, что осторожные и предусмотрительные японцы сидѣли все это время сложа руки и не приняли соотвѣтственныхъ внушительныхъ мѣръ. Допустимъ даже, что въ новомъ генеральномъ сраженіи, послѣ страшнаго кровопролитія, намъ удалось бы не только отстоять наши позиціи, но и оттѣснить войска маршала Ойямы на нѣкоторое пространство къ югу, для чего пришлось бы брать штурмомъ цѣлый рядъ сильно укрѣпленныхъ линій; но послѣ такого необычайнаго напряженія силъ мы все-таки оставались бы въ тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ относительно подвоза подкрѣпленій, боевыхъ принадлежностей и провіанта, какъ и до сихъ поръ, а непріятель попрежнему пользовался бы удобствомъ близкихъ морскихъ сообщеній, при содѣйствіи своего могущественнаго флота. Очень можетъ быть, что военные дѣятели чувствуютъ неодолимую потребность хотя бы въ одной значительной побѣдѣ, чтобы доставить войскамъ и самимъ себѣ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе; но противникъ пока еще ничѣмъ не доказалъ свое намѣреніе отступить отъ усвоенной имъ системы дѣйствій или отказаться отъ многочисленныхъ преимуществъ, которыя понынѣ обезпечивали имъ успѣхъ. Въ отдѣльныхъ корпусахъ нашей дѣйствующей арміи числится, напр., около 89% неграмотныхъ, тогда какъ „японскіе солдаты *всѣ грамотны,* свободно читаютъ топографическія карты, умѣютъ начертить на бумагѣ схему и пр.“, чего не умѣютъ дѣлать у насъ и многіе офицеры. Въ японской арміи командиры и генералы назначаются и повышаются исключительно въ зависимости отъ своихъ испытанныхъ на дѣлѣ личныхъ качествъ, способностей и дарованій, а у насъ замѣщеніе военныхъ должностей, въ томъ числѣ и высшихъ, опредѣляется, главнымъ образомъ, протекціею и связями. Никакія внезапныя геройскія усилія не устранятъ и не ослабятъ этихъ органическихъ недостатковъ нашей арміи сравнительно съ японскою, и никакія дальнѣйшія кровавыя жертвы не приведутъ къ благопріятному для Россіи окончанію войны, пока остаются въ силѣ коренныя черты и особенности существующаго у насъ режима. Эта печальная истина

вошла уже въ сознаніе всего мыслящаго русскаго общества, какъ ни стараются отогнать и затемнить ее упорные защитники сословно-бюрократическаго фаворитизма и принудительнаго народнаго невѣжества. Скорѣйшій миръ необходимъ намъ именно для того, чтобы покончить съ старыми порядками, угрожающими не только внутреннему развитію нашихъ народныхъ силъ, но и всему положенію Россіи, какъ великой культурной державы. Несчастная война не можетъ ставиться въ укоръ ни русскому народу, ни русскому обществу; она есть всецѣло продуктъ устарѣлой системы безконтрольнаго бюрократическаго самовластія, и если съ нею связанъ позоръ, то этотъ позоръ не коснется обновленной Россіи, призванной къ возрожденію и процвѣтанію на новыхъ истинно-народныхъ началахъ. Миръ, подготовленный рядомъ неслыханныхъ пораженій, останется позорнымъ только для безраздѣльно господствовавшей у насъ бюрократіи, а никакъ не для самой Россіи и ея народа, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ нашихъ мнимыхъ патріотовъ.

Нѣкоторые публицисты находятъ цѣлесообразнымъ и остроумнымъ примѣнять въ международныхъ отношеніяхъ ту самую тактику, которая съ давнихъ поръ соблюдается въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, — тактику систематическихъ замалчиваній, недомолвокъ и благонамѣренныхъ извращеній. Если относительно извѣстныхъ предметовъ устанавливается всеобщее молчаніе, то многимъ кажется, что эти предметы мало-по-малу перестанутъ для насъ существовать и, пожалуй, не будутъ замѣчены даже посторонними лицами. Стоитъ только, напримѣръ, игнорировать или отрицать непріятные факты, хотя бы общеизвѣстные и общедоступные, и постоянно освѣщать событія въ такомъ видѣ, какъ будто этихъ фактовъ вовсе не было, и намъ будетъ представляться, что въ самомъ дѣлѣ это фальшивое освѣщеніе ограждаетъ насъ отъ неудобной правды и принимается на вѣру даже свѣдущими иностранцами. Теперь принято у насъ напускать на себя трогательную наивность въ вопросѣ объ условіяхъ мира, чтобы воздѣйствовать надлежащимъ образомъ на коварныхъ японцевъ и ихъ заграничныхъ друзей. Наши патріоты готовы отказаться отъ Портъ-Артура и даже отъ Манчжуріи и Кореи; но они настаиваютъ на необходимости во что бы то ни стало сохранить Сахалинъ, оцѣненный кѣмъ-то въ двадцать милліардовъ рублей. Фельетонистъ „Новаго Времени“ краснорѣчиво убѣждаетъ публику, что намъ гораздо выгоднѣе уплатить непріятелю денежную контрибуцію, чѣмъ отдавать этотъ драгоцѣнный островъ съ его нетронутыми или запущенными нами природными богатствами; еще ранѣе та же газета глубокомысленно объясняла своимъ читателямъ, что японцы, очевидно, рѣшили временно занять Сахалинъ, съ цѣлью имѣть въ рукахъ залогъ для обез-

печенія болѣе выгодныхъ условій мира. Всякій охотно согласится съ тѣми доводами, которые приводятся или могутъ быть приведены въ пользу сохраненія Сахалина, въ виду важности его для всего нашего тихоокеанскаго побережья; но какъ поступить, если японцы некстати вспомнятъ бисмарковскій принципъ „beati possidentes", или Макъ-Магоновское „j'y suis, j'y reste", и въ отвѣтъ на всѣ наши основательные резоны скажутъ намъ просто: „придите и возьмите"? Для избѣжанія такой непріятной случайности наши газетные патріоты дѣлаютъ видъ, что ничего подобнаго случиться не можетъ, ибо въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о временной военной оккупаціи, которая должна будетъ прекратиться сама собою при рѣшительномъ нашемъ несогласіи отдать Сахалинъ японцамъ. Миръ съ потерею территоріи не былъ бы достойнымъ и безобиднымъ миромъ, и противъ такого мира заранѣе возстаютъ всѣ благомыслящіе патріоты. „Ни пяди русской земли, ни рубля контрибуціи",—какъ заявляетъ хабаровская городская дума, которая больше всего безпокоится о „престижѣ великой Россіи". Къ несчастью, Сахалинъ не находится уже въ нашей фактической власти, и слѣдовательно, часть русской территоріи можетъ быть присвоена японцами самовольно, безъ всякихъ съ нашей стороны уступокъ и даже независимо отъ мирнаго соглашенія. Безполезно закрывать глаза на факты. О почетномъ мирѣ можно было думать только до паденія Портъ-Артура; безобидный миръ былъ возможенъ еще передъ Мукденомъ; миръ безъ территоріальныхъ утратъ былъ намъ доступенъ до Цусимы, а разгромъ нашего послѣдняго флота при Цусимѣ долженъ былъ неминуемо повлечь за собою потерю Сахалина. Противъ этой безпощадной логики событій не помогутъ пустыя патріотическія фразы.

Мы можемъ не заключать никакого мира; но что̀ выиграемъ мы отъ дальнѣйшаго военнаго положенія? Наши войска будутъ стоять въ Манчжуріи на стражѣ противъ армій Ойямы, а тѣмъ временемъ японскій флотъ будетъ осаждать Владивостокъ и блокировать наши берега; Сахалинъ превратится въ японскую провинцію, и противъ всего этого мы останемся совершенно безсильными. Путемъ мирныхъ переговоровъ мы, конечно, не вернемъ того, что̀ попало уже въ японскія руки; но требованіе денежной контрибуціи могло бы быть предъявлено намъ только послѣ занятія японцами окрестностей Владивостока или какихъ-либо другихъ пунктовъ нашего побережья. Поэтому, чѣмъ скорѣе будетъ заключено перемиріе, тѣмъ легче будетъ добиться болѣе благопріятныхъ условій мира; всякое промедленіе можетъ принести намъ непоправимый ущербъ, какъ это ясно доказалъ намъ опытъ, начиная съ Лаояна. Настойчивые возгласы въ пользу продолженія войны, если они не вызываются эгоистическими моти-

вами, имѣютъ своимъ источникомъ чувство, а не разсудокъ; когда же дѣло идетъ о политикѣ великаго государства, то обязательно руководствоваться только сознательнымъ разсчетомъ, основаннымъ на ясномъ пониманіи національныхъ интересовъ.

Прочный миръ былъ бы достигнутъ на Дальнемъ Востокѣ, еслибы искусственно поднятая вражда между Россіею и Японіею уступила мѣсто добрымъ сосѣдскимъ отношеніямъ, которыя современемъ послужили бы основою для дружбы и союза. Великою заслугою С. Ю. Витте была бы подготовка почвы для будущаго взаимнаго сближенія двухъ державъ, вовлеченныхъ въ жестокую войну помимо воли и желанія народовъ. Серьезное сближеніе съ Японіею избавило бы насъ отъ разорительныхъ военныхъ заботъ въ восточной Азіи и позволило бы намъ, съ одной стороны, сосредоточиться на дѣлахъ внутренняго развитія, а съ другой—удѣлить нѣкоторую долю вниманія международнымъ интересамъ и отношеніямъ въ предѣлахъ Европы.

Императоръ Вильгельмъ II обнаруживаетъ особенную предпріимчивость и подвижность въ области европейской международной политики съ тѣхъ поръ, какъ Франція сдѣлалась фактически одинокою въ Европѣ. Онъ какъ будто торопится устраивать или подготовлять новыя политическія комбинаціи, наиболѣе выгодныя для Германіи. Прежде всего онъ наглядно показалъ французамъ, что ихъ сдѣлки съ Англіею не имѣютъ никакого значенія безъ нѣмецкаго согласія, и не только французы, но и англичане вынуждены были согласиться съ этимъ взглядомъ по отношенію къ Марокко. Свиданіе двухъ императоровъ въ Финскомъ заливѣ, у Бьерке, 11 іюля, еще болѣе встревожило общественное мнѣніе, такъ какъ послѣ неудачнаго исхода японской войны Россія могла легко поддаться одностороннему германскому вліянію. Вильгельмъ II, разумѣется, всего менѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы Россія благополучно вышла изъ своихъ нынѣшнихъ затрудненій и заняла опять прежнее мѣсто въ ряду первоклассныхъ великихъ державъ; поэтому и авторитетные совѣты его могли имѣть характеръ нежелательный ни для насъ, ни для соперниковъ Германіи. Въ иностранной печати высказывалось множество предположеній и догадокъ относительно цѣли и предмета новѣйшихъ усилій Вильгельма II: одни утверждаютъ, что германскій императоръ стремится взять русскую политику подъ свое благосклонное руководство и направить ее на путь новыхъ приключеній, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ; другіе думаютъ, что онъ хочетъ окончательно отклонить насъ отъ союза съ Франціею и привлечь къ участію въ своихъ спеціальныхъ планахъ, направленныхъ противъ Англіи; третьи, и между

прочимъ „Berliner Tageblatt", увѣряютъ, что дѣло идетъ только о финансовыхъ комбинаціяхъ, которыя должны помочь Россіи добыть средства на расплату за японскую войну, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ къ закрѣпленію экономической зависимости Россіи отъ Германіи.

Само собою разумѣется, что эти догадки не имѣютъ подъ собою реальной почвы и только отражаютъ господствующее настроеніе. Представляется вполнѣ естественнымъ, что Вильгельмъ II могъ соблазниться возможностью повліять въ своемъ духѣ и на внутреннія наши дѣла, подобно тому какъ дѣдъ его, Вильгельмъ I, не отказывалъ въ своихъ совѣтахъ по поводу предпринимавшихся у насъ реформъ государственнаго строя, четверть вѣка тому назадъ. Въ 1880 году Вильгельмъ I писалъ императору Александру II, что созывъ народныхъ представителей будетъ, несомнѣнно, полезенъ для государства, но что „необходимо избѣгать подводныхъ камней при дарованіи конституціи"; для этого онъ совѣтовалъ не устанавливать ценза при выборахъ въ парламентъ, держаться системы двухъ палатъ, предоставить парламенту участіе въ законодательной власти безъ прямого вліянія на управленіе страною и на выборъ министровъ, не допускать вмѣшательства парламента во внѣшнюю политику, о которой правительство дѣлало бы сообщенія по собственной иниціативѣ; оставлять въ силѣ послѣдній бюджетъ, если новый не утвержденъ въ теченіе парламентской сессіи; соблюдать принципъ равноправности вѣроисповѣданій и т. п. Не мѣшаетъ вспомнить, что, давая эти указанія, престарѣлый германскій императоръ имѣлъ въ виду испытанныя имъ трудности въ періодъ борьбы Бисмарка съ прусскимъ парламентомъ и, слѣдовательно, былъ расположенъ скорѣе отрицать, чѣмъ признавать пользу народнаго представительства съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Вильгельмъ II чувствуетъ менѣе неудобствъ отъ парламентскаго управленія, чѣмъ его дѣдъ; будучи автократомъ по натурѣ и темпераменту, онъ, однако, отлично уживается съ имперскимъ сеймомъ, избираемымъ всеобщею подачею голосовъ, и находитъ вполнѣ естественнымъ и законнымъ, что представители соціалъ-демократіи возражаютъ въ парламентѣ противъ его личныхъ взглядовъ и открыто противодѣйствуютъ осуществленію нѣкоторыхъ его излюбленныхъ проектовъ, такъ какъ это противодѣйствіе можетъ оказаться полезнымъ для страны. Въ Пруссіи и Германіи „польза государства" есть высшій руководящій принципъ какъ для общества и парламента, такъ и для правительства и династіи; тамъ государственная и правительственная власть не противопоставляется народу какъ самостоятельная, независимая сила, и потому не возникаетъ и не можетъ возникать конфликтовъ между пользою страны и интересами власти.

Вильгельмъ II едва ли давалъ бы намъ плохіе совѣты, еслибы слѣдовалъ внушеніямъ безпристрастія и личнаго опыта; но нужно опасаться даже хорошихъ его совѣтовъ по внѣшней и внутренней политикѣ, такъ какъ онъ слишкомъ глубоко проникнутъ сознаніемъ, что каждый его шагъ долженъ служить исключительно къ пользѣ и величію Германіи, — а интересы Германіи или, вѣрнѣе, германскаго правительства далеко не совпадаютъ съ интересами и стремленіями Россіи.

Въ Англіи принята парламентомъ важная законодательная мѣра, установляющая извѣстныя ограниченія и контроль относительно иноземной иммиграціи. Съ давнихъ поръ британскія владѣнія находились въ томъ счастливомъ положеніи, что могли служить надежнымъ и желаннымъ убѣжищемъ для иностранцевъ, преслѣдуемыхъ у себя на родинѣ по политическимъ и религіознымъ причинамъ; представители всѣхъ угнетенныхъ націй свободно встрѣчались и дѣйствовали въ Англіи, гдѣ въ то же время имѣли спокойный пріютъ члены удаленныхъ изъ разныхъ странъ династій и бывшія коронованныя особы. Англійское право убѣжища было всѣмъ одинаково доступно и для всѣхъ одинаково драгоцѣнно: имъ въ равной мѣрѣ пользовались французскіе эмигранты временъ имперіи, Викторъ Гюго, Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ и многіе другіе, какъ потомъ и самъ гонитель ихъ, Наполеонъ III и императрица Евгенія, а впослѣдствіи генералъ Буланже, — итальянскіе патріоты, въ родѣ Маццини, рядомъ съ нѣмецкими соціалистами, Марксомъ и Энгельсомъ, всевозможные изгнанники, знаменитые дѣятели и простые рабочіе. Британская территорія была обѣтованною землею для всѣхъ жертвъ стараго режима, существовавшаго еще въ извѣстныхъ государствахъ Европы; въ англійскихъ колоніяхъ, въ Канадѣ, водворились и наши духоборы, вытѣсненные изъ отечества религіозными преслѣдованіями. Поэтому извѣстіе объ ограниченіи доступа иностранныхъ пришельцевъ въ предѣлы Англіи, возбудило повсюду непріятное чувство; многимъ казалось, что англичане готовы отречься отъ историческихъ традицій, связанныхъ съ правомъ убѣжища, и примыкаютъ уже къ общимъ шаблоннымъ взглядамъ узкаго эгоистическаго націонализма.

Пренія въ палатѣ общинъ по поводу правительственнаго законопроекта объ иммиграціи совершенно устранили возможность тѣхъ одностороннихъ толкованій и опасеній, которыя вызывались имъ среди передовыхъ либеральныхъ партій на материкѣ Европы и въ самой Англіи. Первый министръ, Бальфуръ, прямо заявилъ, что новый за-

конъ направленъ исключительно противъ наплыва бѣдняковъ и неспособныхъ къ труду, которые въ послѣдніе годы массами прибывали въ Лондонъ и другіе города, гдѣ становились тяжелымъ бременемъ для мѣстныхъ общинъ; эта цѣль законопроекта ясно выразилась и въ отдѣльныхъ его постановленіяхъ. Во-первыхъ, не всѣ иноземные переселенцы подлежатъ контролю, а только тѣ, которые прибываютъ на особыхъ эмигрантскихъ пароходахъ, въ количествѣ не менѣе двадцати на каждомъ, притомъ въ качествѣ палубныхъ пассажировъ; во-вторыхъ, самый контроль установленъ только въ восьми главныхъ портахъ, гдѣ обыкновенно останавливаются эти пароходы,—такъ что въ другихъ пунктахъ и для отдѣльныхъ иностранцевъ доступъ остается свободнымъ. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, по предложенію сэра Чарльза Дилька, включенъ въ законъ особый параграфъ, по которому даже неимущій, лишенный обезпеченнаго заработка, иностранецъ допускается въ предѣлы Англіи, если онъ докажетъ, что вынужденъ былъ удалиться изъ отечества по политическимъ или религіознымъ причинамъ. Въ такомъ видѣ законъ, послѣ продолжительныхъ и весьма интересныхъ преній, принятъ въ палатѣ общинъ, 19 іюля (нов. ст.), большинствомъ 193 противъ 103 голосовъ.

Французская палата депутатовъ, въ ночномъ засѣданіи 5 іюля, покончила съ законопроектомъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, одобривъ его большинствомъ 341 противъ 233 голосовъ. Первый параграфъ этого закона гласитъ: „Республика обезпечиваетъ свободу совѣсти. Она гарантируетъ свободное отправленіе религіозныхъ культовъ единственно съ тѣми ограниченіями, какія установлены въ интересахъ общественнаго порядка“. Послѣ того какъ законъ будетъ принятъ сенатомъ и обнародованъ президентомъ республики, начиная съ 1 января слѣдующаго затѣмъ года, изъ государственнаго бюджета Франціи, какъ и изъ бюджетовъ департаментскихъ и городскихъ, исчезнутъ статьи расходовъ на духовенство и церковныя нужды разныхъ исповѣданій. Французскіе прогрессисты придаютъ громадное практическое значеніе этой крупной реформѣ и ожидаютъ отъ нея великихъ благотворныхъ послѣдствій для республики; они обыкновенно упускаютъ при этомъ изъ виду тотъ безспорный фактъ, что римско-католическая церковь, при традиціонныхъ особенностяхъ своей организаціи и по своему общему духу, всегда и повсюду выигрываетъ отъ свободы дѣйствій. Матеріальная зависимость отъ республиканскаго правительства и стѣснительный контроль надъ духовенствомъ, въ силу конкордата, ставили римскую церковь во Франціи

въ подчиненное положеніе и налагали на нее обязательства, которыя нынѣ отпадаютъ; а противъ односторонняго владычества ея надъ умами населенія французскіе прогрессисты почти ничего не сдѣлали, или сдѣлали еще слишкомъ мало. Бороться противъ духовной силы можно только духовнымъ оружіемъ, распространеніемъ образованія въ народныхъ массахъ, и нельзя отрицать, что эта сторона передовыхъ французскихъ программъ до сихъ поръ не выходитъ еще изъ области словесныхъ пожеланій. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о значеніи новаго закона, когда онъ будетъ обсуждаться во французскомъ сенатѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1905 г.

I.

— Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, князь Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель (статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Съ 3 геліогравюрами. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905.

Трудная и неблагодарная задача лежитъ передъ историкомъ нашей эпохи, берущимся изображать судьбы недавняго прошлаго. Нельзя требовать отъ него спокойнаго, широкаго и цѣлостнаго обозрѣнія жизни ушедшихъ поколѣній, жившихъ и боровшихся во имя тѣхъ стремленій и идеаловъ, которые еще не успѣли воплотиться въ жизнь и принести съ собой заключенныя въ нихъ блага. Если истинный историкъ, какъ бы объективенъ онъ ни былъ,—всегда гражданинъ, то въ данномъ случаѣ гражданскій элементъ его натуры не можетъ не проявляться въ немъ съ особой силой, не можетъ не сосредоточивать его вниманія на тѣхъ преимущественно сторонахъ народной жизни, которыя для него служатъ предметомъ его гражданскихъ стремленій, опредѣляютъ складъ его политическихъ убѣжденій и соціально-этическихъ взглядовъ. Увѣренность въ торжествѣ своихъ идеаловъ невольно заставляетъ историка обращаться именно къ тѣмъ явленіямъ исторической жизни, изъ которыхъ, путемъ долгой, упорной работы поколѣній, складывалось то умственное теченіе, среди котораго формулировались его господствующія идеи. Идеи свободы всегда служили вѣнцомъ благороднѣйшаго историческаго воодушевленія; раскрытіе тѣхъ условій, при которыхъ зарождались и развивались эти идеи,

всегда было дѣломъ высокой научной любознательности и общественнаго интереса, поскольку оно касалось выясненія роли великихъ личностей, глубокихъ истинъ, возвышенныхъ стремленій, философскихъ и художественныхъ пріобрѣтеній. Но, съ другой стороны, историку недавней эпохи приходится слишкомъ много вниманія удѣлять такимъ предметамъ, которые въ другихъ странахъ и при другихъ культурныхъ условіяхъ сами по себѣ далеко не заслуживаютъ такого вниманія. Таковы, напримѣръ, попытки русскихъ историковъ выяснить значеніе той великой борьбы наростающаго общественнаго самосознанія съ препятствіями, создававшимися выразителями внѣшняго господства и грубой физической силы, которая шагъ за шагомъ приводила къ торжеству освободительныхъ идеаловъ. Неизбѣжно выдвигаемый при этомъ на первый планъ политическій элементъ, далеко превышающій цѣли спеціальныхъ изслѣдованій, не можетъ не отражаться неблагопріятно на другихъ сторонахъ культурной и умственной жизни, надолго оставляемыхъ въ тѣни. Такъ, русскому историку недавней эпохи слишкомъ много, къ сожалѣнію, приходится имѣть дѣла съ отрицательными сторонами административной дѣятельности, слишкомъ много говорить объ администраціи, выясняя ея во многихъ случаяхъ незавидную роль, въ смыслѣ противодѣйствія законнѣйшимъ стремленіямъ народа и общества на пути мирнаго культурнаго и умственнаго развитія. Счастливы тѣ страны, гдѣ люди могутъ свободно заниматься наукой, искусствомъ, безпристрастнымъ изученіемъ старины, гдѣ о правительствѣ можно говорить не больше, чѣмъ о санитарномъ состояніи городовъ, гдѣ соціальная и экономическая борьба не ставитъ внѣшнихъ затрудненій благородному соревнованію таланта и ума... У насъ этой возможности не существуетъ, или, вѣрнѣе, она еще не осуществилась,—и политическій элементъ въ повѣствованіи о недавнихъ событіяхъ составляетъ неизбѣжную, хотя и крайне неблагодарную вообще, но важную для переживаемаго момента обязанность историка.

Въ цѣляхъ обоснованія современнаго міросозерцанія на исторической подкладкѣ важно знать общіе различнымъ эпохамъ признаки общественныхъ движеній. Эта мысль руководила прежде всего составителями перваго тома настоящей книги. „Сильное движеніе, охватившее въ настоящее время все русское общество,—говорится въ предисловіи,—естественно вызываетъ интересъ къ изученію аналогическихъ явленій въ нашемъ прошломъ. Къ сожалѣнію, существующая историческая литература недостаточна для удовлетворенія назрѣвшей потребности"... „Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью облегчить читателямъ знакомство съ исторіею общественныхъ идей въ первой половинѣ XIX столѣтія. Планъ изданія состоитъ въ томъ, чтобы давать

наиболѣе важныя произведенія, принадлежащія перу видныхъ участниковъ общественнаго движенія, а также матеріалы, изображающіе ихъ жизнь въ связи съ этимъ движеніемъ, и снабжать печатаемые матеріалы руководящими статьями въ видѣ біографическихъ очерковъ или характеристикъ избранныхъ лицъ".

Въ книгѣ напечатаны произведенія декабристовъ М. А. Фонъ-Визина, кн. Е. П. Оболенскаго и бар. В. Я. Штейнгеля. Многое изъ помѣщеннаго здѣсь уже знакомо русскому читателю то по историческимъ журналамъ, то по заграничнымъ изданіямъ. Собрать и издать этотъ матеріалъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ—почтенная задача, которую и поставилъ себѣ небольшой кружокъ историковъ. Если относительно бар. Штейнгеля работа сосредоточилась преимущественно на собираніи матеріала, то записки Фонъ-Визина и Оболенскаго явились въ существенно дополненномъ видѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, изданіе такой книги не обошлось безъ цензурнаго стѣсненія. „Къ сожалѣнію,—читаемъ въ предисловіи,—и въ нашемъ изданіи одинъ небольшой эпизодъ въ запискахъ М. А. Фонъ-Визина пришлось исключить по цензурнымъ соображеніямъ"... Цѣнность сборника, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ предисловія, не только для широкой публики, но и для спеціалистовъ, весьма увеличивается тѣмъ, что заграничныя изданія записокъ Фонъ-Визина и кн. Оболенскаго въ настоящее время совершенно распроданы. Запискамъ декабристовъ предшествуютъ обстоятельные біографическіе очерки, составленные В. И. Семевскимъ (о Фонъ-Визинѣ), г. В. Богучарскимъ (объ Оболенскомъ), В. И. Семевскимъ (о Штейнгелѣ). Записки Штейнгеля напечатаны здѣсь въ двухъ редакціяхъ. Первая (главы I—III) появилась первоначально въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ"; вторая редакція появляется въ печати впервые. Она примѣчательна тѣмъ, что посвящена преимущественно эпизоду 14-го декабря, дѣйствіямъ слѣдственной коммиссіи и суда, т.-е. тѣмъ событіямъ, о которыхъ въ соотвѣтствующей главѣ первой редакціи говорится очень кратко. Вторая редакція является, такимъ образомъ, дополнительной частью „записокъ".

Интересная личность Фонъ-Визина, его умъ и разносторонне развитое міросозерцаніе, разнообразныя событія его жизни—все это привлекаетъ къ нему вниманіе и независимо отъ его политической роли. Онъ былъ членомъ „тайнаго" общества, не вѣрившаго въ возможность дарованія конституціи верховною властью и ставившаго своею задачей достиженіе политической свободы путемъ революціоннымъ. Въ своихъ запискахъ Фонъ-Визинъ ссылается на „одного политическаго писателя", который—„видитъ въ самомъ бытіи въ Россіи тайнаго политическаго общества несомнѣнный признакъ, что и русскіе не вовсе чужды стремленіямъ къ свободнымъ политическимъ институціямъ". Онъ

(продолжаетъ Фонъ-Визинъ) говоритъ о жертвахъ, принесенныхъ самовластію: „Сколько ни старались обезобразить и исказить событія, но самый ясный и простѣйшій смыслъ его и значеніе—то, что и въ Россіи нашлись патріоты, которые съ полнымъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ видовъ личной корысти и выгодъ касты, или собственнаго положенія въ обществѣ, пожертвовали собою, чтобы своему отечеству, цѣлой странѣ пріобрѣсти институціи, обезпечивающія свободу, благоденствіе и достоинство всѣмъ и каждому. Память такой благодушной жертвы не погибнетъ даже и тогда, когда время изгладитъ несчастія и скорби столькихъ семействъ. Исторія же начертаетъ на своихъ скрижаляхъ имена пострадавшихъ патріотовъ, а также жестокости и неправосудіе русскаго правительства, принесшаго ихъ въ жертву своему деспотизму за то, что они стремились обуздать его“.

Біографъ такъ характеризуетъ Фонъ-Визина, какъ писателя и политическаго мыслителя: „Изученіе его статей приводитъ къ выводу, что онъ совершенно не измѣнилъ тѣмъ идеаламъ, которымъ желалъ послужить, сдѣлавшись членомъ тайнаго общества. Главною цѣлью тѣхъ тайныхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ былъ — Союза Спасенія, Союза Благоденствія и Сѣвернаго Общества — было желаніе добиться преобразованія политическаго устройства Россіи. Въ главномъ историческомъ трудѣ Фонъ-Визина красною нитью проходитъ желаніе показать, что даже въ до-петровской Руси существовали учрежденія, дававшія народу возможность непосредственно или черезъ своихъ представителей участвовать въ законодательствѣ или управленіи государствомъ, а послѣ Петра Великаго отъ времени до времени обнаруживалось стремленіе къ политическимъ реформамъ. Отмѣтимъ также взглядъ Фонъ-Визина на нашъ политическій строй въ его статьѣ „О подражаніи русскихъ европейцамъ“. — „Хотя въ Россіи образъ правленія, — говоритъ авторъ, — остался тотъ же, что̀ былъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ или при Петрѣ, — мы и теперь живемъ подъ тѣмъ же неограниченнымъ самодержавіемъ; однако, какой деспотъ позволитъ себѣ и сотую долю тѣхъ жестокостей и неистовствъ, какія совершали безнаказанно оба эти государя. Павелъ I тиранствовалъ, правда, 4 года, но извѣстно, чѣмъ это кончилось, и какъ онъ дорого поплатился за свою тираннію“. Указавъ на то, что „изъ всѣхъ русскихъ государей Екатерина II и Александръ I болѣе всѣхъ дорожили мнѣніемъ Европы“, и потому въ ихъ царствованіе совершилось много полезныхъ, славныхъ и блистательныхъ дѣяній, Фонъ-Визинъ продолжаетъ: *„стыда ради европейскаго* и самодержавіе, надѣвая личину свободолюбія и патріотизма, удерживаетъ ихъ отъ многихъ насильственныхъ дѣйствій и иногда полагаетъ предѣлы собственному произволу и прихоти“.

Напечатанныя въ упоминаемой книгѣ „Записки М. А. Фонъ-Ви-

зина", представляющія собою, какъ извѣстно, дополненный личными воспоминаніями автора разборъ книги „Esneaux и Chennechot" („Histoire de Russie", Paris, 1835), помѣщены здѣсь въ редакціи, дополненной изъ сличенія печатныхъ редакцій съ копіей подлинной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Главнаго Архива. Сочиненіе Фонъ-Визина представляетъ собой обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи. Задаваясь цѣлью представить такое обозрѣніе, авторъ исходилъ изъ того основного взгляда, что, какъ это выразила г-жа Сталь, въ жизни народовъ свободѣ во всѣхъ ея видахъ (политической, гражданской, личной) неоспоримо принадлежитъ законное право давности передъ самовластіемъ (c'est le despotisme qui est nouveau, et la liberté qui est ancienne). „Эта мысль геніальной писательницы,—говоритъ Фонъ-Визинъ,—вѣрна относительно европейскаго человѣчества, и подтверждается древнею и даже среднею исторіей Россіи, которая только въ новѣйшія времена, съ Петра Великаго, сдѣлалась классическою почвою самодержавія". Въ дальнѣйшемъ авторъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на проектѣ конституціи, составленномъ Сперанскимъ, и приводитъ, въ числѣ прочихъ, слѣдующія положенія:

„Правительство не можетъ почитаться законнымъ, если оно не основано на общей волѣ народа".

„Источникъ власти пребываетъ всегда въ народѣ, въ самой странѣ".

„Всякое правительство существуетъ только въ силу извѣстныхъ условій и только тогда законно, если свято исполняетъ эти условія".

„Основные государственные законы должны быть дѣломъ націи и выраженіемъ ея воли".

„Основные государственные законы необходимо ограничиваютъ верховную власть".

„Деспотическая власть могла только приличествовать младенчеству гражданскихъ обществъ".

„Народъ необходимо долженъ участвовать въ законодательствѣ чрезъ избранныхъ имъ представителей".

„Всякій долженъ судиться равными ему".

„Не упоминая о другихъ институціяхъ, что значитъ самое русское дворянство, когда и лицо благородное, и его собственность, и его честь зависятъ не отъ закона, а отъ произвола" неограниченнаго правителя? „Самый законъ не зависитъ ли отъ его воли? Не онъ ли издаетъ его и провозглашаетъ? Право собственности есть только право, терпимое верховною властью".

Личность другого декабриста—кн. Е. П. Оболенскаго—также весьма замѣчательна. „Дѣловитый, основательный умъ, — какъ его характеризуетъ въ своей автобіографіи А. Д. Боровковъ, — твердый, рѣшительный характеръ, неутомимая дѣятельность въ достиженіи предпо-

ложенной цѣли — вотъ свойства Оболенскаго". Для характеристики послѣдняго приведемъ и дальнѣйшія строки отзыва Боровкова: „Онъ былъ въ числѣ учредителей Сѣвернаго Общества и ревностнымъ членомъ Думы. Сочиненіе его въ духѣ общества, объ обязанностяхъ гражданина, служило оселкомъ для испытанія къ принятію въ члены, смотря по впечатлѣнію, какое производило оно на слушателя. Оболенскій былъ самымъ усерднымъ сподвижникомъ предпріятія и главнымъ, послѣ Рылѣева, виновникомъ мятежа въ Петербургѣ".

Сосланный наравнѣ съ другими участниками заговора въ Сибирь, въ Нерчинскъ, Оболенскій оставилъ, въ письмѣ къ А. В. Протасьеву, описаніе своей жизни на каторгѣ. „Прибывъ туда (Нерчинскъ),—пишетъ Оболенскій,—послали насъ въ острогъ или, лучше сказать, въ тюрьму, въ которой подѣланы были для каждаго клѣтки въ два аршина длины и въ полтора ширины. Насъ выпускали изъ клѣтокъ, какъ звѣрей, на работу, на обѣдъ и ужинъ и опять запирали. Работа была подъ землей на 70 и болѣе саженъ. Урочныя наши работы были наравнѣ со всѣми каторжными въ заводѣ, отъ которыхъ мы отличались единственно тѣмъ, что насъ держали послѣ работы въ клѣткахъ, а они всѣ пользуются свободою, исключая тѣхъ, кои впадаютъ послѣ ссылки на заводы въ преступленія, за которыя ихъ наказываютъ и сажаютъ на извѣстное время въ тюрьму. Не стану тебѣ описывать, любезный другъ, подземное царство, которое ты можешь узнать отъ всякаго, бывшаго въ горныхъ заводахъ... Но ты можешь себѣ представить, каково намъ было въ тюрьмѣ, если работа въ горѣ была для насъ временемъ пріятнѣйшимъ, нежели заключеніе домашнее. Дни праздничные были для насъ точно днями наказанія: въ душной клѣткѣ, гдѣ едва можно повернуться, милліонъ клоповъ и разной гадины осыпали тебя съ головы до ногъ и не давали покоя. Присоедини къ тому грубое обращеніе начальства, которое, привыкши обращаться съ каторжными, поставляло себѣ обязательностью насъ осыпать ругательствами, называя насъ всѣми ругательными именами. Къ тому же долженъ тебѣ сказать, что къ намъ приставленъ былъ отъ иркутскаго губернатора квартальный, который долженъ былъ смотрѣть за нами, а отъ горнаго начальства офицеръ горный, которому также поручено было смотрѣть за нами. Горное начальство боялось донесеній квартальнаго, и потому строгость умножало; квартальный же боялся горныхъ, и, такимъ образомъ, насъ окружали двѣ непріязненныя силы, которыя старались только увеличить наши тягости. Съ февраля мѣсяца на насъ надѣли желѣза, а съ весной насъ велѣно употреблять только на работы надъ землею, что̀, по ихъ мнѣнію, значило облегченіе въ работѣ, а по нашему—увеличеніе тягости работы, которая подъ землею легче. Впрочемъ, ко всему можно при-

выкнуть, исключая того, что оскорбляетъ человѣческое достоинство. Въ семъ послѣднемъ мы, дѣйствительно, получили облегченіе, потому что начальникъ заводовъ (Бурнашовъ) рѣже началъ насъ посѣщать, и потому мы уже не слышали слова слишкомъ оскорбительныя. Къ тому же присутствіе нашихъ истинныхъ ангеловъ-хранителей, княгинь Трубецкой и Волконской, доставляло намъ и отраду, и утѣшеніе“...

Но ни тяжкій трудъ, ни изнурительныя условія жизни не могли сломить желѣзную натуру Оболенскаго. Въ 1839 году онъ былъ перечисленъ въ ссыльно-поселенцы и жилъ сначала въ Туринскѣ, а потомъ въ Ялуторовскѣ, тобольской губерніи. Тамъ, по словамъ его біографа, онъ провелъ въ изгнаніи еще семнадцать лѣтъ жизни, прилагая усилія къ тому, чтобы не дать себя заѣсть тоскѣ, и стараясь по возможности быть полезнымъ окружавшимъ его людямъ. По манифесту 1856 года. Оболенскій возвратился въ Россію, гдѣ и прожилъ до 1865 г.

Его записки, помимо чисто фактическихъ данныхъ, производятъ глубокое впечатлѣніе своей задушевностью, искренностью, простотой. Непоколебимая убѣжденность въ своей правотѣ, восторжествовавшая въ концѣ испытанія надъ вполнѣ понятными колебаніями въ моментъ созрѣванія заговора, соединялась въ его изложеніи съ горячей любовью къ товарищамъ по изгнанію и къ людямъ вообще. Оканчивая свои записки въ Ялуторовскѣ въ 1856 году, Оболенскій находилъ высшую отраду въ томъ сознаніи, что общее дѣло, которому служили декабристы, не увѣнчавшись счастливымъ исходомъ, наложило неизгладимую нравственную печать на каждаго изъ членовъ „Союза Благоденствія“. Она выразилась прежде всего въ томъ взаимномъ уваженіи, въ томъ нравственномъ чувствѣ, которое одушевляло товарищей въ ихъ постоянныхъ и близкихъ отношеніяхъ между собой. Это взаимное уваженіе,—пишетъ прежній блестящій баловень свѣта,—было основано не на свѣтскихъ приличіяхъ, не на правилахъ свѣтскаго воспитанія,—„но на стремленіи каждаго ко всему, что носитъ печать истины и правды. Юноши, бывшіе тутъ, возмужали подъ вліяніемъ этого общаго нравственнаго направленія и сохранили впослѣдствіи тотъ же самый неизмѣнный характеръ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ Сибири, каждый сохранилъ свое личное достоинство и пріобрѣлъ уваженіе тѣхъ, съ коими онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ“. Такова была нравственная атмосфера, въ которой эти люди совершали свой подвигъ самоотверженія и нравственнаго долга. Въ своихъ запискахъ Оболенскій останавливается на знакомствѣ съ Рылѣевымъ, на различныхъ моментахъ событія 14-го декабря, на слѣдственной

коммиссіи и судѣ и, съ особой обстоятельностью, на первомъ періодѣ своей жизни въ Сибири.

Не мало интересныхъ данныхъ, какъ для характеристики событій, такъ и личности автора, заключаютъ въ себѣ и записки бар. Штейнгеля, а также письма его къ имп. Николаю Павловичу. „Всемилостивѣйшій Государь! — пишетъ изъ своего заточенія въ Петропавловской крѣпости Штейнгель:—сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества, или вѣдавшихъ про оное, сколько бы многихъ по сему преслѣдованію ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувствованія. Россія такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ уже газеты; а въ газетахъ пишутъ, что̀ говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль, почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности? — родится въ головѣ каждаго. Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія: ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ, всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышащими свободою, кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова: „Голова и ноги“!

„Можетъ быть, въ числѣ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе окружать особу вашу, есть таковые. О, Государь! чтобы истребить корень свободомыслія, нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе. Но если сіе невозможно, то останется одно — препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными явными пріемами къ будущему благоденствію государства“...

Записки Штейнгеля замѣчательны, между прочимъ, яркой картиной суда и казни декабристовъ; г. П. Щеголевъ сопроводилъ ихъ рядомъ интересныхъ примѣчаній.

Внѣшность изданія превосходна; къ сожалѣнію, цѣна его нѣсколько высока.

II.

— Записки И. Д. Якушкина. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва. 1905.

Недавно вышло первое изданіе этой книги и уже успѣло все разойтись,—это достаточно показываетъ тотъ интересъ, съ какимъ она была встрѣчена широкими кругами нашей читающей публики. Цен-

зурный запретъ, долгіе годы тяготѣвшій надъ записками И. Д. Якушкина, выдающаяся личность автора и характеръ событій, изображенныхъ въ его повѣствованіи—все это, безъ сомнѣнія, должно было содѣйствовать успѣху книги. Но едва ли не бо̀льшее значеніе она имѣла въ томъ отношеніи, что появленіе ея совпало съ тѣмъ моментомъ особой политической любознательности, которая стремится осмыслить настоящее примѣрами недавняго прошлаго, когда причины, порождавшія аналогичныя общественныя явленія еще не успѣли отойти въ исторію, и становится возможнымъ на основаніи изученія извѣстнаго ряда историческихъ процессовъ сознательно отнестись къ тѣмъ или другимъ теченіямъ, изъ которыхъ складывается современная жизнь, и даже намѣтить симптоматически пути и формы ближайшаго развитія. Событіе 14-го декабря, столь заманчивое для историка своимъ драматизмомъ, богатствомъ характеровъ и исторической обстановки, еще болѣе знаменательно для изслѣдователя нашей общественности съ точки зрѣнія развитія идеаловъ общественнаго блага, во имя которыхъ совершалась и совершается упорная борьба, сопровождаемая безконечнымъ рядомъ подвиговъ героическаго самопожертвованія, невѣроятныхъ страданій и несокрушимаго идеализма.

Среди различныхъ матеріаловъ, освѣщающихъ эпоху, въ которой произошла кровавая драма, извѣстная подъ именемъ заговора декабристовъ, записки Якушкина занимаютъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Въ неполномъ видѣ „Записки“ (первыя двѣ части) были изданы А. И. Герценомъ въ Лондонѣ въ 1862 г. и затѣмъ были перепечатаны въ Лейпцигѣ, въ 1874 г.; третья часть была помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 г. Настоящее изданіе соединяетъ всѣ три части, къ сожалѣнію, съ пропусками, впрочемъ незначительными—въ общей сложности около десяти строкъ. Простой, объективный разсказъ, съ стремленіемъ къ фактической сторонѣ изложенія, строгое отношеніе къ себѣ—все это производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что читатель невольно испытываетъ на себѣ вліяніе личности автора „Записокъ“, исполненной энергіи, искренности, благородства. Въ авторѣ чувствуется сильная воля и упругая, развитая серьезнымъ трудомъ мысль; извѣстные факты его біографіи, неоднократно приводившіеся въ нашей печати, свидѣтельствуютъ о томъ, что Якушкинъ былъ въ то же время и человѣкомъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, доброй и даже нѣжной души. Родившись въ 1793 г. и получивъ разностороннее образованіе у лучшихъ въ свое время профессоровъ университета, Якушкинъ поступилъ въ военную службу и участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, причемъ пробылъ цѣлый годъ въ Германіи и нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Это пребываніе заграницей не могло не оказать на

Якушкина, какъ и на многихъ его товарищей, самаго рѣшительнаго вліянія, которое сказалось въ первые же дни по возвращеніи на родину. Контрастъ между русскою дѣйствительностью и тѣми формами жизни, съ которыми молодые образованные офицеры познакомились на Западѣ, былъ слишкомъ великъ, чтобы не отдаться въ ихъ душѣ больнымъ чувствомъ возмущенія и обиды. О первыхъ признакахъ этого чувства можно судить, напримѣръ, по такому незначительному на первый взглядъ факту. Изъ Франціи Якушкинъ вернулся моремъ и высадился вмѣстѣ съ своей войсковой частью у Ораніенбаума. Здѣсь воины слушали благодарственный молебенъ. Въ это время, по обыкновенію, вокругъ выстроенныхъ войскъ собралась толпа народа, и Якушкинъ, можетъ быть впервые, здѣсь обратилъ вниманіе на то, какъ полиція, отстраняя толпу, „нещадно била народъ". „Это произвело на насъ,—сдержанно замѣчаетъ онъ,—первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество". Пристально всматриваясь съ тѣхъ поръ въ черты русской общественной и политической жизни, Якушкинъ ощутилъ въ своей душѣ горячій и непреодолимый протестъ противъ ея темныхъ и жестокихъ сторонъ, особенно же противъ крѣпостного права и самовластія. Въ 1818 году онъ вышелъ въ отставку, жилъ въ деревнѣ, пытался освободить крестьянъ и вступилъ въ тайное общество, за участіе въ которомъ былъ арестованъ въ 1826 году, судимъ и приговоренъ къ смертной казни, съ замѣной послѣдней двадцатью годами каторги. По отбытіи каторги (по уменьшенному сроку) Якушкинъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей былъ поселенъ въ Ялуторовскѣ, гдѣ оказалъ живое содѣйствіе развитію образованія среди мѣстнаго населенія, основавъ два училища для дѣтей обоего пола съ преподаваніемъ по Ланкастерской системѣ и съ довольно широкой программой; впрочемъ, весь кружокъ декабристовъ оставилъ по себѣ неизгладимую добрую память и въ этомъ городѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Въ 1856 году Якушкину было разрѣшено вернуться въ Россію, но здоровье его было уже надорвано, и въ слѣдующемъ году онъ скончался. Таковы вкратцѣ внѣшнія рамки его жизни.

Записки его начинаются изображеніемъ того важнаго перелома въ политической жизни Россіи, который наступилъ послѣ освободительной войны. Затѣмъ Якушкинъ подробно останавливается на различныхъ моментахъ въ образованіи и развитіи тайнаго общества, причемъ мѣтко и опредѣленно выясняетъ его преобладающе-политическій характеръ. Съ нѣкоторыми перерывами и пропусками, которые обусловливались отсутствіемъ Якушкина въ Петербургѣ, излагается исторія сношеній съ различными лицами по поводу ихъ участія въ тайномъ обществѣ и слѣдуетъ чистосердечная и подчасъ трогательная

исповѣдь того, что̀ онъ испыталъ, пережилъ и перечувствовалъ подъ слѣдствіемъ во время пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ Петропавловской крѣпости и позже, въ тюрьмѣ въ Финляндіи и, наконецъ, на каторгѣ, въ Нерчинскѣ. Разсказъ ведется живо и отчетливо, попутно дѣлаются мѣткія характеристики разныхъ лицъ, съ которыми авторъ приходилъ въ соприкосновеніе; любопытны замѣчанія о свиданіи съ Пушкинымъ, сцена съ императоромъ Николаемъ, описаніе казни пяти декабристовъ. Но особенно живо рисуется увлекающійся, горячій нравъ Якушкина въ томъ мѣстѣ „Записокъ", гдѣ онъ говоритъ о своей готовности пожертвовать собой и взять на себя выполненіе задуманнаго ими плана.

Много было наивнаго, безразсудно-порывистаго въ первыхъ дѣйствіяхъ того небольшого въ началѣ общества, которое поставило служеніе идеаламъ народнаго и общественнаго блага неизбѣжной задачей личнаго существованія своихъ членовъ, но уже скоро созданное ими умственное возбужденіе приняло болѣе сознательныя, а затѣмъ и реальныя формы и привело къ первой побѣдѣ, на половинѣ пути между ними и нашимъ временемъ, — къ великой освободительной эпохѣ.

III.

— Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Переводъ со второго изданія Л. Жбанкова. Спб. 1905.

Книга Антона Менгера весьма полезна для русскаго читателя, интересующагося соціальными вопросами и лишеннаго возможности изучить громадную и еще мало систематизированную соціалистическую литературу. Въ сжатомъ видѣ авторъ даетъ „практическія предложенія соціализма въ дѣлѣ преобразованія нашего общества". Положительный элементъ этихъ „предложеній", конечно, идетъ параллельно съ рѣзкой критикой существующаго общественнаго строя и выражается въ уясненіи и указаніи путей, какимъ образомъ можетъ быть обезпечено участіе широкихъ массъ народа въ соціалистическомъ движеніи. Автору представляется необходимымъ болѣе детально, чѣмъ прежде, „въ настоящее время, когда соціалистическое міросозерцаніе постепенно приближается къ своему осуществленію", выяснить положительныя организаторскія стороны соціализма.

Предлагая общую схему историческаго развитія главнѣйшихъ соціалистическихъ ученій по сочиненіямъ ихъ важнѣйшихъ представителей, авторъ дѣлитъ свою книгу на четыре части. Въ первой онъ даетъ общую характеристику понятій „государство и право"; во второй

разсматриваетъ формы экономической и семейной жизни въ народномъ рабочемъ государствѣ; въ третьей книгѣ излагаются принципы организаціи народнаго рабочаго государства; наконецъ, книга четвертая посвящена факторамъ перехода къ народному рабочему государству. По словамъ автора, его книга должна познакомить господствующіе и образованные классы европейскихъ странъ „съ кругомъ соціалистическихъ идей, которыя никогда еще не излагались съ такой полнотой. Какъ ученіе, по преимуществу, критическое, соціализмъ неизбѣжно вызоветъ возраженія со стороны широкихъ общественныхъ круговъ, ибо немногія изъ правилъ житейской мудрости пользуются такою общепризнанностью, какъ старая поговорка, гласящая, что критика легка, созиданіе лучшаго трудно. Разумѣется, рѣшительную безспорность соціалистическій идеалъ пріобрѣтетъ только вслѣдствіе полнаго осуществленія его въ одномъ изъ великихъ современныхъ культурныхъ государствъ. Но, до извѣстной степени, этой цѣли можно достигнуть и теоретическимъ путемъ, и мы претендуемъ на это, поскольку въ основу нашихъ построеній мы кладемъ только тѣ побудительныя причины человѣческихъ поступковъ, которыя дѣйствуютъ уже въ настоящее время, поскольку, далѣе, мы признаемъ только объективныя понятія права и государства и рекомендуемъ только тѣ средства политическаго и соціальнаго преобразованія, которыя уже испытаны всемірно-исторической практикой".

Въ главѣ объ общихъ принципахъ введенія народнаго рабочаго государства Менгеръ останавливается на вопросѣ о средствахъ для достиженія того правового строя этого государства, который опредѣляется сущностью соціалистическаго движенія. Авторъ останавливается на коренномъ вопросѣ: лежитъ ли путь къ народному рабочему государству черезъ реформу или черезъ революцію? Занимая среднюю позицію между Сенъ-Симономъ и Фурье, съ одной стороны, и Лассалемъ, Марксомъ и Энгельсомъ, съ другой, авторъ опровергаетъ обычное возраженіе, что святость и неприкосновенность существующаго правопорядка запрещаетъ нарушать правильно пріобрѣтенныя права насильственнымъ образомъ. „Не трудно видѣть,—замѣчаетъ онъ, — полную несостоятельность подобныхъ возраженій, ибо господствующія фамиліи и партіи никогда не затруднялись въ рѣшительныя минуты нарушать даже и наилучше пріобрѣтенныя права, разъ дѣло шло объ утвержденіи или упроченіи ихъ господства". Однако, авторъ признаетъ революціонный способъ достиженія народнаго блага нецѣлесообразнымъ. Онъ, несомнѣнно, содѣйствуетъ быстрому перемѣщенію политической власти изъ рукъ одной котеріи къ другой, но не задѣваетъ глубоко потока народной жизни, тогда какъ введеніе рабочаго государства приводитъ къ переустройству всего уклада

жизни, полагая въ основаніе нравственное возрожденіе человѣчества. „Я думаю, — говоритъ Менгеръ, — что подобное возрожденіе можетъ быть только результатомъ продолжительнаго воспитанія народа. Внезапное соціалистическое законодательство такъ же мало можетъ достичь своей цѣли, какъ и законъ, предписывающій всѣмъ гражданамъ сдѣлаться, начиная съ опредѣленнаго времени, мудрыми и добродѣтельными“.

Особенное положительное значеніе имѣютъ обстоятельныя указанія литературы предмета, приводимыя въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ въ примѣчаніяхъ [1]).

IV.

— На сибирскія темы. Подъ редакціей М. Н. Соболева. Спб. 1905.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ отмѣчаемъ появленіе этой книги. Помимо прекрасной благотворительной цѣли (сборникъ изданъ въ пользу томскихъ воскресныхъ школъ и Гоголевскаго народнаго дома), онъ интересенъ и по своему содержанію, и еще болѣе по тому духу общественности и сочувствія ко всему идущему навстрѣчу просвѣщенію и свободѣ, который является объединяющимъ началомъ ряда различныхъ по темамъ статей. Редакторъ, М. Н. Соболевъ, объясняетъ во введеніи, какимъ образомъ создалась эта книга. Года два назадъ преподаватели томскихъ воскресныхъ школъ задумали ознаменовать двадцатипятилѣтіе со времени основанія послѣднихъ и остановились на предположеніи издать литературный сборникъ. Особая коммиссія обратилась къ писателямъ, такъ или иначе связаннымъ съ Сибирью, съ просьбой принять участіе въ задуманномъ изданіи. Съ понятнымъ сочувствіемъ откликнулись многіе писатели на этотъ призывъ; къ статьямъ, присланнымъ ими, было присоединено нѣсколько статей, посвященныхъ памяти Ядринцева (первоначально онѣ предназначались для неосуществившагося „Сборника памяти Ядринцева“),—и такимъ образомъ составилась книга, достойная вниманія во многихъ отношеніяхъ. „Скоро исполнится двадцать-пять лѣтъ,—читаемъ въ предисловіи,—какъ безкорыстно работаетъ группа лицъ въ томскихъ воскресныхъ школахъ, черезъ которыя за четверть вѣка прошло свыше 9.000 человѣкъ учащихся, взрослыхъ и малолѣтнихъ. Въ настоящее время томскія воскресныя школы водворились въ Гоголевскомъ народномъ домѣ, въ учрежденіи, созданномъ пожертвованіями частныхъ лицъ и томскаго городского самоуправленія. Издавая „Сборникъ“, воскресныя школы не только полагаютъ отмѣтить имъ свой двадцатипятилѣтній юбилей, но и надѣются получить отъ продажи изданія нѣ-

[1]) О книгѣ Менгера см. также въ „Новостяхъ иностр. литературы“.

которую матеріальную поддержку на оборудованіе своего помѣщенія и на свои образовательныя нужды".

Памяти Ядринцева посвятили въ высшей степени сочувственныя теплыя строки С. Н. Южаковъ и Н. К. Михайловскій. Онѣ рисуютъ покойнаго публициста личностью въ высокой степени цѣльною, самоотверженно любившею свою родную Сибирь, полною неугасимой вѣры въ лучшее будущее своей родины и Россіи вообще. Михайловскій опредѣляетъ патріотизмъ Ядринцева, какъ не только высоко гуманный и сознательный, но и „дѣйственный", увлекавшій его на активную работу во имя своихъ идеаловъ. Идеи справедливости и человѣчности были руководящими началами этой „дѣйственности". Въ доказательство этого Михайловскій приводитъ слова Ядринцева, къ которымъ было бы не лишнее прислушаться и въ настоящее время. Они относились собственно къ инородцамъ Сибири, но въ нихъ выразилась вся физіономія писателя со всѣмъ складомъ его общечеловѣческихъ и политическихъ убѣжденій. „Мы не можемъ,—писалъ Ядринцевъ,—относиться безучастно къ судьбѣ инородцевъ и къ инородческому вопросу въ Россіи и Сибири. Нельзя допустить, чтобы рядомъ съ благосостояніемъ одной расы ухудшалось положеніе такихъ же людей, живущихъ рядомъ; невыгодно имѣть среди развивающейся культуры, въ странѣ, тронутой этой культурой, пустыни дикарей, обреченныхъ на бѣдственное состояніе; несправедливо, давая просвѣщеніе одной части населенія, исключать другую. Наконецъ, невозможно допускать въ краѣ, гдѣ усваивается цивилизація и просвѣщеніе, какое-либо униженіе, рабство и эксплуатацію человѣческой личности". Въ сборникѣ помѣщено и нѣсколько стихотвореній самого Ядринцева. Онъ не былъ поэтомъ, но отъ стихотвореній его вѣетъ тою же любовью къ родному краю, милой и нѣжной задумчивостью, искренностью тихаго и грустнаго чувства.

Въ статьѣ „Оскудѣніе Западной Сибири" г. П. Голубевъ останавливается на фактахъ и причинахъ отсталости западной половины Сибири сравнительно съ восточной, причемъ ставитъ эту отсталость въ связи съ условіями общаго характера. По мнѣнію автора, громадную роль въ этомъ отношеніи сыграло проведеніе желѣзной дороги, усилившей окраины насчетъ центра. „При существующихъ въ Россіи условіяхъ необезпеченности крестьянъ въ правовомъ отношеніи, при ихъ малоземельи и отсутствіи кредита, когда другія сословія пользуются имъ въ изобиліи, при чрезмѣрномъ податномъ обложеніи ихъ, желѣзныя дороги, будучи сами по себѣ могучимъ средствомъ передвиженія, имѣютъ для крестьянскаго хозяйства скорѣе значеніе отрицательное, чѣмъ положительное". Этотъ выводъ авторъ дѣлаетъ на основаніи разсмотрѣнія историко-статистическихъ данныхъ за извѣст-

ный періодъ лѣтъ о поступленіи по сибирскимъ губерніямъ разныхъ сборовъ въ казну (за право торговли и промысловъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и податныхъ). Мѣстнымъ изученіямъ посвящены статьи гг. Кауфмана, Щербины, Лаппо, Соболева („Задачи экономической политики въ Сибири"). Авторъ послѣдней статьи, разсмотрѣвъ условія добывающей и обрабатывающей промышленности въ Сибири, приходитъ къ выводу, что эта страна должна въ своихъ собственныхъ выгодахъ на долгіе годы ограничиться ролью земледѣльческой колоніи; поэтому экономически-нецѣлесообразно насаждать и поощрять въ ней промышленность обрабатывающую. Г. Оглоблину принадлежитъ очеркъ о старцѣ Авраміи Венгерскомъ, одномъ изъ дѣятелей сибирскаго раскола. Кромѣ указанныхъ статей, въ сборникѣ находимъ нѣсколько разсказовъ, историческихъ воспоминаній (Г. Н. Потанина, И. П. Бѣлоконскаго), стихотвореніе г. Тана, замѣтки. Внѣшняя сторона изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

V.

Изъ украинской старины. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1905.

Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ (1902) проф. Сумцовымъ былъ изданъ сборникъ статей подъ заглавіемъ „Очерки народнаго быта", заключавшій въ себѣ его наблюденія во время этнографической экскурсіи въ Ахтырскомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи. Въ настоящее время авторъ пріурочиваетъ свой сборникъ къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. Въ этомъ сборникѣ авторъ соединилъ двѣнадцать статей, направленныхъ преимущественно на опредѣленіе бытовой старины Малороссіи, на основаніи украинскихъ писателей. Нѣкоторыя статьи появляются здѣсь впервые, другія перепечатаны изъ прежнихъ изданій, въ переработкѣ или съ дополненіями. Нѣкоторыя статьи мѣстнаго, харьковскаго, интереса снабжены рисунками.

Въ статьѣ „Къ исторіи Украинской иконописи" авторъ подчеркиваетъ важность опредѣленія и изученія южно-русскаго, въ общемъ мало извѣстнаго иконописнаго творчества. „Въ то время,—говоритъ онъ,—когда сѣверно-русскіе иконописные пріемы обстоятельно изучаются и выдающіеся памятники иконописи московской, владимірской, новгородской въ значительной степени уже собраны и изслѣдованы, иконопись южно-русская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, мало обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ мало извѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или

въ сельскихъ церквахъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ-нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ остатки южно-русской иконописи заслуживаютъ полнаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія,—этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда, южно-русскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ „маткѣ своей Малой Россіи" онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII стол. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно итальянскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное, въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ, южно-русскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти не только удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты".

Авторъ приводитъ цѣлый рядъ любопытныхъ явленій изъ области южно-русской иконописи, иллюстрируя свои описанія отчетливо выполненными снимками; особенно интересна иллюстрація акаѳиста Богородицы, представляющая собою попытку осмыслить пестрое и недостаточно вразумительное содержаніе акаѳистнаго текста. Въ статьѣ „Бытовая старина въ „Энеидѣ" И. П. Котляревскаго" авторъ даетъ этнографическій и археологическій комментарій къ тѣмъ положеніямъ и опредѣленіямъ Котляревскаго, которыя уже прочно установились въ литературѣ. Изъ остальныхъ статей, носящихъ по преимуществу этнографическій характеръ, отмѣтимъ работы о Квиткѣ, Шевченкѣ, Манжурѣ и др. Значеніе Квитки-Основьяненка представляется автору въ слѣдующихъ чертахъ: „Можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сырого этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было сознано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы"... „Кое-что изъ того, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служитъ матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется

характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія".

Опредѣленіе въ художественной литературѣ чертъ этнографическихъ, вообще бытовыхъ, должно занять, несомнѣнно, видное мѣсто въ предстоящей разработкѣ соотношеній народнаго творчества съ художественной литературой и дастъ цѣнные выводы историко-бытового характера. Въ этомъ смыслѣ книга г. Сумцова, подобно его многочисленнымъ прежнимъ работамъ, прокладываетъ дорогу въ область, сравнительно еще мало изслѣдованную, что̀ и опредѣляетъ ея основное значеніе, въ связи съ тѣми пріемами и методами изслѣдованія, которые составляютъ отличительную особенность этого писателя.

VI.

Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1905 г. Книга VI. Спб. 1905.

Большая часть этой книжки занята повѣстью г. А. Куприна „Поединокъ", которая справедливо обратила на себя вниманіе и публики, и критики. Она представляетъ собой во многихъ отношеніяхъ выдающееся явленіе, интересное не только съ точки зрѣнія фабулы и особенностей художественнаго выполненія, но и по глубокой жизненности своего идейнаго содержанія, по своему соотвѣтствію съ заботами и потребностями переживаемой нами минуты. Живой и общественно чуткій темпераментъ писателя ставитъ въ его дарованіи публицистическій элементъ на первый планъ, подчиняя ему пріемы объективно-художественнаго изображенія: этимъ объясняются достоинства и недостатки произведенія—возбужденіе горячей общественной мысли, чувство негодованія и возмущенія по поводу совершающихся на нашихъ глазахъ зла и неправды, пламенныя рѣчи героевъ, необъяснимыя изъ развитія драматическаго элемента въ романѣ, растянутость, эскизность въ обрисовкѣ многихъ сценъ и характеровъ; общее впечатлѣніе—яркая, жизненная правда, захватывающая своимъ содержаніемъ все вниманіе читателя, живая, превосходная фотографія дѣйствительности съ тѣмъ отличіемъ, что она представляетъ собою не бездушное отраженіе того, что̀ существуетъ на свѣтѣ, но согрѣтое искреннимъ призывомъ автора къ жизни и борьбѣ съ ея темными сторонами.

Изображается въ повѣсти захолустная офицерская среда, проникнутая искусственной атмосферой преувеличеннаго понятія о своемъ званіи, насилія и грубости, съ одной стороны, и униженія, мелочныхъ оскорбленій, умственнаго убожества, съ другой. Будничная жизнь ка-

плетъ день за днемъ среди сѣрыхъ казарменныхъ стѣнъ, пьянаго угара въ офицерскомъ собраніи, среди мелкихъ интригъ и сплетенъ, грубаго разгула, циничныхъ разговоровъ, жалкаго тщеславія и пустоты. Историческія традиціи военной службы, традиціи кровавыхъ войнъ, дикаго разгула, рыцарскихъ добродѣтелей и дворцовыхъ переворотовъ выродились въ жалкое армейское прозябаніе по глухимъ городишкамъ, еврейскимъ мѣстечкамъ, превратившись въ одно формальное, для большинства ненавистное несеніе служебныхъ обязанностей, въ которомъ нѣтъ и тѣни прежняго соотвѣтствія съ духомъ времени и условіями общественной организаціи. Эта, пережившая самоё себя военная атмосфера служитъ содержаніемъ повѣсти г. Куприна, знакомаго, повидимому, съ военнымъ бытомъ до мельчайшихъ подробностей. Сюжетъ повѣсти незатѣйливъ. Молодой, симпатичный юноша Ромашовъ выходитъ въ офицеры по какому-то недоразумѣнію: онъ слишкомъ мягокъ и слабъ душою, чтобы безъ внутренней борьбы свыкнуться съ грубой дѣйствительностью; онъ слишкомъ чутокъ и честенъ, чтобы сразу покончить со всѣми молодыми порывами своей души, но не настолько силенъ и развитъ, чтобы противопоставить свою волю разлагающему вліянію среды. Въ прошломъ у него—наполовину потерянные годы въ корпусѣ и военномъ училищѣ, въ будущемъ—смутныя надежды на самообразованіе и мечты объ академіи, въ настоящемъ передъ нимъ одинъ путь—ненавистная служба, безденежье, провинціальная тина, душевная пустота. Женщины его берутъ, какъ ребенка, товарищи его не уважаютъ, потому что онъ нѣженъ, слабохарактеренъ, не служака, нѣчто неопредѣлившееся, неоформленное. Онъ гордо, по-дѣтски, мечтаетъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, а самъ инстинктивно ищетъ участія и ласки. Поманила его одна изъ полковыхъ дамъ, и Ромашовъ очутился ея любовникомъ; поманила другая, красивѣе, сильнѣе, и Ромашовъ со всею искренностью, на которую былъ способенъ, отдалъ ей свое чувство, не огненно-страстное, но сердечное, простое, готовое на жертвы. Авторъ разсказываетъ, какъ изъ-за одной изъ такихъ дамъ, не любившей, какъ водится, мужа, произошла ссора, повлекшая къ нелѣпой дракѣ и поединку, по приговору офицерскаго суда чести. Обстановка всего дѣла не заслуживаетъ того, чтобы на ней подробно останавливаться въ коротенькой замѣткѣ; здѣсь, какъ въ большинствѣ скандальныхъ полковыхъ исторій, есть налицо и подлость, и интрига, и недоброжелательство, и жестокость, и грубое издѣвательство надъ правосудіемъ, стоившее, во имя нелѣпыхъ понятій о чести, жизни совсѣмъ еще молодому человѣку. Судъ офицеровъ, среди которыхъ, если вѣрить автору повѣсти, есть и шулера, и утайщики солдатскихъ денегъ, и отъявленные пропойцы, и тупые, совсѣмъ невѣжественные люди, призванъ рѣшать вопросъ

жизни и смерти, не имѣя ни средствъ, ни желанія изслѣдовать глубину человѣческой души, взвѣсить всѣ нравственные мотивы и найти въ нихъ то оздоровляющее начало, присутствіе котораго парализуетъ всякую мысль о насиліи и смерти. Отжившее, средневѣковое понятіе о рыцарской чести превратилось въ жалкій лоскутъ, который люди хотятъ сдѣлать бѣлымъ, моя не всегда чистыми руками въ мутной водѣ. Со всѣмъ строемъ вывѣтрившейся формалистики, ненужныхъ жестокостей, напрасныхъ страданій, съ переустройствомъ всей военной организаціи на болѣе раціональныхъ началахъ, и это потерявшее свой смыслъ право располагать жизнью другого должно исчезнуть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, должно замѣниться болѣе здравымъ, справедливымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ возникающимъ среди людей проявленіямъ низменныхъ сторонъ ихъ природы—вражды, мстительности и злобы. Таково заключеніе, выносимое читателемъ изъ повѣсти г. Куприна. На развитіи разсужденій этого порядка нельзя не остановиться болѣе подробно. Авторъ вкладываетъ ихъ, въ отвлеченной формѣ, въ уста весьма искусственно сочиненной фигуры—офицера Назанскаго, алкоголика, неудачника. Отрезвляясь отъ хмельного угара, Назанскій плыветъ въ лодкѣ съ Ромашовымъ и проводитъ параллель между тѣмъ, какъ прекрасна жизнь сама по себѣ, и тѣмъ, во что превращаютъ ее люди. По его словамъ, въ жизни нѣтъ ничего лучшаго радости бытія. По его мнѣнію, никто въ мірѣ не вѣритъ въ загробную жизнь. „Оттого всѣ страшатся смерти, но малодушные дураки обманываютъ себя перспективами лучезарныхъ садовъ и сладкаго пѣнія кастратовъ, а сильные—молча перешагиваютъ грань необходимости"... „О, радость, о, божественная красота жизни", восторгается Назанскій, и восторгъ этотъ пріобрѣтаетъ особый, таинственный смыслъ: ихъ бесѣда происходитъ наканунѣ поединка Ромашова. „Смотрите: голубое небо, вечернее солнце, тихая вода—вѣдь дрожишь отъ восторга, когда на нихъ смотришь—вонъ тамъ, далеко, вѣтряныя мельницы машутъ крыльями, зеленая, кроткая травка, вода у берега—розовая, розовая отъ заката. Ахъ, какъ все чудесно, какъ все нѣжно и счастливо!" Отъ этой идилліи Назанскій переходитъ къ характеристикѣ офицерской жизни, и картины одна другой безотраднѣе создаются его возбужденной рѣчью: „Поглядите-ка вы на нашихъ офицеровъ,—говоритъ онъ.—О, я не говорю про гвардейцевъ, которые танцуютъ на балахъ, говорятъ по-французски и живутъ на содержаніи у своихъ родителей и законныхъ женъ. Нѣтъ, подумайте вы о насъ, несчастныхъ армеутахъ, объ армейской пѣхотѣ, объ этомъ главномъ ядрѣ славнаго русскаго войска. Вѣдь все это заваль, рвань, отбросы. Въ лучшемъ случаѣ—сыновья искалѣченныхъ капитановъ. Въ большинствѣ же—убоявшіеся премудрости гимназисты, реалисты,

даже неокончившіе семинаристы. Я вамъ приведу въ примѣръ нашъ полкъ. Кто у насъ служитъ хорошо и долго? Бѣдняки, обремененные семьями, нищіе, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убійство, на воровство солдатскихъ копѣекъ,—и все это изъ-за своего горшка щей. Ему приказываютъ: стрѣляй, и онъ стрѣляетъ,—кого? за что? можетъ быть, понапрасну?—ему все равно, онъ не разсуждаетъ. Онъ знаетъ, что дома пищатъ его замурзанныя рахитическія дѣти, и онъ безсмысленно, какъ дятелъ, выпуча глаза, долбитъ одно слово: „присяга"! Все, что есть талантливаго, способнаго,—спивается. У насъ семьдесятъ пять процентовъ офицерскаго состава больны сифилисомъ. Одинъ счастливецъ—и это разъ въ пять лѣтъ—поступаетъ въ академію, его провожаютъ съ ненавистью. Болѣе прилизанные и съ протекціей неизмѣнно уходятъ въ жандармы или мечтаютъ о мѣстѣ полицейскаго пристава въ большомъ городѣ. Дворяне и тѣ, кто хотя съ маленькимъ состояніемъ,—идутъ въ земскіе начальники. Положимъ, остаются люди чуткіе, съ сердцемъ, но что они дѣлаютъ? Для нихъ служба—это сплошное отвращеніе, обуза, ненавидимое ярмо. Всякій старается выдумать себѣ какой-нибудь побочный интересъ, который его поглощаетъ безъ остатка. Одинъ занимается коллекціонерствомъ, многіе ждутъ не дождутся вечера, когда можно сѣсть дома у лампы, взять иголку и вышивать по канвѣ крестиками какой-нибудь паршивенькій ненужный коверчикъ или выпиливать лобзикомъ ажурную рамку для собственнаго портрета. На службѣ они мечтаютъ объ этомъ, какъ о тайной сладостной радости. Карты, хвастливый спортъ въ обладаніи женщинами—объ этомъ я ужъ не говорю. Всего гнуснѣе служебное честолюбіе, мелкое, жестокое честолюбіе. Это Осадчій и компанія, выбивающая зубы и глаза своимъ солдатамъ. Знаете ли, при мнѣ Арчаковскій такъ билъ своего денщика, что я насилу отнялъ его. Потомъ кровь оказалась не только на стѣнахъ, но и на потолкѣ. А чѣмъ это кончилось, хотите ли знать? Тѣмъ, что денщикъ побѣжалъ жаловаться ротному командиру, а ротный командиръ послалъ его съ запиской къ фельдфебелю, а фельдфебель еще полчаса билъ его по синему, опухшему, кровавому лицу. Этотъ солдатъ дважды заявлялъ жалобу на инспекторскомъ смотру, но безъ всякаго результата"...

Война отжила свое время, думается Назанскому,—время хмельной радости, кровавой и доблестной утѣхи. Военная служба для солдата—насильственная тягота, а не веселое и хищное ремесло. Начальники изъ грозныхъ и обожаемыхъ атамановъ превратились въ чиновниковъ, влачащихъ жалкое существованіе за нищенское жалованье. „Ихъ доблесть—подмоченная доблесть. И воинская дисциплина—дисциплина за страхъ—соприкасается съ обоюдною ненавистью. Красивые фазаны

облиняли. Только одинъ подобный примѣръ я знаю въ исторіи человѣчества. Это монашество. Начало его было смиренно, красиво и трогательно. Можетъ быть,—почемъ знать—оно было вызвано міровой необходимостью? Но прошли столѣтія, и что же мы видимъ? Сотни тысячъ бездѣльниковъ, развращенныхъ, здоровенныхъ лоботрясовъ, ненавидимыхъ даже тѣми, кто въ нихъ имѣетъ время отъ времени духовную потребность. И все это прикрыто внѣшней формой, шарлатанскими знаками касты, смѣшными вывѣтрившимися обрядами. Нѣтъ, я не напрасно заговорилъ о монахахъ, и я радъ, что мое сравненіе логично. Подумайте только, какъ много общаго. Тамъ—ряса и кадило, здѣсь—мундиръ и гремящее оружіе; тамъ—смиреніе, лицемѣрные вздохи, слащавая рѣчь, здѣсь—наигранное мужество, гордая честь, которая все время вращаетъ глазами: „а вдругъ меня кто-нибудь обидитъ?"—выпяченныя груди, вывороченные локти, поднятыя плечи. Но и тѣ и другіе живутъ паразитами и знаютъ, вѣдь знаютъ это глубоко въ душѣ, но боятся познать это разумомъ и, главное, животомъ. И они подобны жирнымъ вшамъ, которыя тѣмъ сильнѣе отъѣдаются на чужомъ тѣлѣ, чѣмъ оно больше разлагается".

Рѣчь Назанскаго переходитъ въ пророческій тонъ. Онъ говоритъ о времени наступленія великихъ разочарованій и страшной переоцѣнки, говоритъ о точныхъ и неумолимыхъ законахъ „генія человѣчества", по которымъ вѣковое рабство кончится ужаснымъ распаденіемъ, и чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа. Представителей насилія, угнетенія личности, произвола перестанутъ уважать, а *преданный* имъ солдатъ откажется повиноваться. „И это будетъ не за то, что мы били въ кровь людей, лишенныхъ возможности защищаться, и не за то, что намъ, во имя чести мундира, проходило безнаказаннымъ оскорбленіе женщинъ, и не за то, что мы, опьянѣвъ, рубили въ кабакахъ въ окрошку всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, и не за то также, что мы, начальственные дармоѣды, покрывали во всѣхъ странахъ и на всѣхъ поляхъ сраженій позоромъ русское оружіе, а наши же солдаты выгоняли насъ изъ кукурузы штыками. Конечно, и за то и за это, но есть у насъ болѣе страшная и уже теперь непоправимая вина.—Это то, что мы—слѣпы и глухи ко всему. Давно уже, гдѣ-то вдали отъ нашихъ грязныхъ, вонючихъ стоянокъ, совершается огромная новая, свѣтозарная жизнь. Появились новые смѣлые, гордые люди, загораются въ умахъ пламенныя свободныя мысли. Какъ въ послѣднемъ дѣйствіи мелодрамы, рушатся старыя башни и подземелья, и изъ-за нихъ уже видится ослѣпительное сіяніе. А мы, надувшись, какъ индѣйскіе пѣтухи, только хлопаемъ глазами и надменно болбочемъ: „что? гдѣ? молчать! Бунтъ! Застрѣлю!" И вотъ этого-то

индюшачьяго презрѣнія къ свободѣ человѣческаго духа намъ не простятъ—вовѣки вѣковъ“.

Сквозь общія, подчасъ утопическія разсужденія о новой божественной вѣрѣ, которая пребудетъ безсмертной до конца міра, что, казалось бы, не очень вяжется съ высказывавшимися выше матеріалистическими взглядами на жизнь и неотступнымъ страхомъ смерти,—у Назанскаго, а вѣрнѣе у автора, проступаетъ непреоборимая ненависть къ тому насилію и угнетенію, которое заключилось въ форму спеціальныхъ признаковъ и привиллегій офицерскаго сословія. Но рядомъ съ прекрасными и вполнѣ основательными разсужденіями, которыя не могутъ не вызвать желанія распространить мысли автора и вширь, и вглубь, у него встрѣчаются и положенія нѣсколько рискованныя и увлеченія, особенно тамъ, гдѣ авторъ не можетъ освободиться отъ вліянія Максима Горькаго. Допуская возможность паденія до босячества, до пропойства, Назанскій у г. Куприна идеализируетъ эти два родственныя состоянія и, забывъ свои разсужденія о человѣкѣ, царѣ міра и богѣ всего живущаго, находитъ жизнь любого бродяжки полнѣе и интереснѣе, чѣмъ жизнь какихъ-нибудь захудалыхъ армейскихъ служакъ. „Ходишь по землѣ—туда-сюда, видишь города, деревни, знакомишься со множествомъ странныхъ, безпечныхъ, насмѣшливыхъ людей, смотришь, нюхаешь, слышишь, спишь на росистой травѣ, мерзнешь на морозѣ, ни къ чему не привязанъ, никого не боишься, обожаешь свободную жизнь всѣми частицами души... Эхъ, какъ люди вообще мало понимаютъ! Не все ли равно: ѣсть воблу или сѣдло дикой козы съ трюфелями, напиваться водкой или шампанскимъ, умереть подъ балдахиномъ или въ полицейскомъ участкѣ. Все это детали, маленькія неудобства, быстро проходящія привычки. Онѣ только затѣняютъ, обезцѣниваютъ самый главный и громадный смыслъ жизни“.

Пора оставить это ребяческое превознесеніе босячества, какъ состоянія, въ которомъ смыслъ жизни находитъ лучшіе способы своего осуществленія. Онъ—въ человѣкѣ, въ его внутреннемъ отношеніи ко всему, съ чѣмъ соприкасается его душа и тѣло. Можно быть офицеромъ, статистикомъ, писателемъ и постигать этотъ смыслъ или не постигать его, точно также, можно жить въ тепломъ, уютномъ домѣ и прозябать въ сырости и холодѣ—и нисколько не быть ближе или дальше отъ того, что является осмысленіемъ и одухотвореніемъ жизненнаго процесса. Ходить и смотрѣть, какъ люди живутъ свѣтло и обильно, а самому въ то же время голодать или мерзнуть—этого еще мало для сколько-нибудь удовлетворительной философіи жизни; гораздо убѣдительнѣе та философія, которая не даетъ повода къ возможности оправданія зла, но учитъ, что у всѣхъ людей должны быть

надежные пріюты отъ стужи и голода, и не должно быть на землѣ босяковъ, какъ не должно быть офицеровъ въ родѣ капитана Сливы, не должно быть монаховъ, всякаго рода тунеядцевъ и хищниковъ.

Но это отступленіе. Вдохновенныя рѣчи Назанскаго пропали для Ромашова даромъ: на слѣдующее утро онъ былъ убитъ, и что сталось съ его „учителемъ жизни", читатель не знаетъ. Вѣроятно, онъ окончательно спился, не сумѣвъ выйти изъ заколдованнаго круга, или, въ лучшемъ случаѣ, осуществивъ въ босячествѣ свое стихійное тяготѣніе къ свободѣ. Не знаетъ и не порывается знать читатель и того, что сталось съ женой Николаева—Шурочкой, которая влюбила въ себя Ромашова и, вопреки настояніямъ Назанскаго, послала его на вѣрную смерть. Шурочка менѣе всего загадка, „енигмъ", какъ выражается одинъ изъ офицеровъ повѣсти: сильная и умная, она борется, черезъ посредство мужа, котораго не любитъ, за призракъ своей власти и обаянія въ обществѣ, въ которое войдетъ полноправнымъ членомъ, когда мужъ, при ея помощи, осилитъ академію генеральнаго штаба и пріобрѣтетъ связанныя съ этимъ блага, а если мужу и не повезетъ, она не задумается разбить и его жизнь и пойдетъ обычной дорогой, слишкомъ просторной для тѣхъ, кто руководится тщеславіемъ и неразборчивъ на средства. „Я надругаюсь надъ собой, но сгорю въ одинъ мигъ и ярко, какъ фейерверкъ",—говоритъ она Ромашову, заставляя его принять дуэль, чтобы не испортить карьеру мужа.—Нѣтъ, она не сгоритъ, она слишкомъ для этого разсчетлива и холодна. Она блуждающимъ огонькомъ пробѣжитъ въ жизни сама для себя, обжигая на пути и ни въ комъ не зажигая божественной искры, той любви къ жизни и людямъ, которая есть свѣтъ и тепло, и радость. Этотъ типъ, опредѣленный, ясный, у автора очерченъ удачно.

Много въ повѣсти Куприна мастерскихъ описаній, живыхъ сценъ, написанныхъ жизненно и тепло. Вся вообще повѣсть проникнута горячимъ и возвышеннымъ протестомъ противъ всего, что стѣсняетъ и дѣлаетъ жизнь низменной и мутной. Но еслибы рука художника болѣе властно прошлась по страницамъ горячей проповѣди и протеста, она, вѣроятно, сгладила бы нѣкоторыя неровности, смягчила бы два-три ненужно-грубыхъ эффекта, отвлеченнымъ разсужденіямъ подыскала бы конкретно-жизненныя формы,—тогда преобладаніе публицистическаго элемента не было бы такъ замѣтно, и читатель еще съ большимъ правомъ могъ бы привѣтствовать въ лицѣ г. Куприна выдающееся художественное дарованіе, отъ котораго хотѣлось бы ожидать еще многаго.

VII.

— С. Подъячевъ. Мытарства. 1. Московскій работный домъ.—2. По этапу. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 1905.

Въ послѣднее время все чаще и чаще появляются книги, о которыхъ можно сказать, что онѣ—сама жизнь. Независимо отъ степени художественнаго дарованія, служащаго такъ или иначе объектомъ эстетическаго наслажденія читателя, содержаніе такихъ книгъ настолько бьетъ своей реальной, неподкрашенной правдой, что сколько-нибудь живой человѣкъ не можетъ не задуматься надъ самымъ фактомъ жизни, поразившимъ его воображеніе или чувство. Широкая жизнь заговорила о себѣ въ изящной литературѣ, заговорила всѣми способами сильной, выразительной, грубой и жестокой, трогательной и нѣжной народной рѣчи, повѣяла жестокой болью и безысходной скорбью беззащитнаго, безпріютнаго люда, страстно жаждущаго свободы и томящагося въ убожествѣ и темнотѣ. И оставаться равнодушнымъ къ голосамъ людей, доносящимся изъ глубинъ народнаго горя до раззолоченныхъ палатъ и дворцовъ, значитъ не просто быть черствымъ и глухимъ къ страданіямъ равныхъ себѣ, но и быть причастнымъ къ преступленію, если эти голоса достигаютъ тѣхъ, въ чьей власти вскрыть язвы и организовать борьбу съ ужасными сторонами жизни.

И самые закоренѣлые формалисты, столь привычные къ суровой практикѣ люди не остаются равнодушны, когда со страницъ книги, нервами и кровью написанной, ударитъ имъ въ глаза правда, созданная ихъ нерадивыми, жесткими руками. Одинъ изъ такихъ случаевъ, пока, къ сожалѣнію, рѣдкихъ, разсказанъ въ этой книгѣ. Разсказалъ ея авторъ о томъ, что такое представлялъ московскій работный домъ, задуманный, вѣроятно, съ благою цѣлью пріютить, обогрѣть, накормить голодный и холодный людъ, стекающійся въ Москву изъ неурожайныхъ деревень и гибнущій въ ней безъ работы. И многіе годы существовалъ этотъ домъ, и общественная совѣсть была спокойна; всѣ знали, что есть заботливая рука, пекущаяся объ этихъ сотняхъ и тысячахъ живыхъ рабочихъ рукъ, искавшихъ и не находившихъ себѣ дѣла. Есть, стало быть, помощь несчастнымъ и слабымъ, есть живая, дѣятельная организація, которая приводитъ въ движеніе эти сильныя, мозолистыя руки и заставляетъ создавать полезную, культурную работу, столь нужную нашей родинѣ. И тысячи людей проходили черезъ это учрежденіе и исчезали въ пространство, и обыватель уже не интересовался ихъ судьбой, успокаиваясь на

мысли о почтенно выполненномъ долгѣ. И тѣмъ ужаснѣе предстала предъ нимъ картина, когда оказалось, что благодѣтельно задуманный работный домъ—горше тюрьмы, что беззащитныхъ и безпріютныхъ людей держатъ тамъ хуже собакъ, заставляютъ голодать, развиваютъ пороки и болѣзни, всячески унижаютъ и оскорбляютъ. Чего, чего не вытерпѣлъ авторъ (ведущій разсказъ отъ своего лица), когда, наголодавшись и измучившись въ поискахъ работы, онъ заявилъ желаніе поступить въ работный домъ! Положительно морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда подумаешь, что всѣ эти безсмысленныя жестокости и издѣвательства совершаются подъ видомъ благодѣянія, и что учрежденія, облекающія свою дѣятельность въ возвышенныя формы общественнаго служенія, на дѣлѣ подчасъ проявляютъ то же формальное, казенное отношеніе, въ которомъ и тѣни нѣтъ живой, любовной заботы о человѣкѣ.

Предлагая вниманію читателей очерки С. П. Подъячева, издатели сочли нужнымъ подчеркнуть ихъ конкретно - публицистическое значеніе. Появленіе нѣсколько лѣтъ назадъ гнетуще-тяжелыхъ картинъ изъ жизни работнаго дома всколыхнуло многихъ (особенно въ Москвѣ), а въ московской городской думѣ вызвало рядъ тревожныхъ запросовъ со стороны гласныхъ и затѣмъ ревизію. Московская администрація, въ свою очередь, проявила начальственную заботливость въ области, яко бы отъ нея непосредственно независящей, и тоже сдѣлала запросъ городскому самоуправленію относительно порядковъ въ подвѣдомственномъ ему учрежденіи.

Дума, какъ разсказано объ этомъ въ предисловіи, не могла оставить безъ отвѣта эти запросы. Въ „Извѣстіяхъ московской городской думы“ появилась статья, представляющая „какъ бы отвѣтъ“ на очерки г. Подъячева. Признавая, что повѣствованіе г. Подъячева „носитъ печать тяжелаго личнаго настроенія“, авторъ полуоффиціальной статьи не можетъ отказать ему въ томъ, что отдѣльныя описанія отличаются полной правдивостью; все это такъ бывало, а кое-что и до сихъ поръ такъ бываетъ въ работномъ домѣ“.

„Лучшей стороной этого отвѣта является то,—какъ справедливо замѣчаютъ издатели,—что указанія автора уже приняты во вниманіе. Такимъ образомъ, кое - что изъ фактическихъ условій рисуемаго г. Подъячевымъ быта отошло уже или отойдетъ вскорѣ въ область прошлаго. Но главный интересъ очерковъ, разумѣется, не въ этихъ чисто внѣшнихъ чертахъ. Многое въ этой тяжелой картинѣ коренится гораздо глубже тѣхъ условій, которыя въ состояніи измѣнить городская управа, а живая и страдающая „на днѣ“ городской жизни человѣческая душа, правдиво отраженная авторомъ, сохранитъ свое значеніе при всякихъ условіяхъ“.

Очерки г. Подъячева отличаются и чисто-литературными достоинствами—изобразительностью, силою и мѣткостью языка, а второй очеркъ („По этапу")—и типичностью. Передавая свои впечатлѣнія о средѣ людей, дошедшихъ до крайней степени обезличенія и нравственнаго паденія, авторъ умѣетъ находить въ нихъ искорки человѣчности и добрыхъ чувствъ, которыхъ не могли вытравить ни лишеніе свободы, ни голодъ, ни позоръ, и, читая, что̀ долженъ испытывать человѣкъ, отправляемый административнымъ путемъ по этапу, читатель съ невольнымъ ужасомъ спрашиваетъ себя: неужели все это совершается и въ настоящее время? А между тѣмъ вотъ что̀ мы читаемъ въ предисловіи: „Второй очеркъ перваго тома даетъ картины и впечатлѣнія этаповъ, т.-е. учрежденія, порядки котораго уже не зависятъ отъ городского самоуправленія. Много ли они отличаются отъ порядковъ работнаго дома (и въ какую сторону)—читатель увидитъ при чтеніи. Нужно только прибавить, что ни о какой тревогѣ, ни о какихъ запросахъ съ чьей бы то ни было стороны, а также ни о какихъ улучшеніяхъ по поводу этого второго очерка С. П. Подъячева мы не слыхали. Такимъ образомъ, если разсказы нашего автора повліяли отчасти на извлеченіе сучка въ глазу городского самоуправленія, то относительно бревна административно-этапныхъ порядковъ онъ далеко не былъ такъ же счастливъ"...

Вотъ почему мы желаемъ очеркамъ г. Подъячева самаго широкаго распространенія, при которомъ коллективная общественная мысль скорѣе обратитъ вниманіе на этотъ больной вопросъ нашего дурно-организованнаго быта и разрѣшитъ его прежде, нежели задумается надъ нимъ чье-либо не только участливое, но и вліятельное сердце.—Евг. Л.

VIII.

— *Ежегодникъ министерства финансовъ. Выпускъ 1904 года. Спб. 1905.*

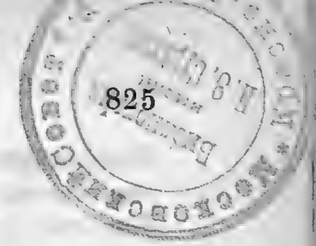
Сводныя ежегодныя изданія статистическихъ свѣдѣній о различныхъ сторонахъ экономической жизни составляютъ обычное явленіе въ передовыхъ государствахъ. У насъ такіе ежегодники издаются министерствомъ финансовъ. Первоначально они обнимали области жизни, находившіяся въ вѣдѣніи этого министерства. Теперь программа ихъ значительно расширилась и, кромѣ свѣдѣній о государственныхъ, земскихъ и городскихъ финансахъ, о дѣятельности банковъ и биржъ, своднаго баланса акціонерныхъ предпріятій, о состояніи фабрично-заводской промышленности и внѣшней торговли, въ ежегодникѣ даются свѣдѣнія о путяхъ сообщенія и перевозкѣ товаровъ, объ уро-

жаяхъ хлѣбовъ, о лѣсахъ и казенномъ лѣсномъ хозяйствѣ, о почтѣ и телеграфахъ, излагаются законодательные акты въ экономической и финансовой области, а въ нѣкоторыхъ выпускахъ помѣщаются свѣдѣнія, не имѣющія періодическаго характера. Въ послѣднемъ, подлежащемъ нашему разсмотрѣнію выпускѣ „Ежегодника“ къ числу такихъ свѣдѣній относятся, напр., свѣдѣнія о населеніи по переписи 1897 г., о распредѣленіи земель между собственниками Европейской Россіи въ 1900 г., о переселеніи крестьянъ въ Сибирь за 1885—1901 гг., объ арендованіи въ 1901 г. крестьянами внѣнадѣльныхъ земель и о сдачѣ ими въ аренду земель надѣльныхъ, впервые разработанныя отдѣломъ промышленности министерства финансовъ по особой программѣ свѣдѣнія о фабрично-заводской промышленности, статистическія свѣдѣнія по дополнительному и промысловому налогу за 1899—1902 гг. „Ежегодникъ“ заключаетъ около тысячи страницъ убористой печати. Большая часть его свѣдѣній пріурочена къ губерніямъ, городскіе финансы приводятся для каждаго города, банковые для каждаго банка, сводные балансы для каждаго отдѣльнаго предпріятія и т. д. По поводу недостатковъ этого изданія мы выскажемъ здѣсь слѣдующія замѣчанія.

Въ Сборникѣ не имѣется никакихъ объясненій къ таблицамъ, и читателю приходится строить догадки о содержаніи нѣкоторыхъ рубрикъ съ недостаточно опредѣленными обозначеніями и о томъ, почему по одному предмету свѣдѣнія относятся къ 1903 г., по другому—къ 1902 г., а по третьему—къ 1901 г. Нѣкоторыя свѣдѣнія заимствуются изъ источниковъ, гдѣ они не имѣли характера исчерпывающаго, а, будучи перенесены въ „Ежегодникъ“ безъ объясненія, они способны лишь ввести читателя въ заблужденіе. Сказанное относится къ таблицѣ объ арендѣ крестьянами внѣнадѣльныхъ земель и о сдачѣ въ аренду земель надѣльныхъ, собранныхъ въ 1901 г. департаментомъ окладныхъ сборовъ не для учета площади обращающихся въ крестьянской арендѣ земель, а для выясненія нѣкоторыхъ сторонъ арендныхъ отношеній. Крестьянскія аренды рисуются этими свѣдѣніями въ крайне уменьшенномъ размѣрѣ. Составители „Ежегодника“ недостаточно знакомы съ изданіями, откуда они извлекали свѣдѣнія, и производили эти извлеченія подчасъ крайне небрежно, вслѣдствіе чего заголовки нѣкоторыхъ графъ способны совершенно спутать лицъ, пользующихся таблицами. Такъ, на страницѣ 509-й для каждой желѣзной дороги и для всей сѣти даются свѣдѣнія о количествѣ товаровъ малой скорости подъ рубриками: отправлено, прибыло, транзитъ, итого перевезено. Въ дѣйствительности же рубрика „отправлено“ означаетъ отправленіе лишь на чужія дороги; отправленіе же на станціи своей дороги соединено съ прибытіемъ съ чужихъ дорогъ въ графѣ „прибыло“, и дѣйствительное отправленіе дороги остается неизвѣст-

нымъ. Въ итогѣ же для всей сѣти такая путаница приводитъ къ слѣдующей несообразности. Всѣ дороги въ 1901 г. отправили будто бы 1.703 милл. пуд., а получили 3.829 милл. пуд. или на 2.126 милл. пуд. болѣе. Откуда же, спрашивается, взялись эти 2.126 милл. пуд.? Несвѣдущему читателю естественно предположить, что такую массу грузовъ русскія желѣзныя дороги получаютъ съ дорогъ иностранныхъ. Дѣло же просто объясняется тѣмъ, что большая часть отправленія каждой дороги не вошла, по выше объясненнымъ причинамъ, въ счетъ; вслѣдствіе этого обстоятельства разсматриваемое нами изданіе не даетъ свѣдѣній о главнѣйшемъ въ экономическомъ отношеніи фактѣ желѣзнодорожной статистики—о количествѣ перевозимыхъ по рельсовой сѣти товаровъ. Между тѣмъ, ежегодно издающаяся „Сводная статистика перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ" представляетъ возможность показать не только общую сумму перевозимыхъ по рельсовой сѣти грузовъ, но и распредѣленіе ея по различнымъ категоріямъ товаровъ. Вмѣсто этихъ свѣдѣній, представляющихъ интересъ для каждаго экономиста, въ „Ежегодникѣ" приводятся такія спеціальныя показанія, какъ число паровозовъ и вагоновъ, ихъ пробѣгъ, потребленіе топлива и т. п. для каждой дороги отдѣльно, за каковыми свѣдѣніями спеціально интересующееся этими вопросами лицо обратится, безъ сомнѣнія, не къ „Ежегоднику министерства финансовъ", а къ соотвѣтствующимъ изданіямъ министерства путей сообщенія. Вообще говоря, пора бы уже признать, что разнаго рода статистическія изданія требуютъ руководства спеціалиста, и ихъ нельзя, поэтому, отдавать подъ надзоръ того или другого, свободнаго въ данный моментъ, чиновника. Особенно это надлежитъ имѣть въ виду правительственнымъ учрежденіямъ, публикаціи которыхъ въ нѣкоторыхъ слояхъ пользуются особымъ авторитетомъ.

Въ общемъ журналѣ мы не можемъ долго останавливаться на такомъ спеціальномъ предметѣ, какъ статистическій ежегодникъ. Поэтому, закончимъ нашу замѣтку указаніемъ на одинъ интересный отдѣлъ „Ежегодника", служащій какъ бы отвѣтомъ на раздававшіяся въ послѣдніе годы пожеланія, чтобы статистическій отдѣлъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ издавалъ ежегодно сводныя свѣдѣнія объ обмѣнѣ грузами между различными районами. Полуотвѣтомъ на это пожеланіе являются таблицы въ „Ежегодникѣ министерства финансовъ", въ которыхъ для нѣкоторыхъ грузовъ показывается количество, отправленное и полученное желѣзнодорожными станціями каждой губерніи, съ подраздѣленіемъ ихъ на грузы, назначенные въ сѣверные и южные порты и на западную сухопутную границу, или полученные съ этихъ районовъ. Только для этихъ 34-хъ грузовъ въ „Ежегодникѣ" имѣются и свѣдѣнія объ общемъ количествѣ ихъ, отправленномъ русскими желѣзными дорогами за время съ 1892 года по 1901 г.

IX.

— Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Этотъ сборникъ статей составленъ и изданъ учениками и почитателями И. А. Стебута, въ честь исполнившагося пятидесятилѣтія дѣятельности его на поприщѣ научной, общественной и частной агрономіи. Въ сборникъ вошло около двадцати статей, большая часть которыхъ имѣетъ не узко-спеціальный, а обще-экономическій интересъ. Несмотря на различные предметы этихъ статей, онѣ, такъ сказать, объединяются идеей о сельско-хозяйственныхъ районахъ и порайонномъ хозяйствѣ. Идея эта выдвинута въ сборникѣ на первый планъ какъ по важности ея для нашего отечества, такъ и по близости ея къ научной и практической дѣятельности юбиляра, развивавшаго вопросъ о порайонномъ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ „въ многочисленныхъ бесѣдахъ и въ своихъ сочиненіяхъ". Важность согласованія сельско-хозяйственной дѣятельности съ условіями и особенностями мѣстности не подлежитъ сомнѣнію, но для того, чтобы созданіе соотвѣтствующихъ типовъ хозяйствъ совершалось сознательно и систематически, нужно, чтобы эти особенности были выяснены, и подведены имъ итоги. Осуществленіе этого требуетъ разносторонняго изученія страны. И лишь послѣ того, какъ Россія будетъ разбита на районы съ точки зрѣнія климатолога, почвовѣда, экономиста и т. д., можно будетъ „путемъ мирнаго процесса сопоставленій и комбинацій опредѣлить и разграничить истинные или раціональные районы". Разрѣшеніе этого вопроса есть дѣло еще очень отдаленнаго будущаго; въ настоящемъ же, по словамъ проф. Фортунатова, „мы не располагаемъ средствами для того, чтобы точно опредѣлить относительную важность отдѣльныхъ признаковъ, которыми характеризуется сельско-хозяйственное положеніе различныхъ мѣстностей" (стр. 19). Прямо или косвенно касаются вопроса о сельско-хозяйственныхъ районахъ особенно статья Д. И. Рихтера, о сдѣланныхъ уже попыткахъ раздѣленія Россіи на районы по естественно-историческимъ и экономическимъ признакамъ, статья П. И. Броунова, о географическихъ районахъ Россіи, А. Ѳ. Фортунатова, о районахъ яровыхъ посѣвовъ, Г. Н. Высоцкаго, о типахъ мѣстопроизрастаній, Г. И. Танфильева, о районахъ черноморскаго побережья Кавказа, А. П. Мертваго, о государственной политикѣ, какъ факторѣ въ созданіи районовъ хозяйства, А. Н. Челинцева, о районахъ, какъ стадіяхъ развитія сельскаго хозяйства, и самая длинная статья сборника—сравнительная характеристика пшеничныхъ районовъ Россіи, Аргентины и Соединенныхъ

Штатовъ Сѣверной Америки. Болѣе мелкія или спеціальныя статьи сборника мы не называемъ. Помимо значенія въ смыслѣ выясненія особенностей различныхъ районовъ Россіи, нѣкоторыя статьи разсматриваемаго изданія представляютъ интересъ и въ другихъ отношеніяхъ. Работа г. Клингена заключаетъ разсчеты о сравнительномъ положеніи хозяйства и рабочаго класса въ пшеничныхъ районахъ Россіи, Америки и Аргентины. Чтобы судить о томъ, какъ рѣзко различаются эти страны въ отношеніи общественныхъ условій сельско-хозяйственной дѣятельности при сравнительномъ сходствѣ въ условіяхъ естественныхъ, достаточно сказать, что заработная плата въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ превышаетъ въ четыре раза заработную плату русскаго сельско-хозяйственнаго рабочаго, и что, несмотря на это различіе, пудъ пшеницы въ Америкѣ обходится гораздо дешевле (38,5 коп.), чѣмъ въ Россіи (48—60 коп.). Особенно дорого (если считать по рыночнымъ цѣнамъ труда) обходится добываніе хлѣба русскому крестьянину, и если въ счетъ расходовъ положить ренту, то окажется, что послѣдній работаетъ въ убытокъ. Очень интересны разсчеты г. Клингена относительно производительности труда русскаго и американскаго рабочаго и покупательной силы ихъ заработковъ. Одинъ рабочій день, затраченный на земледѣліе, въ восточномъ районѣ Россіи приноситъ 1,86 пудовъ пшеницы, въ южной Россіи—2,7 пуд., а въ Америкѣ—14,7 пуд. или въ 6—8 разъ болѣе. Сопоставляя заработки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и фермеровъ въ Америкѣ и Россіи съ цѣнами на различные предметы, авторъ приходитъ къ заключенію, что дневной заработокъ американскаго рабочаго даетъ ему возможность пріобрѣсти въ семь разъ болѣе товаровъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ рабочій за свой заработокъ въ южной Россіи, и въ четырнадцать разъ болѣе рабочаго восточной Россіи. „Это равносильно тому, что въ Америкѣ одинъ рабочій потребляетъ прямо и косвенно столько же, сколько въ Россіи потребляютъ двѣ семьи по шести душъ каждая",—говоритъ авторъ. Въ дѣйствительности, потребленіе русскаго, сравнительно, еще ниже, потому что его семья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число неработающихъ ея членовъ больше.

Въ своей небольшой замѣткѣ г. Мертваго пытается показать, что въ Московскомъ государствѣ сельское хозяйство „развивалось планомѣрно, въ зависимости отъ основныхъ факторовъ районности", и ясно уже намѣчались различные сельско-хозяйственные районы, хотя правительство этого времени не принимало спеціальныхъ мѣръ для того, чтобы поднять хозяйство той или другой области. Въ петербургскій же періодъ русской исторіи происходитъ нѣчто обратное. Начиная, впрочемъ, еще съ Алексѣя Михайловича и „кончая текущими днями, каждое пятидесятилѣтіе происходитъ съ правильностью хода разъ

заведенной бюрократической машины оборотъ цѣлаго ряда однѣхъ и тѣхъ же заботъ о сельскомъ хозяйствѣ, одна уже періодичность которыхъ указываетъ на ихъ безрезультатность". Достаточно указать, что подмосковные, напр., уѣзды, въ XVI вѣкѣ отличавшіеся развитіемъ пашень и луговъ и бѣдностью лѣсами, занимавшими здѣсь менѣе 10% площади, въ наше время пришли въ такое состояніе, что лѣсамъ принадлежитъ 40% ихъ пространства. „Едва ли найдется еще страна, гдѣ населенію, окружающему такой потребительный центръ, какъ Москва, приходилось бы выращивать древесину вмѣсто продуктовъ питанія человѣка!"—говоритъ авторъ. Причину сказаннаго А. П. Мертваго видитъ въ отсутствіи у насъ устойчивой и опредѣленной государственной политики и развитія общественности въ населеніи. „Населеніе, лишенное общественности, совершенно отучалось государственно мыслить; бюрократія же, направляющая государственную политику, вслѣдствіе обширности территоріи страны и быстро растущей сложности интересовъ ея обитателей, не можетъ охватить умомъ всѣхъ послѣдствій, проводимыхъ изъ центра мѣропріятій".

Въ статьѣ г. Челинцева на примѣрѣ трехъ уѣздовъ черноземнаго района, сходныхъ по естественнымъ и экономическимъ условіямъ, но различающихся по густотѣ населенія, авторъ показываетъ, какъ это различіе отразилось на интенсивности сельскаго хозяйства. Эта тема подробнѣе, впрочемъ, трактуется авторомъ въ „Саратовской Земской Недѣлѣ" (1905, № 3).

X.

— П. П. Мельгуновъ. Очерки по исторіи русской торговли IX—XVIII вв. Съ картою. Посмертное изданіе. Москва. 1905.

Экономическая исторія Россіи разработана очень недостаточно, и это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что экономическая жизнь складывается изъ мелкихъ фактовъ и событій, неподлежащихъ правильной и всеобщей регистраціи, правильному и систематическому регулированію власти. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣются лишь о древней торговлѣ Россіи, по крайней мѣрѣ, о торговлѣ ея съ иностранными государствами, такъ какъ эта торговля происходила на виду, велась организованно, служила источникомъ крупныхъ доходовъ для отдѣльныхъ лицъ и правительствъ, и различные ея моменты отмѣчались правительственными актами, и лѣтописями и записками наблюдателей. Исторіи нашей торговли, преимущественно внѣшней, посвященъ и разсматриваемый трудъ покойнаго П. П. Мельгунова, со-

ставившійся изъ лекцій, читанныхъ имъ въ московской практической Академіи коммерческихъ наукъ. Согласно заголовку очерковъ, они обнимаютъ время до конца XVIII вѣка; но въ дѣйствительности XVIII вѣкъ изложенъ въ нихъ настолько поверхностно, что трудъ покойнаго автора лучше считать охватывающимъ русскую торговлю въ періодъ удѣльно-вѣчевого и московскаго періодовъ. Это время описано въ „Очеркахъ" очень живо и интересно, причемъ авторъ не разсматриваетъ свой предметъ изолированно, а ставитъ судьбы торговли въ связь съ общимъ развитіемъ государственной жизни и, пожалуй, слишкомъ много останавливается на причинахъ, обусловившихъ то, а не иное направленіе послѣдней.

Подобно тому, какъ это было въ другихъ странахъ, первоначально торговля русскихъ была, главнымъ образомъ, внѣшней. Всеобщность этого факта въ исторіи торговли объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе неустройства сухопутныхъ сообщеній, передвиженіе товаровъ внутри страны на первоначальныхъ ступеняхъ исторіи представляется крайне затруднительнымъ, а по причинѣ господства натуральнаго хозяйства въ широкомъ развитіи обмѣна товаровъ не чувствуется и надобности. Торговля же внѣшняя, гдѣ она развивается, происходитъ преимущественно по воднымъ, удобнымъ для сообщенія путямъ. Въ силу указанныхъ причинъ внѣшняя торговля развивается главнымъ образомъ, въ тѣхъ странахъ, которыя прилежатъ къ морямъ; но въ нашей странѣ живой обмѣнъ товарами съ чужими землями развился въ такое время, когда она еще не имѣла морскихъ выходовъ. Произошло это потому, что поселившіеся въ бассейнахъ Двины, Днѣпра и Оки славяне оказались въ центрѣ торговыхъ сношеній, завязанныхъ болѣе цивилизованными и предпріимчивыми народами (норманнами и арабами), на пути „изъ варягъ въ греки" (по рѣкѣ Днѣпру) и въ области торговли болгаръ съ арабами (путь по рѣкѣ Волгѣ). Возможность вести живыя торговыя (первоначально наполовину и военныя) сношенія съ богатыми и развитыми народами Востока и Запада и получать оттуда предметы комфорта, военной и государственной необходимости—должна была оказывать сильное вліяніе на историческое развитіе русскихъ славянъ. Вліяніе это обусловливалось не только непосредственнымъ столкновеніемъ съ живой и болѣе высокой культурой, но и тѣмъ, что развитіе торговли поддерживало въ славянахъ стремленіе къ распространенію своего вліянія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, къ добычѣ оттуда пушного звѣря, серебра, тюленьяго жира и моржевой кости, которые жадно искались иностранными купцами. Временный расцвѣтъ Кіевскаго княжества основанъ былъ, главнымъ образомъ, на живыхъ торговыхъ связяхъ его съ Византіей, и послѣ того, какъ вслѣдствіе нашествія изъ Азіи новыхъ полчищъ кочевни-

ковъ торговый путь въ Византію черезъ южныя степи былъ порванъ—Кіевъ утратилъ былое значеніе. Центръ политической жизни русскихъ славянъ переносится послѣ того на сѣверъ, въ Новгородъ, достаточно удаленный отъ степи для того, чтобы не подвергаться ея враждебному воздѣйствію. „Степь и поле всегда выступали для русскихъ враждебно: поле мѣшаетъ цивилизаціи, и едва начинается русская исторія, какъ начинается и кровавая борьба лука съ плугомъ" (стр. 54). Печенѣги, половцы, татары смѣняютъ другъ друга и последовательными ударами забиваютъ южную Русь.

Кіевъ лежалъ въ средней части воднаго пути „изъ варягъ въ греки"; въ сѣверной части этого пути находился Новгородъ, вступившій, благодаря этому, въ непосредственныя торговыя сношенія съ Балтійскимъ моремъ, съ Швеціей и Даніей. Сѣверное направленіе русской торговли съ Западомъ не могло не оживиться съ утратою южнаго пути, особенно, когда на балтійскомъ побережьи утвердились нѣмцы и образовали сильный ганзейскій союзъ. Русская торговля съ Европой имѣла, однако, пассивный характеръ, такъ какъ организованные ганзейцы старались не допускать новгородцевъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ мѣстами сбыта поставляемыхъ ими товаровъ. Это, однако, не мѣшало Новгороду богатѣть, подыматься и играть видную роль во внутренней исторіи русскихъ славянъ. Роль эта, однако, какъ и роль Кіева, была временной и приближался моментъ, когда Новгороду предстояло уступить первенство младшему члену русской семьи—княжеству суздальскому. Въ данномъ случаѣ это обусловливалось неумѣніемъ Новгорода объединить русскихъ славянъ. Первоначальная исторія суздальскаго княжества тоже тѣсно была связана съ судьбами внѣшней торговли, которая велась имъ преимущественно въ юго-восточномъ направленіи. Почти прерванная татарскимъ нашествіемъ торговля русскихъ славянъ съ закаспійскими странами скоро опять оживилась, потому что татары сами проявляли большую склонность къ торговлѣ и были настолько цивилизованы, что понимали выгоды обмѣна собираемой ими съ покоренныхъ народовъ дани сырыми произведеніями и деньгами на разнообразныя произведенія богатаго и цивилизованнаго востока. Суздальская Русь воспользовалась этимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и торговлей съ востокомъ стали заниматься не только простые купцы, но и бояре, князь и митрополитъ. Эти близкія торговыя связи съ востокомъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ непосредственнаго территоріальнаго сосѣдства татаръ и частаго общенія съ ними, отразились не только на экономической сторонѣ быта суздальской Руси, но и на общемъ складѣ ея жизни. А такъ какъ суздальская Русь явилась организаторомъ русскаго государства, то ясный восточный отпечатокъ оказался и на этомъ послѣднемъ.

Иностранная торговля Новгорода, съ присоединеніемъ послѣдняго къ Москвѣ, была уничтожена насильственно, а иностранные купцы и ихъ товары были отправлены въ Москву. Впрочемъ, внѣшняя торговля Новгорода должна была пасть и въ силу причинъ болѣе общаго характера, такъ какъ съ открытіемъ новаго морского пути въ Индію Ганза теряла прежнее значеніе. Объединеніе Руси и развитіе города Москвы, становившагося все болѣе и болѣе крупнымъ центромъ съ многочисленнымъ населеніемъ, богатымъ царскимъ дворомъ и его приближенными, способствовало значительному развитію промышленности и торговли района, тяготѣвшаго къ Москвѣ. При устроеніи новаго государства чувствовалась вмѣстѣ съ тѣмъ больше и больше необходимость тѣснаго общенія съ просвѣщеннымъ Западомъ. Между тѣмъ прежній ближайшій путь этого общенія—черезъ Балтійское море—былъ порванъ, а возстановленіе его—вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Ливоніи и Литвѣ — было затруднительно. Въ это время, весьма кстати, англичанами былъ открытъ морской путь изъ Европы въ Бѣлое море, и царь Іоаннъ IV, путемъ всевозможныхъ торговыхъ льготъ, поспѣшилъ обратить его въ путь постоянныхъ торговыхъ сношеній съ Западомъ. Онъ игралъ эту роль въ теченіе полутора столѣтія, пока Петръ Великій не завоевалъ побережій Балтійскаго моря, пробилъ здѣсь окно въ Европу и мѣрами насилія возстановилъ старое, западное направленіе нашихъ сношеній съ послѣднею. Это направленіе внѣшней торговли долго было господствующимъ. Съ распространеніемъ границъ Россійской Имперіи до береговъ Чернаго моря, съ Балтійскимъ моремъ стало соперничать это послѣднее, а затѣмъ и западная сухопутная граница. Въ настоящее время торговля Россіи съ Западомъ распредѣляется приблизительно поровну между этими тремя направленіями.

XI.

— Н. Карышевъ. Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ. Москва. 1905.

Въ названной книжкѣ изложены лекціи, читанныя недавно умершимъ Н. А. Карышевымъ въ 1901—3 годахъ въ Русской высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ и въ московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ,—лекціи, имѣвшія цѣлью „ознакомить слушателей съ литературнымъ споромъ о размѣрахъ землевладѣнія“, или, говоря болѣе точно, съ вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ законы капиталистическаго развитія индустріи, въ силу которыхъ мелкое производство неизбѣжно вытѣсняется крупнымъ, приложимы къ области

сельскаго хозяйства. Горячіе споры по этому вопросу возникли, благодаря категорическому утвержденію марксистовъ, что земледѣліе подчиняется одинаковымъ законамъ съ фабрично-заводской промышленностью и въ отношеніи перехода отъ мелкой къ крупной формѣ производства испытываетъ одинаковую съ нею судьбу. Это рѣшительное утвержденіе, впрочемъ, постепенно смягчается болѣе и болѣе, а извѣстное сочиненіе Каутскаго въ защиту воззрѣній марксизма на аграрный вопросъ одинъ изъ русскихъ писателей (г. Черновъ) называетъ даже капитуляціей по многимъ пунктамъ передъ критикой (Карышевъ, стр. 10). Карышевъ въ своей книжкѣ излагаетъ мнѣнія не многихъ авторовъ. Со стороны марксизма фигурируетъ, преимущественно, Каутскій, съ противной стороны, главнымъ образомъ, Гертцъ, Булгаковъ, Черновъ и Каблуковъ. Изъ этого перечисленія читатель можетъ усмотрѣть, что Карышевъ не задавался цѣлью исчерпать литературу предмета. Его задачей было скорѣе ознакомить читателя съ новѣйшими спорами по аграрному вопросу, да и здѣсь онъ цитируетъ далеко не всѣхъ авторовъ, участвовавшихъ въ спорѣ (упущенъ, напр., г. Масловъ). Карышевъ начинаетъ свои лекціи съ разсмотрѣнія вопроса объ особенностяхъ приложенія капитализма къ земледѣлію, затѣмъ излагаетъ аргументы, говорящіе противъ крупнаго хозяйства и за него, противъ мелкаго хозяйства и за него. Въ маленькой главѣ, слѣдующей за этой аргументаціей pro и contra, покойный писатель подводитъ ей „итоги“. Это подъитоживаніе заключается собственно въ развитіи мысли г. Чернова, что общественное сельско-хозяйственное производство „развертываетъ передъ нами безконечно растущую цѣпь выгодъ и преимуществъ, но капиталистическая форма этого обобществленія не даетъ многимъ изъ нихъ проявиться“ (стр. 53). Въ самомъ дѣлѣ, возраженія противъ крупной формы сельскаго хозяйства направлены въ сущности „не противъ техники крупнаго производства, а противъ капиталистической формы крупныхъ предпріятій“. А доводами въ пользу мелкаго хозяйства защищаются главнымъ образомъ „не преимущества мелкой культуры, а именно то, изъ чего складывается некапиталистическій характеръ этого типа хозяйства“. Если это вѣрно, то данный вопросъ допускаетъ примиреніе въ созданіи формы хозяйства, соединяющей преимущества того и другого рода. Иначе мы не выйдемъ изъ такого невѣроятнаго противорѣчія: технически-сильное крупное хозяйство (подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій В. В.) опускается, дробится, а технически-слабое, мелкое, имѣющее органическіе крупные пороки, развивается и оказывается болѣе устойчивымъ въ борьбѣ съ конкурренціей“. Для устраненія этого противорѣчія, „отражающагося на сокращеніи производства страны, необходима

такая хозяйственная форма, которая избѣгала бы недостатковъ, связанныхъ съ приложеніемъ капитализма къ крупному хозяйству (малая производительность наемнаго труда, недостатокъ рабочихъ, непосильная конкурренція съ заокеанскимъ продуктомъ", и т. д.), избѣгала бы основныхъ пороковъ мелкаго хозяйства (черезполосицы, дробленія, изолированности), вручила бы рабочему орудіе его производства (землю) и сохранила бы всѣ техническія преимущества крупнаго хозяйства". Къ разрѣшенію такой задачи жизнь подходитъ примѣненіемъ къ сельскому хозяйству коопераціи, разсмотрѣнію которой и посвящена послѣдняя глава книжки Карышева.

Кооперація очень постепенно выполняетъ свою историческую миссію объединенія мелкихъ владѣній въ систему крупнаго производства, и, слѣдуя Гертцу, авторъ такимъ образомъ характеризуетъ послѣдовательныя фазы кооперативнаго развитія—„отъ самыхъ малыхъ связей между отдѣльными хозяевами до полнаго ихъ соединенія". Сначала земледѣльцы устраиваютъ кредитныя учрежденія, оставляющія ихъ вполнѣ свободными въ хозяйственной дѣятельности; затѣмъ они соединяются для коммиссіонныхъ операцій по продажѣ и покупкѣ „по предложенію и за счетъ" отдѣльныхъ хозяевъ. Эти союзы становятся болѣе и болѣе постоянными и осложняются сперва ограниченною, а затѣмъ неограниченною отвѣтственностью членовъ. Затѣмъ наблюдаются ограниченія индивидуальной свободы хозяевъ. Члены союза обязываются покупать нужные имъ предметы и продавать свои продукты черезъ посредство товарищества. Условія выгодной продажи требуютъ однородности и хорошаго качества товаровъ, и вотъ кооперація начинаетъ захватывать производительную дѣятельность своихъ членовъ съ цѣлью осуществленія этихъ условій. Это совершается въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Сельскіе хозяева соединяются въ товарищества для работы паровымъ плугомъ, для пользованія молотилкой и т. п., возникаютъ товарищескіе заводы для улучшенія или дальнѣйшей переработки продуктовъ хозяйства членовъ общества; сельскіе хозяева начинаютъ подчиняться указаніямъ инструкторовъ въ отношеніи кормленія и содержанія скота для того, чтобы доставляемое ими на кооперативный заводъ молоко удовлетворяло опредѣленнымъ требованіямъ качества; руководство инструкторовъ понемногу распространяется на бо̀льшее и бо̀льшее число моментовъ сельско-хозяйственнаго производства, пока,—какъ, напр., въ кооперативномъ винодѣліи Германіи,—инструкторы не обращаются въ полныхъ распорядителей техники производства даннаго продукта, поступающаго затѣмъ для дальнѣйшей обработки на кооперативный заводъ. Этимъ путемъ разрозненные мелкіе хозяева постепенно утрачиваютъ черты своего индивидуализма и пріобрѣтаютъ, выражаясь марксистскимъ жаргономъ,

„коллективистическій черепъ", обезпечивающій устойчивость общественнаго производства, членами котораго они сдѣлались. Такимъ образомъ, наряду съ капиталистической эволюціей промышленности отъ мелкой къ крупной формѣ совершается развитіе общественнаго производства не капиталистическимъ путемъ. Значеніе кооперацій въ этомъ процессѣ давно признано, напр., бельгійскими соціалистами.—В. В.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Благодушная, Софія. — Какъ онъ пошелъ въ народъ. Повѣсть изъ жизни русскаго заграничнаго духовенства. Т. I. Спб. 905. Стр. 645. Ц. 2 р.

Браунсъ, Р., д-ръ.—Царство минераловъ. Вып. 6-й. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 905. Ц. 2 р. 75 к.

Буткевичъ, А. — Самоучитель пчеловодства. Общедоступное руководство для пчеловодовъ-практиковъ. Со 100 рисунками. М. 906. Стр. 418. Ц. 1 р. 25 к.

Вандаль, Альбертъ. — Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III-го года. Переводъ съ XI французскаго изданія З. Н. Журавской. Спб. 905. Стр. 616. Ц. 2 р.

Горленко, В.—Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. Спб. 905. Стр. 236+4. Ц. 75 к.

Гредескулъ, Н. А., проф. Имп. Харьковскаго Университета. — Марксизмъ и идеализмъ. Публичная лекція. Изданіе второе. Изданіе книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ. 905. Стр. 43. Б. ц.

Лаппо, Д. Е.—Преступленія и наказанія по степному праву сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ (Минусинскіе татары). Красноярскъ. 905. Стр. 57.

Лассаль, Фердинандъ.—Письма къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣч. Ф. Меринга. Перев. В. Шанина, подъ ред. А. Финна. Спб. 905. Стр. 374. Цѣна 1 р. 50 к.

Левитовъ, И.—Желтороссія, какъ буферная колонія. Докладъ въ Обществѣ для содѣйствія русской промышл. и торговли. Спб. 905. Стр. 120. Ц. 75 к.

Менгеръ, Антонъ.—Новое ученіе о государствѣ. (Образовательная библіотека, серія VI, № 7 и 8). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 905. Стр. 320. Ц. 1 р.

— Новое ученіе о государствѣ. Разрѣшенный авторомъ перев. съ нѣмец. подъ редакціей Б. Кистяковскаго. Изд. С. Скирмунта. Спб. 905. Стр. 357. Цѣна 1 рубль.

Минскій, Н. М. — Религія будущаго. Философскіе разговоры. Спб. 905. Изд. М. В. Пирожкова. Стр. 302. Ц. 2 р.

Педашенко, А. Д.—Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1901 годъ. (М. З. и Г. И. Отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Спб. 905. Стр. 203.

Потанина, А.—Дорджи, бурятскій мальчикъ. Съ 10 рисунками. Изданіе „Посредника". М. 905. Стр. 75. Ц. 15 к. — Разсказы о бурятахъ, ихъ вѣрѣ и обычаяхъ. Съ 14 рисунками. Изданіе „Посредника". М. 905. Стр. 60. Ц. 12 к.

Рамзевичъ, Н. К.—Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. Спб. 905. Стр. 425. Съ приложеніями. Ц. 2 р.

Сальниковъ, А.—Современныя русскія поэтессы. Спб. 905. Стр. 80. Ц. 70 к.

Спенсеръ, Гербертъ.—Размышленія (Reflections). Глава изъ автобіографіи. Переводъ съ англійскаго Г. Г. Оршанскаго. Изд. кн. маг. Брейтигама въ Харьковѣ. М. 905. Стр. 66. Ц. 40 к.

Сѣверный, Н.—Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 905. Стр. 286. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н.—Афоризмы и избранныя мысли, собранные Л. П. Никифоровымъ. Вып. I. Изд. „Посредника". Стр. 88. Ц. 30 к.

Tugan-Baranowsky, D-r Michael. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Lpz. 905. Стр. 238. Ц. 5 мар.

— Бесѣды объ окружающихъ явленіяхъ, для учащихся въ сельскихъ школахъ. Ч. I. Воздухъ и вода. Съ 39 рис. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 905. Стр. 86. Ц. 25 к.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. София, 905. In 4°. Стр. 72. Ц. 1.10 фр.

— Народный университетъ въ г. Томскѣ. Томскъ, 905. Стр. 12, in 16°.

— Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. (Статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Съ 3 геліогравюрами. Спб. 905. Стр. 495. In 4°. Ц. 5 р.

— О писателяхъ. Разсказы очевидцевъ о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и др., собранные и записанные Алексѣемъ Мошинымъ. Спб. 905. Стр. 23. Цѣна 20 к.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1902 годъ. Спб. 905.

— Открытое письмо г.г. членамъ отъ промышленности въ коммиссіи статсъ-секретаря В. Н. Коковцева по рабочему вопросу. 905.

— Отчетъ С.-Петербургской пожарной команды за 1904 годъ. I. Спб. 905. Стр. 38. Съ 4 планами.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1904 г., представленный Директоромъ Музеевъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія. М. 905.

— Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общимъ руков. П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, подъ редакціею В. П. Семенова. Т. IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 905. Стр. 620. Ц. 3 р. 75 к.

— Тексты конституцій. I. Прусская конституція. Перев. М. Іоффе, подъ ред. и съ предисл. проф. И. Лучицкаго. Стр. 28. II. Испанская конституція. Перев. Н. И. Лучицкаго, подъ ред. и съ предисл. проф. И. Лучицкаго. Стр. 32. Кіевъ. 905. Изд. газ. „Кіевскіе Отклики". Ц. по 5 к.

— Труды Коммиссіи, созванной по порученію чрезвычайнаго Казанскаго губернскаго собранія дворянства 12 марта 1905 г., по вопросу о народномъ представительствѣ. Казань. 905. Стр. 106+21+19+5+4+14+10+4+6+10+7+ +6+6+3+4+3+2+4+13.

— Труды Полтавской ученой архивной коммиссіи. Подъ ред. В. И. Василенка, Л. В. Падалки и И. Фр. Павловскаго. Вып. I. Полтава. 905. Стр. IX+214+137. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anton Menger. Neue Staatslehre. 2 Aufl. Jena. 1904. Стр. 254.

Въ наукѣ объ обществѣ принято противопоставлять современный строй народной жизни, называемый „буржуазнымъ", новому будущему строю, именуемому „соціалистическимъ" въ широкомъ смыслѣ слова. Съ легкой руки К. Маркса, терминъ „буржуазный" употребляется по отношенію ко всякому, кто является противникомъ или критикомъ предполагаемаго въ будущемъ соціальнаго строя. Отличительная особенность многихъ изъ этихъ мыслителей—не столько въ томъ, что они умышленно превозносятъ положительныя стороны существующаго порядка вещей, сколько въ недостаткѣ творческой фантазіи, въ неспособности представить себѣ совершенно иныя начала общественной жизни. Всякій смѣлый полетъ мысли за предѣлы существующаго они стараются или вовсе не замѣчать, или тотчасъ же указывать на ихъ реальную неосуществимость. Въ послѣднемъ случаѣ обычной логической ошибкой является ignoratio principii, т.-е. возражаютъ не по существу, а противъ какой-нибудь частности. Часто въ этомъ повинны бываютъ сами творцы новыхъ системъ въ своемъ излишнемъ стремленіи къ реальности.

Передъ нами новая попытка разрѣшить соціальную проблему будущаго. Автора ея нельзя причислить къ мыслителямъ-творцамъ, смѣлымъ въ своихъ полетахъ въ безконечную высь будущаго. Нѣтъ, Антонъ Менгеръ, авторъ новаго ученія о государствѣ,—реалистъ и практикъ. Его заинтересовала практическая сторона осуществимости того общественнаго строя, который долженъ смѣнить современный. И даже больше: его занимаетъ не столько самый общественный строй, какъ его государственная форма.

Можно себѣ представить такого рода общеніе, когда образующіе его члены не будутъ нуждаться вовсе ни въ какихъ установленныхъ институтахъ, будутъ ли они на основахъ принужденія (каковы государственныя учрежденія) или на началахъ договорныхъ. Послѣднія въ концѣ концовъ также легко сводятся къ союзамъ принудительнымъ, такъ какъ всякій договоръ, поскольку онъ имѣетъ юридическую квалификацію, носитъ въ себѣ элементъ принудительной санкціи. Такой строй, называемый обыкновенно анархическимъ, не представляется Менгеру когда-нибудь осуществимымъ на землѣ, и потому

онъ на немъ ближайшимъ образомъ не останавливается; онъ лишь замѣчаетъ, что и въ этихъ крайнихъ ученіяхъ есть элементъ правды, хотя бы, напр., въ томъ, что современное общество, въ которомъ господствуютъ интересы ограниченнаго круга лицъ, не можетъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи удовлетвориться однимъ принужденіемъ. Но, съ другой стороны, авторъ глубоко убѣжденъ, что человѣчество никогда не въ состояніи будетъ обойтись безъ государства, съ его законодательствомъ, съ его властью наказывать и принуждать (стр. 15).

Коротко говоря, Менгеръ ограничиваетъ свое изслѣдованіе попыткой дать практическія указанія относительно реальной возможности новаго государственнаго строя. До сихъ поръ соціализмъ имѣлъ по преимуществу характеръ критики и отрицанія всей капиталистической буржуазной организаціи народной жизни, и лишь слегка касался положительной стороны будущаго общества. Авторъ хочетъ заполнить существующій въ этомъ отношеніи пробѣлъ въ соціалистическихъ ученіяхъ и стремится выдвинуть болѣе, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалось, положительную сторону ученія о будущемъ государствѣ—positive, organisatorische Seite mehr als bisher auszugestalten (стр. III, Введенія).

До французской революціи вопросъ о неимущихъ всецѣло принадлежалъ компетенціи церкви. Лишь съ конца XVIII вѣка рабочіе классы, свободные отъ религіозной окраски, выступили на арену политической жизни и обнаружили свое значеніе въ государствѣ, какъ дѣйствующая, направляющая сила (als die bewegende Macht). До іюльской революціи 1830 г. движеніе рабочихъ классовъ носило характеръ чисто политическій, а съ этихъ поръ они отражаютъ въ себѣ интересы обще-соціальные. Соціализмъ представляется автору какъ такой общественный строй, въ которомъ главное мѣсто будутъ занимать общіе интересы всѣхъ трудящихся элементовъ народа, въ противоположность существующему строю, олицетворяющему частные интересы привилегированнаго меньшинства. Послѣдній создаетъ властвующее и повелѣвающее государство (herrschenden und gebietenden Staat), которое Менгеръ называетъ „индивидуалистическимъ принудительнымъ государствомъ“ (der individualistische Machtstaat). Противопоставляемый ему новый соціалистическій строй носитъ у автора названіе „общенароднаго трудового государства (der volkstümliche Arbeitsstaat).

Милитаристическое и индивидуалистическое римское государство создало расчлененіе права публичнаго и частнаго. Въ будущемъ строѣ, по Менгеру, всѣ частные интересы сольются съ общими, слѣдовательно, singulorum utilitas будетъ совершенно совпадать съ publice utilia, а потому и существующаго различенія публичнаго права отъ частнаго не будетъ существовать (стр. 76). Иллюстраціями къ этой мысли и служатъ дальнѣйшія главы о собственности, договорѣ, семьѣ

и т. д., обо всемъ томъ, что въ настоящее время называется гражданскимъ правомъ. Въ слѣдующемъ же большомъ отдѣлѣ (кн. III) говорится о томъ, что составляетъ предметъ современнаго публичнаго или государственнаго права, т.-е. объ управленіи и органахъ „общенароднаго трудового государства“.

Весь современный міръ гражданскихъ правоотношеній покоится на двухъ главныхъ основахъ: на частной собственности и семьѣ. Всѣ остальные частно-правовые институты привходятъ сюда въ качествѣ дополнительныхъ. Въ виду такого огромнаго значенія собственности и семьи всѣ соціалистическія ученія останавливаютъ въ особенности на нихъ свое вниманіе. Останавливается на нихъ въ подробностяхъ и Антонъ Менгеръ.

Нужно вообще замѣтить, что авторъ всюду исходитъ изъ современныхъ понятій и выраженій и нисколько не смущается ихъ весьма разнообразнымъ значеніемъ и пониманіемъ. Такъ, вмѣсто *права* собственности, что имѣетъ весьма опредѣленное содержаніе на языкѣ юристовъ, онъ всюду говоритъп росто о собственности (das Eigenthum), не анализируя этого весьма растяжимаго понятія ближе; и потому заявляетъ, что собственность есть „вѣчное“ понятіе: оно никогда не исчезнетъ изъ міра соціальныхъ отношеній (стр. 79).

Несомнѣнно, такого рода афоризмами многое не разъясняется непосвященному въ юридическія тонкости и непредубѣжденному читателю. Мало также даетъ и дальнѣйшее расчлененіе объектовъ собственности по отношенію къ нимъ будущаго государства. Здѣсь Менгеръ очень приближается къ воззрѣніямъ „буржуазныхъ“ экономистовъ, въ родѣ Адольфа Вагнера. По примѣру послѣднихъ, онъ дѣлитъ вещи на уничтожаемыя при потребленіи (verbrauchbare Sachen) и на такія, которыя допускаютъ продолжительное пользованіе (benützbare Sachen). Первыя допускаютъ только исключительное господство надъ ними одного лица и потому въ будущемъ соціалистическомъ строѣ должны остаться объектомъ частной собственности. Вторыя допускаютъ въ свою очередь двоякое расчлененіе: или онѣ тоже ограничиваются исключительнымъ господствомъ надъ ними отдѣльныхъ лицъ, какъ, напр., носильное платье, или онѣ допускаютъ одновременное или послѣдовательное пользованіе со стороны многихъ лицъ; въ послѣднемъ случаѣ право частной собственности по отношенію къ нимъ должно быть ограничено, и Менгеръ устанавливаетъ для нихъ право пользованія (Benützungsrecht).

Кромѣ этихъ двухъ группъ, какъ это принято во всѣхъ учебникахъ по политической экономіи, выдѣляется третья категорія вещей—средства воспроизводства новыхъ цѣнностей (Productionsmittel). Эта категорія вещей должна стать объектомъ коллективной (государственной, по Менгеру) собственности.

Не останавливаясь на разборѣ этого рода расчлененія предметовъ собственности, спорнаго и далеко не яснаго, замѣтимъ только, что Менгеръ не удовлетворяется имъ однимъ; замѣчая, какъ трудно отдѣлить средства производства отъ предметовъ коллективнаго пользованія или плодоприносящаго имущества (fruchttragende Sachen) и допуская возможность полнаго смѣшенія всѣхъ установленныхъ имъ видовъ собственности, авторъ пренаивно разрубаетъ гордіевъ узелъ. А именно, чтобы избѣжать ошибки въ этомъ отношеніи, Менгеръ совѣтуетъ въ будущемъ государствѣ издать особую роспись, особый реестръ:—„über die benutzbaren Sachen (sowie auch über die Produktionsmittel) müssten Register angelegt werden" (стр. 91). Это очень характерно для автора. Въ этомъ случаѣ онъ упускаетъ изъ виду, какъ колоссально могуче и неудержимо-стихійно бурлитъ и рвется потокъ экономическихъ явленій. Такая вѣра въ государство, во всемогущую силу „регистра", рѣдко проявлялась даже у самыхъ ярыхъ защитниковъ государственной власти и ея могущества.

Такъ же мало убѣдительно, какъ вопросъ о собственности, разрѣшается авторомъ и проблема распредѣленія цѣнностей. Существующія на этотъ счетъ воззрѣнія авторъ расчленяетъ на двѣ большія группы. Первую группу составляютъ субъективныя воззрѣнія; за критерій при распредѣленіи они берутъ субъективныя особенности отдѣльной личности—возрастъ, полъ, воспитаніе и проч. Вторая группа—объективныя воззрѣнія; они стремятся къ объективному критерію при распредѣленіи, какъ, напр., опредѣленное количество труда. Авторъ послѣ обычныхъ критическихъ замѣчаній противъ каждой изъ нихъ склоняется къ признанію обоихъ критеріевъ, какъ равно необходимыхъ и дополняющихъ другъ друга. Не останавливаясь ближе на подобной попыткѣ разрѣшить проблему распредѣленія благъ, можно только замѣтить, что авторъ не избѣгъ здѣсь обычной ошибки, которая въ особенности мѣшаетъ вывести эту проблему изъ тѣхъ душныхъ и затхлыхъ подваловъ, куда ее запрятали не столько первые создатели этихъ воззрѣній, сколько черезчуръ ярые ихъ критики. Дѣйствительно, кому не пріѣлись эти банальные нападки на слабость принциповъ первыхъ коммунистовъ („каждому по его способности", по его потребности, по количеству затраченнаго труда и т. д.). Между тѣмъ какъ если допускать государственную власть и принужденіе и въ будущемъ соціальномъ строѣ, то всѣ подобные принципы равно могли бы быть осуществимы, если не по существу, то формально, какъ это вообще находитъ себѣ мѣсто по отношенію ко всему, до чего касается государственное принужденіе. Если же хоть на минуту отрѣшиться отъ того, что общественныя отношенія въ будущемъ непремѣнно нуждаются въ государственной опекѣ, то ни одинъ изъ этихъ принциповъ не найдетъ себѣ мѣста уже по одному тому, что всѣ они

требуютъ регламентаціи, слѣдовательно, санкціи, т.-е. принужденія, въ данномъ случаѣ безразлично—организованнаго или неорганизованнаго.

Другая болѣе общая ошибка разбираемыхъ воззрѣній заключается въ томъ, что экономическія явленія разсматриваются какъ-то совершенно особнякомъ отъ міра, въ которомъ они рождаются. Если въ чисто методологическихъ цѣляхъ научныхъ изслѣдованій ту или иную область явленій выдѣляютъ изъ сложнаго окружающаго ихъ міра, то нельзя забывать, что для окончательнаго сужденія о нихъ необходимо ихъ брать во всей ихъ цѣлостности. Экономическія явленія неразрывно связаны съ міромъ общественныхъ отношеній вообще. И съ этимъ особенно важно считаться при разрѣшеніи проблемы распредѣленія, какъ соціальной категоріи по преимуществу. Мыслимо такое положеніе вещей, когда интересы питанія, жилища, размноженія и т. д., т.-е. такъ называемые матеріальные интересы найдутъ себѣ удовлетвореніе такъ же свободно, безъ принудительной власти, какъ находятъ себѣ удовлетвореніе наши потребности духовныя. И для этого не нужно вовсе не только принудительной власти, но и договоровъ. Хорошимъ примѣромъ могутъ служить всевозможные кружки землячества, колоніи соотечественниковъ, національныя общенія, создающіяся въ минуты захватывающихъ общественныхъ движеній.

Очевидно, Менгеръ дѣлаетъ ту ошибку, что по примѣру другихъ силится разрѣшить проблему распредѣленія благъ отдѣльно отъ всего соціальнаго строя. Если допускать принужденіе, какъ къ тому склоняется авторъ, то совершенно невозможно, да и безцѣльно и не интересно задумываться надъ тѣмъ, въ какой формѣ установится это принудительное распредѣленіе, такъ какъ всякому установленному порядку можно будетъ противопоставить всякій другой, и вопросъ сведется попросту къ политикѣ силъ, а слѣдовательно, распредѣленіе, какъ соціальная проблема, само собой снимается съ обсужденія.

Изъ того, что̀ образуетъ такъ называемое семейственное право, Менгеръ въ особенности останавливается на институтѣ брака. Существующія среди соціалистовъ ученія о бракѣ авторъ группируетъ на три рода. Одни требуютъ совершенно свободныхъ отношеній (Morris, J. Grave, Bebel), другіе выдвигаютъ институтъ принудительнаго государственнаго брака (идея Платона) и, наконецъ, есть сторонники полигаміи (Fourier). Относительно послѣднихъ двухъ видовъ брака авторъ высказывается категорически противъ. Принудительному государственному браку противорѣчитъ современное представленіе объ индивидуальной свободѣ; полигамія же, разрушая единобрачіе, по мнѣнію автора, ничего не даетъ взамѣнъ его положительныхъ качествъ (ihre zahlreichen Vorzüge). Поэтому Менгеръ останавливаетъ главное вниманіе на первомъ родѣ ученій объ установленіи свободныхъ отношеній на мѣсто того, что̀ на современномъ языкѣ зовется

бракомъ. Прежде всего авторъ находитъ, что разрѣшеніе этого вопроса по отношенію къ будущему строю не столь существенно для соціализма по сравненію съ другими его задачами, какими являются ограниченія частной собственности, государственная организація общественныхъ работъ, пересозданіе современнаго индивидуалистическаго принудительнаго государства въ общенародно-трудовое. Когда совершится этотъ переходъ старой формы государственнаго общенія, тогда наступитъ время и для реформъ въ области семейной жизни гражданъ. Но тѣмъ не менѣе, Менгеръ этимъ не удовлетворяется и въ дальнѣйшемъ приводитъ возраженія противъ допущенія свободныхъ отношеній на мѣсто современнаго брака. Прежде всего, по Менгеру, требованіе свободы въ половой жизни равносильно требованію свободы конкурренціи, договора и т. под. современныхъ экономическихъ институтовъ; во-вторыхъ, свобода въ половой жизни—die freie Liebe, какъ называетъ ее авторъ, представляетъ возвратъ къ прежнему некультурному состоянію общества и, наконецъ, при допущеніи ея авторъ опасается за общественную нравственность. Такимъ образомъ, Менгеръ глубокомысленно приходитъ къ тому, что будущее государство не имѣетъ основаній устранить вовсе половой инстинктъ, какъ таковой, но, съ другой стороны, его внѣшнія проявленія не должно оставить безъ ограниченій, чтобы „не дать общественной жизни принять грубо-чувственный характеръ“ (стр. 133). Т.-е. оперируя современными понятіями и явленіями, не желая (или не въ силахъ) дать на мѣсто ихъ что-нибудь дѣйствительно новое, авторъ идетъ даже дальше: ограничиваетъ весь сложный институтъ брака половыми отношеніями и требуетъ по отношенію къ нимъ полицейской регламентаціи.

Мы встрѣчаемся здѣсь съ обычнымъ для автора пріемомъ. Не создавая ничего новаго, онъ произвольно ограничиваетъ сложное явленіе какой-нибудь одной, подчасъ совершенно для него не характерной стороной и затѣмъ предлагаетъ рѣшеніе, какъ будто задача автора произвести реформу въ одномъ изъ элементовъ современной государственности, сохранивъ, однако, полную неприкосновенность послѣдней.

Въ подобной ошибкѣ повиненъ и не одинъ разбираемый авторъ. Это общая методологическая ошибка подобныхъ сужденій: рисуя себѣ идеальное будущее, они не могутъ отвлечься отъ существующаго міра понятій и явленій и свою задачу думаютъ ограничить тѣмъ или инымъ видомъ *частнаго приспособленія* безъ переоцѣнки *основныхъ* цѣнностей. Если современный институтъ брака—церковнаго или гражданскаго, въ данномъ случаѣ безразлично—есть плоть отъ плоти всего современнаго общественнаго строя, то только отринувъ послѣдній, можно подойти къ радикально новому разрѣшенію поставленной проблемы.

Самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ разбираемой книги даетъ толчекъ

къ слѣдующей весьма цѣнной мысли: переходъ отъ современнаго міропониманія къ будущему будетъ не менѣе радикаленъ, чѣмъ случившійся переходъ античнаго міровоззрѣнія въ христіанскій. Эту мысль можно продолжить: какъ христіанство особенно рѣзко отличалось отъ язычества въ первое свое время, когда исходило почти непосредственно изъ устъ Христа, такъ радикально отлично должно быть новое пониманіе будущаго міра отъ современнаго міропониманія. Съ другой стороны, теоретики ближайшаго будущаго, къ каковымъ относится Менгеръ, дѣлаютъ то же, что случилось съ христіанскою церковью: чтобы скорѣе стать болѣе осуществимой и привлечь къ себѣ полчища язычниковъ, она поступилась самыми существенными сторонами христіанскаго ученія, какъ наиболѣе отдѣлявшими ее отъ окружающей языческой дѣйствительности.

Пріемъ часто встрѣчающійся въ жизни: люди идутъ на уступки для того, чтобы привлечь себѣ сторонниковъ или осуществить свои мысли, и не замѣчаютъ, что при этомъ многое изъ того, что они представляли себѣ до попытки реализаціи своихъ идеаловъ, уже измѣнилось или вовсе исчезло. Такова обыкновенная участь опортунизма, будь то въ теоріи, будь то въ практической жизни.

Не останавливаясь на другихъ вопросахъ гражданскаго права, какъ-то: на кредитныхъ обязательствахъ, частномъ договорѣ, на наслѣдованіи, институтѣ незаконныхъ дѣтей, родительской власти и т. д.—на вопросахъ, которые въ будущемъ государствѣ, по Менгеру, всѣ цѣликомъ войдутъ въ сферу компетенціи правительственной власти,—перейдемъ къ тому, что собственно составляетъ предметъ современной государственной науки.

Заглавіе книги — „новое ученіе о государствѣ“ — не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію. То, что составляетъ въ собственномъ смыслѣ ученіе о государствѣ, т.-е. ученіе о государственной организаціи и управленіи, занимаетъ, какъ то видно изъ предыдущаго, только незначительную часть всей книги. На первый взглядъ, авторъ выходитъ за предѣлы обычнаго ученія о государствѣ и пытается охватить весь будущій соціальный строй. Но, съ другой стороны, послѣдній представляется ему возможнымъ исключительно въ формѣ государственнаго, т.-е. по существу принудительнаго общенія.

Менгеръ различаетъ четыре вида соціализма: интернаціональный, государственный (Staatssozialismus), соціализмъ въ формѣ договорныхъ союзовъ (Gruppensozialismus) и, наконецъ, общинный соціализмъ—Gemeindesozialismus, на которомъ и останавливается авторъ.

Задача будущаго государства должна быть прежде всего направлена на то, чтобы общину (Gemeinde) сдѣлать носительницей собственности и хозяйства (Trägerin des Eigenthums und der Wirtschaft): Соціалистическая община, по мнѣнію автора, есть первая ступень къ тому

далекому будущему, когда весь родъ человѣческій сольется въ одинъ братскій союзъ безъ политическихъ и экономическихъ противорѣчій.

Община должна взять на себя осуществленіе только хозяйственныхъ функцій будущаго государства, безъ политическаго верховенства (Souverenität) и законодательной власти—иначе авторъ опасается возврата къ средневѣковому расщепленному государству (Rückfall in die mittelalterliche Zersplitterung des Staates). Въ небольшихъ общинахъ съ населеніемъ не болѣе двухъ тысячъ душъ производство и распредѣленіе будутъ сосредоточены непосредственно въ рукахъ самихъ членовъ общины. Лишь болѣе населенные пункты, каковы, напр., современные крупные города (Riesenstädte), когда въ нихъ создастся новый соціальный порядокъ, будутъ нуждаться въ посредствующихъ органахъ. Для этого подобныя обширныя общины разобьются на особые округа, а среди этихъ послѣднихъ образуются рабочія группы (Arbeitergruppen) по профессіямъ. Отъ бывшаго цехового устройства эти группы будутъ отличаться своимъ публичнымъ характеромъ.

Само собой разумѣется, члены соціалистической общины будутъ совершенно свободны въ выходѣ изъ нея. Но, съ другой стороны, авторъ считаетъ необходимымъ установить нѣкотораго рода формальную принадлежность къ ней (Gemeindegehörigkeit). Тотъ, кто не состоитъ членомъ общины, для изысканія себѣ средствъ къ существованію, долженъ вступить въ болѣе обширный союзъ: окружный (Bezirk), провинціальный (Provinz) или государственный. Этимъ само собой ограничивается современная свобода передвиженія, необходимая для рабочихъ массъ исключительно при современныхъ условіяхъ труда.

Что касается общихъ вопросовъ государственной организаціи, то изъ нихъ Менгеръ отмѣчаетъ вопросъ о цѣляхъ государства, о суверенитетѣ и, наконецъ, вопросъ о формахъ правленія. Цѣль у современнаго государства, какъ таковаго, авторъ отрицаетъ. Подъ цѣлью современнаго государства всегда слѣдуетъ разумѣть стремленія отдѣльныхъ, по преимуществу господствующихъ, классовъ. Въ этомъ отношеніи въ существующемъ въ настоящее время „индивидуалистическомъ принудительномъ" государствѣ (individualistische Machtstaat), по автору, намѣчаются четыре основныя группы интересовъ. Правитель и члены его семьи (der Fürst und seine Familie) стремятся къ власти и блеску (Macht und Glanz); интересы дворянства и высшаго духовенства (Adel und höhere Klerus) направлены къ выслугѣ и отличію (Bevorzugung). Средній классъ стоитъ во главѣ экономическаго производства и стремится къ наживѣ. Интересы его обусловлены матеріальнымъ и духовнымъ владѣніемъ (materiellen und geistigen Besitz). Наконецъ, въ современныхъ государствахъ замѣчается четвертая, самая обширная группа неимущихъ классовъ (besitzlosen Volksklassen), которые по существу совпадаютъ съ рабочимъ сословіемъ

(Arbeiterstand). Ихъ интересы направлены исключительно къ обезпеченію своего существованія (Sicherung der Existenzbedingungen). Изъ различія интересовъ возникаетъ борьба, которая и обусловливаетъ современное состояніе культурныхъ государствъ. И напрасны поэтому всѣ попытки къ достиженію всеобщаго мира. Пока не установится мира внутренняго, никогда не будетъ достигнутъ миръ внѣшній—Der Frieden nach aussen kann nur von dem Frieden im Innern ausgehen (стр. 163).

Вопросъ о суверенитетѣ авторъ сводитъ къ вопросу о фактической силѣ одного изъ двухъ элементовъ государственности: правительства и народа. Во всякомъ данномъ случаѣ вопросъ о суверенитетѣ рѣшается въ зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ сила—die Existenz einer höchsten tatsächlichen Macht (стр. 167). Для сужденія о народномъ верховенствѣ авторъ беретъ критеріемъ способность народа произвести выгодный для себя государственный переворотъ (das Volk ist souverän, wenn es eine erfolgreiche Revolution machen kann, S. 166). Въ этомъ смыслѣ авторъ различно относится къ англійскому и французскому народу по сравненію съ нѣмецкимъ; надъ послѣднимъ господствуетъ власть правительства и потому за нимъ авторъ не признаетъ суверенитета.

Что касается, наконецъ, вопроса о формѣ правленія въ будущемъ государствѣ, то онъ всюду разрѣшится различно. Принципіально, авторъ допускаетъ осуществленіе своего будущаго государства (volkstümliche Arbeitsstaat) и при монархическомъ правленіи, если оно откажется отъ своихъ милитаристическихъ интересовъ господствующаго меньшинства и измѣнитъ свое полицейское отношеніе къ гражданамъ. Милитаризмъ и полицейскій гнетъ современныхъ государствъ, по автору, въ особенности содѣйствовали образованію революціонныхъ соціалистическихъ партій—въ значительно большей степени, чѣмъ капиталистическая форма производства (стр. 40). Въ доказательство своей мысли авторъ приводитъ примѣръ Англіи, въ которой вовсе отсутствуетъ соціалъ-революціонная партія.

Вотъ бѣглый очеркъ содержанія новаго труда Антона Менгера. На приведенныхъ сужденіяхъ автора мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они не столько рисуютъ картину новаго государства, сколько направлены противъ темныхъ сторонъ существующаго государственнаго строя. Какъ во всякомъ соціалистическомъ произведеніи, критическая сторона и у разбираемаго автора сильнѣе и ярче его положительныхъ построеній.

Въ заключеніе можно замѣтить, что Менгеръ относится къ тѣмъ сторонникамъ обновленія соціальнаго строя, отличительная черта которыхъ заключается въ слѣдующемъ: новаторы этой категоріи не только силятся изобразить будущее, т.-е. новое, въ формахъ настоящаго, т.-е. стараго, но и вообще черезчуръ бережно относятся къ

этому старому, приспособляясь къ нему, вмѣсто того чтобы отринуть его какъ уже отживающее. Въ современный міръ понятій и выраженій, такъ сильно обветшавшихъ и лишенныхъ жизненныхъ соковъ, трудно уже вложить новое и свѣжее содержаніе. Безполезно писать новыя заповѣди на старыхъ скрижаляхъ.—Г. Швиттау.

II.

— *Gabriele d'Annunzio.* La Fiaccola sotto il moggio. Tragedia. Milano. 1905. (Fratelli Treves, Edit.).

Европейская драма большого стиля часто разрабатываетъ въ послѣднее время античные сюжеты. Трагедія судьбы облечена въ греческомъ театрѣ въ образы вѣчной красоты, неисчерпаемаго паѳоса, и воображеніе обращается къ нимъ каждый разъ, когда вновь чувствуется присутствіе вѣчныхъ контрастовъ въ жизни человѣческой. Влеченіе къ торжеству идеала, разбивающее не только благополучіе жизни, но и самую жизнь, составляетъ для насъ, какъ и для древнихъ грековъ, основу трагической красоты жизни. Все идеалистическое искусство нашихъ дней,—а на высотахъ европейскаго художественнаго творчества синтезирующій идеализмъ побѣдилъ аналитическій реализмъ—ищетъ только отраженій трагической борьбы духа человѣческаго. Интересъ къ античной трагедіи объясняется духовной связью нашего времени съ идеальными подвигами героевъ и героинь греческой драмы, шедшихъ противъ себя во имя своей же высшей правды.

Самый фактъ возродившагося интереса къ античному театру не подлежитъ сомнѣнію. Во Франціи возобновляются съ лучшими силами представленія въ сохранившихся отъ римскихъ временъ древнихъ театрахъ—и поэты пишутъ трагедіи для этихъ театровъ. Они вносятъ въ греческіе сюжеты современное міросозерцаніе, противопоставляютъ власть событій власти духа, стремящагося къ торжеству внѣжизненныхъ идеаловъ. Въ современныхъ трагедіяхъ на античные сюжеты торжественная гармонія античнаго театра осложнена признаніемъ равноцѣнности правды духа и правды жизни; герои древнихъ драмъ становятся въ современной разработкѣ болѣе сложными, нежели цѣльными, болѣе чуткими, нежели непреклонными; у нихъ больше оттѣнковъ чувствованій и переживаній, но они столь же трагичны въ своей судьбѣ, управляемой и правдой духа, и правдой земныхъ желаній. Таковы современныя переработки античныхъ темъ у Жюля Буа въ „Ипполитѣ“, у Катюля Мендеса въ „Медеѣ“—и главнымъ образомъ въ наиболѣе интересной и своеобразной драмѣ на античную тему—въ „Электрѣ“ Гуго фонъ-Гофмансталя. Тамъ чистая дѣва Эври-

пида превращена въ изумительное сочетаніе стихійно-животной силы инстинкта мести съ христіанской чистотой святыхъ помысловъ.

Габріэле д'Аннунціо имѣетъ болѣе, чѣмъ кто-либо, право на разработку античныхъ темъ. Онъ самъ выросъ на классической почвѣ и чрезвычайно чутко воспринимаетъ обаяніе классической старины. Въ его творчествѣ звучатъ отголоски языческой красоты, въ которой онъ видитъ завѣтъ жизнерадостности—т.-е. одной изъ силъ, управляющихъ волей современнаго человѣка. Другая сила—жажда духовной святости, равноцѣнная и равносильная первой. Д'Аннунціо даже не философствуетъ, а именно чувствуетъ эмоціонально, какъ художникъ, жизнь какъ контрастъ и трагическую внутреннюю борьбу того, что онъ называетъ „il piacere", и тоски о высокой жизни духа, не знающей унижающихъ мукъ пресыщенія. Тѣмъ д'Аннунціо и современенъ, что онъ воплощаетъ въ своемъ творчествѣ и то и другое начало въ образахъ и эмоціяхъ, отвѣчающихъ правдѣ нашихъ дней. Вся его лирика, проникнутая подлинной ненасытной жадностью ощущеній и южной страстностью, а также романы, посвященные анализу страстей, возсоздаютъ „культъ наслажденій" съ его экстазомъ и его провалами. А драмы д'Аннунціо возсоздаютъ идеалистическіе порывы духа. Въ нихъ—также какъ въ символическихъ романахъ послѣднихъ лѣтъ—д'Аннунціо изображаетъ трагедію избранныхъ высокихъ натуръ, жаждущихъ духовныхъ подвиговъ, жаждущихъ проявить вложенныя въ нихъ силы. Въ романахъ—въ „Vergine delle Rocche" и въ „Fuoco"—прославленъ идеалъ эстетизма и ницшеанства, культъ личности. Въ драмахъ идеализмъ болѣе глубокій, болѣе связанный съ подвигами во имя отвлеченной святыни добра—въ духѣ античной драмы; драмы д'Аннунціо поэтому—самое благородное и прекрасное въ его творчествѣ. Начиная съ „Джіоконды", потомъ въ „Мертвомъ городѣ", въ „Франческѣ да-Римини" и въ другихъ небольшихъ и большихъ драмахъ, кончая „Дочерью Іоріо", несмотря на различіе сюжетовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, рисующихъ людей разной среды, д'Аннунціо пишетъ драмы судьбы, въ которыхъ сильные духомъ герои и героини воплощаютъ каждый и каждая трагическую правду своей души, отражающую правду борющихся началъ жизни.

Новая драма д'Аннунціо, „La Fiaccola sotto il moggio" еще болѣе, чѣмъ прежнія, примыкаетъ къ идеалистическому характеру античной драмы. Д'Аннунціо задался въ послѣднее время стремленіемъ создать въ Италіи античный театръ съ обновленнымъ національнымъ содержаніемъ, но приближающійся къ греческому главнымъ образомъ высотой замысловъ, отраженіемъ въ идеальныхъ образахъ кореннаго трагизма жизни. Другими словами, онъ хочетъ замѣнить реалистическую и психологическую драму, царящую на современной сценѣ, драмой идеалистической. Къ этому типу подходитъ и новѣйшая драма д'Ан-

нунціо „La Fiaccolo sotto il moggio“. Это греческая „Электра“, перенесенная на итальянскую почву, воплощенная въ событіяхъ почти современной жизни. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ XIX-го вѣка, но рамки дѣйствія схематично намѣчены только въ большихъ линіяхъ, исключающихъ всякій реалистическій характеръ фабулы лицъ. Какъ въ греческой трагедіи, у д'Аннунціо все сведено къ напряженному столкновенію судьбы и индивидуальной воли. Для воплощенія правды синтетической, т.-е. сводящей смыслъ явленій къ идеямъ, въ нихъ воплощеннымъ, нужна отрѣшенность отъ правды аналитической, разбирающей мотивы дѣйствій и чувствъ. Эта отрѣшенность и придаетъ драмѣ д'Аннунціо характеръ греческой трагедіи, соединяющей схематическую простоту съ паѳосомъ героическихъ переживаній.

Образъ Электры привлекаетъ уже второго современнаго поэта. Въ этой „чистой мстительницѣ“ чувствуется особенная близость къ нашему пониманію высшаго трагизма, какъ сочетанія крайняго напряженія активной воли съ крайнимъ отрѣшеніемъ отъ страстей, т.-е. съ святостью помысловъ. Искупленіе должно быть связано съ безкорыстностью подвига: — только въ чистой дѣвѣ можетъ возстать мстительница за свершенное не ею преступленіе. Эта идея, лежащая въ основѣ героическаго образа Электры, объединяетъ языческую идею рока съ христіанскимъ идеаломъ чистоты и самоотреченія. Сложность Электры, какъ воплощенія волевого начала, возстающаго на судьбу, берущаго на себя власть возмездія, и, съ другой стороны, чистоты и самоотверженности во имя торжества справедливости, и привлекаетъ современныхъ поэтовъ въ образѣ греческой героини. Гофманcталь воссоздаетъ въ своей драмѣ Электру среди тѣхъ же событій, какія разсказаны въ греческомъ миѳѣ, а д'Аннунціо совершенно измѣняетъ фабулу, создаетъ свой миѳъ, но чтобы еще болѣе подчеркнуть близость своей героини, Джиліолы, къ древней Электрѣ, — сходство и безъ того очевидно—приводитъ цитату изъ греческой Электры, какъ эпиграфъ къ своей драмѣ.

Событія, разыгрывающіяся въ „Fiaccola sotto il moggio“, перенесены въ Италію новаго времени, но вполнѣ напоминаютъ судьбу дома Атридовъ по тяготѣющему надъ дѣйствующими лицами драмы неотразимому року. Въ драмѣ д'Аннунціо представленъ старинный падающій родъ Сангро. Семья живетъ въ огромномъ замкѣ—„въ домѣ изъ ста комнатъ“, и одна изъ вѣрныхъ служанокъ семьи восклицаетъ съ тоской: „О, этотъ домъ, кто построилъ его такимъ огромнымъ? почему въ немъ столько дверей? Сколькимъ печалямъ онъ хочетъ дать пріютъ?“ Этотъ старинный, нѣкогда цвѣтущій домъ близокъ къ полному паденію. Въ немъ рушатся стѣны, падаютъ разваливающіяся статуи изъ нишъ, высыхаютъ фонтаны—и слышится неустанный стукъ рабочихъ, сколачивающихъ подпоры для стѣнъ. Въ ночь, когда происходитъ дѣйствіе

драмы, въ канунъ Троицы, они собираются работать ночью при свѣтѣ факеловъ, чтобы спасти домъ отъ разрушенія. И не только стѣны дома разрушены, но и семья, живущая въ нихъ, близка къ полной гибели. Старая бабушка, донна Альдегрина, оплакивающая судьбу своей семьи, и самый младшій отпрыскъ стариннаго рода, семнадцатилѣтній Симонетто, умирающій отъ прирожденной истощенности силъ и безкровія, воплощаютъ собой проклятіе рока на семьѣ. Въ жизни доживающей свой вѣкъ бабушки это проклятіе началось, и молодой невинный внукъ послѣдняя жертва. Донна Альдегрина похоронила двухъ мужей, и два сына отъ перваго и второго брака умножаютъ ея скорбь своими распрями. Трагедія происходитъ въ домѣ младшаго изъ сыновей, Теобальдо Сангро. На домѣ Сангро тяготѣетъ ужасъ разрушенія. Кромѣ жалобъ на судьбу полноправныхъ членовъ семьи, слышатся еще наверху стоны сумасшедшей сестры хозяина, запертой тамъ братомъ и неустанно мечущейся въ своей тоскѣ. Получается атмосфера безумія и проклятія—и въ ней разыгрывается трагическое дѣйствіе, лежащее въ основѣ фабулы. Весь мракъ въ семьѣ Сангро связанъ съ преступленіемъ, свершенномъ за годъ до того. День Троицы, къ которому пріурочено дѣйствіе, годовщина этого преступленія. Годъ тому назадъ умерла страшной смертью жена Теобальдо, — на нее упала крышка сундука, надъ которымъ она наклонилась. Но дочь умершей, Джиліола, а можетъ быть и старая бабушка, знаютъ, что несчастіе было не дѣломъ судьбы, а дѣломъ преступныхъ рукъ, что убійца погибшей—бывшая служанка Ангиція, на которой Теобальдо женился, овдовѣвъ. Джиліола цѣлый годъ послѣ смерти матери не могла говорить, ни на кого не глядѣла, а только бродила по безчисленнымъ комнатамъ дома, со своей одинокой трагической думой. Теперь она снова вернулась къ общенію со своими—но только для того, чтобы выполнить рѣшеніе, созрѣвшее въ ея душѣ. Старый домъ падаетъ. Работники должны торопиться и работать ночью при факелахъ для того, чтобы все сразу не рухнуло. И Джиліола тоже придетъ съ факеломъ свѣтить рабочимъ въ эту ночь. У нея есть „факелъ, спрятанный подъ спудомъ“. Этимъ факеломъ она будетъ освѣщать ночную работу, чтобы среди разрушенія спасти то, что ей дороже всего — одну гробницу. Гробница матери останется не тронутой — въ этомъ она даетъ обѣтъ.

Джиліола, освѣщающая своимъ факеломъ мрачную атмосферу дома, раскрывающая преступленіе и мстящая за мать, и является центромъ трагедіи. Она, какъ совѣсть, заглядываетъ въ глаза тѣмъ, кого подозрѣваетъ, и правда открывается ея чистому взору. Она долго таила въ душѣ подозрѣнія, не рѣшаясь твердо взглянуть въ глаза отцу, страдая отъ смущеннаго виноватаго взгляда, которымъ онъ смотритъ на нее. Она только ограждаетъ брата, юнаго Симонетто, отъ злыхъ

умысловъ бывшей служанки, которая примѣшиваетъ вредныя снадобья въ лекарства мальчика. Она беретъ мальчика къ себѣ въ комнату и посылаетъ за родственницей, чтобы та увезла его изъ дома отца и мачихи. Сама же она направляетъ всю свою волю на исполненіе обѣта, на месть за мать (въ противоположность мести за отца греческой Электры). Ея первое дѣло—взглянуть прямо въ глаза отцу, побѣдивъ въ себѣ жалость, и спросить его о томъ, какъ въ дѣйствительности погибла ея мать. Теобальдо уклоняется отъ отвѣта, — ему самому слишкомъ неясна роль „женщины изъ Лукки", той, на которой онъ женился, въ смерти первой жены. Но Джиліола повторяетъ въ присутствіи отца уже не вопросы, а прямыя обвиненія въ лицо самой Ангиціи — причемъ упорно зоветъ мачиху служанкой. Ангиція отвѣчаетъ вызывающимъ образомъ падчерицѣ и подтверждаетъ ея обвиненія. Ее покрываетъ соучастіе ея теперешняго мужа, и она смѣло говоритъ правду, тѣша свою злобу издѣвательствомъ надъ Джиліолой. Теобальдо тщетно кричитъ, что Ангиція клевещетъ на себя изъ злобы,— и дочь его, и онъ самъ понимаютъ, что правда выяснилась и что нужно исполнить долгъ мести. Трагическій конфликтъ драмы заключается въ томъ, что есть два мстителя. Вопросъ въ томъ, который изъ нихъ имѣетъ право кары за совершенное злодѣяніе — невинная дочь или раскаявшійся, убѣдившійся въ преступленіи и понявшій свою великую, хотя и не сознательную, вину мужъ. И Теобальдо, и Джиліола готовятся къ совершенію мести, и въ томъ, какъ они готовятся къ священному для нихъ долгу, что переживаютъ до роковой минуты, и воплощается идея драмы. Теобальдо жаждетъ очиститься, искупить познанную вину, сбросить бремя съ души — и готовъ взять на себя самое трудное, лишь бы успокоить душу. Одна изъ самыхъ патетическихъ и дѣйствительно глубокихъ по изображенію безсилія человѣческихъ мукъ сценъ въ драмѣ д'Аннунціо – сцена Теобальдо съ матерью, когда онъ въ своемъ душевномъ отчаяніи молитъ ее о помощи: „Ты, давшая мнѣ эту бѣдную душу",—говоритъ онъ,—„помоги мнѣ оживить ее, разбившуюся на куски. Подумай, тотъ день, когда ты родила меня, уже для меня ничто — онъ не далъ мнѣ спасенія. Но день, когда я обращаюсь къ тебѣ съ мольбой, спасетъ меня для вѣчности, если ты мнѣ поможешь"... И мать не можетъ ему помочь—не можетъ спасти его отъ сознанія совершеннаго преступленія. „Нѣтъ скорби",— восклицаетъ она,—„равной той, которую испытываетъ мать, не будучи въ состояніи утѣшить свое дитя". Помощь, которую Теобальдо ждетъ отъ матери, заключается въ томъ, чтобы она убѣдила его въ правдѣ, которую онъ малодушно скрываетъ отъ себя, чтобы она ему сказала: „то, что невозможно, свершилось". Но мать отъ него же узнаетъ истину, которую онъ хотѣлъ бы узнать отъ нея, и въ этомъ странномъ и скорбномъ общеніи душъ у Теобальдо зрѣетъ рѣшеніе: „если ты

меня спасешь, побѣдивъ во мнѣ отчаяніе",—говоритъ онъ матери,—то я сдѣлаю самое трудное для моего малодушія и моей низкой страсти,—я свершу невообразимое, свершу то, чего никто не ожидаетъ"...

Джиліола же думаетъ не о собственномъ спасеніи, не объ искупленіи своей вины—она безкорыстная, праведная мстительница—и спасеніе падающаго дома могло бы изойти только отъ нея. Право мести, которое она вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ и своимъ священнымъ долгомъ, она искупаетъ тѣмъ, что заранѣе обрекаетъ себя на смерть. Сначала нанести себѣ смертельный ударъ, и затѣмъ, до наступленія смерти, отмстить за мать, убить убійцу. Мысль объ этомъ ее долго преслѣдуетъ, прежде чѣмъ она принимаетъ рѣшеніе. „Почему тысячи мыслей вмѣстѣ,—спрашиваетъ она съ горестью донну Альдегрину, свою бабушку,—не такъ тяжелы, какъ одна мысль, когда она единственная, исключающая всѣ остальныя?" Рѣшивъ исполнить долгъ мести въ ночь годовщины смерти матери, приготовившись освѣщать своимъ факеломъ мракъ замка, Джиліола находитъ и средство быть увѣренной въ своей смерти, прежде чѣмъ идти исполнять долгъ. Въ замкѣ есть еще одно постороннее лицо—старый заклинатель змѣй. Онъ отецъ Ангиціи и пришелъ къ ней, узнавъ о ея замужествѣ съ знатнымъ синьоромъ. Но Ангиція не хочетъ признать отца въ бѣдномъ крестьянинѣ и прогоняетъ его, бросая въ него камни. Израненнаго, измученнаго злобой дочери старика со змѣями утѣшаетъ Джиліола. Она обмываетъ и перевязываетъ его раны, разспрашиваетъ его, и изъ наивныхъ разсказовъ старика еще болѣе убѣждается въ преступности своей мачихи. Утѣшенный Джиліолой старикъ отдаетъ ей подарки, которые приготовилъ дочери, и довѣрчиво говоритъ съ ней. Эта сцена принадлежитъ, какъ и сцена между Теобальдо и матерью, къ лучшимъ въ драмѣ. Въ ней д'Аннунціо очень умѣло пользуется народнымъ элементомъ, поэзіей народныхъ повѣрій и народной мудрости, которую онъ влагаетъ въ образныя и задушевныя рѣчи старика. Джиліола ласкова со старикомъ еще по особой причинѣ: она выспрашиваетъ его о змѣяхъ, которыхъ онъ носитъ при себѣ, и узнаетъ, которыя изъ нихъ ядовиты и какъ дѣйствуетъ ихъ укусъ. Она уговариваетъ старика оставить ей мѣшокъ со змѣями, „мѣшочекъ великой смерти", перевязанный зеленымъ шнуркомъ. Она говоритъ, что хочетъ попугать брата и пошутить надъ нимъ. Старикъ не успѣваетъ отвѣтить, какъ входитъ Ангиція, и Джиліола быстро прячетъ мѣшокъ. Прежде чѣмъ исполнить свое намѣреніе, она еще говоритъ съ братомъ и разсказываетъ ему тайну смерти ихъ матери, наполняя и сердце мальчика пламенной жаждой мести. Затѣмъ она подготовляетъ во всемъ домѣ ожиданіе возмездія за совершенное преступленіе — напоминаетъ всѣмъ о подробностяхъ того же часа за годъ передъ тѣмъ, т.-е. когда

совершалось кровавое дѣло. Симонетто боленъ послѣ объясненій сестры; у него горячка, и онъ все зоветъ сестру. Но она посылаетъ къ нему старую кормилицу, и сама остается, чтобы исполнить свой обѣтъ. Въ ея обращеніи къ умершей матери за благословеніемъ отражается весь героизмъ высоко настроенной души. Она молитъ мать укрѣпить въ ея душѣ „призваніе къ смерти", которое дастъ ей силу для подвига. Она призываетъ муки смерти, чтобы въ нихъ тѣснѣе слиться съ мученической смертью матери, и съ мольбой о томъ, чтобы ей дано было „быть снова единымъ съ тобою, мать, какъ тогда, когда ты носила меня въ чревѣ, въ священной тишинѣ", опускаетъ руки въ мѣшокъ со змѣями. Жертва принесена—но она оказывается напрасной. Когда Джиліола идетъ къ Ангиціи, она находитъ ее на кровати уже мертвой. Ее убилъ Теобальдо. „Ея кровь на мнѣ, — говоритъ Теобальдо.—Я отмстилъ за тебя". Но Джиліола въ смертельномъ ужасѣ: „Тебѣ нельзя было это сдѣлать! — восклицаетъ она, обращаясь къ отцу.—Обѣтъ дала только я. Жертва за жертву. Ты отнялъ у меня мое священное право".—„Для того, чтобы ты не оскверняла своихъ рукъ, я это сдѣлалъ за тебя, дочь моя", — объясняетъ Теобальдо, но Джиліола уничтожаетъ значеніе его подвига словами: „Твоя рука недостаточно чиста для этой жертвы... своимъ поступкомъ ты только запечаталъ уста, обвиняющія тебя". Джиліола умираетъ—но не свѣтлой смертью. Она раньше приказала зажечь всѣ факелы, чтобы ознаменовать торжествомъ искупительную жертву — и хотѣла сама держать до послѣдней минуты зажженный факелъ въ рукѣ — тотъ, который „былъ долго подъ спудомъ" и исполнилъ наконецъ свое назначеніе, освѣтилъ мракъ, т.-е. побѣдилъ зло. Но трагедія Джиліолы въ томъ, что ея подвигъ остался тщетнымъ. „Затушите факелы!—скорбно приказываетъ она. — Да будетъ мракъ, да будетъ мракъ надъ тѣмъ, кто не свершилъ обѣта. Затушите свѣтъ и вы всѣ, — говоритъ она рабочимъ, подходящимъ къ замку съ зажженными факелами. — Я не могу держать передъ вами мой факелъ. Все было напрасно". Съ послѣдними словами прощанія, обращенными къ своимъ, она умираетъ — и отецъ ея тоже падаетъ на землю, умирая. Такъ заканчивается драма, въ центрѣ которой стоитъ модернизованная Электра. Для Джиліолы долгъ мести связанъ съ искупительной жертвой; спасительный подвигъ—только подвигъ безкорыстной любви,—когда долгъ любви къ другимъ становится проявленіемъ высшей любви къ себѣ, когда единая любовь производитъ сліяніе культа личности и культа міра.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1905.

Наступающій учебный годъ.—Статьи В. И. Вернадскаго и кн. Е. Н. Трубецкого.—Вольный университетъ и высшая русская школа въ Парижѣ.—Нежеланье и неумѣнье понять значеніе переживаемой нами минуты.—Дворянство и крестьянство.—Земскіе начальники.—Надвигающаяся опасность голода.—Свобода печати и право собраній.

Черезъ нѣсколько недѣль долженъ начаться новый учебный годъ. Начнется ли онъ на самомъ дѣлѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Увѣренности въ этомъ быть не можетъ. Профессорскими коллегіями сдѣлано все отъ нихъ зависящее, чтобы положить конецъ явной, вопіющей аномаліи; но правительственная власть все еще не сказала рѣшающаго, освобождающаго слова. Настоящее положеніе вопроса обрисовано съ особенною яркостью въ статьяхъ профессора В. И. Вернадскаго: „Ближайшія задачи академической жизни“ („Право“, № 24) и „Три забастовки“ („Русскія Вѣдомости“, № 179). Уже въ самомъ началѣ 1905-го года совѣты почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній выставили одинаковую программу академической дѣятельности, одинаково отвергли полицейскія мѣры борьбы съ студенческими безпорядками. Частный профессорскій съѣздъ, состоявшійся въ февралѣ мѣсяцѣ, призналъ невозможнымъ чтеніе лекцій, веденіе практическихъ занятій и производство экзаменовъ при условіи примѣненія репрессій и насилія. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ пришелъ къ заключенію, что хотя провести въ жизнь новый уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, основанный на принципахъ академической автономіи и свободы, можетъ, съ успѣхомъ, только народное представительство, но для сохраненія высшей школы въ нынѣшнее тревожное время необходимо немедленно дать совѣтамъ, съ ректоромъ во главѣ, право самостоятельнаго завѣдыванія учебными заведеніями. Это можетъ быть достигнуто путемъ временныхъ полномочій, цѣлесообразность которыхъ сначала подвергалась сомнѣнію, но въ концѣ концовъ признана съѣздомъ. Побѣжденнымъ оказалось и предубѣжденіе противъ *оффиціальнаго* профессорскаго съѣзда, созывъ котораго со стороны профессоровъ теперь препятствій не встрѣтитъ. „Начало единенію и солидарности положено“—такъ заканчивается первая статья В. И. Вернадскаго; „отъ насъ зависитъ его дальнѣйшее развитіе. Единеніе необходимо для благородной страны, для самаго существованія академическихъ организацій“.

Итакъ, среди профессоровъ существуетъ полная готовность спо-

собствовать возобновленію занятій, въ той обстановкѣ, которая одна только обезпечиваетъ ихъ правильное, нормальное теченіе. Можно ли сказать то же самое объ учебной администраціи? До сихъ поръ, какъ видно изъ второй статьи В. И. Вернадскаго, она только отклоняла предложенія, шедшія отъ совѣтовъ,—и выразила намѣреніе удалить всѣхъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, если не прекратится, въ наступающемъ академическомъ году, студенческая забастовка. „Эта неслыханная въ исторіи цивилизованныхъ странъ угроза произвела“, по словамъ В. И. Вернадскаго, „впечатлѣніе, обратное тому, какое, повидимому, ожидалось ея авторами. Она не испугала, но глубоко оскорбила. Она казалась невѣроятной. Однако, вскорѣ въ заграничной печати появились извѣстія о томъ, что русское правительство ведетъ переговоры съ нѣкоторыми нѣмецкими учеными, которыми желаетъ замѣнить непокорныхъ русскихъ профессоровъ“. Переговоры эти окончились, повидимому, полной неудачей. Между тѣмъ, началось „очищеніе“ учебнаго персонала: въ Одессѣ удалены, безъ объясненія причинъ, приватъ-доценты Орженцкій и Тарасевичъ, въ Казани — приватъ-доцентъ Парфентьевъ... Что же будетъ дальше? „Есть“,—говоритъ В. И. Вернадскій,—„два, и *только два* выхода. Или надо возобновить жизнь созданныхъ вѣковою государственною работой правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, или создать новыя. Для перваго выхода, достигнувъ нѣкотораго спокойствія въ странѣ путемъ созыва народныхъ представителей, надо измѣнить сепаратнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ порядокъ управленія учебными заведеніями, давъ совѣтамъ особыя полномочія, гарантирующія школу отъ полицейскаго режима, и созвать профессорскій и преподавательскій съѣздъ передъ началомъ занятій, для совмѣстнаго рѣшенія вопроса о веденіи преподаванія въ переживаемое смутное время. Если бы, почему бы то ни было, это оказалось невозможнымъ, то придется идти другимъ путемъ. Оставивъ старыя, надо создать новыя учебныя заведенія—вольные университеты, вольныя высшія школы, не связанныя программами, не зависящія отъ казенныхъ средствъ, дающія широкую возможность академической творческой дѣятельности. Какъ ни труденъ этотъ путь и сколько ни связано съ нимъ затратъ и преградъ, — иного выхода не остается, если многіе профессора будутъ изгнаны изъ государственныхъ школъ, а эти послѣднія закрыты или изувѣчены. Нельзя оставить молодежь безъ образованія, и силы ученыхъ людей русскаго народа не могутъ безнаказанно для блага страны долго оставаться безъ употребленія“.

Мысль о вольномъ университетѣ, пущенная въ обращеніе, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгеромъ, все больше и больше, повидимому,

пріобрѣтаетъ у насъ право гражданства. Чрезвычайно энергично защищаетъ ее, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 145), профессоръ кн. Е. Н. Трубецкой. Указавъ на то, что въ существующихъ университетахъ могутъ остаться, при извѣстныхъ условіяхъ, только „благонамѣренные" профессора и „благонадежные" студенты, кн. Трубецкой восклицаетъ: „Неужели русское общество допуститъ, чтобы цвѣтъ нашей профессуры удалился окончательно отъ педагогической дѣятельности? Неужели оно примирится съ тѣмъ, что девять десятыхъ нашей учащейся молодежи останутся безъ высшаго образованія? Если насъ пугаетъ перспектива грядущей варваризаціи страны, если мы не хотимъ *надолго*, быть можетъ, разстаться съ просвѣщеніемъ, то мы должны немедленно подумать о созданіи вольнаго университета. Иного выбора намъ нѣтъ. Мы не знаемъ, какъ долго продлится борьба за обновленіе нашего государственнаго строя; поэтому было бы легкомысленнымъ надѣяться на скорое наступленіе у насъ тѣхъ условій, при которыхъ въ Россіи станетъ возможнымъ университетъ правительственный... Возможно, что устройство вольнаго университета будетъ разрѣшено правительствомъ. Разъ оно само оказалось не въ состояніи обезпечить странѣ высшаго образованія, оно, быть можетъ, не дерзнетъ воспрепятствовать общественнымъ усиліямъ, направленнымъ къ этой цѣли. Въ случаѣ невозможности добиться разрѣшенія, придется такъ или иначе создать вольный университетъ „явочнымъ порядкомъ" въ Россіи или за границей. Въ случаѣ закрытія высшихъ учебныхъ заведеній ближайшей осенью это окажется необходимымъ, какія бы жертвы и усилія для того ни потребовались".

Что созданіе въ Россіи вольнаго университета и вообще вольной высшей школы не принадлежитъ къ числу несбыточныхъ мечтаній— наглядныыъ доказательствомъ этому служитъ русская высшая школа въ Парижѣ, закончившая недавно четвертый годъ своего существованія. Привлекая множество слушателей, она даетъ имъ рядъ разнообразныхъ знаній, преимущественно въ области наукъ политическихъ и соціальныхъ. Въ лекторахъ, постоянныхъ и временныхъ, русскихъ и иностранныхъ, она не чувствуетъ недостатка. Не стѣсненная неподвижными рамками, она захватываетъ въ кругъ преподаванія все то, что въ данную минуту составляетъ предметъ наибольшаго интереса. Главной ея опорой служитъ неутомимая дѣятельность М. М. Ковалевскаго, для котораго такъ долго была недоступна каѳедра въ Россіи. Ему помогаютъ П. Н. Милюковъ, П. Н. Виноградовъ, А. С. Трачевскій, Ю. С. Гамбаровъ, также разставшіеся, помимо воли, съ русскими университетами. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что такая же свободная группировка силъ оказалась бы возможной, при отсутствіи внѣшнихъ препятствій, и на русской почвѣ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы легко было примириться съ крушеніемъ, хотя бы вре-

меннымъ, тѣхъ формъ, въ которыя облечено у насъ теперь высшее образованіе. Не даромъ же вездѣ на континентѣ Европы главную тяжесть расходовъ по содержанію высшихъ школъ несетъ на себѣ государство. Только ему посильны тѣ постоянно растущія затраты, которыхъ требуетъ высшее образованіе, въ особенности техническое, спеціальное; только имъ или съ его помощью могутъ быть устроены и содержимы тѣ лабораторіи, кабинеты, коллекціи, приспособленія всякаго рода, значеніе которыхъ для высшей школы увеличивается съ каждымъ годомъ. Трудно даже вообразить себѣ такое положеніе вещей, при которомъ пустовали бы громадныя зданія, отвѣчающія всѣмъ требованіямъ науки—и рядомъ съ ними тѣснились бы въ какихъ-нибудь углахъ, лишенныя необходимыхъ пособій, толпы молодежи, жаждущей знанія. Невозможно допустить, чтобы на встрѣчу подобной аномаліи добровольно пошло государство, заинтересованное не только косвенно, но и прямо, въ развитіи высшаго образованія, въ усвоеніи его широкими общественными кругами. Мы надѣемся и вѣримъ, что изъ двухъ альтернативъ, которыя ставитъ В. И. Вернадскій, осуществится первая, а не вторая. Путь репрессій, съ помощью которыхъ предполагалось возстановить и поддержать порядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пройденъ до конца—и не привелъ къ цѣли; остается только поворотъ на другую дорогу... Пускай возникнетъ у насъ вольная высшая школа,—это будетъ во всякомъ случаѣ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей умственной жизни; но пускай она явится не *замѣной*, а *дополненіемъ* государственной школы.

Какъ ни ясны признаки надвигающагося кризиса, какъ ни очевидна невозможность предотвратить его поворотомъ назадъ, стояніемъ на мѣстѣ или даже нерѣшительнымъ движеніемъ впередъ,—все еще раздаются голоса, настойчиво рекомендующіе одно изъ этихъ рѣшеній. Особеннымъ упорствомъ отличается, какъ и слѣдовало ожидать, реакціонная печать. Не останавливаясь подробно на ея много разъ опровергнутыхъ аргументахъ, укажемъ только два пріема, къ которымъ она охотно прибѣгаетъ. Первый изъ нихъ—возвеличеніе прошлаго, достигаемое путемъ его извращенія. Великодушно отказываясь—до поры до времени—отъ только-что предложенной ею всероссійской военной диктатуры, московская реакціонная газета выражаетъ готовность удовольствоваться такимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который „рѣшился бы строго, неуклонно и послѣдовательно примѣнять законы, ограждающіе порядокъ въ государствѣ". Прототипъ такого министра она видитъ въ гр. Д. А. Толстомъ, „режимъ котораго сразу оздоровилъ Россію" и поднялъ ее на небывалый до тѣхъ поръ уровень всемірной славы. И это говорится

теперь, когда съ такою поразительною яркостью обрисовывается несостоятельность всего созданнаго гр. Толстымъ—теперь, когда оффиціально осуждены „излишнія стѣсненія печати", сочтены дни земскихъ начальниковъ, предрѣшена безсословность и самостоятельность земства, признана необходимость освобожденія школы, на всѣхъ степеняхъ ея, отъ узъ, въ которыя ее заковала политика гр. Толстого! Несправедливо, конечно, было бы утверждать, что гр. Толстой—единственный виновникъ всѣхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія; но что при немъ и въ значительной мѣрѣ благодаря ему они обострились и проникли до самой глубины организма—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Могущественною, въ концѣ прошлаго вѣка, Россія казалась, но только казалась. Повторялся тотъ оптическій обманъ, который въ еще гораздо бо̀льшей степени существовалъ при Николаѣ I-мъ—и разсѣялся, какъ и тогда, при свѣтѣ перваго серьезнаго испытанія, принесеннаго внѣшнею войною.

Второй излюбленный пріемъ реакціонной прессы—извращеніе настоящаго, принимающее иногда по-истинѣ чудовищныя формы. Ограничимся однимъ примѣромъ, особенно характернымъ. Къ числу мѣропріятій, „совершенно чуждыхъ желаніямъ русскаго народа и даже ему противныхъ", „Московскія Вѣдомости" (№ 191) относятъ... законъ о свободѣ совѣсти, „въ которомъ никто въ Россіи не ощущалъ надобности, кромѣ газетчиковъ, давно, какъ извѣстно, свободныхъ отъ совѣсти". Итакъ, въ законѣ о свободѣ совѣсти „не ощущали надобности" ни милліоны раскольниковъ и сектантовъ, ни десятки или сотни тысячъ „упорствовавшихъ" уніатовъ, плохо обращенныхъ протестантовъ, по недоразумѣнію крестившихся магометанъ! Не слишкомъ ли далеко заходитъ здѣсь забвеніе правила о „знаніи мѣры"? „Въ Россіи",—читаемъ мы дальше,—„никогда не было религіознаго гоненія, и православный людъ всегда мирно уживался бокъ-о-бокъ даже съ магометанами и евреями". Но развѣ указъ 17-го апрѣля имѣлъ цѣлью оградить свободу совѣсти отъ посягательствъ со стороны „православнаго люда"? Развѣ самое изданіе его не доказываетъ съ достаточною ясностью, что до тѣхъ поръ имѣли мѣсто „гоненія за вѣру", въ видѣ стѣсненій, праволишеній, административныхъ и даже уголовныхъ каръ?.. Въ концѣ концовъ московская газета открываетъ еще одну категорію лицъ, которымъ былъ нуженъ законъ о свободѣ совѣсти: это—„крамольники", усматривающіе въ немъ „средство ослабить основы русской государственности". Кому же неизвѣстно, однако, что уменьшеніе поводовъ къ неудовольствію, существующихъ въ средѣ народа, ведетъ не къ ослабленію, а наоборотъ, къ усиленію государства?

Отъ злостнаго нежеланія видѣть перейдемъ къ наивному непониманію дѣйствительности. Образцомъ его можетъ служить статья графа А. А. Голенищева-Кутузова: „Гласъ народа—гласъ Божій", появившаяся не-

давно въ „Новомъ Времени“ (№ 10548). Совершенно справедливо осуждая чисто-бюрократическій способъ составленія закона о Государственной Думѣ, авторъ полагаетъ, что простымъ и вполнѣ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса былъ бы немедленный созывъ земскаго собора, т.-е. „излюбленныхъ людей отъ коренной Россіи, отъ всего сидящаго на землѣ, трудящагося и производящаго ея населенія, отъ крестьянъ, городскихъ сословій, купцовъ, дворянъ, духовенства и представителей русской науки и русскаго слова“. Выборъ членовъ собора слѣдовало бы, „не мудрствуя лукаво“, предоставить дворянскимъ и купеческимъ собраніямъ, городскимъ думамъ, епархіальнымъ съѣздамъ, университетамъ и академіямъ непосредственно, а волостнымъ сходамъ—черезъ избранныхъ ими выборщиковъ. Замѣтимъ, что рѣчь идетъ только о „коренной Россіи“, т.-е. оставляются въ сторонѣ всѣ окраины (цѣлая треть населенія государства),—и ни слова не говорится о земскихъ собраніяхъ, т.-е. именно о главныхъ центрахъ политическаго опыта и политической жизни. Но и помимо этого, можно ли думать, что теперь, въ виду всего совершившагося въ теченіе послѣдняго полугодія, для успокоенія страны было бы достаточно „простого“ средства, предлагаемаго гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ? Можно ли вѣрить, что не возникло бы никакихъ недоумѣній ни относительно состава собора (т.-е. распредѣленія и численности различныхъ его элементовъ), ни относительно его правъ и способа дѣйствій, ни относительно условій, ограждающихъ его самостоятельность, его живую связь съ народомъ, ни относительно значенія его рѣшеній? Нѣтъ, время „простыхъ средствъ“ давно уже миновало, и не такимъ слабымъ орудіемъ, какъ сословный земскій соборъ, можетъ быть разсѣченъ гордіевъ узелъ, запутывающійся все больше и больше.

Въ какую бы область русской жизни мы ни заглянули, вездѣ одинаково бросается въ глаза серьезность совершившейся и совершающейся перемѣны. Давно ли, напримѣръ, дворянскія собранія служили, за немногими исключеніями, оплотами рутины, и губернскіе предводители, не замыкающіеся въ узкую рамку сословныхъ интересовъ, оказывались чуть не притчей во языцѣхъ? И что же мы видимъ въ настоящее время? Ярославское чрезвычайное дворянское собраніе высказывается за безсословность выборовъ въ Государственную Думу, за отвѣтственность министровъ передъ Думой, за законодательную инціативу Думы, за представленіе Государю только тѣхъ законопроектовъ, которые приняты Думой, за всѣ виды свободы, требуемые общественнымъ мнѣніемъ. Двадцать пять губернскихъ предводителей признаютъ себя солидарными съ земскими и городскими дѣятелями, участвовавшими въ депутаціи 6-го іюня [1]). „Московскія Вѣдомости“ стараются умалить

[1]) См. выше: „Внутреннее Обозрѣніе“.

важность этого факта, указывая на то, что въ составъ совѣщанія, уполномоченными котораго являлись кн. П. Н. Трубецкой и гр. В. В. Гудовичъ, входили три предводителя изъ прибалтійскихъ губерній, два—изъ кавказскихъ, четыре—изъ западныхъ (гдѣ нѣтъ дворянскихъ выборовъ) и два замѣстителя предводителей; „настоящихъ" предводителей было, такимъ образомъ, только четырнадцать. И эта послѣдняя цифра, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, можетъ быть названа весьма крупной; но далеко не лишены значенія и всѣ остальныя. Весьма знаменательно, что къ русскимъ предводителямъ примкнули остзейскіе, всегда отличавшіеся своимъ консерватизмомъ; свойственный имъ практическій смыслъ подсказалъ имъ, очевидно, на чьей сторонѣ будущее. Участіе кавказскихъ предводителей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно новыя теченія распространены на окраинахъ имперіи. Въ западныхъ губерніяхъ со дня на день можно ожидать возобновленія дворянскихъ выборовъ; позволительно думать, поэтому, что нынѣшніе, назначенные предводители, присоединяясь къ лѣвому крылу своихъ выборныхъ коллегъ, дѣйствовали согласно съ настроеніемъ своихъ будущихъ избирателей... Нѣтъ, никакимъ комментаріямъ не удастся поколебать значеніе и смыслъ дворянской депутаціи 18 іюня.

Обратимся теперь къ противоположному концу старой сословной лѣстницы—къ крестьянству. До сихъ поръ приходится слышать увѣренія, что крестьяне дорожатъ своимъ настоящимъ положеніемъ, какъ источникомъ правъ и привиллегій (!), что не отъ крестьянъ идетъ стремленіе къ равноправности, направленное, между прочимъ, противъ института земскихъ начальниковъ. Къ безчисленнымъ фактамъ, давно уже опровергающимъ этотъ взглядъ, присоединился недавно еще одинъ, особенно вѣскій. Въ черниговское губернское совѣщаніе по крестьянскому вопросу были призваны выборные отъ сельскихъ обществъ, чтобы дать заключеніе о законопроектахъ, составленныхъ, въ управленіе В. К. Плеве, редакціонною коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ губернатора, настойчиво убѣждало выборныхъ одобрить главныя основанія проектовъ, но встрѣтило съ ихъ стороны упорное противодѣйствіе. Когда одинъ изъ членовъ совѣщанія предложилъ перейти къ разсмотрѣнію проектовъ по статьямъ, не допуская критики ихъ съ общей точки зрѣнія, выборные пришли къ убѣжденію, что нельзя обсуждать по частямъ то, что̀ вполнѣ негодно, и разошлись, заявивъ, что крестьянамъ необходимо полное объединеніе со всѣми остальными русскими гражданами. Изъ *пятидесяти* выборныхъ осталось всего *пять*, да и тѣ заявили о совершенной непригодности проектированныхъ законовъ [1]). Не трудно понять, какой подъемъ духа былъ необходимъ

[1]) См. №№ 181 и 190 „Русскихъ Вѣдомостей".

для достиженія такого результата. Открытыя возраженія начальству недешево, до сихъ поръ, обходились крестьянамъ и встрѣчались до крайности рѣдко; самая ихъ необычность исключаетъ всякое сомнѣніе въ ихъ искренности... Въ менѣе рельефныхъ формахъ черниговскій протестъ повторяется въ разныхъ концахъ Россіи, часто, несмотря на множество преградъ, доходя до свѣдѣнія совѣта министровъ. Нужно очень много смѣлости, чтобы повторять, въ виду такихъ фактовъ, старую басню о мужичкѣ, добровольно несущемъ свое иго и дорожащемъ своимъ безправіемъ.

Болѣе чѣмъ когда-либо фальшивой нотой гимнъ въ честь земскихъ начальниковъ, пропѣтый „Московскими Вѣдомостями" (№ 185), прозвучалъ именно теперь, когда, повидимому, многимъ мѣстностямъ Россіи опять предстоитъ голодный годъ. Трудно допустить, чтобы борьба съ послѣдствіями неурожая была ввѣрена учрежденію, всегда умѣвшему только отрицать или умалять значеніе народнаго бѣдствія—была ввѣрена ему въ столь тяжелую минуту, среди опасностей всякаго рода. Еще недавно было сообщено въ печати, что крестьянское населеніе тимскаго уѣзда (курской губерніи) осталось, въ голодный годъ, безъ продовольственныхъ ссудъ и подверглось даже выколачиванью недоимокъ, только потому, что земскіе начальники этого уѣзда не пожелали разрѣшить волостнымъ сходамъ оффиціально засвидѣтельствовать продовольственную нужду. Неужели возможнымъ окажется повтореніе подобныхъ случаевъ? Не всѣ же уѣздные съѣзды окажутся обладающими такимъ гражданскимъ мужествомъ, какое проявилъ тираспольскій съѣздъ (херсонской губерніи), признавъ, что ему не подъ силу сложныя обязанности, связанныя съ продовольственнымъ дѣломъ—обязанности, которыя можетъ выполнить какъ слѣдуетъ лишь земство, близко стоящее къ народу и пользующееся довѣріемъ общества... Къ традиціямъ земскихъ начальниковъ, выработаннымъ въ голодные годы, принадлежитъ недовѣріе къ частной помощи, которую они, par ordre и по собственному побужденію, всячески ограничивали и стѣсняли. А между тѣмъ, потребность въ такой помощи чувствуется уже теперь; къ ней обращается, напримѣръ, богородицкій (тульской губерніи) уѣздный предводитель дворянства, гр. В. А. Бобринскій, такъ много сдѣлавшій для населенія въ неурожайныя годины прошлаго десятилѣтія [1]). Нужно надѣяться, что на этотъ разъ ему не придется встрѣтить такого противодѣйствія со стороны администраціи, какое онъ испыталъ въ 1898-мъ году.

Въ той сплошной аномаліи, какую представляетъ собою институтъ земскихъ начальниковъ, менѣе всего нормальна судебная ихъ власть,

[1]) См. въ „Вѣстникѣ Европы" 1893 г., № 2, статью: „Въ неурожайныхъ мѣстностяхъ", а также „Внутреннія Обозрѣнія" въ №№ 1 и 3 за тотъ же годъ и въ № 5 за 1898 г.

съ особымъ усердіемъ отстаиваемая реакціонною печатью. Это усердіе понятно: надъ судебною властью земскихъ начальниковъ произнесенъ уже смертный приговоръ, и нужны отчаянныя усилія, чтобы предупредить или по крайней мѣрѣ отсрочить его исполненіе. Третій пунктъ Высочайшаго указа 12-го декабря предрѣшилъ „охраненіе равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ сословій“ и „внесеніе должнаго единства въ устройство судебной части“; тѣмъ же указомъ повелѣно „привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ имперіи“, чтобы обезпечить за крестьянами „положеніе полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“. Согласно съ этими указаніями, министръ юстиціи призналъ необходимымъ совершенно упразднить или кореннымъ образомъ преобразовать волостной судъ, передать судебную власть земскихъ начальниковъ органамъ общей юстиціи и отмѣнить карательныя полномочія, предоставленныя административной власти. Предположеніямъ этимъ данъ дальнѣйшій ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Можно, слѣдовательно, ожидать, что въ скоромъ времени будетъ возстановленъ въ полной силѣ одинъ изъ основныхъ принциповъ судебной реформы—раздѣленіе властей административной и судебной. Не помѣшаетъ этому ни плачъ, ни скрежетъ зубовный: этого требуетъ не только справедливость, но и самая элементарная государственная мудрость.

Проектъ, поставившій существованіе газетъ и журналовъ въ зависимость отъ единоличнаго усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣлался закономъ, даже безъ оговорки о временномъ его характерѣ. Разбирая его подробно (въ іюньскомъ внутреннемъ обозрѣніи), мы старались показать, какъ недостаточна, въ сущности, гарантія, заключающаяся въ предоставленіи рѣшающаго слова правительствующему сенату. Пріостановка періодическаго изданія будетъ равносильна, въ большинствѣ случаевъ, совершенному его прекращенію. Закономъ 23-го мая юридическое положеніе печати измѣнено, такимъ образомъ, скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Далеко не блестяще, въ настоящую минуту, и фактическое ея положеніе. Предостереженія, запрещенія розничной продажи слѣдуютъ одно за другимъ. Іюньская и іюльская книжки „Русской Мысли“ задержаны цензурой. „Слово“ пріостановлено на мѣсяцъ, „Новости“—на два мѣсяца, за нарушеніе циркуляровъ, основанныхъ на ст. 140-й уст. о ценз. и печ. Всѣ или почти всѣ независимыя газеты, не обреченныя, пока, на временное безмолвіе, висятъ на волоскѣ и ежеминутно, помимо обычныхъ каръ, могутъ испытать на себѣ дѣйствіе новаго закона. Ненормальность такого положенія вещей усугубляется съ одной стороны условіями, при которыхъ мы живемъ, съ другой — оффиціально предпринятымъ

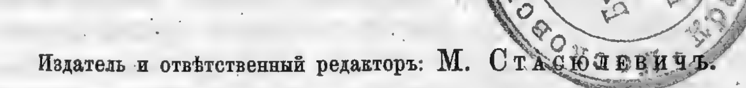
пересмотромъ узаконеній о печати. Больше, чѣмъ когда-либо, важенъ теперь каждый свободный голосъ. Слишкомъ тяжело молчать, когда кругомъ кипитъ небывалое движеніе и назрѣваетъ коренная перемѣна. Ломка или творчество, и если творчество, то въ какомъ направленіи, въ какомъ духѣ—вотъ вопросъ, въ разрѣшеніи котораго должны принимать участіе всѣ наличныя общественныя силы. Произвольными случайными мѣрами строгости предупредить или остановить въ настоящее время ничего нельзя... Трудно понять, почему, послѣ немногихъ попытокъ, оставлена мысль о судебномъ преслѣдованіи проступковъ печати; еще труднѣе объяснить себѣ, почему не только не принимаются въ разсчетъ, но прямо игнорируются работы совѣщанія о печати, учрежденнаго въ силу указа 12-го декабря 1904-го года. Отстаивать статью 140-ю, въ томъ смыслѣ, какой усвоила ей многолѣтняя цензурная практика, не рѣшились даже тѣ члены совѣщанія, которые незадолго до того держали въ своихъ рукахъ судьбы печати; послѣдовательно ли, затѣмъ, попрежнему обращать эту статью въ орудіе для оберeганія тайны, не оправдываемой явной необходимостью—тайны, вдобавокъ, совершенно прозрачной, въ главныхъ своихъ чертахъ всѣмъ извѣстной? Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, уполномоченные котораго были недавно приняты и выслушаны Государемъ Императоромъ, не принадлежитъ, очевидно, къ числу тѣхъ фактовъ, оглашеніе или обсужденіе которыхъ представляетъ собою—говоря словами мотивовъ къ ст. 140-ой—„опасную по своимъ послѣдствіямъ нескромность"...

Еще хуже, чѣмъ столичной печати, живется, конечно, печати провинціальной. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ корреспондентъ „Сына Отечества" о мытарствахъ, которымъ только-что подвергался „Тамбовскій Голосъ": „ни слова нельзя говорить объ аграрномъ движеніи въ губерніи, о малоземельѣ крестьянъ, о дѣлахъ духовнаго вѣдомства, о безправномъ положеніи крестьянъ, объ объединеніи какихъ-либо общественныхъ группъ, о крупныхъ земскихъ недоимщикахъ, каковыми въ губерніи являются дворяне, объ искѣ городской управы къ архіерейскому дому, захватившему часть городской земли, о новомъ консервативномъ составѣ губернской земской управы, объ архаичности мѣщанской управы, о скверной постановкѣ дѣла въ желѣзнодорожной больницѣ, объ установленіи хозяевами-парикмахерами праздничнаго отдыха для служащихъ и проч. и проч. Всѣ событія мѣстной жизни даже въ простомъ фактическомъ изложеніи, находящія себѣ освѣщеніе въ столичныхъ газетахъ, не пропускаются въ „Тамбовскомъ Голосѣ". Сплошь и рядомъ газета принуждена совсѣмъ выходить безъ отдѣловъ: „Война", „Общія извѣстія", „Печать", „По Россіи", „Библіографія", „Общественное самоуправленіе" и проч. Дѣло дошло до того, что „Тамбовскому Голосу" воспрещаются даже перепечатки

(дословныя, безъ комментаріевъ) изъ оффиціальныхъ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей"; такъ, не разрѣшена была перепечатка прокламаціи „Солдатская памятка", взятая изъ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" съ тѣми же вступительными замѣчаніями. Для „Тамбовскаго Голоса" не былъ разрѣшенъ фельетонъ Мих. Яковлева „Вагонъ калѣкъ", черезъ нѣсколько дней (26-го іюня) появившійся въ отдѣлѣ корреспонденцій „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" съ весьма незначительными сокращеніями и безъ всякихъ измѣненій". Понятно, что при такихъ условіяхъ издавать газету слишкомъ трудно: выходъ въ свѣтъ „Тамбовскаго Голоса" временно пріостановленъ, и Тамбовъ опять остался при однѣхъ оффиціальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Когда же, наконецъ, перестанутъ быть возможными подобныя явленія?

Съ такою же, по временамъ обостряющеюся строгостью, какъ и къ печати, администрація относится, въ послѣднее время, къ общественнымъ собраніямъ. Противъ нихъ пускаются въ ходъ устарѣвшія, отжившія постановленія устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, на самомъ дѣлѣ, вдобавокъ, вовсе къ нимъ непримѣнимыя. Ст. 116-я устава (основанная на екатерининскомъ уставѣ о благочиніи) запрещаетъ всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства; ст. 118-я запрещаетъ противозаконныя сообщества, подводя подъ это понятіе, между прочимъ, всѣ преслѣдующіе вредную цѣль сборища, собранія, сходки, товарищества, кружки, артели, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, разъ что они образовались или дѣйствуютъ по соглашенію нѣсколькихъ лицъ; ст. 111-я запрещаетъ сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ. Первыя двѣ статьи относятся, собственно говоря, не къ *собраніямъ*, въ спеціальномъ, юридическомъ смыслѣ этого слова, а къ *обществамъ*, т.-е. къ систематически устроеннымъ, сплоченнымъ, не временнымъ и не случайнымъ организаціямъ, объединеннымъ общностью цѣли и средствъ, подчиняющимся извѣстному, заранѣе установленному порядку, извѣстной дисциплинѣ. Въ ст. 116-й терминъ *собраніе*, какъ видно изъ прибавленныхъ къ нему словъ: *или иное подобное*, употребленъ какъ синонимъ общества, товарищества, братства; въ ст. 118-й *собранія, сборища, сходки* являются разновидностями противозаконныхъ *сообществъ*, въ такомъ только случаѣ подходящими подъ дѣйствіе запретительнаго правила, если они образовались или дѣйствуютъ *по соглашенію*, т.-е. представляютъ собою настоящее *общество*. Для примѣненія ст. 118-ой необходимо, сверхъ того, установить наличность *вредной цѣли*. Что касается до ст. 111-ой, то хотя она имѣетъ въ виду именно *собранія*, но лишь такія, которыя нарушаютъ общественную тишину

и спокойствіе; къ собраніямъ мирнымъ, благоустроеннымъ, происходящимъ въ закрытомъ помѣщеніи, извнѣ совершенно незамѣтнымъ, она безусловно неприложима. Не могутъ ли собранія, однако, быть закрываемы или запрещаемы на основаніи болѣе недавняго закона— на основаніи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. I къ ст. 1, прим. 2, уст. о предупр. и прес. прест., изд. 1890 г.)? Ст. 16-ая этого положенія предоставляетъ генералъ-губернаторамъ, а въ мѣстностяхъ, имъ не подчиненныхъ—губернаторамъ и градоначальникамъ, воспрещать тамъ, гдѣ существуетъ усиленная охрана, всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія; но такое воспрещеніе, по буквальному смыслу статьи, можетъ быть только *общее*, а не частное, не пріуроченное къ отдѣльному случаю... Допустимъ, впрочемъ, что то или иное изъ приведенныхъ нами постановленій даетъ администраціи законный поводъ къ запрещенію собраній, хотя бы и не угрожающихъ общественной тишинѣ и не преслѣдующихъ вредной цѣли: остается еще другой вопросъ, не менѣе важный—вопросъ о *цѣлесообразности* подобныхъ запрещеній. Менѣе всего опасны, въ смутное время, именно тѣ собранія, которыя не окружаютъ себя тайной, не скрываютъ ни своего состава, ни предмета своихъ сужденій—тѣ собранія, участники которыхъ привыкли къ сдержанности, къ самообладанію, къ правильному, спокойному обмѣну мыслей. Безъ собраній нельзя будетъ обойтись, когда наступитъ избирательный періодъ; къ чему же стѣснять ихъ теперь, когда уже поставлены на очередь всѣ вопросы, разрѣшить которые должно будетъ народное представительство? Не пора ли посмотрѣть прямо въ глаза близкому, неотвратимому будущему, и не медлить больше созданіемъ новыхъ, гармонирующихъ съ нимъ условій?

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль—Августъ, 1905.

Книга седьмая. — Іюль. стр.

Книга восьмая. — Августъ. стр.

[illegible]

